

Тетради по консерватизму

ISSN 2409-2517

[№ 2 2020]

Западнорусизм

фонд
ИСЭПИ

Институт
социально-экономических
и политических
исследований

ДЪМАНАХ

[Апрель 2020 г.]

Западнорусизм

[Апрель 2020 г.]

Цетради

по консерватизму

[№ 2 2020 г.]

Москва
Некоммерческий фонд – Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ)
2020

*В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен
в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям
23.00.00 – Политология, 07.00.00 – Исторические науки и археология,
09.00.00 – Философские науки.*

Рекомендовано к печати
Экспертным советом Фонда ИСЭПИ

Редакционный совет

Д.В. Бадовский, А.Д. Воскресенский, А.А. Иванов,
М.А. Маслин, Б.В. Межуев, А.Ю. Минаков, Р.В. Михайлов (гл. редактор),
Е.Н. Мошелков, Л.В. Поляков (председатель), С.В. Перевезенцев, М.В. Ремизов,
А.С. Ципко, А.Л. Чечевишников, А.А. Ширинянец, А.В. Щипков.

Тетради по консерватизму: Альманах. – № 2. – М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2020. – 456 с.

Очередной номер альманаха «Тетради по консерватизму» посвящен проблематике западнорусизма – течения мысли, сформированного на землях Западной Руси, попавших сначала под литовское, а потом и под польское влияние. Западнорусизм был настолько естественным явлением, что долгое время эта система взглядов не имела никакого названия. Термин «западнорусизм» распространился лишь в 20-х годах XX века в среде белорусских националистов большевистского толка, старавшихся обосновать правильность для белорусов именно националистической модели, которая появилась лишь на рубеже XIX–XX веков. Хотя западнорусизм существовал примерно с рубежа XIV–XV веков, особый всплеск западнорусистской интеллектуальной деятельности пришелся на вторую половину XIX века. Несмотря на жесткие нападки и белорусских националистов всех направлений, а затем и советской власти, западнорусизм как массовое проявление белорусского самосознания дожил до наших дней и снова пытается отстоять свои позиции, преодолевая критику и даже репрессии со стороны белорусского национализма и других конкурирующих идей. Сейчас он стал достаточно популярен, чтобы на нем начали паразитировать силы, мимикрирующие под интеллектуальную западнорусскую традицию. Этот выпуск альманаха «Тетради по консерватизму» призван прояснить историю и перспективы западнорусизма, четко обозначив дистанцию от желающих использовать наработки этого направления мысли в собственных идеологических и политических целях, а также показать несостоятельность его националистической критики.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77 – 67506.

© АНО «Средство массовой информации
Альманах “Тетради по консерватизму”», 2020
© Некоммерческий фонд — Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ), 2020

А.Д. Гронский
Слово к читателю
9

Раздел первый

«Русский Запад» Российской империи – вымысел или реальность?

В.Ю. Даренский
Западная граница русской цивилизации
13

С.В. Удалов
«Отечество наше Империя»: эволюция государственной идеологии
в контексте политики в западных губерниях (1830–1840-е годы)
26

М.М. Шевченко
Граф М.Н. Муравьев-Виленский в правительственной политике
императорской России. Историографическая заметка
38

Д.О. Тимиряев
«Неудержимо сердце обливается кровью,
когда читаешь сообщение местного жителя из Белоруссии...»:
Западная Русь в восприятии консервативной интеллигенции
(на примере публицистики по польскому вопросу В.В. Розанова)
45

А.Ю. Бендин
Рождение «русской идеи» и ее политическая реализация в подавлении польского
мятежа и реформировании Северо-Западного края России (1863–1865)
57

А.Э. Котов
«Чад полонизма и смрад герценизма»: «Вестник Западной России»
против классовой революции и сословной реакции
118

Д.О. Тимиряев
«Но все это понятно: ведь поляки и немцы в большинстве – враги России»:
западнорусские интеллектуалы о польском вопросе
(конец XIX – начало XX века)
135

Н.В. Винюкова
«Наше дело» в Северо-Западном крае: взгляд И.И. Фуделя (1889–1892)
147

Раздел второй

В поисках «Белой Руси»

А.Д. Гронский

Белорусский национализм и западнорусизм: проблема противостояния
161

И.В. Оржеховский, В.А. Теплова

«Польский вопрос» и правительственная политика на территории
Белоруссии в первой половине XIX века
169

А.А. Комзолова

Воспитание сельских учителей в Виленском учебном округе в 1860–1870-х годах
181

А.А. Киселёв

Проблема белорусского литературного языка в белорусской консервативной
интеллектуальной традиции (вторая половина XIX – начало XX века)
193

А.С. Хотеев

Белорусская историография в российских исторических журналах
второй половины XIX – начала XX века
210

А.Ю. Дворниченко

«Присвоение» истории или ее постижение? (Русская литуанистика XIX – начала XX века)
219

Ф.А. Гайда

Белоруссизм в контексте столыпинского национализма
237

А.С. Хотеев

Петр Андреевич Гильтебрандт как сотрудник журнала «Древняя и новая Россия»
243

Д.С. Лавринович

Проекты решения белорусского вопроса в годы Первой мировой
войны (1914–1918): региональные аспекты
248

Ю.С. Павловец

Концепция западнорусизма в процессе формирования современной
белорусской идентичности
257

А.Д. Гронский

Неозападнорусизм, псевдозападнорусизм: попытки трансформации идеи
265

Раздел третий

«Русский Запад» и конфессиональный вопрос

Протоиерей Александр Романчук
Пинская генеральная конгрегация православного духовенства 1791 года
как первый опыт враждебных действий Фанара в отношении
Русской Православной Церкви
277

Протоиерей Александр Романчук
Причины возникновения движения к православию униатского духовенства
в Российской империи в первой трети XIX века
293

М.Н. Крот
«Касаться вопросов веры с возможной осторожностью...»: политика
«церковно-приходского обрусения» Северо-Западного края
и Виленский генерал-губернатор князь П.Д. Святополк-Мирский
318

Протоиерей Александр Романчук
Мировоззрение митрополита Иосифа (Семашко) и его истоки
331

Раздел четвертый

Откуда есть пошла «Украина»

К.В. Шевченко
История и культура Галицкой Руси в оценках галицко-русских
просветителей и национальных деятелей XIX века
349

О.Л. Фетисенко
Слава и скорбь Волыни в очерках и письмах Кохановской (Н.С. Соханской)
359

О.Г. Казак
Этнокультурная природа восточнославянского населения Габсбургской империи
в освещении газеты «Русская правда» (Черновцы, 1910–1913)
368

О.Г. Казак
Русофил из Подкарпатской Руси в чехословацких эмигрантских институтах:
политический портрет Павла Цибере (1940–1944)
378

А.Ю. Полунов
Униатский вопрос и политика русских властей в Галиции в период
Первой мировой войны
386

А.А. Тесля
*«Русская историография» Н.Л. Рубинштейна и вопрос о месте истории
Западной Руси (России) в рамках общей русской истории*
393

А.С. Ципко
*Драма украинской идеи
Уроки трех насильственных украинизаций Малороссии
(1917–1919, 1920-е – начало 1930-х, 2014–2019)*
400

Раздел пятый

Памяти ученого

М.А. Маслин, А.А. Волконская
Концепция русского консервативного романтизма Анджея Валицкого
450

Слово к читателю

Большинство русской читающей публики вряд ли когда-нибудь слышало слово «западнорусизм». А из тех, кто слышал, не все поняли, что оно означает и какое наполнение имеет. Проходит мимо русских интеллектуалов история западнорусизма, история региона, где он появился и развивался, совершенно смутно представляется современное состояние западнорусской идеи. Даже сама суть западнорусизма многим непонятна, а тем, кто желает ее понять, приходится часто сталкиваться с голословными утверждениями, появляющимися в текстах противников западнорусизма. К тому же у западнорусистов есть и «доброжелатели», которые хотят по своим причинам объявить себя сторонниками идеи, наполняя ее теми смыслами, которые она отвергает. Поэтому интересующийся читатель, разыскивающий информацию о западнорусизме, может встретиться и с такими текстами, которые под видом западнорусизма презентуют псевдозападнорусизм. Есть немногочисленный корпус апологетических текстов. Но апологетика на то и апологетика, чтобы защищать идею, а не изучать ее всесторонне и пристально. Поэтому апологетические тексты тоже не дадут того представления, которое хотелось бы донести до читателя. Представления объективного, с анализом проблем и достижений, с научным подходом к вопросу.

Впервые термин «западнорусизм» (тогда он писался как «западноруссизм») ввели его противники, а именно А.И. Цвикевич. Термин не сразу, но прижился. И теперь им пользуются как сторонники, так и противники данной идеи. Стоит заметить, что до Цвикевича встречались и даже широко бытовали термины «Западная Русь», «Западная Россия», «западнорус» (в отношении жителей региона), а также прилагательное «западнорусский», применяемое, чтобы обозначить какие-то явления, происходившие на западнорусских землях и отсылающие к местной, не польской и не литовской реальности, а к древнерусскому наследию.

Западнорусизм появился относительно давно, когда на западную часть бывшей Древней Руси стало активно проникать латино-польское влияние. А идейное обоснование он получил гораздо позже – во второй половине XIX века. Западнорусизм за время своего длительного бытования так и не создал собственную политическую вариацию. Не было партий, которые подняли бы на свой флаг западнорусскую идею. Похоже, в этом не видели смысла, поскольку представление себя русскими бытовало в широких народных массах с давних пор. Элита меняла свою идентичность, становясь то литовской, то польской, а масса простых лю-

дей имела русское самосознание, что отразилось в текстах различных исторических эпох.

В силу сложившихся обстоятельств та русская общность, которую в историографии называют древнерусским народом или древнерусской народностью, была рассредоточена между княжествами – осколками Древней Руси. Постепенно западная часть этих земель попала сначала под литовское, а затем и польское влияние. Что-то из этого влияния было принято, что-то отвергнуто, но в культуре и быте западных и восточных русских земель появились различия. Они задали региональную специфику общества при неизменности ряда базовых представлений. В самом конце XIX века появились первые попытки формирования белорусского этнического национализма, который увидел в западнорусизме врага.

Пожалуй, можно сказать, что если любой этнический национализм, чтобы доказать отдельность собственной нации, ищет только отличия между этнокультурными группами и игнорирует сходство, то западнорусизм обращает внимание на сходство, учитывая при этом наличие культурно-региональных отличий и не абсолютизируя их. Националисты вполне объяснимо не поддерживают западнорусские идеи, но часто это отсутствие поддержки переходит в абсолютное непонимание специфики западнорусизма. Например, западнорусизм запросто могут назвать «российско-православным коммунизмом» или каким-то другим образом связать его с коммунистической идеологией. Белорусские националисты связывают западнорусизм и с радикальным русским национализмом, хотя радикализм западнорусизму не присущ вовсе. Западнорусизм обвиняют в том, что он хочет уничтожить национальное самосознание белорусов и унифицировать их с великорусами. Но все эти обвинения говорят лишь о непонимании сути западнорусизма его противниками.

Если бы западнорусисты стремились к унификации, они не были бы западнорусистами. Ведь само существование западнорусизма подчеркивает, что Западная Русь имеет свою специфику в сравнении с Восточной Русью. Но западнорусисты не отрицают, что у жителей как Западной, так и Восточной Руси существует общность культурных установок, происхождения, мировосприятия и прочего. И эта общность, по мнению западнорусистов, намного важнее и более укоренена, чем националистический дискурс о различиях. Если западнорусисты видят триединый русский народ или три народа на общерусской основе, значит, они не требуют унификации. Более того, именно западнорусист академик Е.Ф. Карский стоял у истоков науки, получившей название белорусоведение. Карский называл себя природным белорусом, но до конца жизни был уверен в триединстве русского народа.

Несмотря на то, что западнорусизм как явление обладает многовековой историей, представление о нем крайне поверхностное и зачастую превратное, основанное на домыслах его оппонентов или лиц, стремящихся объявить себя западнорусистами по политическим мотивам. Представленный номер «Тетрадей по консерватизму» призван отчасти разрешить эту проблему и предложить новый, очищенный от пропаганды взгляд на западнорусизм как таковой.

«Русский Запад» Российской империи – вымысел или реальность?

{ Раздел первый }

В.Ю. Даренский
Западная граница русской цивилизации

С.В. Удалов
*«Отечество наше Империя»: эволюция государственной идеологии
в контексте политики в западных губерниях (1830–1840-е годы)*

М.М. Шевченко
*Граф М.Н. Муравьев-Виленский в правительственной политике
императорской России. Историографическая заметка*

Д.О. Тимиряев
*«Неудержимо сердце обливается кровью,
когда читаешь сообщение местного жителя из Белоруссии...»:
Западная Русь в восприятии консервативной интеллигенции
(на примере публицистики по польскому вопросу В.В. Розанова)*

А.Ю. Бендин
*Рождение «русской идеи» и ее политическая реализация
в подавлении польского мятежа и реформировании
Северо-Западного края России (1863–1865)*

А.Э. Котов
*«Чад полонизма и смрад герценизма»: «Вестник Западной России»
против классовой революции и сословной реакции*

Д.О. Тимиряев
*«Но все это понятно: ведь поляки и немцы в большинстве – враги России»:
западнорусские интеллектуалы о польском вопросе
(конец XIX – начало XX века)*

Н.В. Винюкова
«Наше дело» в Северо-Западном крае: взгляд И.И. Фуделя (1889–1892)

Западная граница русской цивилизации

В постсоветскую эпоху актуализировался вопрос о географических границах русской цивилизации, который активно осмыслялся в русской историософии до 1917 года, а также мыслителями русской эмиграции. Что имел в виду Ф.И. Тютчев, когда писал стихотворение «Русская география»?

Москва, и град Петров, и Константинов град –
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? и где его границы –
На север, на восток, на юг и на закат?

Грядущим временам их судьбы обличат...
Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...

Вот царство русское... и не прейдет век,
Как то провидел Дух и Даниил предрек.

Очевидно, здесь речь идет не об этнических и даже не о культурных границах, но о границах метафизического плана которые тем не менее имеют и свои географические маркеры. В данном случае поэт определяет Россию как наследницу Священного Царства, воплощающего в себе тот особый магистральный сюжет мировой истории, который ранее несла в себе православная Империя Ромеев, позже на Западе названная Византией. Тем самым и граница России – не как политического образования, но как Священного Царства – проходит там, где это Царство существовало ранее, поскольку Россия, в каком бы виде она ни существовала, является его новым воплощением. Фактически в этом стихотворении Ф.И. Тютчев очерчивает те границы христианской Ойкумены, в рамках которых Россия берет на себя ответственность за продолжение христианской истории после того, как на Западе восторжествовала Революция как антихристианство. И тот факт, что затем самая страшная из революций произошла именно в России, этому не противоречит – так Революция пыталась уничтожить своего противника.

Впрочем, для современной мысли актуальными являются вопросы, связанные с современной политической конкретикой. В частности, отрыв от России ее бывших западных территорий под видом отдельных государств – Украины и Белоруссии – происходил под идеологическим обоснованием их принадлежности «к Европе». Тем самым в идеологии

Даренский Виталий Юрьевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии Луганского государственного педагогического университета. E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

«самостийности» уже изначально предполагалось существование отдельной русской цивилизации, из которой эти страны стремятся выйти. Появление этих стран-лимитрофов на территории исторической России ставит вопрос о западных границах русской цивилизации: где они проходят и могут ли быть изменены по чьему-то желанию? Для рассмотрения этих вопросов требуются определенные содержательные основания – в первую очередь определение специфики русской цивилизации по сравнению с западной, которая в конечном счете и определяет географическую границу между ними. Если на Востоке и на Юге рубеж русской цивилизации достаточно очевидно проходит там, где она граничит с традиционными цивилизациями Азии, то на западных рубежах ситуация сложнее, ведь модернизация России, заимствование европейских моделей уже в течение четырех веков размывает эту границу, но она все равно остается. Более того, она становится все более актуальной.

С исторической точки зрения, очевидно, что западная граница русской цивилизации была в целом установлена разделами Речи Посполитой в конце XVIII века, когда Россия вернула все оккупированные ею русские земли, за исключением Галиции и Закарпатья. Так установился военно-политический баланс сил между Россией и Европой, который с тех пор не менялся вплоть до настоящего времени. Исключением было лишь временное присоединение Центральной Польши, необходимое из геополитических соображений. (На Востоке таким же геополитически обусловленным стало завоевание Средней Азии, необходимое для обеспечения безопасности степных территорий и противостояния экспансии Британской Империи в этом регионе.) Однако если исходить лишь из этого исторического факта, то сложившиеся геополитические границы цивилизаций вполне можно рассматривать как случайные и такие, которые можно изменить. Таким образом, эмпирическая история сама по себе не отвечает на вопрос о западных границах России, и поэтому следует обратиться к анализу содержательного отличия цивилизаций.

К настоящему времени на эту тему существует огромное количество исследований, один обзор которых занял бы несколько томов. Естественно, существуют известные классические концепции – от П. Чаадаева до В. Цымбурского и А. Панарина – и пишущие на эту тему авторы, как правило, ориентируются на них. Задача состоит не в том, чтобы обязательно придумать что-то новое, а в том, чтобы концептуально ответить на вопросы, которые впервые возникли только сейчас, в начале XXI века. Принципиально новым сейчас является то, что традиционно формулируемые отличия русской и западной цивилизаций в настоящее время уже почти потеряли всякий смысл вследствие глобальной унификации жизненного мира людей, предки которых еще совсем недавно действительно принадлежали к разным цивилизациям. Но «глобальный человек» (А. Зиновьев) унифицирует всех, за исключением немногих «реликтовых» личностей, сохраняющих хоть какое-то своеобразие.

В этой ситуации начинает доминировать постисторический человек, который не имеет никакой цивилизационной идентичности. Этот тип человека везде одинаков – в Нью-Йорке, в Москве, в Пекине и в Аддис-Абебе, – хотя говорит в разных местах на разных языках. Это эго-центрический гедонист-потребитель – самый примитивный и пустой человек, которого когда-либо породила мировая история. Все высшие измерения жизни, выходящие за рамки удовлетворения своих прихотей, карьеры и погони за развлечениями, ему неизвестны. Однако он сам, наоборот, считает себя самым прогрессивным. Человек именно этого типа составляет социальную основу всех «цветных революций», майданных и «болотных» выступлений. Границы между цивилизациями ему ненавистны, он считает их признаком отсталости. Таким образом, носителем цивилизационной идентичности в наше время является только часть общества, притом не самая активная.

Тем не менее границы цивилизаций продолжают существовать – но в наше время они определяются не столько культурными различиями, которые стираются, сколько

объективными экономическими и политическими факторами. Экономическим фактором является деление мира на «золотой миллиард» и все остальное человечество – деление, основанное на монополизации Западом мировых финансовых ресурсов. Какой стране развиваться, а какой нет, решают только «хозяева мировых денег», поскольку ни одна страна не имеет для этого внутренних финансовых ресурсов (в том числе США). В «золотой миллиард» можно инкорпорировать какую угодно страну, даже самую бедную и отсталую, если инвестировать в нее сотни миллиардов долларов и поделиться частью тех сверхдоходов, за счет которых живет Запад, эксплуатируя весь остальной мир. Однако история еще не знала ни одного подобного случая. В то, что это возможно, наивно верят участники «цветных революций», полагая, что для их стран будет сделано исключение. Эти люди не имеют понятия об устройстве современного мира и верят в невежественный миф о том, что во всем виноват местный «диктатор». В политическом жаргоне Запада «диктаторами» называют руководителей тех государств, которые проводят самостоятельную, независимую от Запада политику. В реальности же эти «диктаторы» удерживают свои страны от падения в нищету «третьего мира» и имеют намного большую поддержку народа, чем лидеры всех так называемых демократических государств. «Демократическими» называются марионеточные правительства, а «демократическими» странами – те, которые находятся в долговой петле у международных финансовых организаций. «Недемократическими» называются государства, не попавшие в долговую яму Запада, развивающиеся самостоятельно, имеющие сильного лидера, которого поддерживает большинство населения.

«Цветные революции» всегда приводят к ликвидации суверенитета государства, разрушению экономики, деиндустриализации, обнищанию населения, массовой безработице и бегству людей из страны. Такова их изначальная цель, о которой и не подозревают политические имбецилы, выходящие на «майданы» бороться с «тираном», благодаря которому они и имели до этого времени более-менее приличную жизнь. Сама же технология «цветных революций» – это не что иное, как технология создания внешних границ «золотого миллиарда» в виде марионеточных лимитрофов. Наиболее печальным примером ее применения стала Ливия, которая при «диктаторе» М. Каддафи была высоко-развитым социальным государством, по уровню жизни не уступавшим соседней Италии, а после победы «демократических сил» впадала в перманентную гражданскую войну, нищету и гуманитарную катастрофу. На территории русского мира таким же печальным примером стала Украина: эта страна, в последний год правления Л. Кучмы обогнавшая по темпам экономического роста Китай, после двух «майданов» потеряла 10 миллионов населения, более половины ВВП, почти всю промышленность, пятую часть территории и получила бесконечную гражданскую войну с Донбассом. Все это очень выгодно Западу, который получил поставщика самой дешевой рабсилы и постоянные доходы по процентам от украинского госдолга, а также уничтожил здесь своих промышленных конкурентов.

В настоящее время происходит попытка Запада запустить процесс социальной катастрофы в Белоруссии. На данном этапе «методички Шарпа» не сработали, и против внутренних варваров, манипулируемых извне, нашлось противоядие в лице эффективного государства и харизматичного лидера. Однако это не гарантия того, что новые попытки переворотов не окажутся более удачными. При этом важно понимать, что, став марионетками Запада, такие страны как Украина все равно объективно остаются частью русской цивилизации – и не только по языку и остаткам культуры, но и по абсолютно объективным экономическим критериям. Запад рассматривает их в своем экономическом пространстве только в качестве пустой сырьевой периферии; никаких инвестиций, которые могли бы подтянуть Украину хотя бы до уровня Польши, туда изначально делать не предполагалось – планировалась лишь долговая удавка, которая и работает весьма успешно, убивая остатки экономики. Все это прикрывается невероятно лживой и лицемерной фразой о том,

что «Украина должна сначала сама построить у себя Европу» – то есть в условиях, когда в стране не остается ни копейки на какие-то инвестиции, поскольку всю прибыль через свои банки отсюда высасывает та же Европа, строящая на этом грабеже нищих стран свое воровское «благополучие». Запад понимает, что, убивая Украину, на самом деле он убивает часть не своей, а именно русской цивилизации – со своими так не поступают. Давно известно интервью Дж. Сороса, в котором он проговорился о целях Запада на Украине: по его словам, Украина Европе не нужна, она останется России, но в итоге Россия получит пустыню, которая станет для нее лишь обузой. То есть, уничтожая Украину, «хозяева мировых денег» на самом деле уничтожают Россию – по частям, сначала расколов ее на «независимые» государства, как они к этому всегда и стремились. Обычно спорят о степени достоверности упомянутого интервью, однако по сути это не важно, поскольку к такому же выводу приводит и объективный анализ происходящих процессов.

Таким образом, западная граница русской цивилизации в первую очередь полагается извне – самим Западом, совершенно независимо от желания России. И как бы русские западники всех времен не мечтали стать Европой, сама Европа никогда не позволит им это сделать. На востоке от себя Европе нужны только варвары, которых можно эксплуатировать, а вовсе не делиться с ними частью своих возможностей по эксплуатации других. Для Запада Россия всегда была только потенциальной колонией – а если она не хотела быть таковой, то становилась непримиримым врагом и объектом самой бессовестной лжи. И поскольку Россия колонией не стала никогда, то она стала для Запада вечным объектом завоеваний, ненависти и клеветы.

В свою очередь, «изнутри» Россия оказывается перед объективным фактом оставленного ей цивилизационного пространства, которое противник кромсает, превращая во враждебные лимитрофы. Русская цивилизация с XX века, когда в 1917 году было насильственно прервано ее естественное расширение, стала подобна острову, на который непрерывно накатывают цунами, накрывая большие части его территории. Концептуальные метафоры «остров Россия» и «евразийская Атлантида» В. Цымбурского, независимо от их дальнейшего теоретического и идеологического наполнения, обозначили объективную геополитическую реальность, которая возникла в период формирования России как империи и вновь актуализировалась в XXI веке.

Россия как цивилизационное, политическое, экономическое и культурное пространство изначально структурирована как мобилизационное сообщество этносов, объединившихся для защиты от внешней угрозы. Присоединение земель к московскому «ядру» России происходило по логике отодвигания «предполья» – дальних рубежей обороны от неизбежной внешней опасности. В настоящее время эта территория является исходным фактором российской геополитики, главная цель которой в конечном счете уже сводится к удержанию этих пространств в условиях дефицита человеческих и других ресурсов. Объективно это и есть «геополитика острова». Демографическое давление со стороны Китая и исламского мира усугубляется депопуляцией внутри страны, а также внутренней миграцией населения в мегаполисы и в европейскую часть страны. Удержание огромных пустующих пространств будет становиться все более сложной задачей, несмотря на рост боеспособности армии. Демографический баланс при его сохраняющихся упомянутых выше тенденциях может сделать Россию *de facto* мусульманской страной уже в ближайшие 25–30 лет.

В этой ситуации, которая является потенциально катастрофической, требуется системная политика «геополитического выживания». В настоящее время развивается военная и инфраструктурная составляющие этой политики, намного слабее культурно-идеологическая и почти катастрофична демографическая – стратегии «народосбережения» работают очень плохо. В этой ситуации Россия может позиционировать себя на

международной арене как «остров, принимающий переселенцев», и развернуть политику приглашения на свои территории выходцев из бывшего СССР для расселения их в малонаселенных регионах – первую очередь к востоку от Урала. Максимально приоритетными должны стать союзнические отношения и экономическая кооперация со странами – восточными и южными соседями России, а также переориентация России севропейского сообщества стран на сообщество стран Азиатско-Тихоокеанского региона, которое в настоящее время становится центром мирового развития.

Как показывают новейшие исследования общественного мнения и выводы социологов, последний опыт сближения с Западом привел к отходу большинства россиян от западных увлечений. Поэтому «к середине 1990-х годов произошла фундаментальная переоценка ценностей. Причем – что очень важно – не столько на уровне идеологии, сколько на уровне подсознательных переживаний и глубинной смысловой структуры картины мира. Самобытность России, которая раньше казалась недостатком, теперь выступила в качестве достоинства... в настоящее время общественное сознание консолидируется вокруг российских ценностей. В этой связи прежде всего надо отметить большую эмоциональную значимость самого понятия “Россия”, а также тесно связанного с ним понятия “русский”» [1, с. 168]. Эти настроения отчетливо свидетельствуют о том, что российская нация в настоящее время испытывает потребность в консолидации на основе собственных ценностей и в развитии самосознания, обеспечивающего ее единство. Тем самым «русскость» стала единственной возможностью выживания народа и государства и единственным путем к их возрождению.

Однако особенностью России и других стран Русского мира является то, что в них проживает огромная масса людей, настроенных враждебно по отношению к своей большой Родине, поскольку их «идеалом» является западная цивилизация – точнее, в современную эпоху «идеалом» стало «потребительское общество» по примеру стран «золотого миллиарда». Эта враждебность проявляется в распространении сначала среди интеллигенции (в XIX – начале XX века), а в настоящее время уже и среди самых широких слоев населения целой системы крайне негативных взглядов на историю, государственность и культуру России, основанных на невежестве и сознательной вражде. Эта система взглядов представляет собой идеологию русофобии, распространение которой является целой индустрией «промывки мозгов», частично финансируемой из-за рубежа, но во многом являющейся и результатом собственной инициативы людей, работающих в российской системе образования и СМИ, поскольку русофобские взгляды уже являются укоренившимися среди части населения.

Причиной распространения русофобской идеологии является не только невежество людей в области реальной русской истории и культуры, что позволяет легко внушать им какие угодно взгляды, но в первую очередь особое духовное состояние народа, при котором он и не хочет знать ничего позитивного о своей Родине, поскольку его «идеал» – «потребительское общество», частично уже развитое и в России, в силу объективных причин не может (к счастью!) достичь здесь полного господства. Низость и примитивность базового смысла русофобии, который состоит в гедонистически-эгоистическом отношении к жизни и в соответствующем мировоззрении, приводят к тому, что Россия становится предметом ненависти именно как страна, которая не может обеспечить такому гедонисту-эгоисту максимальный комфорт жизни. И если четко и настойчиво разьяснять этот низменный и примитивный базовый смысл русофобии, то очень многие из тех, кто стал русофобом под чьим-то дурным влиянием, излечатся от этой болезни духа, так как такой смысл им тоже отвратителен. Ведь на массовом уровне русофобия, как правило, является результатом внушения и пропаганды, и такие люди просто не осознают ее смысловых оснований, которые им нужно четко разьяснить.

Запад достиг своего так называемого благосостояния за счет блокирования развития всего остального мира, а часто и прямого грабежа и эксплуатации. В свою очередь, из всех стран мира Россия в XX веке в наибольшей степени подвергалась грабежу и агрессии со стороны Запада. После 1991 года Россия была в очередной раз разграблена и выброшена в болото стран «третьего мира», которые не могут развиваться в принципе, поскольку их экономика полностью контролируется Западом, высасывающим из них всю реальную прибыль и ресурсы через глобальную банковскую систему. Совершенно абсурдно сравнивать «благосостояние» грабителя (Запад) и ограбленных им людей (весь остальной мир). (А когда Россия стала возрождаться и выходить из «третьего мира», Запад, естественно, вновь всячески старается этому помешать.) Однако это, казалось бы, элементарное знание миросистемного анализа оказывается совершенно недоступным уму русофобов, мнящих себя «интеллектуалами». Именно на этом уровне крайне необходимы просветительские усилия, без которых люди остаются просто дезориентированными собственным невежеством.

Как пишет Н.А. Нарочницкая, «современная пресса Запада демонстрирует такой антирусский накал, которого не было даже в период “холодной войны”... Запад будет всегда демонизировать лидера, который хочет сильной и самостоятельной России... как только Россия начинает “сосредотачиваться” и искать формы самовосстановления и укрепления, восстанавливать контроль за своими ресурсами, ее обвиняют в фашизме и отступлении от демократии... Спротивление – это возврат к “тоталитаризму”, а любая защита национального достоинства и истории – это “русский фашизм”» [6, с. 69]. Эта обычная стратегия Запада на современном околонучном жаргоне именуется «войной дискурсов», в нравственных человеческих понятиях – лицемерной ложью, а на языке геополитики – борьбой с очагами возрождения обманутой и ограбленной им страны.

В свое время М. Пришвин писал: «Европа – это история вырождения личности в индивидуум, с одной стороны, и с другой – история поглощения личности обществом» [9, с. 404]. «Либеральная демократия» как современная форма идеологического доминирования Запада в мире является идеологией глобального финансово-информационного тоталитаризма (ГФИТ). Этот современный тип тоталитаризма, созданный Западом и навязываемый им остальному миру, маскируя под «нейтральным» термином «глобализация», некоторые авторы называют «информационно-финансовым» [10]. Это тоталитаризм потребительского общества и тотальной манипуляции сознанием, которая так организована, что уже не вызывает у людей сопротивления. В такой ситуации репрессии и внешнее насилие уже излишни – люди и так полностью подчинены «промывке мозгов» и диктатуре потребительской цивилизации. Но современный «soft-тоталитаризм» потребительского общества даже намного превосходит по эффективности методы контроля репрессивного тоталитаризма XX века.

Очевидно, что современные русофобы, на поверхности апеллирующие к «свободе» мнений и всего остального, в реальности являются носителями идеологии нового тоталитаризма и агентами его становления в тех странах, которые еще не полностью контролируются Западом и пытаются развиваться самостоятельно. И самой неприятной для них в этом отношении является именно Россия как страна, имеющая такой культурный «код», который способен очень эффективно сопротивляться любой духовной экспансии и обеспечивать быстрое возрождение страны после исторических катастроф.

Российский социум имеет своеобразный бисистемный характер – он не только интегрирован как целостность, но и постоянно находится под воздействием извне, пытающемся лишить его самостоятельности. И часть российского социума во все времена стремится не к внутренней системной интеграции со своим народом, а лишь к внешней интеграции в систему западного мира. Эта бисистемность впервые проявилась еще во времена св. Александра Невского, подвиг которого состоял не только в победах над внеш-

ними агрессорами, но и в ликвидации внутренней оппозиции – прозападного боярства, стремившегося интегрировать новгородские земли в европейское сообщество в статусе полукOLONиальной периферии (этот статус их вполне устраивал как иносистемную группу в русском социуме). Эта коллизия, впервые правильно разрешенная св. Александром, стала затем, к сожалению, «парадигмальной» для всей дальнейшей российской истории. В полной мере она разыгрывается и в настоящее время.

Если в России внешнее вторжение всегда означало колонизацию и геноцид народа внешними врагами, то в Европе оно могло закончиться лишь переходом в другое подданство и никогда не грозило особыми бедствиями, а часто оказывалось даже и выгодным для «побежденных». Отсюда – совершенно разное отношение к войне у европейцев и русских. По этой же причине у европейских народов не может быть внутренней бисистемности, а для России бисистемность неустранима. Поскольку для Запада Россия всегда представлялась и представляется исключительно в качестве потенциальной колонии, подлежащей полному контролю и эксплуатации (и это отношение в эпоху глобализации будет только усиливаться, особенно по мере сокращения мировых ресурсов, половина из которых находится ныне на территории России), то именно исторически сформировавшийся мобилизационный характер российского социума является важнейшим ресурсом его выживания и сопротивляемости давлению извне. Поэтому «предательство элиты» (старых и новых «бояр»), впервые предотвращенное св. Александром Невским, позже – Иваном Грозным, затем стало основной «моделью» краха российской государственности: впервые в Смуту начала XVII века. Заговор олигархов и генералов против Николая II в феврале 1917 года и «приватизация» республик бывшего СССР высшей номенклатурой КПСС – два самых ярких исторических проявления этой модели.

Если западноевропейский обыватель не видел ничего страшного в смене своего подданства и гражданства, лишь подсчитывая свои выгоды или невыгоды от перехода в другое государство, то для русского человека все было совершенно иначе. Утрата своего государства означала если не прямой геноцид, то как минимум такое страшное угнетение завоевателями, которое едва позволяло выжить. Причем все иные государства всегда для русских были исключительно завоевателями, пытавшимися превратить Русь в колонию, а русских – в бесправных рабов. Таковы были и восточные, и западные завоеватели в равной степени. Этот тяжкий российский исторический опыт сделал для народного сознания государство почти сакральной ценностью, ради которой в случае крайней необходимости нужно жертвовать всем личным. Как пишет Ф.Ф. Нестеров, «русский патриотизм отличался от всякого иного своей беспредельной и безусловной, то есть не требующей ничего взамен, верностью государству. Если в Киевской Руси, как и в Западной Европе, в трудный час призывали ратников встать грудью на защиту своего домашнего очага, жен и детей своих, то Минин, напротив, предлагает “дворы продавать, жен и детей закладывать”, чтоб только “помочь Московскому государству”... одно и то же отношение к своему национальному государству перед лицом внешнего врага объединяло весь русский народ, от посадского человека Минина до князя Пожарского, от старостихи Василисы до фельдмаршала Кутузова... Чудовищное давление извне, испытываемое действительно всем народом, давало возможность... в течение веков воспитывать русский народ в духе такой любви к отечеству, такой преданности государству и государю» [7, с. 128]. Так сформировалось совершенно особое отношение народа к государству – именно как к общему защитнику народа-семьи, без которого просто не выжить.

Власть в России так жестко не контролирует внутреннюю жизнь народа посредством юридических механизмов, как это имеет место на Западе. «Невероятная степень бытовой свободы», неизвестная народам Европы, всегда отмечалась добросовестными наблюдателями русской жизни. Таков русский стиль жизни: между «вольностью» и мобилизацией.

Основная масса русского народа и других народов Империи вплоть до революций XX века имела самый минимальный и опосредованный контакт с государством, поэтому степень его мифического «деспотизма» для нее была вообще безразлична. Реально абсолютное большинство русского народа жило не в государстве, а в «миру» – общине, имевшей контакт с государством не напрямую, а через старосту и помещика. Отношения в общине строились на принципах морального авторитета ее членов, максимальной открытости и справедливости, – и именно это сформировало тот максимально свободный, честный и искренний тип личности, которому так дивились иностранцы и который стал жизненным базисом великой русской литературы.

В качестве классического примера вспомним знаменитый разговор с англичанином о русских крестьянах, изложенный А.С. Пушкиным в его статье «Мысли на дороге»: «Строки Радищева навели на меня уныние. Я думал о судьбе крестьянина. К тому ж подушные, барщина, оброк! Подле меня в карете сидел англичанин, человек лет 36. Я обратился к нему с вопросом: что может быть несчастнее русского крестьянина?

Англичанин. Английский крестьянин.

Я. Как! свободный англичанин, по вашему мнению, несчастнее русского раба?

Он. Что такое свобода?

Я. Свобода есть возможность поступать по своей воле.

Он. Следовательно, свободы нет нигде; ибо везде есть или законы, или естественные препятствия.

Я. Так; но разница: покоряться законам, предписанным нами самими, или повиноваться чужой воле.

Он. Ваша правда. Но разве народ английский участвует в законодательстве? Разве власть не в руках малого числа? Разве требования народа могут быть исполнены его поверенными?

Я. В чем вы полагаете народное благополучие?

Он. В умеренности и соразмерности податей.

Я. Как?

Он. Вообще повинности в России не очень тягостны для народа; подушные платятся миром, оброк не разорителен... Во всей России помещик, наложив оброк, оставляет на произвол крестьянину доставать оный, как и где хочет. Крестьянин промышляет, чем вздумает, и уходит иногда за 2000 верст, вырабатывать себе деньги. И это называете вы рабством? Я не знаю во всей Европе народа, которому было бы дано более простора действовать.

Я. Но злоупотребления частные...

Он. Злоупотреблений везде много. Прочтите жалобы английских фабричных работников – волосы встанут дыбом... Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! Какое холодное варварство с одной стороны, с другой – какая страшная бедность! В России нет ничего подобного.

Я. Вы не читали наших уголовных дел.

Он. Уголовные дела везде ужасны. Я говорю вам о том, что в Англии происходит в строгих пределах закона, не о злоупотреблениях, не о преступлениях: нет в мире несчастнее английского работника...

Я. Живали вы в наших деревнях?

Он. Я видал их проездом и жалею, что не успел изучить нравы любопытного вашего народа.

Я. Что поразило вас более всего в русском крестьянине?

Он. Его опрятность и свобода.

Я. Как это?

Он. Ваш крестьянин каждую субботу ходит в баню; умывается каждое утро, сверх того несколько раз в день моет себе руки [У европейских крестьян того времени такое было еще не принято – В.Д.]. О его смысленности говорить нечего: путешественники ездят из края в край России, не зная ни одного слова вашего языка, и везде их понимают, исполняют их требования, заключают условия... Переимчивость их всем известна; проворство и ловкость удивительны.

Я. Справедливо. Но свобода? Неужто вы русского крестьянина почитаете свободным?

Он. Взгляните на него: что может быть свободнее его обращения с вами? Есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? Вы не были в Англии?

Я. Не удалось.

Он. То-то! Вы не видали оттенков подлости, отличающие у нас один класс от другого...» [11, с. 127].

Даже сам термин «крепостное право» является не научным, а идеологическим, призванным создавать миф о так называемом «угнетении». На самом же деле количество труда на барина было просто каплей в море по сравнению с общим количеством труда, которое делал крестьянин в течение года. Правильнее этот труд называть «крепостным долгом», поскольку его целью было содержание священного государства, которому служили дворяне. Это не столько экономический, но в первую очередь нравственный феномен бескорыстного служения Родине. И когда «прогрессивные» революционеры клеймили так называемое крепостное право, то нужно понимать, что они на самом деле вовсе не защищали народ от мифического «угнетения», которого на самом деле не существовало в природе, а разрушали душу народа и его христианскую нравственность, превращая народ Христов в жадное и бессовестное стадо, не знающее, зачем оно живет. Это все реализовалось в XX веке.

Вопреки широко распространенному «русофобскому» мифу уровень репрессивности российской государственности до 1917 года был значительно меньше, чем у государств Западной Европы и США. Даже экстраординарные для российской политической истории действия Ивана Грозного по количеству жертв оказываются в несколько раз меньшими, чем в результате действий многих западноевропейских монархов того же периода, и даже меньшими, например, чем количество жертв одной лишь Варфоломеевской ночи. В России никогда не было ничего подобного институту инквизиции или практике публичных пыток, существовавших в Западной Европе вплоть до начала XIX века. В период от восстания Пугачева до революции 1905 года Российская Империя была единственной в мире страной, в которой фактически не существовало смертной казни, применявшейся лишь в самых экстраординарных и единичных случаях. Классическим стало сопоставление казни нескольких декабристов, вызвавшей самый бурный и длительный резонанс, и казни без суда и следствия несколькими годами позже в Париже 11 тысяч рабочих, которую французское общество просто «не заметило». Количество жандармов, количество преступлений и количество заключенных по отношению к общей массе населения (а также количество потребляемого алкоголя на душу населения) до 1917 года в Российской Империи также было в несколько раз меньшим, чем в странах Западной Европы и США.

Современными исследователями доказано также фундаментальное значение природно-климатического фактора для формирования русского национального характера (вторым фундаментальным фактором была специфика православной веры, а также необходимость постоянной обороны от внешних врагов). Первый фактор состоит в крайне тяжелых условиях ведения крестьянского хозяйства, а также выживания вообще: очень короткий период полевых работ (в 2–3 раза короче, чем в Западной Европе) и скудость почвы, заставлявшая постоянно «отвоевывать» ее у леса, что можно было сделать толь-

ко общинным способом. Л.В. Милов отмечает: «Фундаментальные особенности ведения крестьянского хозяйства в конечном счете наложили неизгладимый отпечаток на русский национальный характер... Экстенсивный характер земледелия, его рискованность сыграли немалую роль в выработке в русском человеке легкости к перемене мест... чему не в последнюю очередь обязана Россия ее огромной территорией... С другой стороны, тяжкие условия труда, сила общинных традиций, внутреннее ощущение грозной для общества опасности пауперизации дали почву для развития у русского человека необыкновенного чувства доброты, коллективизма, готовности к помощи, вплоть до самопожертвования» [5, с. 39].

В силу крайне тяжелых климатических условий «в Восточной Европе на протяжении тысячелетий совокупность этих, самых необходимых потребностей индивида была существенно больше, чем на Западе Европы, а условия для удовлетворения их гораздо сложнее и хуже. Стало быть, объем совокупного прибавочного продукта общества в Восточной Европе был значительно меньше, а условия его создания значительно хуже, чем в основных западноевропейских социумах» [5, с. 40]. Мизерный совокупный прибавочный продукт, который удавалось получить даже при героических трудовых усилиях, обуславливал особую трудность содержания государства, которое было крайне необходимо для защиты от внешних врагов. «Именно это обстоятельство объясняет выдающуюся роль государства в истории нашего социума как традиционного создателя и гаранта “всеобщих условий производства”» [4, с. 347]. Но такое государство и общество, в свою очередь, вынужденно всегда быть максимально мобилизационным, что также формирует характер народа.

Все это приводило к трагическому «надлому» в русском характере: «Необычайно сложные природно-климатические условия основной исторической территории России, диктовавшие необходимость громадных трудовых затрат на сельскохозяйственные работы, ...отсутствие значимой корреляции между мерой трудовых затрат и мерой получаемого урожая в течение многих столетий не могло не создать настроений определенного скепсиса к собственным усилиям, хотя они затрагивали лишь часть населения... Приходится только удивляться, что категория равнодушных, не верящих в свои силы людей, да и просто опустившихся была незначительной. Что в целом народ русский даже в годину жестоких и долгих голодных лет, когда люди приходили в состояние “совершенного изнеможения”, находил в себе силы и мужество поднимать хозяйство и бороться за лучшую долю» [4, с. 346]. Это формировало и мобилизационный характер народа, и его особые нравственные качества. Первым из таких качеств была жертвенность – то есть способность жертвовать своей социальной «свободой» (а по сути речь идет лишь о социальном эгоизме) ради полноты нравственной и духовной свободы служения Руси как защитнице истинной веры. Вот как пишет об этом архим. Константин Зайцев в книге «Чудо русской истории»: «Все, и властвующие и подвластные, разнятся лишь формами зависимости – будь то “служба” властвующих, или “тягло” подвластных. Никто не скажет: это – мое, и действую я по моему личному праву. Не представимо то для Московской Руси, и в этом все равны, и селянин, и купец, и промышленник, и боярин и даже владетельный князь, способный поспорить о родовитости с царем. О распределении благ спорить можно, и тут действуют обычные формы гражданского оборота и обмена, как и обычные формы судебного разбирательства. Но обладание благом не есть личное право, а есть основание для несения обязанности – и все разнятся лишь формой и объемом таковых, в системе всеобщего тягла и всеобщей службы. Знаем мы один образ отстаивания своего “права”: это когда нарушалось “место” в несении службы. Но и тут отстаивалась служилая честь, а никак не личное право... Московская Русь вынуждена была сплавиться в монолит обязательной службы и обязательного тягла: только такой Русь могла – быть» [3, с. 172–173].

Века суровой жизни, основанной на нравственном служении и православной вере, сформировали у русских совершенно иное, чем у европейцев отношение к жизни и к смерти. К.П. Победоносцев написал удивительные строки о русском православном отношении к смерти: «Нигде в мире, кроме нашей страны, погребальный обычай и обряд не выработался до такой глубокой, можно сказать, виртуозности, которой он достигает у нас; и нет сомнения, что в этом его складе отразился наш народный характер с особенным, присущим нашей натуре мировоззрением. Ужасны и отвратительны черты смерти повсюду, но мы одеваем их благолепным покровом, мы окружаем их торжественною тишиною молитвенного созерцания, мы поем над ними песнь, в которой ужас пораженной природы сливается воедино с любовью, надеждой и благоговейной верой... Как понятна и как любезна эта торжественность для русской души! Но иностранец редко понимает ее, потому что она совсем ему чужая. У нас чувство любви, пораженное смертью, расширяется в погребальном обряде; у него оно болезненно сжимается от того же обряда и поражается одним ужасом» [8, с. 486]. Самое существенное здесь состоит в том, что смерть понимается как начало воскресения – как новое рождение человека в вечность, а не как всего лишь конец земной жизни, что характерно для западного сознания. Это экзистенциальная граница цивилизаций.

Но главная основа самого бытия России в истории – способность к нравственному подвигу и, если нужно, самопожертвованию – оказывается одновременно и самой мощной побудительной силой к великим деяниям (отсюда мощь государства и самого народного «организма»), и самым хрупким и уязвимым для внешних воздействий основанием, поскольку предполагает постоянное воспроизведение этой способности к нравственному усилию, ничем не поддерживаемой, кроме христианской совести и примера великих предков. И стоит кому-либо соблазнить русских идеей земного благополучия и комфорта, подменить нравственное усилие компромиссами эгоистических «интересов» и так далее, как вся эта внешняя мощь окажется бесполезной и бессильной, и Россия начинает разрушаться нравственно и физически. Исходя из всего сказанного, *формулировка исторических констант русской цивилизации может быть такой: это непотребительское общество, в целом основанное на доминировании духовно-нравственных ценностей над материальными, с особым отношением к государству как гаранту существования народа в условиях внешней и внутренней русофобии, с особой культурой взаимопомощи и неформальных социальных связей «семейного» типа, с необходимостью постоянных свободных усилий по возрождению жизнеспособности народа вопреки деструктивным воздействиям современной цивилизации и возрождению исторического самосознания народа вопреки деструктивному и целенаправленному воздействию русофобской пропаганды.*

Основой возрождения России, которое сейчас происходит несмотря на яростное и враждебное сопротивление Запада, является развитие в России непотребительского общества с суверенными ценностями. Единая прочная общность российской нации, которая включает в себя множество этносов, основана на понимании двух фактов: 1) только в рамках России как большого и самодостаточного государства могут быть обеспечены условия достойного развития в разных сферах жизни – в противном случае народы, живущие на этой территории, были бы обречены на падение в нищету и стагнацию «третьего мира» без всяких перспектив; 2) только в рамках России как особого цивилизационного пространства живущие здесь граждане остаются хотя бы относительно защищенными от таких деградиционных воздействий извне, как целенаправленное разрушение Западом традиционной морали и традиционной семьи, которое очень быстро приводит к вырождению человека до уровня «биосоциального робота» – эдакого идеального «субъекта желаний» так называемой цивилизации потребления.

В современной консолидации российской нации важнейшую роль играет историческое просвещение народа, знание исторического опыта своих предков, крайне актуального

и в настоящее время. Историческое образование Российского государства и самобытной русской цивилизации было отнюдь не случайно: оно было обусловлено необходимостью самоорганизации огромных этнически и культурно разнородных пространств перед вызовом перманентной внешней агрессии с Запада и Востока. В российском обществе над всеми частными и групповыми интересами всегда доминировал принцип взаимопомощи, без первенства которого вообще нельзя было бы выжить в столь суровых исторических и природных условиях [2]. Русский народ оказался способным ответить на вызов этой объективной необходимости только благодаря особым качествам, воспитанным православием.

А.С. Пушкин писал о том, что русская история имеет иную «формулу», чем история Европы, но четкого определения этой формуле не дал. Это сделали другие. Суть ее в том, что основой возрождения России всегда было и остается выживание в условиях перманентной внешней агрессии и скудной природы, возможное лишь благодаря особой культуре взаимопомощи и нестяжательства (приоритет духовного над материальным), а также особой роли государства. Именно от того, насколько реализовывался этот идеал в различные эпохи русской истории, зависела жизнеспособность народа и сила его государства, а отступление от него всегда вело к катастрофам.

Мобилизационный характер власти в России всегда делает российскую власть «самодержавной» независимо от ее частной формально-юридической формы. Любые так называемые противовесы единому центру власти в России с «математической» закономерностью всегда приводят к социальным катаклизмам и разрушению государства. Суть «формулы» (А.С. Пушкин) русской истории состоит в том, что для русской истории на всем ее протяжении определяющими были ситуации нравственного выбора – как отдельных выдающихся личностей, так и всего народа в целом.

Русская история ныне как никогда становится учебником жизни.

Сущностно мобилизационный характер власти в России всегда делает российскую власть «монархичной», независимо от ее частной формально-юридической формы. Любые «противовесы» единому центру власти в России всегда с «математической» неизбежностью приводят к социальным катаклизмам и разрушению государства. Это объясняется сущностно бисистемным характером общества. Этой имманентной «монархичности» российской власти, в свою очередь, соответствует народная культура предельного доверия к власти, которая всегда оказывалась полностью оправданной и эффективной, поскольку привела русский народ к колоссальным успехам в строительстве государства, защите от внешних и внутренних врагов и способствовала созданию великой культуры. Катастрофы в XX веке начались именно потому, что сначала сам народ не проявил достаточной культуры доверия власти, поверив «революционерам», а в результате этого и получил совсем иную власть со всеми признаками подлинного деспотизма, взращенного самыми «передовыми» европейскими идеологиями: сначала марксистской – после 1917-го, а затем либеральной – после 1991-го. И только лишь когда в народе возрождалась культура доверия власти, тогда власть перерождалась и становилась снова если и не «народной», то по крайней мере стимулирующей развитие народа и страны.

Современный российский социум может эффективно совершенствовать любые социальные институты и формы социальной активности, необходимые для развития современной техногенной цивилизации, без освоения которой Россия не выживет в современном мире. Однако само по себе это освоение также не означает выживания России в качестве именно России. Если будет утрачен ценнейший тип человека, в течение многих веков формировавшийся суровой русской историей и православием, то само существование России утратит всякий смысл. Она в таком случае может стать пусть и «развитой», но всего лишь одной из множества близких американизированных стран «общества по-

требления». Однако высшей целью общества является не экономическое развитие, а создание более сложного и содержательного типа личности. В этом отношении Россия как раз остается мировым лидером и является намного более развитой страной, чем страны Запада и быстро вестернизирующиеся страны Востока. Хотя в России также чрезвычайно распространился изначально западный, а теперь уже и общемировой тип обезличенного человека техногенной цивилизации – его-центрического индивида с примитивными стандартизированными потребностями и столь же примитивным инфантильным мировоззрением, смысловое «ядро» российского социума еще продолжает формировать и традиционный тип русского человека, homo ruscicus, провиденциально «законсервированный» в советскую эпоху и ныне способный внутренне противостоять экспансии Запада. Пока продолжает существовать, воспроизводиться и возрождаться этот человеческий тип, западная граница русской цивилизации непреодолима и остается главным препятствием на пути мировой апостасии.

Литература

1. Готово ли российское общество к модернизации: Аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН; Фонд Ф. Эберта, 2010. 179 с.
2. Даренский В.Ю. Империя-донор: нравственный подвиг как основа российской цивилизации [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://rusrand.ru/analytics/imperija-donor-nravstvennyj-podvig-kak-osnova-rossijskoj-tsvivilizatsii>
3. Константин (Зайцев), архим. Чудо русской истории. М.: Форум, 2000. 863 с.
4. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 573 с.
5. Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4–5. С. 7–42.
6. Нарочницкая Н.А. За что и с кем мы воевали. М.: Минувшее, 2005. 84 с.
7. Нестеров Ф.Ф. Связь времен: Опыт исторической публицистики. М.: Молодая гвардия, 1980. 240 с.
8. Победоносцев К.П. Государство и Церковь. Т. II. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 624 с.
9. Пришвин М. Зеркало человека. М.: Правда, 1985. 672 с.
10. Пугачов В.П. Информационно-финансовый тоталитаризм: российский эксперимент по американскому сценарию // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 1999. № 4. С. 3–31.
11. Пушкин А.С. Мысли на дороге / А.С. Пушкин // Соч.: в 10 т. Т. VI: Критика и публицистика. М.: Худ. лит., 1960. С. 392–396.

Аннотация. В статье показаны исторические, экономические, политические и культурные детерминанты западной границы русской цивилизации. Выделены факторы современной актуализации этой границы, связанные с замкнутостью сообщества «золотого миллиарда», созданием государств-лимитрофов, цивилизационной агрессией Запада и навязыванием русофобской идеологии. Обосновано понимание мобилизационно-го и бисистемного характера российского социума и государства.

Ключевые слова: русская цивилизация, граница, мобилизационное общество, бисистемность.

Vitaliy Yu. Darenskiy, PhD in Philosophy, Professor, Philosophy Department, Lugansk State Pedagogical University. E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

The Western Boundary of Russian Civilization

Abstract. The article shows the historical, economic, political and cultural determinants of the Western boundary of Russian civilization. The author singles out the factors of modern actualization of this boundary related to the closeness of the “Golden Billion” community, the creation of limitrophe states, the civilizational aggression of the West and the imposition of Russophobic ideology. He substantiates the conception of the mobilization and bi-system nature of the Russian society and the state.

Keywords: Russian Civilization, Boundary, Mobilization Society, Bi-system.

«Отечество наше Империя»: эволюция государственной идеологии в контексте политики в западных губерниях (1830–1840-е годы)

I

Какой бы аспект внутренней политики русского самодержавия второй четверти XIX века мы ни затрагивали, часто возникает необходимость сделать отсылку к триаде «православие, самодержавие, народность» и тем идеологическим конструктам, которые она порождала, как к одному из важных ресурсов правительственного стратегирования. Проблема идеологического влияния проявляет себя в широком спектре социально-политических и культурных процессов того времени, что, с одной стороны, позволяет лишь один раз убедиться в правильности определения уваровской доктрины как государственной идеологии, с другой – высвечивает новые грани исследуемых вопросов. Изучение степени влияния идеологии на многие внутренние процессы в Российской империи остается, таким образом, важной задачей, но при этом не менее важным и интересным будет исследование вопроса о том, каким образом эти процессы также могли влиять на дальнейшее развитие и трансформацию идеологии.

Триада Уварова как фундамент официальной идеологии потенциально сочетала в себе две наиболее значимые и взаимосвязанные между собой идеи: национальную и государственную. Рассматривать государственную идеологию Российской империи без учета национального аспекта невозможно. Понятие народности, как бы мы ни пытались его интерпретировать в своем стремлении разгадать истинный замысел идеологов самодержавия, уже своим присутствием в уваровской триаде создавало условия для того, чтобы национальный мотив играл в формирующейся идеологии не последнюю роль. При всей политизированности народность и в официальной своей версии не теряла романтического содержания, тесно связанного с вопросами национальной идентичности и культурной самоидентификации. Уже сама структура триады указывает на то, что ресурсы для укрепления существующих политических институтов власть искала в русской религиозной и политической ментальности.

Внедрение в государственную и общественную практику национально-государственной идеологии в качестве фундамента политической системы усложнялось этноконфессиональными условиями Российской империи. По словам М.Д. Долбилова, ключевым приоритетом николаевского правления являлось придание «монархии атрибутов “народности” без нарушения имперского статус-кво» [8, с. 77]. С этим следует согласиться, но в таком случае требовалось расширить и укрепить национальное ядро империи как источник «правильной» культурной и политической идентичности. Его пространственное расширение возможно было за счет территорий, которые изначально имели историческую связь с

Удалов Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. E-mail: grot-saratov@mail.ru

внутренними российскими губерниями. Таким образом, в региональном измерении особую важность приобретала стратегия по включению в единое русское культурное пространство западных губерний, вошедших в состав Российской империи в результате разделов Речи Посполитой. Вслед за политическим присоединением западных губерний к империи необходимо было сделать следующий шаг к культурному, или, можно сказать шире, – национальному, объединению восточнославянских земель. Как минимум в представлении создателя триады «православие, самодержавие, народность» и одного из ярких представителей бюрократической элиты николаевского правления С.С. Уварова успех реализации данного проекта напрямую зависел от успеха борьбы в регионе двух идентичностей – русской православной и польской католической.

Сложно сказать, насколько применимо к этому проекту понятие «русификация», хотя с определенной долей условности можно все-таки оценить комплекс мероприятий, осуществленных в этом регионе властью, именно таким образом. Если политика русификации свои классические очертания приобрела во второй половине XIX века, то основы ее были заложены именно в царствование Николая I. Уже тогда обнаруживается стремление не просто оградить население западных окраин империи от европейского культурного и политического влияния, но и в идеале сделать его неотъемлемой частью общего имперского организма через трансформацию (или лучше сказать коррекцию) культурной идентичности и воспитание политической лояльности. С.С. Уваров, находясь на посту министра народного просвещения, и в этой сфере продолжал играть важную стратегическую роль не только как идеолог, но и практик, учитывая, что реорганизация образовательной системы становилась одним из главных инструментов имперской политики.

II

На самом деле развитие западных губерний находилось под пристальным вниманием самодержавия еще во второй половине 1820-х годов. Во многом этому содействовали многочисленные записки, поступающие на имя императора. Их содержание явно говорило о необходимости более жесткого контроля за распространением вредного польского влияния и усилением католической церкви в делах просвещения. Так, в 1829 году С.П. Шиповым была составлена записка «Взгляд на Подольскую губернию», представленная императору в 1830 году¹. Ее автор критично характеризовал положение, в котором оказалось население губернии из-за того, что его «паны и шляхта польская безпрепятственно угнетали и терзали» [3, с. 189]. Отмечая явное преобладание в регионе польского влияния, Шипов писал о недостатках, присутствующих прежде всего в образовательной системе Западного края. «Обучение юношества во всех училищах десяти Западных губерний, – указывал он, – преподавалось на польском языке поляками-католиками и приняты были другие деятельные меры для того, чтобы полонизировать всех учащихся, совращать их в католичество и напитывать враждою к правительству и всему русскому» [3, с. 189]. По воспоминаниям Шипова, Николай I встретил содержание записки с особым интересом [3, с. 190].

Схожие опасения выразил и Могилевский гражданский губернатор граф М.Н. Муравьев в политической записке, посланной на имя императора в декабре 1830 года. Муравьев, определяя Белорусский край коренным русским, отмечал, однако, что, находясь в составе России и под правлением русского правительства, он во многом продолжал оставаться чуждым российским порядкам. Главным образом, по мнению автора записки, сказывалось влияние помещиков, «которые суть пришельцы» [30, с. 161].

¹ С.П. Шипов в то время командовал Семеновским полком, который был расквартирован в г. Виннице Подольской губернии.

Много внимания Муравьев уделил росту влияния католической церкви. Она, «управляя мнением дворянства и получивши сверх того право быть источником всего Белорусского просвещения» [30, с. 162], значительно препятствовала сближению белорусского населения с великороссами. Остановливаясь на этой проблеме столь подробно, Муравьев ясно демонстрировал значимость религиозного аспекта в процессе русификации Западного края. Укрепление позиций православной веры считалось одной из главных задач при попытках расширить сферу влияния русской культуры и образовательной системы. Во многом это связано с тем, что большинство частных учебных заведений как в западных губерниях, так и в Царстве Польском, находились под непосредственной опекой католического духовенства. Как писал в 1843 году С.С. Уваров, «одним из главных препятствий было влияние римско-католического духовенства, в руках коего находилось дотоле публичное и частное воспитание в губерниях, от Польши возвращенных» [6, с. 40].

Особое беспокойство у Муравьева вызывала Униатская церковь. Являясь, по его мнению, введением Римского духовного правительства, она способствовала укреплению в Западном крае католицизма и подавлению православия.

Муравьев осветил в своей записке и целый ряд других проблем, также препятствующих сближению Западного края с Великороссией. В результате он предложил русскому правительству ряд мер, способных, по его мнению, укрепить в Западном крае православие, а также предотвратить распространение польского влияния. В их число входили преобразования в области религии в целях нейтрализации вредного влияния католического духовенства в области образования, а также административные: отмена Литовского статута и распространение российского законодательства, повсеместное введение русского языка как в образовательной сфере, так и в делопроизводстве и в других областях.

Записка Муравьева привлекла к себе особое внимание в Петербурге. По замечанию А. Миловидова, «записка эта имела свое действие и послужила поводом к некоторым правительственным распоряжениям» [14, с. 7]. Комитет по делам западных губерний на ее основании представил Николаю I доклад, содержащий, по сути, проект мероприятий, направленных на русификацию Западного края. При этом некоторые меры, предложенные Муравьевым, были скорректированы Комитетом в соответствии с реальными политическими обстоятельствами. Так, предложение Муравьева о назначении на главнейшие места русских чиновников члены Комитета встретили с одобрением, однако было принято решение провести этот проект негласно, объявив лишь министрам о необходимости руководствоваться им при замещении вакансий.

Компромиссным также выглядело решение Комитета о переустройстве системы образования. Соглашаясь с автором записки в вопросе о необходимости запрещения католическому духовенству заниматься воспитанием юношества и в вопросе уничтожения духовных училищ при монастырях, члены Комитета все же признали невозможность на данной стадии столь кардинальных мер. В качестве переходного этапа было принято решение «сделать публичное воспитание в тамошнем крае столь хорошим, чтобы родители, по убеждению в пользе оно, сами отдавали детей в наши учебные заведения» [1, с. 100]. Таким образом, по мнению Комитета, лишь налаженная на достаточно высоком уровне государственная система образования (где преподавание будет проходить не на польском или латинском, а именно на русском языке) позволит в конечном счете окончательно запретить воспитание юношества в духовных училищах при римско-католических монастырях [1, с. 105].

События 1830–1831 годов привели к тому, что проблема сближения западных губерний с центральной частью России в политическом и культурном отношении стала одной из важнейших. Уже составление записки Муравьевым приходится на период восстания в Царстве Польском, что объясняет столь пристальное внимание, с каким отнеслись

к ней в Петербурге. Губернии, «от Польши возвращенные», были активно задействованы в ноябрьском восстании, и последствия этих событий приобретали для правительства двойкий смысл. Идеи сепаратизма, долгое время назревавшие среди польского населения и определившие характер восстания, были опасны сами по себе. Одновременно с этим польское восстание, произошедшее буквально через несколько месяцев после революции во Франции, воспринималось самим императором и многими представителями высшего чиновничества не только как самостоятельное идейное и политическое движение, но и как результат западноевропейского влияния. Вполне понятно, что польскому влиянию в западных губерниях и усилению роли католического духовенства в воспитательном и образовательном процессах придавалось более широкое значение. В них видели не только источник распространения идей сепаратизма, ставящих население западных губерний в оппозицию русскому правительству и его политике, но и канал распространения западноевропейских политических теорий. Противостояние этому влиянию в связи с новой идеологической доктриной, направленной на сохранение существующего политического порядка, становилось весьма актуальным.

Некоторые исследователи связывают генезис доктрины Уварова непосредственно с польским восстанием [5, с. 136]. В тот период количество записок на имя императора о необходимости активизации деятельности правительства, составленных представителями русского дворянства, владевшими землей в западных губерниях, заметно увеличилось. Как заметил советский историк К.А. Пушкаревич, «по этим запискам можно проследить начало теоретических обоснований принципов николаевского абсолютизма» [24, с. 289]. Тем не менее, нужно признать, что роль этих записок и самого польского восстания, аккумулировавшего их составление, в выработке непосредственно идеологии имели, скорее всего, второстепенное значение, являясь лишь дополнительным аргументом в пользу оформлявшегося комплекса идеологием. В то же время сама идеология в процессе ее реализации и пропаганды в этих регионах претерпевала определенные трансформации.

А.И. Артемьев в записке «Действия правительства в Киевской, Подольской и Волынской губерниях», оценивая политику русского самодержавия в Западном крае в 1830–1840-х годах, так определял ее главные цели: «Ввести край силою возвышения Православия и элементов русских в безразличное единение с великороссийскими губерниями» [20, л. 1]. Процесс этот происходил в контексте более масштабной политики, направленной на унификацию империи, и, являясь многоаспектным, затрагивал не только образовательную и культурную сферы. В 1835 году в соответствии с предложениями М.Н. Муравьева и со сделанным по этому поводу заключением Комитета по делам западных губерний было велено на вакантные места в уездных судах, замещаемых до этого по выбору, определять русских чиновников. В 1840 году генерал-губернатору края было дано право заменять судей и заседателей уездных судов, не дожидаясь освобождения вакансий [24, л. 2].

В июне 1840 года указом Николая I Сенату в западных губерниях было отменено действие Литовского статута и изданных в дополнение к нему сеймовых конституций. Они были заменены «общими российскими узаконениями» [1, с. 129]. Буквально через месяц последовало особое распоряжение, запрещающее употребление по отношению к западным губерниям обобщенных наименований Белоруссия и Литва [1, с. 131]. Вопрос о наименовании административно-территориальных единиц приобретал очень важное значение в процессе региональной политики самодержавия. Удаление из официальных документов таких терминов как Малороссия, Белоруссия и Литва, и замена их названиями более дробных административных образований являлось прямым наступлением на обособленность Западного края и окончательным включением его в государственную административную систему. Сопровождалось это и другими мерами. Так, в сентябре 1840 года

граф А.Ф. Орлов в соответствии с распоряжением императора повелел, чтобы «к наступающему 1841 году заглавие издаваемой в Вильне официальной газеты “Литовский вестник” было переименовано» [22, л. 204]. Уже через месяц вышло распоряжение о замене названия газеты на «Виленский вестник» [26, с. 230].

Административная интеграция региона в тело империи путем переименования губернских границ воспринималась отдельными представителями политической элиты как один из важнейших ресурсов для формирования русской идентичности. Так, во второй половине 1830-х годов Д.Н. Блудов представил на рассмотрение императора ряд записок, составленных в недрах возглавляемого им Министерства внутренних дел, сопровождаемых также его обширными объяснениями. Проект, представленный в этих документах, предполагал изменение губернских границ за счет включения белорусских, украинских и литовских земель в состав русских губерний. Необходимо было «дать им новые границы, новый состав, так чтоб некоторые из прилежащих к чисто русским областям, по возможности, соединить с теми последними в одну черту». В результате, по мнению автора записки, «все сии уезды, введенные в систему совершенно русского быта, скоро потеряют и последние признаки владычества Литвы и Польши и будут хвалиться именем русских; по крайней мере, сего можно ожидать от нового молодого поколения жителей» [4, с. 322].

Однако масштабы административной реформы как их видели Д.Н. Блудов и его ведомство не устраивали других представителей власти, в частности министра финансов, считавшего, что практические результаты от таких радикальных шагов не определены, в то время как есть более насущные проблемы, которые правительству необходимо решать в первую очередь.

Помимо сближения западных губерний с центральной частью России на государственном уровне с точки зрения административного устройства, правительство в 1830–1840-х годах обращает внимание на проблему культурной интеграции местного населения. Ее решение в наибольшей степени соответствовало общей стратегии, принятой в отношении данного региона. Можно сказать, что введенное А.Н. Пыпиным определение уваровской триады как теории «официальной народности» наиболее точно характеризовало политику правительства в западных губерниях. Объединение славянских народов этого края с великороссами в единую русскую нацию должно было в значительной степени способствовать расширению базы идеологического влияния в пределах империи. Национальная самобытность русского народа, определяемая через православие и набор характеризующих нацию черт, в официальной их версии активно культивировалась в общественном сознании в рамках государственной идеологии. Однако такая постановка вопроса наибольшую эффективность приобретала именно в центральной части России, в пределах так называемой Великороссии. Западные губернии, население которых более всего было близко русским по этническому признаку, становились своеобразным опорным пунктом в распространении идеологии за пределами центрального региона.

Выше уже отмечалось, какая роль в сближении западных губерний с центральной Россией отводилась укреплению там православной веры во многом путем нейтрализации влияния римско-католического духовенства. Киевский митрополит Платон, давая оценку деятельности императора Николая I, писал, что он «всем сердцем был предан всему чистокровному русскому и в особенности тому, что стоит во главе и в основании русского народа и царства – Православной вере» [16, с. 382]. Не углубляясь в проблему взаимоотношений русского императора и православной церкви в целом, замечу лишь, что наиболее ярким примером подобной характеристики может служить именно деятельность русского правительства в западных губерниях и Царстве Польском. Политика правительства, поддерживающая государственное вероисповедание, вполне соответствовала действиям, направленным на пропаганду официальной идеологии, религиозный аспект которой был ярко выражен.

Вот как описывает ситуацию, сложившуюся в западных губерниях во второй половине 1820-х годов, один из биографов М.Н. Муравьева: «Православных храмов было очень мало, да и те были очень бедны, иногда даже мало отличались от обывательских домов. Также бедны были и униатские церкви, но зато было много великолепных богатых костелов и римско-католических монастырей. <...> Все это придавало краю вид католической и вместе польской области, так как вероисповедания там издавна слились с национальностью. Хотя преобладающее население было по крови русское и по вероисповеданию униатское, но оно с каждым годом все более и более теряло свою национальность и ассимилировалось с польским католическим населением. В жизни края происходил в сущности тот же исторический процесс, какой начался три века назад и состоял в ополячении края путем привития римско-католицизма» [14, с. 3]. Правительство прилагает усилия, чтобы исправить сложившуюся ситуацию. Ряд мер в этом направлении был предпринят сразу же после польского восстания: была упразднена часть католических монастырей, за деятельностью католического духовенства установлен более строгий контроль. Причем речь шла не только об ограничении в правах католической церкви. Много внимания уделялось также повышению статуса православной церкви в глазах местного населения. Создавались новые приходы, выделялись деньги на строительство новых православных церквей, которые, помимо всего прочего, должны были и благодаря внешнему своему величю составлять конкуренцию католическим соборам. Нужно признать, что во второй четверти XIX века эту проблему решить так и не удалось, и правительство вынуждено было вернуться к ней при новом царствовании. После польского восстания 1863 года политика укрепления позиций православной церкви в западных губерниях получает особый размах, активно финансируется строительство новых каменных православных храмов по всему краю [11, с. 231–232].

Одними из важнейших событий николаевского царствования стали ликвидация в 1839 году Униатской церкви и присоединение всех униатов к православию. Подобный шаг должен был в значительной мере способствовать усилению роли православной церкви в этих регионах. Как верно отметил Л.Е. Горизонтов, «с ликвидацией в 1839 г. церковной унии устранялось важнейшее формальное несоответствие населения Западного края канонам официальной народности» [5, с. 141]. Воссоединение униатов с православными, конечно, не способна была в один миг устранить все различия между бывшими униатами и исконно православным населением Российской империи, и многие вопросы, связанные с этой проблемой, оставались неразрешенными на протяжении всего XIX века. Еще в 1830 году Сенат издал указ «О запрещении католическому духовенству обращать людей православного исповедания в свою веру» [12, с. 282]. Если переход из католической веры в православную воспринимался властями спокойно и даже повсеместно поощрялся, то обратный процесс являлся преступлением, уголовно наказуемым¹.

Одним из главных аспектов политики правительства в Западном крае стала перестройка существующей там образовательной системы. Представляя общий план преобразования учебной системы в западных губерниях, Уваров в докладе от 25 марта 1835 года писал, что именно «направлением умственного образования будущих поколений может быть приближено желаемое моральное и политическое слияние тех губерний в общий состав государства» [27, стлб. 426]. В апреле 1831 года императорским указом было велено Министерству народного просвещения и попечителю Белорусского учебного округа в кратчайшие сроки создать условия для постепенного уничтожения духовных училищ при римско-

¹ Тем не менее, случаи эти в николаевское царствование, как указывают сохранившиеся в значительном объеме в фонде Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД в РГИА дела, были в западных губерниях нередкими [см., напр., 18, 19 и др.].

католических монастырях и замены их светскими училищами, где преподавание должно проходить исключительно на русском языке и иметь направление «к сближению тамошних жителей с природными россиянами» [27, стлб. 426]. В июле 1834 года на гимназии и училища западных губерний было распространено действие устава от 8 декабря 1828 года.

Воспринимая распространение польского языка как один из главных каналов польского влияния, правительство прилагало все усилия к окончательному упразднению его в западных губерниях и главным образом в образовательных учреждениях этого региона. На первом этапе его преподавание было сохранено и даже введено в Главном педагогическом институте, выпускники которого должны были замещать преподавательские вакансии в Западном крае. Однако в 1836 году, считая быстрое распространение русского языка достаточным основанием, министр народного просвещения дал распоряжение исключить данный предмет из учебного процесса в институте. Уже к 1838 году преподавание польского языка было запрещено практически во всех учебных заведениях западных губерний [27, стлб. 1080–1081; 25, с. 304].

В процессе преобразования учебной системы Западного края встал вопрос об учреждении образовательных заведений закрытого типа. «Министерство народного просвещения сделало величайшие усилия для здешнего края, – говорил виленский генерал-губернатор Ф.Я. Миркович при встрече с императором, – обставило свои заведения отличными людьми, <...> ввело русский язык основательно, – но далее ничего не может сделать в нравственном отношении, ибо то, что юношеству внушается в классах, уничтожается в родительских домах, и мы остаемся на той же точке. Здесь необходимы закрытые заведения, от которых только должно ожидать образования нового поколения людей» [15, с. 309]. Киевский генерал-губернатор Д.Г. Бибииков также считал одной из приоритетных задач в процессе деполонизации местного дворянства создание сети закрытых учебных заведений в Западном крае. Именно он совместно с Уваровым принимал непосредственное участие в разработке проекта по распространению в Киевской, Подольской и Виленской губерниях государственных пансионатов. Создание и содержание пансионатов частично перекладывались на плечи местных помещиков через пожертвования, что, конечно, больше всего возмущало местную элиту [2, с. 480–482].

Высочайшие повеления от 23 апреля 1840 года и от 22 октября 1841 года об учреждении общих ученических квартир при гимназиях и уездных училищах (к каждой из них приставлялся особый надзиратель) для вольноприходящих учеников активизировали политику правительства в отношении закрытых учебных заведений, которые должны были ограждать обучающуюся молодежь «безпрерывным наблюдением учебного начальства от внешних неблагоприятных влияний» [25, с. 306; 6, с. 43].

Наиболее важным событием стало учреждение в 1834 году в Киеве университета Св. Владимира взамен закрытого в 1832 году Виленского университета. «Новый университет, – по мнению Уварова, – должен был, по возможности, сглаживать те резкие характеристические черты, которыми польское юношество отличается от русского, и в особенности подавлять в нем мысль о частной народности, сближать его более и более с русскими понятиями и нравами, передавать ему общий дух русского народа» [6, с. 39].

Можно заключить, что политика в отношении западных губерний в николаевское царствование вполне соответствовала попыткам расширить сферу влияния государственной идеологии за пределы центральной части России. Эта политика распадается, в свою очередь, на три отдельных, но взаимосвязанных направления, условно совпадающих с уваровской триадой: укрепление позиций православной церкви, усиление государственного контроля путем полной интеграции административной и образовательной систем края в общеимперские и расширение влияния русского образования, направленного на объединение населения западных губерний с великороссами в единую большую русскую нацию.

Действия правительства встречали много препятствий, заставляющих постоянно подвергать их определенным коррективам. Киевский университет должен был стать центром распространения русского образования и культуры, однако уже в 1838 году в нем стали обнаруживаться следы польской пропаганды. У некоторых студентов университета были обнаружены антиправительственные прокламации. Это событие произошло в условиях нового роста польского националистического движения в крае и активизации деятельности подпольных организаций. Известно также, что со студентами поддерживал связи польский революционер Симон Конарский, который в 1836–1838 годах действовал в качестве эмигрантского эмиссара и создал на Волыни и в Литве сеть подпольных организаций, объединенных в «Союз Люда Польского». В мае 1838 года Конарский был арестован полицией, а в 1839 году расстрелян [11, с. 112–113; 9, с. 61–71]. В этих условиях в 1839 году было принято решение о временном закрытии университета. Через год, после реорганизации и удаления из него польских преподавателей и студентов, заподозренных в участии в формирующемся заговоре, университет был вновь открыт.

«Всегда и везде цель его [Николая I – С.У.] соответствовала потребностям нашего века, образования самобытного и русского по превосходству; но условия и способы к достижению этой цели разнообразились обстоятельствами и положением вещей; от них зависели и самый успех и быстрота его» [6, с. 48]. В результате правительство осознало, что единый подход к тем или иным губерниям в пределах как Западного края, так и других регионов империи невозможен. В частности, если в отношении белорусских губерний политика русификации проходила более решительно, то в литовских губерниях, где число католиков и поляков было гораздо больше, действия правительства носили более осторожный характер [5, с. 146].

Именно на необходимость дифференцированного подхода в образовательной политике в западных губерниях указывал барон М.А. Корф в 1838 году, когда решался вопрос об окончательном устранении польского языка из учебных учреждений этого края. «Один пример губерний белорусских и принадлежащих к Киевскому округу, – писал он, – не представляет здесь никакого решительного основания, ибо удобоисполнимое в *одном* крае не всегда может быть удобно и полезно в *другом*. Известно, что присоединение к России губерний Виленской, Гродненской и Минской и Белостокской области относится к эпохе гораздо позднейшей, и оттого язык польский, сохранившийся в прочих возвращенных областях более, так сказать, *по преданию*, здесь составляет еще язык живой, преобладающий и в семейном быту, и в общежитии, язык, который можно заменить повсеместно русским не иначе, как постепенно и посредством мер переходных» [13, с. 174]. По мнению Корфа, жесткие правительственные меры могли получить обратный эффект, оттолкнув местное население от государственных учебных заведений и спровоцировав дальнейший рост популярности домашнего образования. Это, с точки зрения государственных интересов, гораздо опаснее, чем сохранение польского языка в образовательной системе. «Когда возрастут два или три поколения, – отмечал М.А. Корф, – воспитанные в духе русском, усвоившие себе вместе с нашею преданностью к престолу и наш язык, когда он постепенно сделается в сем крае языком частной и общественной жизни, тогда мера сия будет удобоисполнима, но до тех пор – ясен лишь существенный вред ее: молодые люди не пойдут в училища, а в семействах будут воспитаны не только уже в польском *языке*, но и в польском *духе*» [13, с. 175]. Характерно, что сам Уваров писал в свое время нечто подобное о привлечении в государственные школы восточных народов. Однако другая ситуация, в первую очередь политическая, сложившаяся в западных губерниях, требовала осторожных, но вместе с тем и более решительных мер.

III

При сочетании политических мер с просветительскими в стремлении объединить население внутренних (центральных) и западных губерний в единую народность Уваров отдавал явное предпочтение именно духовному идеологическому сближению, которое должно было стать основой для достижения целей, стоящих на другом, государственном уровне.

Казалось бы, именно здесь национальный потенциал уваровской триады должен был раскрыться в полном объеме. Однако, как показала практика, действия власти в этом регионе выходили на государственнический общеимперский уровень в не меньшей степени, чем в Остзейском крае, где тот же Уваров вынужден был в итоге в отношениях с местными элитами руководствоваться не культурными (приобретающими национальные коннотации), а политическими общеимперскими категориями.

Проблема заключалась в том, что изначально Уваров дал довольно туманную формулировку понятию «народность» именно в официальной версии, создавая широкое поле для его дальнейших интерпретаций. На первом этапе это могло быть удачным идеологическим ходом, позволяющим самому понятию и триаде в целом укорениться в общественном сознании. Если рассуждать об этом относительно 1830-х годов, то можно сказать, что действительно уваровская идеологема легла на благодатную почву. Но дальше начинаются сбои, и народность выводится властью из дискуссионного пространства, встраиваясь в политическую концепцию и окончательно подчиняясь государственной идее. Процессы, происходившие в западных губерниях, сыграли здесь свою и далеко не последнюю роль.

Сам проект по воссоединению белорусского, украинского народов с великорусским в единую большую русскую нацию представлял собой, по сути, своеобразную реинкарнацию древнерусской народности, объединившей восточнославянские племена. Единые древнерусские (славянские) корни открывали возможности для широкого толкования народности, выходящего за пределы русской нации и охватывающего славянство как единую культурную и этническую систему. Другими словами, идея неразрывной связи русской народности с общеславянской начинает подпитывать идеи панславизма.

Как показывают некоторые исследователи, сам Уваров был не чужд славянской тематики и даже некоторого сочувствия к идеям славянского единения [10]. Именно в годы его министерства славяноведение активно развивается, в том числе в университетах. В 1835 году в университетах были открыты кафедры истории и литературы славянских народов, будущие профессора получили длительные командировки в славянские земли.

Между тем как представитель высшей бюрократической элиты и официальный идеолог Уваров не мог не предвидеть опасных политических последствий излишнего увлечения панславистскими идеями, выходящими за пределы чисто научных изысканий и попадающих в плоскость политических теорий. Именно поэтому он вынужден был одергивать М.П. Погодина и гасить его энтузиазм и панславистские увлечения. «Между тем считаю нужным просить вас осторожно печатать в журнале всякое изречение на счет вашего пребывания между племенами славянскими, – писал Погодину министр просвещения в ноябре 1841 года, – обстоятельства требуют, чтобы ваше имя и мое не выходили бы на время в публичных статьях, даже литературных, касающихся до сих племен. Эта мера предосторожности необходима, и я уверен, что вы исполните мое желание» [23, стлб. 2102].

Следует предположить, что данный аспект не позволил Погодину одержать верх в конкурентной борьбе с Н.Г. Устряловым за звание официального историографа.

В 1839 году Устряловым была опубликована специальная работа (первоначальная апробация которой прошла 30 декабря 1838 года на торжественном акте в Главном педагогическом институте), где он попытался научно обосновать ошибочность мнения о зем-

лях Литовского княжества как о древних польских провинциях [29]. По мнению Устрялова, главная причина подобного заблуждения заключалась в том, что Литовское княжество никогда не имело своего национального исторического нарратива. Главным источником, на который ориентировалась вся ученая Европа обращаясь к вопросам истории Литвы, были сочинения польских летописцев XVI века, представлявших «как образование Литовского княжества, так и судьбу его в превратном виде» [29, с. 29].

Разрушая сложившиеся стереотипы, Устрялов доказывал, что изначально Литовское государство поддерживало с Северо-Восточной Русью тесную культурную и политическую связь, сохраняя русскую веру, язык и гражданские уставы. Даже после объединения Литовского княжества с Польшей в Речь Посполитую, считал историк, русские князья «продолжали смотреть на него как на свою родовую отчину» [29, с. 17]. Сам Устрялов в результате отстаивал мнение о необходимости продолжения активной политики, направленной на окончательное воссоединение Западного края с Центральной Россией в политическом и культурном плане [29, с. 39].

Концепция Устрялова была ближе политическим и культурным задачам, которые власть пыталась решить в западных губерниях, и при этом не затрагивала напрямую «скользкой» славянской тематики.

Другой важный аспект в данном контексте – это интерес к созданию локальных исторических нарративов, отчасти подогреваемый и властью в целях его противопоставления польским нарративам. Благоклонно, например, было воспринято издание «Истории Малой Руси» Д. Бантыш-Каменского, а переиздание в 1830 году было даже посвящено императору. Даже после польского восстания отношение к подобным сочинениям и изысканиям не поменялось, если они выполняли главную задачу, освобождая регион «из-под власти польской истории в минувшем и от польского влияния в настоящем» [28, с. 99].

Оба эти аспекта причудливо смешались в опасный для власти коктейль из идей панславизма и местного национального патриотизма в деятельности и идеологии Кирилло-Мефодиевского общества, раскрытого в 1847 году.

С.П. Шипов уже в 1839 году писал М.Н. Загоскину о своей деятельности в западных губерниях, «о трудной борьбе с здешними предрассудками, и об усилиях моих поселить здесь убеждения, что мы отечеством нашим должны почитать не тот только угол, где кто из нас родился, но всю страну вмещающую в себе то политическое общество, которое ограждает нашу безопасность, то есть что отечество наше Империя нераздельно с Царством Польским» [21, л. 1 – об.].

В 1847 году С.С. Уваров, признавая присутствие в Малороссии отголосков «Украинских предрассудков», заметил, однако, что «нельзя Украинскому духу ставить в вину преступные замыслы нескольких безумцев, с коими, без сомнения, ни высшее сословие, ни туземное духовенство еще менее неисчислимое большинство мирных и покорных жителей не имеют ничего общего» [7, с. 176–177]. Граф А.Ф. Орлов в своем докладе о раскрытии Кирилло-Мефодиевского общества от 26 мая 1847 года был более категоричен, отметив, что в Киеве и Малороссии «славянофильство превращается в украинофильство. Там молодые люди с идеею соединения славян соединяют мысли о восстановлении языка, литературы и нравов Малороссии, доходя даже до мечтаний о возвращении времен прежней вольницы и Гетманщины» [17, с. 178].

И Орлов, и Уваров писали о необходимости установления определенных границ при обсуждении вопросов, касающихся Славянства. Преподаватели в своих лекциях и книгах не должны были допускать предположений о присоединении к России иноземных славян. Особенно осторожными им следовало быть, когда речь шла о народности или языке подвластных России земель, «не давая любви к родине перевеса над любовью к отечеству, Империи, изгоняя все, что может вредить последней любви». Необходимо, чтобы выводы

ученых и писателей «клонились к возвышению не Малороссии, Польши и прочих стран отдельно, а *Российской империи*, в совокупности народов ее составляющих [курсив мой – С.У.]» [17, с. 179].

Под влиянием этих событий Уварову также пришлось апеллировать к самодержавию и империи в раскрытии содержания народности. Перед правительством встала проблема противостояния идеи общеимперского единства чисто национальному патриотизму, который за пределами центральных губерний приобретал явно двоякий смысл. Это, в свою очередь, создавало условия для окончательной эволюции национально-государственной доктрины в общеимперскую идеологию. В циркуляре попечителям учебных округов 1847 года Уваров без излишних заигрываний определяет народность через утверждение беспредельной преданности и повиновение самодержавию, а идеи панславизма в их политическом значении объявляет категорически неприемлемыми. Можно также сказать, что понятие *русский* в определении народности становится почти синонимичным слову *верноподданный*, также как *русский* и *православный*.

Национальная идея в официальной версии все больше приобретала подчиненную по отношению к государственной роль. Подобный подход, нивелируя некоторым образом эстетическое наполнение концепта «народность», упрощал его и придавал более утилитарный характер. Значительную роль в развитии государственной идеи, выраженной в концепции самодержавия, сыграла национальная политика правительства, направленная на унификацию империи и культурную ассимиляцию населяющих империю народов. На передний план все активнее выдвигается идея о русском подданстве и преданности русскому самодержавию, что, главным образом, определяло принадлежность к российскому обществу.

Литература

1. Белоруссия в эпоху феодализма: сборник документов и материалов: в 4 т. Т. 4. Социально-политическая история и культура Белоруссии пер. пол. XIX в. / сост. В.В. Чепко, В.В. Шатилло. Минск: Наука и техника, 1979. 376 с.
2. Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на правобережной Украине (1793–1914). М.: Новое литературное обозрение, 2011. 1008 с.
3. Воспоминания С.П. Шипова / сообщ. А.А. Шулепников // Русский архив. 1878. № 6. С. 144 – 202.
4. Горизонтов Л.Е. В поисках внутреннего равновесия: вопрос об изменении территориально-административного деления Российской империи в 1830–1840-е гг. // Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М.: Политическая энциклопедия, 2008. С. 319–335.
5. Горизонтов Л.Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство Власти: исторический опыт России и вызовы современности: Сб. статей. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 129–150.
6. Десятилетие Министерства народного просвещения 1833–1843. СПб.: Типогр. Императорской АН, 1864. 161 с.
7. Доклад графа С.С. Уварова императору Николаю I // Наше минуле. Журнал исторії, літератури і культури. 1918. № 2. С. 171–177.
8. Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 999 с.
9. Дорошенко Е.А. Польский революционер Шимон Конарский (1808–1839) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1991. № 6. С. 61–71.
10. Досталь М.Ю. «Славянский вопрос» в мировоззрении графа С.С. Уварова // Славянская идея: история и современность. М.: Институт славяноведения РАН, 1998. С. 63–77.
11. Западные окраины российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 608 с.
12. Кондаков Ю.Е. Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб.: Российская национальная библиотека, 2003. 360 с.
13. Корф М.А. Дневники 1838 и 1839 гг. / предисл., подг. к печати и коммент. И.В. Ружицкой. М.: Рубежи XXI, 2010. 576 с.
14. Миловидов А. Меры, принятые графом М.Н. Муравьевым к ограждению православного населения от латино-польской пропаганды в Северо-Западном крае. Вильна: Типогр. Виленского православного Свято-Духовского братства, 1900. 35 с.
15. Миркович Ф.Я. Император Николай и король Фридрих-Вильгельм IV // Русская старина. 1886. Т. 51. № 8. С. 305–334.

16. Митрополит Платон Киевский об императоре Николае Павловиче // Николай Первый и его время / сост., вступ. ст. и коммент. Б.Н. Тарасова. М.: ОЛМА-Пресс, 2000. Т. 2. С. 380–385.
17. «Мнение» о Кирилло-Мефодиевцах гр. Орлова, поданное им императору Николаю I // Наше минуле. Журнал исторії, літератури і культури. 1918. № 2. С. 178 – 179.
18. О привлечении к уголовной ответственности бывшего униата Волынской губернии Зборовского за переход из православия в католичество... 1844–1855 // РГИА. Ф. 821. Оп. 1. Ед. хр. 28.
19. О привлечении к уголовной ответственности разных прихожан Вселюбской православной церкви Минской губернии за переход в католичество и о возвращении большинства из них в православие... 1844–1845 // РГИА. Ф. 821. Оп. 1. Ед. хр. 32.
20. ОР РНБ. Ф. 37. Ед. хр. 71.
21. ОР РНБ. Ф. 291. Ед. хр. 152.
22. ОР РНБ. Ф. 831. Ед. хр. 5.
23. *Погодин М.П.* Для биографии графа С.С. Уварова // Русский архив. 1871. № 12. Стлб. 2078–2112.
24. *Пушкаревич К.А.* Польская революция 1830–1831 г. и Пушкин // *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 6 т. М.; Л.: Государственное издательство, 1930–1931. Т. 6: Путеводитель по Пушкину. С. 288–289.
25. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения. СПб.: Изд. МНП, 1902. 785 с.
26. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб.: Типогр. Морского министерства, 1862. 482 с.
27. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб.: Типогр. В.С. Балашева, 1875. Т. 2. Отд. 1. 1576 стлб.
28. *Толочко А.П.* Спор о наследии Киевской Руси в середине XIX века: Максимович vs Погодин // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012. С. 92–112.
29. *Устрялов Н.Г.* Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать великое княжество Литовское? (Читано на торжественном акте, в Главном Педагогическом Институте, 30 декабря 1838 г.). СПб.: Типогр. экспедиции загот. гос. бумаг, 1839. 42 с.
30. Четыре политические записки графа Михаила Николаевича Муравьева Виленского / сообщ. И.П. Корнилов // Русский архив. 1885. Кн. 2. № 6. С. 161–199.

Аннотация: Статья посвящена проблеме взаимовлияния государственной идеологии «православие, самодержавие, народность» и политики русского правительства в западных губерниях в 1830–1840-х годах.

Ключевые слова: православие, самодержавие, народность, западные губернии, русификация, империя, идеология, нация, образование, религия.

Sergey V. Udalov, MA in History, Associate Professor, Russian History and Archeology Department, N.G. Chernyshevsky Saratov State University. E-mail: grot-saratov@mail.ru

**“Our Fatherland, the Empire”:
Evolution of State Ideology in the Context of Politics in the Western Provinces (1830s –1840s)**

Abstract. The article is devoted to the problem of the mutual influence of the state ideology “Orthodoxy, Autocracy, Nationality” and the policy of the Russian government in the Western Provinces in the 1830s–1840s.

Keywords: Orthodoxy, Autocracy, Nationality, Western Provinces, Russification, Empire, Ideology, Nation, Education, Religion.

Граф М.Н. Муравьев-Виленский в правительственной политике императорской России. Историографическая заметка

Иногда полушутя-полусерьезно говорят, что история – наука «юбилейная». О профессиональной историографии, ее образах и заключениях вспоминают обыкновенно тогда, когда приближается очередная более или менее круглая историческая дата. Это невольно подтверждает тот факт, что состояние историографической традиции, пути и направления ее развития неизбежно являются как результатом добросовестных в той или иной мере усилий профессиональных исследователей, так и давлением общественно-политической конъюнктуры или, как говорили в старину, духом времени.

О польском восстании 1863–1864 годов, 150-летие которого отмечалось семь лет назад, большую часть века минувшего в нашем Отечестве вспоминали не иначе как в идейно-политическом контексте того, что тогда определялось понятием «советско-польская дружба». Актуализируя традиции общей борьбы «свободолюбивой» Польши и «прогрессивной» или «передовой» России в духе повстанческого лозунга «За нашу и вашу свободу!», советские историки, проявляя солидарность с польскими, разоблачали и клеймили «реакционную сущность» русского «царизма». В качестве проявления подлинного духа научной объективности советская историография накопила незаурядные достижения в области изучения, например, аграрной истории Польши, Литвы, Белоруссии, Правобережной Украины, имевшие самое прямое отношение к истории польского вопроса во внутренней политике русского императорского правительства. Эта последняя была осуждена на то, чтобы оставаться далеко на периферии интересов советской исторической науки. Для того чтобы сделать судьбу ее изучения счастливее, отнюдь не оказалось достаточно исчезновения с падением Советского государства институтов официального идеологического контроля над обществом самих по себе, наступления свободы профессиональных контактов и выбора методологий исследования. Юбилеи, посвящавшиеся векам истории государства Российского, помогали здесь явно ненамного.

Научная литература по истории политики России на ее западных окраинах в XIX столетии, появившаяся спустя четверть века после падения «железного занавеса», среди своих достижений обладает одним совершенно бесспорным качеством, а именно – способностью навести глубокую тоску на читателя, не лишённого желания понять, какое же, собственно, содержание придавало этой политике само русское императорское правительство, монархи, министры, наместники, генерал-губернаторы; какой смысл они вкладывали в понятия «полонизм», «русификация», «сближение окраин с центром» и тому подобные. Иногда масштаб «польского вопроса» во внутренней политике России под искусным пером историка вырастает до неестественных размеров, и последняя приобретает

Шевченко Максим Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XIX – начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: Shevch_mm@mail.ru

вид почти гротеска [10]. В другом случае к ней подходят с позиций методологического европоцентризма. И если за образец успешного решения «национального вопроса» берутся западные государства Нового времени, то Российская Империя в качестве исторического «недотепы» от имени подобной экспертизы закономерно получает «неуд» [17, 13]. Читателю остается только недоумевать, с чего бы это в таких успешных государствах-нациях, в свете блестящего опыта которых экзаменуется «незадачливая» Россия, в самое новейшее время формируются многомиллионные и экспансивные мусульманские общины, и следом за отказом от их ассимиляции следует крах попыток гармонизировать их отношения с депопулирующим коренным этносом путем применения концепции пресловутого мультикультурализма.

Обновленно консолидированная научная мысль предъявила аудитории и настоящий методологический шедевр, диалектически почти возвращающий нас в советскую историографическую эпоху ритуального осуждения «реакционного царизма». В роли главного супостата исторических «сил добра» теперь предстает «русский национализм» [12, 9]. В соответствии с чем русские имперские чиновники и общественные деятели в Западном крае, по остроумному замечанию непредвзятого историка, выступают его «переносчиками» или «возбудителями» [15]. И оказывается, что самый яркий и выдающийся генерал-губернатор Северо-Западного края России М.Н. Муравьев-Виленский был вовсе не администратором, а идеологом и занимался не столько подавлением польского мятежа, сколько «конструированием» его «образов» [11]. Из чего, по-видимому, следует, что сам польский мятеж 1863–1864 годов отдавал чем-то виртуальным... Наверное, и вправду постмодернистское сознание фактологическая эрудиция только портит. Конечно, никто не оспаривает право талантливого американского профессора российского происхождения на озабоченность тем, чтобы, чего доброго, не сделаться заподозренным в причастности к «русскому национализму». Но, увы, судьба научного изучения внутренней политики императорской России выигрывает от этого не более, чем во времена «добровольно-принудительных» марксистско-ленинских методсеминаров...

На этом фоне замечательное и обнадеживающее явление представляют собой труды Александра Юрьевича Бендина по истории государственно-церковных отношений в Северо-Западном крае Российской Империи и формирования национальной идентичности белорусов во второй половине XIX – начала XX века, среди которых выделяется специальная монографическая работа, посвященная М.Н. Муравьеву-Виленскому [1–7]. Антигерой советской и польской историографии, Муравьев в постсоветское время сделался и жупелом той современной белорусской историографии, которая озабочена конструированием националистического нарратива, приспособленного к политическим целям действующего в Белоруссии политического режима. С этой целью мобилизуются мифы, продуцированные польскими националистами, русскими революционерами и либералами-космополитами. Как убедительно показывает А.Ю. Бендин, вплоть до исхода второй трети XIX столетия Белоруссия и Литва представляли собой польскую колонию в рамках Российской Империи. Поляки, преимущественно помещики и католическое духовенство, будучи здесь абсолютным этническим меньшинством, занимали командные позиции в административной, хозяйственной, общественной и культурной жизни края. Они всегда обеспечивали постоянство католического прозелитизма, явного или скрытого, последовательно и неуклонно продолжали осуществлять «ползучую» полонизацию того, что бывшая Речь Посполитая считала своими «восточными окраинами» («всходними кресами»). Православный народ Белоруссии и Правобережной Украины в борьбе за свою уходящую корнями в века русскую идентичность получил последовательную помощь императорского правительства лишь в тот момент, когда в обстановке нарастающего международно-го давления, угрожающего России изоляцией как во времена недавней Крымской войны,

встал вопрос о необходимости решительного подавления вооруженной силой польского мятежа 1863–1864 годов. Деятельность М.Н. Муравьева на посту генерал-губернатора Северо-Западного края, наделенного неограниченными полномочиями по борьбе с мятежом, фактически, как показывает А.Ю. Бендин, представляла собой реконкисту. Это был поворотный момент в истории Западной Руси, только и предотвративший ее польское поглощение. Польское «национально-освободительное» движение с его демагогическим лозунгом «За нашу и вашу свободу!» предстает, таким образом, в своем подлинном облике империалиста-завоевателя, несущего гораздо большее национальное угнетение соседям, чем противостоящая ему Россия. Идея, что «не может быть свободен народ, угнетающий другие народы», популярная среди русских последователей А.И. Герцена, друга и союзника польских инсургентов, последних отягощала гораздо менее. Таким образом, лишь Муравьев в подлинном смысле слова восстановил историческое единство древнего русского наследия. Но... внутренняя польская колония, обретавшаяся в пределах России после третьего раздела Речи Посполитой, сохранявшаяся и после разгрома поляков в войне 1830–1831 годов, то есть фактически непрерывно на протяжении двух третей века, – как такое оказалось возможным? Почему же внутренняя политика православных самодержавных российских монархов могла подобное допустить?

Ответ на этот вопрос заинтересованный читатель может получить в вышедшей пятнадцать лет тому назад монографии Анны Альфредисовны Комзоловой «Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ» [14]. Политика Империи в Белоруссии и Литве накануне, во время и по завершении кризиса, связанного с польским восстанием 1863–1864 годов, впервые была последовательно показана с точки зрения ее самой, то есть того, как понимали ее цели и задачи те, кто призван был эту политику генерировать и осуществлять. Это скрупулезное, основанное на без преувеличения фундаментальной базе источников, весьма академично, даже несколько сухоовато написанное исследование было отмечено в научной периодике обстоятельными и объективными рецензиями [18], поэтому нет необходимости лишней раз подробно пересказывать его содержание. Напомнить о нем читателю стоит именно потому, что оно очень глубоко затрагивает ключевые и основополагающие проблемы российского государственного и общественного бытия XIX – начала XX века.

Особенностью внутренней политики России в польском вопросе на своих колонизированных окраинах в переходную эпоху Освободительных реформ была ее вообще слабая консолидированность по сравнению, например, с соседними державами, имевшими в своем составе польских подданных.

Характер этой политики определялся как раз именно крайним дефицитом русского национализма в российском обществе. Даже после подавления мятежа 1830–1831 годов русские по своему общему обыкновению постарались как можно скорее перестать вести себя как завоеватели по отношению к полякам. Не случайно О. Бисмарк, потомок безжалостных колонизаторов и германизаторов славянского Бранибора и балтийской Пруссии, в своих воспоминаниях вложил в уста императора Александра II утверждение, что русский человек «не чувствует того превосходства, какое нужно, чтобы господствовать над поляками» [8]. Желание русских либеральных реформаторов братьев Николая и Дмитрия Милютиных, Н.Х. Бунге, П.А. Столыпина, крайне правых политических объединений начала XX века видеть русских господствующей нацией в Империи на манер ведущих современных западных стран сталкивалось с тем, что реальный русский народ в своей массе не обнаруживал стремления вести себя как herrschervolk. Приобщая включенные в состав России народы к собственной культуре и образу жизни, он, в свою очередь, обнаруживал склонность изменяться им навстречу и отсутствие специфического культа самодисциплины и корпоративизма, свойственных завоевателям. Публицист эпохи Великих реформ,

осмелившийся критиковать русское общество за недостаток самобытного национального творчества в области мировоззрения и стиля жизни, подвергался публичному третированию и изоляции во имя приверженности «общечеловеческой» цивилизации.

У стремления русского императорского правительства после очередного конфликта с поляками вновь и вновь пытаться возобновить политику «примирения» или диалога с ними были, конечно, вполне осознаваемые, объективные причины. Слабость Империи заключалась в постоянной нехватке на окраинах компетентных чиновников русского происхождения. Население западных областей Империи было многочисленнее великорусского, обладали более высоким средним образовательным уровнем и корпоративной сплоченностью, отличались более высокой активностью в публичной сфере.

Здесь сказывались политические традиции не забытой Речи Посполитой с ее широко развитыми сословно-представительными учреждениями. Польская образованность и культура, находясь со времен Средневековья в более благоприятных исторических условиях, получили развитие, опережая русские. Общероссийская же образовательная система как полноценное целое сложилась лишь при императоре Николае I под управлением министра народного просвещения С.С. Уварова, и ее конкурентоспособность только еще набирала темп. Поэтому правительство было вынуждено широко использовать в администрации Западного края местное польское дворянство. Это давало возможность полякам упрочивать здесь свое ведущее положение. В частности, в конце царствования Николая I они сумели взять в свои руки проведение в жизнь инвентаризации помещичьей деревни, и реформа, задуманная с целью улучшить положение местных крестьян, привела к обратным результатам. Когда же начался слом сословно-крепостного строя, в динамичной атмосфере общества, возбужденного реформами, появились центробежные тенденции на европейских окраинах России, как это предвидел николаевский министр Уваров, и обострился польский вопрос, в русском правительстве обнаружилось преобладание глубокого скепсиса относительно способности вообще русского народа когда-либо и как-либо ассимилировать поляков.

Все эти обстоятельства были вполне очевидны тому, кто получил от императора Александра II в качестве Виленского генерал-губернатора чрезвычайные полномочия по борьбе с польским мятежом в Литве и Белоруссии, – Михаилу Николаевичу Муравьеву, который изначально отнюдь не был полонофобом.

То, что польский вопрос как проблема внутренней политики России есть меньшее зло, нежели как проблема ее политики внешней, русскому правительству было очевидно с николаевских времен. Еще около середины 1840-х годов III Отделение собственной императорской канцелярии докладывало: «Продолжающиеся тишину и порядок в Царстве должно относить не столько к улучшению духа жителей, сколько к бдительности наместника и к тому, что в Польше сосредоточены главные силы русской армии. Несмотря на милости и льготы, даруемые полякам, несмотря на то, что они ни в самобытности и ни под чьим другим правлением не достигнут того благосостояния, в каком находятся ныне, этот народ, конечно, при первой возможности отделится от нашей Империи или станет на сторону врагов ее. В этом отношении поляки и ныне точно таковы же, какими были до мятежа 1830 года... Ксендзы, под предлогом защиты будто бы потрясаемой католической веры, поддерживают в поляках прежний национальный дух... Женщины, наиболее увлекаемые внушениями духовенства и с своей стороны неограниченно владеющие юношеством, связывают разнородные слои общества. Наконец, природное легкомыслие поляков, склонность их к занятиям политикой и память о прежней вольнице, а всего более продолжающаяся несколько веков, как бы врожденная, неприязнь к русским – все это делает Польшу более вредящим,

нежели полезным достоянием, и если Россия не должна отказаться от поляков, то потому только, что представилось бы еще более невыгод, когда бы эти враги наши составили самобытное государство» [19].

Опираясь на свой многолетний административный и политический опыт, Муравьев сумел разглядеть нечто такое, во что обнадеженный испытанной мощью российского государства толерантный современник зачастую отказывался поверить. Все, что могло подавать русским надежды на сближение с ними поляков: преодоление языкового барьера, славянская душевная стихия, сходство частного быта – относилось к периферийным проявлениям польского характера. В ядре польской идентичности оставался формируемый веками комплекс русофобско-культуртрегерского высокомерия по отношению к православному Востоку, который и в условиях общеевропейской секуляризации воспроизводился быстрее, чем увеличивалось через общественное образование число приобщенных к русской культуре и при этом лояльных России. Этот комплекс не знал компромисса. На тех великих восточных пространствах до самых холодных океанов и теплых морей, которым надлежало быть естественной наградой и утешением польской рыцарской и мессианской добродетели, самым возмутительным образом простиралась империя ненавистных москалей, которым за это не могло быть прощения. Идеальным их местом было положение крестьянского быдла «всходних кресов», благодетельствуемых окатоличиванием и полонизацией. Любой жест примирения с русской стороны не мог восприниматься иначе как слабость, вера в которую побуждала поляка действовать в ответ с позиции силы. Отсюда следовало, что гуманные действия грозившего на словах императора Александра II, либеральный режим управления наместника царства Польского великого князя Константина Николаевича и генерал-губернатора В.И. Назимова только поощряли польские мятежные замыслы и амбиции.

Таким образом, для М.Н. Муравьева, братьев Милютиных, М.Н. Каткова и их сторонников национальным вопросом в Западном крае был русский вопрос, решение которого в начале 1860-х годов висело на волоске, который надо было решать теперь или никогда. Нависшая над Россией угроза отторгающего Литву, Белоруссию, Правобережную Украину польского мятежа, поощряемого дипломатическим давлением всей Европы и нарастанием международной изоляции, означала для них перспективу поворота русской истории вспять к варварскому, допетровскому состоянию, исключению России из цивилизованного мира.

А.А. Комзолова показала вводившуюся М.Н. Муравьевым систему мер как в рамках предоставленных ему чрезвычайных генерал-губернаторских полномочий, так и поддержанных его сторонниками в правительстве (обозначаемыми на языке их противников как партия «ультрапатриотов») и санкционированных императором. В ходе их осуществления Муравьев переформировал административный аппарат края, а также состав мировых посредников, очистив его от нелояльного и малолояльного польского элемента с перспективой вытеснения и остальной его польской части. Максимально расширил в официальной и полуофициальной сфере применение русского языка. Католическая церковь подверглась стеснениям в сфере своей деятельности и ужесточению контроля за ее материальными средствами. Православной церкви была оказана масштабная материальная помощь в целях увеличения ее влияния и авторитета. Используя твердо, но весьма разборчиво достаточно дифференцированную систему репрессий, Муравьев сопровождал ее применением принципа коллективной ответственности, обложив местных помещиков поземельным сбором, вынуждая их фактически оплачивать подавление мятежа и деполонизацию края. Широко опираясь на поддержку крестьян в борьбе с мятежом, он добился корректировки хода аграрной реформы в их пользу. В целях достижения полного успеха в обрусении края он поставил вопрос о водворении здесь русского помещичьего землевладения.

Но система Муравьева как целое оставалась в действии лишь до тех пор, пока сохранялись чрезвычайные обстоятельства, делавшие ее необходимой в глазах императора. Она еще получила продолжение при преемнике Муравьева К.П. фон Кауфмане. Сменивший Кауфмана граф Э.Т. Баранов уже колебался между ее сторонниками и противниками. С приходом во главу края А.Л. Потапова администрация опять вернулась к настроениям «примирения» с поляками. Система Муравьева подверглась коррективам в пользу представителей польского дворянства и духовенства. Но на пересмотр ее законодательных основ император Александр II так и не пошел. 20-процентный сбор с помещиков Северо-Западного края действовал аж до 1897 года. С 1860-х годов поляки в массовом порядке продавали свои белорусские и литовские имения и переселялись в Царство Польское.

Дневники и воспоминания правительственных деятелей эпохи Освободительных реформ 1860–1870-х годов полны жалоб на неэффективность русского правительства из-за отсутствия в нем единства. Такие объяснения выглядят как оправдания неудач, постигших того или иного такого мемуариста на его государственном поприще. Учитывая распространенность подобных настроений, можно только удивляться тому, чего удалось добиться М.Н. Муравьеву-Виленскому за неполные два года своего пребывания на генерал-губернаторском посту. В истории внутренней политики императорской России его можно сравнить в этом отношении с Николаем Милютиным в борьбе последнего за реализацию своей концепции крестьянской реформы, который также считанные месяцы исполнял должность товарища министра внутренних дел. Император Александр II по разным причинам недолюбливал их обоих.

Преобладание русского помещичьего землевладения над польским в Литве и Белоруссии так и не наступило. А если бы это и осуществилось, закрепление успехов русификации еще не было бы гарантировано. Такие имения могли бы в массовом порядке оказаться в руках поляков-арендаторов. Чтобы произошло то, чего хотели Муравьев и Кауфман, нужно было желание самих русских помещиков, приобретая там имения, переезжать в них, беря на себя дело культурного влияния или опеки над местными обществами. Несмотря на все противодействия и последующие коррективы в случае Н.А. Милютина его курса сторонниками помещичьих интересов в аграрной реформе, а в случае М.Н. Муравьева – внутриправительственной партией «космополитов» или «русских полякующих», как их называл сам Муравьев, главные результаты сделались необратимыми. Милютин укрепил процесс, приведший ближе к концу века к массовому образованию мелкой крестьянской земельной собственности, чего и желал, а Муравьев осуществил политику, сделавшую процесс деполонизации Белоруссии и Литвы необратимым. Этим он и заслуживает признания в качестве выдающегося русского государственного деятеля. В результате открывались перспективы для ускорения формирования слоя местной белорусской и литовской интеллигенции, которые своим отношением к общерусской идентичности могли определять дальнейшую судьбу обоих народов.

Литература

1. Бендин А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). Минск, 2010.
2. Бендин А.Ю. Религиозно-этнические противоречия и конфликты на территории Северо-Западного края Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века): истоки и проявления // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. VIII. М.: Модест Колеров, 2010. С. 59–94.
3. Бендин А.Ю. Российская империя и Католическая церковь: борьба за этническую идентичность белорусов Северо-Западного края (1863–1914 гг.) // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. X. М.: Модест Колеров, 2011. С. 7–66.
4. Бендин А.Ю. Испытание свободой: указ о веротерпимости и борьба за паству между православием и католичеством в Северо-Западном крае Российской империи // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. XII. М., 2012. С. 178–209.

5. *Бендин А.Ю.* Роль М.Н. Муравьева в русско-польском споре об идентичности Северо-Западного края Российской империи // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. XV. Польское восстание 1863 года. М., 2013. С. 247–272.
6. *Бендин А.Ю.* Михаил Муравьев-Виленский: усмиритель и реформатор Северо-Западного края Российской империи. М.: Книжный мир, 2017. (Серия «Русской славы имена»).
7. *Бендин А.Ю.* Польское восстание 1863 года и национально-патриотическое пробуждение русского народа // Словесно-исторические научные чтения имени Т.Н. Щипковой: Гуманитарные науки и отечественное образование. История, преемственность и ценности: Сборник научных статей / под ред. А.В. Щипкова. М, 2020.
8. *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. Т. 1. М., 1940. С. 225.
9. *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914) авторизир. пер. с фр. М. Крисань. М., 2011.
10. *Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999.
11. *Долбилов М.Д.* Конструирование образов мятежа: Политика М.Н. Муравьева в Литовско-Белорусском крае в 1863–1865 гг. как объект историко-антропологического анализа // Actio Nova 2000. М., 2000. С. 338–408.
12. *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера: Этно-конфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.
13. Западные окраины Российской империи / под ред. А.И. Миллера и М.Д. Долбилова. М., 2006.
14. *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005.
15. Империя, нации и конфессиональная политика в эпоху реформ: «Круглый стол» // Российская история. 2012. № 4. С. 68.
17. *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000
18. *Шпопер Д., Долбилов М.Д., Мамонов А.В.* Рец. на кн.: *Комзолова А.А.* . Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ // Отечественная история. 2007. № 4. С. 180–181, 185–187.
19. «Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827–1869. М., 2006. С. 352–353.

Аннотация. Статья посвящена тому, каким и почему предстает в историографии значение деятельности М.Н. Муравьева-Виленского в исторической судьбе Белоруссии – Западной Руси и России в целом.

Ключевые слова: Россия, Польша, Западная Русь, Белоруссия, Северо-Западный край, внутренняя политика, империя, национализм.

Maxim M. Shevchenko, PhD in History, Associate Professor, Department of Russian History of the 19th – Beginning of the 20th Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. E-mail: Shevch_mm@mail.ru

Count M.N. Muraviev-Vilensky in the Government Policy of Imperial Russia. Historiographic Note

Abstract. The article is devoted to the reflection in historiography of the role and character of M.N. Muraviev-Vilensky's activities and its influence on the historical destiny of Belorussia, Western Russia and Russia as a whole.

Keywords: Russia, Poland, Western Russia, Belorussia, North-Western Region, Internal Policy, Empire, Nationalism.

**«Неудержимо сердце обливается кровью,
когда читаешь сообщение
местного жителя из Белоруссии...»:
Западная Русь в восприятии
консервативной интеллигенции
(на примере публицистики
по польскому вопросу В.В. Розанова)**

Прошлое и настоящее Западной Руси волновало умы не только уроженцев этого края. Ситуация в Западном крае не раз становилась темой размышлений видных русских консервативных публицистов. Для них не были секретом притязания поляков на этот регион. Используя современную терминологию, территории нынешних Белоруссии и правобережной Украины были частью двух «идеальных отечеств»¹. Западный край входил в «идеальное отечество» польского национализма, стремившегося к восстановлению Речи Посполитой в границах 1772 года. Представители русской националистической мысли с этим были категорически не согласны, считая эти территории неотъемлемой частью Русской земли, и апеллировали к факту вхождения этих земель в Древнерусское государство, а также к этническому, религиозному и культурному родству восточных славян. Ситуация осложнялась тем, что, как отметил Л.Е. Горизонтов, «концепции “большого русского народа” (великороссы – малороссы – белорусы) противостояла почти зеркальная польская конструкция (поляки – литвины – русины)» [5, с. 7]. По мнению польского исследователя Х. Глембоцкого, спор о принадлежности Западного края имел решающее значение для отношения российской общественности к полякам [22, с. 207].

На наш взгляд, представляется интересной исследовательской задачей попытка проанализировать воззрения на спорный регион незаурядного и противоречивого философа, публициста, представителя русской националистической мысли Василия Васильевича Розанова (1856–1919). Как справедливо отмечает О.Е. Пучнина: «Творчество Розанова примечательно тем, что, хотя в основной своей массе оно представляет собой публицистические произведения – небольшие статьи, легковесные, злободневные, почти “скользящие” по поверхности проблемы и не претендующие на фундаментальные интеллектуальные искания, в которых он тем не менее обнаруживает удивительную глубину понимания, психологию и суть вещей» [11, с. 95]. Статьи, посвященные Западной Руси, публиковались им на всем протяжении довоенного периода его творчества, во время его писательского расцвета (1897–1914). По нашему мнению, цитата, помещенная в заглавие статьи, свидетельствует о его искреннем интересе к событиям на западной окраине империи [18, с. 209].

¹ Мы используем определение А.И. Миллера: «Терминами “национальная территория” и “идеальное отечество” я обозначаю националистическое представление о том, какое пространство должно принадлежать данной нации “по праву” именно как нации, как “наша земля”, а не подвластная территория. Аргументы в пользу такой принадлежности могут быть самыми разными – от фактической демографической ситуации на данный момент до “исторического права” (“наши предки здесь жили”), геополитических резонансов (“выход к морю”, “жизненное пространство”), ссылок на кровь, пролитую “нашими” солдатами за эту землю, и т.д.» [9, с. 150].

Одна из первых статей Розанова о Западном крае была посвящена личности усмирителя польского восстания 1863–1864 годов в Северо-Западном крае – Виленскому генерал-губернатору в 1863–1865 годах М.Н. Муравьеву-Виленскому (1796–1866). Тема была актуальной, так как в Вильно (современный Вильнюс) планировали открыть памятник Муравьеву. Розанов внес свою лепту в общественное обсуждение этого незаурядного государственного деятеля Российской империи. Как признавался публицист, первоначально он был убежден в реальности образа жестокого усмирителя восстания, ведь в тот момент времени без насилия нельзя было обойтись: «Однако я был уверен, что “грозный” диктатор был действительно “грозен”; что в пору суровую, в момент критический – он был жесток. Ни на минуту мне не приходила мысль внутренне осудить его за это: высланный государем и народом отразить нападение на государство мятежных провинций, он и должен был поступить с ними как укротитель, смиритель, как больно бьющий бич» [12, с. 483].

Действия власти, как заявлял Розанов, были для него абсолютно оправданы: «В “правах” России смирять я также не сомневался, зная несколько историю: ведь Польша собственно не была разделена, насилия никакого ей не было сделано» [12, с. 83]. В разделе Речи Посполитой никакой пресловутой «вины России перед Польшей» (выражение А.И. Герцена) публицист не видел: «Она [Речь Посполитая – Д.Т.] расселась по швам, раздевалась [так у В.В. Розанова – Д.Т.] ранее; стропила полезли в одну сторону, стены подались в другую, печи рухнули; для людей она сделалась опасным, негреющим, небезопасным, *невозможным* [здесь и далее курсив В.В. Розанова – Д.Т.] жилищем; и когда камни рушащейся храмины покатались к ногам соседей, – каждый из них, имевший свой крепкий дом, пришел и взял *только строительный* материал для своих поделок, и, кстати, из милосердия дал приют у себя и оставшемуся бездомным населению» [12, с. 483–484].

Размышляя над образом Муравьева, Розанов делился с читателями своими сомнениями по поводу реальной жестокости последнего: «Меня удивляла молва о жестокости его, столь *твердая* в самом русском обществе. Он был *суров, груб*; был *беспощаден* в требовательности; был крут в мерах, как капитан корабля среди взбунтовавшихся матросов» [12, с. 484]. Публицист спрашивал себя и других: «Но “жесток”, то есть *жаден* к чужим страданиям? находивший в них *удовольствие?*...» [12, с. 484]. Розанов отвечал отрицательно на свой, обращенный к читателю, вопрос: «Он *не мог* быть жестоким уже потому, что был *мужествен*. Жестокость есть черта женственных натур, натур слабых и боязливых, сантиментальных и фантастических. По закону связности психологической, в Муравьеве-Виленском эта черта не совмещалась со всеми другими, и притом хорошо засвидетельственными» [12, с. 484].

Розанов не сомневался, что Муравьев лишь в целях пропаганды создавал свой образ жестокого усмирителя: «Молва о его казнях и жестокости – преувеличена и лжива. Он знал поляков, их робкий, пугающийся дух. Цифра казненных им мятежников официально известна и изумительно мала; но он всякую казнь производил шумно и демонстративно, чтобы подействовать на воображение поляков и сберечь от опасных искушений всех между ними колеблющихся» [14, с. 554]. Действительно, как утверждают современные исследователи, М.Н. Муравьев-Виленский в целях воздействия на умы местного польского населения занимался «черным самопиаром» [подробнее см. 4, 6, 7].

Для публициста было несомненно, что Муравьев достоин возведения ему памятника, ведь: «...он [Муравьев – Д.Т.] продолжал политику великой императрицы [Екатерины II – Д.Т.], когда гордо отверг польско-католические притязания на эти издревле русские земли, охваченные дерзким мятежом» [14, с. 553–554]. В целом же Розанов подчеркивал историческую заслугу Муравьева-Виленского перед империей: «Едва ли, в далеком потомстве, не придется признать его не только лучшим практическим выразителем за этот век русского исторического *credo*, но и для самих поляков суровым, очень суровым дядькой,

который многое для них спас, научив их самому важному в их положении, уменью – повиноваться, сдерживать себя, не распускаться. Злыми гениями Польши были и останутся те, которые действовали обратно» [12, с. 485].

Публицист не обошел своим вниманием вопрос о предоставлении нескольким белорусским губерниям (Витебская, Минская, Могилевская) земского самоуправления по Положению 1890 года. В этих губерниях, помимо белорусов, проживали также поляки и евреи, что могло, как полагал Розанов, привести к этническим конфликтам в органах местного самоуправления: «С общегосударственной точки зрения важно, чтобы эти учреждения не стали возбудителем или не сделались почвою для развития племенной и религиозной розни» [13, с. 504]. Публицист вполне здраво рассуждал, что в приоритете должны быть интересы русского населения региона: «Нет вопроса о желании инородческому и иноверному населению этих губерний всякого собственного блага, если оно не понимается им, как ущерб или оскорбление коренному великорусскому племени. При введении самоуправления в них, в высшей степени важно соблюсти, чтобы ни к чему подобному не могло быть дано ни повода, ни самых условий почвы» [13, с. 504].

Розанов обоснованно переживал за участь русского и белорусского крестьянского населения в органах самоуправления, ведь у них не было никакого опыта участия в них, несмотря на свое подавляющее большинство в регионе: «Великорусы и белорусы являются там в меньшинстве и, причем это меньшинство, если и велико численностью, то еще не вполне окрепло морально, особенно для постоянной борьбы; всякому известно, как не только в законодательстве нашем, но и в правах населения нашего лежит соблюсти, оберечь всякое меньшинство, всякого слабого – брошенного к нам судьбою» [13, с. 504]. Чего не скажешь о местных поляках и евреях: «Этот дух особенного милосердия воспитан был в нас православною церковью, и, к сожалению, не таков был исторический дух католицизма и еврейского кагала» [13, с. 504].

Публицист предлагал меры, способные не дать в обиду русское население региона: «Очень простая мера, чтобы единогласный протест русских по племени и вероисповеданию членов думы ли, земского собрания, мог бы один предупредить всякие конфликты» [13, с. 504]. Он успокаивал тех, кто считал, что подобные меры приведут к угнетению нерусского населения: «Не было примера и напрасно такового ожидать, чтобы русские по племени и вере стали когда-нибудь и где-нибудь нападающими. Не этому учила нас церковь, не в этом духе воспитывала нас история. Но дать защиту против этого необходимо русским, как бы они ни были малы в числе среди населения, так часто возбуждавшегося нападать» [13, с. 504].

Розанов не забывал о местном православном духовенстве: «Наконец, в тех же видах, мы думаем, что православному духовенству должна быть дана более деятельная и высокая роль в самоуправлении северо-западных местностей, нежели то мизерное участие, едва ли даже не совершенное исключение, каковое оно несет, необъяснимо почему, во всей остальной России» [13, с. 504–505]. По его мнению, указанные им меры смогут обеспечить права местного русского населения: «Это так немного желать, чтобы на протяжении всей России русский, т.е. великорус, белорус и малоросс чувствовали себя не на чужбине, а дома» [13, с. 505]. Розанов утверждал, что: «Высказанное нами желание могло бы предупредить именно всякую роющую интригу, которая захотела бы опереться на принцип “большинства голосов”. Для польско-еврейских местностей, испытавших в золотую пору шляхетства даже единоличное “не позволяю”¹, нами предлагаемая мера не могла бы показаться ни новою, ни оскорбляющею» [13, с. 505].

¹ Русская транскрипция польского выражения «Nie pozwalam», которое переводится с польского «не позволяю», – фраза, которой депутат как на общепольском сейме, так и на региональных сеймиках Речи Посполитой мог заблокировать любое решение этих законодательных представительских учреждений.

Следующий всплеск интереса В.В. Розанова к Западному краю относился к 1905–1906 годам. Публицист приветствовал указ Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 года [15, с. 562]. Согласно указу, лица старше 14 лет могли поменять исповедание, включая выход из Российской Православной Церкви [8, с. 374]. Этот указ спровоцировал массовый переход православной паствы в католицизм на территории Северо-Западного края, белорусских губерний и «Холмщины» (юго-восточная часть современной республики Польша, до 1946 года населенная преимущественно украинцами). Подавляющая часть из сменивших конфессию в 1905 году в 60-х годах XIX века исповедовала католицизм (СЗК, белорусские губернии) либо в 70-х годах того же столетия была униатами («Холмщина»).

Для Розанова было очевидно наличие в Российской Православной Церкви большого количества «фиктивных» православных, удерживаемых в ней только силой закона, не разрешавшего ранее выход из православия: «Сколько бы живой человек, какой-нибудь федосеевец, ни говорил, что он “не православный”, или литовец и белорус, ни кричал, что он католик или униат, – делалась простая справка, как были “записаны” его родители, часто 30–40 лет назад и под давлением специальных “временных мер”, – и “по справке” этой писался “православным” человек, ни разу в православном храме не бывавший и, словом, вовсе не православный. Все текло “по документам” и ничего – по живому состоянию души» [15, с. 563].

По мнению публициста, из-за этого происходили человеческие трагедии, порожденные административной практикой 1840–1860-х годов, когда происходила ликвидация Греко-католической (униатской) церкви в Западном крае (1839), и совершались массовые переходы белорусов-католиков в православие в 1860-х годах: «И вот вступал человек на службу, по документу “православный”, в действительности никогда им не бывший. Начались требования, чтобы он ходил на исповедь и к причащению в православный храм, крестил детей в православие, когда ни он, ни родители его никогда православными не были, а только родители или деды под влиянием застрачивания какого-нибудь Собакевича 40–60-х годов дали почти немое согласие на занос их в “православные вероисповедные росписи”, или даже и согласия не давали, а только в страхе промолчали на опрос, уже и содержащий в себе и ответ: “Так мы вас запишем в православные? Не опротестовываете?” И илоты не “протестовали”» [15, с. 563].

Розанов подчеркивал, что администрация относилась в вероисповедном вопросе к крестьянам исключительно как к объекту управления, а не как к личностям: «Не забудем, что эти “воссоединения с православием” совершились еще в крепостную эпоху и что “души”, так и этак “зарегистровываемые” [так у Розанова – Д.Т.], были крестьянские, крепостные, были “холопские” души» [15, с. 563]. Публицист демонстрировал читателю свое «интеллигентское» отношение к религии как глубоко внутреннему делу человеческой души: «“Веры” никакой, собственно, не было, было “казенное состояние” в таком-то “графике вер”. Не было “веры” как личного, своего, как внутреннего убеждения» [15, с. 563]. Считаем необходимым отметить, что в современной историографии вопроса о добровольности/принудительности вышеописанных переходов из униатства/католичества в православие не сложилось какого-либо консенсуса, и, скорее всего, он не достижим в силу слабости базы источников [подробнее см. 3, 7].

Вскоре, однако, радость Василия Васильевича от указа «Об укреплении начал веротерпимости» прошла, так как он привел не только к массовому отпадению от православия, как нами указывалось выше, но и к вспышке межрелигиозной борьбы на западных окраинах империи: «Мы отнеслись к этой реформе с большим сочувствием. Но на практике эта реформа поставила господствующую православную церковь в подчиненное положение католичеству, и притом на такой окраине, как Царство Польское. Почему же на практике

эта реформа выявила нежелательные явления?» [16, с. 602]. Опять-таки в историографии существуют диаметрально противоположные суждения о добровольности/принудительности перехода из православия в католицизм в годы Первой русской революции [подробнее см. 1; 2, с. 50, 52; 3, с. 317; 8, с. 375]. Перед Розановым возник классический русский вопрос: «Кто виноват?». Ответ был найден быстро. Виновником оказалась бюрократия: «Да просто потому, что она написана в кабинете, по бумажным справкам, никого не спрашивая, ни поляков, ни русских, и не подвергая публичному обсуждению такой большой вопрос» [16, с. 602].

Публицисту сообщали, что называется, с мест о ситуации в регионе: «Вчерашняя наша корреспонденция из Холма: “Католическая агитация” – рисует очень печальную картину. Мы знаем, что русская администрация поступала не лучше, когда действовала принуждением относительно униатов. Католики воспроизводят своими действиями подобные же действия русской администрации, когда она не считалась с вопросом о свободе вероисповедания» [16, с. 602]. Розанов подчеркивал свою мысль о негативных последствиях административного произвола: «И то и другое – плод полной мертвенности народных и общественных сил, народного и общественного разума и совести и полного хозяйничанья самоуверенного чиновного элемента в недрах души человеческой, в быте городском, сельском и деревенском» [16, с. 602].

Досталось и местным православным, которых Розанов обвинял в лицемерии и в «готтентотской морали»: «Жалобы корреспондента мы принимаем условно: отчего он не кричал, не жаловался, ну хоть в других более мягких терминах, когда “бывших униатов” записывали в “православные” несмотря на их протесты, и отнимали у них католический костел и службу, когда они хотели по древнему посещать их?» [16, с. 602]. В итоге все накопленное католиками недовольство прорвалось и обрушилось на православных: «Теперь он кричит, когда картина внезапно изменилась, и по участию толпы народной видно, что сам народ здесь в точности много претерпевал в делах веры: и не кричать ему нельзя, ибо картина, им рисуемая, представляет полное безобразие и как государственное явление, и как религиозное явление, и как просто факт этнографического быта» [16, с. 602].

Предлагаемое православной общественностью привлечение административного ресурса для обеспечения интересов Православной Церкви Розанов категорически отметал: «Вопросов, мучительно и страшно поднимаемых корреспонденцией, вовсе никак нельзя решить (как надеется корреспондент) в порядке бюрократическом: “позвать урядника и укротить католиков”: ведь это только дожидаться послезавтрашнего дня, когда, может быть, будет еще хуже, мучительнее и опаснее, чем на что он жалуется сегодня» [16, с. 603]. По его мнению, было только одно решение проблемы: «И только общественное, став у кормила законодательства и администрации, по крайней мере, получив влияние на них, может дать одной и другой стороне обещания, которым обе они поверят, дать спорящим и ненавидящим советы и указания, которые они примут как что-то старшее и однородное» [16, с. 603–604]. Василий Васильевич идеалистически полагал, что: «Только в свободе и после свободы мы получаем себе настоящее “отечество” в нравственном его значении, то есть мы получаем что-то старшее и более зрелое над собою, что стоит как нравственный авторитет, а не как юридический авторитет над единичными умами и душами, над православными и католиками» [16, с. 604].

На наш взгляд, к этому сюжету публицистики Розанова вполне применима характеристика отношения Розанова к К.П. Победоносцеву в годы революции 1905–1906 годов, данная А.Ю. Полуновым: «Подхваченный общим критическим настроением общества, литератор предъявлял сановнику в эти годы претензии, связанные не только с его деятельностью, но и с грехами всего “старого порядка” в целом. Многие из этих претензий звучали вполне в духе лозунгов либеральной оппозиции, а главное требование оппозиции (созыв

представительства) представлялось ключом к решению многих, если не всех общественных проблем» [10, с. 124]. Достаточно заменить «сановник» на «бюрократия», и мы получим сконцентрированное суждение В.В. Розанова о причинах и возможном решении этого религиозного конфликта.

По мнению публициста, столичная бюрократия была виновна в затягивании решения «Холмского вопроса» то есть проекта выделения из Привислинского края юго-восточных уездов, населенных православными (а также униатами и католиками) украинцами, и образования из этих уездов новой губернии: «Самая печальная медлительность и самая печальная нерешительность петербургских сфер, не чувствующих остроты и болезненности провинциальных нужд, связана с этим скорбным вопросом о 300 000 русских и православных людей, населяющих Холмщину, и которые тают с каждым днем под напором польско-католической пропаганды» [17, с. 193]. Региональная власть в лице варшавских генерал-губернаторов, по мнению Розанова, из чувства административного эгоизма не хотела передавать эти территории под контроль столичной бюрократии: «Мнения двигались туда и сюда, так же энергично вперед, как и энергично назад; бумага исписывалась, люди старались, но мертвая точка не сдвинулась с места, собственно, по тому же внутреннему основанию, что варшавские генерал-губернаторы, вероятно предполагая всю Россию ненадзорною, не хотели выпустить из-под личного своего рачительного надзора эти частицы русского уголка, неосторожно заплетенного в административное управление компактного Царства Польского – католического, сплоченного, фанатичного в каждом своем уголке и имеющего тысячи незаметных культурных средств, недостижимых ни для какого надзора, давить и, наконец, раздавить этих православных мужиков и попов в мощных объятиях своего распаленного национализма» [17, с. 193].

Примечательно, что Розанов, будучи критиком бюрократии и административного произвола, полагал, что, проведя административную границу между Холмской Русью и остальным Привислинским краем, можно будет спасти православных от польского, католического фанатизма: «Дело идет о выделении некоторых русских уездов с русским и православным населением, Люблинской и Седлецкой губерний (так называемая Холмская Русь), в самостоятельную административную единицу, которая присоединилась бы к рядовым губерниям Империи, в то же время оторвавшись от неосторожной и неестественной связи с инородным и иноверным польским краем, с которым мы их торопливо и непредусмотрительно соединили в отдаленную пору еще разделов Польши и административного образования нового края» [17, с. 194].

Требую от власти решительных мер, публицист ссылался на чувства общественного мнения, но не призывал к действиям в этом вопросе самого русского общества, что вполне в духе отечественной интеллигенции: «Русское общество не может смотреть без самой острой сердечной боли на положение русских людей в этом крае, очутившихся теперь именно, когда “гонор” так поднялся, в положении русских или хохлов в австрийской Галиции, также теснимых, униженных и угнетенных. Нам это больно. И мы ожидаем самых быстрых и энергичных мер, чтобы спасти этот русский островок от затопления окружающим польско-католическим морем» [17, с. 194].

Впрочем, по мнению публициста, проблема была не только в бюрократии, но и в польском национализме: «Поляки, не наученные историею или наученные ею отрицательно, не знают никакой меры в своих пылких националистических стремлениях и, в противоположность всем решительно другим славянам России, Австрии и Турции, не умеют уживаться терпеливо, спокойно и уважительно около людей другого языка и другой церкви. Им непременно надо обращать этих других или в быдло и рабство, или сливать со своею национальною и религиозною личностью. Они не выносят *ино-личья*, они выносят только *едино-личность*: принцип и практика, решительно ни для кого нестерпимые» [17, с. 194].

Как полагал Розанов, у польского национализма в Холмщине нет достойного противника: «В Холмщине же, к сожалению, они [активисты польского националистического движения – Д.Т.] не встречают никакого отпора: здесь какая и есть русская интеллигенция из местных уроженцев, она под влиянием космополитического университетского образования теряет связь собственно со своим краем и выезжает на службу или практическую работу во внутреннюю Россию» [17, с. 194]. Необразованные же слои православного населения не способны противостоять польским планам на регион, какими их представлял себе публицист: «Остаются одни мужики и одно духовенство, которым со всех сторон напевают, что край этот, слитый теперь административно с привислинскими десятью губерниями, войдет частью в возрождающееся польское крулевство, в котором им несдобровать как русским, в котором будет место только молельцам костела и говорящим на языке с бесчисленными “з” и “дз”»¹ [17, с. 194–195].

Розанов сообщал своим читателям о способах и инструментах польской пропаганды в крае: «Об этом поют им баре-помещики, поет школа, поют газеты, говорящие ныне тоном, каким два года назад никто не смел говорить. Много ли нужно для разумения темного мужика или запуганного попа в крае, куда не доходят или ничтожно доходят русские книги? Гипнозу поддаются и люди посильнее, пообразованнее» [17, с. 195]. Результатом активных действий поляков, как писал публицист, стал безысходный пессимизм местных православных: «И кажется этим заброшенным русским, что они забыты Русью, – покинуты в пору, когда все русское вообще ослабло, зашаталось и так поднялось и возгордилось все нерусское. Забыты; и что не остается им ничего, как “вольно” захлебнуться в том море “дзыканыя”, в котором невольно и тягостнее им будет захлебнуться завтра» [17, с. 195]. Резюмируя ситуацию, Розанов не мог не бросить очередной упрек в адрес имперской власти: «И это родовая отчина Св. Владимира! Но что помнит Петербург из русской истории?» [17, с. 195].

По мнению публициста, ситуация в более близких Петербургу и Москве губерниях Западного края не лучше положения дел в Холмщине: «Самый младший и самый слабый из трех братьев, составивших “отчий дом” в нашей многоплеменной и многоверной стране, тот “отчий дом”, которым и живет наше “русское” государство, – белорусы, – они задыхаются под натиском польской и католической пропаганды, острой, неотступной, лукавой, извилистой» [18, с. 209]. По мнению Розанова, психологический портрет белорусов не способствовал успешной борьбе с местными поляками: «Бедные белорусы: и все-то вообще русские не богаты железом в характере, уступчивы, мягки, деликатны и сторонятся перед нахальством и нахалами даже в тех случаях, когда умственно и вообще душевно стоят неизмеримо выше наступающих; а эти тихие, молчаливые, грустные белорусы точно имеют в крови своей еще утраченную дозу русской печальной пассивности и в рабстве выработавшегося “непротивления злу”...» [18, с. 209]. Розанов тонко подмечал разницу в психологии двух народов, во многом обусловленную занимаемыми социальными ступеньками в общественной иерархии (поляки – помещики/шляхта, белорусы – крепостные): «Белорус и поляк!.. В одном все дышит самоуверенностью, переходящею в хвастовство, в кичливость, – все дышит высокомерием, надменностью, презрением к другим людям; в другом все говорит о великом терпении, скромности, самоограничении» [18, с. 209].

И кто же в виноват в том, что белорусы задыхаются от польского натиска? Розанов ищет ответ не в истории региона, в котором в ходе исторического процесса поляки и полонизированные потомки древнерусских князей и бояр стали местной элитой со всеми вытекающими отсюда привилегиями для польской культуры. Виноватой опять-таки оказалась

¹ Розанов имеет в виду восточные диалекты польского языка, распространенные в Белоруссии и на Украине, в которых звуки «ж» и «дж» литературного польского заменяются на «з» и «дз».

незадачливая отечественная бюрократия: «Нет материала лучшего для управления, чем белорусы, но позорная распущенность русской администрации, верхоглядство из Петербурга и виляние во все стороны “впечатлительных” генералов и губернаторов на берегах Немана и Вилии допустили же вечно готовых на укус и лукавство поляков стать на горло и придушить этих забытых наших братьев» [18, с. 209].

А вот с заграницею, как полагал Василий Васильевич, все было бы по-другому: «В Пруссии, в Австрии, во Франции, в Англии были же [возможно, имелась в виду частица «бы» вместо «же» – Д. Т.] взлелеяны эти преданнейшие сыны родной страны, столько долго угнетенные историею; администрация, законы, правила и распорядок местной жизни – все было бы приноровлено, чтобы дать широкое и свободное дыхание этим бесприязательным людям, которые пронесли русские предания сквозь все шипы и тернии этнографической и религиозной злобы панствующего полонизма. Но куда русским чиновникам до прусской мудрости, до истинно культурной деликатности?!» [18, с. 209].

Розанов упрекал представителей местной администрации в отсутствии понимания ими истинных национальных задач, которые они должны реализовать в регионе: «“Поскобли русского – увидишь татарина”, – сказал Наполеон; эти “непокобленные [так у В.В. Розанова – Д. Т.] татары” в раззолоченных мундирах и с красивыми аксельбантами, приезжая в Ковну, в Вильну, в Гродно, в Минск и Витебск, и не воображают, что они приехали из России и к русским, приехали от властительных частиц России к ее забытым, угнетенным частицам, чтобы поднять и оживить их, чтобы ободрить их и вдохнуть энергию» [18, с. 209–210]. Мало того, что чиновники не обладают национальным духом, так они еще, по мнению публициста, бесхитростные простаки, которых легко обманывают поляки: «Эти господа чуть не считают себя в “международном” положении и, нимало не замечая народного слоя, стелющегося по деревням и селам, начинают играть почти дипломатические роли в отношении разных “бискупов” в кружевных пелеринках, усатых панов и шуршащих шелком пани. И не догадываются, бедные, как те, другие и третьи все равно и неизменно перешептываются о них как о наезжих “нескобленных татарах», как о ненавистных “москалях”, которых им предстоит провести в интересах “ойчизны”...» [18, с. 210].

И вновь публицист от имени русской общественности требовал от власти немедленных и жестких мер в отношении поляков не требуя усилий от самой общественности: «Мы хотим, настаиваем, и, наконец, мы будем требовать, чтобы высшие административные сферы в Петербурге и, в частности, Министерство внутренних дел, вырабатывая какие угодно “освободительные”, “уравнительные” и “автономные” законопроекты для привислинских губерний, сберегали России как зеницу ока эти чисто русские и глубоко русские области по Неману и Вилии» [18, с. 210]. Розанов предлагал власти свой рецепт польской проблемы: «Полякам – польские права, но только в Польше; в России, среди великорусов и совершенно на тождественных условиях, среди белорусов – полякам только русские обязанности, т.е. обязанности *перед* русскими, обязанности деликатности, осторожности, междуплеменной и междуверной вежливости» [18, с. 210].

По его мнению, попытки создания белорусской литературы на основе латиницы были одним из инструментов полонизации белорусов: «Никакого натиска, о каком пишут наши корреспонденты и г. Белорус и говорят со всех сторон множество голосов, – допускаемо не должно быть ни в отношении русской народности, ни в отношении православной веры. Прочь все эти потаенные и явные пропагандирующие школы, занятые не грамотою, а политикою, – все эти “белорусские ламентари” (буквари), печатаемые латино-польскою азбукою» [18, с. 210]. Розанов обращался к полякам – представителям Римско-католической церкви и грозил им применением к ним европейского опыта борьбы с политикой Рима: «И поумерьте, гг. бискупы и ксендзы¹, ваше польское политиканство, хотя бы вспомнив

¹ Епископы и священники.

Францию и Италию, где за “политику” в религии приходилось рассчитывать так горько, что об этом плачут и не наплачутся Ватикан и гордые кардиналы. А если нужен полонизм, и вы переодеваете Христа в польский “кунтуш”, то уж не поминайте же имени Божия всуе, оставьте Евангелие и действуйте открыто, как агитаторы, политики и воины, сняв сутану и одев “конфедератку”...» [18, с. 210].

Разумеется, политика местной администрации и столичных ведомств, определявших основные направления правительственной деятельности в регионе, не была столь однозначна, как казалась В.В. Розанову. Конечно, при разных императорах, генерал-губернаторах, губернаторах могли колебаться основные линии правительственной политики, но сказать, что вся администрация была составлена сплошь из полонофилов, нельзя. Правительственная деятельность в регионе скорее определялась общей ситуацией в стране, конкретными задачами, поставленными столичными ведомствами. Да и не обладало правительство ресурсами и инструментами, чтобы быстро и радикально изменить сложившуюся веками социальную иерархию в регионе. Только советская власть, опрокинув социальную пирамиду, смогла добиться так желаемого публицистом освобождения белоруса от польского натиска.

Тем временем религиозная борьба в Западной Руси не прекращалась. Об одном из таких случаев межконфессионального противоборства Розанов сообщал читателям следующее: «С истинным негодованием вся Россия прочтет вчерашнее известие о том, как толпа католиков, около 1000 человек в местечке Зельне Волковышского уезда напала на возчиков, доставивших камень для постройки православного храма, строящегося на месте недостроенного костела, и что затем между напавшею толпою и стражниками произошла перестрелка, оставившая на месте шесть трупов и семерых раненых» [19, с. 249].

Таковы были последствия указа «Об укреплении начал веротерпимости», о которых, как справедливо отметил публицист, в апреле 1905 года никто и не подозревал: «Не о таких событиях молились два года назад в костеле св. Екатерины в Петербурге на торжественном благодарственном молебствии по поводу Высочайшего указа, даровавшего народам России вероисповедную свободу; не таков был смысл молитв, читавшихся на этом молебствии; не о том говорили лица многочисленного католического духовенства, съехавшегося на это торжество. И самый указ был, конечно, дан вне предвидения таких и подобных событий» [19, с. 249]. А польский католицизм, по мнению Василия Васильевича, продемонстрировал свое истинное отношение к православию и русским: «Но тогда небо было ясно. Теперь оно начинает хмуриться. Тогда католики получали, – теперь они уже получили и, как всякий собственник, хотят распорядиться свободой по-католически, не по-русски. “Вы, русские, терпимы: но это не обязывает нас к терпимости”; “вы дали нам свободу: но свобода – это только развязывание рук, и мы развязанными руками хотим поколотить вас”» [19, с. 249].

Спустя пару лет В.В. Розанов вновь возвращается к ситуации в северной части Западного края. Он приходит к выводу, что основное внимание власти и общества должно быть приковано именно к этому региону, а не Привислинскому краю: «Польша и поляки заняли непропорционально большое место в нашем внимании. Чего можно пожелать русскому управлению во всем обширном Западном крае, то это перестать особенно тревожиться варшавскими криками и варшавской лестью, варшавскими жалобами и варшавским угодством – и перенести центр своего внимания на Литву и на Белоруссию» [20, с. 301]. По его мнению, эти территории ближе Центральной России благодаря этнической и культурной близости украинцев и белорусов к великорусам: «Края эти обширнее Привислинских губерний ближе к сердцу России; и они не только географически ближе к нему, но и по существу» [20, с. 301].

Не осталась без внимания и проблема взаимоотношений католичества и православия в Северо-Западном крае, но тональность изложения, на наш взгляд, стала более спокойной, без критики правительственной политики в области религии. Публицист утверждал, что православие всегда оборонялось от католической экспансии в регионе: «Отношения православия к католичеству всегда были только отпором» [20, с. 302]. По его мнению, поляки могли бы прекратить свою деятельность по обращению православных белоруссов в католицизм, ведь русские и поляки – славяне: «и родственное чувство к русским, славянское чувство к русским (поляка) естественным образом могли бы выразить в том, чтобы не допускать именно в отношении русских и их православия никакого дальнейшего напора католичества. Это и ожидалось бы, и это совершенно нормально. Пусть все стоит в своих границах; раз границы мирны – не для чего переступать через них» [20, с. 302].

Публицист стал оправдывать насильственные меры по обращению униатов в православие тем, что сама уния вводилась насильственно: «Если русские сделали усилия, даже жесткие, чтобы обратить униатов в православие, то это был только отпор на унию, которая была незаконным выхватом белорусов и частью литовцев из недр православия. Кто похищает – не сетует, что похищенное отнимается» [20, с. 302]. Розанов подчеркивал, что собственно против папы Римского и католицизма он ничего плохого не имеет, но считает ненужным активную католическую деятельность в Белоруссии и Литве: «Мы ничего не имеем ни против папы, ни против Рима, насколько они сидят спокойно. Семи холмов “Вечного города” и половины Европы, наконец далеких стран Азии, Африки и Америки достаточно для энергии, власти и славы католичества, – и представляются совершенно излишними дальнейшие успехи его в среде скромной и лесистой Белоруссии и Литвы» [20, с. 302].

Последняя довоенная статья Розанова с западнорусской проблематикой была им опубликована в начале 1914 года. В ней публицист выразил свое негативное отношение к деятельности украинофилов, считая, что их деятельность только играет на руку полякам. Он цитировал письмо своего знакомого, который считал себя малороссом и владел небольшим имением в Полтавской губернии. Знакомый Розанова сообщал ему, что: «Для инородцев наших и граничных, как-то: немцев, поляков, жидов, – ничего нет милее этой “выдумки нового украинского языка”. Нынешние же учителя в малорусских школах – это жидовские и австрийско-польские попрыгачи [так в оригинале – *Д. Т.*]» [21, с. 229]. Это письмо «малоросса», процитированное публицистом в своей статье, не было им придумано. Это было письмо Степана Васильевича Беха, в котором и содержались приведенные цитаты¹.

В итоге мы можем однозначно констатировать постоянный интерес В.В. Розанова к западнорусской проблематике. Он не проходил мимо актуальных для общества проблем региона. События из жизни Западного края становились для публициста информационным поводом для донесения своего взгляда на одну из проблем польского вопроса общественности, власти. При анализе его статей наглядно наблюдается противоречивость мыслей публициста. Откровенное бичевание бюрократии и правительства и тут же требование именно к ним укротить польских националистов. Восторг от указа «Об укреплении начал веротерпимости», предоставившего возможность легального выхода из православия, и оправдание насилия при обращении русских (белорусов и украинцев) униатов и католиков в православие. Публицистика Розанова демонстрирует напряженную общественную жизнь поздней империи – империи, стремительно приближающейся к своему закату и трагическому финалу. Но разве были тогда простые решения этого сложного клубка проблем,

¹ К характеристике воззрений В.В. Розанова [Из письма С.В. Беха В.В. Розанову от 28. 12. 1913] // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 369. Л. 39 об.

получившего в историографии название «польского вопроса»? Как нам кажется, нет. Да и сейчас, наблюдая за крайне сложными взаимоотношениями между Россией, ставшими независимыми Беларуссией и Украиной и Польшей, становится ясно, что простого решения межгосударственных, межэтнических конфликтов нет и сейчас.

Литература

1. Бендин А.Ю. Практика применения российского указа 17 апреля 1905 г. о веротерпимости в Холмской Руси [Электронный ресурс] // Сайт «Западная Русь» / Режим доступа: <http://zaradrus.ru/rusmir/listf/272-17-1905.html> (дата обращения: 10 августа 2020 г.).
2. Бендин А.Ю. Указ о веротерпимости и его реализация в Северо-Западном крае Российской империи (1905 г.) // Вестник РГГУ. 2009. № 17. С. 44–58.
3. Бендин А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). Минск: БГУ, 2010. 439 с.
4. Бендин А.Ю. Граф Михаил Николаевич Муравьев-Виленский – усмиритель и реформатор Северо-Западного края Российской империи. М.: Книжный мир. 2017. 416 с.
5. Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М.: Индрик, 1999. 272 с.
6. Долбилов М.Д. Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг. // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005. С. 127–174.
7. Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Беларуссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.
8. Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.
9. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии ист. исслед. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.
10. Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев и В.В. Розанов: «отцы и дети» русского консерватизма // Тетради по консерватизму: Альманах. М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2019. № 4. С. 124–131.
11. Пучнина О.Е. Художник слова о художниках кисти: В.В. Розанов о русском изобразительном искусстве и национальном характере // Тетради по консерватизму: Альманах. М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2019. № 4. С. 95–102.
12. Розанов В.В. Был ли жесток М.Н. Муравьев-Виленский? / В.В. Розанов // Собр. соч.: [в 30 т. Т. 28:] Эстетическое понимание истории: Статьи и очерки 1889–1897 гг.; Сумерки просвещения / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2009. С. 483–485.
13. Розанов В.В. Западные губернии // В.В. Розанов. Собр. соч.: [в 30 т. Т. 28:] Эстетическое понимание истории: Статьи и очерки 1889–1897 гг.; Сумерки просвещения / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2009. С. 504–505.
14. Розанов В.В. Памятник М.Н. Муравьеву в Вильне / В.В. Розанов. // Собр. соч.: [в 30 т. Т. 28:] Эстетическое понимание истории: Статьи и очерки 1889–1897 гг.; Сумерки просвещения / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2009. С. 553–554.
15. Розанов В.В. Снятие «вероисповедных недоимок» // В.В. Розанов // Собр. соч.: [в 30 т. Т. 25:] Природа и история: (Статьи и очерки 1904–1905 гг.) / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. С. 562–564.
16. Розанов В.В. На почве старой унии / В.В. Розанов // Собр. соч.: [в 30 т. Т. 25:] Природа и история (Статьи и очерки 1904–1905 гг.) / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. С. 602–604.
17. Розанов В.В. Об административном выделении Холмщины / В.В. Розанов // Собр. соч.: [в 30 т. Т. 15:] Русская государственность и общество (Статьи 1906–1907 гг.) / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2003. С. 193–195.
18. Розанов В.В. Берегите Западную Русь / В.В. Розанов // Собр. соч.: [в 30 т. Т. 15:] Русская государственность и общество (Статьи 1906–1907 гг.) / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2003. С. 209–210.
19. Розанов В.В. Осторожнее, поляки! / В.В. Розанов // Собр. соч.: [в 30 т. Т. 15:] Русская государственность и общество (Статьи 1906–1907 гг.) / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2003. С. 249–251.
20. Розанов В.В. Беларуссы, литовцы и Польша в украинном вопросе России / В.В. Розанов // Собр. соч.: [в 30 т. Т. 9:] Старая и молодая Россия (Статьи и очерки 1909 г.) / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2004. С. 301–304.
21. Розанов В.В. Голос малоросса о неомалороссах / В.В. Розанов // Собр. соч.: [в 30 т. Т. 23:] На фундаменте прошлого (Статьи и очерки 1913–1915 гг.) / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2007. С. 226–230.
22. Głębocki H. Fatalna sprawa: Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866). Kraków: Arcana, 2000. 582 s.

Аннотация. Статья посвящена анализу взглядов В.В. Розанова на ситуацию на западных окраинах империи – Западной Руси. Эти взгляды он изложил в своих публицистических произведениях, посвященных польскому вопросу. В качестве источников используются статьи в период активной творческой деятельности публициста: 1890-е – 1914 годы. В своих статьях он оперативно реагировал на все актуальные события региона. Дебютом Розанова в этой проблематике стали размышления о личности М.Н. Муравьева-Вилenskого и вкладе последнего в «Русское дело» в Западной Руси (информационный повод – открытие последнему памятника в Вильне). Также интересующими его сюжетами западнорусской проблематики стали: проблема введения в Белорусских губерниях органов местного самоуправления; вспышка вражды между католиками и православными в Белоруссии и Холмщине в 1905–1907 годы; вопрос о соответствии правительственной политики в Западном крае истинным национальным задачам. В своих статьях автор неоднократно указывал власти и обществу на опасность польского национализма, а также опасность перманентных попыток ассимилировать русских (белорусов и украинцев) Западного края. Тревога за православных не покидала его. Присущая Розанову противоречивость суждений и взглядов ярко отразилась в этой сюжетной линии его публицистики.

Ключевые слова: В.В. Розанов, Западная Русь, польский вопрос, публицистика, православие, католицизм.

Denis O. Timiryayev, PhD in History, Senior Teacher, Department of World History, Belgorod State National Research University. E-mail: DenisOlegovichTimiryayev@yandex.ru

“Overwhelmingly the Heart Bleeds When You Read the Message of a Local Resident of Belarus...”: Western Russia as Perceived by the Conservative Intelligentsia (by the Example of V.V. Rozanov’s Publicism on the Polish Issue)

Abstract: The article is devoted to the analysis of V.V. Rozanov’s views on the situation in the western borderlands of the empire – Western Russia. Those views were expressed in his publicism on the Polish issue. As sources of information the author uses the articles published in the period of the publicist’s active creative work in 1890s–1914. In his articles Rozanov promptly responded to all current events in the region. His debut in covering that subject matter can be traced to the publication of his reflections regarding the personality of M.N. Muravyev-Vilensky and the latter’s contribution to the «Russian Case» in Western Russia (informational cause was the opening of the monument to him in Vilna). Also he was interested in the following subjects of Western Russia problematic: the problem of introducing local government in Belarusian provinces; the outbreak of religious violence between Catholics and Orthodox Christians in Belarus and Kholmshchina in 1905–1907; the problem of the compliance of the government policy in the Western provinces with the true national goals. In his articles Rozanov repeatedly drew the authorities’ and society’s attention to the danger of Polish nationalism and to the danger of the repeated attempts to assimilate the Russians (Belarusians and Ukrainians) of the Western region. He never stopped worrying about the situation with the Orthodox Christians. The inconsistency of judgments and views inherent to Rozanov was vividly demonstrated in his publications devoted to that subject.

Keywords: V.V. Rozanov, Western Russia, Polish Issue, Publicism, Orthodoxy, Catholicism.

Рождение «русской идеи» и ее политическая реализация в подавлении польского мятежа и реформировании Северо-Западного края России (1863–1865)

Польский мятеж 1863 года в Царстве Польском и Западном крае России¹ впервые поставил перед русским обществом целый ряд вопросов, ответы на которые предопределили пути развития общерусского самосознания во второй половине XIX – начале XX века. В этом памятном для русско-польских отношений году произошли события, анализ и оценка которых позволили провести резкий идейно-ценностный водораздел: между защитниками русских национальных интересов из лагеря консерваторов и славянофилов, с одной стороны, и революционными экстремистами и оппозиционными либералами – с другой. Произошедшее идейное размежевание, носившее непримиримый характер, позволило русской консервативно-патриотической интеллектуальной элите стать в это время не только творцом, но и признанным лидером общественного мнения России.

Это произошло потому, что впервые независимые от правительства представители общества – славянофилы, консерваторы и ученые-гуманитарии – сформулировали идеи, определявшие цели, задачи, мотивы и смысл военно-политической борьбы за сохранение как территориальной целостности Российского государства, так и религиозного и этнического единства русского народа. Одновременно с созданием основ общерусской идеологии были разработаны и преданы гласности общественные проекты реформирования Северо-Западного и Юго-Западного краев в интересах западнорусского крестьянства и Православной церкви, призванные ускорить процессы интеграции этих регионов в состав России.

«Русская идея», созданная под воздействием польского мятежа, нашла свое политическое воплощение в деятельности представителей национально-патриотической бюрократии. Идеейные мотивы в действиях региональных администраторов предопределили социальные, этнические и церковные приоритеты в имперской политике реформирования Западного края Российской империи.

В специальной историографической литературе названные вопросы, взятые в их совокупности, еще не получили должного научного осмысления и требуют, в свою очередь, новых исследовательских подходов [3, с. 7–138; 119; 82; 301; 18; 24; 181; 183; 184].

¹ Царство Польское, занимавшее центральную часть современной Польши, вошло в состав Российской империи по решению Венского конгресса в 1815 году. Столицей Царства была Варшава, в которой находился в момент восстания наместник – великий князь Константин Николаевич. В начале 60-х годов XIX века Западным краем России, или Западной Русью, неофициально назывались две особые территориально-административные единицы. Западный край России делился на Северо-Западный и Юго-Западный края. В Северо-Западный край входило шесть губерний: Ковенская, Виленская, Гродненская, Витебская, Минская и Могилевская. Северо-Западный край находился в подчинении генерал-губернатора, резиденция которого находилась в г. Вильне. В Юго-Западный край входили три малорусские губернии – Киевская, Волынская и Подольская. Генерал-губернатор Юго-Западного края находился в Киеве [201, с. 122; 12].

Бендин Александр Юрьевич, доктор исторических наук, профессор Института теологии Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь). E-mail: bendin26256@yandex.ru

Цель данной статьи заключается в выявлении взаимосвязей между: угрозой безопасности Российского государства, вызванной польским мятежом 1863 года, появлением общерусской национальной идеологии и реализацией положений этой идеологии в политической практике реформирования Северо-Западного края России.

Для достижения поставленной цели предлагается решить следующие исследовательские задачи:

- выявить особенности стратегии, тактики, пропаганды и политических целей польского мятежа 1863 года, превративших его в разновидность гибридной войны;
- проанализировать политическую, социально-экономическую и религиозную ситуацию, сложившуюся в Западном крае России накануне мятежа;
- рассмотреть содержание и приемы пропагандистской войны, которая велась против Российского государства как извне, так и изнутри;
- раскрыть причины патриотического подъема российского общества, вызвавшего массовые проявления общерусского этнического и российского национального самосознания;
- рассмотреть основные положения общерусской национальной идеологии, созданной консерваторами и славянофилами во время польского мятежа;
- изучить опыт реализации общерусской идеологии в деятельности главного начальника Северо-Западного края М.Н. Муравьева в 1863–1865 годах.

Осуществление поставленной цели предусматривает наряду со специальными историческими методами исследования применение междисциплинарного подхода, необходимого для изучения политических социальных и религиозных аспектов вооруженного мятежа, феномена этнического и национального самосознания, особенностей колониальной ситуации, сложившейся в Северо-Западном крае России и региональной политики социальной модернизации.

Для определения особенностей противостояния между Российским государством и польскими мятежниками, выступившими в союзе с русскими радикалами и экстремистами, в работе используется понятие «политический враг» в интерпретации Карла Шмитта [306]. В свою очередь, польский мятеж 1863 года рассматривается как разновидность «гибридной войны», которую вели против Российского государства иррегулярные отряды, подпольные организации и зарубежные силы, применявшие новые методы политической, идеологической и вооруженной борьбы. Для объяснения характера и содержания реформ, проводимых в Северо-Западном крае, применяется модернизационный дискурс, используемый в российской историографии [190, 54, 280].

В процессе предпринятого исследования представленные в современном политическом дискурсе понятия «гибридная война» и «политический враг» наполняются конкретным историческим содержанием [303, 220, 271]. Для выявления региональных особенностей, сложившихся в межсословных отношениях, используется концепт «внутреннего колониализма», который позволяет охарактеризовать Северо-Западный край России как регион, имеющий признаки «внутрироссийской польской колонии» [315, 311, 312; 18, с. 76–96].

Применение междисциплинарного инструментария представляется в данном случае методологически необходимым, так как позволяет сформировать целостное, концептуально обоснованное представление о взаимосвязи военно-политических, идейно-религиозных, социально-экономических и социокультурных аспектов научной проблемы исследования.

Почему мятеж этнических сепаратистов превратился в первую гибридную войну против России

К началу польского мятежа история дворянского общественного мнения в России уже вобрала в себя недавний опыт гласного общественного обсуждения правительственных мероприятий по организации и проведению освободительной крестьянской реформы 1861 года. В подготовке и проведении этой реформы важную роль играли либерально настроенные дворянские депутаты губернских комитетов по крестьянскому делу. Представители общественной мысли обсуждали социально-экономические вопросы перераспределения земельной собственности и сокращения сословных привилегий дворянства, которые творчески осмысливались с помощью заимствованных на Западе либеральных идей и опыта социального реформирования. Предлагаемые сторонниками охранительного либерализма положения реформы широко обсуждались в российской печати и оказывали воздействие на принятие политических решений [270, 218, 1, с. 131].

В январе 1863 года идейно-политическая ситуация на западных окраинах России принципиальным образом изменилась. На этот раз возникла необходимость в общественном осмыслении принципиально иного круга вопросов, которые изначально находились в исключительном ведении правительства. На повестку дня встал вопрос о защите территориальной целостности Российского государства и обеспечении безопасности русского народа, проживавшего на западе России.

Начавшееся военно-политическое и геополитическое противостояние представляло собой новый тип угрозы для безопасности России, имевший свои отличительные особенности. Для выявления этих особенностей следует обратиться к сравнительному анализу опыта русско-польской войны 1830–1831 годов и мятежа 1863–1864 годов.

«Военный путч», организованный в Варшаве в ноябре 1830 года, превратился в полноценную русско-польскую войну. Династическая уния, объединявшая автономное Царство Польское с Российской империей, была разорвана. Произошел насильственный захват власти, в связи с чем Царство Польское обрело де-факто политическую самостоятельность. Управление воссозданным государством осуществляли национальное правительство и сейм, а основные боевые действия против русских войск вела регулярная польская армия, поддерживаемая вооруженными выступлениями шляхты на Волыни, в Литве и Белоруссии.

Иррегулярные партизанские действия, начатые шляхтой на западных окраинах России, носили вспомогательный, локальный характер и были быстро пресечены регулярными русскими войсками. И хотя популистская пропаганда, обращенная к крепостным крестьянам, в этом шляхетском мятеже практически отсутствовала, уже тогда в антиросийских вооруженных выступлениях начала проявляться важная мобилизующая роль латинского и униатского духовенства. События мятежа в западных российских губерниях впервые поставили перед правительством важные вопросы о торможении процессов ополячения и окатоличения местного русского населения, которые бурно развивались в период правления императора Александра I, и о мерах по интеграции региона в состав России [295, 84, 55, 180, 98, 296].

Целью регионального мятежа являлось восстановление независимой Речи Посполитой в границах 1772 года путем нарушения территориальной целостности Российской империи, сложившейся после решений Венского конгресса 1815 года¹. Победа в этой

¹ Создание конституционного Царства Польского, связанного с Российской империей династическими узами, было воспринято поляками как восстановление польской государственности. В связи с этим поляки называли императора Александра I своим «воскресителем» [9, с. 80-81].

войне должна была решить вопрос о территориях и политическом статусе земель бывшей Речи Посполитой. В решающих сражениях при Грохове и под Остроленкой польская армия потерпела поражения, и 8 сентября 1831 года русская армия после ожесточенного штурма вступила в Варшаву. Мятежная Польша потерпела военное поражение и была возвращена в состав Российской империи на новых правовых и политических условиях [201, с. 125–129, 229; 292]¹.

В отличие от предыдущего мятежа и локальной войны, протекавшей главным образом в форме боевых действий между регулярными вооруженными силами двух враждующих государств, вооруженный мятеж 1863 года приобрел принципиально новое политическое измерение. Субъектом боевых действий стали вооруженные отряды добровольцев, состоявшие из гражданских лиц, что предполагало иную степень вражды к противнику, иные идейные и организационные формы мобилизации и руководства мятежом и новый геополитический контекст. Изменились стратегия мятежа и его тактические приемы, направленные на захват и удержание власти в Царстве Польском и Западном крае России с помощью разрушения Российского государства извне и изнутри.

При этом цель вооруженного мятежа оставалась неизменной – восстановление независимой Речи Посполитой в границах 1772 года [256, л. 23; 50, с. 12, 32]. Следовательно, не только Царство Польское, но и российские территории Литвы, Белоруссии и части Малороссии с населяющим их православными западнорусскими (белорусы и малороссы), должны были войти в состав второй Речи Посполитой. Неизменным оставался экзистенциальный и политический враг мятежников – Российское монархическое государство.

Продолжая сравнительный анализ, следует отметить, что после русско-польской войны 1830–1831 годов Царство Польское управлялось российской администрацией, а против регулярной русской армии воевали гражданские лица, взявшие в руки оружие. Начавшаяся партизанская война с присущими ей тактическими приемами засад и нападений стала основным средством ведения боевых действий против регулярной русской армии. Отряды вооруженных мятежников опирались на поддержку части местного населения, в первую очередь из высших сословий, и польскую ирреденту в Австрии и Пруссии. Политическую и дипломатическую поддержку мятежу оказывали правительства Франции, Великобритании, Австрии и Ватикан [1, с. 241–244].

Для организации вооруженного сепаратистского мятежа и руководства им в Варшаве было создано подпольное «национальное правительство» и сеть органов нелегальной власти на местах (воеводства, поветы), организованы подпольная печать, полиция, суды, почта и казначейские учреждения, которые собирали налоги на восстание. В Северо-Западном крае России представителем «правительства» являлся «Литовский провинциальный комитет», находившийся в Вильне, преобразованный позже в исполнительный отдел, управляющий провинциями Литвы [50, с. 12, 32]. В Юго-Западном крае нелегальную власть представлял «Департамент народного жонда на Руси», находившийся в Житомире [258, л. 10]. Антирусская подпольная организация, координировавшая свои действия с подпольным «правительством», была создана в Санкт-Петербурге [69].

В январе 1863 года нелегальное «национальное правительство» от «лица всей польской нации объявило России войну на жизнь и смерть» [26, с. 38]. Для ведения боевых действий в подпольном «государстве» были созданы также иррегулярные вооруженные отряды во главе с полевыми командирами. Несколько позже, в мае 1863 года, «правительством» были организованы специальные группы «жандармов-вешателей» и «кинжальщиков» для проведения террористических акций против русских военных, администраторов и гражданского населения [201, с. 146; 50, с. 12, 32; 70, с. 390–391; 189, с. 167–169; 65, л. 35–36].

¹ Но «к русским не было ненависти», утверждает Р.Г. Назиров [200].

Российское государство не признавало «национальное правительство» и его иррегулярные отряды воюющей стороной и относилось к ним как к мятежным подданным, преступившим закон и нарушившим присягу, данную императору Александру II. «В Польше нет военных действий, – заявляло российское правительство, – в ней мятеж; в ней нет воюющих сторон, с одной стороны – вооруженные мятежники, с другой – законное правительство, власти и регулярная армия» [81].

Таким образом, в чрезвычайной ситуации возникшего двоевластия вооруженным силам и законным органам власти Российского государства противостояли не только отряды вооруженных партизан, но и нелегальная диктаторская власть в форме разветвленной и сильной подпольной организации, которую поддерживала и направляла влиятельная польская эмиграция во Франции и в странах Западной Европы [234, с. 251–394; 3, с. 36; 53, с. 490].

Война, объявленная России подпольным «правительством», трактовалась нелегальной пропагандой как война национальная, освободительная, которая ведется всей польской нацией. В связи с этим особой мобилизующей силой мятежа являлась националистическая идеология, которая обосновывала цели, средства и способы вооруженной борьбы, формировала образ политического врага и чувство ненависти к нему [307].

Вобрав в себя идеи национального освобождения, романтического мессианизма, патриотического самопожертвования, радикального клерикализма и агрессивной русофобии, польский национализм обладал вдохновляющим и объединяющим потенциалом, притягательным для дворянства, шляхты, чиновников, духовенства и учащейся молодежи [13, 100, 189, с. 43]. Для решения практических задач подготовки к мятежу эта эклектическая идеология, созданная в основном эмигрантами, приобрела форму пропагандистского мифа, рассчитанного на все сословия польского общества.

Объектом манипулятивного воздействия пропаганды освободительного восстания становились в первую очередь представители дворянства, шляхты и римско-католического духовенства, составившие в совокупности основную социальную базу мятежа. Эти лица переживали утрату государственной независимости Речи Посполитой как национальную трагедию и враждебно относились к Российскому государству, видя в нем национального, религиозного и культурного угнетателя.

Национализм этого времени, выразивший интересы высших сословий, в своем стремлении подняться до уровня всеобщей идеологии, широко использовал политическую риторику демократических и социальных преобразований, направленных на реформирование сословного общества. Для того чтобы приобрести всеобщий, общенациональный масштаб, шляхетско-клерикальный мятеж нуждался в широкой социальной базе и в убедительном, вызывающем всеобщую ненависть образе политического врага. В связи с этим призывы к национальному освобождению от власти российского императора подкреплялись обещаниями радикальных социальных и политических реформ на землях бывшей Речи Посполитой. Целью пропагандистского мифа для низших сословий являлось вовлечение в мятеж крестьянства, составлявшего основную массу населения региона.

Мобилизующий эффект нелегальной пропаганды был во многом обусловлен его тесной связью с радикальными и экстремистскими течениями в Римско-католической церкви, находившейся на территории Царства Польского и Западного края России. Политизация польского католицизма вызвала к жизни такое явление как экзальтированный клерикальный национализм, ставший неотъемлемой частью идеологии светского национализма [23; 11, с. 26–34; 26, с. 27–29]. Клерикальный национализм обладал мощной мобилизующей силой, так как опирался на духовную власть римско-католического клира и его профессиональные способности манипулировать чувствами, мыслями и поведением своей фанатически настроенной паствы из всех сословий общества.

Внесение религиозной составляющей в военно-политическую борьбу усиливало степень враждебности к противостоящей стороне. С появлением в клерикальной среде идей религиозного экстремизма, санкционировавших и поощрявших методы политического насилия и террора, политический враг мятежников стал маркироваться не только этнически, но и религиозно¹. Идеи и лозунги бинарного национализма, социального популизма и демократизации сословного общества, пропагандируемые подпольным «правительством» и ксендзами, становились инструментом агитации и идеологической мобилизации политических врагов Российского государства.

Идейным стержнем пропагандистского мифа являлась агрессивная русофобия, которая служила средством мобилизации в мятеж, возбуждала ненависть и злобу к своим политическим врагам и к тем, кто им сочувствовал. Объектом возбуждения «крайней вражды», провоцирующей насилие, жестокость и террор, становился «москаль» как абсолютный враг польской свободы и независимости. Культивируемая русофобской идеологией ненависть к «москалю» включала в себя и негативное отношение к православным «схизматикам», которые представляли в образе врагов истинной католической веры [11, с. 29–30, 34].

Согласно католической доктрине, единой истинной и непогрешимой христианской Церковью, вне которой нет вечного спасения, является Церковь Римская, управляемая папой, викарием Иисуса Христа. На этом основании православные воспринимались как «схизматики», то есть раскольники, отколовшиеся по заблуждению от руководимой Духом Святым и непогрешимой Римской Церкви [241, 206, 178, 313]. Понимание спасения как исключительного права Католической церкви позволяло ксендзам насаждать среди паствы идеи религиозного превосходства поляка-католика над русским «схизматиком», одновременно представляя последнего в роли злобного гонителя истинной Римско-католической церкви.

В связи с этим власть русских «схизматиков» над католической Польшей оценивалась духовенством не как законная с политической и церковной точки зрения, а как «власть завоевательная, наметная по допущению Божию» [294]. Такой специфический подход к толкованию церковного учения о богоустановленности власти позволял ксендзам изменять присяге, данной императору Александру II, и призывать в костелах свою паству к мятежу и признанию власти подпольного «правительства» [11, с. 275, 276, 284, 285, 288, 289, 301, 313, 326, 335, 386, 399, 400].

В свою очередь экстремисты из числа католического клира, опираясь на авторитет духовного сана, «от имени и властью Христа» стали проповедовать «священную войну» против России. Или, по словам генерала А.Л. Потапова, «раздувать фанатизм политический посредством фанатизма религиозного» [240]². Тем самым, мятеж, поднятый против власти православного императора, получал высшую религиозную санкцию, призванную придать церковную легитимность нелегальному «правительству» и вызвать безусловное доверие паствы к идеям и целям, которые это «правительство» пропагандировало.

Подпольная пропаганда и религиозные проповеди ксендзов разжигали во всех условиях польского общества политическую и религиозную ненависть к «москалю» и «схизматику», ставшими воплощением inferнального зла, под которым понимались Россия, российская монархия, великороссы и Православие.

¹ «В польских мятежах, – отмечал виленский генерал-губернатор Э.Т. Баранов, – влиятельную роль брало на себя римско-католическое духовенство, внушая народу, что с осуществлением польских мечтаний неразрывно связаны безопасность и свобода римско-католической религии, и для возбуждения в массах религиозного фанатизма устраивало разные духовные процессии, которыми, в свое время, маскировала революционные демонстрации» [256, л 25; 53, с. 490, 502–503; 268, с. 133; 26, с. 66–83; 99].

² Как отмечала русская пресса, «на ксендзов, главным образом, падет пролитая кровь, – они, пользуясь своим влиянием, обратили его на служение убийству; они стремятся придать восстанию религиозный характер, т.е., сделать борьбу самой ужасной и непримиримой» [30, с. 62; 181, с. 80–81].

Сконструированный пропагандой расчеловеченный образ «москаля» использовался также для демонстрации «европейского» культурного мифа о превосходстве поляков перед отсталыми русскими варварами, которых пропаганда уничижительно именовала «монголами» и «татарами». Польский Центральный комитет в «Манифесте 22 января 1863 года» призывал «убогий и насилуемый народ московский» на «страшный погибельный бой, последний бой европейской цивилизации с диким варварством Азии» [158, л. 43]. Демоническое изображение «москаля» способствовало росту патриотизма и усвоению идей польского национализма, мотивировало и вдохновляло гражданских лиц на вооруженную борьбу с Российским государством [64, л. 34–35; 158, л. 123, 165; 226; 18, с. 177–208; 26, с. 66–83].

Таким образом, принципиально новым явлением в мятеже 1863 года стало широкое использование националистической идеологии и пропагандистских мифов как нелегального средства манипуляции сознанием и поведением гражданского населения. Чрезвычайную актуальность в этих условиях приобретали мотивации патриотизма и национально-религиозной, фанатичной вражды. Они были необходимы мятежникам, для того чтобы, жертвуя жизнью и свободой, добровольно взять в руки оружие, сражаться и убивать в бою русских солдат и при этом истязать и умерщвлять пленных, учинять безжалостные расправы над мирными жителями.

Важную роль в формировании названных мотиваций играли подпольные средства пропаганды и проповеди римско-католического духовенства: они внушали гражданским лицам чувство ненависти к врагу – русскому варвару, насильнику и угнетателю, противопоставляя ему притягательный образ католической Польши, поработанной «москалями-схизматиками» [11, с. 26–34, 47–48].

Таким образом, мятеж 1863 года продемонстрировал появление и эффективность новых средств формирования морального духа мятежников. После поражений 1794 и 1831 годов новые средства идеологической и религиозной манипуляции возбуждали патриотическую решимость в очередной раз выступить против России, вести партизанскую войну с регулярной армией, применять насилие и тактику терроризма для достижения своих политических целей.

Произошли перемены в стратегических планах и в тактике мятежников. Новая политическая стратегия основывалась на понимании очевидной истины, что иррегулярные отряды мятежников без помощи извне не в состоянии победить русскую армию на полях сражений. Военная победа, на которую гипотетически могла рассчитывать регулярная польская армия в войне 1831 года, в новых условиях была уже практически невозможна. Следовательно, возникла необходимость в принципиально новом политическом подходе к организации и проведению мятежа.

Прежде всего следует отметить, что подпольное «правительство», возглавляемое поочередно «белыми» и «красными», проявляло твердую политическую волю в неуклонном следовании радикальному, бескомпромиссному принципу – «все или ничего». В рамках новой, волевой стратегии политический враг национального освобождения Польши рассматривался как враг абсолютный, так как добиться территорий и политических перемен, за которые воевала польская армия в 1831 году, предстояло теперь иным путем. Восстановление Польского государства должно было осуществиться с помощью организованного разрушения или же максимального ослабления Российского государства. Поэтому ставка делалась на социально-политическую дестабилизацию империи, чтобы в итоге добиться ее расчленения, разрушения и гибели [135, л. 69–72].

Главными инструментами реализации новой политической стратегии должны были стать иностранная интервенция и русское крестьянство, подстрекаемое с помощью поли-

тических провокаций на всеобщий бунт как польскими мятежниками, так и русскими революционными экстремистами из подпольной организации «Земля и воля», которую идейно поддерживала эмигрантская газета «Колокол» [238, 175; 183, с. 122–124]¹. Завоевание независимости Польши предстояло осуществить с помощью превращения вооруженного польского мятежа в общероссийский крестьянский бунт.

Подпольное польское «правительство» рассчитывало добиться своей цели с помощью организации социального взрыва внутри страны и вторжения иностранных войск на ее территорию. Для этого планировалось вовлечь в начавшийся вооруженный мятеж не только польское, белорусское, литовское и малороссийское крестьянство западных окраин, но и великорусское крестьянство Центральной России [50, с. 3–4, 12, 20, 32; 70, с. 397; 176; 51, с. 10–61; 189, с. 122–124; 258, л. 6–7]. Объектом польской и русской антиправительственной пропаганды становились также и старообрядцы-великороссы, испытывавшие на себе тяготы религиозной дискриминации со стороны Российского государства и Православной церкви [21, с. 77–92]².

Волевая, наступательная стратегия руководителей мятежа включала в себя применение новых политических технологий, направленных на использования русских революционных организаций, эмигрантской газеты «Колокол» и русского крестьянства в качестве инструмента для достижения собственных политических целей [158, л. 43].

Неизбежное в тех условиях поражение русской армии в войне с иностранными интервентами, оккупация части страны и вспыхнувшие крестьянские бунты на окраинах и центре России должны были заставить правительство капитулировать и принять условия мятежников. Закономерным результатом успешных политических провокаций неизбежно становились многочисленные русские жертвы, приносимые «во имя Польши». Иного и нельзя было ожидать от провоцируемого вторжения иностранных войск и социального хаоса, вызванного призывами к разрушению государственного и общественного порядка.

Кроме того, одной из задач польских мятежников являлась военная поддержка борьбы горцев в затухающей Кавказской войне [1, с. 242–243]. Планировалось также вторжение отрядов мятежников на территорию России из Дунайских княжеств [134, л. 59; 135, л. 219]. Организация новых и поддержка прежних театров военных действий на западе, на юге и в центре России свидетельствовали о появлении новой агрессивной стратегии в организации и проведении регионального этнического мятежа.

Как уже отмечалось выше, реализация названной стратегии должна была привести к воссозданию независимой Речи Посполитой в границах 1772 года, отторжению российских территорий, расколу регионального Православия с помощью восстановленной унии, и политическому разделению большого русского народа, состоящего из белорусов, малороссов и великороссов [18, с. 177–208; 269, 131].

¹ В своей прокламации «Свобода» революционные экстремисты из организации «Земля и воля» демонстрировали волю к разрушению России и призывали к «неуклонной борьбе с врагом русского народа – императорским правительством» [111]. В свою очередь в прокламации «Молодая Россия», составленной П.Г. Заичневским, содержался призыв к уничтожению и государства, и общественного строя. «Выход из этого гнетущего, страшного положения, губящего современного человека, и на борьбу с которым тратятся его лучшие силы, один – революция, революция кровавая и неумолимая, революция, которая должна изменить радикально все, – все без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка. ...мы издадим один крик: "в топоры", и тогда... тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам! Помни, что тогда кто будет не с нами, тот будет против; кто против – тот наш враг; а врагов следует истреблять всеми способами» [269].

² В целях провоцирования старообрядцев на участие в общероссийском мятеже А.И. Герцен и Н.П. Огарев в 1862–1864 годах издавали в Лондоне газету «Общее вече» в качестве приложения к «Колоколу».

Пропагандистский миф освободительного восстания вобрал в себя национальные представления о белорусах и малороссах – западных русских, как отдельных народах, исторически, этнически и культурно отличных от «москалей»-великороссов. Подпольная пропаганда изображала западных русских в качестве народов Литвы и Руси, угнетенных Россией также, как и народ польский. В связи с этим подпольный Центральный комитет в манифесте 22 января 1863 года призвал к оружию «народ Польши, Литвы и Руси» [158, л. 43], не интересуясь тем, как отнесутся западные русские, составлявшие абсолютное большинство населения Западного края России, к призыву принять участие в мятеже против власти «царя-освободителя».

И в этом случае пропагандистский миф мятежников продемонстрировал свой полный разрыв с реальностью. В Западной Руси колониальными эксплуататорами западнорусского крестьянства исторически являлись польские магнаты, дворяне и шляхта, которые с помощью костела и унии ополячивали и окатоличивали западнорусское православное население [125, с. 28–41; 14, с. 177–350; 183, с. 4–8]. Российские императоры сохранили крепостное право на землях, присоединенных к империи в результате разделов Речи Посполитой в 1772–1795 годах. В результате колониальное угнетение крестьянства Западной Руси продолжалось до освободительной реформы 1861 года.

С отменой крепостного права для российского правительства впервые открывалась потенциальная возможность для полного упразднения колониального гнета, следовательно, и для нового подхода к решению национальных проблем интеграции края в состав России. Для реализации этой возможности необходимо было создание условий для социально-экономического и культурного развития западного-русского большинства и, вместе с тем – для формирования его общерусского самосознания. Требовалось также введение соответствующих ограничений для социально привилегированного польского эксплуататорского меньшинства. Словом, проблемы колониального угнетения западных русских могли быть решены правительством с помощью эффективной национальной политики обрусения Западного края [301, с. 127–129].

Подпольное «правительство» рассчитывало решить национальные проблемы западных русских принципиально иным путем. Пропагандистский миф в его «красной» интерпретации наряду с популистскими социальными обещаниями для крестьянства содержал и национальные обещания о свободном союзе «народов Польши, Литвы и Руси» в восстановленной Речи Посполитой [201, с. 146]. Однако, как оказалось на деле, подстрекательство этих «народов» к мятежу представляло опасность не столько для Российского государства, сколько для польских помещиков и шляхты, к которым западнорусское крестьянство испытывало глубокую и неподдельную ненависть [50, с. 496–499; 258, л. 8; 162, л. 3; 25; 51, с. 10–61].

Правительство вынуждено было пресекать попытки крестьян самим расправиться со своими давними колониальными угнетателями, неожиданно выступившими теперь в роли национальных «освободителей». Столь же негативную реакцию крестьян вызвали и пропагандистские призывы мятежников к отделению Западного края от России. В заявлениях о воссоздании Речи Посполитой православное белорусское и малороссийское крестьянство увидело плохо скрываемую попытку польских панов, ксендзов и шляхты вновь восстановить в крае свое безраздельное политическое и религиозно-культурное господство [258, л. 8–9; 18, с. 263–267].

Руководители и пропагандисты мятежа заявляли в зарубежной прессе, что возрожденная Польша станет «играть роль стража Европы от нашествия *москвитян*, которое день ото дня становится очевиднее». Пугая европейцев «московским вторжением в Европу», польские пропагандисты убеждали их, что «как национальная, так и географическая границы со стороны России составляют Днепр и Двина; что тут кончается европейский мир и начинается

азиатский, монгольский; что между этими мирами нет никакого возможного союза, никаких отношений, никакой политики, никакого сближения, ни в нравах, ни в семейных связях, как между англо-саксонцами и краснокожими; что москвитяне (как теперь стараются называть русских) должны, во чтобы то ни стало, быть отброшены в свои степи; что под этим только условием Европа будет спокойна от нашествия татарского варварства» [231].

Речь шла о том, что независимая Польша, восстановленная с помощью Запада в границах 1772 года, станет государством агрессивно русофобским, неизменно враждебным по отношению к побежденной России. Следовательно, западные русские (белорусы и малороссы), принудительно включенные в число подданных новой Польши, неизбежно становились в этом случае врагами России и восточных русских – великороссов¹.

Выбор новой агрессивной стратегии в качестве способа достижения победы над Россией нельзя назвать рациональным. Политические цели мятежников оказались во власти созданных ими пропагандистских мифов. С политической и военной точек зрения, выбранная мятежниками стратегия носила авантюрный, волюнтаристский характер. К началу мятежа его руководители не располагали нужными средствами и ресурсами для обеспечения военного и политического успеха. Они не смогли правильно рассчитать свои возможности и трезво оценить силы и возможности врага. Надежды, возлагаемые на экономическое недовольство крестьян реформой 1861 года и политическую решимость государств Западной Европы, вскоре показали свою политическую несостоятельность.

Польское и западнорусское крестьянство, несмотря на соблазнительные социальные обещания подпольной пропаганды, сохранило верность российской монархии. В свою очередь ни Франция, ни Великобритания, ни Австрия так и не решились пожертвовать своими интересами во имя победы польских сепаратистов. Собственных же средств и ресурсов, необходимых для того, чтобы переломить ситуацию двоевластия в свою пользу, у них было явно недостаточно.

Ограниченность ресурсной базы мятежа оказала воздействие на тактические приемы борьбы, используемые мятежниками. Новая тактика мятежа предусматривала активные партизанские действия против русских войск, подпольную борьбу, широкое использование методов терроризма, политические убийства, насилие и грабежи. Особая роль при этом отводилась религиозному и идеологическому манипулированию, осуществляемому с помощью пропаганды, и активному применению политических провокаций [64, л. 3–7; 31, с. 54–67; 15, с. LVIII; 135, с. 124; 11, с. 38; 26, с. 62–63; 70, с. 390–391].

Изменения претерпел и традиционно оборонительный характер партизанской войны. Подпольное «национальное правительство» получало шанс на легализацию и легитимность только в случае широкомасштабного военного вторжения в Россию коалиции западноевропейских государств. На военное поражение России, сопровождаемое оккупацией и потерей части ее территорий, и рассчитывали организаторы, начиная мятеж и объявляя Россию абсолютным врагом Польши². Расчет строился на том, что вождеденную интервенцию мог спровоцировать лишь агрессивный характер действий партизан, который практиковался в Царстве Польском и был направлен на завоевание Западного края России с помощью местной польской ирреденты [3, с. 50–69].

¹ Сами мятежники были непоколебимо уверены в превосходстве «польской цивилизации» в Западном крае над русской, считая, что ополячивание и окатоличивание белорусов и малороссов является неизбежным результатом сложившего соотношения культурных сил. Один из лидеров мятежников С. Сераковский утверждал, «что польский элемент, ...польская цивилизация проникли в плоть и кровь жителей этого края... что польская цивилизация стоит выше других в Западном крае, что она лучше всего соответствует современным стремлениям более развитых личностей этого края» [289].

² Деша вице-канцлера князя Горчакова к барону Бруннову, российскому послу при великобританском дворе [43]. По точному замечанию Ю.Ф. Самарина, «в отплату за расчленение Польши, Европа призывается теперь к расчленению России» [279, с. 332].

Партизанские действия польской шляхты в Западном крае, игравшие вспомогательную роль в русско-польской войне 1831 года, в новых условиях стали единственной формой вооруженной борьбы против Российского государства. Появился и новый тип мятежника, способного действовать нетрадиционными способами и методами в условиях «нелегальной и иррегулярной» борьбы, направленной как против воинских частей, так и против мирного населения, верного российской монархии. На смену солдатам и офицерам регулярной польской армии 1831 года, которые вели конвенциональную войну, регулирующую международным военным правом, пришли криминализируемые российским законом иррегулярные волонтеры мятежа, вставшие на путь «настоящей вражды». Закономерным порождением такой вражды стал терроризм, применяемый с утробной жестокостью, который усиливался в связи с необходимыми и защитными действиями правительства [50, с. 31; 219; 30, с. 54–56]¹.

Тактика терроризма выступала как метод ведения гражданской войны, с помощью которой участники «ксендзовско-шляхетского мятежа» пытались принудить подданных российского монарха к повиновению власти нелегального польского «правительства». Мятежники вешали мужчин, женщин и подростков, пытали, засекали своих жертв плетью до смерти, топили в болоте, зарывали живыми в землю, жгли местечки и деревни, грабили крестьян и мещан, пытаясь своей беспримерной жестокостью наводить ужас на лояльных России жителей Царства Польского и Западного края [64, л. 26–27; 65, л. 34–37; 161; 309; 50, с. 30; 97; 70, с. 390–391].

Волонтерами, взявшими в руки оружие и петлю палача, стали представители гражданского населения: партизаны, «жандармы-вешатели», подпольные функционеры, ксендзы и пропагандисты. Методы терроризма, политических провокаций и религиозно-пропагандистской войны, широко применяемые мятежниками в Царстве Польском и Западном крае, стали новым явлением в тактике «иррегулярной» борьбы с российским правительством.

Территория Царства Польского и Западного края превратилась в обширное смешанное поле боя без линии фронта и без правил ведения конвенциональной войны. Поэтому на видоизмененном театре военных действий регулярная русская армия вынуждена была воевать с партизанами «партизанским способом», а взятые в плен или арестованные участники мятежа не признавались военнопленными и преследовались законом как политические преступники на основании высочайше утвержденных 11 мая 1863 года Правил о порядке наложения взысканий на мятежников и соответствующих статей Военно-уголовного устава [236, 170, 172, 111–113; 304, с. 210–215; 26, с. 253–261; 189, с. 88–89; 308].

Применение агрессивной стратегии «иррегулярной» борьбы, нацеленной на подрыв государства изнутри и провоцирование вторжения извне, использование новых технологий организации мятежа, тактических и религиозно-пропагандистских приемов его проведения, стали факторами, которые радикально изменили традиционный характер «войны», вновь объявленной России.

Возник новый тип военно-политической угрозы, когда против Российского государства восстал внутренний враг, поддерживаемый извне, вооруженный идейно и религиозно мотивированный, жестокий, агрессивный и организованный². По мере расширения воору-

¹ По словам вице-канцлера А.М. Горчакова, «Восстание существует благодаря лишь неслыханной в истории системе террора» [224].

² «Ему недостаточно простой независимости, – писал М.Н. Катков о требованиях польских мятежников, – он хочет преобладания; ему недостаточно освободиться от чужого господства, он хочет уничтожения своего восторжествовавшего противника. Ему недостаточно быть поляком; он хочет, чтоб и русский стал поляком, или убрался за Уральский хребет. Он отрекается от соплеменности с нами, превращает в призрак историю и на месте нынешней России не хочет видеть никого, кроме поляков и вырождающихся татар. Что

женного мятежа и усиления дипломатического шантажа Франции, Великобритании и Австрии внутренняя и внешняя угроза превратились в реальную опасность. Сепаратистский мятеж, направленный на расчленение и разрушение Российской империи, впервые приобрел черты принципиально новой гибридной войны.

Причины начальной неготовности российского правительства к противоборству в гибридной войне 1863 года

Вызов вооруженного этнического сепаратизма, угрожавший суверенитету и целостности Российского государства, потребовал от правительства разработки и реализации комплекса чрезвычайных военно-административных мер по подавлению сепаратистского восстания и ликвидации причин, его породивших. Однако системного решения военных, политических и социально-экономических проблем ни в Царстве Польском, ни в Западном крае правительство предложить не смогло. На первых порах предпринимались меры локальные и паллиативные, не способные покончить с мятежом решительным образом¹.

Невнятная реакция правительства свидетельствовала о том, что правящая бюрократическая элита еще не имела точного представления об идейно-политической сущности нового врага, его агрессивной стратегии и партизанско-террористической тактике ведения новой гибридной войны. Не было идейных концепций, способных внятно объяснить, что представляет собой новый политический враг, восставший с оружием в руках против России, и каковы военные и политические методы борьбы с ним [246, л. 19].

Не хватало и ясного понимания, насколько лояльно к России польское и западнорусское крестьянское сословие и каковы возможности правительства для активного привлечения его на свою сторону. Накануне мятежа министр внутренних дел П.А. Валуев довольно пессимистически оценивал морально-политическую благонадежность западнорусского населения: «В отношении к силам нравственным правительство может рассчитывать в настоящее время только на себя. Со временем может быть приобретена нравственная опора в местном православном духовенстве, в средних и высших слоях населения, не принадлежащего к польской народности» [15, с. 19].

Следует отметить, что кризисные явления в правительственной политике были вызваны воздействием ряда факторов, обусловленных как многомерным характером длительного русско-польского противостояния, так и особенностями политического курса правительства Александра II во второй половине 50-х годов XIX века.

В первую очередь следует указать на многочисленные ошибки во внутренней политике, которая проводилась накануне восстания на западных окраинах России. Эта политика стала, по сути, стратегическим провалом правительства, подготовившим благоприятные условия для польского мятежа. Основными признаками этой провальной политики, приведшей к глубокому политическому и идейному кризису, стал, во-первых, ряд серьезных односторонних уступок польскому дворянству и римско-католическому духовенству Царства Польского и Западного края, которые сделало правительство Александра II во второй половине 1850-х годов.

Правительственный расчет строился на том, что упразднение административно-правовых ограничений, наложенных на польскую элиту после восстания 1830–1831 годов, включая деятельность маркиза А. Велёпольского в Царстве Польском, и высочайшее покровительство, оказываемое графу В. Старжинскому в Северо-Западном крае, помогут заручиться

не Польша, то татарство, то должно быть сослано в Сибирь, и на месте нынешней могущественной России должна стать могущественная Польша по Киев, по Смоленск, от Балтийского до Черного моря» [101, 273].

¹ Правительство предпринимало в первую очередь необходимые военные меры защиты, запаздывая с решениями политическими [189, с. 54–56; 301, с. 172–176].

политической лояльностью местного высшего сословия [28; 301, с. 174–178]. Однако результат оказался прямо противоположным. Дополнительные уступки, сделанные после подавления в 1861 году политических беспорядков в Варшаве, были восприняты как очередное проявление очевидной политической слабости российского правительства и лишь усилили враждебные, сепаратистские настроения в дворянско-шляхетской и римско-католической духовной среде.

Губернские дворянские корпорации Западного края, состоявшие в основном из дворян «польского происхождения», и часть римско-католического духовенства превратились в 1861 году в ведущую силу польской ирреденты, направленной на мирное присоединение региона к Царству Польскому [15, с. LV, LXXXVIII, 52; 268, с. 33–35, 339, 358–359, 522–525; 290; 14, с. 369; 52; 245, л. 8, 18–19, 32–35; 264]. Наряду с умеренной дворянско-ксендзовской оппозицией ирредентистов в развивающемся антироссийском движении сформировались две подпольные сепаратистские группировки – «белых» и «красных». Провоцируемая уступчивой и непоследовательной политикой правительства экстремистская группировка «красных» начала деятельную подготовку к вооруженному сепаратистскому мятежу [3, с. 13–16, 32–36; 18, с. 121–123, 160–162; 135, с. 214–224]¹. И беспорядки в Варшаве, и появление ирредентистского движения в Западном крае стали первыми элементами гибридной войны, развязанной против России.

Кроме того при проведении реформы 1861 года в Северо-Западном крае правительство не ставило своей целью завоевание политической лояльности белорусского крестьянства с помощью защиты его социально-экономических интересов. В этой связи основные экономические выгоды от начавшегося в Западном крае процесса раскрепощения и перераспределения собственности на землю получили политически неблагонадежные польские помещики, сумевшие обезземелить крестьян накануне реформы 1861 года [70, с. 101; 91].

Наиболее сильно пострадали от обезземеливания белорусские крестьяне Северо-Западного края, в то время как польские помещики получили необходимые ресурсы для тайного финансирования готовившегося мятежа. Ущемление крестьянских интересов, произошедшее в процессе реформы, вызывало у крестьян экономическое недовольство, перерастающее в конфликты с помещиками. В ответ на экономические протесты крестьян последовал неадекватный силовой ответ со стороны администрации края. Своими безответственными действиями региональная администрация буквально подталкивала освобожденное западнорусское крестьянство встать на сторону своих колониальных угнетателей – польских помещиков и шляхты, готовивших мятеж против власти «царя-освободителя» Александра II [268, с. 8–9, 71, 303, 305, 306–310, 313, 315; 263, л. 108–109, 130–131].

Малороссийское же крестьянство Юго-Западного края России благодаря деятельности администрации к началу реформы оказалось в более выигрышном экономическом положении. Вместе с тем и в Северо-Западном, и в Юго-Западном краях правительство более опасалось крестьянского движения, направленного против польских помещиков, чем угрозы польского восстания против Российского государства [275].

В-третьих, российское правительство в своей региональной сословной политике исходило из представлений, что Северо-Западный край по этно-религиозному составу своей социокультурной элиты является по преимуществу польским, а не русским, и не относилось к нему как к неотъемлемой, исторической части России. Попытки обрусения края, предпринятые Комитетом Западных губерний в 1831–1848 годах, не принесли ожидаемого интеграционного эффекта².

¹ С началом польского мятежа император Александр II пришел к осознанию ошибочности своей прежней политики односторонних уступок польскому дворянству и римско-католическому духовенству [189, с. 59].

² По словам министра внутренних дел П.А. Валуева: «В течение тридцати лет правительство не достигло в отношении к сближению Западного края с коренной Россией никаких положительных результатов» [246, л. 1; 248; 86].

Исторического интеграционного триумфа в Западном крае добилась лишь Русская православная церковь благодаря действиям императора Николая I и епископа Иосифа (Семашко). На Полоцком соборе 1839 года произошло окончательное воссоединение с Церковью белорусских и малороссийских униатов [88, 272, 221]. Униатская церковь в Российской империи сохранилась только в Царстве Польском. Со времени упразднения унии Католическая церковь в Северо-Западном крае, располагавшая прежде конфессиональным большинством, оказалась в меньшинстве, а польский сословный ирредентизм и сепаратизм обрели единую церковную маркировку – католики латинского обряда, латиняне.

И в Царстве Польском, и в Западном крае свои церковные, политические и национальные интересы «веротерпимое» католическое духовенство связывало с восстановлением Речи Посполитой. Польское духовенство Западной Руси, обладавшее материальным достатком и высоким социальным статусом, являлось ведущим полонизатором местного непольского населения.

Своим участием в антиправительственных манифестациях 1861 года латинский клир продемонстрировал впечатляющую способность к политической мобилизации паствы, что привело к расширению сословных и этнических границ польского ирредентизма. Экстремистская и фанатичная часть римско-католического клира и монашествующих превратилась в духовного лидера и влиятельную политическую силу готовившегося сепаратистского мятежа. Возник союз «красных» светских экстремистов с экстремистами религиозными [257, л. 25; 265, л. 37–38; 262; 263, л. 102–103; 243; 157, л. 18, 33; 119, с. 70–71, 94–95; 181, с. 122].

Западнорусское православное духовенство, несмотря на свой «господствующий» правовой статус, пребывало в состоянии материальной бедности и социального унижения, а состояние и внешний вид большинства православных храмов представляли собой унылое и жалкое зрелище [188, 208, 207, 250]. В результате в Западном крае России сложилась парадоксальная ситуация. Материально обеспеченное, привилегированное польское духовенство, служившее в величественных каменных костелах, в массе своей было враждебно императорской власти и русскому Православию. В то же время бедные и униженные православные священники, служившие в ветхих и убогих деревянных церквях, были носителями и проводниками русского самосознания и сохраняли верность императору Александру II [104, с. 421–425; 90; 310; 177; 80, с. 11–13].

Следует отметить, что односторонние уступки, сделанные польской элите российским правительством во второй половине 1850-х годов, существенно снизили результативность предыдущей политики обрусения Северо-Западного края. Действуя в интересах дворянско-шляхетской элиты и римско-католического духовенства, правительство способствовало ополячению и окатоличению его непольского населения, расширяя тем самым социальную базу польского ирредентизма и вооруженного этнического сепаратизма¹. Восстановление и защита сословных привилегий дворянства и католического клира, заполнение государственных учреждений польскими чиновниками обернулось для правительства нарастанием процессов внутригосударственной дезинтеграции и появлением политически опасного «польского вопроса» во внутренней имперской политике.

¹ Как отмечал виленский генерал-губернатор Э.Т. Баранов: «После мятежа 1831 года последователи польской пропаганды, в лице значительной части местного дворянства и духовенства, нашли возможным обратиться к таким действиям, которые, не быв запрещены законами и ускользая, во время постепенного развития от бдительности высшего начальства, могли бы в последствии оказать влияние на политические убеждения городских и сельских жителей, а при благоприятных обстоятельствах и возбудить народ к участию в мятеже. Замысел этих лиц сосредоточился на поголовном ополячении и окатоличении простого народа, а средством для сего избраны: всеобщее употребление польского языка в качестве официального, повсеместное распространение польской грамотности, польских букварей, катехизисов, учебников и вообще книг, напоминающих в искаженном виде историю самобытной Польши, в соединении с Литвой и Русью, равно привлечение народных масс к усвоению польских обычаев и даже польского костюма» [256, л. 26; 183, с. 8–11; 185].

В то же время юридическое освобождение западнорусских крестьян от власти польских помещиков, предусмотренное реформой 1861 года, не рассматривалось правительством как освобождение от угнетения национального, имевшего местную колониальную специфику [18, с. 76–96]. В начавшемся процессе раскрепощения крестьян «русский вопрос» как вопрос национального освобождения от колониального польского гнета не был осознан в качестве ведущего побудительного мотива интеграционной политики в Западном крае России.

Таким образом, региональная внутренняя политика, осуществляемая в целях интеграции шляхты «польского происхождения» в состав законопослушного российского дворянства к началу 60-х годов XIX века практически зашла в тупик. Столь же тупиковой оказалась политика в области образования и кадровая, осуществляемая по сословно-этническому принципу.

Финансируемые из казны гимназии, прогимназии и дворянские училища Виленского учебного округа готовили польское дворянство и шляхту для занятия должностей в коронных и выборных учреждениях Северо-Западного края России. Со второй половины 50-х годов содержание образовательного процесса в этих сословных заведениях стало приобретать польский националистический характер [225]. К этому времени чиновники «польского происхождения» заполнили все присутственные места и администрацию дворянских собраний. Таким образом, российское государство ускорило процесс ополячения края путем подготовки и пополнения сословно доминирующего слоя местной колониальной элиты [16, с. 4–5, 7; 123; 122, с. 5; 15, с. 1–5].

Не менее активно шел и процесс окатоличения края с помощью официального предоставления римско-католическому духовенству новых, более благоприятных условий для расширенного строительства костелов и часовен [188, с. 10; 15, с. LVI; 242, л. 6; 204]. Таким образом, польская колониальная экспансия на Восток, начавшаяся в XVI–XVIII веках в условиях Речи Посполитой и продолжившаяся в Российской империи в период правления Александра I (1801–1825) получила новый импульс в первые годы правления Александра II.

Однако политика уступок и компромиссов не смогла остановить рост сепаратистских настроений в польском обществе, а недостаточно твердые и последовательные меры, применяемые к участникам антиправительственных манифестаций, уверили радикалов и экстремистов в необходимости самых решительных действий [268, с. 134–138; 232; 256, л. 6, 22; 242, л. 49]. В итоге односторонний, сословно детерминированный характер этой политики, способствовавший росту враждебного польского национализма, перестал соответствовать задачам обеспечения государственной и общественной безопасности на западных окраинах России.

К началу мятежа в Западном крае России сформировалась многослойная конфликтная ситуация. Оппозиционно настроенная польская ирредента, выступавшая за административное воссоединение Западного края с Царством Польским, не могла примириться с утратой независимости Речи Посполитой и добивалась ее восстановления с помощью легальных средств. Конфликт ирреденты с правительством создавал парадоксальную ситуацию. Представляя свое положение в России в категориях угнетения, на деле же сама она являлась колониальным угнетателем западнорусского крестьянства. Умеренная оппозиционность ирреденты к национальному «угнетателю-москалю» продолжалась недолго и с 1861 года стала быстро приобретать все более радикальный и политически враждебный характер [268, с. 134–138].

Кроме того, польское дворянство было недовольно реформой 1861 года, так как рассчитывало на освобождение крестьян без земли. Западнорусские крестьяне, в свою очередь, были недовольны и польскими помещиками, и экономическими условиями осво-

бождения, которые предоставило государство [244, л. 1; 167, л. 2–3; 184, с. 21–22, 31; 70, с. 99]. В итоге правительство утратило доверие высших сословий и не заручилось поддержкой сословий низших. Возник региональный кризис легитимности российской власти, подготовивший условия для появления двоевластия¹.

В конце 1850-х – начале 1860-х годов правительственная политика основывалась не на стратегическом прогнозе неизбежного вооруженного конфликта на западе империи, а на попытке использования тактических выгод одностороннего компромисса, заключенного с польским дворянством и римско-католическим духовенством. Совокупность названных обстоятельств создавала серьезные стратегические риски для сохранения Царства Польского и Западного края в составе Российской империи. В конечном счете узкосословная детерминированность региональной политики правительства подрывала легитимность российской власти, способствуя созреванию политического и идеологического кризиса, который вылился в ирредентизм, а затем и в вооруженное выступление этнических сепаратистов [244, л. 1; 167, л. 2–3].

Кто помогал врагам России в гибридной войне

В этой связи следует указать также и на внешние факторы, целенаправленно влиявшие на провоцирование идейного кризиса правящей бюрократии и сочувствие мятежу в либеральном русском обществе. С началом польского мятежа в польской эмигрантской и западноевропейской прессе развернулась активная информационная кампания, направленная против защитных мер, предпринимаемых российским правительством в Польше и Западном крае. А.Н. Мосолов, один из сотрудников виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева, так вспоминал об этих событиях: «Все иностранные газеты были наполнены возгласами и сожалениями о поляках, мужественно гибнущих за отечество; нас называли варварами и монголами и предлагали нам убраться подальше на Восток, где наше истинное призвание, и уступить место польской цивилизации» [194, с. 8; 189, с. 191–192]².

В Западной Европе с критикой и осуждением защитных действий российского правительства выступали прогрессивные издания, формируя либеральный русофобский дискурс и русофобское общественное мнение, поддерживаемое правительствами Великобритании, Франции, Австрии и Ватиканом [218; 120; 194, с. 8–10; 77]. Объединенная враждой к самодержавной России либеральная и революционная публицистика, апеллируя к принципам свободы, равенства и национальной независимости, отстаивала интересы польских сепаратистов, решительно отказывая правительству в праве на вооруженную защиту своего государства, своей территории и русского народа, проживавшего на его западных окраинах [31, с. 277–281].

Внешние и внутренние политические враги, памятуя о поражении России в Восточной войне (1853–1856), не желали видеть в ней суверенное государство, которое, действуя в собственных национальных интересах, проводит независимую внутреннюю и внешнюю политику. Враждебно настроенные западная публицистика и пропаганда стремились политически и нравственно обессилить правящую российскую элиту, лишить

¹ О том, к чему привела на деле политика односторонних уступок, писал в свое время известный русский мыслитель Л.А. Тихомиров: «Не следует забывать, что в 1863 году Россия переживала скорее русский, чем польский кризис. Ряд ошибок с 1856 года привел нас к такому положению, что русское дело казалось проигранным. Таково было впечатление бунтующих поляков, таково было мнение вяло защищающихся русских; так, наконец, начали смотреть даже державы Западной Европы» [299, с. 351].

² Западноевропейское общественное мнение испытывало «ненависть и презрение» к России, рассматривая борьбу с ней как противостояние цивилизации с азиатским русским варварством [9, с. 48–49].

ее воли и уверенности в праве предпринимать решительные действия по подавлению вооруженного польского мятежа. Русскому же обществу предписывалось, в свою очередь, идейно встать на сторону польских сепаратистов, признать их цивилизационное и культурное превосходство, национальную и моральную правоту в вооруженной борьбе с Россией.

Иными словами, Александру II и общественному мнению следовало идейно и психологически уступить идейному давлению извне и изнутри, осудить проявленный ими русский патриотизм как политически и морально ущербный и воспринять интересы политических врагов России, стремившихся к ее уничтожению, в качестве законных, обоснованных и справедливых.

В авангарде антироссийской пропагандистской кампании находился влиятельный в либеральных кругах России «Колокол», издаваемый в Лондоне А.И. Герценом и Н.П. Огарёвым. Следует отметить, что в период подготовки и проведения крестьянской реформы русское образованное общество, император и бюрократическая элита прислушивались к голосу Герцена, который приветствовал издание манифеста 19 февраля 1861 года и называл императора Александра II «освободителем» [66].

Однако к началу вооруженного мятежа отношение «Колокола» к Российскому государству принципиальным образом изменилось. А.И. Герцен и Н.П. Огарев, являясь общепризнанными «лидерами мнений», решительно встали на сторону его политических врагов, выступив активными апологетами польских мятежников, защищая их абсолютную идейно-политическую и моральную правоту в «иррегулярной» войне, объявленной Российскому государству. Столь же решительной и активной была идейная поддержка, которую оказывал «Колокол» экстремистской подпольной организации «Земля и воля» и «Комитету русских офицеров в Польше», ставших политическими союзниками этнических сепаратистов [64, л. 44; 110; 111; 26, с. 174–176; 85; 130, с. 80–84; 291].

Судя по пропагандистской активности «Колокола» в 1863 году, А.И. Герцен стал одним из активных и деятельных участников масштабной политической провокации, затеянной руководителями польского мятежа в своекорыстных политических интересах. В связи с этим «Колокол» начал пропагандистскую кампанию, рассчитанную на дезориентацию и раскол образованного русского общества, которому внушались идеи о справедливом, освободительном характере «иррегулярной» войны, начатой против «официальной» России. Объектами пропаганды становились в первую очередь радикально настроенная учащаяся молодежь, военнослужащие, сторонники оппозиционного прозападного либерализма. Не оставалась без внимания пропаганда и российская бюрократическая элита.

Апология польского мятежа, совершаемая русскими радикалами и экстремистами, осуществлялась в русле агрессивной политической стратегии, нацеленной на разрушение Российского государства извне и изнутри. Совместная русско-польская пропаганда ставила своей целью превращение регионального польского мятежа в триггер общерусского крестьянского бунта и иностранной военной интервенции.

Пропагандистские приемы, используемые «Колоколом» в развязанной информационной войне, заключались в подмене понятий, тенденциозном подборе фактов, наклеивании ярлыков, а также в применении принципа контраста, в соответствии с которым происходила героизация мятежников и демонизация их врагов. Смысл целенаправленно производимых манипуляций состоял в том, чтобы вызвать доверие к перевернутой системе ценностей и заставить принять в качестве истинной ту интерпретацию событий, которую навязывал «Колокол» своим читателям. Пропагандистский миф, создаваемый «Колоколом» и русскими экстремистами, становился составной частью пропагандистской мифологии, используемой этническими сепаратистами,

польской эмиграцией и либеральной западной прессой для достижения победы над Россией¹.

Апология мятежа началась с попыток деморализации шельмования русской армии, расчеловечивания защитников законной власти, оправдания насилия и терроризма, исходящих от мятежников. Война с мятежниками объявлялась несправедливой и преступной, а переход на сторону врага был представлен как высшая гражданская добродетель. Прославлению подлежали только те русские офицеры, которые изменили присяге и перешли в лагерь этнических сепаратистов. Восхваляя благородство доблестных героев польской и русской свободы, «Колокол» в противовес этому сурово осуждал солдат и офицеров русской армии, честно и мужественно исполнявших свой воинский долг по защите территориальной целостности Российского государства [112, 114].

Яростной и уничижительной критике подвергались действия военно-гражданской администрации, которая предпринимала решительные и эффективные меры по подавлению мятежа и устранению причин, его породивших. Западник Герцен стал одним из творцов живучего русофобского мифа о генерал-губернаторе М.Н. Муравьеве, который подхватила польская, советская, а затем и белорусская националистическая пропаганда [71, 20, 179].

«Колокол» умышленно игнорировал многочисленные факты террора мятежников, которые с изуверской жестокостью расправлялись со своими многочисленными жертвами, вина которых заключалась в верности российской монархии. Однако стоило военно-гражданской администрации прибегнуть к наказанию мятежников и террористов, осужденных на основании приговоров суда, как избирательно гуманный «Колокол» тут же проникался воинствующим человеколюбием и состраданием. Мятежники, казненные за свои доказанные судом преступления, получали не только моральное оправдание, но и награждались терновым венцом мученика, а вот администраторы и судьи, действовавшие в соответствии с законом, оскорбительно именовались «злодеями» и «вешателями» [113, 115].

В интерпретации «Колокола» политические враги Российского государства представляли в образе героических рыцарей, самоотверженных патриотов и мучеников свободы, а вот русские воины, полицейские и чиновники, стойко защищавшие свое государство, преподносились читателю в отвратительном облике палачей, убийц, насильников и грабителей, совершающих «зверства» и «татарские злодейства» [109, 105–108, 110].

Гневное негодование «Колокола» вызвал стихийно возникший всеобщий патриотический подъем русского общества, который стал общенациональным ответом на вызов польского мятежа и угрозу иностранной интервенции. Органический по своей природе и происхождению защитный русский патриотизм был морально осужден как «самая злая, ненавистная добродетель из всех», а массовая готовность всех сословий выступить на защиту своего Отечества презрительно характеризовалась как «патриотический сифилис».

Подмена понятий, представляемая общественному мнению, совершалась с помощью нехитрых идеологических манипуляций. В перевернутой системе ценностей добродетельным и нравственно безупречным признавался лишь тот сектантский патриотизм, который проповедовал сам «Колокол», то есть пораженческий, антигосударственный, антигражданский, защищающий интересы, откровенно враждебные России и русскому народу [114, 116]².

¹ Славяновед А.Ф. Гильфердинг писал о том, что часть русских публицистов не была убеждена в моральной правоте «нашего дела», так как находилась под обаянием польского пропагандистского мифа о «священных идеях свободы, отечества и национальности» [68, с. 294].

² Следует отметить, что Герцен сотрудничал с зарубежными руководителями мятежа, помогая им не только идейно, но и практически в деле деморализации русской армии и склонению офицеров и солдат к государственной измене – переходу на сторону мятежников. Руководители мятежа использовали «Колокол» и

Герцен, вероятно, лукавил, когда уверял польских мятежников, что против них выступит лишь «официальная, петербургская Россия», но только не «Русь народная» [117]. В действительности же оказалось, что и «петербургская Россия», и «Русь народная» проявили неожиданное политическое единство и общность интересов в своей готовности подавить мятеж, отстаивать независимость государства и вместе с ней свободу белорусов и малороссов в Западной России [112, 114].

Талантливая, яркая и страстная пропаганда моральной и политической правоты этнического сепаратизма, направленного на разрушение Российского государства, целиком укладывалась в русло новой агрессивной стратегии руководителей и идеологов мятежа. Ведь пропагандистская казуистика «Колокола» должна была убедить русских читателей, что во имя эгоистических интересов экстремистского меньшинства, представленного польской шляхтой и духовенством, следует стать политическими врагами царя-освободителя Александра II, как это сделали «Земля и воля» и «Комитет русских офицеров в Польше». Или же по крайней мере пополнить ряды либеральной оппозиции, сочувствовавшей мятежу и его западноевропейским союзникам¹.

Более того, русскому обществу следовало принять за аксиому следующее: стихийно вспыхнувший народный патриотизм является преступным и «кровожадным» по своей природе; Российское же государство заслуживает своей гибели лишь потому, что, действуя в рамках закона, посмело выступить на защиту жизни и собственности своих подданных, не желая лишаться суверенитета и территориальной целостности².

В это время подлинным мерилом любви к русскому народу становилась солидарность с западнорусской его частью, которой угрожала опасность вновь оказаться под колониальным гнетом польско-католического меньшинства. Поэтому национальные интересы русского народа были связаны с царем-освободителем Александром II, вставшим на защиту белорусов и малороссов, а не с интересами и целями польских сепаратистов, поднявших антирусский мятеж на западных окраинах империи [18, с. 268–296].

Однако Герцен, публично клянясь в любви к русскому народу, не желал видеть эгоистическую, русофобскую и религиозно-фанатическую природу польского национализма, камуфлированную демократической и либеральной риторикой национального и социального освобождения. Ему явно не хотелось учитывать тот непреложный факт, что польские мятежники преследуют лишь собственные политические интересы, ставя своей задачей захват территории Западной России, населенной по преимуществу православными белорусами и малороссами.

Следовательно, речь шла о колониальном реванше, который предусматривал восстановление политической власти польского католического меньшинства над западнорус-

возвращения Герцена к русскому дворянству и русским офицерам для приобретения политических союзников в армии и образованном русском обществе [134, л. 73–75; 135, л. 169].

¹ Интересна реакция «передовой» русской молодежи на известия о том, что в Северо-Западном крае крестьяне выступили против мятежной польской шляхты. Один из корреспондентов газеты «День» писал: «Я вчера видел несколько юных русских демократов из Гейдельберга: они очень смущены и не знают, как отнестись к событию. Ждут приказаний из Лондона. По званию “демократов” они обязаны сочувствовать простонародному восстанию везде и всюду, особенно же когда народ восстает за свою народность и против шляхты – но так как эта шляхта поляки, а народ-то ведь русский, то русские гуманисты и не смеют стать прямо на сторону своего народа... Принять сторону русских мужиков нельзя никак; поляки сейчас назовут варваром, казаком, поборником деспотизма, да и у русских иных газет прослынешь, пожалуй, кровожадным и нелибералом!» [78].

² Глубокое, поистине «чаадаевское» презрение Герцена к России и русскому народу сквозит в его оценке происходившего всесословного празднования в 1862 году 1000-летия Российского государства. По словам А.И. Герцена, мятеж начался «в то самое время, когда торжественно праздновалось тысячелетие нашего *ребячества!*» [117].

ским православным большинством. Очевидно, что широко декларируемая любовь Герцена к русскому народу не распространялась на верных России западных русских – православных белорусов и малороссов, которых он великодушно возвращал мятежным «братьям полякам» для дальнейшей колониальной эксплуатации [114]¹. Стоит, очевидно, напомнить, что реализация политических планов мятежников по восстановлению Речи Посполитой в границах 1772 года означала превращение западных русских, которые становились ее подданными, во врагов Российского государства.

С помощью пропаганды освободительных идей «Колокол» настойчиво внушал русскому обществу провокационную мысль о том, что интересы польских сепаратистов и русского народа совпадают, так как у них общий враг – деспотическое Российское государство, которое необходимо уничтожить совместными революционными усилиями обоих угнетенных народов [107, 117, 130, с. 80–84; 17].

Отсюда следовал вывод, что только революционное крушение самодержавной монархии в России станет для угнетенного русского народа подлинным, конечным освобождением, которое откроет ему путь к политической свободе, федерализму и общинному социализму [110, 234, с. 42–51; 29; 227, 230]. Иными словами, русскому народу, самозабвенно любимому Герценом и Огаревым, настоятельно предписывалось совершить мучительное коллективное самоубийство ради воплощения в жизнь планов польских мятежников и социально-политических утопий авторов «Колокола» и прокламаций «Земли и воли»².

Впрочем, для здравомыслящих русских интеллектуалов из консервативного и славянофильского лагеря неизбежные последствия политического торжества освободительного мифа «Колокола» были очевидны. Расчленение и разрушение Российского государства, вставшего на трудный путь прогрессивных реформ, означало в тех условиях развязывание кровопролитной гражданской войны, влекущей за собой многочисленные жертвы и страдания русского народа. Как уже отмечалось выше, неизбежным в этих условиях становилось восстановление колониального угнетения белорусов и малороссов и превращение их во врагов России³. Иностранное вмешательство во внутренние дела России, к которому настойчиво призывал западник Герцен, означало на деле утрату ее суверенитета, политической независимости, оккупацию и потерю западных территорий [114]⁴.

Философ В.К. Кантор сочувственно писал о духовной трагедии Герцена, пережившего опасное искушение радикализмом [94, 109, 106, 108, 274, 85, 33]. Однако в данном случае стоило бы напомнить о реальных жертвах этого идейного искушения. Было бы кстати рассказать о трагедии русских людей, соблазненных силой пропагандистских внушений Герцена, который, к несчастью, оказался мастером манипуляции сознанием своих почитателей.

¹ В отличие от А.И. Герцена, разработывавшего утопические проекты будущего федеративного устройства славянских государств, славяновед А.Ф. Гильфердинг прямо указывал на подлинные политические цели, которые преследовали мятежники под «стягом Орла, Погони и Архангела»: «Польша становилась в противоречие с необходимым политическим результатом освобождения русского народа, и сперва устами подольских дворян, и дворян, готовивших известный адрес Замойского, а затем тысячами воззваний и газетных статей, наводнивших всю европейскую журналистику и сопровождавших вооруженное вторжение в русские области, захотела снова наложить на этот освобождаемый народ иго чужой национальности» [67].

² По словам Н.П. Огарева: «Наша революция – реорганизация или по-русски сказать: наш бунт – народное самоустройство» [117].

³ Известный западнорусский историк М.О. Коялович, будучи выходцем из Гродненской губернии и хорошо знавший ситуацию изнутри, прямо указывал, «что с польским государством в Западной России невозможно свободное существование и свободное развитие литовского, белорусского, малороссийского элемента!» [75].

⁴ Стоит напомнить, что старательно провоцируемая мятежниками и их русскими союзниками иностранная интервенция грозила гибелью Российскому государству, не готовому к новой войне с коалицией ведущих западноевропейских государств [189, с. 193].

Люди, поверившие ему на слово, совершили акт предательства или самообмана, сделавшись, как и сам Герцен, всего лишь пешками в чужой политической игре. Они идейно или на деле перешли на сторону врага, наивно полагая, что делают это для блага русского народа и его будущего свободного развития¹. Поэтому более уместно говорить о провокаторской роли и моральной безответственности Герцена, которые и послужили причиной подлинной трагедии доверившихся ему русских людей.

Следует признать, что в процессе реализации авантюрной стратегии польского мятежа использование «Колокола» в качестве инструмента политической провокации оказалось хотя и целесообразным, но все же политически неэффективным тактическим приемом. Идейно привлекательная пропаганда национального и социального освобождения, внушавшая одновременно необходимость соучастия в поражении Российского государства и самоуничтожении русского народа, не встретила ни сочувствия, ни поддержки в реформируемом русском обществе².

Напротив, экстремистский, пораженческий и морально предосудительный посыл пропагандистского мифа «Колокола», его призывы к государственной измене, идейно-нравственная легитимация насилия и бесчеловечных террористических методов, применяемых мятежниками, вызвали неизбежную реакцию отторжения общественным мнением России. Русское общество решительно отказалось защищать интересы политических врагов своего государства и платить чудовищную социальную цену за будущее революционное «освобождение», к чему увлеченно призывал «гуманист и народолюбец» А.И. Герцен и его соратники из экстремистской организации «Земля и воля» [79, с. 19]. Популярность «Колокола» в России начала стремительно падать, являя наглядный пример того, как талантливо исполненная пропагандистская манипуляция сделалась инструментом неудавшейся политической провокации.

Пропаганда «Колокола» и его сторонников позволяет сделать вывод, что против Российского государства и русского народа выступил новый политический враг, русский по этническому происхождению. Отличительной особенностью поведения названного врага стала его пропагандистская деятельность, направленная на деморализацию армии и бюрократической элиты, дезориентацию общественного мнения и подмену национальных интересов русского народа интересами его врагов.

Взятые в совокупности с призывами к вооруженному насилию и разжиганию межсословной гражданской войны эти подстрекательские действия представляли собой угрозу для государственного и общественного строя, независимости и территориальной целостности Российского государства. Появление русского союзника мятежа стало еще одним свидетельством гибридного характера войны, объявленной России польскими сепаратистами.

¹ Император Александр II располагал сведениями о нелегальной деятельности «Комитета русских офицеров в Польше». Обращаясь к солдатам и офицерам лейб-гвардии Измайловского полка в связи с известиями о начале мятежа в Царстве Польском и о жестоких убийствах русских солдат в ночь с 10 на 11 января 1863 года, император заявил: «Но и после сих новых злодейств я не хочу обвинить в том весь народ польский, но вижу во всех этих грустных событиях работу революционной партии, стремящейся повсюду к ниспровержению законного правительства. Мне известно, что партия эта рассчитывает на изменников в рядах наших; но они не поколеблют веру мою в преданность своему долгу верной и славной моей армии. Я убежден, что теперь более, чем когда-либо, каждый из вас чувствуя и понимая всю святость присяги, исполнит свой долг, как честь нашего знамени того требует» [129].

² Общественные умонастроения относительно позиции «Колокола» выразила славянофильская газета «День»: «Не только бездну роет Герцен между собой и русским народом, не только отлучает он себя навеки от родной земли, но, если он не прекратит своего образа действий, если его возбуждения прольется хоть одна лишняя капля русской крови – кровь русского народа вместе с народным проклятием, падет ему на голову. И одна ли лишняя капля! Целые реки крови могут потечь – благодаря воззваниям, фальшивым манифестам и всяким соблазнам, расставленным совести безбородых, увлекающихся юношей! Руки ли по локоть в русской крови, в крови русского народа протянет он братски русскому народу?!» [78].

Реакция русского общества на вызов гибридной войны

Вспыхнувший в январе 1863 года вооруженный мятеж, сопровождавшийся крайней жестокостью мятежников в отношении русских солдат, стал неожиданностью не только для правительства, но и для общественного мнения России [283]. Начавшийся мятеж взорвал все основания прежней либеральной политики умиротворения Царства Польского и Западного края и поставил под угрозу первые результаты освободительной крестьянской реформы 1861 года¹.

Победа в первой гибридной войне требовала применения иных средств и инструментов и учета накопленного опыта в проведении крестьянской реформы 1861 года. Нужна была новая тактика в борьбе с мятежом и новые стратегические подходы к решению ключевых проблем внутренней и внешней политики, которые нуждались в новых идеях и новых лицах, способных к их практическому воплощению. В связи с этим возник вопрос о политической компетенции правящей бюрократии и адекватности ее идеологии вызовам новой гибридной войны.

У бюрократической элиты и русского образованного общества еще свежи были в памяти безуспешные попытки примирения с польскими высшими сословиями и внешне-политические ошибки, которые привели к венгерской кампании 1849 года и к поражению в Восточной войне 1853–1856 годов. Сохранялась также память о том, что восстановление в Царстве Польском законной власти императора Николая I побежденная польская элита – и в эмиграции, и внутри страны – истолковывала как возвращение оккупантов – национальных угнетателей, русификаторов и схизматиков. Дворянство и духовенство стали навязывать эту точку зрения низшим сословиям, готовя тем самым идейную, религиозную и социальную почву для нового мятежа [264]².

Однако для императора Александра II и его администрации было политически неприемлемым представлять перед крестьянством Царства Польского и Западного края в образе «угнетателя-москаля», который усиленно создавала и навязывала враждебная пропаганда. Столь же политически нецелесообразным стало бы возвращение к неудачному опыту половинчатых и нерешительных мер по обрусению Западного края, предпринятых Комитетом Западных губерний в 1831–1848 годах.

В новой политической ситуации нужно было учитывать грозный фактор двоевластия, который выявил ряд острых системных проблем в обеспечении легитимности российской власти в регионе, а политическая враждебность части представителей высших сословий «польского происхождения» свидетельствовала о стратегической ошибочности предыдущей политики сословной интеграции в состав российского дворянства. Для ликвидации причин и последствий гибридной войны нужна была не только военная победа над мятежниками, которую политические враги России вновь могли бы истолковать как возвращение оккупантов и варваров-угнетателей.

События 1863 года наглядно показали, что победа русской армии в войне 1830–1831 годов во многом оказалась обесцененной в результате бессильной и безыдейной

¹ Подпольное польское «правительство» объявило крестьянам, что бесплатно наделяет их той землей, которой они владели до реформы 1861 года и отменяет все повинности в пользу их бывших владельцев и налоги, введенные Российским государством. Безземельным крестьянам, которые пойдут в мятеж, были обещаны бесплатные земельные наделы. Соблазнительные экономические обещания нелегального «правительства» отменяли положения государственной реформы о наделении крестьян землей за выкуп и временное выполнение повинностей в пользу помещиков [50, с. 3–4, 20; 51, с. 10–61; 284; 244, л. 4].

² Как отмечал в 1867 году виленский генерал-губернатор Э.Т. Баранов: «События, случившиеся после 1831 года, приводят к убеждению, что водворившиеся в крае лица польского происхождения, умея во время строгого преследования, присмиреть и как бы подчиниться правительству, впоследствии, при малейшем ослаблении правительственных мер, восстанавливали свой образ действий, стремясь к отторжению Западных губерний Империи в пользу предполагаемого Царства Польского» [256, л. 23; 3, с. 22–23].

политики, органически неспособной учитывать национальные интересы западнорусского населения. События ирреденты и вооруженного этнического сепаратизма сформировали политическую повестку дня «польского вопроса», решаемого военными, политическими и пропагандистскими методами. Одновременно вышла на первый план и политическая повестка «русского вопроса», не решенного правительством после победы в русско-польской войне 1830–1831 годов. За военным разгромом мятежа и наказанием виновных должно было последовать и крушение его пропагандистских мифов, созданных самими сепаратистами, а также их русскими и западными союзниками [189, с. 190–192].

С началом польского мятежа в общественно-политическом осмыслении и решении «русского вопроса» определились три основных направления. Первое – отношение российского общества к действиям правительства и монарха по подавлению мятежа и защите территориальной целостности России. Второе – творческая деятельность интеллектуальной консервативно-патриотической элиты по созданию русской национальной идеологии. Третье – поворот правительства от безыдейного «управления» западными окраинами к политике «национальной, знающей свои исходные пункты в исторической реальности и свои цели, совпадающие с целями национальной будущности России» [299, с. 352].

Начавшаяся эпоха Великих реформ представляла правительству новые, небывалые ранее возможности восстановить крестьянское доверие к государству с помощью национально мотивированных, глубоких и системных преобразований. Военная победа над сепаратистами могла быть закреплена только политикой эффективных социально-экономических и культурных реформ, проводимых в интересах крестьянского большинства – как польского и литовского, так и западнорусского.

В этой связи от императора и правительства требовалась идейная готовность и политическая воля к проведению новой региональной политики, направленной на преодоление кризиса легитимности власти и придания нового импульса интеграционным процессам на западных окраинах империи. Столь же важной представлялась политическая воля и способность правительства предотвратить войну с коалицией западноевропейских государств, защитив национальные интересы и суверенитет России с помощью дипломатических средств.

Первым направлением в решении «русского вопроса» стала позиция реформируемого русского общества, занятая в ответ на вызов новой гибридной войны. Известия о начавшемся сепаратистском мятеже, защитниками которого выступили ведущие западноевропейские государства, вызвали реакцию всех сословий русского общества, ставшую неожиданной и для политических врагов России, и для западного общественного мнения. Ни те, ни другие не предполагали, что процесс раскрепощения русского крестьянства, начатый реформой 1861 года, не ограничится лишь сферой правовых и социально-экономических отношений, и поэтому русский народ продолжит традиционно пребывать в «косности, смирении и раболепстве». Названную точку зрения разделяли и русские оппозиционные либералы [178]. Однако появление польской дворянской ирреденты в Западном крае, а затем и вспыхнувший сепаратистский мятеж вывели начавшийся процесс раскрепощения крестьян на новый идейный и социально-политический уровень.

В 1862 году польское дворянство Западной Руси предприняло попытку отделения края от России и присоединения его к Царству Польскому на правах административно-территориальной автономии. Это был первый, пока еще мирный шаг к воссозданию независимой Речи Посполитой в границах 1772 года [11, с. 434; 15, с. XLIV]. С этой целью в сентябре 1862 года представители дворянской корпорации Подольской губернии Юго-Западного края составили адрес на имя императора, в котором просили присоединить Подолию к Царству Польскому. В ноябре 1862 года собрание дворян Минской губернии, следуя примеру подольских дворян, выразило желание представить Александру II адрес с просьбой о присоединении к Царству Польскому Минской губернии [266, л. 51; 245, л. 32–35].

В соответствии с указаниями из Парижа, где находился центр польской эмиграции, остальные губернские дворянские корпорации Западного края также должны были обратиться к императору с прошением о присоединении их губерний к Царству Польскому [245, л. 18–19; 268, с. 551–552; 15, с. LXXXVIII]. Предпринимаемые акции узко сословного ирредентизма, проводимые в рамках гибридной войны, были рассчитаны не столько на внутренний, сколько на международный пропагандистский эффект. Важно было убедить общественное мнение ведущих западноевропейских стран, что возвращения в Польшу требуют все сословия Западного края, подлинными интересами которых выражает польская дворянская элита. По мнению организаторов движения, их действия принесли ожидаемый политический результат: «Литва и Юго-Западный край... заявили довольно Европе свою непреклонную решимость свергнуть русское иго и присоединиться к Польше с восстановлением прежних границ ее. Надлежит ожидать благоприятного времени: событий в Италии и Венгрии или готовящейся революции в самой России» [160].

По другую сторону административной границы встречную политическую солидарность с региональным ирредентизмом продемонстрировало и дворянство Царства Польского. Представители этого дворянства заявили, что «до тех пор будут действовать против русского правительства, пока последнее не соединит с Царством Польским Литву, Белоруссию, Волынь, Подолию и Малороссию» [14, с. 369; 264]. Так как требования польского дворянства края были противозаконными и посягающими на «целостность государства», император Александр II наложил запрет на проявления дворянского ирредентизма [245, л. 8].

Как показали эти события, спустя много лет после разделов Речи Посполитой, российское дворянство «польского происхождения» по-прежнему считало Западный край России неотъемлемой частью Польши. Будучи высшим сословием империи, эта немногочисленная социальная группа не испытывала сомнений в своем монопольном праве представлять национальные интересы и выступать «от имени всех сословий» полиэтнического и поликонфессионального населения обширного региона¹. Однако с началом реформы 1861 года колониальное господство польской элиты, основанное на крепостном праве и сословных привилегиях, начало постепенно уходить в прошлое.

В тот момент польское дворянство еще не осознавало в полной мере, что полученная от монарха личная свобода западнорусских крестьян явилась источником пробуждения общерусского и общенационального сознания в народной среде. Как только западнорусскому населению стало известно о попытках дворянства объединить западные губернии с Царством Польским, так последовали ответные действия, направленные на сохранение края в составе России. Угроза присоединения к объединенной польской автономии оказала непосредственное воздействие на появление протестного движения «снизу», что привело к подаче многочисленных «верноподданнических адресов».

Вот, например, что писали в «адресе» императору православное духовенство и миряне г. Минска: «Отделение нас и края нашего от России равносильно самому насильственному отнятию дитяти от груди родной матери и самая мысль о сем страшнее для нас

¹ Согласно статистическим данным МВД за 1864 год, поляков – дворян и чиновников в девяти губерниях Западного края насчитывалось 266 831 человек. Количество польского населения всех сословий составляло 859 100 человек. В то же время все население Западного края насчитывало 10 888 874 человека [247; 12]. В 1863 году российский этнограф Р.Ф. Эркерт издал на французском языке «Этнографический атлас областей, населенных сплошь или отчасти поляками», в котором численность поляков Западного края даже несколько превышала данные, известные МВД. Известный историк М.О. Коялович так определил научную и политическую значимость сведений, которые содержались в этом Атласе: «Теперь оказывается, и оказывается наглядно и популярно, что польская провинция от Немана и Буга до Двины и Днепра, даже за Двину и за Днепр – есть русская область, что целые миллионы поляков этой провинции сводятся на деле к миллиону с небольшим, что составляет десятую долю всего населения Западной России» [126, с. 540].

самой смерти – что насильственное присоединение Минской губернии к Польше, которой мы и знать не хотим, по самому искреннему нашему признанию и убеждению, противно коренному населению сего края» [266, л. 161–162].

Таким образом, процесс пробуждения низового общественного сознания, принявший форму апеллирования к верховному защитнику России, начал приобретать признаки русского патриотического движения. Первыми общественными защитниками единства Российского государства стали западнорусские крестьяне, мещане и православные священники Западного края [266, л. 7, 46, 51–52, 160, 202; 34; 287].

С началом сепаратистского мятежа, возникновением внутренней и внешней угрозы для целостности Российского государства русское общество оказалось в своеобразной «пограничной ситуации». Опасность повторения вооруженной интервенции западных держав, спровоцированной мятежом, и революционная пропаганда внутри страны, направленная на разжигание общерусского крестьянского бунта, порождали в реформируемом русском обществе чувство опасности, тревоги и обеспокоенности за судьбу России.

Эти настроения, ставшие всеобщими и массовыми, довольно быстро стали трансформироваться в психологическую готовность к вооруженной борьбе и самопожертвованию во имя защиты «царя-освободителя» и российского Отечества¹. Патриотические настроения, возникшие в ответ на вызов внутренних и внешних врагов России, стали катализатором общественной активности, принявшей форму монархических манифестаций, которые демонстрировали единство политических интересов самодержавной монархии и всех сословий русского общества. Началось всеобщее общественное движение «за целостность и неприкосновенность земли русской», которое выросло стихийно из практики подачи «всепопданнейших адресов и писем» на имя императора Александра II, который стал верховным воплощением государственного и национального единства России.

Начавшееся в конце 1862 – начале 1863 года в Западном крае России в православной крестьянской и мещанской среде, это движение было подхвачено дворянством центральных губерний [18, с. 268–283]. Так, в марте 1863 года к императору обратились дворяне Санкт-Петербургской губернии, которые заявили в своем адресе: «Вызванные польскими смутами притязания на достояние России возбуждают в нас скорбь и негодование. Завистники наши мнят, что время преобразований, предпринятых Вами для пользы и преуспевания государства, благоприятствует их замыслам на всецелость Русской державы. Но тщетны были бы их покушения! Испытанное в преданности и самоотвержении дворянство, не щадя сил и жертв, в тесном союзе со всеми сословиями станет на защиту пределов империи» [103, с. 93].

С началом общенационального движения в защиту России и западных русских в газете «День» наряду со многими был помещен и адрес Самарского дворянства, направленный императору Александру II. Автором адреса, написанного в апреле 1863 года по просьбе предводителей дворянства Самарской губернии, был славянофил Ю.Ф. Самарин.

В этом небольшом тексте Самарин высказал ключевые мысли, свидетельствовавшие о том глубоком перевороте в общественном сознании, который произошел с началом Великих реформ. Указывая на политические цели западных «врагов» – использовать польский мятеж для того, чтобы «ослабить и унижить неразгаданную ими Россию», – автор заявлял, что ответом на грозящую опасность станет «народная война» в защиту «чести и целостности России» [277]. Консолидированная позиция самарского дворянства, выразителем которой выступил Самарин, стала еще одним подтверждением возникшего общественно-

¹ Следует отметить, что русское патриотическое движение, начавшееся «снизу», происходило также и в традиционных формах церковного богослужения. С началом мятежа в Царстве Польском и Западном крае тысячи фабричных рабочих Москвы заказывали в церквях панихиды по убитым русским воинам и молебны о торжестве русского оружия [192].

го согласия по важнейшей проблеме, стоявшей в эпицентре общественно-политической жизни страны¹.

Всесловная поддержка, оказываемая императору Александру II, становилась в тех условиях не только показателем общественной легитимации действующего в России политического режима. «Адрес», составленный Самариным, как и множество других, красноречиво свидетельствовали об участии русского общества в обсуждении властных решений верховной власти. В данном случае «адрес Самарского дворянства» демонстрировал решимость общества, основанную на «твердой вере в окончательное торжество правового дела», к самопожертвованию во имя защиты Отечества. Тем самым императору посылался недвусмысленный сигнал, что общество не примет никаких правительственных уступок дипломатическому шантажу со стороны ведущих западноевропейских держав².

В свою очередь, верховная власть в переговорах с Великобританией, Францией и Австрией по польскому вопросу учитывала твердо выраженное мнение российского общества и заявленную народную волю к сопротивлению внешней агрессии. Для того чтобы образованное общество имело ясное представление о сущности унижительных дипломатических требований западных государств и действиях правительства, направленных на защиту суверенитета и достоинства России, дипломатической переписке был придан гласный характер. Дипломатические депеши вице-канцлера А.М. Горчакова и иностранных дипломатов публиковались в центральных и провинциальных газетах, вызывая оживленное обсуждение в русском обществе. Победа, которую в итоге одержала русская дипломатия, сделала А.М. Горчакова героем дня [93, с. 248].

Поэтому на встрече с дворянством и купечеством Нижнего Новгорода, которая состоялась 5 августа 1863 года, император Александр II мог, не колеблясь, заявить: «По последним полученным мной сведениям, я еще не отчаиваюсь в сохранении мира, но если Богу угодно испытать нас войной, то я твердо уверен, что вы дадите мне помощь и надеюсь, что нашу Россию мы отстоим» [46]³.

Следует отметить также, что «адрес» Самарского дворянства стал выражением великодушия, которое проявляло образованное русское общество к своему политическому врагу, заявляя о том, что не испытывает ненависти к тому, кто восстал против России, и не требует мести «за рассчитанные оскорбления и за невинную коварно пролитую кровь» [277]. Тем самым автор адреса выказывал надежду на будущее братское примирение двух славянских народов – русских и поляков, в основе которого – «сознание нашего племенного родства».

¹ Органический, естественный порыв всесловного патриотизма 1863 года разительно отличался от формальной, организованной сверху кампании верноподданнических адресов и пожертвований в период Восточной войны 1853–1856 годов Ю.Ф. Самарин с иронией писал о том, какими чувствами и мыслями руководствовались тогда дворяне при составлении адресов на имя императора Николая I: «С трудом и напряжением, подбирая слово к слову при сочинении адресов, мы заботились не о том, как бы лучше выразить общую мысль, а как бы не сказать слишком много или слишком мало, как бы верно попасть в тон и угадать, каких именно чувств и мыслей, какого градуса патриотической теплоты желает правительство. И, естественно, выходили адреса бесцветные, натянутые, холодные, вроде риторических упражнений школьников на тему, заданную учителем, или поздравительных писем к престарелым дядюшкам и тетушкам, сочиняемых детьми по заказу дальновидных родителей [276, с. 304].

² В адресе, составленном дворянством Московской губернии и преподнесенном императору в Зимнем дворце 17 апреля 1863 года, говорилось: «Ваше милосердие, Государь, есть твердость и сила. Так понимает его Ваше верное дворянство; так понимает его весь народ Ваш; так должны понимать его и недруги России» [103, с. 103].

³ Министр иностранных дел Великобритании лорд Джон Рассел, выступая в парламенте 8 мая 1863 года, заявил следующее: «Я убежден, что при *теперешней настроении русского правительства, а еще более русского народа* [так в тексте – А.Б.], не может быть и речи об отделении какой-либо части этой великой империи. Есть славные воспоминания, есть символы гордости и силы, связанные с Россией, на которые можно посягнуть, но которые едва ли можно уничтожить без продолжительной, кровопролитной войны» [103, с. 147].

«Адрес», написанный Ю.Ф. Самариным, как и многие другие, направленные императору Александру II, содержали представления о мотивах патриотического поведения русского общества, возникшего как реакция на очередной польский мятеж, вновь поддержанный Западом. Патриотические идеи, высказанные А.С. Пушкиным в стихотворениях «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», написанных в 1831 году в честь поражения мятежной Варшавы, вновь обрели политическую актуальность.

В 1863 году сотни таких писем от представителей различных сословий, вероисповеданий и этнических групп публиковали газеты «Северная почта», «Русский инвалид», «День», «Московские ведомости», «Виленский вестник» и другие. Патриотические обращения к императору стали стихийным проявлением общественного доверия к верховному защитнику единства Русской земли [245, л. 7; 266, л. 41, 51–52, 160–162, 202; 212; 205, л. 18, 29, 58, 61; 143]¹. Например, только на страницах «Северной почты» в течение весны и лета 1863 года были опубликованы многочисленные «всеподданнейшие письма» старообрядцев Москвы и Петербурга, профессоров Московского, Казанского и Харьковского университетов, дворянских собраний и купеческих гильдий, городских и сельских обществ Западного края, Прибалтики, Центральной России и ее восточных окраин.

Решимость встать на защиту Отечества, заявленная в обращениях к монарху, свидетельствовала о том, что патриотическое общественное мнение воспринимало борьбу с польским мятежом не только как вопрос исключительно государственный. Претензии польских сепаратистов на Западный край России с целью «ополячить и окатоличить несколько миллионов русского народа» обеспечили правительственной борьбе поддержке всех сословий русского общества. Как отмечал славянофил И.С. Аксаков: «Польский вопрос отныне не дипломатический, не государственный, не европейский международный, – а русский, земский вопрос» [79, с. 2]².

Широкая общественная поддержка, оказанная российскому императору в период трудных политических испытаний, стала ярким выражением социальной активности общества в условиях начавшегося пореформенного развития страны. Действия представителей всех сословий Российского государства, включая крестьянство, освобожденное от крепостной зависимости, стали демонстрацией народной воли к защите Отечества. Патриотическая общесословная солидарность с самодержавной монархией, заявленная представителями различных конфессий, этнических групп, сословных и профессиональных корпораций, впервые приобрела *общенациональный* характер.

Массовые проявления русского этнического самосознания, ставшие общественной реакцией на попытку отделения Западного края от России, оказались неразрывно связанными с общенациональным чувством имперского патриотизма и верности монархии [35]. Традиционные представления русских о религиозно-мистической связи, существующей

¹ Как уже отмечалось, всесословное массовое движение в форме «всеподданнейших писем и адресов» вызвало гневную реакцию со стороны А.И. Герцена. В своей ненависти к мощно вспыхнувшему патриотическому общественному движению западник Герцен не скупился на язвительные и уничижительные определения и характеристики. Сама мысль о том, что публично заявляющий о себе русский патриотизм есть явление естественное, органическое, а не искусственное, возникшее по приказу начальства, была для Герцена невыносима. Поэтому он настойчиво уверял читателей «Колокола», что «адреса», идущие от всех сословий к императору, написаны по образцам, составленным в МВД. Политическое негодование Герцена проявилось во множестве злобных эпитетов, которыми он щедро награждал патриотическое воодушевление, в котором пребывало русское общество: «Адресоложество», «Патриотический бред по образцам», «Правительственная фабрикация адресов», «Фабрики адресов» и прочие. В унисон Герцену вторили западноевропейские либеральные журналисты, которые внушали своим прогрессивным читателям, что всеподданнейшие адреса пишутся «по приказанию полиции» [288].

² О том, что польский вопрос является вопросом русским, требующим идейно-смыслового, русского ответа, писали в это время Н.Н. Страхов и Ю.Ф. Самарин [298, с. 37–50; 276, с. 354].

между православным царем и народом, не претерпели изменений, но были дополнены новым опытом политического выражения общерусского самосознания и российского национального единства [293, с. 122–124].

Одним из многочисленных свидетельств чувств и представлений, которые были характерны в это время для западнорусского населения, стал адрес крестьян Кобринского уезда Гродненской губернии: «Враги страшают повернуть нас в прежнее рабство и отнять наше состояние, но мы, видя их гнусные поступки, помня тяготеющее нас иго, не можем хладнокровно взирать на все это. Мы, верные сыны единой благословенной семьи Русской, мужественно будем защищать пределы единого нашего Отечества и докажем врагам на самом деле, что ни обольщения, ни угрозы, не заставят нас отторгнуться от твоей великой благословенной Богом державы» [205, л. 61].

В Западном крае России, ставшем ареной боевых действий, общественная готовность к защите «единства Русской земли» воплотилась в конкретных действиях. Социальной опорой императорской власти и русской армии в Западном крае было в первую очередь православное население: духовенство, крестьяне, мещане и дворяне. Более того, вооруженные выступления этнических сепаратистов, совершаемые ими убийства, грабежи и насилия вызвали сопротивление со стороны крестьянства – прежде всего белорусского и малороссийского. Против мятежных польских «панов» выступили и старообрядцы-великороссы Северо-Западного края [21, с. 77–92; 25; 50, с. 39; 39; 36; 161, л. 14; 215, л. 1, 47, 59; 206; 217].

Освобождение западнорусских крестьян в 1861 году и сепаратистский мятеж 1863 года сделали чрезвычайно актуальным вопрос об упразднении отношений колониальной эксплуатации, которые традиционно базировались на крепостном праве и дворянской собственности на землю. В связи с этим противодействие мятежу, которое начали оказывать православные западнорусские крестьяне, приобрело характер антиколониальной борьбы с польскими помещиками и шляхтой. Это массовое народное сопротивление, как стихийное, так и организованное правительством в форме сельских караулов, вызывало, в свою очередь, патологическую ненависть мятежников, которая выливалась в жестокие расправы над сторонниками российской монархии [12; 96; 138, с. 8–9, 112; 104, с. 410–412; 166].

В результате гибридная война, которая велась сепаратистами в целях расчленения России, приобрела в Западном крае характерные признаки антиколониальной гражданской войны. Специфическими особенностями этой войны явилось вооруженное противостояние высших и низших сословий, разделенных колониальными границами, то есть социально, конфессионально, этнически и лингвистически [215; 217; 184, с. 35]. Предпринятая сепаратистами попытка отторжения края от России и восстановления колониального господства польской элиты способствовали массовому проявлению общерусского этнического самосознания и украинского патриотизма [18, с. 268–296].

Вот как писал об этом И.С. Аксаков: «В самом деле, могли ли мы ожидать, что после нами же поощренной, настойчивой деятельности Чарторыйских, Чацких и им подобных, – после того, как мы же сами, возвратив этот край из польского пленения отдали русский народ польским панам в виде распространения на последних привилегии русского помещичьего права, а на первых – русской же крепостной зависимости, – могли ли мы ожидать, повторяем, что русский народ северо-западных и юго-западных областей, при первом покушении к мятежу той части населения края, которая составляет в нем действительную силу – силу поземельного владения, образованности, богатства и знатности – встанет, как один человек, одушевится единым чувством – нераздельности своей с Россией и преданности своей русскому правительству? ...И так – как бы вопреки нам самим, русский народ Северо-Западной и Юго-Западной России оказался верным и своей народности, и своей вере и русской власти» [8, с. 392–393].

Западнорусское население, прежде всего православное, своими защитными действиями, мирными и вооруженными, открыто и прямо заявило о том, что край русский, а не польский, и принадлежит России не только в силу Основных государственных законов, но и по праву народного выбора. Таким образом, вопрос о принадлежности Западного края был решен не только армией и правительством, но и стихийными и организованными проявлениями народного волеизъявления.

Следует отметить, что в западнорусском народном движении, направленном против этнических сепаратистов, принадлежавших к колониальной элите, отчетливо проявилось понимание того, кто является подлинным политическим врагом России и русских. Несмотря на усилия провокационной «освободительной» пропаганды и терроризм мятежников, православное население Западного края начало осознавать свои общерусские этнические интересы, связывая их с российской монархией и Россией [205, л. 18, 29, 58; 144; 34; 39; 41; 42; 45; 48; 286].

Выражением идейной и моральной правоты западнорусского населения в борьбе с восставшими колониальными угнетателями стали вооруженные действия и монархические манифестации, в которых были сформулированы представления о единстве этническом, общерусском и единстве общенациональном, российском. В свою очередь солидарность с православным западнорусским населением, проявленная русским обществом, Православной церковью, славянофильской и консервативно-патриотической прессой, закрепили в общественном сознании представление о русской идентичности Северо-Западного края. Признание исторической, религиозной и этнической нераздельности края с Россией стало неотъемлемым элементом формирующегося национального самосознания русского населения Российской империи.

«Пограничная ситуация» 1863 года и рождение общерусской национальной идеологии

Вторым направлением в решении «русского вопроса» стало формирование новой идеологии, которую Л.А. Тихомиров определил как «русская идея» [299, с. 365]. Проблемы военного и гражданского противостояния, ставшие актуальной повесткой дня общественной жизни России, вызвали потребность в понимании целей, мотивов и смысла борьбы, которую вело правительство против польских сепаратистов. Русское общество нуждалось в осмыслении характера и степени внутренней и внешней опасности, которая угрожала не только существованию государства, но и этнической идентичности и православной вере западных русских – белорусов и малороссов Западного края.

Новая гибридная война, начатая политическими врагами Российского государства, впервые открыла окно возможностей перед независимой от правительства русской общественной мыслью. Созданный правительством идейно-политический кризис, ускоривший созревание мятежа, обернулся неожиданным благом, создав необходимые условия для формирования «русской идеи» как политической идеологии.

События 1863 года наглядно показали, что в возникшей «пограничной ситуации» у правящей бюрократии с ее «передовыми и прогрессивными взглядами» не оказалось идей, столь же сильных и убедительных как те, которыми располагали враги Российского государства. Среди российской бюрократической элиты не было единой точки зрения на отношение к польскому мятежу и к идентичности Северо-Западного края России. Некоторые ее представители продолжали считать, что новые уступки мятежникам в виде предоставления автономии Царству Польскому помогут задобрить агрессивных западноевропейцев и тем самым предотвратят иностранную интервенцию. Часть элиты увлекалась либеральными идеями «равноправия всех народов», часть находилась под влиянием

русифобской иностранной печати [189, с. 250–252]. Были и такие, которые, несмотря на численное преобладание православного западнорусского населения, считали Северо-Западный край польским, исходя из этнической идентичности и конфессиональной принадлежности местного дворянства и шляхты [197].

Такие государственные деятели как великий князь Константин Николаевич, глава МВД граф П.А. Валуев, министр народного просвещения А.В. Головнин, шеф жандармов князь В.А. Долгоруков, санкт-петербургский военный генерал-губернатор князь А.А. Суворов и другие в своем отношении к борьбе с мятежом, которую вели армия, местная администрация и западнорусское крестьянство, руководствовались «понятиями европейской цивилизации». Не зная действительной ситуации на местах и не понимая особенностей иррегулярной, гибридной войны, которая велась против России отнюдь не по правилам, они с легкомысленным сословным самодовольством апеллировали к высоким принципам гуманизма и «легальности».

Суровые, но политически необходимые меры в отношении мятежного польского дворянства и ксендзов вызывали у сановных бюрократов благородное негодование, так как, по их мнению, давали повод Западу называть русских «варварами»¹. Свойственная этим деятелям верность принципам сословной солидарности с польским дворянством искажала оптику восприятия и различения политического друга и врага. Таких политически инфантильных, лишенных русского самосознания государственных деятелей виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев называл «космополитами и внутренними врагами России», которые «носят только личину русских» и «популярность в Европе» ставят выше интересов России [301, с. 184–186]².

Существовавшая идейная разногласица, характерная для российской бюрократической элиты, не только препятствовала выработке единой твердой и последовательной стратегии, нацеленной на подавление мятежа, но и мешала слаженной работе министерств, администрации Царства Польского и генерал-губернаторов Западного края. Примером тому служила деятельность восстановленного императором в сентябре 1862 года Западного комитета, который стал ареной борьбы между безыдейными «космополитами» и русскими патриотами, к числу которых относились виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев, военный министр Д.А. Милютин, министр государственных имуществ А.А. Зеленой и другие [259, 118].

Министр внутренних дел П.А. Валуев в своем дневнике вынужден был признать идейное бессилие правительства в борьбе с польским мятежом: «Мы все ищем моральной силы, на которую могли бы опереться, и ее не находим. А одной материальной силой победить нравственных сил нельзя. Несмотря на все гнусности и ложь поляков, на их стороне есть идеи. На нашей – ни одной» [27].

Действительно, заемные и ученически усвоенные азы западного либерализма, сословный эгоизм и аристократический снобизм доморощенного европеизма не могли стать идейной опорой для проявления твердой политической воли, необходимой для решительной победы над политическими врагами, которыми двигало чувство «настоящей вражды» к России. Идейным антиподом бюрократов-«космополитов» являлся будущий виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев, который «был и умен, и энергичен, и неутомимый

¹ И.С. Аксаков в заметке о русских «варварах в Париже» не мог удержаться от иронии, глядя на поведение соотечественников-дворян в Западной Европе: «Чего не делали мы, чтобы попасть в другой чин, сколько поклонов и миллионов потрачено, чтобы заслужить повышения в европейцы, чтобы своими сочла нас Европа, – ничего не берет!» [76].

² Русских либералов, разделяющих подобные взгляды, Ф.М. Достоевский презрительно именовал «стюцкими европеизма, либерализма и социализма» [83]. Подобной оценки вполне заслуживали и названные сановники-«космополиты», руководившие внутренней политикой империи.

работник, но его поразительный успех зависел, прежде всего, от того, что он имел русский гений, а потому и русское историческое чутье. Он понимал, что против нас идет польская историческая идея; он отнесся к ней с точки зрения русской исторической идеи, и без малейшего страха, потому что понимал, что русская идея, пока она остается сама собой, – сильнее польской» [299, с. 365].

В связи с идейно аморфной позицией правительства политическая безопасность России оказалась тесно связанной с безопасностью экзистенциальной, защита которой потребовала появления новых идей и новых смыслов, создаваемых на основе творческого синтеза западных идей и традиционных русских ценностей. Идейная слабость правительства, не испытывавшего уверенности в моральной правоте своих действий в Царстве Польском и Западном крае, была с лихвой компенсирована общественной инициативой [18, с. 287–290]. Почин в создании новых идей, адекватных вызовам гибридной войны, взяли на себя представители консервативной и славянофильской мысли. Экзистенциальные вопросы, которые были поставлены этими мыслителями перед русским обществом в «пограничной ситуации» 1863 года, звучали так: кто мы такие, что нас делает русскими и объединяет в единый народ, за что и против кого мы воюем?

Переломный характер событий 1863 года остро осознавался и политическими врагами Российского государства. С получением первых известий о начале польского мятежа А.И. Герцен писал, что «тут непреодолимое веяние наставшего часа совершению судеб русского мира. Оно-то влечет и будит, исполняет любовью и энергией, пророческим духом и готовностью принести себя жертвой искупления. ...Наставший час!» [109].

В данном случае А.И. Герцену нельзя было отказать в политической проницательности. «Час», наставший для «судеб русского мира» действительно произвел судьбоносные перемены на западных окраинах России. Вот только они были прямо противоположны тем, на которые рассчитывали и которых добивались «Колокол» и его союзники внутри и за пределами России. Начавшаяся в этот период теоретико-публицистическая деятельность представителей общественно-политической мысли стала идейным выражением защитной реакции «русского мира» на угрозу политической гибели Российского государства и разделения большого русского народа. Творцом и носителем идеологии русского национализма, в рамках которой решался «западнорусский вопрос», стала интеллектуальная элита той части русского образованного общества, которая придерживалась славянофильских и консервативно-патриотических убеждений.

В 1863 году консервативно-патриотическая и славянофильская мысль российского общества была представлена известными именами М.Н. Каткова, И.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина, М.О. Кояловича, А.Ф. Гильфердинга, Н.Н. Страхова, Кс.А. Говорского, публиковавших свои статьи в таких изданиях, как «Московские ведомости», «День», «Северная почта», «Русский инвалид», «Русский вестник», «Вестник Юго-Западной и Западной России» и других. Названные издания стали притягательным идейным центром, вокруг которого происходила консолидация патриотически настроенного русского общества и к которому прислушивалось правящая политическая элита [189, с. 253–254; 194, с. 105].

Появившееся идейно-политическое направление общественной мысли явилось результатом деятельности интеллектуальных лидеров, которые выдвинулись на авансцену русской публицистики. Эти выдающиеся личности из славянофильского и консервативного лагеря в решающий для страны момент явили себя проницательными политическими аналитиками, творцами идей и носителями ценностей, которые оказались востребованными для экзистенциальной защиты патриотических, монархических и религиозно-нравственных устоев русского общества.

В результате творческих усилий вышеназванных лиц начал формироваться комплекс воззрений, которые легли в основу русской национальной идеологии, впервые соз-

даваемой учеными и публицистами по собственному патриотическому почину. «Русская идея» во многом выстраивалась как спонтанная интеллектуальная реакция на события 1863 года. В связи с этим она не представляла собой целостную идеологию как теоретически отрефлексированную систему идей.

Речь шла скорее о конструировании отдельных составляющих идеологии русско-го национализма и начальной стадии формирования его политического дискурса. Однако примечательно то, что структура этой мобильной, создаваемой по горячим следам идеологии оказалась удивительно традиционной, построенной «по очень давней трехчастной схеме христианской легенды». Как отмечал А.М. Панченко, «непременные элементы схемы: прегрешение, наказание, прозрение, а затем обретение веры» [228].

Представители консервативно-патриотического и славянофильского лагеря поразному представляли положение Царства Польского в составе России после подавления мятежа. Однако, несмотря на определенные расхождения по решению «польского вопроса», все они проявляли полное согласие в том, что мятеж должен быть подавлен, а жесткие и унижительные дипломатические требования западноевропейских государств к России решительно отвергнуты [103, с. 176–178; 8, с. 42, 185–186; 276, с. 351–357].

Поэтому нарождающаяся «русская идея» в центре внимания поставила «русский вопрос», который вернее было бы назвать вопросом «западно-русским». «Нет ни одной русской газеты, – писал М.Н. Катков, – которая не соглашалась бы, что наш Западный край есть русский край и что он должен быть русским краем, что к этой цели должны клониться все принимаемые в нем меры, и что Россия обязана воспользоваться теперешним польским мятежом, открывшим ей глаза, и серьезно подумать о приближении к этой цели» [103, с. 664]. Превращение «русского вопроса» в «западно-русский» было вызвано в первую очередь тем, что «шляхетско-ксендзовский мятеж» сделал возможным гласное обсуждение положения русского крестьянства в Западном крае России, на который претендовали вооруженные этнические сепаратисты.

Знакомство русских публицистов, ученых, военных и администраторов с социально-экономическими условиями, в которых находилось западнорусское крестьянство, долгое время пребывавшее под властью польских помещиков, повергало их в состояние шока. К этому времени появилось много свидетельств о том, что жестокая эксплуатация, основанная на крепостном праве и культурных различиях, приводила не только к физической и социальной деградации крестьянского сословия, но и размытости его русского этнического самосознания.

Многочисленными очевидцами отмечалось прежде всего, что барщина в Северо-Западном крае была труднее, чем в Великороссии. Известный историк М.П. Погодин писал, что «несчастнее, беднее белорусских крестьян ничего вообразить нельзя: многие едят с солью только по воскресеньям». Другой очевидец быта крестьян Белоруссии в 1863 году генерал-лейтенант З.С. Манюкин оценивал положение крестьян как заслуживающее «самого глубокого сочувствия. Подчиненные помещикам, чуждым им по происхождению и религии, чуждым по традициям и обычаям, они испытали все, что только испытал черный человек на плантациях устьев Миссисипи» [184, с. 6–10].

Колониальный характер эксплуатации западнорусских крестьян русские публицисты и администраторы описывали в категориях своего времени: «Повсеместное угнетение и ополячение крестьянского сословия», «гнет и унижение» со стороны «панов и помещиков», «польско-католическое иго, господствовавшее над русскими», «ополячение и окатоличение» сельского населения, которое «забито, уничтожено, приведено страшным и продолжительным угнетением здешних панов в самое уничижительное положение» [256, л. 2, 11, 22; 244, л. 3 об., 13; 249; 157, л. 56, 60 об., 67; 167, л. 1; 53, с. 497; 124, с. 280–281; 135, с. 125]. Специфику колониальных отношений, существовавших в

Западном крае, отметил Ю.Ф. Самарин: «Представьте себе все полновластие крепостного права, весь его произвол, но произвол обдуманый, расчетливый и приправленный безграничным презрением цивилизованного рыцарского племени к отверженному племени хлопов» [160, л. 313].

Колониальное «прегрешение» Российского государства и образованного великорусского общества перед «русской народностью» (белорусами и малороссами) Западной Руси осознавалось в понятии исторической вины. В русской публицистике было дано развернутое определение этой вины, обусловленной предыдущей политикой строительства империи.

Вот как определял историческую вину правящей элиты Российского государства славяновед А.Ф. Гильфердинг: «Но где видела история пример, чтобы народность, господствующая в государстве, народность его создавшая, была в одной части этого государства подавлена другой, покоренной народностью? Чтобы народность завоеванная и потому играющая в официальной жизни государства и перед лицом других стран роль жертвы, на самом деле попирала народность господствующего в государстве племени? Такого диковинного явления не сыскать в летописях древнего и нового мира, его дано было осуществить России, которая в течение трех поколений могла сносить, чтобы под ее властью, в пространных областях ее державы, русская народность была подавляема, преследуема и даже уничтожаема меньшинством иноземцев» [68, с. 318].

Причины такого «явления» славянофильская мысль усматривала в сословном эгоизме российского правящего класса, который, уничтожив политическую власть «польских панов» в 1772–1795 годах, сохранил и упрочил их колониальное господство над западнорусским крестьянством с помощью российской формы внеэкономического принуждения. Российское дворянское государство не захотело увидеть в угнетенных западнорусских «хлопах» Литвы, Белоруссии и Малороссии своих единокровных соплеменников, предпочитая им благородных по происхождению и социально близких польских дворян и шляхту. Однако длительные попытки интегрировать шляхту в состав российского дворянства с помощью колониальной эксплуатации крепостных крестьян Западного края не принесли правительству ожидаемого политического успеха [126, с. 563; 191; 95]. Польско-католическая колониальная экспансия на Восток лишь, приобрела еще более ярко выраженный сословный характер и продолжилась в новых политических и правовых условиях Российской империи.

Восстания 1830–1831 и 1863–1864 годов стали наглядным свидетельством ошибочности попыток инкорпорации Западного края в состав России с помощью наделения польской шляхты привилегиями российского дворянства. При этом следует добавить, что финансирование мятежей, которые возглавляли польские дворяне и ксендзы, осуществлялось за счет средств, полученных от колониальной эксплуатации белорусских и малороссийских крестьян. Однако несмотря на непомерную социальную цену, которую с лихвой заплатило крепостное западнорусское крестьянство за интеграционную политику империи, политический враг России так и не сталее другом. Более того, наделяя шляхту исключительными сословными привилегиями, а римско-католическое духовенство привилегиями веротерпимости, Российское государство само вырастило и экономически обеспечило своего внутреннего врага – дворянско-ксендзовский ирредентизм и сепаратизм.

Анализируя результаты имперской политики в Западном крае, русская общественно-политическая мысль сделала то, что не могло и не решалось сделать правительство. Славянофильские публицисты открыто заявили, что осознание исторической вины за неискупленные грехи сословного дворянского эгоизма и бесконтрольной веротерпимости произошло только тогда, когда с очередным польским мятежом последовало неизбежное политическое наказание. «Мы платимся теперь за всю прежнюю систему действий в Западной Руси», – справедливо отмечал А.Ф. Гильфердинг [68, с. 317].

Славянофильская мысль, решая «западно-русский вопрос», следовала указанной выше логике христианской легенды. Поэтому следующим этапом в формировании «Русской идеи» стало политическое прозрение, которое испытало великорусское образованное общество и которое удачно выразил И.С. Аксаков: «На нас лежит тяжкий грех относительно Западной Руси, на нас лежит великая, святая обязанность – исправить нашу неправду, загладить наши вины, возвратить Русскому народу в Русской земле права Русской народности, угнетению которой мы так долго содействовали» [8, с. 76].

Своеобразным «очищением» общественной совести от «тяжкого греха», совершенного имперским дворянским государством, и «обретением веры» в его искуплении, стали идеи, призванные ответить на вопросы, поставленные перед обществом в «пограничной ситуации» 1863 года. Народная борьба с мятежом в Западном крае открыла для великороссов и сам край как ранее «неведомую» часть России, и русский народ, там проживавший. Сделанное открытие стало толчком к новому осознанию собственной русскости, которое происходило в процессе осмысления общей исторической судьбы и современного положения «русской народности» Западной Руси [8, с. 77].

Идеям и целям польского сепаратизма о разделении большого русского народа, ополячении и окатоличении его православной западной части были противопоставлены идеи общерусского единства, этнического, исторического и религиозного. Носителем русского самосознания на западных окраинах России признавался народ, в первую очередь православные крестьяне, мещане и духовенство, которым противостояли носители польского самосознания – дворянство, шляхта и ксендзы [125, с. 595–605].

Для нарождающегося русского национализма одной из трудных проблем, не решаемых без помощи государства, стало состояние русского самосознания, препятствующее осознанию народом своего достоинства, самобытности и собственных национальных интересов. В силу долгого колониального господства польской элиты, особенно в Северо-Западном крае, этническая идентичность белорусов и малороссов зачастую затемнялась и отождествлялась с идентичностью конфессиональной. Православный, значит – русский, католик, значит – поляк [22; 297, с. 279].

В свою очередь становлению русского самосознания великороссов препятствовали сословные и культурные различия, существовавшие между дворянством и крестьянством. Великороссов всех сословий объединяло в этническую общность единство этническое и церковное, а разъединяли перегородки сословные и культурные. Дворянство являлось носителем западноевропейской культуры, в то время как крестьяне и мещане сохраняли верность русским культурным традициям. В случае же со старообрядцами (поповцами и беспоповцами) русское общество разделяли не только культурные, но и религиозные перегородки [293, с. 30–34].

В силу указанных причин русская национальная идеология 1863 года выстраивала представления об этно-церковной общности большой «русской народности» – белорусов, малороссов и великороссов – как явления, существующем поверх сословных и культурных барьеров и региональных различий. Православные белорусы и малороссы воспринимались этой идеологией не как *другие*, а как *свои*, в принятии русскости которых раскрывается и осмысливается русское самосознание самих великороссов [73, с. 2; 74, с. 9; 126, с. 572–582].

Аналогичные процессы в отношении этнического восприятия великороссов происходили и в интеллектуальной среде представителей Западного края. На страницах славянофильских и консервативно-патриотических изданий произошла историческая встреча идей великорусского этнического самосознания с идеями самосознания окраинного, западнорусского.

Синтез идей двух направлений русской общественно-политической мысли положил начало формированию концепта общерусского самосознания или общерусской идентич-

ности православных белорусов, малороссов и великороссов. «Русская идея», находившаяся в процессе своего становления, вышла за границы великорусского этнического пространства и приобрела общерусский характер только тогда, когда в центре внимания общественной мысли оказался «западно-русский вопрос».

Новая общерусская идеология, которая основывалась на ценностях и традициях русского Православия, монархизма, русской культуры и европейского консерватизма, не нуждалась в создании образа врага и не пропагандировала ненависть к польскому народу и либеральному Западу. Создаваемая на волне национального патриотического подъема, русская идеология во главу угла ставила идеи общерусского единства и защиты национальных интересов православных белорусов и малороссов, увязывая эти цели с обрусением Западного края и сохранением территориальной целостности России [87; 265, л. 42–43; 257; 162, л. 3 об.].

Монархоцентричному русскому национализму периода польского мятежа не был присущ групповой эгоизм, предусматривающий превосходство русских над другими, или неуважение к культурным и религиозным традициям иных народов, в частности, польского, литовского и других. Для защитного русского национализма было характерно неприятие только таких явлений как «латинство» и «полонизм», которые привели к цивилизационному разделению славянского мира и перманентному конфликту «латинской Польши» и «Православной России» [279, с. 301–308, 331, 336–337; 4].

Названные феномены рассматривались как религиозно и политически враждебные, заставляющие считать польскую шляхту и ксендзов в Западной Руси «чужой народностью», а мятежников, взявших в руки оружие, врагами русского царя, русского народа и Российского государства [7]. В связи с этим справедливый характер действий, предпринимаемых правительством и обществом в ответ на вызовы гибридной войны, обосновывался патриотическими общенациональными мотивами защиты Отечества и самодержавной монархии.

Вместе с тем эта национально-консервативная идеология, впитавшая в себя европейские и русские идеи равенства, свободы и справедливости, содержала программу реформирования Западного края, основанную на принципах взаимной ответственности: великорусское образованное общество несет интеллектуальную и религиозно-нравственную ответственность за сохранение и развитие общерусской идентичности белорусов и малороссов, а государство, в свою очередь, защищает православную веру, социально-экономические и культурные интересы жителей Западной Руси.

Общественная программа обрусения края содержала предложения, которые в совокупности можно охарактеризовать как проект национального освобождения белорусов и малороссов от «ига польских панов». В консервативно-славянофильском изложении проект обрусения Западного края главной своей целью ставил социальную модернизацию крестьянства, ускоренный характер которой был обусловлен специфическими, сословно-колониальными особенностями региона.

Глубокое понимание сути событий и процессов, происходивших в крае под воздействием мятежа, обусловило появления предложений об ускорении процессов правового, экономического и социального освобождения белорусского и малороссийского крестьянства. Публицисты и ученые указывали на асинхронность процессов социальной модернизации, происходивших в Западном крае. Так, до 1861 года объектом правительственной модернизации являлось только польское дворянство. Его сословный статус, экономическое положение, образование, культура, религия и этничность служили основой для воспроизводства колониальных отношений. После 1861 года объектом социальной модернизации становится западнорусское крестьянство, патриархальность, неграмотность, бедность и угнетенность которого препятствовало интеграции края в состав России [18, с. 80–92].

В этих условиях социальная модернизация крестьянства приобретала догоняющий характер и требовала особых правительственных мер по преодолению культурных различий, обусловивших колониальный характер отношений между сословиями. Процессы социальной модернизации, начатые отменой крепостного права, по своему содержанию являлись одновременно и процессами деколонизации края. Мятеж польских сепаратистов, направленный на восстановление колониального господства дворянско-шляхетского меньшинства, вызвал необходимость придать процессу деколонизации этническую направленность, именуемую в категориях той эпохи располчением края.

Учитывая данное обстоятельство, ученые и представители общественно-политической мысли предлагали покончить с монополией польской шляхты на получение образования и открыть народные училища для западнорусских и литовских крестьян. Деколонизация края, начавшаяся с отмены крепостного права, должна была ускориться и приобрести характер располчения с открытия русского образования для всех сословий и создания собственной западнорусской интеллигенции.

Широкую поддержку и понимание в русском обществе находила мысль о том, что усвоение основ русской культуры и развитие общерусской идентичности невозможно без государственной поддержки и общественной помощи народным училищам и церковно-приходским школам, создаваемым православным духовенством. «Помочь им для нас, жителей мирной части России, есть прямой долг и потребность сердца; тут не одно общее человеколюбие говорит, не одно чувство христианского братства; тут поддерживаем и защищаем своих, русских, свой народ, свою веру, себя самих» [74, с. 9].

Еще одним важным направлением защиты крестьянских интересов в процессе располчения края становились предложения о замене польских мировых посредников, польских чиновников и учителей русскими людьми, способными достойно служить интересам белорусов и малороссов. В этих целях признавалось целесообразным запрещение использовать польский язык в образовании и государственных учреждениях. Делу располчения края должно было служить также и распространение русского землевладения, и продажа великорусским переселенцам конфискованных у польских мятежников имений [278; 102; 8, с. 81–93, 308–324; 68, с. 328–333; 126, с. 370–374, 495–502, 558–571, 583–590, 620–624; 305]. Выказанные на страницах консервативной и славянофильской прессы положения «русской идеи» об обрусении и располчении Западного края придали этой идеологии антиколониальный, национально-освободительный характер.

Идеи русского национализма, демонстрируя творческую силу воли патриотически настроенной интеллектуальной элиты, стали ответом русского общества на идейные вызовы гибридной войны. Убедительность этого идейного ответа находила свое подтверждение в положительной реакции общества на идеи русского этнического патриотизма, общерусской солидарности и национальной мобилизации подданных России для отпора внутреннему и внешнему врагу. Идейным выходом из «пограничной ситуации», созданной «польским вопросом», стало создание основ новой общерусской идеологии. В идеологии 1863 года впервые были сформулированы цели, общие как для защиты единства и этнической идентичности русских, так и для обеспечения безопасности Российского государства. Совпадение названных целей позволило воплотить положения «русской идеи» в политическую практику социальных преобразований, осуществленных правительством в Западном крае России.

«Русская идея» М.Н. Муравьева и польский мятеж 1863 года

Третьим направлением в решении «русского вопроса», получившего «западнорусское измерение», стала деятельность администрации в Западном крае Российской империи. Под воздействием объявленной России гибридной войны и русской

идеологии, создаваемой консерваторами и славянофилами, возник феномен национально-патриотической бюрократии. Ее бесспорным лидером являлся властный и харизматичный виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев, поддерживаемый идейными и политическими соратниками в правительстве и Западном комитете.

Как уже отмечалось, в начале мятежа правительство оказалось идеологически неподготовленным к национально мотивированной политике обрусения Западного края. И в первую очередь это касалось министра внутренних дел П.А. Валуева. Идейный поворот к русской национальной политике и ее практическую реализацию осуществила в основном национально-патриотическая бюрократия, поддерживаемая императором Александром II [260; 53, с. 487].

В частности, идеи русского национализма, высказанные на страницах славянофильской и консервативно-патриотической прессы, нашли свое наиболее полное воплощение в военно-политической и реформаторской деятельности виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева. Именно Муравьев стал тем выдающимся государственным деятелем, которому удалось успешное решение «западно-русского вопроса». Принципы и методы, применяемые виленским генерал-губернатором, были частично использованы в Юго-Западном крае России киевским генерал-губернатором Н.Н. Анненковым [258, л. 8–35].

Назначенный указом императора Александра II командующим виленским военным округом и главным начальником Северо-Западного края, М.Н. Муравьев пребывал на этом посту с 1 мая 1863 года по 17 апреля 1865 года. Если исходить из понятия политического, которое давал К. Шмитт, то сила М.Н. Муравьева как администратора и политика заключалась в умении различать друга и врага и на этом основании рационально выстраивать свои действия и добиваться успеха. К моменту назначения на пост главного начальника края М.Н. Муравьев, обладавший исключительными административными способностями, имел богатый опыт государственного управления, который включал практику подавления польского мятежа 1831 года и обрусения западных губерний, «от Польши возвращенных», а также участие в Отечественной войне 1812 года [195; 199; 128; 222; 19, с. 49–52].

Чрезвычайная ситуация гибридной войны 1863 года раскрыла в полной мере истинное политическое призвание этого незаурядного человека, ставшего живым воплощением русской власти, сильной и справедливой, грозной и милосердной. Глубокий и пронзительный ум Муравьева сочетался с твердыми патриотическими убеждениями, русским самосознанием и способностью жертвовать собой ради спасения Отечества. Именно эти качества потребовались ему в Северо-Западном крае, куда он был призван императором для защиты западных рубежей исторической России [267].

Недолгое служение в Северо-Западном крае превратило представителя высшей бюрократии, одного из немногих действительно талантливых имперских администраторов, в «русского народного вождя» [194]. Это удивительное на первый взгляд превращение не было неожиданным, нужен был особый регион, нужны были чрезвычайные условия, чтобы опыт и практика имперского управления стали формой национального служения интересам «русской народности», Православной церкви и Российского государства. Иными словами, нужен был абсолютный враг, борьба с которым позволила М.Н. Муравьеву «обрести собственную меру, собственные границы, собственный гештальт» [38, с. 131].

Профессор Варшавского университета Платон Кулаковский определял содержание «русской идеи» М.Н. Муравьева следующим образом: «В пору шатаний, уныния и сомнений он ни на минуту не усомнился в мощи зиждительных сил России и доказал всем до очевидности, что Северо-Западный край был всегда и есть русская земля во всех отношениях. Положив этнографическое начало вместе с историческим в основу своей деятельности в Северо-Западном крае, граф М.Н. Муравьев поднял стяг, на котором написано: «собирайтесь, русские люди, воедино, будьте верны русскому царю-самодержцу, своей

исконной Православной церкви, своим преданиям – и ничего не бойтесь – за вами вся Россия» [168].

Перед своим назначением на пост главного начальника Северо-Западного края М.Н. Муравьев предупредил императора о том, какими будут его действия для достижения победы над мятежниками. «Только энергичные меры, не могущие понравиться Европе и даже некоторым из наших правительственных лиц, одни будут в силах восстановить законный порядок в крае, где, под терроризмом революционеров мятеж охватил всю Северо-Западную окраину нашу и даже белорусские губернии до бывших границ 1772 г.» [53, с. 487].

Гибридная война с ее направляемой стихией иррегулярной вооруженной борьбы и организованного жестокого террора стала серьезным экзаменом для российской администрации. Предшественник М.Н. Муравьева на посту виленского генерал-губернатора В.И. Назимов проявил политическое бессилие в борьбе с мятежом. Располагая достаточным количеством войск, которые неизменно наносили поражение отрядам мятежников, Назимов не смог преодолеть инерцию «уступчивого управления» и организовать на местах сильную военно-гражданскую власть. В результате в Северо-Западном крае возникло двоевластие, позволявшее литовскому отделению подпольного «правительства» восстанавливать разгромленные отряды мятежников и создавать новые, держа край в страхе и повиновении [50, с. 76–79; 193; 70, с. 99]. Подавление мятежа затягивалось, что было на руку мятежникам, ожидавшим иностранного вторжения в Россию и общероссийского крестьянского бунта.

Приступая к исполнению своих служебных обязанностей, М.Н. Муравьев обладал непоколебимой уверенностью в том, что край, вверенный императором его управлению, является русским, «составляющим древнее достояние России» [198, с. 186]. Взгляды Муравьева на принадлежность края резко расходились с представлениями, характерными для части высших правительственных чиновников. Вот как писал об этом сам М.Н. Муравьев: «Я неоднократно имел свидания и разговоры об устройстве края с разными правительственными лицами; мне сильно сочувствовали, но, к сожалению, большинство высших лиц увлекалось полонизмом и идеями сближения со взглядами европейских держав на наш Западный край. Они не знали ни истории края, ни настоящего его положения, а еще того менее не знали ни польского характера, ни всегдашних враждебных тенденций его к России. Они не могли понять мысли об окончательном слиянии того края с Россией, они считали его польским (?), ставя ни во что все русское, господствующее там числом население» [197].

Глубоко осознанная уверенность М.Н. Муравьева в моральной правоте действий, предпринимаемых им для защиты государственной и территориальной целостности России, основывалась также и на понимании социального характера польского мятежа в Западной Руси. Муравьев был убежден, что мятеж в Царстве Польском и Западном крае не был общенациональным, следовательно, отнюдь не являлся делом всего польского народа. В его понимании это был мятеж экстремистов и радикалов из высших сословий, массовость которому придавала неразумно допущенная правительством «польская пропаганда», включавшая в себя процессы ополячения и окатоличения местного крестьянского населения¹.

Будучи русским дворянином и православным человеком, он видел в польском дворянстве и шляхте не достойных уважения представителей первого сословия империи, а высокомерных и алчных угнетателей, считавших белорусских крестьян «быдлом» и безжалостно их эксплуатировавших. Римско-католическое духовенство своим деятельным участием в подготовке и проведении мятежа давало Муравьеву основания видеть в нем не

¹ Следует отметить, что М.Н. Муравьев, хорошо зная следственные дела осужденных мятежников, не ошибался в определении социального состава мятежа. Его точку зрения, которую разделяли современники событий, подтверждают исследования советского историка В.М. Зайцева, по подсчетам которого «На долю дворянского сословия, составлявшего 5,99% населения Литвы и Белоруссии, приходится свыше 62% всех репрессированных» [87; 256, л. 2–4; 265, л. 42–43; 162, л. 1; 136].

столько священнослужителей, сколько «политических эмиссаров, проповедующих вражду к русскому правительству и ко всему, что только носит название русского и православного» [53, с. 497, 503]. Подпольная пропаганда, действовавшая в период мятежа, с точки зрения М.Н. Муравьева, представляла собой политически опасную идейную фальсификацию, с помощью которой угнетатели выдавали себя за «освободителей», пытаясь перенаправить стократ заслуженную ненависть крестьян к «польским панам», на вымышленного inferнального «москаля» [198, с. 186–187].

Муравьев, исходя из собственного опыта, прекрасно знал, что основная масса местного крестьянства – это русское православное большинство, угнетаемое численно меньшим дворянско-шляхетским меньшинством. Вооруженное выступление польского дворянства, «совершенно чуждого» западнорусскому населению, рассматривалось Муравьевым как мятеж пришлых угнетателей, поднятый для восстановления своего политического господства над угнетенным и ограбленным крестьянством и разжигаемый за счет средств, полученных от эксплуатации этого же крестьянства.

Сложившееся представление о захватническом, несправедливом характере польского мятежа в русском Западном крае получало свое обоснование и в геополитических амбициях мятежников. Для М.Н. Муравьева не были тайной мотивы и цели, которыми руководствовались лидеры мятежа в своей борьбе за Западный край: «Увлекаясь ...чувством непримиримой вражды к нам и общим желанием своим и всех ненавистников наших в Западной Европе, они беспрерывными крамолами своими, допущенными слабыми и ошибочными действиями начальства, постоянно стремились отторгнуть Западный край от России и, отодвинув нас к пределам Азии, обратить, как они презрительно выражаются, в прежнюю Московию; ибо они хорошо знают, что с лишением западных губерний, мы должны будем потерять и значение наше в Европе» [244, л. 14].

Муравьев ясно понимал, что развернувшаяся борьба за Северо-Западный край России носит не только военный и политический характер. Он также видел в ней обусловленную всей предыдущей историей борьбу национальную и религиозную, от исхода которой зависело, в чьих руках окажется будущее Западной Руси – польских панов и ксендзов или же «русской народности» и Православия. Следовательно, подавление мятежа и наказание мятежников является делом справедливым, идейно оправданным и политически необходимым для защиты национально-территориального единства России и русского народа.

Общенациональный патриотический подъем, который переживало в это время русское общество, а также идеи общерусской солидарности, выражаемые консервативной и славянофильской прессой, лишь укрепляли М.Н. Муравьева в правильности предпринимаемых им действий. В обращении ко всем сословиям края Муравьев писал: «Принимая все средства к восстановлению порядка, и идя законным путем к охранению целостности и единства государства, правительство не остановится в действиях своих ни перед какими препятствиями; опираясь на войско и народ, оно сильно и необоримо, а сознание правоты дела и патриотическое к нему сочувствие всей обширной России множит и крепит эти силы» [41].

Особую уверенность в правоте совершаемого дела придавала М.Н. Муравьеву духовная поддержка, которую оказывали ему митрополит Московский Филарет (Дроздов) и митрополит Литовский Иосиф (Семашко). Вскоре по прибытии своем в Вильну М.Н. Муравьев получил от митрополита Филарета икону Архистратига Михаила с письмом, в котором говорилось: «Ваше назначение – есть уже поражение врагов Отечества; Ваше имя – победа» [194, с. 62; 59]. В ответном письме митрополиту Филарету М.Н. Муравьев откровенно признавал: «Я неожиданно призван волей государя от жизни мирной на поприще брани для подавления крамолы и мятежа. Тяжелая пала на меня обязанность: умиротворить край, карать клятвopеступников мерами казни и крови» [92]. В свою очередь митрополит

Иосиф, с которым М.Н. Муравьев взаимодействовал еще в начале 1830-х годов, стал для него наиболее авторитетным советником и сотрудником в церковном строительстве и формировании Северо-Западного края [19, с. 50–66].

Лев Тихомиров, характеризуя действия виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева, проявившего твердую политическую волю в подавлении мятежа в Северо-Западном крае, указал на причины политического инфантилизма сановных «космополитов»: «М.Н. Муравьев, в смысле собственно борьбы с мятежом, не применил ничего, кроме самого обыкновенного здравого смысла, но он мог это сделать только потому, что, стоя за русское историческое дело, сознавал себя правым. Он мог бить врага без нервничанья, со спокойной душой, чего не было ни в Варшаве, ни в Петербурге, где, потеряв русскую душу, считали себя виноватыми перед поляками, а потому не могли действовать ни спокойно, ни твердо» [299, с. 366].

М.Н. Муравьев, имевший «русскую душу», обладал безошибочным политическим даром различения друга и врага, так как при решении административно-политических проблем Северо-Западного края он неизменно становился «на исключительную точку зрения русской национальности» [301, с. 167]. Поэтому в знаменитой «Инструкции для устройства военно-гражданского управления в уездах Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской губерний» от 24 мая 1863 года Муравьев имел смелость открыто заявить верному монархии населению края о том, кто является их политическим врагом и врагом Российского государства. В Инструкции говорилось, что мятеж в Северо-Западном крае «главнейше поддерживается помещиками польского происхождения» и что «большая часть неистовств и злодейств совершаются мятежническими шайками, составленными из помещиков, ксендзов и шляхтичей» [304, с. 101–106].

После подавления мятежа и наказания виновных М.Н. Муравьев не изменил своего отношения к тем, кого по-прежнему считал политическим врагом России. Подводя итоги своей деятельности в Северо-Западном крае, он писал в отчете императору в апреле 1865 года: «шляхта, паны и ксендзы были и будут всегдашними нашими врагами» [53, с. 496]¹.

Столь же точным было и определение политического друга, который представлял собой прочную социальную опору российской власти в Западной Руси. Союзниками России М.Н. Муравьев называл православное духовенство, без содействия которого «мы не можем надеяться на прочное водворение русской народности в том крае», так как православная вера «составляет ... знамя русского начала и народной жизни» [198, с. 186–187, 191; 93, с. 13; 261, л. 20, 15]. Далее следовали великорусские старообрядцы, которые усердно помогали правительству в подавлении мятежа и «более других сохраняют русскую народность». И, наконец, православная «русская народность» Северо-Западного края и его полиэтническое «сельское население» в целом, которое «составляет основу нашего владычества здесь и поистине предано государю» [244, л. 1–2; 198, с. 194; 53, с. 496–497].

Точное различение друга и врага, в основу которого были положены принципы национальные, социальные и религиозные, позволило М.Н. Муравьеву разработать и сформировать свою знаменитую «систему» управления Северо-Западным краем. Тем самым был создан эффективный военно-политический инструмент, обеспечивший победу России в новой гибридной войне 1863 года. На первом этапе своей деятельности главной задачей виленского генерал-губернатора стало подавление польского мятежа и реализация указов от 1 марта 1863 года и 2 ноября 1863 года о прекращении обязательных поземельных от-

¹ Эта же мысль была высказана М.Н. Муравьевым и шефу жандармов В.А. Долгорукову: «Помещики же поляки, здешняя шляхта, ксендзы, чиновники католического исповедания и прочие разночинцы все почти без исключения всегда были и будут отъявленными врагами России» [244, л. 13].

ношений между крестьянами и их бывшими владельцами и переходе временнообязанных крестьян в разряд собственников [37; 184, с. 35–44; 53, с. 497; 233; 214].

И хотя М.Н. Муравьев испросил у императора особые полномочия для введения собственной системы управления Северо-Западным краем, его административные возможности были ограничены стоявшей над ним административной иерархией, в частности, министром внутренних дел П.А. Валуевым, Западным комитетом и Главным комитетом об устройстве сельского состояния [159, л. 1–20]. Однако М.Н. Муравьев сумел весьма рационально использовать объем власти, который был ему предоставлен императором и законом, выстроив жесткую вертикаль управления краем.

К моменту прибытия генерал-губернатора в Вильну ситуация двоевластия в Северо-Западном крае оценивалась им следующим образом: «Везде кипел мятеж, ненависть и презрение к нам, к русской власти и правительству. Над распоряжениями генерал-губернатора смеялись, и никто их не исполнял. У мятежников везде, и даже в самой Вильне были революционные начальники, в уездных городах окружные и парафиальные, в губернских городах целые полные гражданские управления: министры военные, революционные трибуналы, полиции и жандармы, словом, целая организация, которая беспрепятственно везде действовала, собирала шайки, образовывала в некоторых местах даже регулярное войско, вооружала, продовольствовала, собирала подати на мятеж, и все это делалось гласно для всего польского населения и оставалось тайной для одного нашего правительства» [314].

Прибывшему в Вильну М.Н. Муравьеву нужно было максимально использовать имевшиеся в его распоряжении военные и административные ресурсы для восстановления силы и авторитета русской власти, способной обеспечить решительную победу над мятежом. Для этого нужно было не только рационально и быстро решать вопросы военные, политические и социальные, но и добиваться их неукоснительного исполнения. Так началось военно-административное решение «западно-русского вопроса». Агрессивной стратегии и тактике мятежников М.Н. Муравьев противопоставил контрстратегию системно организованных наступательных действий на всех фронтах гибридной войны.

Будучи командующим виленским военным округом, М.Н. Муравьев ввел новую тактику контрпартизанской борьбы, решительную и действенную, с помощью которой иррегулярные отряды мятежников постоянно преследовались воинскими частями до «совершенного рассеяния и уничтожения». От командующих подразделениями русских войск М.Н. Муравьев требовал самых настойчивых мер по скорейшему истреблению шаек мятежников и очищению от них уездов [237, 145]. В связи с разгромом крупных отрядов неприятеля Муравьевым были созданы «летучие отряды», которые, опираясь на помощь крестьян, довершали уничтожение оставшихся небольших групп мятежников [169; 53, с. 494].

Были исправлены ошибки администрации В.И. Назимова, когда успешные действия войск против иррегулярных партизанских формирований не подкреплялись эффективными мерами по выявлению и разгрому краевой подпольной организации, руководившей мятежом. Сельское население в уездах не получало надежную защиту от террора и грабежей, производимых отрядами мятежников и местной шляхтой [103, с. 137]. В итоге иррегулярные части, скрывавшиеся в сельской местности, беспрепятственно пополняли свои ряды и вооружение, получали укрытие и материальное снабжение от помещиков, ксендзов и шляхты.

Практика неэффективного применения силовых методов продлилась недолго. Новый генерал-губернатор был преисполнен энергии и волевой решимости добиться полной победы над мятежниками и устранить причины, породившие польскую ирреденту и сепаратистский мятеж. Для этого М.Н. Муравьев немедленно ввел военное положение на территории всего края и утвердил в губерниях и уездах сильную и ответственную военно-

гражданскую власть, действовавшую в соответствии с изданной им Инструкцией от 24 мая 1863 года. Кардинальные преобразования, произведенные в военно-гражданской администрации, привели к тому, что все распоряжения и приказы М.Н. Муравьева исполнялись точно и беспрекословно.

В итоге, согласно Инструкции, польские помещики, чиновники, шляхта и римско-католическое духовенство были обезоружены и поставлены под жесткий контроль уездных военных начальников. Для надзора над помещиками и ксендзами привлекались крестьяне, которые должны были участвовать в вооруженных сельских караулах и помогать войскам в преследовании мятежников [184, с. 34–35; 64, л. 20 об.; 36; 215; 216; 217; 203]. В результате процесс пополнения разбитых и создания новых иррегулярных формирований был решительно остановлен, а затем и полностью прекращен. На жителей селений, в окрестностях которых «жандармы-вешатели» терзали и умерщвляли свои жертвы, немедленно накладывались денежные контрибуции. Применение этой чрезвычайной меры, включая и публичные казни осужденных убийц, способствовали ликвидации «терроризма, который держал целый край в оцепенении и страхе» [53, с. 493].

Для прекращения финансирования мятежа М.Н. Муравьев обложил польских помещиков чрезвычайным 10%-ным налогом на доходы, получаемые с имений. Был введен чрезвычайный налог и на собственность римско-католического духовенства. Принцип коллективной финансовой ответственности, применяемый к целым сословиям как пособникам мятежа, оказался весьма действенным. Финансовая, продовольственная и религиозная поддержка мятежа резко пошла на спад [132; 300, с. 29–32; 18, с. 300–302].

Одновременно М.Н. Муравьев начал решительное наступление на идейном фронте гибридной войны. Началось активное противодействие польской подпольной пропаганде и либеральной русофобской прессе за границей. На страницах губернских ведомостей и главной газеты края «Виленский вестник» излагались сведения о ходе военных действий с мятежниками в Царстве Польском и Западном крае, печатались обращения и распоряжения генерал-губернатора, дипломатические депеши, сведения о ходе крестьянской реформы, всеподданнейшие адреса и сообщения о казнях мятежников.

Достоверная информация о положении края и действиях администрации парализовала воздействие на умы населения подпольной польской пропаганды. В Вильну приезжали иностранные корреспонденты, которые знакомились на местах с действиями администрации по усмирению мятежа и достаточно объективно сообщали об этом в западноевропейской прессе [37; 40; 41; 44; 120; 26, с. 252–263].

С помощью судебных и административных мер, предпринимаемых М.Н. Муравьевым твердо, последовательно и системно, активные участники мятежа были выдворены за пределы края, а имения и собственность осужденных на каторгу и высланных помещиков и шляхты подлежали конфискации и секвестру [61, л. 1–19; 63; 202, л. 158–230; 133]. М.Н. Муравьев не остановился перед казнями представителей высших сословий, уличенных судом в организации мятежа, руководстве иррегулярными отрядами и краевой подпольной организацией. Из 128 мятежников, приговоренных судом к смертной казни, большинство составили дворяне и ксендзы. Такой же участи подверглись «жандармы-вешатели» и «кинжальщики» из низших сословий [164; 50, с. 95–98].

В течение лета отряды непримиримых мятежников были разгромлены армейскими и гвардейскими частями, и терроризм в отношении преданных России жителей края был практически подавлен. Усилиями администрации был раскрыт и уничтожен руководивший действиями мятежников в крае отдел подпольного варшавского «правительства» [194, с. 119–128; 50, с. 76–78; 239; 60; 56; 57]. Смирившиеся и сдавшиеся в плен мятежники после соответствующей проверки, публичного раскаяния и принесения очистительной присяги были прощены и оставлены в крае на поручительство своих обществ [53, с. 507; 209].

Иерархически выстроенная система военно-гражданского управления, направляемая властной политической волей М.Н. Муравьева, доказала свою необычайную эффективность в подавлении иррегулярной партизанской и подпольной борьбы. Последовательно и быстро были уничтожены военно-политические, социально-экономические, религиозные и пропагандистские ресурсы мятежа, его вооруженные силы и руководящий подпольный состав, что привело к восстановлению доверия населения к силе и твердости российской власти. Уже в конце июля 1863 года польские дворяне и римско-католическое духовенство Северо-Западного края начали просить о пощаде и монаршем милосердии, обращаясь с верноподданническими адресами к императору Александру II [58, л. 6–7; 148; 149; 150; 152; 153; 161, л. 28; 147; 151; 151, 50–52; 44; 47; 49].

М.Н. Муравьев высоко оценивал действия возглавляемых им войск, которые вели боевые действия в необозримых густых лесах и топких болотах, неутомимо преследуя и уничтожая отряды мятежников: «Доблестные войска армии и в особенности, смею сказать, беспримерная в усердии, мужестве и самоотвержении гвардия вашего императорского величества, могут засвидетельствовать пред целым светом, что ничто не может устоять пред русским народом, когда он движется истинной преданностью своему государю и Отечеству и направляется религиозным побуждением восстановления и утверждения Православия и своей народности» [53, с. 494; 58, л. 5; 171].

Для подпольного польского «правительства» и его литовских эмиссаров битва за Северо-Западный край России оказалась безнадежно проигранной, а двоевластие, сложившееся в результате бездействия предыдущей администрации, было полностью уничтожено. В смертельном противоборстве с подпольным польским «правительством», польским дворянством и римско-католическим духовенством последнее, решающее слово осталось за Муравьевым: «Западный край и по большинству коренного населения, и по историческому праву есть русская земля, исконное достояние русских государей, и только в неразрывном составе с русским народом дворянство здешнего края, называющее себя польским, может ожидать от милости монарха улучшения своего общественного быта, осуществлению которого оно само же ставит ныне преграду своими противозаконными действиями» [41].

Полная военная и идейно-психологическая победа, одержанная М.Н. Муравьевым в первой гибридной войне с этническим сепаратизмом, оказалась столь быстрой и впечатляющей, что западноевропейская дипломатия, шантажировавшая Россию угрозой новой коалиционной войны, вынуждена была отступить. Рационально выстроенная и тщательно продуманная «система управления», созданная М.Н. Муравьевым, стала образцом для подражания и была использована затем в Юго-Западном крае и в Царстве Польском [299, с. 367–368; 301, с. 200].

Аграрное решение «западно-русского вопроса»

В ноябре 1863 года период наиболее интенсивного применения силовых методов, направленных на военное решение «западно-русского вопроса», был практически завершен. Особенность названного периода заключалась в том, что подавление вооруженного мятежа осуществлялось одновременно с началом обширной реформаторской деятельности, призванной изменить социально-экономическое положение сельского населения Литвы и Белоруссии.

Гибридная война, вызвавшая ускорение крестьянской реформы 1861 года, выявила со всей полнотой противоречия, характерные для колониальных отношений в Северо-Западном крае. В связи с этим «западно-русский вопрос» требовал решения целого комплекса проблем: экономических, социальных, религиозных, этнических, идеологических и культурных, способных ускорить процессы социальной модернизации Северо-Западного

края. Пробным камнем в экономическом решении проблем модернизации региона стал опыт правоприменения указов от 1 марта и 2 ноября 1863 года.

19 марта 1863 года в газете «Северная почта», бывшей официальным органом МВД, была опубликована статья, ставшая своего рода программным манифестом, в котором были даны исторические, идейные и политические обоснования для нового ответственного подхода к проведению крестьянской реформы в Северо-Западном крае России. Указ от 1 марта 1863 года, изданный для литовско-белорусских губерний, предусматривал ускоренное осуществление обязательного выкупа крестьянских наделов в целях перевода временнообязанных крестьян в категорию собственников.

В связи с этим общественному мнению России давалось обстоятельное разъяснение, почему возникла необходимость внесения региональных изменений в крестьянскую реформу 1861 года и на каком основании предпринимаемые правительством меры не могут быть распространены на губернии с великорусским населением. Особенность положения, в котором оказались православные белорусы и малороссы, объяснялась исторически сложившимися отношениями колониальной эксплуатации, описанными в категориях своего времени как угнетение крестьян владельцами, «чуждыми им по племени, по языку и большей частью по религии». Назывались в статье и мотивы, которыми руководствовался законодатель и которые должны быть восприняты теми, кто будет выполнять положения указа в регионе.

Среди таковых автор называл восстановление социальной справедливости в отношении крестьян, этническую солидарность с угнетенными белорусами и малороссами и безопасность государства, которой угрожал региональный польский мятеж. Принципиальное значение статьи заключалось в том, что правительственные действия, направленные на решение сугубо экономических вопросов, впервые интерпретировались как начало национального освобождения белорусского и малороссийского крестьянства от «векового гнета чуждого дворянства» [285]¹. Поэтому идеи, высказанные автором статьи, легли в основу формирующейся русской национальной идеологии. «Русский вопрос», вызванный польским мятежом, изначально предстал перед общественным мнением России как вопрос «западно-русский», а социальная модернизация края стала синонимом политики обрусения.

Таким образом, с изданием указа от 1 марта 1863 года, а затем и указа от 2 ноября 1863 года крестьянская реформа 1861 года во всех губерниях Северо-Западного края стала приобретать недостающее ей национальное измерение. Началось экономическое решение «западно-русского вопроса», определявшее условия вхождения миллионов крестьян в товарно-денежные, рыночные отношения.

Реформа 1861 года предоставившая крестьянам личную свободу, отнюдь не улучшила их экономическое положение. В записке императору о проведении крестьянской реформы в Северо-Западном крае М.Н. Муравьев представил впечатляющую картину экономического ограбления крестьян, которое совершили помещики и мировые посредники до начала мятежа. Тем самым было недвусмысленно сказано о вине власти, которая допустила нарушение законности и справедливости в отношении крестьян, сохранивших в своей массе верность правительству в суровых испытаниях 1863 года. М.Н. Муравьев напомнил императору о том, что именно польские помещики были «причиной политических беспорядков» в крае и что теперь необходимо восстановить доверие крестьян к реформе, проводимой правительством,

¹ Положения указа от 1 марта 1863 года распространялись на территорию губерний Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и четырех ливляндских уездов Витебской. Указ от 2 ноября 1863 года действовал на территории Могилевской губернии и уездов Витебского, Велижского, Городецкого, Лепельского, Невельского, Полоцкого, Себежского и Суражского Витебской губернии. Таким образом, действие указов распространилось на все губернии Северо-Западного края.

и восстановить справедливость в начавшемся процессе перераспределения земельной собственности между помещиками и крестьянами [167, л. 1–4, 7].

Трудность задач, которые пришлось решать М.Н. Муравьеву, заключалась в том, что, выполняя императорские указы от 1 марта 1863 года и 2 ноября 1863 года о переходе временнообязанных крестьян в разряд собственников, он не мог не учитывать защищаемое законом право частной собственности польских дворян на землю, которую предстояло выкупить крестьянам. По итогам мятежа политические экстремисты и радикалы из числа польских помещиков и шляхты частью были убиты в боях, частью отправлены на каторгу и в ссылку, а некоторые казнены. Их имения были либо конфискованы в казну, либо секвестрированы правительством [173; 137; 210; 202, л. 34–375]. Подавляющее же большинство помещиков, пусть и сочувствовавших, и даже тайно помогавших мятежу, но формально не уличенных в преступлениях, по-прежнему сохраняли правоспособность представителей дворянского сословия и требовали соблюдения своих законных имущественных прав.

Как было сказано выше, М.Н. Муравьев не питал ни малейших иллюзий насчет политической лояльности польского дворянства, несмотря на заявленное им коллективное выражение покорности. Выполняя волю императора, М.Н. Муравьев вынужден был защищать материальные интересы побежденных врагов Российского государства, ревностным защитником которого он являлся. Вместе с тем Муравьев был глубоко убежден, что гуманность и уступки в отношении усмирённых привилегированных врагов «суть преступления перед Россией», в то время как крестьян, православных и католиков, преданных престолу, «необходимо поднять, возвысить и поставить в совершенно независимое положение от польских панов» [53, с. 498].

Решение вставших перед ним политических и нравственных проблем давали выше-названные императорские указы, которые главному начальнику края предстояло выполнить. Содержание указов не предусматривало экономической мести польским помещикам, чье коллективное содействие мятежу было хорошо известно правительству. Ведь даже и в таком чрезвычайном случае право дворянской собственности на землю, на страже которой стоял закон, должно было соблюдаться неукоснительно. В то же время новые законы о легализации становящейся крестьянской собственности на приобретаемые у помещиков земельные наделы также требовали незамедлительного выполнения.

Решение названных проблем осложнялось тем, что, с одной стороны, выкупная сделка должна была носить «характер исключительно экономический, чуждый политической и религиозной почвы, на которой она совершается» [165, л. 8 об.]. С другой – несправедливость произошедшего обезземеливания крестьян и ограбления их с помощью чрезмерного завышения чиншей и оброков была для М.Н. Муравьева настолько очевидна, что он не мог не оценивать эти действия как умышленно созданную угрозу безопасности Российского государства. Следовательно, Муравьеву предстояло создать такие эффективные механизмы выполнения указов, которые могли бы обеспечить перераспределение земельной собственности и обязательный выкуп крестьянских наделов на тех условиях, которые представлялись ему законными и справедливыми.

Начало подлинной деколонизации края М.Н. Муравьев усматривал в достижении полной экономической независимости западнорусских крестьян от польских помещиков, причем на условиях гораздо более выгодных, чем у великорусских крестьян в губерниях Центральной России.

Приступая к продолжению крестьянской реформы 1861 года в форме названных указов, М.Н. Муравьев ставил своей целью «обеспечить быт сельского населения, преимущественно русского и православного, загнанного, морально и материально уничтоженного польским гнетом и латинской пропагандой». Иными словами, решение аграрного вопроса должно было заложить необходимую социальную основу для проведения политики

обрусения края и уничтожить элементы сословной колониальной эксплуатации, сохранявшиеся во временнообязанных отношениях крестьян.

Для реализации названной цели необходимо было сделать принципиальные кадровые перемены в этническом составе непосредственных руководителей крестьянской реформы. «Все мировые посредники, – писал Муравьев, – бывшие до мятежа из местных дворян, как главные деятели восстания и угнетатели русской народности, были мной одновременно отрешены в мае 1863 года от должностей» [53, с. 495].

Для того чтобы восстановить социальную справедливость в отношении крестьян, ограбленных польскими помещиками, М.Н. Муравьевым из губерний Центральной России были приглашены «русские деятели». Так, по призыву Муравьева произошла первая добровольная мобилизация русского дворянства, изъявившего готовность «помочь русскому делу и утвердить в крае русский быт и Православие». Новые мировые посредники из русских дворян, начавшие служить в уездах обширного края, стали надежной опорой Муравьева в его политике освобождения западнорусских крестьян «от тяжкого ига польских панов» [53, с. 493; 70, с. 241].

Сосредоточив в своих руках руководство выполнением указов от 1 марта и 2 ноября 1863 года на территории края, М.Н. Муравьев должен был одновременно защищать экономические интересы западнорусского крестьянства в Западном комитете и Главном комитете об устройстве сельского состояния. Здесь он сталкивался с сопротивлением своим инициативам со стороны некоторых представителей бюрократической элиты, которые, апеллируя к священному праву частной собственности, пытались защищать экономические интересы социально близких польских помещиков.

Более того, М.Н. Муравьев столкнулся с откровенно абсурдной ситуацией в практике правоприменения указа от 1 марта 1863 года. Согласно закону, до заключения выкупной сделки временнообязанные крестьяне за пользование помещичьей землей должны были выполнять множество тяжелых и обременительных повинностей. И администрация края должна была требовать от крестьян, доказавших свою верность императору, выполнения этих повинностей в пользу польских помещиков, которые в массе своей проявили враждебность к России во время мятежа¹. Муравьеву пришлось доказывать министру П.А. Валуеву и председателю Комитета министров П.П. Гагарину, насколько политически ошибочным является подобный сословно эгоистический подход к реформированию земельных отношений.

Свое видение реформы М.Н. Муравьев сформулировал следующим образом: «первая и главная забота правительства должна заключаться в уничтожении влияния помещиков польского происхождения на крестьян, обеспечением сих последних земельными угодьями, уничтожением разорительных для них чиншей и оброков и возвращением крестьянам тех участков, которых помещики их лишили в то время, когда приступлено было к рассмотрению и проверке прежних инвентарей [то есть с 1846 года – А.Б.]» [244, л. 14]. Тем не менее вопреки трагическому опыту сепаратистского мятежа часть «космополитической» бюрократической элиты по-прежнему ставила сословные интересы дворянства выше интересов политической безопасности России [251, л. 2, 8, 13; 253, л. 17–24; 62, л. 1–7].

В самом крае для реализации новых земельных законов М.Н. Муравьевым была проделана огромная организаторская работа по созданию губернских и уездных механизмов правоприменения новых земельных законов и привлечению к этой ответственной работе нового состава исполнителей. Для составления выкупных актов была разработана и утверждена Инструкция, в которой были сформулированы объективные критерии оценки

¹ О фактах взыскания с крестьян завышенных оброков в пользу «мятежников – польских панов» с возмущением писал И.С. Аксаков [301].

стоимости земли, позволявшие крестьянам платить экономически обоснованную цену за выкупаемые у помещиков наделы [253, л. 10–15; 139; 142].

В результате деятельности М.Н. Муравьева и русских мировых посредников, взявших на себя дело продолжения реформы 1861 года, крестьянское землевладение в крае было увеличено за счет возвращения земель, незаконно отнятых помещиками в 1846–1861 годах, а также за счет наделения землей обезземеленных крестьян [281; 62, л. 1–3; 141; 3, с. 113; 302]. Было устроено также и крестьянское самоуправление, а места волостных писарей, которые принадлежали ранее шляхте, стали занимать русские семинаристы из Центральной России [167, л. 8–18; 254].

Новое крестьянское самоуправление должно было «содействовать развитию в народе правильного понятия о правах и обязанностях, и ограждать его от произвола и самоуправства» [184, с. 48; 140] со стороны польских помещиков и шляхты. М.Н. Муравьев предпринял меры и для защиты экономических интересов старообрядцев-великороссов, которые на деле доказали свою верность правительству во время мятежа [304, с. 18–19; 213; 265, л. 59–60].

Манифест от 19 февраля 1861 года и указы от 1 марта и 2 ноября 1863 года сохраняли преимущества дворянской земельной собственности и социально-экономическое доминирование польских помещиков в Северо-Западном крае. Выполняя императорские указы, М.Н. Муравьев лишь утверждал новую крестьянскую собственность на землю, выкупаемую с помощью правительства, не меняя сохранявшегося сословного неравенства в земельных отношениях. Однако существенные коррективы, внесенные Муравьевым в практику правоприменения законов, значительно сократили реальные возможности польского дворянства в воспроизводстве сословных колониальных отношений и экономической эксплуатации крестьянства.

Благодаря настойчивым и умелым действиям генерал-губернатора и русских дворянских руководителей крестьянской реформы первый этап выкупной операции завершился в течение двух лет. В отличие от великорусских крестьян, еще долго сохранявших статус временнообязанных, белорусские и малороссийские крестьяне уже в 1863 году стали собственниками земли. К тому же условия общей выкупной сделки оказались экономически гораздо выгоднее, нежели те, которые были навязаны польскими помещиками и мировыми посредниками в период, предшествовавший мятежу [121]. Тем самым было восстановлено доверие крестьян к правительственной реформе 1861 года и созданы экономические, социальные и правовые условия для обеспечения политической безопасности России на ее западных рубежах [252; 251, л. 35–47; 255; 167, л. 1–18].

В результате проведения земельной реформы виленский генерал-губернатор стал для белорусских крестьян *своим*. Они назвали его «батька Муравьев», писали ему благодарственные письма, заказывали молебны за его здоровье и строили часовни и храмы в честь его небесного покровителя архистратига Михаила [89; 183; 300, с. 43–46; 32; 211].

Произведенный М.Н. Муравьевым разрыв экономических и правовых связей, соединявших западнорусских крестьян с их бывшими польскими владельцами, означал решительный поворот в интеграционной политике империи. Прежняя политика закрепления края за Россией с помощью инкорпорации шляхты в состав российского дворянства потерпела крах. Появление указов, ускоривших реализацию крестьянской реформы, свидетельствовало о том, что новым объектом политики внутригосударственной интеграции становится освобожденное и ставшее собственником земли западнорусское крестьянство.

Роль общерусской идеологии в политике обрусения Северо-Западного края

Однако для закрепления победы в гибридной войне экономического освобождения западнорусского крестьянства было явно недостаточно. Начавшаяся социальная модернизация края поставила на повестку дня вопросы социокультурной эмансипации крестьянства, распространения русского народного просвещения и государственной помощи Православной церкви. В то же время назрела политическая необходимость в решительных мерах по деколонизации края с помощью политики располычения, которая предусматривала существенные ограничения культурно-религиозного воздействия польского дворянства и ксендзов на белорусское и малороссийское крестьянство.

Идейное обоснование политики обрусения Западного края, сформулированное консервативной и славянофильской мыслью в 1863 году, стало достоянием общественного мнения России. Эти идеи, ставшие составной частью русской национальной идеологии, были восприняты императором Александром II и национально-патриотической бюрократией. Наглядным примером эффективной политической реализации «русской идеи» стала военная и административно-политическая деятельность М.Н. Муравьева, получившая широкую поддержку русского общества и западнорусского крестьянства [194, с. 94–96; 300, с. 57–64]. Понимая необходимость продолжения столь успешно начавшейся политики обрусения края, император в ноябре 1863 года своим рескриптом продлил полномочия генерал-губернатора по управлению Литвой и Белоруссией [163].

«Русская идея» М.Н. Муравьева, обеспечившая победу в первой гибридной войне и успех в проведении крестьянской реформы, получила свое наиболее полное воплощение на втором этапе его деятельности, который последовал за подавлением мятежа. Для того чтобы хронологически более точно определить этот период деятельности М.Н. Муравьева, следует обратиться к воспоминаниям сотрудника главного начальника края. А.Н. Мосолов утверждал, что «все отдельные меры», предпринимаемые М.Н. Муравьевым, «получили более определенности после поездки его в конце апреля (1864 г.) в Петербург». «С этого времени, – пишет А.Н. Мосолов, – поднято и частью разрешено множество вопросов по всем отраслям гражданского управления и политического устройства края; с этого же времени самая деятельность его получила значение не простого усмирения мятежа, а русского народного дела. Православие и русская народность сделались лозунгом нашим, и генерал-губернатор умел придать всем последующим своим действиям этот оттенок» [298, с. 93].

Если выкупная операция, завершавшая процесс освобождения крестьян, совершалась на сугубо экономической основе, то инициированная М.Н. Муравьевым политика обрусения края приобрела теперь открыто декларируемые идеологические и религиозные мотивы. Настало время идейно-политического и социокультурного решения «западнорусского вопроса».

Основные направления новой региональной политики были стратегически осмыслены и детально проработаны М.Н. Муравьевым в «Записке о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края», которая была направлена императору Александру II 14 мая 1864 года. Прочитав Записку, император повелел: «Внести в Западный комитет и обсудить в присутствии генерала Муравьева, не теряя времени» [260]. «Записка» была рассмотрена на

заседаниях Западного комитета 17 и 19 мая. Предложения М.Н. Муравьева были одобрены комитетом и после утверждения их императором приобрели силу закона [261, л. 9 об.]¹.

«Записка» стала программным документом, в котором были изложены идейные и политические мотивы социальной модернизации Северо-Западного края на «русских началах». Реализация нового политического курса предусматривала, во-первых, «упрочение и возвышение русской народности и Православия так, чтобы не было и малейшего повода опасаться, что край может когда-либо сделаться польским», во-вторых, решительное «подавление пришлого польского элемента».

Муравьевские реформы с их ярко выраженным целевым и системным характером были направлены на ускорение процессов интеграции края в состав России на основе «прочного устройства быта крестьян и распространения общественного образования в духе Православия и русской народности» [198, с. 186–187]. Как видим, и в случае мирных преобразований М.Н. Муравьев выстраивал стратегический курс государства, рассчитанный на долгосрочную перспективу, исходя из политического различия друга и врага, на котором основывались его «русская идея» и методы решения «западно-русского вопроса».

Сравнивая разные типы региональной политики, которая проводилась во время мятежа в Царстве Польском и Северо-Западном крае, Л.А. Тихомиров неизменно обращал внимание на идейную мотивацию, которая обусловила волевой напор, продуманность, последовательность и системность в действиях виленского реформатора: «Но, искореняя собственно мятеж, М.Н. Муравьев тем же русским чувством и сознанием понял, что здесь идет спор более глубокий: о русском или польском начале в самой жизни края. И он сделал все, чтобы поднять и укрепить русскую народность. Церковь, язык, школа, освобождение крестьян, их независимость от ополченной шляхты, посильное оживление умственной русской жизни края – ничего не было забыто» [299, с. 367].

Благодаря яркой, незаурядной личности М.Н. Муравьева проводимая им политика обрусения Северо-Западного края приобрела уникальные, исторически индивидуальные черты, отразившиеся глубоко и надолго на всех сторонах общественной жизни Северо-Западного края. При этом, однако, нельзя не отметить, что основные идеи, реализованные им на практике, были уже сформулированы русской общественно-политической мыслью на страницах «Дня», «Московских ведомостей», «Русского инвалида» и «Северной почты». Записка от 14 мая по-своему аккумулировала идеи социального и национального освобождения западнорусского крестьянства, придав им форму и юридическую силу политического документа.

Правда, в предложениях по обрусению края, высказанных М.Н. Катковым, И.С. Аксаковым, Ю.Ф. Самариним и другими, принцип различия друга и врага в силу разных причин не выражался столь прямо и бескомпромиссно, как это делал М.Н. Муравьев в своих политических записках. Различия с муравьевской интерпретацией «русской идеи» выражались в определенном смещении политических акцентов в программе социальной модернизации края, когда негативная идентификация политического врага отходила на второй план. Русская патриотическая публицистика исходила из представлений, что успехи в политике обрусения края зависят в первую очередь от экономических и социокультурных преобразований, проводимых правительством в пользу западнорусского крестьянства и Русской церкви.

Муравьев же, исходя из собственного понимания сложившегося соотношения социальных сил, был уверен, что реформирование крестьянской жизни, русское просвещение и помощь местному Православию не приведут к обрусению края, если не будут предприняты

¹ Решения, принятые Западным комитетом, «вступали в действие не иначе, как по особым Высочайшим повелениям, получая, таким образом, полную силу закона [282] и отменяя по отношению к Северо-Западному краю действие соответствующих законов общих» [223].

серьезные и длительные меры против сословно доминирующей польской элиты. Поэтому правительство, в целях обеспечения безопасности и территориальной целостности Российского государства, должно «водворять здесь Русскую народность совершенным подавлением польского элемента. Всякая другая система действия будет гибельна для нас и поведет к тому, что настанет время, когда мы должны будем лишиться всего края» [244, л. 13–17].

Общей основополагающей идеей, на которой базировались обе параллельные программы социальной модернизации края, общественная и государственная, было признание Северо-Западного края русским. Это ключевой тезис был сформулирован в Записке от 14 мая 1864 года и по настоянию Муравьева принят Западным комитетом в качестве официальной позиции правительства. После утверждения основных положений Записки императором, решения комитета были изложены М.Н. Муравьевым в специальном циркуляре губернаторам Северо-Западного края от 7 июля 1864 года. В нем говорилось, что Западный комитет «нашел неподлежащим никакому сомнению признание Северо-Западного края русским, составляющим древнее достояние России» [256, л. 66–67].

Принятое политическое решение открывало путь для реализации совместной программы модернизации края, его обрусения и интеграции в состав России. В русском крае, который превратился во внутригосударственную колонию мятежного польского дворянства, должна была проводиться принципиально иная региональная политика, отличная от прежнего «безыдейного управления».

Предложения М.Н. Муравьева, изложенные в Записке, стали своеобразной политической программой социального и национального освобождения белорусского и малороссийского крестьянства от элементов сословных колониальных отношений, которые сохранялись после 19 февраля 1861 года. Это была программа формирования и развития центростремительных сил и социальных институтов интеграции, положения которой совпадали с антиколониальными и национально-освободительными идеями славянофилов и консерваторов. В ней предусматривались меры по улучшению экономического и социального положения крестьян, развитию русского народного просвещения, обеспечению материального положения православного духовенства, строительству храмов, поощрению переселений русских крестьян и помещиков в Северо-Западный край. По мысли Муравьева, освобожденные и экономически самостоятельные западнорусские крестьяне под водительством материально обеспеченного православного духовенства станут силой, способной самостоятельно противостоять воздействию популистской, сепаратистской и католической пропаганды [198, с. 186–192].

Важным направлением политики деколонизации края становилось формирование новой администрации государственных учреждений и педагогического состава гимназий и народных училищ. События 1863 года наглядно показали, что местная администрация, состоявшая, в основном, из чиновников «польского происхождения», приняла активное участие в мятеже. В то же время финансируемая государством система сословного просвещения, созданная для дворянства и шляхты (гимназии, прогимназии, дворянские училища), не только монопольно формировала кадры будущих чиновников, но и воспитывала их врагами Российского государства. Достаточно отметить, что многие ученики гимназий, также как и чиновники, приняли участие в антироссийских вооруженных выступлениях [187].

Нужно было кардинально изменить этнический состав чиновничества и учителей и радикально перестроить систему и содержание народного просвещения. Для этого еще во время подавления мятежа М.Н. Муравьев начал вторую добровольную мобилизацию русских дворян и разночинцев, которых приглашали из губерний Центральной России для служения и преподавания в Северо-Западном крае [138, л. 1–7; 146; 154; 155; 156].

Происходило постепенное замещение в губернских и уездных учреждениях польских чиновников русскими. На местах оставались только те чиновники «польского проис-

хождения», которые на деле доказали свою преданность российской монархии. В русском крае польская шляхта уже не должна была, как прежде, монопольно занимать должности чиновников и преподавателей.

Создавались народные училища и церковно-приходские школы для крестьян и мещан. Народное просвещение в Виленском учебном округе становилось всесловным и русским по своему содержанию. Принципиальные идейные перемены, внесенные в содержание учебно-воспитательного процесса, превращали систему народного просвещения в инструмент обрусения Северо-Западного края [127; 122, с. 6–7, 18–20; 124, с. 82–86; 138, л. 1–44; 174; 223, л. 13–15]. Указанные меры, взятые в совокупности, должны были, по мысли М.Н. Муравьева, «упрочить и возвысить русскую народность и православие» [198, с. 186–187].

Областью, где проявились определенные различия с общерусскими идеями славянофилов и консерваторов, стала вторая составная часть политической программы М.Н. Муравьева, в которой содержались предложения, направленные на «подавление польского элемента». Эта часть программы, выражающая личное отношение М.Н. Муравьева к политическому врагу, была продиктована практическим опытом подавления мятежей 1831 и 1863 годов. М.Н. Муравьев чтит память русских солдат и офицеров (числом более 400), погибших при подавлении последнего мятежа и мирных жителей (числом около 500), казненных мятежниками [72, с. 419–453; 53, с. 493].

Поэтому отношение его к побежденному и наружно раскаявшемуся врагу было рациональным и практически обоснованным, следовательно, строгим, а порой и суровым. Выводы, сделанные на основе этого опыта, должны были убедить императора в том, что никакого возвращения к политике «примирения» с «принявшим обманчивую маску» политическим врагом быть не может.

Политически целесообразными в данном случае М.Н. Муравьев считал только «меры строгой справедливости», которые необходимо было последовательно и твердо применять в отношении центробежных сил, представленных польским ирредентизмом и сепаратизмом. Защита русского края от «всегда враждебных нам» шляхты и римско-католического духовенства включала в себя комплекс долгосрочных административных мер по предотвращению антирусской и антирусской деятельности «пришлого польского элемента».

К этому времени работа следственных комиссий, военных судов и Временного полевого аудиториата привела к очищению края от наиболее опасных и активных политических преступников [50, с. 95–98; 53, с. 507]. Однако М.Н. Муравьев настаивал перед императором на необходимости продолжения решительной борьбы с «польской пропагандой», направленной на ополячение и окатоличение западнорусского населения¹. В этой связи особого внимания правительства требовало римско-католическое духовенство, которое необходимо было поставить под жесткий контроль местной администрации [198, с. 186–192].

Названные практические меры по располочению края должны были ликвидировать взрывоопасное наследие прежнего «уступчивого управления» краем, остановить сословную колониальную экспансию и не допустить возникновения нового сепаратистского мятежа.

Пожалуй, нужно указать на еще одно сходство «русской идеи» М.Н. Муравьева с положениями общерусской идеологии, создаваемой в этот период славянофилами и консерваторами. В документах, подготовленных М.Н. Муравьевым для императора Александра II, политический дискурс выстраивался отчасти по той же «очень давней трехчастной схеме христианской легенды», которая была характерна для структуры русской идеологии, создаваемой в «пограничной ситуации» 1863 года.

¹ По словам А.И. Миловидова, цель ополячения западнорусского населения Северо-Западного края заключалась в том, «чтобы сами русские признали себя поляками, отторгнутыми от Польши» [186].

По такой примерно схеме составлялись «Записка о проведении крестьянской реформы в Северо-Западном крае», «Записка о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края» от 14 мая 1864 года, «Всеподданнейший отчет графа М.Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем (с 1 мая 1863 г. по 17 апреля 1865 г.)», Записка от 5 апреля 1865 года [165, л. 1–22; 198, с. 186–197; 196; 53, с. 487–510]. Во всех названных случаях М.Н. Муравьев неизменно напоминал императору о том, что польский мятеж стал результатом всей предыдущей политики, проводимой правительством в Северо-Западном крае после польского мятежа 1831 года. Произошедшее за это время ополячение и окатоличение края, усилившееся во второй половине 50-х годов, это и есть вина правительства, за которую в 1863 году последовало неизбежное политическое воздаяние.

Прозрение, наступившее вслед за наказанием и осознанием собственной вины, выводило понимание социально-политических проблем края на принципиально новый уровень, поднимая его от сословного к этническому и национальному. Ответом М.Н. Муравьева на экзистенциальные вопросы, поставленные перед обществом и государством «пограничной ситуацией» 1863 года, стала «русская идея», на основании которой должна строиться новая социокультурная и этно-религиозная политика, искупавшая вину и ошибки прошлого «безыдейного» управления.

Западнорусское крестьянство, ставшее главным объектом этой политики, впервые начало рассматриваться не только как социальная группа подданных империи со своими сословными экономическими и правовыми интересами, но и как группа этническая, православная вера и русская идентичность которой настоятельно требовали особой защиты государства. М.Н. Муравьев настойчиво призывал императора увидеть в миллионах белорусских и малороссийских крестьян русских людей, которые по вине правительства оказались в гораздо худшем положении, чем крестьяне-великороссы центральных губерний. Однако именно эти крестьяне, жившие в Западном крае России, в час мятежа оказались верной опорой трона. Эти люди доверились российской монархии и жертвовали собой для ее защиты.

В то же время польское дворянство и римско-католическое духовенство своим участием в мятеже наглядно показало неизменную политическую враждебность к Российскому государству и Русской церкви. Поэтому в целях обеспечения безопасности России на ее западных рубежах необходимо было кардинально изменить сословный, этнический и религиозный вектор региональной политики.

Отныне объектом экономического развития и социальной модернизации становился народ – белорусское и малороссийское крестьянство. Одновременно социальная и экономическая поддержка со стороны государства оказывалась и Русской православной церкви, для укрепления которой была предусмотрена широкая программа храмового строительства [301, с. 146–153].

На этом основании М.Н. Муравьев доказывал императору, что в региональную политику обрусения края следует внести принципиальные новшества. В ней должны преследоваться как имперские, сословные, так и русские этнические и религиозные интересы. Причем русские этнические приоритеты правительственной политики в Северо-Западном крае России должны быть долгосрочными и неизменными. Белорусские и малороссийские крестьяне нужны государству не только как сословие исправных и законопослушных налогоплательщиков, но и как свои, русские, которым нужно предоставить благоприятные условия для социально-экономического и культурного развития. Политический дискурс М.Н. Муравьева ставил своей целью побудить императора к осознанию прежней вины государства и принятию нового политического курса, целью которого являлось «окончательное восстановление русской народности» [198, с. 186].

В общем русле Великих реформ императора Александра II опыт системного решения «западно-русского вопроса» занимает особое место. Реализация общественно-

политической программы социальной модернизации Северо-Западного края, осуществленная М.Н. Муравьевым, позволила правительству начать демонтаж колониальных отношений, основанных на социально-экономическом и культурном доминировании польского дворянства. Экономическое и социокультурное освобождение западнорусских крестьян создало условия для превращения этого сословия из объекта колониальной эксплуатации в субъект деколонизации и развития региона. Начавшаяся социальная модернизация способствовала росту производительных сил края и адаптации патриархального крестьянства к рыночным, товарно-денежным отношениям.

Впервые региональной политике «снисхождения и уступчивости» к «польскому элементу» была противопоставлена идейно обоснованная, последовательная и решительная политика обрусения, которая привела к появлению новых субъектов деколонизации края. В роли субъектов деколонизации, обеспечивавших безопасность Российского государства, стали выступать Православная церковь, система русского народного просвещения, русская администрация, учреждения науки и культуры, которые стали оказывать воздействие на этническое и культурное развитие западнорусского крестьянства. Направляемый правительством процесс внутригосударственной интеграции Северо-Западного края в состав России впервые получил новую социальную опору, новые социальные институты и твердые идейные ориентиры для своего дальнейшего развития [18, с. 410–411].

Итоги

Мятеж 1863–1864 годов внес принципиальные изменения в традиционное военно-политическое противостояние польских сепаратистов с Российской империей. Вместо регулярных войск на военно-политическую авансцену вышли новые участники, применявшие новые средства и методы борьбы с Российским государством. Использовалась также организационная, дипломатическая, материальная и идейно-пропагандистская поддержка извне, вплоть до угрозы иностранной военной интервенции.

Названные действия, взятые в совокупности, превращали внутренний этнический мятеж сепаратистов в первую гибридную войну, ведущуюся против Российской империи. Инновационный характер этой войны определялся также действиями союзников польских мятежников из числа русских радикалов и экстремистов, подстрекавших русскую армию к измене, а крестьян-великороссов – к общероссийскому бунту.

Российское государство и русское общество впервые столкнулись с тройной угрозой для внутренней и внешней безопасности страны. Правительство империи, имея опыт прежнего безыдейного и «уступчивого» управления западными регионами, в условиях вызова, впервые брошенного гибридной войной, не обладало должной решимостью и умением для быстрого подавления мятежа.

Более того, предыдущая региональная политика правительства способствовала вызреванию глубокого общественно-политического кризиса, который завершился появлением сословного ирредентизма, а затем и вооруженного сепаратизма. Начавшийся мятеж продемонстрировал идейный и политический кризис самого правительства, не готового к эффективным действиям в условиях иррегулярной вооруженной борьбы, руководимой подпольным «правительством», опиравшимся на поддержку Великобритании, Франции, Австрии и Ватикана.

Вспыхнувший мятеж обусловил, в свою очередь, появление своеобразной «пограничной ситуации», которая потребовала появления принципиально новых идей и политических решений, способных дать ответы на экзистенциальные вопросы, поставленные перед русским обществом и бюрократической элитой. Идейно-политический выход из «по-

граничной ситуации» 1863 года привел к переосмыслению роли общества и национальных идей в осуществлении имперской политики самодержавной России.

Общественным ответом на угрозу отторжения от России Западного края стал патриотический, общенациональный подъем, охвативший все сословия государства. Крайний русский патриотизм и верность российской монархии проявили и жители Западного края. Массовая общественная поддержка борьбы за сохранение территориальной целостности государства и единства большого русского народа, которую вели армия и правительство, стала мощным социальным стимулом для создания русской национальной идеологии. Создателями этой идеологии стали независимые от правительства интеллектуалы – славянофилы и консерваторы: И.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, М.Н. Катков, А.Ф. Гильфердинг, М.О. Коялович и другие. Идеи этно-религиозной солидарности великороссов с белорусами и малороссами, вобравшие в себя проекты реформирования Западного края, придали создаваемой идеологии общерусский характер. Идеиный кризис был преодолен и решаемый интеллектуалами «русский вопрос» стал трактоваться в том числе и как вопрос западнорусский.

В это же время в среде высшей российской бюрократии выделилась группа русских патриотов, разделявших взгляды славянофилов и консерваторов на решение польского и западнорусского вопросов. Появившийся политический запрос общества и правительства на идейно мотивированных администраторов, способных одержать победу в новой гибридной войне, был удовлетворен императором. По указу Александра II главным начальником Северо-Западного края был назначен М.Н. Муравьев.

Опыт решения М.Н. Муравьевым «западно-русского вопроса» наглядно продемонстрировал эффективность применения «русской идеи» в подавлении вооруженного сепаратистского мятежа и реформировании Северо-Западного края. Реализация общерусских идей в политической практике региональных реформ стала уникальным явлением для самодержавной России. Реформы М.Н. Муравьева, поддерживаемые императором Александром II, положили начало социальной модернизации, принявшей форму деколонизации края и национального освобождения западнорусского крестьянства. Это был первый опыт национально мотивированной имперской политики, ставший ответом русского общества и патриотической бюрократии на вызов гибридной войны и попытку реставрации польского колониального господства в Северо-Западном крае России.

Литература

1. *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи, 1801–1914. М., 2006.
2. *Айрапетов О.Р.* Польский мятеж 1863 г. и народная война против него [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2271384.html>
3. *Айрапетов О.Р.* Царство Польское в политике империи в 1863–1864 годы / Русский сборник: Исследования по истории России / ред.-сост. О.Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Т. XIV. М., 2013.
4. *Аксаков И.С.* Наш враг не Польша, а полонизм / И.С. Аксаков // Сочинения. Т. III. М., 1886. С. 227–237.
5. *Аксаков И.С.* Наше знамя – русская народность. М., 2008. С. 67.
6. *Аксаков И.С.* О положении русского дела в Белоруссии после мятежа / И.С. Аксаков // Сочинения. Т. III. М., 1886. С. 318–321.
7. *Аксаков И.С.* О секвестре польских имений / И.С. Аксаков // Сочинения. Т. III. М., 1886. С. 91–92.
8. *Аксаков И.С.* Польский вопрос и западно-русское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886 / И.С. Аксаков // Сочинения. Т. III. М., 1886.
9. *Аксаков И.С.* Сочинения. Т. III. М., 1886.
10. *Ананьев С.В.* 150-летие начала польского восстания: Историографический обзор // Вестник СГТУ. 2013. № 3(72). С. 193–197.
11. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края / сост. А.И. Миловидов. Ч. 1. Вильна, 1913.
12. Атлас народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям, составлен при Министерстве внутренних дел, в канцелярии заведующего устройством православных церквей в Западных губерниях. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1864.
13. *Бартызель Я.* 1863 – вместе в пропасть // Русский сборник: Исследования по истории России / ред.-сост. О.Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Т. XIV. М., 2013. С. 177–188.

14. *Батюшков П.Н.* Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб., 1890.
15. *Белецкий А.В.* Сборник документов музея графа М.Н. Муравьева. Т.1. Вильна, 1906.
16. *Белецкий А.* Сорокалетие русской начальной школы в Северо-Западном крае. Вильна, 1902.
17. *Белявская М.И.* А.И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века. М., 1954. С. 77–82.
18. *Бендин А.Ю.* Михаил Муравьев-Виленский: усмиритель и реформатор Северо-Западного края Российской империи. М., 2017.
19. *Бендин А.Ю.* М.Н. Муравьев и митрополит Литовский Иосиф (Семашко): опыт государственно-церковного сотрудничества // Журнал «Аспект» – международное электронное периодическое издание, предназначенное для публикации произведений в области социальных и гуманитарных наук. 2018. № 2(6).
20. *Бендин А.Ю.* Образ Виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева в современной белорусской историографии // Беларуская думка. 2008. № 6. С. 42–46.
21. *Бендин А.Ю.* Польский мятеж в судьбах старообрядцев Северо-Западного края Российской империи // Вестник РУДН. Серия: история России. 2011. № 1.
22. *Бендин А.Ю.* Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). Минск, 2010. С. 10–11.
23. *Бендин А.Ю.* Роль римско-католического духовенства Северо-Западного края Российской империи в польском восстании 1863 г. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2018. Т. 17. № 2. С. 357–387.
24. *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на правобережной Украине (1793–1914). М., 2011.
25. *Брежго Б.Р.* Очерки истории крестьянского движения в Латгалии. 1577–1907. Рига, 1956. С. 114–118.
26. *Брянцев П.Д.* Польский мятеж 1863 г. Вильна, 1892.
27. *Валуев П.А.* Дневник. Т. I. 1861–1864. М., 1961. С. 258–259.
28. *Веломски А.* О Гегеле и политическом реализме: Александр Велёпольский и понимание политики в XIX веке // Русский сборник: Исследования по истории России / ред.-сост. О.Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Т. XIV. М., 2013. С. 139–154.
29. Вестник Западной России. 1866. № 11. С. 110–127.
30. Вестник Юго-Западной и Западной России. Т. IV. Май. Отдел IV. Киев, 1863.
31. Вестник Юго-Западной и Западной России. Т. I. Сентябрь. Отдел IV. Киев, 1863.
32. Виленский вестник. 1864. 11 января
33. Виленский вестник. 1863. 18 января.
34. Виленский вестник. 1863. 19 марта.
35. Виленский вестник. 1863. 23 апреля.
36. Виленский вестник. 1863. 7 мая.
37. Виленский вестник. 1863. 1 июня.
38. Виленский вестник. 1863. 8 июня.
39. Виленский вестник. 1863. 18 июня.
40. Виленский вестник. 1863. 20 июня.
41. Виленский вестник. 1863. 27 июня.
42. Виленский вестник. 1863. 2 июля.
43. Виленский вестник. 1863. 13 июля.
44. Виленский вестник. 1863. 3 августа.
45. Виленский вестник. 1863. 10 августа.
46. Виленский вестник. 1863. 15 августа.
47. Виленский вестник. 1863. 3 сентября.
48. Виленский вестник. 1863. 10 сентября.
49. Виленский вестник. 1863. 19 сентября.
50. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг.: Материалы и документы. М., 1965.
51. Восстание поляков в Юго-Западной России в 1863 г. Киев, 1863.
52. Восстание 1863 года: Материалы и документы: Общественно-политическое движение на Украине в 1856–1862 гг. Киев, 1963. С. 113–118.
53. Всеподданнейший отчёт графа М.Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем // Русская старина. 1902. № 6.
54. *Гаеров С.Н.* Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004.
55. *Гарбачова В.В.* Паўстанне 1830–1831 гг. на Беларусі. Мінск, 2001.
56. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1863. Д. 23. Ч. 470. Л. 1–10.
57. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1863. Д. 23. Ч. 551. Л. 1–11.
58. ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 7.
59. ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 14. Л. 11–13.
60. ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 49. Л. 1–4.
61. ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–19.
62. ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 53.
63. ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 57. Л. 1–75.
64. ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 67.
65. ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 68.
66. *Герцен А.И.* Манифест / А.И. Герцен // Собр. соч.: в 30 т. Т. 15. М., 1958. С. 52.
67. *Гильфердинг А.Ф.* За что борются русские с поляками // День. 1863. № 15. С. 11.
68. *Гильфердинг А.Ф.* Польский вопрос / А.Ф. Гильфердинг // Собр. соч. Т. II. СПб., 1868.
69. *Гогель Н.В.* Иосафат Огрызко и петербургский революционный жонд в деле последнего мятежа. 2-е изд. Вильна, 1867.
70. «Готов собою жертвовать...»: Записки графа М.Н. Муравьева об управлении Северо-Западным

- краем и об усмирении в нем мятежа 1863–1866. М., 2008.
71. Гражданин. 1898. 3 октября.
72. *Гронский А.Д.* «Не сохранилось даже полного синодика для поминовения этих защитников Отечества...»: Русские солдаты, погибшие в Северо-Западном крае в период Польского восстания 1863–1864 гг. и историческая память // Русский сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О.Р. Айрапетов и др. Т. XV. М., 2013. С. 419–453.
73. День. 1863. № 12. С. 2.
74. День. 1863. № 14.
75. День. 1863. № 15. С. 2.
76. День. 1863. № 16. С. 1.
77. День. 1863. № 18. С. 7.
78. День. 1863. № 19. С. 8.
79. День. 1863. № 21.
80. День. 1863. № 24. С. 11–13.
81. Деша вице-канцлера князя А.М. Горчакова к русскому послу в Париже барону Будбергу // Виленский вестник. 1863. 1 августа.
82. *Долбилов М.* Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.
83. *Достоевский Ф.М.* Дневники писателя. М., 2013. С. 375.
84. *Дьяков В.А., Зайцев В.М., Обушенкова Л.А.* Социальный состав участников польского восстания 1830–1831 гг. (по материалам западных губерний Российской империи) // Историко-социологические исследования. М., 1970.
85. *Дьяков В.А., Миллер И.С.* Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1964.
86. Журналы Комитета Западных губерний / изд. подгот. Т.В. Андреева, И.Н. Вибе, Б.П. Миловидов, Д.Н. Шиллов. Т. 1: 1831–1835 гг. СПб., 2017.
87. *Зайцев В.М.* Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (опыт статистического анализа). М., 1973. С. 16.
88. Записки Иосифа, митрополита Литовского, изданные Императорскою Академией Наук по завещанию автора: в 3 т. СПб., 1883. Т. 1. С. 45.
89. Из бумаг архиепископа Минского Антония Зубко. Минск, 1900. С. 12–13.
90. *Извеков Н.Д.* Исторический очерк состояния Православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 гг. М., 1889. С. 286.
91. Из записок И.А. Никотина // Русская старина. 1902. № 11. С. 324.
92. Из записок И.А. Никотина // Русская старина. 1902. № 12. С. 476–477.
93. Из переписки гр. М.Н. Муравьева об улучшении материального быта православного духовенства в Северо-Западном крае. Вильна, 1899.
94. *Кантор В.К.* Трагедия Герцена, или Искушение радикализмом // Вопросы философии. 2010. № 12. С. 76–85.
95. *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 120.
96. *Каревин А.* Польский мятеж 1863 г. и малорусские крестьяне Юго-Западного края [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://iagex.ru/articles/32682.html>
97. *Карпович О.* «Невинные жертвы» Муравьева, или за что казнили участников польского восстания 1863–1864 гг. // Вестник Брестского технического университета. 2011. № 6. С. 22–34.
98. *Карпович О.В.* Социально-сословный состав участников восстания 1830–1831 гг. в Минской губернии // Вестник МГГУ имени М.А. Шолохова. 2012. № 2. С. 22–32.
99. *Карпович О.В.* Участие римско-католического духовенства в карательных акциях против мирного населения в период восстания 1863–1864 гг. // Ученые записки Брестского государственного технического университета: гуманитарные науки: Сборник научных трудов. Вып. 1 / под ред. М.В. Стрельца, Т.В. Лисовской. Брест, 2019. С. 34–40.
100. *Каспэ С.И.* Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М., 2001. С. 122–124.
101. *Катков М.Н.* Польский вопрос // 1863 год: Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в «Московских ведомостях», «Русском вестнике» и «Современной летописи». Вып. первый. М., 1887. С. 24.
102. *Катков М.Н.* Собрание передовых статей Московских ведомостей: 1863 год. М., 1897. С. 428–432, 451–455, 473–476, 584–587.
103. *Катков М.Н.* 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в «Московских ведомостях», «Русском вестнике» и «Современной летописи». Вып. первый. М., 1887.
104. *Киприанович Г.Я.* Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского, и воссоединение западно-русских униатов с Православной церковью в 1839 году. 2-е изд. Вильна. 1897.
105. Колокол. 1863. 1 февраля.
106. Колокол. 1863. 15 февраля.
107. Колокол. 1863. 1 апреля.
108. Колокол. 1863. 15 апреля.
109. Колокол. 1863. 15 января.
110. Колокол. 1863. 1 мая.
111. Колокол. 1863. 1 июня.
112. Колокол. 1863. 10 июня.
113. Колокол. 1863. 20 июня.
114. Колокол. 1863. 10 июля.
115. Колокол. 1863. 20 июля.
116. Колокол. 1863. 1 августа.
117. Колокол. 1863. 15 декабря.
118. *Комзолова А.А.* Западный Комитет (1862–1864 гг.) и виленский генерал-губернатор

- М.Н. Муравьев [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://zapadrus.su/zaprus/istbl/748-zapadnyj-komitet-1862-1864-gg-i-ivilenskij-general-gubernator-m-n-muravev.html>
119. *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005.
120. *Корнилов И.П.* Воспоминания о польском мятеже 1863 года в Северо-Западном крае. СПб., 1900. С. 10–11.
121. *Корнилов А.А.* Крестьянская реформа. СПб., 1905. С. 186.
122. *Корнилов И.П.* Общие замечания к отчету о состоянии Виленского учебного округа за 1864 год. Вильна, 1865.
123. *Корнилов И.П.* Памяти графа Михаила Николаевича Муравьева: К истории Виленского учебного округа. СПб., 1898. С. 6.
124. *Корнилов И.П.* Русское дело в Северо-Западном крае: материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху. 2-е изд., проверен. и доп. (посмертное). СПб., 1908.
125. *Коялович М.О.* Лекции по истории Западной России. М., 1864.
126. *Коялович М.О.* Шаги к обретению России. Минск, 2011.
127. *Крачковский Ю.Ф.* Иван Петрович Корнилов (попечитель Виленского учебного округа 1864–1868 гг.). Вильна, 1901. С. 3–19.
128. *Кропотов Д.А.* Жизнь графа М.Н. Муравьева в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно. СПб., 1874.
129. К столетию героической борьбы «за нашу и вашу свободу»: Сборник статей и материалов о восстании 1863 г. М., 1964.
130. *Кудряшев В.Н.* А.И. Герцен и М.А. Бакунин о «польском вопросе» (40–60-е гг. XIX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 326.
131. *Кульчицкий Л. (Мазовецкий).* История русского революционного движения (1801–1870 годы). Т. 1. СПб., 1908. С. 365.
132. ЛГИА. ф. 378. Оп. 1863. Д. 615. Л. 1–3.
133. ЛГИА. ф. 378. Оп. 1863. Д. 784. Л. 4–6.
134. ЛГИА. ф. 378 (Политическое отделение). Оп. 1863. Д. 209. Ч. 1.
135. ЛГИА. ф. 378 (Политическое отделение). Оп. 1863. Д. 209. Ч. 2.
136. ЛГИА. ф. 378 (Политическое отделение). Оп. 1864. Д. 2102. Л. 1–2.
137. ЛГИА. ф. 378. Оп. 1863. Д. 606. Л. 11–566.
138. ЛГИА. ф. 378. Оп. 1863. Д. 860.
139. ЛГИА. ф. 378. Оп. 1863. Д. 888. Ч. 1. Л. 6–9.
140. ЛГИА. ф. 378. Оп. 1863. Д. 906. Л. 3–8.
141. ЛГИА. ф. 378. Оп. 1863. Д. 910. Л. 1–11.
142. ЛГИА. ф. 378. Оп. 1863. Д. 914. Л. 1–10.
143. ЛГИА. ф. 378. Оп. 1863. Д. 1376. Ч. 1–8.
144. ЛГИА. ф. 378. Оп. 1863. Д. 1376. Ч. 1. Л. 7–38.
145. ЛГИА. ф. 378. Оп. 1863. Д. 1398. Л. 1–7.
146. ЛГИА. ф. 378. Оп. 1863. Д. 1407. Л. 1–12.
147. ЛГИА. ф. 378. Оп. 1863. Д. 1423. Л. 1–2.
148. ЛГИА. ф. 378. Оп. 1863. Д. 1442. Л. 2–3.
149. ЛГИА. ф. 378. Оп. 1863. Д. 1445. Л. 3–4.
150. ЛГИА. ф. 378. Оп. 1863. Д. 1447. Л. 1–3.
151. ЛГИА. ф. 378. Оп. 1863. Д. 1467. Л. 50–52.
152. ЛГИА. ф. 378. Оп. 1863. Д. 1479. Л. 7.
153. ЛГИА. ф. 378. Оп. 1863. Д. 1485. Л. 5.
154. ЛГИА. ф. 378. Оп. 1864. Д. 137. Л. 1–14.
155. ЛГИА. ф. 378. Оп. 1864. Д. 139. Л. 1–9.
156. ЛГИА. ф. 378. Оп. 1864. Д. 140. Л. 1–56.
157. ЛГИА. ф. 378. Оп. 1866. Д. 46.
158. ЛГИА. ф. 439. Оп. 1. Д. 12.
159. ЛГИА. ф. 439. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–20.
160. ЛГИА. ф. 439. Оп. 1. Д. 26. Л. 7.
161. ЛГИА. ф. 439. Оп. 1. Д. 29.
162. ЛГИА. ф. 439. Оп. 1. Д. 43.
163. ЛГИА. ф. 439. Оп. 1. Д. 223. Л. 1.
164. ЛГИА. ф. 494. Оп. 1. Д. 48. Л. 2–32.
165. ЛГИА. ф. 439. Оп. 1. Д. 56.
166. ЛГИА. ф. 439. Оп. 1. Д. 57. Л. 10.
167. ЛГИА. ф. 439. Оп. 1. Д. 56.
168. ЛГИА. ф. 439. Оп. 1. Д. 92. Л. 18 об.
169. ЛГИА. ф. 494. Оп. 1. Д. 763. Л. 2–6.
170. ЛГИА. ф. 494. Оп. 1. Д. 766. Л. 1–6, 12–17, 19–20, 23–27.
171. ЛГИА. ф. 494. Оп. 1. Д. 766. Ч. 2. Л. 1–5.
172. ЛГИА. ф. 494. Оп. 1. Д. 767. Л. 103–109; 111–113.
173. ЛГИА. ф. 525. Оп. 15. Д. 931. Л. 1–198.
174. ЛГИА. ф. 567. Оп. 4. Д. 943. Л. 1–64.
175. *Лейкина-Свирская В.Р.* «Казанский заговор» 1863 г. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1960. С. 423–449.
176. *Линков Я.И.* Революционная борьба А.И. Герцена и Н.П. Огарёва и тайное общество «Земля и воля» 1860-х гг. М., 1964. С. 382–390.
177. Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 10. С. 330–335; № 11. С. 372–383; № 12. С. 410–423; № 13. С. 457–463; № 14. С. 512–520; № 15. С. 567–575; № 17. С. 655–659.
178. Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 12. С. 425–432.
179. *Лучина Я.* 3 кривавых дзен // Полымя. 2016. № 7. С. 139–140.

180. *Лыкошина Л.С.* Католическое и униатское духовенство Королевства Польского и Западных губерний России и польское восстание 1830–1831 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1981.
181. *Лясковский А.И.* Литва и Белоруссия в восстании 1863 г. (по новым архивным материалам). Берлин, 1939.
182. *Мальте Р.* Польские земли под властью Петербурга: От Венского конгресса до Первой мировой. М., 2020.
183. *Миловидов А.И.* Заслуги графа М.Н. Муравьева для православной церкви в Северо-Западном крае. Харьков, 1900.
184. *Миловидов А.И.* К 50-летию освобождения крестьян Северо-Западного края. Вильна, 1911.
185. *Миловидов А.И.* Меры, принятые графом М.Н. Муравьевым к ограждению православного населения от латино-польской пропаганды в Северо-Западном крае. Вильна, 1900. С. 15.
186. *Миловидов А.И.* Судьба русской книги в Северо-Западном крае // Христианское чтение. 1903. № 9–10. С. 494.
187. *Миловидов А.И.* Участие молодежи Северо-Западного края в мятеже 1863 года и вызванная им реформа местных учебных заведений (по архивным материалам). Вильна, 1904. С. 13.
188. *Миловидов А.И.* Церковно-строительное дело в Северо-Западном крае при графе М.Н. Муравьеве // Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1913. № 1.
189. *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина 1863–1864. М., 2003.
190. *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. 2-е изд, испр. СПб., 2018.
191. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX вв.). Т. 1. СПб., 1999. С. 30–34.
192. Московские ведомости. 1863. 28 марта.
193. Московские ведомости. 1863. № 113.
194. *Мосолов А.Н.* Виленские очерки 1863–1865 гг. (Муравьевское время). СПб., 1898.
195. *Муравьев М.Н.* Всеподданнейшая записка моголевского гражданского губернатора Муравьева о нравственном положении Моголевской губернии и о способах сближения оной с Российской империей // Русский архив. 1885. № 5. С. 161–179.
196. *Муравьев М.Н.* Записка, лично представленная государю императору в Петербурге 5 апреля 1865 г. // Русский архив. 1885. № 6. С. 197–199.
197. *Муравьев М.Н.* Записки о мятеже в Западной России // Русская старина. 1883. № 1. С. 135.
198. *Муравьев М.Н.* Записка о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края // Русский архив. 1885. № 6.
199. *Муравьев М.Н.* Записка 1831 года об учреждении приличного гражданского управления в губерниях от Польши возвращенных и уничтожении начал, наиболее служивших отчуждению оных от России // Русский архив. 1885. № 5. С. 180–186.
200. *Назирова Р.Г.* История Польши. Восстание 1830 г. // Назировский архив. 2014. № 4. С. 70.
201. Нарыс гісторыі Польскай Дзяржавы і Народа. X–XXI стст. Варшава, 2005.
202. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 22. Д. 1354.
203. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 22. Д. 1375. Л. 8-10, 12, 14, 17, 20, 108, 208, 257–258, 273.
204. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 34. Д. 61. Л. 1–2.
205. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 34. Д. 344.
206. НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 31740.
207. НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 30932. Л. 19 об.
208. НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 31347. Л. 1.
209. НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1520. Л. 13, 20, 33, 41, 58.
210. НИАБ. Ф. 299. Оп. 2. Д. 6194. Л. 1–148.
211. ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1864. Д. 1507. Л. 12–13.
212. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31298. Л. 15–16, 28, 40, 56, 146, 157.
213. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31318. Л. 1–2.
214. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31347. Л. 4–8, 18–19.
215. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31402. Л. 1, 47, 59.
216. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31651. Л. 1.
217. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31663. Л. 1, 12–14.
218. *Новикова Л., Сиземская И.* Идеиные истоки русского либерализма // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 124–135.
219. *Носко М.* Репрессии повстанцев 1863–1864 гг. в Гродненской губернии // Навукова-практычная канферэнцыя «Заходнебеларускі рэгіён ў паўстанні 1863–1864 гг.» : зборнік дакладаў, 12-13 красавіка 2013 г. Брэст: БрДТУ, 2013. С. 51–57.
220. *Оганнисян А.* Гибридные войны: традиции и новации // Пути к миру и безопасности. 2016. № 1(50). С. 111–119.
221. *Оржеховский И.В., Теплова В.А.* «Польский вопрос» и правительственная политика на территории Беларуси в первой половине XIX в. // Выбранные научовыя працы БДУ. Мінск, 2001. С. 85–87.
222. *Орловский Е.* Граф М.Н. Муравьев как деятель над укреплением прав русской народности в Гродненской губернии. 1831–1835и 1863–1865 г. Гродно, 1898.
223. ОР РНБ. Ф. 52. Д. 62. Л. 15.
224. Ответ вице-канцлера князя А.М. Горчакова к великобританскому посланнику в Петербурге лорду Непиру // Виленский вестник. 1863. 13 июля.
225. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 52. Ед. хр. 62. Л. 56–57.
226. *Павлищев Н.И.* Седмицы польского мятежа. 1861–1864. Т. 4.: Часть первая Т. 5: Часть вторая. СПб., 1887.
227. *Павлов С.И.* Теория русского социализма А.И. Герцена // Вестник МГТУ. 2000. Т. 3. № 3. С. 480–486.

228. *Панченко А.М.* Несколько страниц из истории русской души // *Толстой Л.Н.* Исповедь: В чем моя вера? СПб., 1991. С. 346–360.
229. Польское восстание 1830 и 1863 гг. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1898. Т. XXIV. С. 417–422.
230. *Прокудин Б.А.* Славянский федерализм в мировоззрении А.И. Герцена и М.А. Бакунина // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2006. № 6. С. 76–79.
231. *Прудон П.* О польском вопросе // Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России / сост. С. Шолкович. Вильна, 1885. С. 85.
232. ПСЗ. 2. Т. XXXIV. № 37328.
233. ПСЗ 2. Т. XXXVIII. № 39337.
234. *Ратч В.Ф.* Польская эмиграция до и во время последнего мятежа. 1831–1863 гг. // Вестник Западной России. 1866. № 10.
235. *Ратч В.Ф.* Сведения о польском мятеже 1863 года в Северо-Западной России. Т.1. Вильна, 1867.
236. РГВИА. ф. 1956. Оп. 2. Д. 1935. Л. 2–16.
237. РГВИА. ф. 1956. Оп. 2. Д. 1953. Л. 21.
238. РГВИА. ф. 1956. Оп. 2. Д. 1988. Л. 81–83.
239. РГВИА. ф. 1956. Оп. 2. Д. 2006. Л. 1–7.
240. РГИА. ф. 1282. Оп. 1. Д. 248. Л. 37–38.
241. РГИА. ф. 821. Оп. 10. Д. 44. Л. 204–205.
242. РГИА. ф. 1282. Оп. 1. Д. 248. Л. 37–38.
243. РГИА. ф. 822. Оп. 4. Д. 16089 б. Л. 21, 52, 54–55, 65, 68, 74–75, 80–81.
244. РГИА. ф. 908. Оп. 1. Д. 171.
245. РГИА. ф. 908. Оп. 1. Д. 178.
246. РГИА. ф. 908. Оп. 1. Д. 185. Л. 19.
247. РГИА. ф. 908. Оп. 1. Д. 232. Л. 1–5.
248. РГИА. ф. 908. Оп. 1. Д. 262. Л. 1–6.
249. РГИА. ф. 970. Оп. 1. Д. 211. Л. 11 об.
250. РГИА. ф. 970. Оп. 1. Д. 876. Л. 24–25.
251. РГИА. ф. 1181. Оп. 1. Д. 26.
252. РГИА. ф. 1181. Оп. 1. Д. 59. Л. 7–8.
253. РГИА. ф. 1181. Оп. 1. Д. 63.
254. РГИА. ф. 1181. Оп. 1. Д. 137. Л. 2.
255. РГИА. ф. 1181. Оп. 1. Д. 141. Л. 2–10.
256. РГИА. ф. 1267. Оп. 1. Д. 3.
257. РГИА. ф. 1267. Оп. 1. Д. 4. Л. 54–55.
258. РГИА. ф. 1267. Оп. 1. Д. 9.
259. РГИА. ф. 1267. Оп. 1. Д. 11. Л. 23–24.
260. РГИА. ф. 1267. Оп. 1. Д. 27. Л. 84, 118 об.
261. РГИА. ф. 1267. Оп. 1. Д. 28.
262. РГИА. ф. 1281. Оп. 7. Д. 34. Л. 68–69.
263. РГИА. ф. 1281. Оп. 7. Д. 79.
264. РГИА. ф. 1282. Оп. 1. Д. 227. Л. 5 об.
265. РГИА. ф. 1282. Оп. 1. Д. 248.
266. РГИА. ф. 1282. Оп. 3. Д. 559.
267. РГИА. ф. 1282. Оп. 3. Д. 769. Л. 1–2.
268. Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг.: Материалы и документы. М.; Wrocław, 1964.
269. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый: Документальная публикация / ред. Е.Л. Рудницкая. М., 1997. С. 143–144, 149.
270. Реформа 1861 года в истории России: Сборник обзоров и рефератов / отв. ред. В.С. Коновалов. М., 2011. С. 73–74.
271. *Родачин В.М.* Гибридные войны и обеспечение национальной безопасности России // Гуманитарные науки: Вестник Финансового университета. 2019. № 4. С. 93–99.
272. *Романчук А., прот.* Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: очерк жизни и церковно-общественной деятельности. 2-е изд., стер. М.; Минск, 2018.
273. Русский инвалид. 1863. 8 марта.
274. Русско-польские революционные связи: в 2 т. / предисл. И. Миллер; ред. коллегия: В. Дьяков и др. М.; Wrocław, 1963.
275. *Самарин Ю.Ф.* По поводу защиты киевской администрации / Ю.Ф. Самарин // Сочинения. Т. 1. М., 877. С. 313–315, 318–19.
276. *Самарин Ю.Ф.* Православие и народность. М., 2008.
277. *Самарин Ю.Ф.* Проект адреса Самарского дворянства / Ю.Ф. Самарин // Сочинения. Т. 1. М., 1877. С. 299–300.
278. *Самарин Ю.Ф.* Современный объем польского вопроса / Ю.Ф. Самарин // Сочинения. Т. 1. М., 1877. С. 346–348.
279. *Самарин Ю.Ф.* Сочинения. Т. 1. М., 1877. С. 332.
280. *Самохин К.В.* Крымская война как фактор изменения ментальных установок российского социума во второй половине XIX века: модернизация или протомодернизация (методологический анализ) // Грамота. 2020. Т. 13. Выпуск 2. С. 82–89.
281. Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян-собственников в Северо-Западном крае. Вильна, 1864.
282. Свод Законов, изд. 1857 г. Т. 1. Ч. 1. Ст. 53.
283. Северная почта. 1863. 15 января.
284. Северная почта. 1863. 3 марта.
285. Северная почта. 1863. 19 марта.
286. Северная почта. 1863. 5 мая.
287. Северная почта. 1863. 8 мая.
288. Северная почта. 1863. 28 мая.
289. *Сераковский С.* Вопрос польский // Русская старина. 1884. № 1. С. 53–54.

290. *Сераковский С.* Вопрос польский // Русская старина. 1884. № 4. С. 48-60.
291. *Сливовская В., Сливовский Р.* Герцен, поляки и польский вопрос // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1987. Т. 28. № 2. С. 155-172.
292. *Смит Ф.И.* История Польского восстания и войны 1830 и 1831 годов. Т. 1-3. СПб., 1863-1864.
293. *Смолич И.К.* История Русской церкви. 1700-1917. Часть первая. М., 1996.
294. *Советы ксендза Фелинского // Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России / сост. С. Шолкович. Вильна, 1885. С. 33.*
295. *Сорокин Р. М.Н.* Муравьев в Литве // Русская старина. 1873. Т. VIII. № 7. С. 114-118.
296. *Сосно В.А.* Закрытие католических монастырей и ликвидация их землевладения в Беларуси и Литве (30-е гг. XIX в.) // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės moterų universiteto istorija ir paveldas. Mokslo straipsnių rinkinys. Kaunas: Vytauto Didžiojo universitetas. Vilnius, 2014. С. 89-94.
297. *Сталюнас Д.* Границы в пограничье: белорусы и этнолингвистическая политика Российской империи в период великих реформ // Ab imperio. 2003. № 1. С. 279.
298. *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом. М., 2010.
299. *Тихомиров Л.А.* Варшава и Вильна в 1863 г. / Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском. М., 2014.
300. *Турцевич Ар.О.* Краткий очерк жизни и деятельности графа М.Н. Муравьева. Вильна, 1898.
301. *Федосова Э.П.* Граф М.Н. Муравьев-Виленский (1796-1866): Жизнь на службе империи. М., 2015.
302. *Хилюта В.А.* Крестьянский вопрос и земельная реформа 1861 г. в Западной Белоруссии // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. 2000. № 2(4). С. 3-9.
303. *Цыганков П.А.* «Гибридная война»: политический дискурс и международная практика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 253-258.
304. *Цылов Н.* Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева по усмирению польского мятежа в северо-западных губерниях 1863-1864. Вильна, 1866.
305. *Шидловский С.О.* Из проектов И.С. Аксакова по социокультурному обустройству Северо-Западного края Российской империи // Славяноведение. 2013. № 5. С. 78-85.
306. *Шмитт К.* Понятие политического. СПб., 2016.
307. *Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 40-42.
308. *Шмитт К.* Теория партизана. М., 2007. С. 106-107, 114-115, 252-255.
309. *Щеглов Г., диакон.* Жертвы польского восстания 1863-1864 годов // Русский сборник: Исследования по истории России / ред.-сост. О.Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Т. XIV. М., 2013. С. 224-246.
310. *Щеглов Г.Э.* 1863-й. Забытые страницы. Минск, 2005. С. 11-44.
311. *Эткинд А.* Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 108-112.
312. *Эткинд А.М., Уффельман Д., Кукулин И.В.* Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2013. № 2. С. 31-56.
313. *Юдин А.* Исторические этапы взаимных отношений церковью Востока и Запада: Введение к книге // Православие и католичество: от конфронтации к диалогу: Хрестоматия. М., 2001. С. 76.
314. *Мураўёў М.* Нататкі пра кіраванне Паўночна-Заходнім краем і пра падаўленне ў ім бунту. Мінск, 2016. С. 52.
315. *Hechter M.* Internal colonialism: the Celtic fringe in British national development, 1536-1966. Berkeley: University of California Press, 1975.

Аннотация. В статье рассматривается комплекс вопросов, связанных с воздействием польского мятежа 1863 года на умонастроения российского общества и проведение реформ в Северо-Западном крае России. Изучены военно-политические и идейно-религиозные особенности мятежа, придавшие ему характер новой гибридной войны. Показана реакция русского общества на вызов польского мятежа и угрозу иностранной военной интервенции. Выявлены основные положения общерусской национальной идеологии и проекта реформирования Западного края, предлагаемого консерваторами и славянофилами. Рассмотрен опыт подавления мятежа и реформирования Северо-Западного края генерал-губернатором М.Н. Муравьевым. Научная новизна заключается в междисциплинарном изучении темы исследования и разработке концепции, объясняющей уникальность региональных реформ наличием колониальных отношений, а также новыми идейно-политическими мотивами, которыми руководствовались реформаторы. В результате исследования была выявлена особая роль Западного края России в появлении национально-патриотического подъема российского общества, создании основ общерусской идеологии и новом идейно-политическом подходе к проведению региональных реформ.

Ключевые слова: польский мятеж, гибридная война, «польский вопрос», «русский вопрос», «западно-русский вопрос», «русская идея», «пограничная ситуация», политический враг, колониальные отношения, Западный край, Северо-Западный край, общерусская идеология, национальное самосознание, социальная модернизация, безопасность Российского государства.

Alexander Yu. Bendin, PhD in History, Professor, Institute of Theology, Belorussian State University, Minsk, Belarus. E-mail: bendin26256@yandex.ru

The Birth of the “Russian Idea” and Its Political Realization in the Suppression the Polish Outbreak and the Russian North-West Province Reformation (1863-1865)

Abstract. The article examines the set of issues related to the Polish outbreak of 1863 influence on the mentality of Russian society and on the reforms of Russian north-west provinces. The author studies the military, political, ideological and religious aspects of the outbreak that gave the outbreak the character of a new hybrid war. He shows the Russian society reaction to the challenges of the Polish outbreak and the threat of foreign military intervention. He outlines the main postulates of all-Russian national ideology and the project of Western Province reformation offered by the conservatives and the Slavophiles. The author analyzes the experience of the outbreak suppression and of north-west provinces reforms conducted by the governor-general M.N. Muraviev. The scientific novelty consists in the interdisciplinary study of the research issue and the drawing-up of the conception that explains the uniqueness of regional reforms due to colonial relations and the presence of new ideological and political motives of the reformers. The study allowed to define the special role of the Russian Western Province in the national and patriotic upsurge of the Russian society, in establishing the basics of all-Russian ideology and new ideological and political approach to regional reforms conducting.

Keywords: Polish Outbreak, Hybrid War, “Polish Question”, “Russian Question”, “West-Russian Question”, “Russian Idea”, “Boundary Situation”, Political Enemy, Colonial Relations, Western Province, North-Western Province, All-Russian Ideology, National Consciousness, Social Modernization, Russian State Security.

«Чад полонизма и смрад герценизма»: «Вестник Западной России» против классовой революции и сословной реакции*

Журнал Ксенофонта Антоновича Говорского «Вестник Юго-Западной и Западной России» вошел в историю русской общественной мысли как одиозно-реакционный [26, с. 90–97; 36, с. 17–104; 5, с. 284–296]. Однако этот стереотипный образ нуждается в определенном пересмотре: в него не слишком укладывается ни весьма своеобразная защита православия с помощью ссылок на Вольтера [2, с. 77–95], ни специфический характер антипольского дискурса, приобретающего на страницах журнала не столько националистический, сколько антисословный характер [12]. Рассматривая «поляков» прежде всего как носителей сословно-аристократического начала, редакция журнала претендовала на защиту широких народных масс. Полемика, которую вел журнал, была частью противостояния двух ветвей русской политической культуры: национально-го и сословного направлений [14], а направление, к которому принадлежал журнал, одним из его авторов характеризовалось как «консервативно-прогрессивное» [34, с. 228].

Журнал был основан в 1862 году, а спустя два года по приглашению М.Н. Муравьева переехал в Вильну, где выходил с прежней программой и чуть сокращенным названием: «Вестник Западной России». Свою задачу редактор формулировал следующим образом: «Встречая у многих польских публицистов разные придуманные, будто бы исторические, изыскания насчет народности польской, которую они навязывают чисто русским провинциям Западного и Юго-Западного края России, и имея в виду, что во многих наших архивах находятся богатые исторические документы, могущие послужить к совершенному разоблачению этих ложных толков, против коих почти никто еще не возражал и которые чрез это могли заслужить авторитет истины не только между народами Западной Европы, но и между обитателями вышесказанных наших русских провинций, я решился предпринять издание в г. Киеве журнала под названием “Вестник Юго-Западной и Западной России”, с целью опубликовать интересные документы и акты с присовокуплением основанных на них исторических и других статей, разъясняющих русскую народность и вообще разоблачать ложь польских выпадов против России историческими указаниями» [19, л. 1–1об].

Однако, как и большинство изданий «русского направления», журнал не мог игнорировать важнейший аспект польского вопроса – внутрисословный. В 1865 году «Вестник Западной России» перепечатал из «Московских ведомостей» статью одного из постоянных своих авторов, М.В. Юзефовича [15], в которой указывалось на наличие у мятежной шляхты «сознательных и бессознательных» русских союзников – тех, кто «наших госу-

* Исследование выполнено в рамках гранта № 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Российского научного фонда.

Котов Александр Эдуардович, доктор исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: a.kotov@spbu.ru

дарственных людей, спасающих дело России, клеймят прозвищем людоедов» [37, с. 173]. Этим «союзников» киевский публицист делил на две категории. Первые из них, «выродки русской жизни всегда были союзниками поляков» [37, с. 173]. Вторые же «...не выяснили себе дела и, по русскому добродушию, не смотрящему ни назад, ни вперед, подчинились без задней мысли ходячим у нас гуманным теориям. Одна из таких теорий в особенности способствовала у нас поддержанию ложного взгляда на польский вопрос: это – теория о народе и государстве, которая принимает их не как две нераздельные силы одного и того же организма, <...> а представляет государство как наружную оболочку, более или менее крепкую, с внутренними перегородками, за которыми могут жить и развиваться отдельные организмы, существуя, подобно некоторым моллюскам, без вреда общему содержанию охраняющей их внешней формы. Добрые у нас люди, наслушавшись этой немецкой теории, устарелой и брошенной уже в самой Германии, относятся к польскому у нас населению как к составной части государственного агрегата, могущей сохранять в нем свой политический характер, не нарушая законов связующей государство силы, а вследствие того требуют не только пощады польской историко-политической национальности, но и уважения к ней» [37, с. 173].

К первой категории относилось прежде всего революционное движение и в особенности его духовный отец – А.И. Герцен. Одним из первых обличителей лондонского изгнанника выступил постоянный автор журнала, педагог и публицист из г. Нежина И.Г. Кулжинский. Появление революционного движения он рассматривал с религиозной точки зрения: «Неверие, святотатски прикрывшись именем прогресса и цивилизации, давно уже начало между нами свои разрушительные действия» [10, с. 226]. В этой предапокалиптической картине Герцену отводилась ключевая роль: «Горе, вечное горе тому несчастному, кто первый у нас распочал эту цивилизацию и этот прогресс. Горе тому, кто взял на себя апостольство антихриста, и из развращения России сделал задачу для всей своей постыдной жизни! Этот несчастный – Александр Герцен, он же Искандер. Стенька Разин и Емелька Пугачев были вредны пока жили, а Герцен вреднее их потому, что ядовитые листки и книжки его переживут его, и долго будут отравлять неосторожных читателей» [10, с. 228]. Именно неосторожностью и легковерием публики Кулжинский объяснял то влияние, которое получил «Колокол»: «Старинная слабость нашей природы <...> – наше лакомство к запрещенному плоду чрезвычайно благоприятствовало доселе бесцеремонному и едкому тону суждений и приговоров Герцена; и многие из имевших несчастье читать его контрабандные сочинения, нередко по причине недостатка логического образования принимали дерзость приговоров его – за правду. Недаром говорит пословица: кто раньше встал, да палку взял, тот у нас и капрал. Вот в такие именно капралы над легковерными умами некоторых своих читателей произвел сам себя Герцен. Построенное им капральство, или система прогресса, т.е. развращения России, уже проявляет у нас свои действия; зараза уже пущена им в русскую атмосферу. Это кажется, еще не холера, но какое-то странное, предхолерное время, располагающее к эпидемии» [10, с. 228].

Обличения «Колоколом» русских порядков Иван Григорьевич считал недобросовестными: «Чтоб подсластить яд своего адского учения, Герцен употребляет следующую уловку: прикидывается поборником правды и честности, бранит злоупотребления (неизбежные у нас так же точно, как и во всяком другом человеческом обществе), из кожи вон лезет за угнетенную невинность, да тут же разом – всякую, выставляемую им на позор неправду частного лица растворяет своею удушливою ненавистью к оставленному им отечеству и с особенным злорадством приписывает нашему правлению все наши частные неправды и злоупотребления, которые впрочем публикуются им без всяких доказательств в справедливости навета» [10, с. 230–231]. Как следствие, «неосторожные читатели Искандера рискуют еще своей головою: мало-мальски некрепкая голова как раз одуреет от

этого ядовитого чтения. Посмотрите: какое множество таких несчастных – одурелых! Это стадо такое жалкое, что наш простой народ, не разбирая правого и виноватого, и не зная истинного значения иностранного слова “прогресс”, но только помня свою обиду, уже без разбора называет всех прогрессистов – мошенниками: в устах нашего народа это – два синонима. Страшно попасть на язык нашему народу, а не приведи Бог попасть ему *в руки* с герценовским прогрессом – будет еще хуже» [10, с. 231].

Из всех антинигилистических публикаций журнала наибольшую известность получил направленный против Герцена памфлет А. Горошковского «Ворона в соколиных перьях». В нем объект критики представал как «известный русской публике псевдо-либерал, псевдо-патриот, псевдо-русский, <...> законный родоначальник столь же известной и знаменитой партии якобинцев, называющихся “Молодая Россия”. <...> По имени, – г. Герцен – немец; по месту жительства и спискам, – Герцен – англичанин; по своим действиям в отношении России и общества г. Герцену – нет имени» [3, с. 1]. С характерным для многих публикаций «Вестника» натурализмом автор проводил параллель между общественными и медицинскими патологиями:

«Когда в организме человека кровь сгущается и приобретает остроту, вследствие ли употребления несвойственных его природе питательных веществ, либо сидячей жизни, сырой и темной квартиры, и других причин, тогда орган кожи воспаляется, покрывается сыпью и вередями.

Накопления в государственных кабинетах разного рода щекотливых вопросов, недоумений, честолюбивых замыслов, экономических и политических соображений, вызывает войну и проч., и проч.

Таким образом, гром и молния, чума, холера, война, сырь и вереда – суть естественные последствия *преполнения*, составляющего крайнюю и неизбежную точку при повороте к нормальному положению; а все эти явления, вместе взятые, могут быть определены одним словом – *изверженность*. Теперь будет весьма понятно, что Россия, *преполненная* вследствие продолжительного застоя разного рода вредными для ее организма началами и элементами, в смелом и крутом повороте к новой, лучшей жизни, должна была выдержать обыкновенный в этом случае кризис и выделить продукт, который назван нами “*изверженностью*” вместе с тем, по естественному порядку вещей, небывалое по своей громадной величине и могучему складу государство, должно было произвести в чудовищную по своей форме и свойству *изверженность*.

Итак, отыскивая соответственное для г. Герцена определение и рассматривая характер деятельности этой личности, нельзя не согласиться, что г. Герцен со всеми своими доблестными сотрудниками и в качестве родоначальника шайки поджигателей и разбойников, именуемой “Молодая Россия”, есть ничто иное, как безобразная и злокачественная *изверженность* Русской земли» [3, с. 3].

Как и Кулжинский, Горошковский объяснял влияние Герцена сладостью запретного плода и привлекательностью «контрабандного товара, неочищенного пошлиною цензуры» [3, с. 3]. Обращаясь к объекту своей критики, автор проводил новую, теперь уже ветеринарно-педагогическую параллель: «Будь в вашем сердце одна только любовь к истине и стремление к пользе, добру, а патриотизм ваш без всякой примеси личных интересов, ненависти, злобы и желания вредить правительству, вы, принимаясь проповедывать реформы, не могли бы изгнать из вашего сердца и ума того чувства весьма понятной робости и осторожности, какими проникнуты бывают родители, поднося своему ребенку лекарство, которое, хотя может спасти его жизнь, но в то же самое время и убить его, пропорция входящих в него веществ, неудачно составлена. Вы же как поступаете, проповедуя новые идеи и реформы, стремясь разрушить те порядки и понятия, которые медленно и беспрепятственно слагались в течении целого тысячелетия? Вы действуете как цыган

коновал на ярмарке, бестрепетно берущий в руку шнипер, чтобы выпустить ведро крови из бедного животного, которое потому только опустило голову и отказалось от жевания корма, что тяжкий труд изнурил его силы, для восстановления которых необходимы только одно спокойствие и отдых, а не кровопускания» [3, с. 12].

Разумеется, обличал журнал и последователей Герцена. Отвечая на знаменитую прокламацию П.Г. Заичневского «Молодая Россия», «Вестник» – вполне в духе М.Н. Каткова – подчеркивал связь русских крамольников с польскими мятежниками: «Разумная старая Россия намекнула “молодой” на ученье, труд, на обуздание порывов большого воображения, на отеческие меры исправления, посоветовала предоставить рассуждение о судьбе царств и народов тем, которые знают дело, кого оно касается, и сказала со вздохом: “молодо, зелено”! Почувяв себя одинокими на родной почве, передовые в деле безумия и безурядицы начали искать себе сторонников подалеже и скоро нашли их в старых наших приятелях – патриотах польских. Эти последние готовы побрататься хоть бы с сатаной, лишь бы насолить России и, конечно, с восторгом приняли милых дружков под свое вельможное протекторство, открыли тоннель для беспрепятственного сообщения друг с другом, для рукожатий и *salusow*. Нечего сказать, честная компания! Любуясь ее симпатией, поневоле вспомнишь хоть старый, да меткий русский афоризм: “укажи мне своего друга, и я скажу; таков ты сам”. Вот куда зашла наша маленькая *молодая Россия!*» [4, с. 121].

В том же обвинял революционеров военный историк и полковник Генерального штаба П.М. Сакович: «Наша *красная* Русь не уразумела даже и того, что ей предстояла роль чернорабочего в польском анархическом движении; она с непонятным одурением бросалась в объятия [польских] патриотов и заключала с ними *pacca conventa*, чтоб идти против России. Ее девиз: с кем ни соединиться, как ни действовать, да только бы встряхнуть (взбунтовать) Россию. Подготовительные к встряске средства, употребляемые молодой Россией – те же, которые употреблены были и польскими патриотами: клевета на правительство, ложное толкование преобразовательных правительственных мер, распространение идеи атеизма, коммунизма, сепаратизма, нареkanie на так называемую немецкую партию и на всех русских, восставших против *красной* Руси и оставшихся верными консервативно-прогрессивному направлению» [34, с. 228].

На представителей же направления крамольного Сакович смотрел свысока: «Большую частью, сколько ни приходилось сталкиваться с нашим так называемым *красным* людом, все они считают себя резервуаром ума, талантов и познаний, серьезно мало чему учились, редкий из них не бежит от труда, все они фанфаронят идеями Бюхнера, Искандера, Феембаха и др. Люди эти, с высокомерным мнением о себе и о своем призвании пересоздать Русь, воображают, что толчок всем реформам дан ими, либеральничают, нередко укрываясь за мундир и должность, держатся за доходные места, пробавляются казенным содержанием, и во что бы ни стало, добиваются популярности, хоть бы даже для того пришлось потворствовать, льстить, нарушать долг и легкомысленно относиться к закону. В обществе незнакомом они трусливо заявляют свои идеи, или отделяются молчанием, мимикой, отрывочными выражениями: а разумеется! еще бы! да как же иначе! Но зато в своем кружке неистовствуют, поднимают кулаки на все русское и распинаются за все анархическое и революционное» [34, с. 218]. Таким образом, заключал автор, революционеры – это «большую частью люди наглядного ничтожества, молодые честолюбцы, мелкие деспоты, обожатели своего я, люди, ничего не делавшие, неопытные, невежественные, не знавшие России, – люди без заслуг, без правил и убеждений, легкого, поверхностного образования и большую частью шарлатаны и наглые самолюбцы» [34, с. 228].

О связи между русскими и польскими мятежниками писал еще один военный историк – генерал В.Ф. Ратч, бывший при Муравьеве начальником артиллерии Виленского военного круга и подготовивший по поручению графа Михаила Николаевича исто-

рию шляхетского мятежа 1863 годав русских северо-западных губерниях. Его обширный 400-страничный труд, посвященный истории польской эмиграции «до и во время последнего мятежа», печатался в «Вестнике Западной России» за 1865 год и представлял собой серьезное, насыщенное фактическим материалом и, разумеется, вполне тенденциозное исследование.

Одним из главных его героев был А.Е. Чарторыйский – представавший своеобразным символом польского предательства по отношению к гуманной политике Александра I: «Александр Павлович полюбил им созданное дитя – царство Польское. Щедрые русские пособия лились в край готовить этот образчик для устройства России; вконец разоренная Польша быстро воспрянула, поддерживаемая русскими средствами, и соперничала благоденствием и благоустройством с Германиею. Александр Павлович дал ей собственную армию» [27, с. 113]. Однако политика примирения была обречена на неуспех самой историей, так как «поляки, приняв латинство, стали невольными ренегатами славянского мира», а «ненависть, укоренившаяся в течение веков, питаемая событиями, источник нелегко угасаемого очага крамолы» [27, с. 109]. Особенно ярко она проявилась на заре Великих реформ: «Заявленный Государем вопрос о положении крестьян вместе с наделом их землю переполошил всех патриотов, эмигрантов и туземцев; белые, красные, аристократы, дипломаты, демократы, консерваторы, демагоги, социалисты, коммунисты, клерикалы, ультрамонтанцы, товянисты, мессианисты, все в один голос провозгласили “не позволяем!”» [27, с. 111]. Соответственно, такой «очаг крамолы» может быть погашен «только утопленным в русской жизни при полном ее преобладании в западной России. Без западной России сами поляки, столь способные увлекаться мечтами, не могут не признать восстановление конгрессовки одною гибельною мечтою» [27, с. 109].

Пока же этого не произошло, русское общество неизбежно должно было подвергнуться воздействию эмигрантской пропаганды: «Русские люди, не догадываясь о тайных хитро задуманных польских кознях, не могли обороняться от им готовимых сетей; они не догадывались, куда ведут все провозглашения о благоденствии рода человеческого, и многие тем скорее попадали в Панургово стадо, что поляки преимущественно лукавили перед молодежью, издевались над элементами русской жизни, относили их к нашей неразвитости, твердили, что мы еще не дозрели до польской интеллигенции. Все русские коренные начала, завещанные предками, которые правильным народным развитием будут достоянием нашего позднейшего потомства, столь пугавшие польскую справу, были, по их провозглашениям, только остатками московского варварства; всякое здоровое учение, всякие истинные сведения, верные исторические выводы они называли казенными, дабы лишить русских людей возможности пресечь с ловким искушением распространяемое зло, то они в молодом, еще не окрепшем обществе настойчиво проводили те понятия, чтоб указать властям и обществу – посягателей на русское могущество, на наше народное достояние, на государственное единство, на нашу славу, на нашу честь это есть *донос и шпионство*» [27, с. 95]. Облегчила действия эмиграции и предреформенная оттепель: «...Предательски злоупотребляя великодушное помилование Государя, *неисправимые* разом увеличили <...> число *столбов польской справы*, по отделу *партии красных*. Они стали притягивать к себе земляков, и местными агентами, вооруженные “Колоколом”, повели пропаганду между русскими – вербовку в Панургово стадо» [27, с. 108].

Таким образом русская революция оказывалась инструментом польской реакции: «“Колокол” силился быть *проводником мятежа в России, одновременно с шляхетско-ксендзовским*. Русские, конечно бы, изумились в 1862 году, узнав, что такова была нижняя сторона медали, что пресловутые поборники русского благоденствия, Герцен с компаниею, были работники польской справы, передовые в Панурговом стаде. Своеобразные

поборники крестьянского освобождения, ослепленные тщеславием и злобою, с полным своим усердием и удовольствием, работали именно на тех, которые готовили новую кабалу крестьянам, в новых легальных формах» [28, с. 120].

Следствием этого должно было стать полное крушение русской государственности и цивилизации: «Русские люди, по декретам “Колокола” должны были всё принести в жертву польской справе, и пока на раздроблении нашего отечества поляки приводили бы в исполнения свои заветные вековые мечты, отодвигали бы Россию к Волге, и вновь созданною Польшею начертывали бы постоянные границы Европы, русские люди должны были бы утешаться перестройкою своей общественной жизни на принципах польской *централизации*» [28, с. 121]. Впрочем, и поляки оказывались здесь не самостоятельной силой, но агентами влияния Запада: «Торжество польской справы избавило бы запад от восточного соперника и прибавило бы ему семьдесят миллионов чернорабочего люда; Чарторыйским и Мерославским открылось бы свободное поприще, с готовыми уже бойцами, по старому, среди междоусобий и анархий, мечом и интригами искать власти, сознательно распевая: “еще польска не гинела”, а герценовская компания отправилась бы между Белым морем, Волгою и Уралом смотреть, хорошо ли русский человек работает на западников, гостеприимно принявших ренегатов и, в утешение русскому люду, проповедовать ему теории Сен-Симона, Фурье и Оужа, к практическому применению приспособленные польскою централизациею» [28, с. 14].

Герцена Ратч характеризовал в том же духе, что и другие авторы «Вестника»: «Щеголяя разнообразием, “Колокол” из политико-социально-философических декретов обратился в помойную яму всяких сплетен... Даже наглая ложь была так дорога Герцену, что для помещения подобных известий он придумал особую рубрику “Правда ли?”. Герцен был уверен, что всегда найдется такой нравственно или физически нечесаный и немый, который поверит и за удовольствие себе поставит пересказать знакомым о том, что он вычитал в “Колоколе”. <...> Герценизм хотел отнять наше народное достояние, наше прошедшее; мужей, которыми гордится русская земля, подымали из могил не для того, чтоб исследовать их деяния для назидания современникам, а чтобы глумиться над деятелями, создавшими славу России. Этот поток увлек неоперившихся в знаниях юношей, которые с знаниями школьников судили и рядили по увлечениям, не обузданным ни наукою, ни положительною думою; он вывел на свет безбородых и нечесанных, невесть откуда появившихся сотрудников новой, так названной *изобличительной* литературы, и, прискорбно вспомнить, что поддались этому одурению и мужи, поседевшие в науке, которые поторопились отречься от своих прежних убеждений. Грустные следы на русской литературе, грустные воспоминания тогдашней жизни оставили после себя два союзника: чад полонизма и смрад герценизма» [28, с. 157–158].

В своей миссии лондонский изгнанник был не одинок. Красное и белое крылья польской эмиграции, несмотря на все свои конфликты, делали общее дело: «Простолюдинам предстояло оставаться *быдлом*, в виде фермеров и батраков, отданных под начало панов, по проектам белых; *быдлом*, управляемым на первый случай, по проектам *красных*, как батальон, как военные поселения, заведенные графом Аракчеевым, против которого так опоясываются издатели “Колокола”» [28, с. 121]. Точно такая же «неслиянность и нераздельность» была свойственна и русскому филиалу «ржонда»: здесь в качестве соратника русских революционеров выступали русские же реакционеры – сторонники сословного консерватизма, представленные в первую очередь таким своим глашатаем, как Ф.И. Фиркс, получившим широкую известность как Шедо-Ферроти: «Между этими работниками двух враждующих лагерей не мог не возникнуть свой антагонизм. *Шедо-Ферроти* должен был проводить польскую справу по теориям Ламберова отеля, *легальными доводами* воздействовать на правительственные сферы, проводить в них *симпатию* к полякам; по приме-

рам времен Александра Павловича до крайней возможности во тьме и во мгле удерживать польские дела и дипломатическим изворотом доставить свободный доступ своим творениям под покровом *благонамеренной* их цели, как ратующим за прогресс, цивилизацию и, по теориям Чарторыйского, за *преуспевание* русской империи. Герцен с компаниею должен был действовать на русское общество, проводя в него принципы польской централизации и тоже *симпатию* к полякам... Вражда между поляками *белыми* и между поляками *красными* отразилась и на неприязненные литературные отношения между Шедо-Ферроти и Герценом, но на чем сходились Ламберов отель и централизация, на том сходились и оба работника польской sprawy. Как деятели польской sprawy бывших областей Речи Посполитой создали искусственную Польшу, так и Шедо-Ферроти с Герценовскою компаниею хотели искусственно пересоздать Россию. К великому прискорбию поляков, в отличие от погибшей внутренними раздорами Речи Посполитой, вся Россия от царя до простолюдина образует одно сплошное неразрывное целое, потому, по революционной теории польской sprawy, *подлинную* Россию должно было заменить *искусственно созданною* Россиею; Шедо-Ферроти и Герцен взялись за это дело. По польским проектам, в искусственно пересоздаваемой России надлежало между правительством и народом произвести разрыв. По комбинациям Ламберова отеля, Шедо-Ферроти взял на себя оторвать правительство от народа, а Герцен с компаниею, по комбинациям *централизации*, взял на себя оторвать народ от правительства» [28, с. 114–115].

Подобно Ю.Ф. Самарину, видевшему в идеале «аристократической партии» «вчерашнюю Австрию» [35, с. 485], Ратч указывал: «При грубо замаскированной обстановке, г. Шедо-Ферроти старается выяснить в России то, что выяснял покойный Адам Чарторыйский, что для основания благоденствия Русской Империи не только Польше, но всем ее окраинам должно быть дано особое самостоятельное управление, *полная автономия*. Г. Шедо-Ферроти знать не хочет, что эти окраины куплены русской кровью и ему весьма желательно *Русскую* Империю уподобить Австрийской» [29, с. 119]. Генерал обращал внимание на главный (и позднее многократно цитированный публицистами «русского направления») тезис знаменитой брошюры Шедо-Ферроти: «Всякий русский, за исключением одного императора, <...> отправляясь в Финляндию, в Лифляндию, в Польшу или на Кавказ, отправляется в иностранную землю; один только император, посещая их, не перестает быть в своем отечестве, между своими детьми, которых перед Богом и своею совестью, он обязался сделать счастливыми. Пусть патриотизм поляков состоит в том, что они любят только себя, патриотизм русских, по крайней мере, сторонников г. Каткова, – в ненависти иностранцев, патриотизм финляндцев – в желании удалить от себя русских; патриотизм Императора России, Царя Польши, Великого Князя Финляндии состоит в том, чтобы держать одинаково весы для всех своих подданных. Недостигаемый духу партий и национальному антагонизму, он не может принести Польшу в жертву крайне-русской партии» [29, с. 120].

Упоминание М.Н. Каткова было, разумеется, не случайным. В общей ненависти к «московскому громовержцу» ярче всего проявлялось единство Герцена и Шедо-Ферроти: «Оба работника польской sprawy признали его в высшей степени человеком *зловредным*, только Ламберов отель при шестидесятидвухлетних своих заботах о преуспевании Русской Империи заставляет своего присяжного ходатая по делам доказывать, что Катков для нее человек самый опасный, что он смотрит на свои статьи не как на разъяснения *тьмы* и *мглы* польских дел, а как на декреты, обязательные для правительства; а “Колокол” рядом статей изображает того же Каткова *редактором казенных, закупленным правительством, желающим только выслужиться перед ним* и для полноты стратагеми, по теории столь пригодной польской справе – *доносчиком*. Впрочем, поляки *белые* и *красные* сходились в желании только мятежа в России, и расходились во всем остальном» [29, с. 125].

Во второй половине 1860-х годов главными оппонентами «Вестника Западной России» становятся газета «Весть» В.Д. Скарятин с Н.Н. Юматовым и наследовавшее ей «Новое время» Н.Н. Юматова с А.К. Киркором. Не являясь сторонниками крепостничества (как нередко утверждали их оппоненты) и опасаясь явно критиковать «систему Муравьева», обе эти газеты поддерживали крупное землевладение и призывали уважать права местного польского дворянства – которое предпочитали «революционному» русскому крестьянству. Их программу сословного консерватизма поддерживали многие крупные государственные деятели – в том числе ставший в 1868 году виленским генерал-губернатором А.Л. Потапов.

Утратив после разгрома Потаповым «кружка виленских русификаторов» своего покровителя в Вильне [13], Говорский сохранил тем не менее приверженность своим основным положениям: необходимости «русификации» Западной России с опорой на широкие народные массы, посредством распространения православия и мелкого русского землевладения: «Первою... статью в проекте обрусения западного нашего края должно бы быть возвращение земель польских их законным, стародавним хозяевам и отчуждение их от тех, которые не умели пользоваться чужою собственностью, вечно мечтают о победе над Россией». <...> До тех пор, пока мера эта не осуществится, мы будем теоретическими, кочевыми обладателями западной России, будем окружены неприятельскими вооруженными лагерями, будем жить словно на бивуаках, постоянно ожидая снятия часовых наших, поминутно отбиваясь от штурмов и вылазок ксендзо-шляхетских» [17, с. 27–28].

В Северо-Западном крае «Вестник» призывал опираться на три силы: местное русское крестьянство, православное духовенство и русское чиновничество. Первое, впрочем, не могло быть самостоятельной силой, так как пострадало от польского влияния: «Нравственная сторона западно-русского простолюдья при сравнительной оценке его качеств с качествами всякого другого простолюдья не может не радовать зоркого его наблюдателя. Большинство популярных в другом народе преступлений в западно-русском относительно слабее развито. Состоя долго под самою суровой опекой, народ этот почти незнаком с теми явлениями жизни, которые происходят из самомнения, народной гордости и роскоши, произвола и разгула. Выработанный этою опекой характер народный, если не положительно – сознанием долга, – то отрицательно – опасением последствий его нарушения, удерживал народ в пределах всяческой умеренности. Эта, если так можно выразиться, трусость зла едва ли скоро заменится в здешнем народе свободным стремлением к добру, разумным выбором в безграничной его сфере благ лучших. Болезнь не так скоро излечивается, как получается, а нравственная излечивается еще медленнее физической. Вот уже прошло восемь лет со времени возрождения русского простолюдья вообще и здешнего в особенности, а его идолослужение всякой силе, его ужас всякой власти успели только обратиться в раболепство, напуганность, скрытность, недоверчивость» [18, с. 9–10]. Тем не менее «даже “Весть” и “Новое Время”, с особенною заботливостью и наслаждением копошащиеся в нравственных язвах русского народа, не много могли подметить их в здешнем народе, – несмотря на усовершенствование микроскопа этих органов нашей прессы, наводимого ими на явления народной жизни» [18, с. 11–12]. Таким образом, «консервативный, добрый и мирный по природе и обычаю смотрящий, по указанию Евангелия, на власть, как на “установление” Божие, верный присяге и внушениям неиспорченной совести, – народ здешний составляет крепкий оплот против всякого посягательства на целостность и спокойствие страны, неприкосновенность веры, Престола и отечества. Последние события: польское возмущение, его террор, свобода крестьян, обязательный надел землею и другие гуманные и прогрессивные законоположения еще усугубили чувства патриотизма, признательности и благоговения народа к осыпавшей его бесчисленными и незабвенными благодеяниями Власти. Такой народ вполне заслуживает то внимание, те благодеяния, какие оказывает ему правительство» [18, с. 12–13].

Вторую опору русского дела составляло духовенство, «победоносно вынесшее вековые пытки нравственные, материальные и физические от супостатов русской веры и народности, запечатлевшие “крепкую, как смерть”, любовь свою к России и православию страданиями исповедников и смертью мучеников, православное духовенство здешнее составляло и будет составлять тот неодолимый оплот России в крае, который устоит против всяческих треволнений политических, который выдержит напор всяческих нападений вражеских» [18, с. 15–16]. И наконец, третьей силой в регионе представлялся «институт его русских чиновников»: «Заправляя всеми отраслями гражданской деятельности, они составляют, вопреки инсинуациям и клеветам “Вести” и “Нового Времени”, надежный залог обрусения края, крепкую стражу русских порядков и неприкосновенности закона. При пестроте даже своего происхождения, образования, убеждений, направлений, привычек – русские чиновники составляют уже силу русскую, домашнюю, вполне благонадежную со стороны политической» [18, с. 18].

Одно из первых столкновений «Вестника» с «Вестью» произошло в 1866 году по поводу конфликта между польскими землевладельцами и пользовавшихся их землей русскими крестьянами-старообрядцами. Последних поддержала в соответствии с принципами М.Н. Муравьева администрация К.П. фон Кауфмана, а также националистическая периодическая печать во главе с «Московскими ведомостями». «Весть» же, руководствуясь своим основным принципом «в России весьма много народностей, а собственность одна» [22], стала на сторону местных землевладельцев-поляков – имевших, по мнению Скарятина, законное право распоряжаться своей землей. Для «Вестника» же право народности явственно преобладало над правом собственности: «Мы думаем, что русский и польский землевладелец личности совершенно разные. Помимо различного отношения их к России и народу, они стоят не в равносильных даже отношениях к закону». Правительство «вынуждено было оградить русские интересы в западном крае от нарушения их нашими *приятелями* и обуздать произвол, ограничить право польской шляхты. И свобода распоряжаться своею землею не так широка, как думает “Весть”. <...> Закон оградил земледельцев от произвола от землевладельцев, при безусловности которого со стороны последних, вероятно, не много осталось бы первых... Такая гарантия русского народа со стороны правительства всего сильнее должна обнаруживаться в западной России» [16, с. 39–40].

Собственно, сам конфликт объяснялся переходом неоконченного русско-польского противостояния в новую фазу: «Отчего же теперь ...пан ожесточился против старообрядца? Причина этого ожесточения очевидна. Ее нужно искать не в интересах экономических – не в идее и правах землевладельца, а в идее польского панства, в бесправии шляхтича, в разномыслии политическом, в ненависти пана ко всему русскому. Это очевидно; следовательно, очевидно и то, что на русской администрации лежала и лежит святая обязанность защитить русского человека от фактического проявления политической панской к нему ненависти, формулировать ясно те условия, которые защитили бы его от панского произвола и которые, не причиняя никакого убытка пану, дали бы средства русскому человеку укрепить в крае свою оседлость, разветвить всесторонне разные проявления русской народной жизни» [16, с. 43]. Особенно актуальным это представлялось в условиях, когда «мятеж подавлен, а война продолжается», «интрига польская успела уже посеять разлад в нашей прессе, склонить в свою пользу мнения некоторых людей, носящих русское имя» [16, с. 47].

Следующим поводом для спора стал 10-процентный сбор – контрибуция, которой еще М.Н. Муравьев обложил польские имения. Не позволяя себе открыто критиковать действия «виленского проконсула», «Весть» настаивала на том, что после подавления открытого мятежа в этой мере отпала необходимость. Говорский отвечал на это: «Пока status quo

продолжается, движение повториться не может; но последуйте только советам гг. Скарятинных, – отмените контрибуцию, снимите военное положение, выбросьте лет на десять из головы мысль о «возможности польских беспорядков», усыпите себя оптимизмом, что все обстоит и будет обстоять спокойно и благополучно, не примите тех мер, которые должны дать другой характер целому краю – и польский бунт упадет на Россию, как мокрый снег на голову. Где доказательства, спрашивает г. Скарятин? В истории, г. Скарятин, в характере и тенденциях ксендзо-шляхетских» [16, с. 34].

После этого редактор «Вестника» переходил к главному предмету своего противостояния с «аристократической партией» – вопросу о землевладении, который был производным от вопроса сословного. Полемизируя с «небольшой, но энергической партией» [23] «милютинцев», которые при содействии «виц-мундирных французов» из славянофильской среды [6] занимались национально-демократическими преобразованиями в Польше и Северо-Западном крае, «Весть» не отказывалась от необходимости собственно обрусения западных окраин – настаивая на том, что последнее должно совершаться не бюрократическими методами. При этом было очевидно, что при отказе от последних покупка земель в регионе оказывалась прерогативой крупного дворянства.

По мнению же Говорского, «само правительство дало почувствовать, какому землевладению русскому дает оно преимущество в деле обрусения края – когда постановило раздавать конфискованные и секвестированные земли не целыми имениями, а участками от 400–600 десятин, а для отдачи большого количества земли в одни руки приказало всякий раз испрашивать особое разрешение» [20, с. 10]. Это представлялось редактору «Вестника» безусловно верным: «Много ли обрусит, например, край землевладелец, который приобретет здесь 10–20 000 десятин, сам будет жить в Венеции или Мадриде, а имение и русское дело будут эксплуатировать, положим, хоть его мосци» [20, с. 20].

Редактор «Вестника» отвергал все упреки в антисословном и революционном пафосе, регулярно раздававшиеся со страниц «Вести» в адрес «русской партии»: «...Мы лучше г. Скарятинна знаем услуги, оказанные этим сословием отечеству; при всем том никто не может нас заставить воздавать поголовное раболепство неделимым, составляющим это сословие» [20, с. 11]. При этом подчеркивалось, что, поддерживая среднее землевладение перед крупным, «Вестник» также «ратует за права собственности» [20, с. 15]. Зато вполне крамольным представлялся Говорскому скарятинский антибюрократический пафос: «Г. Скарятин слишком уж часто, поголовно и можно сказать, непростительно дерзко относится ко всем чиновникам русским... Чиновник у него синоним и “афериста и голыша” (sic!) и т.п. ...Чиновник есть человек, посвящающий всю свою нравственную деятельность разносторонним пользам своего отечества, есть человек, принадлежащий (у нас) к одному из 14 рангов, имеющих чин, от которого он и получил свое название. Таким образом, в полном объеме этого слова, под идею чиновника подходят все служащие престолу и отечеству, начиная от канцелярского чиновника, до председательствующего в комитете министров, от прапорщика до фельдмаршала. Только повелитель, глава, *господин* нации выделяется из группы чиновников как слуг, – *служащих*... Как бы то ни было, только то несомненно, что г. Скарятин наносит самые непростительные оскорбления всей корпорации нравственных деятелей России. Быть может, г. Скарятин понимает часть вместо целого, неделимых вместо корпорации; но мы не имеем никакого основания прибегать к такому нелогичному, хоть и великодушному, толкованию выходок г. Скарятинна против чиновников: идеи чиновника он нигде не суживает добавлением к ней понятий или эпитетов вроде: *некоторые* чиновники, *есть* чиновники и т.п.» [20, с. 13–14].

В следующем году тема получила дальнейшее развитие. Постоянный автор «Вести», писавший под псевдонимом «Русский», обратил внимание на статью «Киевлянина», которую характеризовал как «ропот на медленный успех обрусения». Возражая главному

органу киевских русских националистов, в качестве главной причины он указывал не «пропаганду революционных устремлений и религию поляков», но видел ее «именно в том, что плохо обозначается чужеземным словом *пролетарии*, и то разве только в смысле, в каком кто-то толковал значение слово *пролетариат* от слова пролетать». Далее консервативный публицист развивал этот образ: «*Босой патриотизм* не есть явление новое; он появляется часто в истории всех народов, а г. босые патриоты всех народов и национальностей везде и всегда действуют почти одинаково, т.е. несут свое нищенство в жертву на алтарь отечества, босиком или, яснее сказать, оборвышами стремятся спасти отечество, дабы в случае успеха приличнее одеться, а буде возможно и разбогатеть» [32].

Приняв столь изысканную аргументацию и на свой счет, Говорский вмешался в дискуссию, не без деланной наивности заявляя, что слово «нищенство» к местному чиновничеству неприменимо: «Мы знаем, что большинство его владеет, независимо от служебного, также честного и законного содержания, и родовыми материальными средствами к жизни» [1, с. 3]. Приведя в качестве примера состав мировых учреждений Минской губернии, редактор «Вестника» далее вопрошал: «А если бы честный и полезный для отчества чиновник жил одним получаемым по службе содержанием, разве честно будет и логично назвать его “нищим оборвышем”? И те личности, которых интересы силится поддержать “Весть”, разве отказываются от казенного по службе содержания и разве легко определить их материальный фонд вне этого содержания?» [1, с. 3]. Предполагая, что далее «клеветник-писатель этой статьи проведет в ней любимую и восплаваемую газетою “Весть” идею, что все благо Западного края в одном водворении здесь богатых и крупных землевладельцев и в замещении всех должностных лиц людьми с независимым состоянием» [1, с. 3], «Вестник» задавался вопросом о причинах отсутствия таковых в регионе: «Быть может, богачи не пожаловали сюда из чувства самосохранения?» [1, с. 4]. В заключение Говорский предлагал: «Не угодно ли автору статьи в обществе редактора газеты “Весть” пожаловать к нам, пожить да всмотреться в занятия наши, хоть, например, по крестьянскому вопросу, поплавать по болотам, поездить по лесам, пожить несколько недель в курной хате, потолковать с крестьянами – увидели бы они тогда, как легки и комфортабельны наши занятия» [1, с. 4].

Однако публицист «Вести» разумно ограничился центром Вильны, а курной хате предпочел тамошнюю немецкую кондитерскую, в которой и обнаружил подлинные европейские ценности: «Я очень люблю заходить к Шпору по многим причинам; во-первых, хороший кофе и отличное пирожное, потом – уютность, тишина и чистота, наконец – сам почтенный содержатель, почтенный и благонамеренный немец, – все это производит на усталую душу успокоительное действие. <...> Истинный кейф – и где же? В швабской кондитерской, которая существует в центре “нашей древлеправославной и полякующей Вильны”, где кипит патриотическая деятельность, где разит “Вестником Западной России”, где потомок Свидригайлы какой-то Кивайло [намек на исторические публикации «Вестника» – А.К.]... да что и говорить, разве это не странно? Странно, но очень понятно. Как честный и благородный немец, “у которого в Швабии свой король есть”, герр Шпор стоит на нейтральной почве, потому у него вся обстановка, столы, стулья, рюмки, плюшки и селедка с луком, – все дышит нейтральностью, и Боже! – как же я люблю за это герра Шпора и как уважаю!» [31]. Рюмкам и плюшкам почтенного немца противопоставлялись «фальшь и пустота патриотического рвения» К.А. Говорского, чей журнал характеризовался как «беспорядочный, никому не нужный, бестолковый и безграмотный набор какой-то макулатуры» (под которой подразумевались «необработанные» исторические источники), существующий «только побирательством из других журналов и газет» [31].

Ответу на это послание редакция «Вестника» посвятила сразу две публикации. В первой – редакционном предисловии – перечислялись все заслуги журнала, первым вы-

ступившего против еще только намечавшегося польского мятежа. Там же давалась ссылка на авторитет М.Н. Муравьева, высоко оценившего деятельность Говорского и пригласившего его в Вильну. В заключение гордо указывалось, что печатаемые в журнале исторические «документы и акты – не мертвый материал, это еще несомненное: они – и уроки для настоящего, и точка опоры для исторической истины, и завет наших предков, и права наши на владение нашим достоянием» [25, с. 10].

Продолжалась полемика с вынесенными из кондитерской Шпора суждениями и в следующей статье, принадлежавшей перу И.Г. Кулжинского. Почтенный защитник классицизма пытался воззвать к законам формальной логики: «Во имя здравого смысла, просим вас сказать нам: каким образом кипящая в Вильне патриотическая деятельность и издающийся в ней “Вестник Западной России” могли бы воспрепятствовать тому, чтобы в кондитерской Шпора не было хорошего кофе, отличного пирожного, тишины и чистоты? Какое отношение, какая связь между патриотическою деятельностью Вильны и между кофеем и пирожным Шпора, между тишиною и чистотой кондитерской его и – между “Вестником Западной России”??» [11, с. 14]. Впрочем, далее сам публицист заключал, что проблема была скорее в приоритетах: «По вашему прорывающемуся наружу убеждению, пустяками занимаются те люди, которые желали бы, чтоб “издревле православная Вильна” не была ополячиваема. По-вашему, пусть она будет себе какая угодно, лишь бы в кондитерской Шпора был хороший кофе и хорошее пирожное?..» [11, с. 15].

В дальнейшем «Вестник» писал о «Вести» уже не как об органе «аристократической партии», но как о газете, отстаивающей исключительно польские интересы: «Мы оставляем в стороне намерения и теории барской газеты, касающиеся интересов северовосточной России как потому, что это не наше дело, так и потому, что эта газета почти забыла свой общерусский характер и из газеты барской преобразилась, чуть ли не исключительно, в газету *панскую*, в покровительницу *угнетенного* в крае полонизма» [9, с. 21]. При этом «адвокатуру» «Вестью» польского дворянства журнал объяснял финансовыми интересами: «Если польские землевладельцы одной Волынской губернии выписывали в прошлом году этой газеты около 500 экземпляров; то все девять западных губерний составляли контингент друзей “Вести” около 5000, которые, несмотря на плач “Вести” о нищете своих клиентов, платили дань своему адвокату в количестве около 50,000. А так как эти клиенты не ограничиваются одними девятью западными губерниями, а рассыпаны по всем десяти губерниям бывшего царства польского и отчасти по всей России, то мы затрудняемся определить подлинную цифру бюджета “Вести”, так выгодно ведущей свою адвокатуру» [9, с. 22].

Вновь возвращаясь к постоянной для «Вести» теме сбора, которым были обложены польские землевладельцы (консервативная газета считала его мерой, подрывающей экономику края), «Вестник» подчеркивал, что эта мера носит одновременно и финансовый, и политический характер: «Западный край, состоя в исключительном положении, требует и особых расходов, так сказать, двойного, в сравнении с другими местностями, бюджета, на удовлетворение двойных его нужд. В этом крае, как окраине России, как воротах в Россию, как в области, умиротворенной только *снаружи*, – необходимо содержать относительно большую армию. Чиновники края, большинство которых прибыло сюда из внутренних губерний для возмещения людей, служивших большею частию по инструкции “Польского катехизиса”, естественным образом вовлекли правительство в экстренные расходы на их переселение, обустройство, усиление их контингента и средств, гарантирующих безбедное их существование в стране чужой, малопроизводительной и потому страдающей дороговизною жизненных потребностей. В течении веков систематически угнетаемое и подавляемое, родное краю православие требовало усиленных средств к его поднятию. <...> Вопиющая необходимость заменить польскую в крае интеллигенцию русскою

вызвала правительство на весьма значительные расходы, каких потребовало открытие множества новых и реформа прежних народных училищ, со всеми сопряженными к этой мере обстоятельствами» [9, с. 28–29]. Тем же польским помещикам, которым все это казалось разорительным, предлагалось следующее: «Вместо того, чтобы продавать вещи заветные и необходимые, расставаться с фамильными портретами, имеющими такую условную ценность и такое огромное значение для панского *гонора*, и что то же – вместо того, чтобы заниматься ощипыванием листиков на дереве злополучия, – отчего бы не вырвать с корнем самого дерева, – не продать то есть самого имения, или не променять его на равноценное имение во внутренних губерниях?» [9, с. 31].

Смена власти в Северо-Западном крае и проезд туда А.Л. Потапова были с восторгом встречены «Вестью», надеявшейся на окончательный разгром «кружка русификаторов», «девизом которого было изречение: “дать крестьянам *побольше* помещицкой земли и притом подешевле”». «Русский» подчеркивал в своей корреспонденции: «Мы – местные русские помещики – возлагаем все наши надежды и упования на нового начальника, полагая, что он найдет возможным и полезным отправить наших деятелей обратно на службу во флот и в семинарии, в пехоту и кавалерию и в полицейские управления» [33]. Впрочем, звезда самой «Вести» к этому времени уже закатывалась: в ходе полемики с М.Н. Катковым она – вопреки утверждениям Говорского о мощной поддержке польского дворянства – теряла подписчиков и авторитет. Однако на смену ей пришло созданное А.К. Киркором и Н.Н. Юматовым «Новое время».

Ни бывший соредактор «Вести» Юматов, ни польский просветитель Киркор не имели оснований сочувствовать «русификаторам». Последних в этот период нередко (и, разумеется, ошибочно) называли клерикалами – из-за того, что глава их кружка, И.П. Корнилов вслед за славянофилами отождествлял русскость с православием. Последнее служило поводом для периодических столкновений с М.Н. Катковым, в свою очередь стремившегося разделить национальность и религию. Этим противоречием воспользовалось «Новое время», перепечатав из «Московских ведомостей» статью, направленную против руководства Виленского учебного округа и сообщавшую об уменьшении числа православных учеников в местных школах и «вредного действия» его политики. Впрочем, обвинение, предъявленное «клерикалам», в другом контексте сошло бы за попытку их оправдать: «Наша клерикальная партия, ратующая за обрусение, с которым она неразрывно связывает и переход местных уроженцев в православие, забывает, как трудно, как даже невозможно и физически и нравственно, чтобы современное поколение вдруг отказалось от всего, что оно усвоило в течение всей своей жизни, отказалось от своей веры и перестало называть себя поляками... Дело в том, что народ не может переродиться, переобразоваться вдруг; для этого нужно время, необходимо глубокое убеждение, что новая цивилизация выше той, которая была доселе усвоена; нужно уменьшение и постепенность действий. Одним словом, подобные перерождения могут совершаться только с течением времени, в будущих поколениях». Тем не менее сравнение с временами М.Н. Муравьева выглядело и в самом деле не в пользу его эпигонов: «Граф М.Н. Муравьев, владея громадными средствами и понимая всю важность подобных мер, сильно подвинул дело народного образования. Всякому, кто желал, дозволялось открыть школу без всяких стеснений формальностями; <...> приходские священники, даже семейства их, отставные грамотные солдаты и много частных лиц, устраивали школы, старались залучать как можно более учащихся. Последних считали уже десятками тысяч. Крестьяне вполне доверяли этим лицам и охотно посылали своих детей в школу. К несчастью, все это недолго продолжалось... Формалистика, непонимание народного духа и быта крестьян, стеснения всякого рода и, главное, грубость, безнравственность многих из наставников, беспечность ревизоров, произвели то, что число школ значительно уменьшилось и тысячи воспитывающихся оставили школы» [24].

На страницах «Вестника» «Новому времени» отвечал автор, писавший под псевдонимом «Зуботычкин». Обвинив газету в клевете на «русских деятелей» [8, с. 11] и поставив под сомнение другой тезис «Нового времени» – о необходимости для России автономной Польши как барьера против угрожающей стране германизации, анонимный публицист переходил к ответным обвинениям: «Если мы, достаточно ознакомившись с образом мыслей “Нового времени”, внимательно просмотрим все вышедшие его нумера, то увидим, что оно особенное гостеприимство оказывает корреспонденциям из Западного края, особенно одному (кажется) известному нам корреспонденту из Гродны. Эти корреспонденции о чем только не уведомляют своих читателей! Если верить им, то в Ковне нищета и голод достигли таких громадных размеров, что жители его целыми семействам вымирают, бросаются в Неман (№ 40); в Вильне днем на улицах режут из-за голода (№ 19), между тем, русские чиновники давят своими рысаками по улицам Вильны стариков, женщин (№ 8); бедным полякам причиняют всевозможные преследования; бьют их на улицах публично за польский язык (№ 28); даже жидов усердные “русификаторы” колотят Бог весть за что (№ 52) и берут с них штраф за еврейский язык (№ 43)!...» [8, с. 22]. Все эти претензии автор объяснял только одним: «Внимательно просмотрев все обвинения, взводимые польскою партией на местных деятелей и все официальные опровержения этих обвинений, мы положительно можем сказать, что не *блаженные* глумятся над поляками, не *юродивые* [«блаженными» и «юродивыми»] «Весть» и «Новое время» называли публицистов «русского направления» – А.К.] оскорбляют их напрасно и бесцельно, не они позорят и ругаются над тем, что для поляков священо и дорого, а сами же поляки, глумятся и ругаются над нами, называя нас сапожниками, пирожниками, блаженными, юродивыми, ханжами, самодурами и др. эпитетами с целью компрометировать здешних русских деятелей пред высшею администрациею и общественным мнением России, – заменить их как негодных, во избежание пролетариата, поляками; даже в обществе здешних русских землевладельцев поселить элемент сочувственный полякам, укоренить в России ложную мысль, что для ее спасения от грозного Drang nach Osten полезно возрождение Польши при “восходе животворящего солнца с Востока”. Вот для чего на нас взводят целые горы обвинений. Не мы оскорбляем, не мы позорим, но нас поляки оскорбляют своею интригою и дерзостию, так резко бросающеюся в глаза» [8, с. 25].

Тезис об угрозе германизации получил развитие через номер, когда тот же автор отвечал на замечание «Нового времени» о вреде обеих – русской и польской – «крайних» партий, работавших, по мнению Юматова, во вред России и в интересах Пруссии. Публицист «Вестника» отказывался верить в возможность германизации региона, отдаленного от Пруссии и окруженного «густою массою коренного русского населения, как новгородцы, псковичи и русские литовцы»: «...германизация так ничтожна, что она должна совсем исчезнуть от тех средств, которые предприняты уже правительством. Русское образование, русские народные школы и дарование господства русскому языку – пока и довольно. Время и действие этого лекарства покажут, нужно ли будет еще что предпринять или вполне достаточно и этого для произведения реакции и уничтожения зародыша болезни» [7, с. 13]. Обращая же свое внимание на юг, автор утверждал: «Самое лучшее средство, которое отлично подействует против непрошеного пангерманизма, это скорейшее и коренное слияние Польши с Россиею. Тогда, чрез подобный барьер, будет труднее перешагнуть такому исполину, каков, по уверению “Нового времени”, грозный Drang nach Osten. Да и России будет тогда безопаснее и спокойнее, чем за спиною такой вероломной союзницы, какова Польша. Произвести этот маневр можно при помощи того же самого рецепта, который одобрен г. Юматовым для остзейского края. Русское образование, русские школы, откуда юношество и будущие поляки будут выходит со свежими головами, не отуманенными иезуитскою схоластикою, и разумным понятием относительно порядка вещей, господство

русского языка и русское судопроизводство, – вот главные ингредиенты лекарства для получения желанного результата. Как смешны и неуместны протоколы губернских правлений Риги и Ревеля на немецком языке, также точно смешны и неуместны они в Кельце или Радоме на польском языке, точно также смешно и решение дел в губернском правлении Радома по кодексу Наполеона и польскому статуту» [7, с. 13].

К концу 1860-х годов противостояние «Вестника Западной России» с «Вестью» и «Новым временем» себя исчерпало. Постепенный отход новой администрации Северо-Западного края от «системы Муравьева», а польского вопроса – на второй план, все менее способствовал полемическому задору редактора журнала. Еще менее последний был свойствен Ивану Эремичу, занявшему этот пост после «болезни сердца, расстройства умственных способностей и выезда в Петербург г. Говорского» [30, л. 17]. Поэтому на очередной выпад «Нового времени» в адрес своего издания он отвечал почти примирительно: «Пути наши так розны, что мы можем встречаться только на перекрестках, и чем скорее и невозвратнее уничтожится возможность таких встреч, тем более мы должны быть благодарны услуге счастливого случая. Конечно, «Новому времени» слишком больно, что вместе с тяжким недугом бывшего издателя «Вестника Западной России» это издание не прекратилось, но к чему ругаться, когда ненависть «Нового времени» к «Вестнику Западной России» и без того известна всем – и нашим, и вашим?» [21, с. 46].

На протяжении всей своей недолгой истории «Вестник Западной России» последовательно противостоял как революционной, так и сословно-аристократической пропаганде, которые представлялись его редакции продолжением пропаганды польской. Тот факт, что с установлением в Вильне власти А.Л. Потапова журнал не переменял этого направления, свидетельствует о том, что К.А. Говорский, несмотря на определенную конъюнктурность и отнюдь не безусловную порядочность, все же являлся человеком убежденным. Однако региональная ограниченность проблематики журнала не давала ему возможности отразить сущностную близость революционного и реакционного начал. Вполне удалось это сделать Ю.Ф. Самарину и И.С. Аксакову – к консервативно-демократическим воззрениям которых в целом примыкал и зарождавшийся в публицистике «Вестника Западной России» западнорусизм.

Литература

1. А...в М. Чиновники Западной России «Вести» // Вестник Западной России. 1867. № 7. Отд. III. С. 1–9.
2. Взгляд Вольтера на восточную церковь в сравнении ее с римскою, и о гонениях за веру в Польше // Вестник Юго-Западной и Западной России. 1864. № 1 (июль). Отд. II. С. 77–95.
3. Горошковский А. Ворона в соколиных перьях // Вестник Юго-Западной и Западной России. 1863. № 1. Приложение. С. 1–23.
4. Два-три слова о сочувствии патриотическим движениям и притязаниям поляков // Вестник Юго-Западной и Западной России. 1862. № 11. Отд. IV. С. 119–138.
5. Долбилев М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: НЛО, 2010.
6. Желательно или нежелательно усиливать демократизацию России? // Весть. 1865. № 6. 23 сентября.
7. З...кин А. Новое время не стареется // Вестник Западной России. 1868. № 7. Отд. III. С. 1–15.
8. Зуботычкин А. «Новое время» // Вестник Западной России. 1868. № 5. Отд. III. С. 9–25.
9. Инсинуации «Вести» // Вестник Западной России. 1868. № 2. Отд. III. С. 21–36.
10. К-ий И. [Кулжинский И.Г.] Александр Герцен, он же Искандер // Вестник Юго-Западной и Западной России. 1862. № 12. Отд. IV. С. 226–231.
11. К-ий И.Г. [Кулжинский И.Г.] Ответ «Русскому» корреспонденту газеты «Весть» // Вестник Западной России. 1868. № 1. Отд. III. С. 13–19.
12. Котов А.Э. Польский вопрос на страницах «Вестника Юго-Западной и Западной России» (1862–1864 годы) // Научный диалог. 2019. № 8. С. 258–272.
13. Котов А.Э. «Нравственный Кавказ» И.П. Корнилова // Российская история. 2018. № 5. С. 46–59.

14. Котов А.Э. «Народность» и «сословность»: два полюса русского консерватизма // Христианское чтение. 2017. № 2. С. 288–306.
15. Котов А.Э. Михаил Юзефович – идеолог русского политического предмодерна // Вопросы истории. 2018. № 6. С. 105–121.
16. Недоразумение // ВЗР. 1866. № 5. Отд. III. С. 39–48.
17. Несколько соображений, вызываемых современным положением западной России // Вестник Западной России. 1869. № 3. Отд. III. С. 25–39.
18. Несколько соображений, вызываемых современным положением – западной России (окончание) // Вестник Западной России. 1869. № 5. Отд. III. С. 9–20.
19. ОР РНБ. Ф. 377. Ед. 597.
20. Ответ г. Скарятину // Вестник Западной России. 1866. № 11. Отд. III. С. 1–20.
21. Панская деликатность // Вестник Западной России. 1870. № 3. Отд. III. С. 45–46.
22. Передовая статья // Весть. 1863. № 12. 27 октября.
23. Передовая статья // Весть. 1866. № 45. 13 июня.
24. Передовая статья // Новое время. 1868. № 26. 6 февраля.
25. По поводу вынесенных из кондитерской впечатлений // Вестник Западной России. 1868. № 1. Отд. III. С. 1–12.
26. Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. 4: Белоруссия и Сибирь. СПб., 1892.
27. Ратч В.Ф. Польская эмиграция до и во время последнего мятежа. 1831–1863 гг. // Вестник Западной России. 1866. № 8. Отд. II. С. 45–129.
28. Ратч В.Ф. Польская эмиграция до и во время последнего мятежа. 1831–1863 гг. // Вестник Западной России. 1866. № 9. Отд. II. С. 141–158.
29. Ратч В.Ф. Польская эмиграция до и во время последнего мятежа. 1831–1863 гг. // Вестник Западной России. 1866. № 11. Отд. II. С. 110–131.
30. РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Ед. 300.
31. Русский. Вильно (из письма к редактору) // Весть. 1867. № 144. 15 декабря.
32. Русский. Из Западного края // Весть. 1867. № 73. 28 июня.
33. Русский. Из Минской губернии // Весть. 1868. № 38. 29 марта.
34. Сакович П.М. Наши домашние дела // Вестник Юго-Западной и Западной России. 1863. № 2. Отд. IV. С. 217–228.
35. Самарин Ю.Ф. О политическом идеале газеты «Весть» / Ю.Ф. Самарин // Сочинения. Т. 9: Краины России. М.: Типогр. А.И. Мамонтова, 1898. С. 456–485.
36. Цвікевіч А. «Западно-руссизм»: Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі у XIX і пачатку XX в. Мн.: Навука і тэхніка, 1993. 352 с.
37. Юзефович М.В. Что такое шляхта // Вестник Западной России. 1865. № 4. Отд. IV. С. 172–178.

Аннотация. Журнал Ксенофонта Антоновича Говорского «Вестник Юго-Западной и Западной России» вошел в историю русской общественной мысли как одиозно-реакционный. Однако этот стереотипный образ нуждается в определенном пересмотре: антипольский дискурс на страницах журнала имел не столько националистический, сколько антисловный характер. Рассматривая поляков прежде всего как носителей сословно-аристократического начала, редакция журнала претендовала на защиту широких народных масс, мелких землевладельцев и чиновников. На протяжении всей своей недолгой истории «Вестник Западной России» последовательно противостоял как революционной, так и сословно-аристократической пропаганде. Однако региональная ограниченность проблематики журнала не давала ему возможности отразить сущностную близость революционного и реакционного начал. Вполне удалось это сделать Ю.Ф. Самарину и И.С. Аксакову, к консервативно-демократическим воззрениям которых в целом примыкал и зарождавшийся в публицистике авторов «Вестника Западной России» «западнорусизм».

Ключевые слова: западнорусизм, консерватизм, национализм, славянофильство, Белоруссия, польский вопрос, Самарин, Говорский, Юзефович.

Aleksandr E. Kotov, Doctor in History, Associate Professor, St. Petersburg State University, Russian Federation.
E-mail: a.kotov@spbu.ru

“The Fumes of Polonism and the Stench of Herzenism”: “Vestnik Zapadnoy Rossii” Against Class Revolution and Clas Reaction*

Abstract. The journal of Ksenofont A. Govorsky “Vestnik Yugo-Zapadnoy I Zapadnoy Rossii” (“South-West and West Russia Herald”) is known in the history of public thought as odious and reactionary. However, this stereotypical image needs some revision: the anti-Polish discourse on the pages of the magazine was not so much nationalistic as anti-aristocratic in nature. Considering the “Poles” primarily as carriers of the aristocratic principles, the editorial board of the magazine claimed to protect the broad masses of the people. Throughout its short history, the magazine consistently opposed both revolutionary and aristocratic propaganda. However, the regional limitations of the problems covered in the magazine did not give it the opportunity to reflect on the essential closeness of the revolutionary and reactionary principles. Yu.F. Samarin and I.S. Aksakov – whose conservative-democratic views, on the whole, were close to “Western Russianism”, promoted by the authors of “Vestnik Yugo-Zapadnoy I Zapadnoy Rossii”, managed to reach that goal.

Keywords: Western Russianism, Conservatism, Nationalism, Slavophilism, Belarus, Polish Question, Samarin, Govorsky, Yuzefovich.

* This research was supported by the grant No 19-18-00073 “National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th–20th Centuries” of the Russian Science Foundation.

«Но все это понятно: ведь поляки и немцы в большинстве – враги России»: западнорусские интеллектуалы о польском вопросе (конец XIX – начало XX века)

По итогам разделов Речи Посполитой в конце XVIII века Российская империя получила не только приращение территории с новыми подданными, но и так называемый польский вопрос. Под польским вопросом мы понимаем комплекс проблем существования Польши и поляков в составе Российской империи и места в Российской империи части территорий бывшей Речи Посполитой. До середины XIX века проблемы, связанные с поляками и полученными территориями, не были в силу ряда причин обсуждаемы на страницах периодики и других публицистических изданий. Представители общественности доносили до власти свои мысли путем предоставления записок [10, с. 26]. Например, записка «Мнение русского гражданина» Н.М. Карамзина, представленная Александру I в 1819 году, в которой Карамзин отнесся отрицательно к планам императора расширить Царство Польское на восток за счет Западного края¹ [12, с. 90, 91].

Ситуация радикально изменилась после воцарения Александра II. А.Д. Гронский справедливо отмечает: «XIX век породил ряд явлений, которых не было ранее. Одним из них стало широкое распространение журналистики и публицистики, чутко реагирующих на политические, этнические, конфессиональные и иные проблемы... Одним из таких общественных вопросов в России второй половины XIX века был “польский вопрос”...» [11, с. 261].

Традиционно при анализе консервативной публицистики второй половины XIX – начала XX века исследователи прибегают к анализу произведений самых известных публицистов консервативного направления общественной мысли: М.Н. Каткова, И.С. Аксакова, М.О. Меньшикова, В.В. Розанова. При этом уходят в тень публицисты, являющиеся уроженцами Западной России, белорусами по происхождению и идеологами западноруссизма: Михаил Осипович Коялович (1828–1891), Антон Семенович Будилович (1846–1908), Платон Андреевич Кулаковский (1848–1913). Все они были не только публицистами, но и видными учеными-славистами, историками. Их воззрения для нас важны тем, что для них, в отличие от столичных (как московских, так и питерских) публицистов, польский вопрос не был академическим, абстрактным. Для них все перипетии польско-русских отношений, польские восстания были фактом их биографий [13, с. 5–7; 21, с. 70]. Данная статья вместе с существующими исследованиями, посвященными отдельным проблемам их публицистики по польскому вопросу [19, 20], претендует на заполнение историографической лакуны.

¹ Западный край – неофициальное название двух генерал-губернаторств: Виленского и Киевского, охватывающих территории нынешних государств Литвы, Белоруссии, Украины (правобережная часть, без Галиции и причерноморских степей).

По нашему мнению, в польском вопросе выделяются несколько сюжетов, по которым шла наиболее напряженная полемика как между разными течениями отечественной общественной мысли, так и между русскими и польскими публицистами. Одним из таких сюжетов стал вопрос о причинах падения Речи Посполитой и степени участия Российской империи в разделах Польши. Польские публицисты, осмысливая причины крушения своего государства, акцентировали внимание на внешних факторах, которые повлияли на этот процесс. С ними соглашались как многие либеральные авторы, так и представители «революционной демократии».

М.О. Коялович был убежден, что разделы стали закономерным итогом исторического развития Польши: «Польша кончила свое старое существование. Самое имя ее было уничтожено. Над ней совершился исторический приговор, давно заявленный историей и давно требовавший разделения ее, как польско-русского государства, на две части: русскую и польскую. Это был неминуемый приговор» [15, с. 308]. Публицист указывал на особую роль западных и южных соседей Речи Посполитой: «Но к этому приговору, который мог бы и не касаться политической жизни чисто польской части Польши, Пруссия прибавила свою, давнюю страсть живиться западнославянскими землями, а примеру Пруссии последовала и Австрия, которая, как известно, вся сложена из различных кусочков и для которой все равно, какие получают кусочки чужой земли, лишь бы получались» [15, с. 308–309].

Младший современник Кояловича – П.А. Кулаковский – полагал, что русско-польский конфликт начался отнюдь не со времени раздела Речи Посполитой в конце XVIII века: «Но борьба между нами – русскими и поляками – давняя, восходит к первым векам нашей истории, это борьба славянского запада со славянским востоком» [17, с. 4]. По его мнению, причина борьбы вовсе не в обладании какими-то конкретными территориями в виде древнерусских княжеств, а в конфликте между разными цивилизациями [17, с. 4]. Кулаковский считал, что во время разделов Польши нужно было присоединять все территории Речи Посполитой к Российской империи, ничего не давая Австрии [17, с. 19].

А.С. Будилович, современник Кулаковского, считал разделы закономерным итогом процесса воссоединения разных частей русского народа [2, с. 11]. Публицист мыслил националистическими категориями, полагая, что работа по созданию русской нации еще не закончена, так как Галиция находится в составе Австро-Венгрии [2, с. 39]. Будилович был согласен с Кулаковским в том, что передача Галиции была ошибкой внешней политики Российской империи в конце XVIII века [2, с. 39]. Славянофильские убеждения Будиловича накладывали отпечаток на его рассуждения о разделах Польши: «Не более ли соответствовало бы тогда задачам и славянской, и русской политики сохранение Польши в этнографических границах польской народности под русским протекторатом с непосредственным присоединением к России лишь частей русских и литовских?» [2, с. 39]. Причем, по мнению Будиловича, Александр I мог бы решить эту проблему, пользуясь правом вершителя судеб европейских государств [2, с. 39].

Пожалуй, самой ожесточенной была полемика об историко-культурной принадлежности Западного края, то есть территорий бывших русских княжеств, вошедших вначале в состав Великого Княжества Литовского, а затем уже в состав Речи Посполитой. Для русских и польских публицистов регион был неразрывной частью как России, так и Польши. Коялович, Будилович, Кулаковский были свидетелями русско-польского соперничества в Западном крае, выражавшегося не только в борьбе имперского правительства с местной польской элитой, но и в конфликтах, религиозном (православие и католицизм) и социальном (помещики-поляки и крепостные белорусы и украинцы).

В одном из своих публицистических произведений Коялович напоминал читателю о польско-русском антагонизме, не утратившем своей злободневности в начале 1880-х годов: «Мы просто пишем здесь на основании документов хронику страстной религиозной борь-

бы в одной из самых глухих местностей западной России, – местности, бывшей, однако, не раз укромным уголком для польской смуты. Справедливость требует сказать, что и теперь эта местность очень удачно выбрана смутотворцами [так у Кояловича – *Д.Т.*]» [14, с. 1].

Для Кояловича поляки были и будут опасным врагом. В частном письме М.Н. Каткову публицист давал следующую характеристику противнику: «Достойна величайшего внимания дрессировка польского общества. Как в Варшаве, так в Вильне, так в Петербурге – поляки, как один человек. С другой стороны, поразительно наше русское, почти всеобщее ослепление. Поляки великолепно обрабатывали, да и работают же они!»¹ Он продолжал свою мысль: «Наше Правительство, кажется, немного вылило на них холодной воды (так слышал). Но наше Петербургское общество и даже некоторые администраторы просто в катаракте какой-то касательно поляков»².

Коялович заявлял, что Западный край – это вовсе не «восточные кресы Польши», как утверждали поляки, а неразрывная часть русского сердца империи: «Если отправляться в западную Россию из русского средоточия, то придется неизбежно и самым наглядным образом убедиться, что западная Россия, несомненно, русская страна, и связана с восточной Россией неразрывными узами...» [15, с. 3–4]. Он прибегал к этнической аргументации своего тезиса: «...Придется чаще всего самым нечувствительным образом переходить от великоруссов к белоруссам или малороссам; часто даже нелегко будет заметить, что уже кончилось великорусское население и началось белорусское или малорусское...» [15, с. 3–4].

Вывод публициста логично вытекал из его аргументации, и с ним невозможно не согласиться: «...Во всяком случае, придется признать, что все это – один русский народ от дальнего востока внутри России до отдаленного запада в пределах Польши и Австрии» [15, с. 3–4]. А внутренними скрепами этого народа являются: «русская вера громадного большинства населения западной России, и русский язык еще более громадного числа их, и русская торговля, более насущная для всей этой страны, чем торговля ее с западными соседями» [15, с. 4].

Как утверждал Коялович, единству русского народа угрожают поляки, декларативно поддерживая обособление белорусов и малороссов от России: «В настоящее время поляки и в западной России стараются сблизиться с тамошним народом и привлечь его на свою сторону. Они объявляют, что уважают и литовскую, и белорусскую, и малорусскую народность, что желают даже, чтобы эти народности развивались и создавали свою письменность, печатали книжки на своих наречиях» [15, с. 10]. На самом деле, как указывал Коялович своим читателям, поляки предполагали осуществить активную полонизацию обособившихся от России белорусов и украинцев: «Но в то же время они говорят, что польская народность исторически творится и должна твориться, подвигаясь на восток, т.е. что литвин, белорусс, малоросс, получая образование, должен делаться поляком» [15, с. 10].

Наиболее наглядной попыткой разрушить общерусское единство было появление идей о создании особой украинской нации. Адепты этой идеи активно спекулировали историей украинского казачества и Гетманщины, на что и обращал внимание Коялович: «Некоторые малороссы... забывали также и то, что малороссийское козачество [так у Кояловича – *Д.Т.*] отжило свой век, и стали запутываться в разных теориях о самобытности Малороссии» [15, с. 18]. По его мнению, не обошлось без польского участия: «Теории их, без всякого сомнения, сами собою пали бы и посрамлены были бы малороссийским же народом; но, к сожалению, им придали особенную важность и таким образом созданся призрак так называемого малороссийского сепаратизма, который усердно поддерживали и

¹ К характеристике взглядов М.О. Кояловича. [Из письма М.О. Кояловича М.Н. Каткову от 24.03.1881] // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 120. К. 23. Л. 198 об.

² Там же. Л. 199.

раздули в общественном мнении поляки (для них это очень выгодно) и который в прах рассыпается при всяком прикосновении к действительной народной жизни» [15, с. 18].

Коялович призывал поляков вести культурную работу на землях, населенных поляками, вместо активной полонизации восточных славян, на которую уходили, по его мнению, жизненные силы поляков: «...Славянское оживление польского племени гораздо лучше было бы распространять польский язык на восток от Польши, среди русских западной России, двигать постепенно творение, созидание полонизма по мере распространения поляков на восток...» [16, с. 19]. Публицист был сторонником возвращения белорусов и украинцев, исповедовавших католицизм, в русское культурное пространство через введение русского языка в католическое богослужение: «...Мы, без сомнения, тоже радостно встретили бы, если бы русские латинского закона в западной России устроили в своих костелах русское богослужение и, не задаваясь излишним трудом, брали себе и наши церковно-славянские молитвы и песнопения, общие у нас с латинской церковью» [16, с. 19].

Мысль Кояловича о пользе перевода части католического богослужения на русский язык разделял П.А. Кулаковский. Он писал Каткову: «Я не знаю, как Вы думаете, но я убежден, что введение русского языка в католическую литургию спасло бы западную и южную Русь от бед полонизма: это был бы решительный удар [по – Д.Т.] польской справе»¹. Кулаковский был славистом, среди его знакомых были католические священники с Балкан, в том числе, хорватский священник Франьо Рачки (1828–1894). Кулаковский передавал в письме содержание своей беседы с ним по поводу введения русского языка в католическое богослужение. Со слов Рачки, папа Лев XIII (1810–1903, понтификат 1878–1903) не имеет ничего против введения русского языка в богослужение². Проблема была в позиции польского римско-католического духовенства. Кулаковский передавал Каткову содержание бесед Рачки с поляками: «Кардинал Ледоховский [имеется в виду кардинал Мечислав Ледоховский (1822–1902) – Д.Т.], прямио сказал Рачки, что поляки не хотят этого нововведения ввиду своих дел с русскими»³.

Современник Кулаковского А.С. Будилович одобрял правительственную практику определенной правовой и культурной дискриминации поляков в России. Его отношение к требованиям поляками равноправия было негативным: «Очень хорошо известен из истории и современности и польский взгляд на свое равноправие в пределах России» [8, с. 300]. Он приводил примеры из истории Речи Посполитой: «В сложной системе политических и церковных уний поляки умели уже издавна провести в Литве и Руси под видом равноправия жесткий гнет шляхтичей и ксендзов по отношению к литвинам и западнорусам, захват их черноземных полей, превращение крестьян в “быдло” и двойную эксплуатацию их, с одной стороны, поляками, а с другой – евреями» [8, с. 300]. К тому же был современный пример, который демонстрировал последствия достижения поляками равноправия на западных окраинах империи: «Теперь, конечно, времена изменились, и поляки не могли бы уже отдавать русские церкви в аренду евреям; но характер польского господства в нынешней Галиции, выражающийся во всемерном оттеснении русских людей на поле экономическом и социальном, особенно в области школы, судов и управления, дает возможность предсказать, в каких формах выразилось бы польское равноправие в Польше, Литве и Западной Руси...» [8, с. 300–301].

Будилович, как и ранее Коялович, полагал, что идея украинского сепаратизма и обособления от России появлялась и появляется в головах только местных элит и интел-

¹ К характеристике взглядов П.А. Кулаковского. [Из письма П.А. Кулаковского М.Н. Каткову. Октябрь 1884.] // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 120. П. 23. Л. 119.

² Там же. Л. 118 об.

³ Там же. Л. 119.

лектуалов: «Между тем, и опыт прежнего времени, и живые наблюдения доказывают, что центробежные стремления если и проявлялись иной раз у южнорусов, то обыкновенно не в среде народных масс, а в верхах населения, вследствие разъединительной политики сначала старорусских князей и бояр, потом гетманов и казацкой панов-рады, а в новейшее время – разных интеллигентов» [9, с. 335].

Не обошлось без ссылок на пример Галиции и активное участие поляков в создании украинского национализма: «В Галиции важную роль играли при этом и польские политики: графы Голуховский, Тарновский, Бадени, ксендз Калинка, проф. Гломбинский и другие сановники, паны, профессора» [9, с. 335]. Народные массы в Галиции, как утверждал публицист, относятся к польским проискам отрицательно [9, с. 335].

Он полагал, что белорусы в своей массе так же, как и украинцы-галичане, равнодушны к попыткам построения особой белорусской нации: «То же приблизительно видим в Белоруссии, где также не оказывается читателей для издаваемых виленскими евреями и польскими инженерами белорусских газет и букварей в кирилловской и латинской транскрипциях под названием “Наша доля”, “Наша нива”, “Беларуски ламентар”, “Беларуские песняры” и т.п.» [9, с. 337]. По его мнению, в этом нет ничего удивительного, так как был уже пример из 1860-х годов: «Так и в 60-х годах прошлого века, когда при ген.-губ. Назимове и попечителе кн. Ширинском-Шихматове затеяно было в Вильне издание “Белорусского календаря” на местном просторечии, для него вовсе не оказалось читателей – по не сочувствию народных масс к этого рода пустым затеям!» [9, с. 337].

Помимо полемики о причинах падения Речи Посполитой и выяснения культурно-исторической принадлежности Западного края важным был вопрос о предоставлении автономии собственно этническим польским землям. В случае предоставления автономии возникал бы вопрос, на какие слои польского населения могло бы опереться правительство: элита, крестьянство. Коялович так характеризовал польскую шляхту и ее роль в жизни польского общества: «Историческая и даже современная польская жизнь есть исключительно жизнь верхнего слоя поляков, – верхнего не в том смысле, в каком жизнь всякого народа есть, прежде всего, жизнь всего даровитого, образованного, а в смысле самой дурной исключительности, – в смысле шляхетства» [15, с. 7]. Польское же крестьянство не играло активной роли в истории Польши [15, с. 7]. Как отмечал Коялович: «Между польским шляхетством и польским народом нередко едва видны даже связи народности» [15, с. 7–8]. Это и неудивительно, если вспомнить концепцию «сарматизма», то есть идею неславянского происхождения польской шляхты. Но все может поменяться, как справедливо писал публицист: «Но все-таки в самой Польше, где дворяне и народ – поляки, эти связи были и есть, следовательно, есть впереди возможность для Польши исправить старые грехи и выработать какой-нибудь новый порядок жизни, более отвечающий требованиям истории. Стремление к этому мы и замечаем у поляков, особенно в привислянских губерниях» [15, с. 8].

После двух неудачных восстаний, в которых ведущую роль играло польское дворянство, активисты польского национально-освободительного движения поняли, что опираться нужно на народные массы, и началась огромная работа по пропаганде польской культуры среди польских крестьян. Это не осталось неотмеченным Кояловичем: «Польская шляхта старается там сблизить с собою своего бывшего хлопа, освобожденного из хлопства Россией. К сожалению, польский крестьянин, освобожденный Россией, вводится в круг старопольских понятий, чаще всего враждебных России» [15, с. 8].

Управление таким регионом как Польша требовала ярких личностей генерал-губернаторов. П.А. Кулаковский, будучи в 1896 году профессором Варшавского университета, критично оценивал деятельность одного из генерал-губернаторов – графа П.А. Шувалова (1830–1908, годы его работы на посту генерал-губернатора 1895–1896). В своем письме

С.А. Петровскому (1846–1917), редактору «Московских ведомостей» в 1888–1896 годах, он давал следующую характеристику графу: «Шувалов дипломатствует [так у Кулаковского – Д.Т.]. Военные считают его совершенно забывшим военное дело»¹.

В своих публицистических трактатах Кулаковский утверждал, что в случае предоставления Польше автономии в составе Российской империи, нужно выделить из нее территории, населенные литовцами и русскими [имелись в виду украинцы/малороссы Холмской Руси – Д.Т.] [17, с. 15]. В результате: «Осталась бы небольшая страна с преобладающим польским населением, среди которого был бы значительный процент евреев и немцев» [17, с. 15]. Само предоставление автономии сопровождалось условием, которое было бы своеобразной платой поляков за такое решение: «Несомненно, предоставление прав автономии Польше должно было повлечь за собою устранение и ограничение прав поляков во всех остальных областях России и полное удаление поляков из всех отраслей администрации, из всех учреждений во всех других областях России» [17, с. 15–16].

Следующую свою брошюру о польском вопросе Кулаковский решил издать в типографии А.С. Суворина. В письме к последнему публицист заявил следующее: «Мы совершенно согласны с Вами во взглядах на польский вопрос»². В самой же брошюре Кулаковский еще резче обозначил свое негативное отношение к возможности предоставления полякам автономии. Он считал, что: «...польский вопрос, как вопрос о воскрешении польской государственности в каком бы то ни было виде, должен быть рассматриваем в России как вопрос окончательно решенный, и каждая уступка, каждый шаг в смысле “автономии”, которой теперь добиваются поляки, являются прямой изменой Русскому Государству, прямым грехом пред русским народом, бесполезными и бесплодными, но вызывающими в будущем новые столкновения, новые бедствия» [18, с. 29].

Будилович тоже негативно относился к идее польской автономии. По его мнению, крохотная по имперским меркам территория получит такие же права, как и империя: «На первое время представлялось бы, конечно, странным, что маленькая привислянская [так у Будиловича – Д.Т.] область с ее менее чем десятиmillionным населением призвана уравнивать на весах политики всю остальную Россию с ее незаходящим солнцем и 130-millionным населением» [5, с. 240]. Но поляки, как полагал публицист, уже работают над изменением такой ситуации: «... для устранения такой неравномерности двух половин Империи были бы приняты впоследствии свои меры, характер которых отчасти обозначился уже и теперь» [5, с. 240]. Польский план, как сообщал читателям Будилович, прост и очевиден: «Так как Польша и в старину могла играть политическую роль лишь в те эпохи, когда успевала подчинить себе Литву и Западную Русь под предлогом политической или вероисповедной унии, то и теперь окажется необходимым восстановить подобную комбинацию. В этих видах организованы уже союзы польских деятелей в Вильне, Житомире, Киеве, Одессе» [5, с. 240].

Для сомневающихся читателей публицист приводил исторические примеры: «Оба раза эти автономии привели к бунтам – 1831 и 1863 годов» [5, с. 243]. Его вывод по вопросу автономии на польских условиях был следующим: «Едва ли найдутся теперь в России маниловы, которые согласились бы, с одной стороны, предоставить полякам “гражданское управление” в привислянских губерниях с изгнанием оттуда всех русских администраторов, судей, учителей, а с другой – открыть для польских инженеров, адвокатов, капиталистов, купцов полный простор деятельности во всех областях Империи с придачей влиятельного положения в Государственной думе!» [5, с. 243]. Он предлагал полякам свои

¹ К характеристике взглядов П.А. Кулаковского. [Из письма П.А. Кулаковского С.А. Петровскому от 26.03.1895] // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 224. П. 1. Л. 2.

² К характеристике взглядов П.А. Кулаковского. [Из письма П.А. Кулаковского А.С. Суворину. Июнь/июль 1907 г.] // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 2155. Л. 1.

условия предоставления им автономии: «...Уж лучше полный развод России с Польшей с установлением между ними таможенной линии и с лишением поляков обоих исповеданий всех политических прав в русском государстве – вне пределов пяти-шести губерний этнографической Польши» [5, с. 244].

Ситуация на польских землях, доставшихся по итогам разделов Пруссии (с 1871 года Германская империя) и Австрии (с 1867 года Австро-Венгрия), также интересовала публицистов и была самобытным сюжетом польского вопроса. В отличие от России, два немецких государства сразу приступили к германизации полученных территорий, к административной, правовой унификации. Только после поражения в Австро-прусской войне (1866 год) Австро-Венгрия предоставила полякам в Галиции автономию. Германия же продолжила свою политику германизации, причем стала поощрять немецкую колонизацию польских земель.

Основательность немецкого подхода к интеграции польских территорий была отмечена Кояловичем: «Но эта земля и этот народ тогда разделены были между двумя государствами, Австрией и Пруссией, которые за недостатком народной опоры в польских своих владениях тем с большими усилиями старались прочно организовать в них свое управление. Они двинули против польского элемента силу искусной своей государственности и своей высокой цивилизации» [15, с. 316]. По мнению публициста, прелести настоящего европейского подхода к управлению поляками привели к перемещению движения за восстановление польского государства на восток, где полякам было намного выгоднее: «Польше под их властью было несравненно тяжелее, чем под властью России, и еще труднее воскрешать здесь свою государственность. Стали они воскрешать ее не на своей чисто-польской земле, под властью немцев, а у своих сострадательных братьев – русских славян, на русской земле» [15, с. 316, 317].

Касаюсь положения дел в Галиции, Коялович утверждал, что польская автономия в Галиции продемонстрировала истинное лицо поляков: «О свободном пересоздании их [восточных славян – Д.Т.] в поляков они говорят только в России, потому что иначе нельзя говорить и делать, а там, где они имеют власть, они забывают о свободе. В Галиции они немилосердно давят русский народ и самыми возмутительными насилиями пересоздают его в польский народ» [15, с. 11].

Его младший современник П.А. Кулаковский считал, что германизация Познани¹ – это наказание полякам за их насилие над восточными славянами в Речи Посполитой и постоянное противодействие России [18, с. 40]. Он не был согласен с суждениями некоторых польских публицистов о том, что Россия обязана помочь им противодействовать германизации [18, с. 40]. Публицист подчеркивал, что немцы имеют полное право на проведение любой политики в Познани, раз они ею владеют [18, с. 40]. Кулаковский был убежден в том, что принадлежность поляков европейской цивилизации облегчает процесс германизации [18, с. 40–41].

Рассматривая ситуацию в Галиции, Кулаковский считал искусственным привилегированное положение поляков в Австро-Венгрии. Ведь несмотря на важную роль поляков в парламенте благодаря их сотрудничеству с австрийской властью, в плане численности их намного меньше, чем чехов или венгров, да и объективно они не должны претендовать на такие же роли в империи, как у тех же чехов или венгров [17, с. 11]. Он приводил факты сотрудничества поляков с австрийским правительством ради блокирования требований автономии депутатами чешского и других славянских народов, демонстрируя этими примерами истинное отношение польской политической элиты к славянству вообще [17, с. 13, 14].

¹ Великое княжество Познанское – официальное наименование большей части польских земель в составе Пруссии.

Кулаковский полагал, что вследствие близости к европейской культуре и католицизму полякам в Австрии и Германии грозит естественная ассимиляция в немецкой среде [18, с. 30]. Помимо немцев, другим врагом поляков, как заявлял публицист, ссылаясь на мнение самих поляков, являются евреи, которые контролируют всю экономическую жизнь Галиции, приводя ее к обнищанию [18, с. 30]. Он подчеркивал ситуативность для Вены сотрудничества с поляками, которые в долгосрочной перспективе потеряют свои привилегии вследствие своей малочисленности по сравнению с другими народами Австро-Венгрии [18, с. 30–31].

Он подчеркивал, что «политическое значение поляков в Галиции основано на их господстве над русским народом, а этому противоестественному положению грозит неминуемый конец как при осуществлении федерации в Австрии, так и при осуществлении собирания всех русских земель воедино» [18, с. 31]. По его мнению, увлеченность польской элиты политикой и идеей полонизации галичан-украинцев привела к экономическому порабощению региона евреями при мизерных результатах полонизации, поощрения украинского национализма и пропаганды неславянского происхождения русских [18, с. 40].

О роли поляков и австрийцев в деле поощрения украинского сепаратизма и в создании украинского литературного языка в Галиции писал и Будилович: «Между тем, в Галичине и Буковине для писаний этого рода открывается полный простор, а отчасти даже материальная поддержка – то от сейма, то от центрального правительства, не говоря уже о разных львовских и черновецких обществах, вроде “Товариства имени Шевченко” и других, ему подобных» [3, с. 90–191]. По его мнению, галицийская польская печать служит выражением истинных мыслей польского общества: «Ведь известно, что и наша польская публицистика в своих “свободных” проявлениях широко пользуется органами краковскими и львовскими, которые затем распространяются и в России разными окольными путями» [3, с. 191].

Доказывая нелепость и искусственность украинского литературного языка на основе западноукраинских говоров, Будилович делал для читателя экскурсы в историю русского языка: «Только по выделении Руси Западной от Восточной, XIV–XV вв., начинает в первой складываться особый западнорусский актовый язык, или, вернее, жаргон, по неорганическому смешению в нем стихий русских – главным образом белорусских – с польскими, отчасти и латинскими» [4, с. 232]. Только лишь намерение поляков и австрийцев поощрить украинский сепаратизм вызвало к жизни попытку создания особого украинского литературного языка: «Но жаргон этот не пережил разделов Польши и пал вместе с ее господством сначала в Малой, а потом и в Белой Руси. Только в Галичине и Буковине он был затем принят под покровительство Австрии и польской администрации, чем и объясняется дальнейшее если не процветание, то хоть прозябание там этого гибридного “языка”, пропитанного массой полонизмов» [4, с. 232].

Будилович подчеркивал «готтентотскую мораль» поляков: «Стоит отметить еще факт, что поляки у себя очень несочувственно относятся к опытам на наречии кашубском, а у русских покровительствуют аналогичному выделению наречия малорусского» [4, с. 233]! Идентичная языковая политика, как утверждал публицист, была в Германии и Австрии: «Так же поступают по отношению к последнему немцы, хотя у себя они под рукой пропагандируют мысль о распространении общенемецкого языка не только между фризами, голштинцами, швабами, но даже между датчанами и голландцами, не говоря уже о насильственном навязывании того же языка познанским полякам, а в Австрии – чехам, словенцам и даже далматинским хорватам и итальянцам» [4, с. 233–234]. Причина такого отношения к России была очевидна для Будиловича: «Но все это понятно: ведь поляки и немцы в большинстве – враги России» [4, с. 234].

В целом же картина для славян в Галиции получилась безрадостная из-за немцев и евреев: «В Галичине правительство издавна натравило поляков на червоннорусов, причем еврей тут является в роли *tertius gaudens* [третий радующийся (*лат.*) – Д. Т.]» [6, с. 263].

В Австро-Венгрии проживало с десяток славянских народов. Естественно, что правительство империи пыталось обеспечить лояльность славянских своих подданных через проведение культурных мероприятий, посвященных важным событиям из истории славянской культуры. Это тревожило А.С. Будиловича. Он писал Каткову: «Вам не безызвестно, что Австрия с благословения Рима в течение последних десятилетий несколько раз уже развертывала над собою кирилло-мефодиевское знамя»¹. Он задавал Каткову риторический вопрос: «Но каково будет пробуждение [власти и общества Российской империи – Д.Т.], когда бессильная Австрия вдруг выставит против нас 30 миллионов и в корень деморализованного населения?»². Ему рисовалась поистине апокалипсическая картина возможных успехов австрийской пропаганды среди западных и южных славян в деле дискредитации России: «Какие размеры и значение получают в то время вопросы польский, украинский, сербский, болгарский, албанский, македонский, цареградский, если за каждым из них будет скрываться 2 миллиона хорошо отточенных штыков?»³. Как показали события первой четверти XX века, страхи Будиловича оказались напрасными: Габсбурги не смогли сохранить свою империю, не говоря уже о создании политической общности западных и южных славян.

События Первой русской революции 1905–1907 годов также стали одним из сюжетов польского вопроса. Участие поляков в революционных событиях, деятельность польских депутатов в Государственных Думах, вспышка религиозной борьбы между православными и католиками на западных окраинах империи, порожденная указом от 17 апреля («Об укреплении начал веротерпимости», позволяющим подданным империи менять свою религиозную принадлежность [подробнее об этом религиозной конфликте см. 1]) – все это стало сюжетами публицистики по польскому вопросу западнорусских интеллектуалов.

П.А. Кулаковский утверждал, что Россия переживает волну насилия со стороны поляков как в Привислинском крае, особенно в Холмской Руси, так и на территории всего Западного края [17, с. 4]. По его мнению, указы 17 апреля и 17 октября 1905 года, гарантия прав и свободы мнений, стали для поляков инструментом захвата власти не только в этнически польских землях, но захвата власти и полонизации населения в Западной Руси, в которой они всего лишь гости [17, с. 7]. Он был уверен, что все действия поляков продиктованы только одной целью – восстановлением польского государства [18, с. 27]. Публицист был уверен, что в отличие от событий 1830–1831 и 1863–1864 годов очередное восстание поляков приняло новые формы: «Оно сосредоточилось в городах, выразилось в убийстве служилых русских людей, в “экспроприаторстве” и воплях против русской власти, в школьной забастовке, в политических интригах» [18, с. 27].

Кулаковский убеждал общество, что польские притязания на школу как в Привислинском крае, так и в Западном – не более чем попытки полонизации населения и распространения идей восстановления польского государства [18, с. 27]. Он полагал, что для поляков польский вопрос – это восстановление польской государственности, которая, по его мнению, никогда не возродится [18, с. 28]. Публицист указывал, что основой для такого суждения стали организованные поляками кровавые события в Привислинском крае, попытки полонизации белорусов и украинцев через школу и католицизм, деятельность депутатов-поляков в Государственной Думе, а также анализ польской литературы и публицистики [18, с. 28]. Кулаковский был уверен, что восстановление Польши возможно только на развалинах России и при уничтожении проекта «большой русской нации» и вследствие своих славянофильских убеждений полагал, что это было бы торжеством Запада над славянством [18, с. 28].

¹ К характеристике взглядов А.С. Будиловича. [Из письма А.С. Будиловича М.Н. Каткову от 11.12.1884] // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 120. П. 23. Л. 154.

² Там же. Л. 155–156 об.

³ Там же. Л. 155 об.

Будилович, подобно Кулаковскому, показывал своему читателю масштабное полотно деструктивной деятельности поляков в империи во время революции: «Открытый бунт против всего русского в Польше, с убийствами и грабежами, изгнанием русских учителей и чиновников, лютым преследованием православия и насильственным совращением в папизм более ста тысяч искони русских поселян в Холмщине и Подляшье; агитационная деятельность поляков против всего русского в Вильне, Минске, Киеве, Подолии, лишившая целые миллионы коренного русского населения и представительства в Государственной Думе» [6, с. 260–261]. По его мнению, революция стала для поляков очередным инструментом достижения своих политических целей: «Еще шире обставили свои автономные вожеления поляки, домогаясь для своего языка полного господства не только в польских, но также в литовских и русских областях Польши, а сверх того, обеспечения за ним достаточных прав в Литве и на Украине» [7, с. 290].

Он полагал, что под шумок революционных событий поляки попытались вырвать из рук правительства контроль над системой образования в Привислинском крае: «Множество русских учителей было изгнано из низших и средних школ Царства Польского. Поднят был даже бойкот против Варшавского университета и политехника в надежде, что этим путем удастся преобразовать эти заведения из русских в польские, – конечно, с сохранением казенного содержания и прав на службу во всей империи» [7, с. 290, 291].

Будилович считал, что Государственная Дума должна была стать площадкой для осуществления поляками их замыслов, а провал этих замыслов связывал с ненадежными союзниками поляков – либералами: «Правда, указанные стремления наших автономистов не могли осуществиться в первой Государственной Думе, отчасти вследствие ссоры кадетов с польскими националистами, отчасти же за недостатком времени» [7, с. 292].

По его мнению, правительство никак не может привести в соответствие с русскими национальными интересами свою деятельность в Привислинском крае: «Еще большею неясностью страдает нынешняя правительственная программа по делам Царства Польского, где и низшая, и средняя, и высшая русская школа совершенно выбиты из колеи, так что потерян труд целого поколения русских деятелей с Милютиным и Черкасским во главе» [7, с. 293]. События, происходившие в Польше во время революции 1905–1907 годов напоминали ему события его молодости: «Вообще же нынешнее положение Польши немногим разнится от того, каким оно было накануне бунтов 1830 и 1863 гг.» [7, с. 293].

Таким образом, мы можем отметить, что западнорусские интеллектуалы высказывались по всем значимым сюжетам польского вопроса, выступая в качестве экспертов. Будучи выходцами из спорного региона, они наблюдали конфликт не со стороны, а изнутри. Несмотря на личное непосредственное знакомство с русско-польским антагонизмом, нельзя сказать, что их взгляды отличались радикализмом по отношению к полякам по сравнению с другими консервативными публицистами. В отличие от либералов они более трезво оценивали перспективы возможного примирения с поляками, понимая, что без Западной Руси Польша будет маленьким государством, незамедлительно поглощенным Германией. По их мнению, предоставление автономии, на которую так уповали поляки и их союзники либералы, не решало проблему русско-польских отношений.

Важной объединяющей чертой всех трех публицистов были славянофильские убеждения, что накладывало отпечаток на их воззрения. Коялович, Будилович, Кулаковский были сторонниками «большой русской нации», что подтверждается применением понятия «русские» ко всем восточным славянам. По их мнению, создание отдельных белорусской и украинской наций – дело рук поляков и немцев. Можно утверждать, что в условиях крайне непростых отношений восточнославянских народов как между собой, так и с поляками, публицистическое наследие западнорусских интеллектуалов является актуальным.

Литература

1. *Бендин А.Ю.* Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). Минск: БГУ, 2010. 439 с.
2. *Будилович А.С.* Может ли Россия отдать инородцам свои окраины. СПб.: Типогр. А.С. Суворина, 1907. 75 с.
3. *Будилович А.С.* Генезис российского украиномана. 1903 / А.С. Будилович // Славянское единство / сост., предисл. и примеч. Ю.В. Климакова; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 190–207.
4. *Будилович А.С.* Об отношении народного к общечеловеческому в связи с идеей русского национального единства. 1904 / А.С. Будилович // Славянское единство / сост., предисл. и примеч. Ю.В. Климакова; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 207–238.
5. *Будилович А.С.* Новейший фазис самоопределения народностей. 1905 / А.С. Будилович // Славянское единство / сост., предисл. и примеч. Ю.В. Климакова; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 238–245.
6. *Будилович А.С.* Самоопределение народностей. 1906 / А.С. Будилович // Славянское единство / сост., предисл. и примеч. Ю.В. Климакова; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 256–267.
7. *Будилович А.С.* Общегосударственное значение русского языка. 1906 / А.С. Будилович // Славянское единство / сост., предисл. и примеч. Ю.В. Климакова; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 287–298.
8. *Будилович А.С.* Равноправие народностей. 1907 / А.С. Будилович // Славянское единство / сост., предисл. и примеч. Ю.В. Климакова; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 298–306.
9. *Будилович А.С.* О единстве русского народа. 1907 / А.С. Будилович // Славянское единство / сост., предисл. и примеч. Ю.В. Климакова; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 318–346.
10. *Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М.: Индрик, 1999. 272 с.
11. *Гронский А.Д.* «Польский вопрос» глазами М.Н. Каткова и современность // Тетради по консерватизму: Альманах. 2018. № 3. С. 261–273.
12. Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.
13. *Климаков Ю.В.* Предисловие // *Будилович А.С.* Славянское единство / сост., предисл. и примеч. Ю.В. Климакова; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 5–27.
14. *Коялович М.О.* Свислочская смута (Разъяснения по делу крестьянина Малиновского на основании документов). СПб.: Типогр. Департамента уделов, 1880. 37 с.
15. *Коялович М.О.* Чтения по истории Западной Руси. Новое издание, перераб. и доп. с издания 1864 г. СПб., Типогр. А.С. Суворина, 1884. 349 с.
16. [*Коялович М.О.*] Грюнвальденская битва 1410 года: речь М.О. Кояловича. СПб.: Типогр. А.С. Суворина, 1885. 20 с.
17. *Кулаковский П.А.* Поляки и вопрос об автономии Польши. СПб.: Типогр. В.Д. Смирнова, 1906. 24 с.
18. *Кулаковский П.А.* Польский вопрос и его значение в прошлом и настоящем. СПб.: Типогр. А.С. Суворина, 1907. 58 с.
19. *Тимиряев Д.О.* «Польская интрига не прекратилась там и донныне...»: польский вопрос в Северо-Западном крае и Белорусских губерниях во время революции 1905–1907 гг. в публицистике А.С. Будиловича // Национальный интерес. 2018. № 2. Сербия, Белград. С. 161–171.
20. *Хотеев А.С.* Западнорусский вопрос в творчестве М.О. Кояловича // Западная Русь [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2012-04-11-15-07-21/2012-05-02-16-44-55/612-l-r124.html>
21. *Шириняц А.А.* Михаил Осипович Коялович (1828–1891) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2005. № 5. С. 70–73.

Аннотация. Статья посвящена анализу публицистики по польскому вопросу трех западнорусских интеллектуалов – М.О. Кояловича, А.С. Будиловича, П.А. Кулаковского. Публицисты высказывали свою точку зрения на все сюжеты польского вопроса: причины разделов Речи Посполитой, спор об историко-культурной принадлежности Западного края, предоставление автономии Царству Польскому, оценка опыта решения польского вопроса Австро-Венгрией и Германией, участие поляков в Первой русской революции 1905–1907 годов. Публицисты были убеждены в том, что падение Польши – это закономерный результат ее исторического развития, и никакой вины России перед Польшей нет. Территории бывших древнерусских княжеств, присоединенные к империи, – это часть Русского, а не Польского мира. Они считали, что никаких прав у поляков на Западную Россию нет, указывая при этом обществу на наличие русско-польского конфликта в регионе и его злободневность. Публицисты утверждали, что автономия Польши приведет лишь к очередному польскому мятежу. Польская автономия в Галиции, по их мнению, демонстрирует истинное отношение к русскому народу. Аналогичная картина будет и в Западном крае, если поляки смогут вести активную работу по полонизации восточных славян в регионе. Будилович и Кулаковский были уверены, что революция 1905–1907 годов – лишь инструмент поляков в достижении ими их заветной цели – восстановления Речи Посполитой в границах 1772 года.

Ключевые слова: М.О. Коялович, А.С. Будилович, П.А. Кулаковский, публицистика, польский вопрос, Царство Польское, Западный край, Галиция, Познань.

Denis O. Timiryayev, PhD in History, Senior Teacher, Department of World History, Belgorod State National Research University. E-mail: DenisOlegovichTimiryayev@yandex.ru

“But it’s All Clear: Most Poles and Germans Are Enemies of Russia”: Western Russian Intellectuals on the Polish Issue (Late 19th – early 20th Centuries)

Abstract. The article is devoted to the analysis of the publicism on the Polish issue of the three West Russian intellectuals – M.O. Koyalovich, A.S. Budilovich and P.A. Kulakovsky. Publicists expressed their views on all the aspects of the Polish question: the reasons for the division of the Polish-Lithuanian Commonwealth, the debates on the historical and cultural affiliation of the Western Province, granting of autonomy to the Kingdom of Poland, assessment of the experience of solving the Polish question by Austria-Hungary and Germany, participation of the Poles in the First Russian Revolution of 1905–1907. The publicists were convinced that the fall of Poland was the natural result of its historical development, and Russia was not at fault for the Polish destiny. The territories of former Old Russian principalities, incorporated into the Empire, were part of the Russian and not the Polish world. They believed that the Poles had no rights to Western Russia. At the same time, they draw the society’s attention to the existence of the Russian-Polish conflict in the region and its topicality. Publicists argued that Poland’s autonomy would only lead to another Polish rebellion. According to them, Polish autonomy in Galicia demonstrated the true attitude towards the Russian people. A similar situation would be in the Western Province if the Poles could actively pursued the polonization of the Eastern Slavs in the region. Budilovich and Kulakovsky were convinced that the revolution of 1905–1907 was only an instrument of the Poles in achieving their cherished goal – the restoration of the Commonwealth within the borders of 1772.

Keywords: M.O. Koyalovich, A.S. Budilovich, P.A. Kulakovsky, Publicism, Polish Issue, the Kingdom of Poland, Western Province, Galicia, Poznan.

«Наше дело» в Северо-Западном крае: взгляд И.И. Фуделя (1889–1892)

Прежде чем обратиться к теме служения православного священника И.И. Фуделя (1864–1918) в Северо-Западном крае в 1889–1892 годы, следует бегло очертить историографические тенденции, освещающие контекст конфессиональной политики в этом примечательном регионе Российской империи. Статистические данные и нюансы этнических и вероисповедных проблем в крае можно почерпнуть в ряде дореволюционных и современных работ [1, 21, 15, 20, 25]. За последние два десятилетия вышло несколько трудов, так или иначе освещающих проблемы Православной церкви в этом регионе после Польского восстания 1863–1864 годов. Политике «веротерпимости» в Северо-Западном крае в 1863–1914 годах посвящена монография белорусского историка А.Ю. Бендина [2]. Он рассматривает религиозно-этнические конфликты и попытки их правового урегулирования, отдельное внимание уделяя практике присоединения католиков к православию, а также политике «располячения» костела, но основная часть его работы посвящена началу XX века. Правительственные меры в конфессиональном вопросе в рамках внутренней политики империи в данном регионе в царствование Александра II отражены в монографии А.А. Комзоловой «Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ» [16]. Этот вопрос затрагивается также в сборнике очерков о западных окраинах Российской империи [12] и в работе М.Д. Долбилова [11] (монографиях, освещающих проблему через понятия «нациестроительство», «конфессиональная инженерия» и «практики насилия имперских русификаторов»). Несмотря на различие подходов и интерпретаций, вышеуказанные авторы в основном представляют Северо-Западный край как особо сложный регион по остроте сложившихся там этно-конфессиональных отношений и оценивают правительственную политику в нем скорее как неуспешную.

Имя отца Иосифа Фуделя в литературе по данной теме до сих пор фигурировало не часто. Так, в монографии американского историка П. Верта, посвященной «феномену поликонфессиональности» Российской империи в XIX – начале XX века, автор цитирует Фуделя в связи с заостряемым им вопросом о смешанных браках, иллюстрируя тем самым мнение духовенства [4, с. 167]. Взгляд на И.И. Фуделя как самостоятельную фигуру в контексте полемики о национализме представляет в своей статье А.Э. Котов [18]. Он справедливо замечает, что в ряде аспектов своего отношения к национализму отец Иосиф остался ближе к В.С. Соловьеву, чем к К.Н. Леонтьеву, с которым Фудель традиционно связывается в историографии, так как он был близким другом мыслителя и первым издателем собрания его сочинений. Отчасти затрагивая сюжет, связанный с Северо-Западным краем и печатной полемикой Фуделя с А.А. Владимировым, автор проводит мысль, что в ней отец

Винюкова Надежда Валерьевна, кандидат исторических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный редактор «Большой российской энциклопедии», шеф-редактор исторической программы «Кто мы?» на телеканале «Россия-Культура». E-mail: nadinvin1@ya.ru

Иосиф отстает от леонтьевского «консервативного романтизма». Тем не менее вопрос о позиции Фуделя касательно положения церкви в Северо-Западном крае, конфессиональной политике империи, а также соотнесение его взглядов с мнением ключевых участников общественной дискуссии по этой проблеме еще требуют комплексного освещения.

Иосиф Иванович Фудель, сын военного-немца и польки-католички, окончил юридический факультет Московского Императорского университета в 1888 году. Однако по юридической стезе он не пошел – студенческие годы увлечения «славянофильской утопией»¹, стремление к «православному народничеству», поездки в Оптину пустынь, близкая дружба с К.Н. Леонтьевым и его содействие привели юношу не только в церковь, но и в алтарь. В сентябре 1889 года он был рукоположен во священники архиепископом Литовским и Виленским Алексием.

Первым местом служения отца Иосифа стал Северо-Западный край. Он оказался в сложной инокультурной среде – вероисповедный состав населения этого края представлял пеструю картину: православных (со старообрядцами) 49,3%; католиков 34,2%; евреев 15%; прочих вероисповеданий 1,5% [1, с. 1, 373]. Административно край включал в себя шесть губерний: Ковенская, Виленская, Гродненская, Витебская, Минская и Могилевская (он состоял в ведении генерал-губернатора, резиденция которого находилась в Вильно). В культурном, конфессиональном и этническом плане это был проблемный регион Российской империи: на его территории «западные» культуры – польская и литовская, встречались с культурами «восточными» – русской, белорусской и малороссийской; здесь сталкивались православие и католицизм, кириллица и латиница [2, с. 3].

Только что рукоположенный, 24-х лет от роду, Фудель был определен вторым священником в Николаевский кафедральный собор Белостока [32]. Эти земли не были для отца Иосифа «краем света» – он родился в Гродненской губернии, куда и прибыл служить. Но все же для такой специфической среды он не был достаточно подготовлен: языковой барьер мешал общению с паствой², серьезные нагрузки сказывались на здоровье (кроме непосредственных пастырских обязанностей много времени занимала также школьная и общественная деятельность³), а удаленность от интеллектуальных центров не позволяла как следует заниматься литературой [24, с. 162, 172, 185–186, 196]. Молодой священник был чрезвычайно вдохновлен богослужением, но сетовал, что «идеально-практическая деятельность» ему недоступна: в своем приходе он был лишь помощником, что затрудняло всякие инициативы. Такие обстоятельства уже поселили в нем надежду, что это место дано не навсегда.

Был и другой фактор, препятствовавший благополучной жизни, – чуждая среда, отсутствие единомышленников: «Бываю я во всех почти “интеллигентных” семьях и между тем буквально не с кем душу отвести в разговоре. Все или “безмыслие” или “недомыслие”».

¹ «Вся религиозно-настроенная молодежь того времени жила в атмосфере славянофильской утопии» [27, с. 107–108; см. также 3].

² «Прихожане меня не понимают (в буквальном смысле этого слова). Большинство богомольцев в нашем храме составляют крестьяне ближайших деревень; по-русски говорить они не умеют; речь их наполовину польская, наполовину малороссийская; понятное дело, что когда говорю я к ним своей московской речью, они из десятка слов понимают два-три; проповеди говорить я еще не собрался, но на исповеди приходится кое-как объясняться с своими духовными детьми». Фудель – Леонтьеву. 17 сентября 1889 года [24, с. 162].

³ «Неприятная лично для меня работа – это присутствие в мировых съездах для привода к присяге и законоучительство в трех мелких школах; последняя работа отнимает у меня все утро. Приятная работа: 1) совершение Богослужения (8 раз в месяц); 2) совершение треб (из которых наиболее приятная – напутствие умирающего, почему это?); 3) чтение необходимых книг и 4) письма к разным лицам. О последнем виде моих занятий надо сказать несколько слов. Переписка моя уже теперь становится велика и с каждым годом увеличивается. На переписку я смотрю как на один из главных видов моего пастырства». Фудель – Леонтьеву. 23 ноября 1889 года [24, с. 171].

Или узкая специальность, съевшая человека, или просто хамство» [24, с. 186]. И Евгении Сергеевне, супруге Фуделя, было нелегко находиться в чужеродном окружении – без друзей и родных, когда муж большую часть времени проводил на службе: помимо богослужения и требоисполнения, отец Иосиф преподавал Закон Божий в приходском и железнодорожном училищах, а также в институте благородных девиц, был назначен членом белостокского отделения училищного совета, наблюдателем за преподаванием Закона Божия в народных школах уезда, собранием прихожан был избран председателем церковно-приходского попечительства при соборе [32].

Кроме того, специфика местных нравов молодую пару не воодушевляла: «<...> Мы подняли целую бурю, произвели целый переворот в здешнем мирно дремавшем обществе и вызвали яростные крики против “нашего” поста. Вообразите и... ужаснитесь! Каковы здесь обычаи, можно судить по тому, что большинство священников в этом крае не знают, что такое пост и даже Великим Постом едят мясо! А те, которые хотят поститься, – едят молочное, ибо молочное считается здесь постной пищей. В оправдание такого порядка вещей указывают здесь на недостаток и дороговизну рыбы и т. п. Вообразите, сколько нам здесь приходится выслушивать со всех сторон сожалений по поводу того, что “мы разрушаем постом свое здоровье”» [24, с. 185]. Таковы были первые впечатления. Тем не менее, по свидетельству друга отца Иосифа Л.А. Тихомирова, впоследствии он всегда вспоминал время, проведенное на западнорусском приходе, с удовольствием [26].

Практические выводы из своего пребывания в этих землях Фудель обобщил в работе «Наше дело в Северо-Западном крае», выход которой был приурочен к столетию возвращения северо-западных областей к России. Брошюра была издана в 1893 году, уже после переезда в Москву, на основе статей, опубликованных ранее в «Русском обозрении». В ней Фудель высказался касательно позиции Православной церкви в Северо-Западном крае в условиях проводимой там русификации¹, точкой отсчета которой воспринималось Польское восстание 1863–1864 годов и генерал-губернаторство М.Н. Муравьева.

Интересно, что отец Иосиф подразумевал в заглавии под «нашим делом», ведь государственная политика в этом регионе имела множество аспектов: политический, экономический, культурный (связанный с вероисповеданием, языком, образованием). Фудель разделял свойственное славянофилам представление о том, что «чем тверже Православие в крае, тем прочнее в нем русская народность» [29, с. 10], поэтому «наше», подлинно «национальное» дело для него – это дело укрепления православия. Однако оно осложнялось политизацией ситуации: польское восстание кардинально изменило отношение правительства к местному католическому духовенству, которое начало восприниматься в качестве политического врага империи [2, с. 4]. неизбежно в противоборство втягивалась и Православная церковь: «Рознь вероисповедная, конечно, не имела бы того острого характера, как теперь, если бы то или другое вероисповедание в крае не было знаменем той или другой народности» [29, с. 2].

Размышления Фуделя строились на противопоставлении действий государства и церкви на западных окраинах, а также их отношения к утверждению там православной веры. Он проводил мысль о том, что использование государством церкви в политических целях только вредит ее делу, выхолащивает церковный дух: «где силой приходилось выбрасывать органы из церкви, там теперь нет ни одной души» [29, с. 9]. Естественно, что государство не чурается насильственных мер, но «в области духовной прочно лишь то, что имеет в своей основе свободное произволение» [29, с. 6]. И вслед за этим отец Иосиф по-

¹ Вместо термина «русификация» в пореформенное время употребляли понятие «обрусение». По мнению А.И. Миллера, оно имело два разных значения и писалось по-разному: написанное через «е» «обозначало воздействие на индивида или группу с целью их русификации», а через «ять» «означало процесс принятия индивидом или группой тех или иных черт “русскости”» [20, с. 61].

ражался непониманию этих границ со стороны государства и общества: «С государственной, политической точки зрения ничего не имеем против такой меры, как Муравьевское “обращение” целых приходов. Но зачем же эту чисто-политическую меру навязывать духовенству и требовать от него того, что несогласно с духом служения пастырей Церкви? Зачем же упрекать этих пастырей в “апатии” и бездействии, *когда энергия и деятельность понимаются и требуются только в политическом смысле?* <...> И какую нужно иметь путаницу в понятиях для того, чтобы серьезно спрашивать: “почему чиновник не может быть распространителем Православия?”» [29, с. 6–7].

В мировоззрении чиновников Фудель видел весь набор проблем, присущих современному «интеллигентному» сознанию, поэтому, как он считал, они едва ли могут послужить делу церкви [29, с. 11]. В этой связи интересна позиция К.Н. Леонтьева, высказанная им в 1882 году, где он приравнивал обрусение к «демократической европеизации» и ставил в союзники любой традиционализм: «Католики – христиане, а теперь настало такое время, что не только староверы или паписты, но буддисты астраханские, мусульмане и скопцы должны быть для нас дороже многих и многих русских того неопределенного цвета и того лукавого петербургского подбоя <...>» [19]. Фудель же в своих рассуждениях так далеко не заходил.

Принимая во внимание закрепленную синодальной системой подведомственность церкви государству, отец Иосиф указывал, что «средства для нашего дела <...> двоякие: одни зависят от правительственной власти, от государства, другие – от общества, от нас самих» [29, с. 11]. И он выделил конкретные направления полезной церковной деятельности: как те, которые возможно развивать внутрицерковными усилиями, так и те, которые необходимо поощрять государству. Первостепенная важность для Фуделя заключалась в том, что укрепляет православие никак не борьба, а «все то, что способствует развитию православных учреждений (благотворительных, ученых и чисто церковных)» и «наша собственная жизнь в Церкви Православной, наша живая связь с Церковью по духу, а не внешняя только связь по метрическим записям» [29, с. 10].

Фудель писал о болезненном и вредном явлении западных окраин – «боевых» батюшках: «Борьба явная и тайная с ксендзами всеми возможными средствами, постоянные розыски лиц, упорно отклоняющихся от Православия, воздействие на них через посредство чинов полиции, постоянное хождение по судам и возбуждение дел “о совращении” – занимает у этих “пастырей” все их свободное время» [29, с. 11]. Это разрушительный путь борьбы, который, по мнению Фуделя, недопустим для церкви: «Любовь к политике в связи с заимствованными у ксендзов приемами борьбы – порождает “боевую” деятельность, от которой прихожане без оглядки бегут в разные стороны. А дело настоящее, дело творческого воспитания народа и создания церковного единства стоит... “Отторженная возвратих” – чем? Преследованием, судом, страхом наказания? Нет, одною любовью и только любовью» [29, с. 12]. В качестве антитезы отец Иосиф приводил следующий пример: «Мимо одного из городов Западной России проезжал о. Иоанн Кронштадтский. На станции была громадная толпа. К о. Иоанну в вагон пробивались с бою, в страшной давке; толпа наполовину состояла из католиков, и они же оказались самыми горячими поклонниками о. Иоанна. Где же был их фанатизм и ненависть к Православию? Куда девалось их презрение к православным попам?» [29, с. 11]. Фудель очень почитал отца Иоанна Кронштадтского [14] и даже однажды сослужил ему на литургии [13].

В своей брошюре Фудель дал оценку ряду предпринимаемых государством мер, указывая на их паллиативный характер. Так, он писал о действенности для «обрусения» края так называемого «располячения католицизма» (когда дополнительное католическое богослужение было совершаемо не на польском языке, а на местном, с целью отделить католичество от польщизны и тем ослабить ту и другую силу) [29, с. 9]. Однако, по его

мнению, дело государства от этой меры могло выиграть, но дело православия – очень мало [29, с. 10].

Также, рассматривая закон о смешанных браках (по которому дети исповедуют православную веру, если кто-либо из родителей православный) [29, с. 15], Фудель отмечал, что эффективность этого закона во многом иллюзорна, поскольку дети часто вырастают формально православными, ведь почти всегда в смешанных браках мать – католичка, и именно она воспитывает ребенка [29, с. 15]. Поскольку вышеупомянутый закон недостаточен и семья не дает православного воспитания, эта задача, по его мнению, должна лечь целиком на школу: необходимо обязательное обучение детей в церковных школах, для чего нужна целая сеть благоустроенных школ, бдительный надзор за ними и средства к их поддержанию [29, с. 17–18]. Однако государство не считало этот вопрос приоритетным, не выделяя финансирования и возлагая все на «местные средства» [29, с. 18].

Далее от критики отец Иосиф перешел к конкретным предложениям. Осуществление миссии церкви в Северо-Западном крае он отводил церковным школам, монастырям, миссионерским обществам и церковно-приходским братствам (или церковно-приходским обществам сестер) [29, с. 20–23]: «Эти миссионерские станции могут сослужить великую службу делу Православия, делу распространения истинно-христианского просвещения в духе Православной Церкви, эти духовные крепости могут сослужить свою службу и государству, укрепив в народе национальное самосознание, расшатанное иноплемennым владычеством» [29, с. 38]. Таким образом, Фудель провел здесь одну из главнейших своих мыслей – о важности христианского воспитания.

Успешный пример в деле христианского просвещения, приводимый Фуделем, – Леснинский женский монастырь, который был расположен среди «упорствующего» населения. В его стенах была создана школа-приют для девочек, где сестры занимались их религиозным воспитанием, после чего девочки расходились по разным сторонам и «несли свет обители» [29, с. 21]. Подобная деятельность была особо плодотворна в условиях того, что женские монастыри пользовались большими симпатиями населения Северо-Западного края, чем мужские [29, с. 23].

Отец Иосиф был убежден, что главный деятель на западной ниве – это духовенство, то есть та часть общества, от лица которого и к которому он в первую очередь взывал, поэтому вся надежда на успех дела зиждилась на нем. Он говорил о сложившихся особенностях западнорусского духовенства, связанных с многовековым воздействием католицизма: несколько барское, панское, отношение к своим прихожанам – самый большой недостаток западного духовенства; некоторые неправославные обычаи духовенства – несоблюдение постов, крещение через обливание и так далее. Но в его жизни он видел и черты, которые стоило бы воспринять: развитость приходской церковной жизни (не редкость – общее пение прихожан на службе); существование в большинстве приходов церковных попечительств или братств (тогда как в Москве на пять приходов – одно попечительство); солидарность духовенства, развитое чувство товарищества (при том, что в Москве священник не знал большинства священнослужителей своего благочиния) [29, с. 26–27].

Наилучшим и радикальным средством для поднятия уровня духовенства, по мнению Фуделя, было бы учреждение в Вильно духовной академии. По его мнению, ее появление оживило бы деятельность духовенства, привлекло бы новых людей, объединило бы разрозненные местные силы и повысило как уровень местной русской жизни, так и внешний престиж православия («в настоящее время в городах края почти везде ксендзы с академическим образованием, пасторы тоже кандидаты богословия, и только священники православные в большинстве – кончившие курс семинарий») [29, с. 27–28]. Идее учреждения виленской академии так и не суждено было сбыться.

Брошюра Фуделя вызвала одобрение широкой прессы – ее заметили «Русский вестник» и «Вестник Европы», «Московские ведомости» и «Гражданин». При этом в умеренно-либеральном «Вестнике Европы» было отмечено, что замечания, высказанные в брошюре, новы и поучительны, и едва ли ранее появлялось нечто подобное в публицистике о Северо-Западном крае [5, с. 405]. Автор безымянной рецензии соглашался с мыслями Фуделя о противоречивых правительственных мерах и «шатаниях системы», вызванных отсутствием понимания курса политики в крае и противоречивостью его воплощения; о необходимости понимать разницу природы «меча государственного и меча духовного»; с критикой А.П. Владимирова [5, с. 406, 408]. В то же время он ответил на упрек Фуделя в сторону печати (безучастной, с его точки зрения, в отношении западных окраин) указанием на то, что печатное слово подцензурно, а во времена Муравьева его жесткие меры можно было трактовать только как патриотические (подчеркивалось, что тогда не был услышан даже протестный голос архиепископа Макария), и только теперь, по прошествии десятилетий, можно увидеть критику в работах Фуделя или Владимирова [5, с. 412]. Соглашался с Фуделем и «Русский вестник», один из самых читаемых тогда литературных журналов «охранительного» толка. Также, выступая с позиций противника жестких административных мер, рецензент из этого издания подробно остановился на примерах Пустынской и Леснинской обителей (в то время как в «Вестнике Европы» об этом не упомянули, как и вообще о «положительных» мерах, предлагаемых Фуделем).

«Жаль только, что моя недосказанность ввела некоторых лиц в заблуждение, будто я осуждаю дело М. Муравьева целиком. Придется по этому поводу иметь некоторое печатное объяснение», – писал Фудель С.А. Рачинскому [22], по всей видимости, имея в виду полемику, которая продолжилась у него с А.П. Владимировым в «Русском обозрении». Дело в том, что в своем повествовании Фудель отталкивался от возражения А.П. Владимирову и его статье «О положении Православия в Северо-Западном крае» [9, с. 673], где он констатировал катастрофическую для церкви ситуацию в регионе, подтверждая это богатым фактологическим материалом. Но и Фудель ранее писал о плохом состоянии храмов и тяжелом положении духовенства в Западном крае в 1890-х годах: по сравнению с 1860-ми годами государственное финансирование церкви в западных землях сократилось, многие храмы обветшали (в одной из статей он призывал православных из великорусских земель к поддержке) [30]. Соглашаясь в оценке тяжести сложившегося положения, оппоненты, однако, пришли к разным выводам касательно выхода из него. Со стороны критикуемого не преминул появиться достаточно резкий ответ.

Прежде чем перейти к сути дискуссии, стоит отметить, что оппонент Фуделя был личностью незаурядной – педагог, выходец из духовного сословия, А.П. Владимирова окончил Московскую духовную академию, долгое время жил и работал в Вильно, организовал там библиотеку. В своих взглядах он был оригинален – англоман (несколько лет прожил в Англии и женился на англичанке), вегетарианец (пропагандировал в прессе отказ от мяса и чая), критик гимназий (при том, что сам преподавал в гимназии, своих детей туда не отдал) и тому подобное [7, 10].

Владимиров писал много публицистики, для которой зачастую была характерна едкая и саркастическая манера. Касательно жизни северо-западных земель (темы, в которой он считается одним из первых исследователей) выделим важные для полемики пункты: он выступал твердым сторонником «располячения костела» как важнейшей меры по утверждению в крае (даже подавал генерал-губернатору «Записку» с обоснованием этой меры [2, с. 6]), противником перехода министерских школ в церковно-приходские (полагая, что конфессиональных школ «иноверцы будут чуждаться» и создавать тайные школы в польском духе) [6], а также против учреждения в Вильно духовной академии (в пользу университета, упраздненного Николаем I в 1832 году). То есть в этом вопросе он выражал

позиции скорее государственные, чем церковные. При этом Владимиров принадлежал к неославянофильскому кружку бывшего виленского «русификатора» И.П. Корнилова, в 1864–1868 годах занимавшего пост попечителя Виленского учебного округа (среди ярких представителей этого кружка националистического толка можно назвать заходивших к Корнилову в разное время и далеко не во всем согласных друг с другом М.Н. Каткова, А.И. Георгиевского, Т.И. Филиппова, М.О. Кояловича и других [17, с. 114–122]).

В статье «О положении православия в Северо-Западном крае» А.П. Владимиров констатировал недостаточное внимание власти и общества к продолжению обрусения региона. Отражая взгляды своего круга, публицист отождествлял ее с распространением православия и отказывался признавать борьбу завершенной: «Здесь стоят лицом к лицу две борющиеся на жизнь и смерть народности, польская и русская: будет ли польская оттеснена за Неман, или русская за Двину и Днепр? Примирение здесь едва ли возможно. Слово мира, сказанное поляком, есть слово лицемерия и обмана; а сказанное русским, есть слово недомыслия или предательства». Впрочем, главным объектом критики Владимирова – вполне в духе русской консервативной традиции – были не поляки, но «русские служилые люди в крае, отлично обделывающие собственные делишки и худо делающие “дело государево” – или, правильнее, совсем не делающие его» [цит. по: 18, с. 67].

В рецензии Владимирова на брошюру «Наше дело в Северо-Западном крае» Фудель обвинялся в том, что его «благодусные» идеи играют на руку полякам [8, с. 1007]. По мнению Владимирова, мягкие меры «в духе любви», к которым взывал священник, декларативны и непрактичны, а приводимые им успешные примеры миссии недостаточны (здесь полемист доходит до язвительных упреков: «отчего и сам отец Фудель, рекомендующий это средство другим, уехал из Северо-Западного края?» [8, с. 1010]). Скепсис Фуделя в отношении обращения приходов, совершаемых чиновниками, назывался «клерикальной крайностью» [8, с. 1009].

Главное, что стремился обосновать автор в своей статье: быть против «располячения костела» или считать его «неважным» – это «измена или недомыслие» [8, с. 1010]. Речь шла о введении русского языка на католических мессах в костелах, с тем чтобы отделить «польское» от «католического», которое использовалось властями с 1869 года. Эффективность и последствия этой политики в историографии оцениваются отрицательно [см., напр., 2, 16, 11]. Фудель разделял мнение, что русификация костела не способствует продвижению дела православия. Неслучайно в 1887 году против нее выступили министр внутренних дел Д.А. Толстой и обер-прокурор К.П. Победоносцев (после чего проект заглох до конца XIX века) [12, с. 278]. Конфессионального вопроса эта мера не решала – католическое влияние оставалось проблемой для Православной церкви, и религиозное противостояние только усугублялось.

Отец Иосиф решил дать ответ на обличительный текст Владимирова и еще раз обозначить свою позицию. Он выразил мнение о том, что подъем православия в крае возможен только путем развития церковной жизни, причем государство должно «дать все средства к такому развитию» – «это путь положительный». «Г. Владимиров стоит за чисто-государственное решение данного вопроса, средствами политическими, как-то обращение католиков, располячение костела и т.д. Этот путь, – в моем смысле, чисто-отрицательный», – пояснял он [31, с. 482]. Как писал отец Иосиф, приводя 17 пунктов в защиту располячения костела как единственного средства развития православия на северо-западе империи, Владимиров «игнорирует вообще все те пути этого развития, которые исходят из Церкви и совершаются ее внутренними силами и средствами, при внешней охранительной помощи государства» [31, с. 484]. Фудель еще раз указал на то, что есть священники, которые вносят в свою пастырскую деятельность «не пастырские приемы», что

неудержимое их стремление к политической деятельности непохвально: кому как не Церкви нужно понимать, «где кончается «кесарево», а где начинается «Божие»» [31, с. 482].

Стоит отметить, что идея «располячения костела» в принципе не встречала однозначного отношения в среде деятелей «русского направления» – так, ее проводил М.Н. Катков, но не разделял И.П. Корнилов, считавший, что опасен не тот или иной язык, но мысли и учения, которые на нем разглашаются, а перевод католической мессы на русский язык только «узаконил» бы католицизм в глазах русского народа (в целом корниловский взгляд соответствовал настроениям многих славянофилов) [17, с. 133–134]. Подобные разногласия Каткова (не отличавшегося превознесением конфессионального фактора) и Корнилова в 1860-х годах обернулись конфликтом со взаимной печатной критикой, в частности, обвинениями последнего в клерикализме [17, с. 135]. В 1890-х годах Корнилов поддерживал свойственный позднеславянофильской печати дискурс, связанный с обличениями «либеральной интеллигенции» [17, с. 140].

Для нас немаловажна позиция славянофильской печати в конфессиональном вопросе на западных рубежах. Признавая уравнивание Северо-Западного края с остальными губерниями империи в политико-административном отношении, славянофилы считали невозможным требовать этого «относительно умственного развития, потребностей духовных, обычаев, нравов»; в определенной степени уподобление все-таки допускалось, но оно должно было совершиться «вольным мирным влиянием великорусской народной стихии», а не принуждением и насилием под угрозой наказания [цит. по: 25, с. 140]. Главную роль в обрусении Северо-Западного края они отводили не русскому языку (как, например, авторы «Виленского вестника»), а «духовным началам», то есть православию, причем к русским относили не только великороссов, но и белорусов и малороссов, исповедовавших православие [25, с. 142]. Славянофилы поддерживали политику обрусения Северо-Западного края, но в этом деле они отдавали приоритет не государству, а русскому обществу и православному духовенству. Они выступали за ослабление католицизма и разобщение его с полонизмом, отдавая первое место в этом деле активизации православных братств и народных школ и в том числе открытию в Вильно православной духовной академии (при этом, настаивая на ликвидации польского влияния в западных губерниях, они не агитировали за обрусение поляков и евреев; больше возможностей для этого они видели в литовцах и белорусах, но также при сохранении их этнических особенностей) [25, с. 140–145].

Казалось бы, в строе мыслей отца Иосифа можно заметить немало пересечений с импонирующим ему славянофильством (особенно взглядами И.С. Аксакова на эту проблему) и почвенничеством. Однако степень этого влияния не стоит преувеличивать, так как мировоззрение Фуделя скорее отражало его христианский идеализм, нежели исключительно политическую славянофильскую повестку (в частности, он не поднимал вопроса о культурной самобытности местных народностей и «религиозное» определенно ставил выше «национального»). Недаром повествование его брошюры предварял эпиграф с цитатой митрополита Макария (Булгакова), бывшего в 1868–1879 годах архиепископом Литовским и Виленским. Вот одна из приводимых строк: «...помните, что Православие есть чистейший свет и отнюдь не должно распространяться путями тьмы» [29, с. 1].

Помещая этот вопрос в более широкий контекст, можно отметить, что Фудель в системе координат общественной мысли оказывается дальше от государственнического «бюрократического национализма» Каткова (для которого главным было единство языка и лояльности государству, а этничность и религия оставались на втором плане), но ближе к лично с ним связанным К.Н. Леонтьеву и Т.И. Филиппову – сторонникам самостоятельности церкви в политическом отношении (пользу для Российской империи они видели не в русификации инородцев, а в их личном обращении в православие при сохранении национального своеобразия) [17, с. 19–20].

Для отца Иосифа первостепенной задачей виделась необходимость возвысить авторитет православия, развить его благотворительные, учебные и церковные учреждения, развить церковный дух любви. Поэтому он не придавал такого значения «располячению» костела, как «обрусители»-государственники, выразителем которых в полемике с Фуделем выступал Владимиров, равно как и не преследовал в своей брошюре исключительно задачи порицания графа Муравьева за насильственное обращение католиков в православие через своих чиновников. Дело в том, что Фудель писал работу в 1890-х годах, то есть спустя 30 лет после губернаторства М.Н. Муравьева. Да меры губернатора и его последователей по насильственному обращению католических приходов Фудель оценивал критически. Но в то же время Муравьев выступал за учреждение в Вильно духовной академии, передачу народного образования в руки православного духовенства, увеличение числа училищ для воспитания дочерей священников, необходимость материального обеспечения духовенства и строительство храмов за счет правительства [16, с. 98], что должно было вызывать его одобрение.

Муравьевская жесткая линия в политике по отношению к западным окраинам проводилась и в дальнейшем, хотя с ней соперничал «либеральный подход» отдельных его преемников¹. Например, губернатору А.Л. Потапову (1868–1874) и его единомышленникам были чужды «славянофильские» идеи о русском народе как государствообразующем начале, об «исконно-русской» принадлежности Северо-Западного края («русской народности») Потапов противопоставлял полиэтничную «русскую державу») [16, с. 281–284]. Соответственно ими не ставилась задача полной ассимиляции, а значит, и взгляды на конфессиональную политику были иными. Тем не менее политика деполонизации продолжилась и после Муравьева [12, с. 261], и такая жесткая мера как русификация костела пришлось как раз на губернаторство Потапова. Воспоминания о правлении этого генерал-губернатора стали для православной иерархии «коллективной психологической травмой, не изжитой к началу XX в.» [2, с. 49; 15] (известно также, что он не принимал важность идеи братств, видя в них «выражение бессилия» господствующей Православной церкви [16, с. 182]). Позднее сторонником проведения бескомпромиссной русификаторской политики по отношению к бывшим униатам и католикам Польши и Западного края выступал обер-прокурор К.П. Победоносцев [23, с. 279], и вопрос об эффективности такого курса остается открытым.

К теме Северо-Западных земель в дальнейшем отец Иосиф не возвращался, но отчасти с этим опытом была связана продвигаемая им тема братств. Влияние того, что Фудель был выходцем с западных земель или прослужил там несколько лет, было не столь сильно, как, например, в случае с историком М.О. Кояловичем, происходившим из Гродненского местечка. Последний к тому же вышел из семьи униатского священника, перешедшего в православие, поэтому конфессиональная тема им остро воспринималась с детства, а впоследствии он выступал с публицистикой по вопросу западных земель в околославянофильском духе, также высказываясь за развитие братской жизни.

За идеей «нашего дела» для отца Иосифа стояла именно православная миссия, которая, в свою очередь, привела бы к естественной, добровольной ассимиляции. Разделяя «национальное» (политическое, государственное) и религиозное (для него – подлинно «национальное»), насилию и подчинению первого он противопоставлял любовь и свободное произволение второго. О необходимости подобного разграничения он говорил и несколькими годами ранее, когда противопоставлял «племенное» («политическое»)

¹ Сам Муравьев делил правительственные круги Петербурга на две «партии»: своих сторонников – «усердных помощников русского дела» и противников – «партию космополитов и внутренних врагов России», друг друга они называли «космополитами» и «ультра-патриотами» [16, с. 144]. Спор между двумя партиями на деле шел не только о методах интеграции Западного края – этот конфликт носил мировоззренческий характер.

и «культурное» движение на Балканах, вслед за К.Н. Леонтьевым критически оценивая современный ему панславизм, не прочаший, по его мнению, настоящего национального подъема [28].

Однако на практике приоритет духовного в мировоззрении Фуделя не отрицал для него государственного начала. Учитывая реалии синодальной системы, Фудель полагал, что для дела утверждения православия в крае помимо использования внутрицерковных ресурсов можно прибегать и к тем исключительно созидательным мерам, которые могло бы обеспечить государство (прежде всего – к финансированию церковных учреждений), при этом границы, в пределах которых действуют церковные и политические деятели, должны быть твердо определены, и усилия церкви прежде всего должны быть направлены на развитие ее внутренней жизни.

Литература

1. *Батюшков П.Н.* Белоруссия и Литва: Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб.: Типогр. т-ва «Общественная Польза», 1890.
2. *Бендин А.Ю.* Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). Минск: БГУ, 2010.
3. *Валицкий А.* В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
4. *Верт П.* Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
5. Вестник Европы. 1893. Ноябрь. Кн. 11.
6. *Владимиров А.П.* Из Вильны // Русское обозрение. 1894. Февраль. С. 1001.
7. *Владимиров А.П.* Некролог // Виленский календарь на 1906 простой год. Царствования Императора Николая II год двенадцатый / под ред. Ф.Н. Добрянскаго. Вильна, 3 декабря 1905. С. 199–200.
8. *Владимиров А.П.* Новая брошюра о северо-западном крае // Русское обозрение. 1893. Декабрь. С. 1007.
9. *Владимиров А.П.* О положении православия в Северо-Западном крае // Русское обозрение. 1893. Март.
10. *Гене А.* Виленские воспоминания // Русская старина: Ежемесячное историческое издание. 1914. № 6. С. 580–610.
11. *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
12. Западные окраины Российской империи / Л.А. Березная и др.; науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
13. И.И. Фудель – А.А. Александрову // РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 771. Л. 12 об.
14. И.И. Фудель – И.Л. Леонтьеву-Щеглову // ИРЛИ. Архив Леонтьева-Щеглова. № 1058. Л. 1 об.
15. *Извекоев Н.Д.* Некоторые черты деятельности митрополита Макария (Булгакова) по управлению Литовской епархией // Богословский вестник. 1892. № 12. С. 411–434.
16. *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005.
17. *Котов А.Э.* Русский политический предмодерн: забытые «консерваторы» второй половины XIX века. СПб.: Владимир Даль, 2019.
18. *Котов А.Э.* Священник Иосиф Фудель и полемика о национализме // Russian Colonial Studies. 2019. № 2. С. 56–75.
19. *Леонтьев К.Н.* Наши окраины / К.Н. Леонтьев // Сочинения. СПб.: Изд-е В.М. Саблина, 1913. Т. 7. С. 244–264.
20. *Миллер А.Л.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
21. *Папков А.А.* Братства: Очерк истории западно-русских православных братств. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1900.
22. Письма И.И. Фуделя С.А. Рачинскому // ОР РНБ. Ф. 631. Д. 65 (предоставлено О.Л. Фетисенко).
23. *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М.: РОССПЭН, 2010.
24. «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / сост., вступ. ст., подг. текста и коммент. О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2012.
25. *Радченко А.А.* Славянофилы об «обрусении» Северо-Западного края Российской империи // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2010. Вып. № 13 (84). Т. 15. С. 140–145.
26. *Тихомиров Л.А.* Отец Иосиф Фудель // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 12.
27. *Трубецкой Е.Н.* Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. Томск: Водолей, 2010. С. 107–108.

28. *Фудель И.И.* К вопросу о национальном: Самообман и ошибки // Московские ведомости. 1890. № 293. 23 октября. С. 2–3.
29. *Фудель И.И.* Наше дело в Северо-Западном крае. М.: Университетская типография, 1893.
30. *Фудель И.И.* Состояние православных храмов в Западной России // Русское обозрение. 1892. Декабрь. С. 898.
31. *Фудель И.И.* Pro dumo sua: Письмо к издателю // Русское обозрение. 1894. Т. 1. Январь. С. 482.
32. ЦГА Москвы. Ф. 1371. Оп. 1. Д. 58. Л. 194.

Аннотация. В статье анализируются взгляды священника И.И. Фуделя на положение и задачи Православной церкви в Северо-Западном крае и конфессиональную политику Российской империи в этом регионе. Позиция отца Иосифа, несколько лет прослужившего в Белостоке, соотносится в статье с мнением крупных фигур – участников общественной дискуссии по этой проблеме – А.А. Владимиров, И.П. Корнилова, М.Н. Каткова, К.Н. Леонтьева. Особое внимание уделяется печатной полемике Фуделя с Владимировым в журнале «Русское обозрение». Автор статьи показывает, что за идеей «нашего дела» для отца Иосифа стояла именно православная миссия, которая в свою очередь привела бы к естественной, добровольной ассимиляции местного населения. Ставя «религиозное» выше «национального» и «государственного», разграничивая интересы, цели и средства государства и церкви, Фудель не отрицал при этом роли государственного начала в деле утверждения православия в крае, которую он видел прежде всего в необходимости правительственного финансирования различных церковных учреждений.

Ключевые слова: русификация, Русская православная церковь, Северо-Западный край, Белоруссия, Польша, консерватизм, национализм, славянофильство, И.И. Фудель, А.А. Владимиров, И.П. Корнилов, М.Н. Катков, К.Н. Леонтьев.

Nadezhda V. Vinyukova, PhD in History, Lomonosov Moscow State University; Key Scientific Editor, "Great Russian Encyclopedia"; Chief Editor, "Who are we?" Historical Program, "Russia-Culture" TV Channel. E-mail: nadivin1@ya.ru

"Our Cause" in the North-West Region: J.I. Fudel's Views (1889–1892)

Abstract. The article examines the views of the Orthodox priest I.I. Fudel on the position and goals of the Orthodox Church in the North-Western region and on the confessional policy of the Russian Empire in that region. The position of father Joseph, who served in Bialystok for several years, correlates with the opinion of major figures in the public debate on that issue – A.A. Vladimirov, I.P. Kornilov, M.N. Katkov, K.N. Leontiev, – and Slavophil idea. Special attention is paid to the polemics of Fudel and Vladimirov in the «Russian review» journal. The author shows that the idea of «our cause» for father Joseph was precisely the Orthodox mission, which, in turn, would have led to natural, voluntary assimilation of local population. Putting the «religious» above the «national» and «governmental», distinguishing the interests, goals and means of the state and the Church, Fudel did not deny the role of the state principles in the establishment of Orthodoxy in the region, which he saw primarily as imperative of government funding of various Church institutions.

Keywords: Russification, Russian Orthodox Church, North-Western Region, Belarus, Poland, Conservatism, Nationalism, Slavophilism, Joseph Fudel, A.A. Vladimirov, I.P. Kornilov, M.N. Katkov, K.N. Leontiev.

В поисках «Белой Руси»

{ Раздел второй }

А.Д. Гронский

Белорусский национализм и западнорусизм: проблема противостояния

И.В. Оржеховский, В.А. Теплова

*«Польский вопрос» и правительственная политика на территории
Белоруссии в первой половине XIX века*

А.А. Комзолова

Воспитание сельских учителей в Виленском учебном округе в 1860–1870-х годах

А.А. Киселёв

*Проблема белорусского литературного языка в белорусской консервативной
интеллектуальной традиции (вторая половина XIX – начало XX века)*

А.С. Хотеев

*Белорусская историография в российских исторических журналах
второй половины XIX – начала XX века*

А.Ю. Дворниченко

«Присвоение» истории или ее постижение? (Русская литуанистика XIX – начала XX века)

Ф.А. Гайда

Белорусизм в контексте столыпинского национализма

А.С. Хотеев

Петр Андреевич Гильтебрандт как сотрудник журнала «Древняя и новая Россия»

Д.С. Лавринович

*Проекты решения белорусского вопроса в годы Первой мировой войны (1914–1918):
региональные аспекты*

Ю.С. Павловец

*Концепция западнорусизма в процессе формирования современной белорусской
идентичности*

А.Д. Гронский

Неозападнорусизм, псевдозападнорусизм: попытки трансформации идеи

Белорусский национализм и западнорусизм: проблема противостояния

Формирование идентичностей, в том числе национальных и этнокультурных, происходит непрерывно. Даже уже сформированные идентичности иногда устами своих идеологов меняют некоторые базовые установки, а носители идентичностей вдруг заявляют об их смене или коррекции. Как пример можно привести белорусских националистов, внезапно ощутивших себя литвинами. Есть большое подозрение, что отдельные лица меняют свои идентичности не искренне, а попросту идеологически дрейфуют в направлении той идентичности, нахождение в которой может принести большие дивиденды. Иногда изменение происходит под воздействием пропаганды, которая принимается некритично. Однако стоит отметить, что формирование национальных идентичностей достаточно молодой процесс. Ранее масса населения просто не задумывалась над тем, к какой национальности стоит себя относить. В ходу были самоопределения по религиозной или территориальной принадлежности, по ощущению культурной близости и т.д.

Западнорусизм начал формироваться достаточно давно. Стимулом к этому стал нарастающий культурный разрыв между Западной и Восточной Русью, появившийся в конце XIV века после заключения между Великим княжеством Литовским, в которое входили западнорусские земли, и Польшей Кревской унии. Постепенно в Западную Русь стали проникать усилившееся польское культурное влияние и католицизм. Традиционно в Западной Руси исповедовалось православие, а идентичность была русской. Тем не менее великие князья литовские были католиками, но большая часть элиты оставалась православной. С течением времени элита окатоличивалась все больше. Также менялись и этнокультурные стереотипы. Западнорусское дворянство постепенно в культурно-языковом, конфессиональном и идентичностном плане унифицировалось с польским. Появилась общая для высшего сословия идентичность, выразившаяся в идее сарматизма. Великое княжество Литовское, претендовавшее ранее на сбор русских земель, отказалось от этого, оставив данное стремление Великому княжеству Московскому. В середине XVI века Польское королевство и Великое княжество Литовское объединились в Речь Посполитую. В польской традиции она также называется Первая Речь Посполитая¹. В конце XVI века была введена религиозная уния, после которой было объявлено о переходе православных в греко-католицизм (католицизм восточного обряда, униатство), а само православие

¹ Второй Речью Посполитой называют Польшу периода 1919–1939 годов, после окончания Второй мировой войны появилась Польская Народная Республика, а в 1989–1991 годах оформилась Третья Речь Посполитая.

Гронский Александр Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора Белоруссии, Молдавии и Украины Центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. E-mail: agr1976@yandex.ru

было запрещено. Тем не менее православие продолжало существовать подпольно, что в конце концов вынудило польские власти легализовать его. Сопротивление православных русских подданных сначала Великого княжества Литовского, а затем и Речи Посполитой действиям королевской власти в этноконфессиональной и культурной сферах и сформировало западнорусское мировоззрение. Интересно, что сам термин «западнорусизм» появился лишь в XX веке как определение идейного содержания противников белорусского национализма. До этого никто не пытался дать название этой массовой форме мировоззрения. В конце XIX века западнорусские идеи разделяли как минимум 75% белорусского населения [11, с. 16]. Таким образом, западнорусизм был массово распространенной идентичностью, базирующейся на этнокультурных и конфессиональных основаниях. Он не приобретал какого-то политического оформления, поскольку его носители представляли собой в большинстве не региональное дворянство, чья идентичность была в основном польской, а низы, которые были далеки от идеи политического оформления своих взглядов. Западнорусизм был массовым представлением простого местного населения о себе.

В конце XIX века начинает формироваться белорусский национализм. Он появился в эпоху развития национального вопроса как политической проблемы. То есть белорусский национализм изначально был явлением, тесно связанным с политическими лозунгами. При этом западнорусизм нельзя назвать разновидностью национализма, так как он появился в эпоху, когда не существовало национального вопроса как такового, а белорусский национализм стал одним из проявлений так называемой весны народов. Белорусский национализм во время своей институционализации в начале XX века имел социалистическую огранку. Первая националистическая партия называлась сначала Белорусская революционная громада, но достаточно быстро была переименована в Белорусскую социалистическую громаду. Так что ни революционность, ни социализм белорусскому национализму не были идейно чужды. Основные противники белорусского национализма – польские и русские организации – представляли более широкий идеологический спектр, в котором можно было найти место как правым, так и левым силам. Нельзя говорить, что белорусский национализм развивался исключительно на социалистической базе, но именно эта база представляла собой самую широкую платформу. Такое состояние белорусского национализма способствовало тому, что он мог найти себе сторонников среди общероссийских организаций социалистического толка, а также среди части таких же националистических организаций, стоящих на социалистических позициях. Это давало возможность белорусскому национализму обратить на себя внимание более весомых сил. Нужно отметить, что общероссийские партии на территории белорусских губерний представляли куда более серьезную силу, чем белорусский национализм.

На то, что национализмы могут быть связаны с социалистическим дискурсом, обращал внимание, например, американский исследователь И. Валлерстайн. Причем связаны достаточно серьезно, вплоть до возможности национального вопроса в конце XIX века «отравить жизнь» марксистским и другим организациям. При этом И. Валлерстайн выделил две империи, где, по его мнению, национальный вопрос наиболее остро «отравлял жизнь» социалистам. Этими империями были Австро-Венгрия и Россия [3, с. 136]. Именно поэтому стоит сделать вывод, что национализм и социализм не только изначально не противостояли друг другу, но отчасти одно (национализм) являлось порождением другого (социализма). Однако не стоит абсолютизировать появление национализма из социализма. Некоторые польские националистические организации возникали на основе шляхетских идей о возрождении дораздельной Польши¹. Такой национализм опирался не на социалисти-

¹ В 1772 году произошел первый раздел Польши, часть территории которой отошла Австрии, Пруссии и России. В 1793 году произошел второй раздел Польши, в котором участвовали Пруссия и Россия. Окончательно польское государство исчезло после третьего раздела в 1795 году, в котором участвовали Австрия, Пруссия и Россия.

ческие лозунги о равенстве народов, а на память об утерянном государстве, где политически доминировала шляхта, а народные массы, всё равно к какой этнокультурной группе принадлежащие, не были представлены в политике. Но у польского национализма была память о потерянном государстве, чего не было у национализма белорусского. Не было национальной элиты, национального дворянства. Все эти представления изобретались одновременно с зарождением белорусского национализма. Поскольку институционализация белорусского национализма началась накануне Первой русской революции 1905 года, это отразилось и на идеях. Например, первая белорусскоязычная газета «Наша доля» была ориентирована исключительно на низы. В шапке каждого номера было следующее предложение: «Першая беларуская газета для вёскаваго і месцовага рабочага народу» («Первая белорусская газета для деревенского и городского рабочего народа»). В программной статье «Нашей доли» указывалось: «Писать мы будем для деревни и будем защищать дела деревенских людей» [7, с. 2]. Вторая белорусскоязычная газета формально поменяла риторику. Она не собиралась «служить только или панам, или одним мужикам», а рассчитывала послужить «всему белорусскому обиженному народу» [1, с. 1]. Однако содержание газеты на всем протяжении ее издания апеллировало именно к низам, но никак не к помещикам.

Исходя из этого, можно отметить, что национализм и социализм зачастую не только не противостоят друг другу, но и взаимовыгодно дополняются некоторыми идеями. Хотя между определенными направлениями социализма и некоторыми национализмами случаются недопонимания. Например, ряд белорусских националистов изначально отрицательно отнеслись к большевикам, другие же пытались с ними сотрудничать, и в ряде случаев это сотрудничество оказалось безуспешным. В частности, будущий первый руководитель советской Белоруссии Д. Жилунович одновременно состоял и в националистической организации, и в большевистской. При этом по сути превратив националистическую организацию в филиал большевистской партии. Например, новая программа, которую исповедовал петроградский филиал Белорусской социалистической громады (БСГ), была построена на базе марксизма, а белорусские националисты, находящиеся в Минске, вообще не различали петроградские организации БСГ и большевиков [6, с. 320].

Нужно отметить, что более-менее реальная белорусская государственность была получена от большевиков¹, которые уже через несколько дней после Октябрьской революции были готовы способствовать созданию белорусского государства на советской основе [5, с. 64]. Социалисты и белорусские националисты были идеологически близки, большевики даже поддерживали социалистическую версию белорусского национализма. Победившие большевики, объявив право наций на самоопределение, определили возможности, которые могли получить от революционных преобразований белорусские и другие националисты.

Западнорусизм представлял собой течение, не склонное к революционным потрясениям, более того, западнорусы в массе были лояльны властям бывшей империи. Также западнорусизм был против потери территорий некогда единой страны, то есть не поддерживал лозунги национального отделения. Западнорусизм оказался противником как большевиков, так и белорусских националистов. В белорусской историографии утверждается, что большевики конфликтовали с белорусскими националистами, но конфликт этот

¹ В белорусском националистическом мифе первым белорусским государством рассматриваются разные образования (в зависимости от версий белорусского национализма) – Полоцкое княжество периода Древней Руси, Великое княжество Литовское, Белорусская Народная Республика. При этом не обращается внимания на наличие белорусского самосознания в различные исторические эпохи. Позднее появление белорусского самосознания мало смущает идеологов. Именно поэтому, например, разделы Польши в конце XVIII века представляются как разделы Белоруссии.

происходил не по национальному вопросу, а по идеологическому – в какой форме должна существовать белорусская государственность – советской или буржуазной. По поводу создания белорусской государственности большевистский центр высказывался положительно. Против выступали большевистские работники, находящиеся непосредственно на месте. Они утверждали, что местное население не горит желанием создавать отдельные государства и вообще самоопределяться. Но эти большевики не имели возможности находиться вблизи большевистских руководителей, чтобы постоянно доносить свою точку зрения. Сторонники же актуализации белорусского вопроса находились в Москве и Петрограде. Именно советская власть дала возможность появиться полужуральной белорусской государственности. Серьезные вопросы решались московским большевистским правительством, но остальное могло решать белорусское большевистское правительство. Правда, эта советская государственность долго не просуществовала по причине польского давления. Когда опасность польского нападения стала неминуемой, советская Белоруссия сначала объединилась с советской Литвой, а потом это государственное образование было оккупировано поляками. Лишь в 1921 году произошло повторное объявление советской Белоруссии. Западнорусская идеология оказалась не нужна, ни большевикам, ни полякам, ни белорусским националистам всех идеологических оттенков.

Большевики проповедовали интернационализм, который позволял локальным националистам достаточно комфортно развиваться. Интернационализм воспринимался в советское время как дружба и сотрудничество между нациями [8, с. 330–331]. В теории это так, но на практике внутри СССР дружба и сотрудничество вылились в коренизацию, то есть вытеснение русского языка и русской культуры из национальных республик, изменение городской навигации в виде замены вывесок со всем привычного русского языка на местные, требования выучить национальные языки, которые не всегда были полностью литературно оформлены, отъезд русскоязычных специалистов в РСФСР и прочее. Таким образом интернационализм можно рассматривать как попытку создать условия для бесконфликтного сосуществования локальных национализмов, каждому из которых отведена определенная территория. Этот проект осуществлялся, несмотря на нежелание местного населения покидать русскую культуру или русский язык. Формирование территории союзных республик также происходило без учета мнения проживающего там населения.

Большевистская национальная политика стала спасением для белорусского национализма, причем, не только советски ориентированного, но и для антисоветского. Во второй половине 20-х годов XX века многие националисты, не принявшие советскую власть и уехавшие в эмиграцию, вернулись из-за границы и влились в ряды советских белорусизаторов. В это же время именно в период советской власти конструировалась белорусская якобы национальная героика. Она начала формироваться еще до революции, но была распространена лишь в среде лиц, разделявших националистические идеи. Советская власть, предоставила белорусскому национализму административный ресурс. И национализм смог им воспользоваться в полной мере. Был окончательно оформлен миф о белорусском национальном герое Кастусе Калиновском, который в реальности никогда такой формы имени не носил и был в 1863–1864 годах польским повстанцем, обращавшимся к белорусским крестьянам со словами: «Мы, кто живет на земле Польской, кто ест хлеб Польский, мы, Поляки с веков вечных»¹.

Нужно отметить, что в период участия Калиновского в восстании масса белорусских крестьян оказалась глуха к повстанческой пропаганде и осталась верна Российской империи. Стоит напомнить, что мировоззрение крестьян того времени можно определить как

¹ В оригинале на латинице «my, szto żywiemo na ziemi Polskiej, szto jemo chleb Polski, my, Palaki z wiekou wiecznych». Фото оригинала и текст на русском языке можно найти: [12].

западнорусское. Получается, что западнорусское мировоззрение помешало повстанцам поднять на борьбу с Россией крестьянские массы. В среде белорусских националистов польское антироссийское восстание трансформировалось в белорусское антироссийское, а про массовую неприязнь крестьян к повстанцам попросту умолчали. Более того, достаточно быстро польское шляхетское восстание объявили крестьянским белорусским восстанием против царизма. Даже была попытка сделать восстание одновременно и антиимперским, и антипольским. То есть восстание поляков за возрождение Польши попытались объявить антипольским. Вообще Калиновский стал белорусским героем из-за отсутствия других вариантов. Антигосударственные восстания в XIX веке белорусские крестьяне не слишком жаловали. Поэтому за неимением иного польское восстание, которое охватило и белорусские земли, было объявлено белорусским. Западнорусское мировоззрение крестьян и отрицательное отношение к шляхте попросту не давало шансов поднять их на массовую антигосударственную борьбу. В итоге вышло так, что западнорусски мыслящие крестьяне стали противниками «белорусского национального героя» Кастуся Калиновского, официально включенного советской властью и белорусскими националистами в белорусский героический пантеон.

Советская власть и белорусский национализм все же не были полностью союзниками. Советская власть требовала классовой лояльности, что не всегда получалось у белорусских националистов. К тому же политические репрессии, начавшиеся в 30-х годах XX века, не ориентировались на какие-то конкретные социальные слои. Под каток репрессий попали и те, кто был искренним сторонником белорусского национализма, и те, кто был его противником.

В 1920-х – начале 1930-х годов отношения между сторонниками националистических взглядов и их западнорусскими оппонентами и теми, кто к ним примыкал, были напряженными. Но в силу того, что советская власть поддерживала националистов, западнорусская сторона проигрывала. В Белорусской академии наук некоторое время работал известный филолог Н.Н. Дурново. Впечатление о минских коллегах у него сложилось весьма критическое. Он обратил внимание на их «неуместную в науке идеологическую предвзятость» и на то, что «их белорусский патриотизм часто выливается в форму нелепого и вредного шовинизма» [13, с. 89]. Также о неграмотности белорусских националистов заявлял один из самых известных западнорусов академик Е.Ф. Карский. Об И.Ю. Лёсике он писал так: «Еще и теперь можно встретиться с не выдерживающими никакой филологической критики взглядами даже вожakov современного нам белорусского движения, не умеющих разобраться в вопросах о прарусском языке, общерусском родоначальнике современных русских языков, о наречиях, говорах, русском литературном языке и т.п.» [9, с. 399]. И.Ю. Лёсик, кстати, в 1922 году стал членом Инбелкульта (предтечи Белорусской академии наук), а потом и собственно Академии наук Белоруссии. И Н.Н. Дурново, и Е.Ф. Карский вынуждены были уехать из Белоруссии, так как их деятельность противоречила идеологическим установкам советской власти в деле развития национального вопроса. Западнорусизм как идея не популяризировался, но все равно разделялся большинством населения. Видимо, это стало одной из причин того, что насаждаемая советской властью белорусизация не смогла закрепиться в сознании простых людей.

Во время Великой Отечественной войны белорусский национализм активно поддерживал немецкую оккупационную власть, что роднит его с белорусским национализмом периода Первой мировой войны. Сотрудничество с оккупантами повлияло на отношение к националистам как власти, так и простых людей. В середине 1944 года Белоруссия была освобождена. Белорусские сторонники нацизма вынуждены были эвакуироваться вместе с отступающими немецкими войсками. В эмиграции белорусский национализм развивался в немногочисленных мелких организациях, критиковал советскую власть и объяснял

западнорусское сознание белорусов «тяжелым наследием царизма» и происками советской власти, не отдавая себе отчета, что советская власть боролась с западнорусизмом. Также она преследовала и белорусский национализм, но не весь. Национализм советского толка, прикрываясь интернациональными лозунгами, мог существовать. Продолжалась поддержка искусственно сконструированной белорусской героики в виде, например, утверждения, что польские инсургенты 1863–1864 годов являются белорусскими повстанцами, и тому подобных исторических мифов.

Естественно, что после войны белорусский национализм на территории СССР не мог развиваться открыто, так как слишком однозначные эмоции в его отношении были у людей, переживших войну. По той же причине сложно было рассчитывать и на белорусизацию. Белорусский национализм мог выжить лишь в узких группах, имевших претензии к советской власти, не слишком уделяющей внимание проблемам национального развития. Стоит предположить, что наиболее последовательными сторонниками белорусизации были профессиональные носители белорусского языка, для которых он был не только элементом культуры или маркером идентичности, но и средством заработка. Увеличение числа носителей белорусского языка как основного или единственного автоматически увеличивало потребность в белорусскоязычных текстах. Сокращение количества носителей ставило под угрозу материальное благополучие создателей белорусскоязычного контента. Аналогичная ситуация сложилась и в других республиках СССР. Стоит подчеркнуть, что как минимум часть белорусскоязычных активистов была искрення в своих мечтаниях расширить сферу применения белорусского языка и не связывала это с материальной выгодой.

С началом периода «перестройки» советская идеология начала проигрывать противостояние с оппонирующими идеями. Быстро оформились локальные национализмы, которые получили сторонников не только из числа сознательных националистов, но и из числа отрицательно относящихся к националистам противников советской власти. Порой носители совершенно противоположных идей поддерживали друг друга лишь потому, что все они были против советской власти¹. С течением времени носители различных идеологических взглядов определились со своими союзниками и противниками более четко, что породило новую мифологию в их среде. Для того чтобы объяснить непопулярность белорусского национализма ранее, были снова выдвинуты тезисы, что белорусов национально угнетали и препятствовали развиваться белорусскому языку. Естественно, умалчивалось то, что белорусский национализм был непопулярен у населения по естественным причинам, в том числе и по причине сотрудничества националистов с оккупационными властями в период обеих мировых войн.

Все, кто эффективно конкурировал с националистами, были объединены в одну группу, представляющуюся как сменяющие друг друга родственные противники национализма, имеющие общее происхождение. Так в один список записали большевиков и западнорусов. В целом и те и другие критически относились к белорусскому национализму, но большевики допускали и поддерживали большевистскую версию национализма, помогали ему развиваться и проводили политику белорусизации. В отношении западнорусизма большевики таких эмоций не испытывали, так как среди западнорусов не сложилось пробольшевистской политически активной прослойки. Тем не менее западнорусизм и большевизм представлялись националистам как явления русского империализма. Масса простых людей не слишком восприняла националистические идеи, хотя в период перестройки количество поддерживающих национализм увеличилось, но частично это была реакция на идеологическую ситуацию. После эмоционального всплеска периода распада СССР насту-

¹ Один из белорусских националистов рассказывал, как в начале 1990-х годов ходил с группой сторонников на концерт Жанны Бичевской. Эти люди не разделяли русско-монархические взгляды Бичевской, но, как и она, были против советской власти.

пила стабилизация представлений, что повлекло за собой отток сторонников национализма. Белорусы массово поддержали введение русского языка как государственного наряду с белорусским на референдуме 2005 года, поддержали курс на интеграцию с Россией, что говорит о малом влиянии белорусского национализма на общество.

Показательными являются опросы Независимого института социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ), расположенного в Вильнюсе. Эта структура позиционирует себя как независимая, но ее сотрудники настроены прозападно. На протяжении многих лет НИСЭПИ проводил опросы белорусов. Помимо прочего у белорусов спрашивали, являются ли русские, белорусы и украинцы одним народом или нет. Каждый раз 2/3 опрошенных отвечали, что это один народ [4, с. 47]. Мнение, что великорусы, белорусы и малорусы являются ветвями одного народа, поддерживалось западнорусами еще до революции, что показывает, к какому мировоззрению склонны большинство белорусов. Некоторые националисты пытаются объяснить такие ответы политикой советской власти, но советские представления критиковали этот дореволюционный тезис. По советским представлениям, русские, белорусы и украинцы являются близкими, братскими народами, но не одним народом. То есть советские убеждения работали против западнорусских представлений, но последние оказались сильнее.

Белорусская оппозиция боролась с мнением большинства, белорусское государство чаще предпочитало советскую версию этногенеза, иногда варьируя ее под воздействием внешнеполитических событий. Но с 2014 года в Белоруссии власть начала солидаризироваться с оппозиционной идеологией. Массовая поддержка простыми белорусами Русской весны обеспокоила не только оппозицию (что вполне закономерно), но и власть, которая начала демонстративно подчеркивать свою позицию по украинскому кризису, поддержав предложенную Украиной антироссийскую декларацию [14], в которой Россию призвали «отказаться от временной оккупации Автономной Республики Крым и города Севастополя, вывести российские оккупационные силы из временно оккупированных Автономной Республики Крым и города Севастополя и вернуть их под контроль правительства Украины», а также «прекратить спонсирование террористической деятельности в Украине посредством притока боевиков, денежных средств и оружия через неподконтрольный правительству участок украинско-российской государственной границы и перестать оказывать любую поддержку незаконным вооруженным формированиям в отдельных районах Донецкой и Луганской областей Украины, которые совершают террористические акты в Украине» [10, с. 40]. То есть белорусская официальная делегация признала Крым и Севастополь временно оккупированными Россией, а сопротивление Донбасса Украине террористической деятельностью. На такую позицию обратили внимание и США, представитель которых назвал Белоруссию бастионом против российского неоимпериализма [2].

В целом можно сказать, что белорусский национализм институционализирован, имеет поддержку как извне, так и внутри государства, причем иногда государство и оппозиция выступают вместе. Например, в преследовании пророссийских публицистов, как это было в 2016–2018 годах, когда расследовалось так называемое дело пророссийских публицистов (дело «Регнума»). Западнорусизм не структурирован, не имеет политического представительства и является массовым народным мировоззрением. Отсутствие политических структур, возможно, помогает его широкому распространению, так как политические силы ограничивают любую идею целесообразностью. Идея становится менее гибкой, что отталкивает часть ее сторонников.

Президентские выборы 2020 года и последовавшие за ними протесты изменили политическую ситуацию в Белоруссии. Поскольку статья написана сразу после выборов, когда протесты еще далеко не закончены, можно лишь делать прогнозы по поводу дальнейшего развития как западнорусизма, так и белорусского национализма.

Литература

- [Paczynajuczcy wydawac...] // Nasza niwa. 1906. № 1. S. 1.
- Артемченко С. Лукашенко против «российского неоимпериализма» [Электронный ресурс] // ИА REGNUM / Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2563819.html>
- Балибар Э., Валлерстайн И. Раса. Нация. Класс: Двусмысленные идентичности. М.: Логос. 2004. 288 с.
- Возможен ли «белорусский майдан»? Диагностика и вызовы для России. М.: Научный эксперт, 2016. 116 с.
- Гигин В. Могла ли состояться БССР в 1917 г.? // Беларуская думка. 2009. № 12. С. 62–71.
- Гронский А.Д. Воспоминания Д. Жилуновича о событиях 1917 г. на страницах журнала «Польша» // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем: материалы международной научной конференции «Россия и Беларусь на историческом перепутье, 1917–1922 гг.» (Смоленск, 19–21 октября 2017 г.) / под ред. Е.В. Кодина. Вып. 2. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2017. С. 316–323.
- Да чытацелю // Наша доля. 1906. № 1. С. 1–2.
- Калтахчян С.Т. Интернационализм // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. / гл. ред. А.М. Прохоров. Т. 10: Ива – Италики. М.: Советская энциклопедия, 1972. 592 с.
- Карский Е.Ф. Белорусы. Т. 3. Кн. 2: Очерки словесности белорусского племени. Минск, 2007. 704 с.
- Минская декларация и резолюции, принятые Парламентской ассамблеей ОБСЕ на двадцать шестой ежегодной сессии. Минск, 5–9 июля 2017 года. 71 с.
- Мірановіч Я. Найноўшая гісторыя Беларусі. СПб.: Неўскі прасцяг, 2003. 243 с.
- Письмо Яськи-гаспадара из-под Вильны к мужикам земли польской [Электронный ресурс] // Западная Русь / Режим доступа: <https://zapadrus.su/bibli/arhbib/1320-pismo-yaski-gaspadara-iz-pod-vilny-k-muzhikam-zemli-polskoj.html>
- Робинсон М.А. Заявление профессора Н.Н. Дурново // Славяноведение. 2011. № 2. С. 86–100.
- СМИ: Белорусские депутаты поддержали антироссийскую декларацию ПА ОБСЕ [Электронный ресурс] // ИА Eurasia Daily / Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2017/07/10/smi-belorusskie-deputaty-podderzhali-antirossiyskuyu-rezolyuciyu-pa-obse>

Аннотация. В статье рассматриваются отношения между западнорусизмом и белорусским национализмом. Западнорусизм появился достаточно давно, а белорусский национализм сформировался в конце XIX века. До революции 1917 года белорусский национализм не мог конкурировать с западнорусизмом. Национальная политика большевиков способствовала упадку западнорусизма. Данная ситуация помогла белорусскому национализму завоевать позиции. Однако белорусские националисты активно сотрудничали с оккупационными властями в период Великой Отечественной войны. Это способствовало усилению негативного отношения к ним со стороны населения Белоруссии. В настоящее время белорусский национализм поддерживается как оппозиционными силами, так и властью. Западнорусизм не имеет политического выражения, но его носителями является большинство жителей Белоруссии.

Ключевые слова: западнорусизм, белорусский национализм, Белоруссия, национальная политика большевиков.

Alexander D. Gronsky, Candidate in History, Associate Professor. Leading Researcher, Section for Belarus, Moldova and Ukraine, Center for Post-Soviet Studies. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. E-mail: agr1976@yandex.ru

Byelorussian Nationalism and Western Russianism: the Problem of Confrontation

Abstract: The article examines the relationship between Western Russianism (Zapadnorusizm) and Byelorussian nationalism. Byelorussian nationalism is much younger than Western Russianism, finally shaping only in the end of the 19th century. Before 1917 revolution Byelorussian nationalism could not compete with Western Russianism. The national policy of the Bolsheviks contributed to the decline of Western Russianism and helped Byelorussian nationalism to gain stronger positions. However, Byelorussian nationalists actively cooperated with the occupation authorities during the Great Patriotic war. That caused distinctly negative attitude of Byelorussians towards the movement and collaborators. Currently, Byelorussian nationalism is supported both by the opposition and by the government. Western Russianism has no political representation, but is supported by the majority of Byelorussian population.

Keywords: Western Russianism (Zapadnorusizm), Byelorussian Nationalism, Byelorussia, National Policy of the Bolsheviks.

«Польский вопрос» и правительственная политика на территории Белоруссии в первой половине XIX века*

Разделы Речи Посполитой положили конец политическому существованию одного из крупнейших государств Восточной Европы, обусловив возникновение «польского вопроса», который до начала XX века оставался важнейшим в европейской политике.

Одной из особенностей «польского вопроса» было постоянное стремление подавляющего большинства шляхетского сословия и нарождающейся интеллигенции бывшей Речи Посполитой и ее восточной части – Великого княжества Литовского к восстановлению утраченной государственности, что делало его постоянно острым и злободневным.

Российское правительство четко реагировало на эту особенность и по-разному подходило к решению почти всех наиболее существенных политических проблем на территориях, вошедших в состав Российской империи. Наиболее отчетливо «польский вопрос» проявился в сословной, законодательной, национально-религиозной политике и в области просвещения.

Оставаясь неизменной в своей сущности, формы и методы этой политики менялись в зависимости от политической ситуации в белорусско-литовском регионе.

Если для эпохи Александра I была характерна политика «западничества», связанная с реформированием государственного устройства и широким распространением идей конституционализма, то время Николая I означало возврат к традиционалистскому, «почвенническому» пути развития России [3]. Содержание николаевского курса составили поиски своего, не похожего на западный, пути развития. Идеологическим обоснованием этой политики стала «теория официальной народности», одним из проявлений которой было укрепление основ монархического правления.

Исходя из представлений о территориях, ранее входивших в состав Великого княжества Литовского, как исконно русских, правительство считало важнейшими задачами всемерное привлечение на свою сторону населения вновь приобретенных территорий, восстановление утраченных в течение XVII–XVIII веков позиций православия, а также полное устранение какого-либо влияния Рима на внутренние дела России, особенно касающиеся просвещения. Направленная на укрепление имперских позиций России, эта политика носила ярко выраженный сословный характер.

По отношению к местному дворянству она определялась пониманием его особенностей, сложившихся исторически. Прежде всего правительство учитывало, что дворян-

* Статья является доработанной версией текста, который был опубликован в начале XXI века в Минске. Поскольку статья представляет собой интерес для понимания ситуации, сложившейся в первой половине XIX века на белорусских землях, редакция решила опубликовать доработанный и расширенный вариант исследования.

Оржиховский Игорь Вацлавович (1933–2002), доктор исторических наук, профессор.

Теплова Валентина Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент исторического факультета Белорусского государственного университета. E-mail: teplova_val@mail.ru

ская земельная собственность на территориях, «отторгнутых от Польши», уже к началу XVIII века потеряла характер условного держания, в то время как в России только манифест Петра III (1762 года) освободил дворян от несения обязательной государственной службы. Существенные различия имелись и в формах дворянского землевладения. В частности, Россия не знала такой социальной группы, как мелкая шляхта, положение которой порой приближалось к положению крестьянина-однодворца. Процент дворянского сословия в среднем по России был намного ниже, чем на вновь присоединенных землях. Обедневшие дворяне в России, теряя свои привилегии, переходили на государственную службу – военную или гражданскую. На белорусско-литовских землях империи обедневшая шляхта формально не отличалась от магнатов и юридически имела с ними одинаковые права. Разница в правовом статусе дворянства на территориях, присоединенных от Польши, и в остальной России была довольно значительная. В бывшей Речи Посполитой шляхта не привыкла беспрекословно подчиняться государственной власти. Традиция эта восходила еще к эпохе «золотых вольностей дворянства». В России, где существовала неограниченная монархия, традиции политической жизни были совсем другие. Поэтому политика российского правительства по отношению к дворянству Белоруссии и Литвы отличалась крайней осторожностью [4, 10].

Обещания русского правительства не нарушать существующих шляхетских прав и господствующих общественных отношений обусловили в конце XVIII века достаточно спокойный переход новых подданных в состав Российского государства.

Вместе с тем правительство решительно покончило с бесконтрольной самостоятельностью феодалов. Шляхта лишилась права на конфедерации, на содержание своего войска и частных крепостей. Кроме этого, на основании «Жалованной грамоты» 1775 года Екатерина II провозгласила, что «каждое состояние из жителей присоединенных земель вступает с самого сего дня во все оному свойственные выгоды по всему пространству империи Российской». Дворянству и купечеству белорусских земель в 1773 году было позволено выбирать депутатов для выработки проекта нового общегосударственного Уложения. В 1777 году были проведены выборы поветовых и губернских предводителей дворянства, созданы поветовые и губернские дворянские сходы. Основная масса белорусской шляхты осталась весьма удовлетворенной своим новым положением.

Пытаясь привлечь на свою сторону оппозиционно настроенных польских дворян недавно присоединенных земель, оставаясь верным традициям социальной ассимиляции, русское правительство не только предоставило местным дворянам все права и привилегии, какими обладало российское дворянство, но и разрешило повсеместно пользоваться «местными законами», если они не противоречили российским. Поэтому основным законодательным кодексом, действовавшим на территории Литвы и Белоруссии вплоть до 1840 года, оставался Статут Великого княжества Литовского. И не случайно во всех указах, вышедших в конце XVIII века и в первой четверти XIX века, подчеркивалось, что «суд и расправа» являются сугубо внутренними делами «территорий, вновь присоединенных к России», и должны основываться «на местном праве» и вестись «на местном наречии». Тем не менее местная администрация, создаваемая по российским нормам, была строго подчинена центральной власти.

Новым в правительственном курсе были различия, которые отчетливо проявились по отношению к разным группам регионального польского дворянства. На первый план выдвигалась политика по отношению к мелкой шляхте, составлявшей абсолютное большинство местного привилегированного сословия. Это проявилось прежде всего в политике так называемого разбора шляхты, которая заключалась в приписке бывших шляхтичей к различным группам податного сословия. И хотя «разбор шляхты» был декларирован еще в 1772 году, реализация его проводилась медленно и непоследователь-

но, особенно ввиду усложнившейся юридической системы доказательства дворянского происхождения. С начала XIX века одним из способов ослабления позиций мелкого дворянства стало изменение законодательства о дворянских выборах, которое лишало его возможности непосредственно участвовать в выборах местных судебных органов. «Разбор» был необходим не только с точки зрения слияния экономической и политической жизни белорусских губерний с остальными российскими, но и с фискальной, то есть с желанием правительства увеличить число плательщиков податей и поставщиков рекрутов. Все это способствовало уравниванию положения местного дворянского сословия с общероссийским [4, 10].

С конца XVIII до начала 30-х годов XIX века дворянство литовско-белорусских земель, как правило, являлось активным участником вооруженных выступлений за восстановление Речи Посполитой. Политика правительства по отношению к повстанцам, а также членам тайных обществ вплоть до 1830-х годов была двойственной и не изменялась с конца XVIII и на протяжении всей первой половины XIX века.

Участники наиболее массовых антиимперских выступлений (восстание Т. Костюшко; участие в войне 1812 года на стороне Наполеона, восстание 1830–1831 годов) практически остались без наказания. Этим правительство пыталось привлечь на свою сторону высшее сословие белорусских и литовских губерний. Одновременно шел процесс ограничения прав и привилегий мелкой шляхты. В результате ее положение ухудшалось, а стремление к восстановлению Речи Посполитой возрастало. Отсюда и широкое участие мелкой белорусской шляхты на всем протяжении первой половины XIX века в польском оппозиционном движении. И не случайно именно представители мелкой шляхты в первую очередь подвергались репрессиям. Аресты, высылка во внутренние губернии империи, секретный надзор полиции, цензура частной переписки становятся традиционными средствами «успокоения» шляхты. Позиция польского дворянства в Литве и Белоруссии, проявившаяся в ходе событий 1830–1831 годов, послужила одной из наиболее веских причин, заставивших правительство Николая I пересмотреть свое отношение к белорусскому крестьянству и начать активное проведение последовательной политики деполонизации западных земель империи.

Не меньшей гибкостью отличалась и правительственная политика по отношению к белорусскому крестьянству. Из-за слабой платежеспособности оно еще при Екатерине II на два года освобождалось от выплаты государственных податей, а на протяжении последующих 10 лет подушный налог собирался в половинном размере по сравнению с российскими налогоплательщиками. В 1776 году при сдаче казенных имений в аренду управляющим и арендаторам рекомендовалось избегать физических наказаний крестьян. В 1797 году размер барщины ограничивался тремя днями в неделю, хотя на деле этот законодательный акт не применялся и оставался только на бумаге.

Крестьянская политика Александра I определялась прежде всего его отношением к местному дворянству. Стремясь привлечь последнее на свою сторону, правительство по существу игнорировало крестьянскую проблему, хотя в начале XIX века оно неоднократно проводило ревизии имущественного положения крестьян. Тем не менее раздача крестьян русским сановникам была приостановлена из-за сильного сопротивления государственных крестьян переводу их в разряд помещичьих [16, с. 102]. Несмотря на то, что в 1812 году крестьянство воссоединенных земель по отношению к России в целом проявило лояльность, крепостное право в Белоруссии и Литве было сохранено, рекрутские наборы продолжались, налоги не уменьшились. В то же самое время местная шляхта, скомпрометированная сотрудничеством с Наполеоном, сохранила все свои привилегии.

Восстание 1830–1831 годов заставило правительство взглянуть на белорусское крестьянство как на союзника, и поэтому власти постарались привлечь его на свою сторо-

ну. Одним из такого рода начинаний, а также попыткой сдерживания процесса разорения крестьян стали аграрные реформы, проведенные в 1830–1850-х годах в государственной и помещичьей деревне и рассматриваемые правительством как основа стабильности белорусско-литовского региона [2, с. 172].

Неразрывно с общим содержанием политического курса, проводимого российским правительством, была связана и политика в области законодательства. Несмотря на благожелательное отношение самодержавия к местному дворянству, в шляхетском сознании жила идея былой независимости Польши или хотя бы ее части в виде Великого княжества Литовского, ярко проявлявшаяся в так называемом литвинском патриотизме. Российское правительство учитывало эту особенность менталитета и по-разному подходило к решению наиболее существенных проблем бывшего Великого княжества Литовского и собственно Польши.

Так, накануне войны с Францией Александру I было важно обеспечить поддержку со стороны дворянства Литвы и Белоруссии, поскольку польская общественность была склонна поддерживать Наполеона, надеясь на восстановление утраченной государственности. Поэтому император существенно понизил налоги, поступающие в казну с территорий бывшего Великого княжества Литовского, и заявил о своем желании восстановить его целостность под эгидой России. Именно по поручению Александра в 1811 году М. Огинский, К. Любецкий, К. Плятер, К. Любомирский и С. Грабовский составили проект «Положения о правлении автономным Великим Княжеством Литовским», в состав которого должны были войти все территории, вошедшие в состав Российской империи от бывшей Речи Посполитой в 1772–1807 годах.

Первым шагом на пути автономии должно было стать провозглашение манифеста Великого княжества Литовского. Предусматривалось также постепенное, проводимое на протяжении 10 лет личное освобождение крестьян от крепостной зависимости. По-видимому, в этой же связи следует рассматривать и публикацию в 1811 году «Статута Великого Княжества Литовского» – перепечатку с польского издания 1786 года параллельно на польском и русском языках [9, с. 89; 17].

Однако кроме идеи автономной связи Великого княжества Литовского с Россией, у Александра I был и второй план, предложенный князем А. Чарторыйским. В частности, имелось в виду восстановить все Королевство Польское в границах 1772 года, вовсе не упоминая о Великом княжестве Литовском [1, с. 340].

Начавшаяся война с Наполеоном коренным образом изменила ситуацию в Белоруссии и Литве. Тем не менее работа над новым изданием Статута продолжалась. В результате замеченных в издании 1811 года ошибок, вызванных тем, что перевод был выполнен не с подлинника, а с польского перевода, работы по второму изданию Статута приостановились. Только 17 ноября 1828 года Комитет министров принял решение создать комиссию для перевода и издания Статута 1588 года на русском и западнорусском¹ языках, а также его польского перевода 1614 года. Работа комиссии была закончена в 1834 году. Но восстание 1830–1831 годов к этому времени полностью похоронило идею автономии западного края.

Вместо этого правительством Николая I была разработана программа слияния с империей всех земель, присоединенных к России в результате разделов Речи Посполитой. Эта программа полностью совпадала и с новым курсом самодержавия на унификацию

¹ Западнорусский язык – кабинетное название актового русского языка, которым пользовались в Великом княжестве Литовском. В период своего бытования назывался русским (редко литовским), в современной Белоруссии его принято называть старобелорусским, в современной Украине – староукраинским. Западнорусский язык вобрал в себя местные диалекты, а также польские заимствования. Иностранцы практически не различали языки Московской и Литовской Руси, поскольку это были варианты одного и того же русского языка.

общероссийского законодательства, которое нашло отражение в кодификации законов Российской империи. С 1 января 1831 года Российское законодательство было введено в Могилевской и Витебской губерниях, а 25 июня 1840 года последовала отмена действия Статута Великого княжества Литовского на территориях Минской, Виленской, Гродненской губерний и Белостокской области. В 1840–1842 годах правительством была проведена серия мероприятий по упорядочению местного делопроизводства. Итогом ее стал указ от 18 июля 1840 года [9], который предписывал вместо общего названия «Белорусские и Литовские губернии» употреблять их отдельные наименования: Витебская, Могилевская, Виленская и Гродненская (следует заметить, что Минская губерния официально не относилась ни к Белорусским, ни к Литовским губерниям).

В соответствии с указом от 18 июля названия «Украина» и «Литва» постепенно заменялись на «Юго-Западный» и «Северо-Западный край». Название же «Белоруссия» и «белорусский», так же как «Малороссия», «малоросский» и «Великороссия», «великоросский» никогда не запрещались и не исключались из официального употребления, поскольку имели общий корень «рос», свидетельствовавший о единстве происхождения «трех племен русского народа».

Основное содержание конфессиональной политики на территории Белоруссии составляло восстановление утраченных позиций православия, не раздражая при этом Католическую Церковь. Несмотря на свое господствующее положение, которое заняла Православная Церковь в Белоруссии после разделов Речи Посполитой, она по-прежнему продолжала находиться в тяжелом материальном и моральном положении. Верующими в основном были крепостные крестьяне, мелкая шляхта и мещане. Дворянство, преимущественно католическое, враждебно относилось к православию и мало заботилось об устройстве православных приходов. Кроме того, Православная Церковь на территориях бывшей Речи Посполитой, оказавшись в составе Российской империи, столкнулась с новым для нее каноническим устройством, заключавшемся в синодальном управлении и в отсутствии патриаршества.

Тем не менее положение православных улучшилось потому, что они стали членами господствующей в России церкви. Более того, Указом 1772 года католикам и униатам запрещалось совращать православных тайно и явно. Во вновь образованных Псковской и Могилевской епархиях (с 1797 года Могилевская и Полоцкая) были обнародованы правительственные распоряжения, запрещавшие под страхом строгой ответственности совращать православных в унию и без согласия русского правительства обнародовать папские буллы. Вместе с тем предписывалось, чтобы сыновья от смешанных браков считались православными. Эти распоряжения не только упрочили положение православного населения Белоруссии, но и во многом повлияли на настроения униатов, сыграв не последнюю роль в последующем их воссоединении с православием.

По отношению к католицизму Российское правительство проводило политику, суть которой сводилась к созданию местной (наподобие галликанской), независимой от Рима церкви. В 1773 году была учреждена Белорусская католическая епархия во главе с архиепископом Станиславом Богуш-Сестренцевичем, представителем местного дворянства. За католиками сохранялись все права на свободное исполнение догматов и обрядов. Имущество католических костелов и монастырей оставалось в их полной собственности и неприкосновенности. Запрещенный римским папой еще в 1773 году орден иезуитов не только нашел себе прибежище на белорусских землях Российской империи и укрепил свое материальное положение, но и значительно расширил сферу деятельности в области образования. Обеспечивая католикам свободу вероисповедания, Екатерина II не признавала папу верховным главой римо-католичества и отрицала его право на вмешательство в дела внутреннего устройства католического духовенства. Поэтому Католическая Церковь в ад-

министративном отношении должна была зависеть не от папы, а только от Российского императора.

Российское правительство в отношении униатской Церкви придерживалось политики, направленной на всемерную поддержку сторонников ее сближения с православием и очищения от латинизмов. Это неизбежно задерживало начавшийся процесс воссоединения униатов с православием. Только в 1794 году после восстания Т. Костюшко императрицей был издан указ, чтобы «никто из шляхты, духовных или правительственных особ не противодействовал переходу из унии в православие». В 1795 году после третьего раздела Речи Посполитой все униатские епископии были закрыты, в том числе и униатская митрополия. Единственным униатским архиереем оставался полоцкий архиепископ Ираклий Лисовский, пользовавшийся полным доверием императрицы.

Процесс воссоединения двух церквей был приостановлен при Павле I. Его увлечение идеей защиты христианской церкви от посягательств антихриста (им в представлении Павла I был Наполеон) привело к новому укреплению позиций католицизма. В 1798 году были учреждены две новые униатские епархии: Брестская (для губерний Минской и Литовской) и Луцкая (для Волынской и Подольской). Однако, не считая Греко-католическую (униатскую) Церковь канонически самостоятельной, Павел I подчинил ее католической коллегии [11]. Последствием этой политики стала активная пропаганда католичества и обращение в латинство как униатов, так и православных.

В результате многочисленных протестов и деятельности Ираклия Лисовского в 1799 году был издан указ, которым римско-католическому духовенству запрещалось «сворачивать униатов и православных в латинство». В том же году был издан и другой указ, которым повелевалось, чтобы католические епархии управлялись самостоятельно, без сношения с папой. Те же тенденции в конфессиональной политике сохранились и в правление Александра I [23, s. 63].

Полоцкая иезуитская коллегия указом 12 января 1812 года была возведена в ранг академии с правами университета. Только после войны 1812 года, в ходе которой в белорусских губерниях, занятых Наполеоном, обнаружилось сотрудничество католического духовенства с наполеоновской администрацией, иезуиты были выдворены из России, а их имущество конфисковано. Тогда же была упразднена и Полоцкая академия.

Активизация католицизма в первой четверти XIX века сказалась и на положении Униатской Церкви. Это выразилось в участившейся практике перевода униатов в католицизм. Известны случаи, когда ксендзы, разъезжая по униатским приходам, объявляли о якобы имеющемся предписании российского правительства немедленно присоединить униатов к католикам. Участились случаи насильственного захвата католиками униатских храмов. Значительный урон авторитету униатской Церкви нанесли базилиане¹, активные сторонники дальнейшей латинизации униатской Церкви. Польские история, язык и литература были основными предметами базилианских школ. В результате постоянных жалоб иерархов униатской Церкви в Санкт-Петербург в 1803 году было запрещено обращать униатов в католичество, а в 1805 году католическая коллегия была разделена на два департамента – католический и униатский. Однако борьба внутри самой униатской Церкви между базилианами и белым духовенством не прекратилась. В 1822 году министр духовных дел и народного просвещения князь А. Голицын предложил униатскому департаменту закрыть базилианские монастыри, находившиеся в населенных пунктах с православным населением. В результате в Белорусской базилианской провинции осталось 18 монастырей, в Литовской – 12.

Смена политического курса в царствование императора Николая I привела к кардинальным переменам в религиозной ситуации на белорусских землях. В отличие от своего

¹ Базилиане, или василиане – греко-католический монашеский орден.

старшего брата, Николай I искал опору своей политике именно в Православной Церкви. В целях повышения престижа Православной Церкви, нравственного и образовательного уровня духовенства в конце 1820 – начале 1830-х годов им проводится широкая церковная реформа, коренным образом изменившая положение Православной Церкви в Российской империи. Укрепляется положение православия и в белорусских землях. Еще в 1826 году распоряжением императора католикам запрещалось строить часовни в местностях с православным населением. В 1827–1830 годах последовала серия мероприятий, направленных на реформирование униатской Церкви по пути ее сближения с православием. Во главе этого движения стоял Иосиф Семашко, тогда ассессор второго департамента римокатолической коллегии от Луцкой епархии. Именно по его инициативе была учреждена отдельная греко-униатская коллегия, вместо четырех униатских епархий созданы две – Белорусская и Литовская. В базилианские монастыри предписывалось принимать только униатов, хорошо знающих славянский язык и обряды греко-восточного богослужения; в практике произнесения проповедей – использовать «местное наречие», то есть белорусские говоры. Предусматривалась также ликвидация какой-либо зависимости униатского духовенства от помещиков-католиков. В основу униатского обучения была положена православная система образования. В Виленскую католическую семинарию запрещалось принимать униатов. Для них была создана отдельная семинария в Жировичах (1828 год).

Жировичская семинария сразу же вызвала к себе неприязнь со стороны привилегированных слоев местного населения, известных своими католическо-польскими настроениями. Воспоминания первого ректора семинарии архиепископа Антония (Зубко) очень живо передают «поповско-народный патриотизм» первых преподавателей и воспитанников семинарии, стремившихся «просветить опошленное польским иезуитизмом белое греко-униатское духовенство». Сподвижник Иосифа Семашко вспоминает, что желание содействовать пробуждению народного самосознания было чрезвычайно велико и до 1831 года, то есть «до мятежа польского, у нас не было серьезной речи о воссоединении с православием...».

Кардинальные изменения произошли и в положении ордена базилиан. Униатской коллегии было поручено произвести ревизию всех базилианских монастырей и ненужные закрыть. В результате более 60 базилианских монастырей было упразднено, а их фондуши¹ с Высочайшего согласия поступили на содержание униатских училищ и белого духовенства. По настоянию Иосифа Семашко после смерти прокуратора ордена базилиан, проживавшего в Риме, его должность упразднялась, что, безусловно, ослабляло связь базилиан с папой.

Для ознакомления униатского духовенства с вероучением Православной Церкви Иосиф Семашко опубликовал на польском языке и распространил сочинения митрополита Московского Филарета «Разговоры между испытующим и уверенным о Православии Греко-Российской Восточной Церкви». В результате нововведений униатская иерархия отделилась от католической и была создана униатская образовательная база, что привело к росту проправославных настроений среди униатского духовенства. В 1829 году Иосиф Семашко был назначен викарным епископом и председателем консистории Белорусской греко-униатской епархии с правом присутствия в петербургской коллегии.

Польское восстание 1830–1831 годов и участие в нем части униатского духовенства предопределили дальнейшую судьбу униатской Церкви. Для усиления позиций православия на белорусских землях в 1833 году была открыта Полоцкая епархия во главе с епископом Смарагдом (Крыжановским). Деятельность иерархов униатской Церкви, сторонников воссо-

¹ Фондуш – дарственная, документ, согласно которому передавались средства для церкви. Сами средства также назывались фондушем. Термин пришел из польского права и функционировал в местностях, которые ранее находились в составе Польши.

единения с православием, приняла более целенаправленный и активный характер. Однако торопливость в процессе воссоединения, зачастую сопровождавшаяся неумелыми действиями прибывшего из России духовенства, не понимающего местные традиции и особенности, а также грубые промахи губернской администрации вызывали не только возмущение униатского духовенства, но и способствовали крестьянским волнениям [19, с. 87]. Опасения усиления выступлений крестьян привели к изменению тактики в деле воссоединения Церквей. В частности, «Высочайшее повеление» от 13 января 1834 года предписывало православным епископам действовать «осторожно и неторопливо», а униатским – также «осторожно и постепенно» очищать униатскую Церковь от латинства. В мае 1835 года был учрежден Секретный комитет по делам униатской Церкви, в ведении которого находилась вся деятельность по воссоединению двух церквей. В январе 1837 года заведование униатской Церковью перешло к Святейшему Синоду. После кончины униатского митрополита Иосафата Булгака (1838), противника воссоединения, председателем греко-униатской коллегии был назначен епископ Литовский Иосиф Семашко, а униатскую Белорусскую епархию возглавил епископ Василий Лужинский, активный сторонник воссоединения.

Наиболее спокойно дело церковного воссоединения шло в Литовской епархии. Из 1057 служителей униатской Церкви за объединение высказалось 760 [19, с. 231]. В Полоцкой епархии воссоединение встречало сопротивление не только духовенства, но и части мирян. Здесь из 680 церковных деятелей согласие дали только 186 [19, с. 218]. Для ускорения воссоединения в конце 1838 года в Белоруссию из Петербурга прибыл представитель обер-прокурора Святейшего Синода надворный советник В. Скрипицын. Вместе с Иосифом Семашко они сумели добиться согласия большинства униатского духовенства на воссоединение с православием.

12 февраля 1839 года в Полоцке на церковном соборе епископами и начальствующим духовенством был подписан «Соборный акт» о соединении церквей и составлено прошение на Высочайшее имя. 26 февраля Иосиф Семашко передал прошение и «Соборный акт» обер-прокурору Святейшего Синода графу Н. Протасову, который 1 марта представил их на утверждение императора. К прошению был приложен список 1305 священников, которые высказались за воссоединение. 25 марта «синодальное деяние» утвердил Николай I. Униатам были оставлены те обряды и обычаи, которые не противоречили сущности православия. Всего в 1839 году воссоединилось свыше 1605 приходов и более 1 миллиона 600 тысяч человек. Уже после Полоцкого собора часть бывших униатов перешла без разрешения церковных властей в католицизм. С 1842 года Синод предписал возвращать таких верующих в православие, что в свою очередь вызвало протест со стороны католических иерархов.

Для усиления позиций православия Синод в 1839 году предписал духовенству западных губерний читать проповеди по праздникам и воскресеньям на понятном для прихожан языке; руководству же епархий предлагалось больше заботиться о развитии народного образования. Это дало свои результаты. Так, в 1850 году в Литовской губернии было открыто 37 церковно-приходских школ с 1211 учениками и 56 учителями. Возвращение церковнославянского языка в практику богослужения и начало применения народных белорусских говоров в проповедях воссоединенного православного духовенства белорусских губерний явилось важным фактором на пути развития этнокультурного самосознания местного населения, способствовало процессу зарождения православной белорусской интеллигенции с ее обостренным чувством прошлого и глубоким интересом к тому историческому пути, который прошли восточные славяне на протяжении своего более чем тысячелетнего существования, восстановлению традиций православной культуры (*Slavia orthodoxa*). При этом наряду с использованием местных белорусских диалектов в церковной практике обучение в церковно-приходских школах литературному русскому языку с его научной лексикой и художественной литературой создавало возможность продвижения по социальной лестнице для бывших

крестьянских детей и детей православного духовенства, а также способствовало духовному обогащению местного населения лучшими образцами русской и мировой культуры. Есть все основания полагать, что именно деятельность Православной Церкви на белорусских землях стоит у истоков рождения современной белорусской нации.

Исходя из представления о воссоединенных территориях как исконно русских, российское правительство одной из своих важнейших задач считало реорганизацию просвещения на началах, полностью отвечающих его интересам. Наиболее отчетливо задачи правительства были сформулированы в записке Белорусского генерал-губернатора князя Н.Н. Хованского, которая была представлена Александру I в 1824 году. «В Белоруссии, – писал Хованский, – со времени присоединения ее к Российской империи, воспитание юношества находится в руках католического и униатского духовенства» [18, с. 245–246]. И далее он продолжал, что «...в школах монашеских орденов юношество обучается по методам старинных авторов, науки преподаются на польском или латинском языках, словесность заключается в обучении польскому языку, латинскому и некоторым иностранным, а российский остается в полном небрежении». Молодые люди, окончившие гимназии, были не способны к гражданской службе, так как не умели правильно переписать бумаги на русском языке. Однако, не желая обострения с местным дворянством, правительство не решалось посягнуть на господствующую в Белоруссии традиционную школу. Поэтому система образования на белорусских землях в первой четверти XIX века была построена на принципах, заложенных еще Эдукационной комиссией¹.

По реформе образования 1802 года вся территория Белоруссии вошла в состав Виленского учебного округа (1803–1824), во главе которого стоял князь А. Чарторыйский. Пользуясь безграничным доверием Александра I и министров народного просвещения П.В. Завадовского и А.Г. Разумовского, Чарторыйский мог смело проводить идеи восстановления самостоятельности Польши, которые, по его собственному признанию, «были альфой и омегой» всей его жизни [1, с. 340].

По реформе 1802 года в основу системы образования Белоруссии, как и остальной России, были положены принципы бессословности, бесплатности обучения на низших его ступенях, преемственности учебных программ, с тем чтобы окончивший низшую ступень мог беспрепятственно поступить на высшую. В соответствии с реформой создавалось несколько типов учебных заведений. Начальная школа была представлена одноклассными приходскими училищами с двухлетним сроком обучения, предназначенными для «низших сословий», преимущественно крестьянских детей. Среднее образование давали уездные училища и гимназии. В первые десятилетия XIX века в Белоруссии действовала сеть училищ при католических и базилианских монастырях. Они давали среднее образование и приравнивались к уездным училищам или гимназиям. Однако их число на протяжении первой трети XIX века постепенно сокращалось, а в 1832 году в связи с закрытием католических монастырей они были преобразованы в светские.

Высшей ступенью образования был Виленский университет с четырьмя факультетами. В функции университета входила также организация учебного процесса в учебном округе в целом. Университет должен был разрабатывать учебные программы, выпускать учебники, назначать учителей в гимназии и училища. Университет издавал научно-литературный журнал «Dziennik Wilenski» и был своеобразным центром культурной жизни края, вокруг которого сплачивалась местная интеллигенция. Преподавание в учебных заведениях Виленского округа велось исключительно на польском языке, русский язык преподавался как одна из учебных дисциплин.

¹ Эдукационная комиссия – некий аналог Министерства просвещения в Речи Посполитой в 1773–1794 годах.

Раскрытие в 1823 году тайных организаций в учебных заведениях Виленского учебного округа позволило правительству начать процесс деполонизации системы образования. Для этого были полностью пересмотрены учебные программы и учебники. По плану нового попечителя округа Н.Н. Новосильцева началась ликвидация поветовых училищ с «гимназиальным» (гимназическим) курсом наук. Из десяти таких училищ только два – в Гродно и Жировичах – получили статус гимназии. Восемь же остальных были превращены в обычные поветовые (уездные) училища, выпускники которых не имели права продолжить образование в университете.

По-другому разворачивались события в Витебской и Могилевской губерниях, учебные заведения которых в 1824 году были переданы в подчинение Петербургского учебного округа. Несмотря на это, сколько-нибудь полного объединения местной системы образования с российской не произошло.

Важным элементом системы образования на белорусских землях была деятельность иезуитских учебных заведений и особенно Полоцкой академии. Академия открылась в 1812 году, имела факультеты языков, вольных наук (философия, естествознание, гражданские), теологии. Вплоть до своего закрытия в 1820 году академия была фактическим центром высшего католического образования всей России. Среднее католическое образование первой половины XIX века было представлено Главной духовной семинарией при Виленском университете и Полоцкой униатской семинарией.

Православное духовное образование на белорусских территориях находилось в стадии формирования. Его центром по-прежнему оставалась Могилевская семинария, много сделавшая для создания сети начальных духовных школ. Согласно статуту 1808 года, начинается организация поветовых училищ, которые должны были начать подготовку будущих воспитанников местных семинарий.

Изменения в системе просвещения в литовско-белорусских губерниях начались после раскрытия в учебных заведениях Виленского учебного округа тайных обществ. Восшествие на престол императора Николая I, известного своими антипольскими настроениями, сделали этот процесс необратимым [14]. В основу народного просвещения при новом императоре был положен принцип строгой сословности, что нашло свое воплощение в изданном в 1828 году Уставе учебных заведений [8]. Согласно новому уставу, начальное и среднее образование подразделялось на три категории: для детей низших сословий (крестьян) предназначались одноклассные приходские училища с элементарной программой обучения; для «средних» сословий – трехклассные училища с более широкой программой начального обучения; для детей дворян и чиновников учреждались семиклассные гимназии, окончание которых давало право для поступления в университеты. Устав ликвидировал преемственную связь между ступенями, поскольку уровень образования должен был соответствовать социальному положению учащегося, дабы «никто не стремился возвыситься над тем состоянием, в коем ему суждено оставаться». По новому положению об учебных округах 1835 года последние изымались из подчинения университетам; при этом существенно расширились права попечителей учебных округов.

В полном соответствии с положением Устава 1828 года был образован Белорусский учебный округ (1829) с четко очерченными административно-этническими границами белорусской территории. Дополнительные пункты устава объясняли цель создания округа – «необходимость обучения юношества в соответствии с особенностями Белоруссии» и предписывали «обучать местному языку» [7, 8, 12]. В ведение нового учебного округа были включены Витебская, Могилевская, а несколько позднее, в 1831 году, и Минская губернии.

События 1830–1831 годов заставили правительство активизировать свою политику в Белоруссии. В декабре 1830 года тогдашний могилевский губернатор М.Н. Муравьев обра-

тился к Николаю I с запиской, в которой обосновывал необходимость немедленной и полной ликвидации польского и католического влияния на работу школ в Белоруссии [13, 15]. В апреле 1831 года последовало «высочайшее повеление», в котором указывалось, что «способ нынешнего воспитания юношества в Белоруссии и других губерниях, возвращенных от Польши, требует неотлагательного преобразования и совершенствования». В связи с этим Министерству просвещения и попечителю округа рекомендовалось «приложить все возможные старания к скорейшему исправлению училищ при римско-католических монастырях и о преподавании на русском языке в светских училищах, имея постоянно целью – направление публичного воспитания к сближению тамошних жителей с природными русскими». В мае 1832 года в связи с закрытием Виленского университета был ликвидирован и Виленский учебный округ. Учебные заведения Виленской, Гродненской губерний и Белостокская область были включены в состав Белорусского учебного округа. Центр учебного округа находился в г. Витебске, его попечителями были известный математик Г.И. Карташевский (1829–1835) и бывший директор училищ Закавказской области и Тифлисского благородного пансиона Е.А. Грубер (1836–1850).

Вместо закрытого Виленского университета предполагалось открыть высшее училище для детей дворян в Орше с дальнейшим его преобразованием в высшее учебное заведение [5]. Однако в ходе восстания начатые работы были остановлены, а ассигнованные для этого деньги переведены в Киев на строительство Университета святого Владимира.

Система образования в первой половине XIX века не ограничивалась только мужским и духовным образованием. Вместе с ними в Белоруссии действовали женские монастырские частные пансионы.

Преподавание во всех типах учебных заведений Белорусского учебного округа было переведено на русский язык, а польский язык исключен из программ образования. Лишь в западных губерниях округа он изучался как отдельный предмет по сокращенной программе. Выпускникам Виленского университета запрещалось преподавать в местных школах. Подготовку преподавателей для Беларуси начинает вести учительская семинария, созданная в 1834 году в Витебске.

Важным событием в области просвещения было открытие в 1840 году в Горы-Горках земледельческой школы, которая в 1848 году была преобразована в земледельческий институт. Тем самым было положено начало формирования в Белоруссии системы профессионального образования.

Отличительной чертой системы образования стало расширение сети военно-учебных заведений. Если в эпоху Александра I на белорусских землях они были представлены юнкерскими училищами в Бобруйске, Динабурге и Могилеве, то при Николае I были открыты кадетские корпуса в Полоцке (1835) и Бресте (1842). Созданные в связи с укреплением российской военной школы в целом кадетские корпуса Белоруссии рассматривались правительством и как средство перевоспитания оппозиционно настроенного дворянства в духе преданности самодержавию и потому комплектовались наполовину за счет дворянства белорусских губерний.

Всего к началу 1860-х годов в Белоруссии насчитывалось 567 учебных заведений всех типов, в том числе одно высшее, 12 средних, 21 духовное училище, свыше 400 начальных школ.

Проводившаяся в первой половине XIX века на территории Белоруссии правительственная политика была направлена на всемерное укрепление имперских позиций России в этом регионе. Ослабление польского влияния, усиление позиций православия, привлечение на свою сторону населения лежали в ее основе.

Литература

1. Из прошлого русской дипломатии: Ист. исслед. и полемич. ст. / [Соч.] С.С. Татищева. СПб.: А.С. Суворин, 1890.
2. *Кропотов Д.А.* Жизнь графа М.Н. Муравьева, в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно. СПб.: Типогр. В. Безобразова и К^о, 1874. 550 с.
3. *Леонтович В.В.* История либерализма в России (1762–1914). М.: Русский путь, 1995. 444 с.
4. *Луговцова С.Л.* Политика российского самодержавия по отношению к дворянству Беларуси. Минск: Беларусь, 1997. 20 с.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 3157. Оп. 1. Д. 161. Л. 339–340.
6. НАРБ. Ф. 3157. Оп. 1. Д. 161, л. 1–5, 123–130.
7. НАРБ. Ф. 3157. Оп. 1. Д. 12. Л. 142.
8. НАРБ. Ф. 3157. Оп. 1. Д. 13. Л. 47, 48. Режим доступа: <http://elib.shpl.ru/nodes/8550>
9. *Корево Н.Н.* Об изданиях законов Российской империи. 1830–1899... / сост. Н. Корево, помощник статс-секретаря Гос. совета. СПб.: Государственная типография, 1900. 165 с.
10. *Люты А.М., Туміловіч Г.М.* Дваранства Беларусі ў перыяд разлажэння і крызісу феадалізму (канец XVIII — першая палова XIX ст.): вучэбна-метадычны дапаможнік. Мінск: МДПІ, 1991. 20 с.
11. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи: Царствование государя императора Павла I. СПб., 1915. № 281 и 514.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1266. Оп. 1. Д. 8. Л. 31–46.
13. РГИА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 23. Л. 6–6 об.
14. РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 84. Л. 1.
15. РГИА. Ф. 733. Оп. 66. Д. 6. Л. 342.
16. *Сосна У.А.* Фарміраванне саслоўна-групавога складу сялянства Беларусі у канцы XVIII – першай палове XIX ст. Мінск: БДУ, 2000. 112 с.
17. Статут Великого княжества Литовского. С подведением в надлежащих местах ссылки на конституции, приличные содержанию оного: пер. с польск. Ч. 1, 2. СПб.: Печатан при Правительствующем сенате, 1811. Текст парал. на польск. и рус. яз. Ч 1: С 1-го разд. по 7. 549 с.; Ч. 2: От 7-го разд. до конца. 483 с.
18. Сборник статей, разъясняющих Польское дело по отношению к западной России. Вып. 1 / сост. и изд. С. Шолкович. Вильна: Типогр. А.Г. Сыркина, 1885.
19. *Шавельский Г., прот* Последнее воссоединение с православной церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839). СПб.: Типогр. «Сельский вестник», 1910. 380, 84 с., 7 л. ил., портр.; 25.

Аннотация. В статье рассматривается влияние «польского вопроса», возникшего в результате разделов Речи Посполитой, на правительственную политику, проводившуюся на белорусских землях в первой половине XIX века. Оставаясь неизменной в своей сущности, формы и методы этой политики менялись в зависимости от политической ситуации в белорусско-литовском регионе. Наиболее ярко «польский вопрос» проявился в сословной, законодательной, национально-религиозной политике и в области просвещения.

Ключевые слова: Белоруссия, «польский вопрос», разделы Речи Посполитой, внутренняя политика Российской империи.

Igor V. Orzhekhovskiy (1933–2002), PhD in History, Professor.

Valentina A. Teplova, PhD in History, Associate Professor, Department of History, Belarusian State University.

E-mail: teplova_val@mail.ru

“The Polish Question” and Government Policy in the Territory of Byelorussia in the First Half of the 19th century

Abstract. The article examines the influence of the «Polish question» arising as the result of the division of the Polish-Lithuanian Commonwealth on the government policy pursued on Byelorussian lands in the first half of the 19th century. Remaining unchanged in its essence, the forms and methods of this policy changed depending on the political situation in the Byelorussian-Lithuanian region. The «Polish question» manifested itself most vividly in the class, legislative, national-religious policy and in education.

Keywords: Byelorussia, «Polish Question», Division of The Polish-Lithuanian Commonwealth, Domestic Policy of the Russian Empire.

Воспитание сельских учителей в Виленском учебном округе в 1860–1870-х годах*

Важным итогом образовательной реформы, стоявшей в ряду других Великих реформ 1860-х годов, было формирование кадров сельских учителей. Еще в 1920-х годах белорусский историк А. Цвикевич, посвятивший специальное исследование западнорусизму как отдельному идеологическому течению во главе с М.О. Кояловичем, обращал внимание на то, что создававшиеся начиная с 1860-х годов в Северо-Западном крае учительские институты и семинарии были «кузницами» этого идейного направления. Народная школа и учительские семинарии – вот что было надеждой представителей западнорусизма и куда были направлены его главные силы. Здесь благодаря усилиям учителей-великорусов должно было сформироваться новое поколение белорусской молодежи. Цвикевич довольно резко противопоставлял русификаторские практики тех приехавших из России чиновников и педагогов и собственно дискурс западнорусизма по крайней мере в том виде, как он был сформулирован Кояловичем. По его мнению, эти «казенные» русификаторы – «господа Гильдебрандты, Кулины, Забелины и им подобные» – стремились насадить среди местной молодежи «обще-русскую» культуру и «перетащить» белорусских юношей в «лагерь защитников “великой России”». По Цвикевичу, воспитанники учительских семинарий в своей общей массе выходили из этих заведений «патентованными русификаторами», которые со временем занимали социальную нишу местного среднего чиновничества. Также он выделял отдельную прослойку народной сельской интеллигенции. Ее представители по окончании семинарии «не чурались “мужицких” интересов». Подчеркивая протестные настроения среди местной молодежи, ее движение в сторону революционно-народнических или сепаратистско-националистических идей, Цвикевич в значительной мере экстраполировал политическую атмосферу 1880–1890-х годов также и на более ранний период – на 1860–1870-е годы [27, с. 272–277].

Такая интерпретация тех тонких идейных и институциональных связей, которые существовали между народной школой и западнорусизмом, является довольно упрощенной и односторонней. Прежде всего то, что выпускники учительских семинарий «не чурались “мужицких” интересов», отнюдь нельзя считать неожиданным и «побочным» эффектом воспитания в этих заведениях, но, напротив, едва ли не главной их задачей. Сформировавшиеся в 1860–1870-х годах сельские учителя – те, кого Цвикевич называл «патентованными русификаторами», – призваны были выступать в роли своеобразных посредников между крестьянами и чиновниками, городом и деревней, «высокой» культурой и культурой

* Исследование выполнено в рамках гранта № 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Российского научного фонда.

Комзолова Анна Альфредисовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, старший научный сотрудник Института истории С.-Петербургского государственного университета. E-mail: amok.1863@mail.ru

«низов», российской интеллигенцией и белорусским народом. Заимствуя терминологию из антропологии, их можно описать как «культурных брокеров» – посредников, одновременно принадлежавших к двум «мирам».

Американский историк Б. Эклоф, автор фундаментального исследования о земской школе, основываясь на трудах антрополога Э. Вольфа [30, р. 124–138, 147–159, 193–214], обращал внимание на особую роль сельских учителей как «культурных брокеров», которые призваны были «присматривать» за «соединениями» и «синапсами» отношений, связывающих локальную систему с остальным миром. Русскую деревню он сравнивал с «закрытыми корпоративными» обществами, описанными Вольфом. В них социальная интеграция достигалась за счет «препятствования прямому контакту» между личностью и внешним миром, за счет «вклинивания между ними организованной общественной структуры». В отличие от более традиционных «брокеров», таких как деревенские старосты и волостные старшины, для крестьян главная функция сельских учителей заключалась не в посредничестве с представителями государства, а в осуществлении «связи для передачи техник и навыков (а также политических и культурных ценностей)» [28, р. 15–16, 496–497].

В целом Эклоф весьма скептически оценивал возможности земских учителей влиять на крестьянскую культуру. По его мнению, целый ряд социальных и культурных причин не позволял учителям становиться для крестьян «каналами внешних ценностей» или служить связующим звеном между сельской общиной и внешним миром. В итоге учителя, вынужденные выбирать между этими «мирами», могли стать «частью полу-интеллигенции, частью полу-чиновничества», а для крестьян были чужаками. В лучшем случае они находились «на задворках» крестьянского сообщества [28, р. 221–222].

Эти выводы преимущественно основаны на материалах Центральной России. Говоря о Северо-Западном крае и его специфике, можно выделить по меньшей мере четыре фактора, влиявших на формирование там учительских ресурсов и на то, как воспринимались местные учителя российскими чиновниками и педагогами. Во-первых, в 1860-х годах в западных губерниях не были введены земства, и начальная сельская школа в большей степени, чем в Центральной России, зависела от распоряжений руководства учебных округов. Во-вторых, население этого региона, по преимуществу сельское, отличалось языковым, культурным и конфессиональным многообразием. В-третьих, помимо русской школы, в крае существовали и другие альтернативные «образовательные проекты», прежде всего польский. В-четвертых, образовательная реформа в крае являлась частью общей программы обрусения западных окраин. Вопрос о том, какова была посредническая роль народных учителей в условиях культурного многообразия Северо-Западного края и какой эта роль виделась чиновникам и педагогам Виленского учебного округа, проводившим на местном уровне образовательные реформы, требует дальнейших исследований.

Изменения, происходившие в сфере просвещения Западно-Русского края после польского восстания 1863 года, были по своему характеру так глубоки и основательны, что М.О. Коялович в конце 1860-х годов видел воочию «отрадные явления, доказывающие торжество над системой Чарторыйского русской педагогики, русской науки, русского народного начала» [6, с. 896]. Сам Коялович, в то время профессор Петербургской духовной академии, в начале 1860-х годов непосредственно участвовал в подготовке образовательной реформы. В частности, официальный Петербург неоднократно привлекал его в качестве эксперта по белорусским губерниям. Так, в мае 1862 года управляющий Министерством народного просвещения А.В. Головин по предложению попечителя Виленского учебного округа А.П. Ширинского-Шихматова пригласил Кояловича на особое министерское совещание. На нем обсуждался вопрос о том, «как и кем всего лучше заменить вакансии учителей в будущих народных училищах». Дискуссия привела к заключению о том, что в Северо-Западном крае, «где народ белорусский имеет свои предания и свой язык», следо-

вало избегать назначать учителей открывавшихся народных школ из уроженцев великорусских губерний, поскольку они «могут быть приняты народом с некоторым недоверием, они должны будут потерять много времени на усвоение себе особенностей местных наречий, а присутствие людей, вызванных нарочно издалека возбудит излишние толки» [15, л. 119–119 об., 151]. Коялович предложил Головнину свой список православных священников из белорусов, которых он рекомендовал в качестве учителей. На основе этих предложений Головнин поручил Ширинскому-Шихматову назначить указанных в списке Кояловича священников-белорусов наставниками в народные училища [15, л. 151 об., 153–154 об.].

В феврале 1863 года Совет Императорского человеколюбивого общества принял решение о выделении средств на закупку из книгохранилищ Святейшего Синода 100 тысяч экземпляров русских букварей и брошюр для народного чтения, которые затем должны были быть бесплатно распространены в православных приходах Западного края. Ранее, в ноябре 1862 года, по поручению обер-прокурора А.П. Ахматова Коялович составил реестр духовной литературы для народа, который Святейший Синод затем рекомендовал Человеколюбивому обществу для закупки [22, л. 3–3 об., 5–6 об.]. Поддерживая идею «православного и народного оживления» благодаря просвещению, Коялович отмечал, что белорусский народ, общаясь к православной литературе, смог бы «развивать в себе любовь к местной великорусской и обще-православной святыне». В целом характеризуя обер-прокурору белорусов, Коялович считал это «племя» «самым бедным». По его мнению, оно «более других западно-русских племен страдает от латино-польской пропаганды» и не в состоянии «противопоставить ей само никакой сознательной силы, а потому требует скорейшей безотлагательной помощи». Уровень грамотности белорусов Коялович оценивал примерно как соотношение один человек из ста. Также он подчеркивал, что распространение литературы в белорусских приходах желательно было бы производить с помощью православных братств, и при этом обязательно бесплатно, в противном случае «будет собственно не распространение книг, а возбуждение ненависти к ним» [23, л. 48–50].

Подготовка крестьянских юношей к работе на поприще сельского учителя должна была не оторвать их от народных «корней», а, напротив, сделать ближе к местным сельским сообществам. Эту мысль, в частности, прямо высказывал известный педагог и организатор образования Н.И. Пирогов. «Никто не может быть лучшим учителем для сельской школы, – писал он в 1860 году, – как сам же поселянин, знакомый с потребностями крестьянского быта и остающийся в той же среде, образовать которую он будет призван. Сельские учителя не должны ни на минуту выходить из крестьянского быта; они должны оставаться теми же крестьянами, носить прежнее платье, соблюдать прежние обычаи, отличаясь от других только опрятностью, благонравием и трезвостью. Зимой и вообще все рабочее время они должны употреблять для обучения детей, – лето наравне с другими крестьянами работать» [15, л. 24–24 об.].

Со схожим с пироговским проектом подготовки сельских учителей в октябре 1860 года выступил могилевский губернатор А.П. Беклемишев. Он предложил учредить в губернии в качестве эксперимента «особую высшую народную школу» с 6-летним обучением. «Прежде всего, – отмечал Беклемишев, – нужно будет стараться приготовить сельских наставников таким образом, чтобы они не делались чужды народу, чтобы из них не выходили люди, стремящиеся покинуть свое сословие, не какие-то получиновники полуученые, резко отделяющиеся даже одеждой от поселян». Главную педагогическую задачу при подготовке будущих сельских учителей могилевский губернатор видел в том, чтобы создать из них «вполне развитых» крестьян, «живущих одною жизнью с народом, сочувствующих ему не по одному лишь убеждению, но и потому что они сами к нему принадлежат». «Польза грамотности, – писал он, – еще не могла быть признана всем крестьянским сословием, и потому нужно, чтобы сельские наставники были полезны общине не одним лишь обуче-

нием детей, но чтобы они могли помочь советом и делом в разных обстоятельствах сельской жизни, так чтобы община видела, что они приносят не одну лишь нравственную, но и материальную пользу» [17, л. 4 об.–5]. Только при таком условии сельские учителя могли стать настоящими «культурными брокерами», получив влияние не только на детей, но и взрослых членов крестьянской общины.

В начале 1860-х годов популярностью среди педагогов пользовалась идея о внедрении передвижных или, как тогда говорили, «амбулаторских» школ, «бродячих» учителей и методики взаимного обучения. Основу «амбулаторской» школы составляло не стационарное помещение, то есть «привязанное» к местоположению, а сам учитель, который по договоренности с крестьянами переходил из одной деревни в другую на определенный срок. Идея «амбулаторской» школы в определенной мере была заимствована из традиционной образовательной практики крестьянских сообществ.

В официальных кругах Санкт-Петербурга в качестве удачного примера ускоренного обучения крестьян рассматривалась методика взаимного обучения, разрабатывавшаяся и, главное, применявшаяся на практике известным педагогом и автором ряда учебников В.А. Золотовым. Вот как он сам в мае 1862 года характеризовал свой педагогический опыт: «Бывши профессором Ришельевского лицея, содержавши 18 лет в Одессе мужской пансион, который по программе своей стоял выше гимназии, занимавши 6 лет должность инспектора классов в Закавказском девичьем институте, я решился сделаться учителем простонародья, которое особенно нуждается в рациональном обучении. С 1857 года я начал сам учить грамоте крестьян и солдат и готовить учителей для тех и других из их же среды; эти занятия доставили мне опытность, которая уже доказана многими фактами» [18, л. 300 об.].

В.А. Золотов разработал и составил таблицы для взаимного обучения чтению и письму с подробными объяснениями своей фонетической методики, которая помогала ученикам быстрее и лучше усваивать необходимый материал. Метод Золотова, в частности, предполагал, что обучение детей чтению следовало начинать не с церковнославянского языка, а с русского языка гражданской печати и при использовании так называемых подвижных букв [21, л. 884–885]. По мысли Золотова, специально подготовленные волостные писари должны были совмещать свои прямые обязанности с работой сельского учителя. Он предлагал, не ожидая учреждения специальных учительских институтов, создавать для подготовки сельских учителей временные училища, в которых в самые сжатые сроки они получали возможность знакомиться с некоторыми практическими педагогическими приемами. Занятия в таких училищах могли бы проводиться в весенние и летние месяцы, когда благодаря закрытию народных школ учителя целого уезда получали возможность собраться в одном месте [18, л. 287 об.–288; 4, с. 38]. Для успешного развития начального образования, по убеждению Золотова, необходимо было предоставить крестьянам «полную свободу в приискании средств к обучению детей своих и выборе для них учителей, а этим последним предоставить совершенную свободу в выборе учебников». Такая форма грамотности носила секулярный характер, поскольку ставилась задача высвободить крестьян «из-под всякого насильственного влияния – духовного и гражданского» [18, л. 300].

Зимой 1863–1864 года В.А. Золотов совершил поездки в Витебскую и Могилевскую губернии для сбора сведений о начальных училищах. Одним из пунктов программы, предложенной Золотовым для преобразования начальной школы в белорусских губерниях, была подготовка на постоянной основе сельских учителей из местных крестьян. По его словам, «даже порядочно подготовившийся к должности учителя, но не знакомый с местным наречием, крестьянской мовой, встретит некоторое затруднение при преподавании», и с крестьянами «на первых порах ему трудно будет даже объясниться». Кроме того, на «чужака», «не знакомого ни с местными нравами, ни с обычаями, будут смотреть с некоторым даже неприязненным недоверием» [4, с. 42]. Во время поездок Золотов проводил

встречи с местными священниками, сельскими учителями и волостными писарями, а также грамотными и неграмотными крестьянами. Для них он читал многочасовые лекции, а также раздавал учебную литературу. Золотова поразило то жадное и неослабное внимание, с которым слушатели впитывали его лекции. Он находил этому объяснение в том «общем стремлении осмыслиться, чтобы и других осмыслить» [4, с. 45].

При всех преимуществах передвижных школ – таких как дешевизна, доступность и быстрота обучения, с бюрократической точки зрения, такие школы не могли иметь сколько-нибудь значительной перспективы в будущем, поскольку они заведомо не поддавались классификации и надзору со стороны надлежащих властей. Вместе с тем идея обучения в форме краткосрочных курсов нашла широкое применение при подготовке сельских учителей, особенно на первых порах, пока система светского педагогического образования не была в полной мере институализирована.

В 1862 году одновременно с организацией народных школ по предложению попечителя Виленского учебного округа князя А.П. Ширинского-Шихматова в Вильне и Минске были организованы временные педагогические курсы для будущих учителей этих школ. В следующем году работа этих курсов была продолжена, и они стали постоянными. На педагогические курсы поступили воспитанники местных православных духовных семинарий, отобранные по рекомендациям митрополита Литовского Иосифа (Семашко) и архиепископа Минского Михаила (Голубовича). Так, в 1863 году в Минске 47 воспитанников местной семинарии изъявили желание стать наставниками в народных школах [16, л. 46 об.].

В целом служащих ведомства народного просвещения беспокоило отсутствие специальных педагогических знаний у местного православного духовенства и выпускников духовных семинарий. Пресловутая «отсталость» преподавания в церковно-приходских школах, вероятно, ассоциировалась со старым, буквослагательным методом обучения чтению. Он предполагал произношение вслух названий букв, которые постепенно преобразовывались в звуковые сочетания.

Вопрос о церковнославянском языке приобретал особую значимость в крае, где основную образовательную аудиторию составляли белорусские крестьяне, использовавшие в своей разговорной речи местное наречие. Педагоги опасались, что, с одной стороны, отличия в церковнославянском произношении могли отрицательно повлиять на чистоту русского произношения учеников, которым в конечном счете предполагалось прививать русский литературный язык хотя бы в его самой базовой форме. С другой стороны, практика усвоения и использования церковнославянского языка во многом основывалась на устной традиции. Как язык «до известной степени живой, то есть произносимый», церковнославянский язык встречается преимущественно в православной церкви во время богослужения, а вне церкви – всегда в более или менее тесной связи с культовой функцией этого языка или религией в целом. Принятые в православном богослужении традиционные способы чтения нараспев на церковнославянском языке передавались устно из поколения в поколение, и их изучение происходило путем практического перенимания. Как отмечалось филологами, благодаря устному, не книжному, заимствованию определенные фонетические элементы церковнославянского языка при помощи этого протяжного чтения, схожего с мелодической декламацией, могли переходить в русский язык. Чтение нараспев хорошо запечатлевалось в памяти слушателей определенные фонетические особенности, свойственные церковнославянскому вокализму¹.

¹ Как отмечал С.К. Булич, к числу основных особенностей церковнославянского языка филологи относили отсутствие при слогеобразовании четкой разницы между ударными и безударными гласными и, соответственно, ясное произношение в церковнославянском неударных гласных, что заметно отличалось от литературного русского (московского) произношения и называлось в просторечии говором на «о» [1, с. 131–135].

Обучение церковнославянскому языку, опиравшееся на устную традицию, предполагало большую долю повторений и заучиваний, что, с точки зрения педагогической мысли того времени, могло стать препятствием для развития самостоятельного мышления ребенка. Педагоги, курировавшие народные школы в Виленском учебном округе, стремились к тому, чтобы по крайней мере церковнославянский и русский языки преподавались в них одновременно и параллельно, то есть первенство не отдавалось церковнославянскому. Попечитель округа князь А.П. Ширинский-Шихматов в своей программе по устройству народных школ, высказывался за то, чтобы не вводить обучение церковнославянскому языку в первый же год поступления детей в училища [15, л. 125]. Характерно, что «старую систему обучения» в начальной школе, от которой следовало отказаться, он связывал с «бессмысленным заучиванием детьми непонятных для них слов и речений» [8, л. 1]. Директор народных училищ Минской губернии А.А. Кандидов в 1864 году критиковал «старую дьячковскую методику» обучения грамоте, еще применявшуюся в том числе и в некоторых подотчетных ему народных школах. На основе собственных наблюдений он отмечал, что крестьянские дети, обучавшиеся благодаря этому старому методу, «при чтении неприятно отрывают каждое слово, не соблюдают знаков препинания и совершенно не понимают прочитанного». «Замечательно, – добавлял минский директор, – что некоторые из тех же детей очень хорошо читают по-славянски, потому что обучение их начато со славянской грамоты» [24, л. 5 об.–6].

Обучение на педагогических курсах в Вильне и Минске строилось таким образом, чтобы приблизить, насколько это было возможно, образовательные навыки и практики, привычные для духовенства, к тем, которые предписывались современной тому времени педагогикой. На этих занятиях, продолжавшихся несколько недель, воспитанникам духовных семинарий прежде всего объясняли несостоятельность «прежних механических способов обучения грамоте и счислению». Затем им демонстрировали «новейшие лучшие приемы обучения отдельного и совместного чтению и письму» по различным фонетическим методам, в том числе «выработанным на практике самими преподавателями», а также способы «объяснительного чтения» и современного преподавания арифметики [9, л. 10–10 об.].

После такой ускоренной педагогической подготовки молодых кандидатов знакомили с главной целью учреждения народных училищ в Северо-Западном крае и с их обязанностями как наставников. По словам Ширинского-Шихматова, им разъясняли, что начальство учебного округа «смотрит на них не как на обыкновенных учителей русской грамотности, но как на самых деятельных проводников русских идей и русского образования в народе», и что «для успешного выполнения возлагаемых на них надежд они должны действовать согласно с местными православными священниками» [9, л. 10–10 об.].

Таким образом, благодаря педагогическим курсам достигался некоторый компромисс между различными подходами к вопросу секуляризации начальной школы: дело народного образования оставалось в руках православного духовенства, но одновременно его представители имели возможность получить необходимый минимум знаний о современных педагогических методиках. Результатом применения так называемого рационального (фонетического) метода обучения русской грамоте было то, что крестьянские дети белорусских губерний могли овладеть чтением («не бегло, с некоторыми остановками») в течение трех месяцев [10, л. 2 об.]. В отчете по Виленскому учебному округу за 1864 год попечитель отмечал, что прежний способ обучения чтению и письму по складам «все более и более исчезает» [16, л. 205]. Однако наставники, использовавшие в народных школах «рациональные методы» преподавания, в 1860-х годах составляли меньшинство и, вероятно, являлись по преимуществу молодыми семинаристами, которые прошли краткий курс сельского учителя и в целом были более восприимчивы к новым знаниям [24, л. 2 об, 25 об.; 10, л. 2 об.].

8 ноября 1864 года состоялось официальное открытие Молодеченской учительской семинарии, ученики которой были выбраны из числа лучших учеников народных школ. Согласно уставу, в семинарии состояло три учителя – законоучитель, преподаватели русского языка и естественной истории. Наставник русского языка также преподавал историю, географию, церковнославянский язык и «методику». Учебный курс составлял два года, и первый выпуск состоялся в 1866 году.

По образцу Молодеченской были открыты и другие семинарии. На рубеже 1860–1870-х годов Молодеченская семинария ежегодно выпускала в среднем не более 20–25 воспитанников [20, л. 13 об.], и существовала огромная потребность в профессионально подготовленных кадрах. А к середине 1870-х годов в округе было открыто еще четыре учительские семинарии. В сентябре 1872 года учреждена семинария в Полоцке, которая должна была готовить наставников для Витебской и Могилевской губерний [20, л. 1–2]. В ноябре 1872 года в Поневеже была открыта учительская семинария для подготовки сельских учителей для Ковенской губернии. В 1874 году была открыта учительская семинария в Несвиже Минской губернии, а в 1875 году – в местечке Свислочь Гродненской губернии [20, л. 87–87 об.].

Первым директором Молодеченской семинарии был назначен А.И. Забелин. Сменивший князя А.П. Ширинского-Шихматова попечитель И.П. Корнилов [5] так характеризовал его министру народного просвещения графу Д.А. Толстому в 1866 году: «Забелин принадлежит к числу весьма способных, надежных и энергических русских людей. Он заявил свои педагогические способности прекрасным устройством семинарии. Это заведение одушевлено вполне русским, православным направлением, без всякого излишнего развития знаний опасных и неуместных для простых сельских наставников» [11, л. 1].

Главную задачу семинарии А.И. Забелин формулировал в терминах «нравственного перерождения». По его словам, народный учитель должен был выйти из семинарии «новым человеком, миссионером, проповедником новых, лучших понятий, новой, лучшей жизни». Хотя, признавал он, «раскрыть эту толстую нравственную скорлупу, в которую прячется душа белоруса и, наконец, вовсе ее снять – дело чрезвычайно нелегкое...». При этом Забелин, называя белорусских крестьян «детьми природы» и выделяя в них многие черты «забитости», не рассматривал их как пресловутых «благородных дикарей» и не считал, что их сознание можно уподобить «чистой доске». Напротив, он полагал, что крестьянские дети осознанно и пылливо стремятся к знаниям, «свято хранят в себе все задатки народного сознания», их отличает «серьезное отношение к делу и реальность, чтобы не сказать утилитарность, взгляда на свой труд». Рассуждая о роли народных учителей как культурных посредников, Забелин отмечал, что выпускнику семинарии «из местных жителей» придется вступить в конфронтацию с «темными сторонами» народной жизни, он «поступит в среду низшую его». С другой стороны, этот выпускник должен был в совершенстве усвоить себе русский язык и быть «живым и лучшим проводником его в свою народную среду, чтобы никаких стремлений политического и еще хуже – народного обособления в ней не могло возникать, несмотря на все козни наших врагов, имеющие целью расшатать наше народное единство». Обращение к народным, укорененным в истории «русским началам» должно было, по мысли Забелина, «обновить во всем западно-русском крестьянстве близкие и родственные связи с коренною Русью» [3, с. 404, 409, 410, 414, 416, 422, 429–430].

В это время между русским и белорусским языками не существовало тех формальных границ, которые начали создавать филологи с конца XIX века и позднее, и сложности в коммуникации между неграмотными крестьянами и образованными чиновниками и учителями могли возникать прежде всего вследствие культурной дистанции. Преодолеть такую культурную дистанцию лишь за короткий срок обучения в учительском институте было невозможно, не говоря уже о народной школе. Об этом писал инспектор народных

училищ Н.Н. Новиков, лично посетив Молодеченскую учительскую семинарию в 1868 году и изложив свои наблюдения об экзаменах по русскому и церковнославянскому языкам: «Мы пробовали учеников на летописях, на Данииле Паломнике, на народных сказаниях, на Пушкине, Жуковском и т. д. Оказывается, что летопись для них понятна менее Даниила Паломника, Паломник – менее народных стихов и сказаний, а Пушкин и Жуковский – менее сказаний. Видно, что ученики не вчитались в произведения художественной поэзии, а потому и не понимают ее красот. Среда, из которой они вышли, не дала им ничего для такого понимания; а семинарии двух лет слишком мало, чтобы воспитать художественный вкус к звуку и образу в слове» [14, л. 16–16 об.]. Вместе с тем весь воспитательный процесс в учительских семинариях выстраивался так, чтобы он работал на достижение этой культурной цели.

Руководство Виленского учебного округа во главе с попечителем И.П. Корниловым большое значение придавало организации национального музыкального образования. Во всех народных училищах округа, независимо от вероисповедания учащихся, «светское» пение являлось обязательным предметом, а в местностях с православным населением в этих школах устраивались также церковные хоры [19, л. 50]. Ключевым было обращение к русской народной песенной культуре как коллективному выражению национальной идентичности.

Подчеркивая особое значение музыки в процессе воспитания культурных посредников, И.П. Корнилов отмечал: «Народное пение есть одно из сильнейших средств к пробуждению в западнорусских народных массах к нравственному слиянию здешних простолюдников с великорусскою семьею; если одна и та же песня будет раздаваться и в приволжских и в западных, примыкающих к Польше губерниях, – то, конечно, знакомые народные звуки будут служить для народа <...> родственною связью. Церковные хоры в Западном крае будут содействовать благолепию богослужения, религиозному воспитанию народа, и они необходимы здесь, так как содействуют развитию и укреплению православия» [12, л. 1].

Заметную роль в организации музыкального образования в Молодеченской семинарии сыграл «западнорус» Ю.Ф. Крачковский, поступивший в это учебное заведение в 1865 году в качестве наставника по русскому языку. По свидетельству А.И. Забелина, он «оказался таким знатоком и любителем пения вообще и церковного в особенности, что образованный им в семинарии хор можно назвать лучшим хором во всем Северо-Западном крае. Он начинает учить петь в один голос, по сокращенному синодальному обиходу, чтобы каждый воспитанник мог правильно петь не только в хоре, но и в одиночку, что чрезвычайно важно для церквей, в которых еще не устроились хоры. Народные великорусские песни воспитанники поют также по нотам, и поют так, что все слышавшие их пение отзываются о нем с величайшими похвалами» [3, с. 419].

В 1867 году в Вильно был издан сборник русских народных песен с нотами, подготовленный Ю.Ф. Крачковским¹ по поручению И.П. Корнилова, который предложил взять за его основу сборник народных песен, составленный поэтом Н.Ф. Щербиной [13, л. 1 об.]. Сборник был напечатан тиражом восемь тысяч экземпляров, большую часть которого приобрел Виленский учебный округ для рассылки в народные и церковно-приходские школы. Поскольку ранее в Вильно подобных русских изданий не предпринималось, специально для этой публикации был выписан из-за границы нотный шрифт [19, л. 50–52, 61–61 об.]. Значительную часть этого сборника составили русские плясовые песни. Выбирая такие песни, Крачковский руководствовался тем, какое просветительское воздействие они долж-

¹ В сборник вошли 54 песни, включая такие известные и популярные русские народные песни, как «Вниз по матушке по Волге», «Эй, ухнем», «Ты дубрава моя, дубравушка» и др. В 1869 году вышло второе, исправленное издание этого сборника [25].

ны были производить на белорусских юношей. Поясняя свой выбор, он писал Корнилову в октябре 1866 года: «Мне кажется, что для нашего западно-русса, загнанного, еще довольно апатичного, это послужит довольно оживляющим средством, которое хоть несколько расшевелит его. Песни тяговые по сочетанию своих звуков великолепны; я не знаю – есть ли что-нибудь у нас более музыкально-трогательное; наше лучшее церковное пение (турчаниновск[ое]) основано, кажется, на сочетании этих звуков. <...> К сожалению, эти песни в высшей степени трудны, и только могучий дух русского человека мог совладать с этими быстрыми переходами, как бы сразу силащимися унести его от земного к вечности. Я думаю, что на первых порах наш западно-русс не совладет с ними. Тем не менее, с течением времени он найдет в них для себя отраду» [13, л. 1 об.].

Вместе с тем под руководством И.П. Корнилова учебный округ приложил немало усилий к тому, чтобы начать изучение фольклора Северо-Западного края. В частности, в этом участвовали ученики Молодеченской семинарии, в том числе по инициативе А.И. Забелина они собирали фольклорные материалы для «Сборника памятников народного творчества в Северо-Западном крае» [2, с. CIV]. Подчеркивая необходимость собирания народных песен белорусов, литовцев и латышей, Корнилов отмечал отсутствие в местном народном творчестве сочувствия в отношении польских патриотических устремлений. По его мнению, в этих песнях, особенно белорусских, не было «ни малейшего намека на какую-либо солидарность народных стремлений с притязаниями поляков на этот край, напротив, они могут служить лучшим протестом против означенных притязаний» [7, л. 33–33 об.].

Наглядным показателем успешности процесса культурного «перерождения» руководство Виленского учебного округа считало то, как постепенно преображался наружный вид учеников семинарии. Первый директор Молодеченской семинарии А.И. Забелин важное значение придавал результатам физического воспитания белорусских крестьян. (Можно вспомнить, что гимнастика была одним наиболее «модных» предметов в европейской педагогике того времени.) «Нам больших трудов стоило, – отмечал Забелин, – выучивать их играм, развивающим ловкость: например, только после продолжительных стараний удалось нам выучить их играть в лапту и ловить мяч, при падении которого сверху вниз они обыкновенно растопыривают руки, как будто боясь им обжечься, закрывают глаза и даже стараются пятиться от места его падения» [3, с. 415].

И.П. Корнилов, посетивший в июне 1866 года выпускные экзамены в Молодеченской семинарии, так передавал графу Д.А. Толстому свои впечатления об изменениях, произошедших с ее учениками под воздействием воспитательных практик этого заведения: «Надо было видеть этих белорусских мальчиков <...> год тому назад, чтобы получить понятие о полном нравственном и даже физическом превращении их благодаря разумному воспитанию, укрепившему их физические силы, развившему их умственные способности и возвысившему их нравственно» [11, л. 1]. Особое внимание попечитель обращал на костюм будущих учителей. В целом народный костюм отмечал социальную, этническую и возрастную принадлежность человека. К середине 1860-х годов в русской этнографии уже сложился определенный стандарт традиционного народного костюма белорусов. На Московской этнографической выставке 1867 года были представлены жанровые сцены, изображавшие домашний быт и занятия крестьян Могилевской губернии, а также несколько манекенов белорусов в народных костюмах. Традиционными атрибутами мужской одежды белорусских крестьян были, например, кашуля (рубаша), свита (верхняя одежда), папруга (пояс), магерка (шапка), онучи и лапти [26, с. 39, 41, 71–72, 124–125, 137–138]. Корнилов ратовал за то, чтобы одежда воспитанников включала бы элементы великорусского народного костюма. Описывая Д.А. Толстому изменения в учениках Молодеченской семинарии, он отмечал (возможно, преувеличивая): «Мальчики прибыли из деревень в долгополых свитах, были до крайности неловки и неуклюжи, не знали ни песен, ни игр.

Теперь по доброй воле они почти все носят великорусские кумачовые рубахи, их научили играть в лапту, чехарду, кошку и мышку и пр.» [11, л. 1].

Н.Н. Новиков, инспектировавший Молодеченскую семинарию в июне 1868 года, изменения во внешнем виде учащихся связывал не с национальным возрождением, а, скорее, с более привычными результатами процесса урбанизации, с приобщением молодых людей к городскому образу жизни, а также с определенным изменением их социального статуса. Согласно его наблюдениям, «не все ученики семинарии одеты по-крестьянски; да и те, которые остались при крестьянской одежде, носят не такую и не так, как у местных крестьян». Вместе с тем одновременно «ни один из них не отбросил навсегда прежнего крестьянского платья», в «пестроте» их костюма продолжала преобладать «обыкновенная крестьянская одежда» [14, л. 35–35 об.]. При этом для учеников семинарии белорусский народный костюм не был своеобразной национальной «униформой»¹, а постепенно начал восприниматься сквозь призму личной индивидуальности. По свидетельству Новикова, каждый воспитанник «кроме крестьянского [платья] имеет и другое; у одного оно полукрестьянское, у другого вовсе не крестьянское; не на людях и на досуге один ходит в простой рубахе местного покроя, другой – в чем-то вроде шерстяной блузы рабочего, третий – в нанковом полупальто или полукуртке, четвертый – в казинетовом полусюртуке и т. д.». В итоге то впечатление, которые производили будущие белорусские сельские учителя, Новиков связывал с проявлением региональных идентичностей: «Семинария не сад, в котором рука садовника старается срезать и сгладить все особенности собранных в нем растений. Наружный вид учеников носит на себе столько особенностей, сколько есть разных мест, из которых собрались ученики» [14, л. 35–35 об.].

Таким образом, при разработке образовательной реформы в Северо-Западном крае ставилась цель не «импортировать» сельских учителей из Великороссии, а готовить кадры на местах. Многим чиновникам и педагогам идеальными представлялись такие отношения между сельским учителем, учениками-крестьянами и их родителями, когда социальная дистанция между ними оказывалась минимальной. Несоответствие социальных амбиций и возможностей, затруднения в доступе к дальнейшему образованию для крестьянских детей, их ограниченная социальная мобильность – все эти последствия реформирования начального образования с течением времени все в большей степени обостряли противоречия внутри российского общества и постепенно становились «головной болью» для правительства. Однако в начале 1860-х годов реформаторы были уверены в том, что «рациональный» подход, в том числе и в сфере просвещения, может стать гарантией общественной гармонии. Фактически еще до момента основания первой учительской семинарии в Северо-Западном крае ее будущие выпускники наделялись целым рядом качеств, «воображенных» в кабинетах Петербурга, Вильны и Киева. В вопросе об учительских семинариях – «питомниках русских людей» – инициаторы их учреждения в Виленском учебном округе предполагали, что главным является воспитание «исторических русских начал». При определенных условиях белорусские крестьяне – выпускники этих заведений – останутся внутри крестьянского сословия, удовлетворятся своим положением наиболее образованных людей в среде своего местного сообщества и не станут претендовать на большую роль в социальной и политической жизни. В целом под особой «миссией» народных учителей понималась их роль культурных посредников, которые призваны были стать «проводниками» идей о «русских народных началах».

¹ Как отмечалось в историографии, следует делать различие между не национальным повседневным крестьянским костюмом и «национализированным» народным костюмом, который воспринимался как своего рода «униформа» [29, с. 153–179].

Литература

1. Булич С. Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке. СПб.: Типогр. И.Н. Скороходова, 1893. Ч. I. 409 с. (Записки историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета. Ч. 32).
2. Гильтебрандт П. Предисловие // Сборник памятников народного творчества в Северо-Западном крае / Издание редакции Виленского вестника. Вып. 1. Вильна, 1866. С. I–CV.
3. Забелин А.И. Опыт учительской семинарии в северо-западной России, и его указания // Журнал Министерства народного просвещения. 1867. Ч. СXXXIII. № 2. С. 394–432.
4. Золотов В.А. Записка о сельской грамотности в Могилевской губернии // Журнал Министерства народного просвещения. 1864. № 7. Отд. III. С. 35–63.
5. Котов А.Э. «Нравственный Кавказ» И.П. Корнилова // Российская история. 2018. № 5. С. 46–59.
6. Коялович М.О. О заслугах покойного митрополита Литовского Иосифа в деле русского образования в Западной России // Журнал Министерства народного просвещения. 1868. № 12. С. 896–905.
7. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 377. Ед. хр. 27.
8. ОР РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 85.
9. ОР РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 87.
10. ОР РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 124.
11. ОР РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 149.
12. ОР РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 203.
13. ОР РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 820.
14. ОР РНБ. Ф. 523. Ед. хр. 408.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 62. Д. 1482.
16. РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 1484.
17. РГИА. Ф. 733. Оп. 88. Д. 282.
18. РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 19.
19. РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 282.
20. РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 742.
21. РГИА. Ф. 734. Оп. 3. Д. 1.
22. РГИА. Ф. 768. Оп. 2. Д. 215.
23. РГИА. Ф. 797. Оп. 32. Отд. 1. Д. 69.
24. РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 433.
25. Сборник русских народных гимнов и песен для народных училищ / сост. Ю.Ф. Крачковский, А.И. Садоков. Вильна: Управление Виленского учебного округа, 1867. 67 с.
26. Славяне Европы и народы России: К 140-летию Первой Этнографической выставки 1867 года: Каталог выставки. СПб.: Славия, 2008. 256 с.
27. Цвікевіч А. «Западно-руссизм»: Нарысы з гісторыі грамадзкай думкі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. Менск: Навука і тэхніка, 1993. 352 с.
28. Eklof B. Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture, and Popular Pedagogy, 1861–1914. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1986. 652 p.
29. Maxwell A. Patriots Against Fashion: Clothing and Nationalism in Europe's Age of Revolutions. New York: Palgrave Macmillan, 2014. IX, 311 p.
30. Wolf E.R. Pathways of Power: Building an Anthropology of the Modern World. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2001. 463 p.

Аннотация. Одним из результатов образовательной реформы 1860-х годов было формирование кадров сельских учителей. Во время разработки этой реформы в Виленском учебном округе была поставлена цель не приглашать учителей из Великороссии, а подготовить их на месте, учредив специальные семинарии. Подготовленные в них сельские учителя были призваны выполнять роль «культурных брокеров» – посредников между местными крестьянами и внешним миром, между культурой российской интеллигенции и культурой белорусского народа. В статье рассматривается вопрос о том, как чиновники и педагоги Виленского учебного округа представляли роль сельских учителей в качестве «культурных брокеров» в условиях языкового и культурного многообразия Северо-Западного края. Согласно их мнению, выпускники учительских семинарий должны были оставаться внутри крестьянского сословия и сохранять связи со своими народными «корнями». Особой «миссией» учителей было распространение в крестьянской среде идей о «русских началах» и исторической близости с Россией.

Ключевые слова: Российская империя, Северо-Западный край, западнорусизм, Виленский учебный округ, сельские учителя, образовательная реформа, «культурные брокеры».

Anna A. Komzolova, PhD in History, Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences (INION RAN); Senior Researcher, Institute of History, St. Petersburg State University. E-mail: amok.1863@mail.ru

Training of Village Teachers in Vilna Educational District in the 1860s and 1870s*

Abstract. One of the results of the educational reform of the 1860s was the formation of the regular personnel of village teachers. In Vilna educational district the goal was not to invite teachers from central Russia, but to train them on the spot by establishing special seminaries. Trained teachers were supposed to perform the role of «cultural brokers» – the intermediaries between local peasants and the outside world, between the culture of Russian intelligentsia and the culture of the Belarusian people. The article examines how officials and teachers of Vilna educational district saw the role of rural teachers as «cultural brokers» in the context of the linguistic and cultural diversity of the North-Western Provinces. According to them, the graduates of the pedagogical seminaries had to remain within the peasant estate and to keep in touch with their folk «roots». The special «mission» of the village teachers was in promoting the ideas of «Russian elements» and historical proximity to Russia among Belarusian peasants.

Keywords: Russian Empire, North-Western Provinces, «West-Russism», Vilna Educational District, Village Teachers, Educational Reform, «Cultural Brokers».

* This research was supported by the grant No. 19-18-00073 «National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th – 20th Centuries» of the Russian Science Foundation.

Проблема белорусского литературного языка в белорусской консервативной интеллектуальной традиции (вторая половина XIX – начало XX века)

В конце 50-х – первой половине 60-х годов XIX века в российской публицистике активно дискутировался вопрос о статусе формирующегося украинского литературного языка. Обсуждение этой проблемы было обусловлено, с одной стороны, польским восстанием 1863–1864 годов в пределах западных губерний империи и, с другой стороны, появлением в публичном пространстве сторонников украинской национальной самобытности. По сравнению с этими дискуссиями вопрос о белорусском литературном языке занимал скромное положение, однако именно в тот период он впервые стал открыто обсуждаться на страницах периодических изданий и в научных трудах. В этой связи представляет интерес отношение к проблеме белорусского литературного языка православных уроженцев губерний Западного края, которые придерживались преимущественно консервативных и либерально-консервативных взглядов на политическое развитие империи. Примечательно то, что их объединял не только сходный социальный опыт, отчасти общее происхождение и политическая лояльность российским властям, но и осознанное стремление от имени белорусского населения этой части империи принимать участие в дискурсе о его идентичности и интересах.

Основная методическая трудность при изучении позиции по языковому вопросу данной части интеллигенции белорусских губерний заключается в невозможности решения этой проблемы вне реконструкции идеологического контекста, который определял их отношение к опытам по созданию и использованию белорусского языка. Кроме того, в основном отношение к белорусскому литературному языку выражалось не столько в формате научного труда или статьи, сколько в публицистике. Полемика на страницах газет или журналов не являлась академической дискуссией по вопросам социолингвистики, хотя публицисты обращались и к филологическим аргументам. Позиция авторов, публиковавшихся в периодических изданиях, определялась не только их научным кредо и знаниями, но политическими устремлениями на право утвердить свое понимание белорусской идентичности, в том числе и по проблеме литературного языка, среди местной интеллигенции, общественно-политических деятелей, администрации.

В 60-х годах XIX века безусловным интеллектуальным лидером белорусского круга местной интеллигенции являлся историк, профессор Санкт-Петербургской духовной академии М.О. Коялович, который своими публицистическими статьями, путем личных контактов старался активно влиять на политику российских властей в губерниях Западного края. Среди его многочисленных публикаций, большинство которых издавалось в славянофильском «Дне», затрагивалась и проблема белорусского языка. Последний определялся им как наречие, которое «при неоспоримо русском строе, представляет собой однако

Киселёв Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета. E-mail: kiselev_aa@list.ru

поразительную середину между русским и польским языком» [21, с. 7]. Интересно, что эта языковая особенность, по мысли историка, наряду с иными факторами обусловила у белорусского населения «изменчивость своему родному элементу» и стремление «пересоздаться в кого угодно – в великоруса или поляка, лишь бы как-нибудь выйти из тяжелого положения» [21, с. 7].

М.О. Коялович одним из первых в российской этнографии предложил использование белорусских диалектов в качестве основного признака для определения этнической территории белорусского населения. Так, в статье «Давайте книг для западнорусского народа, или бросьте все заботы об открытии для него школ» он отметил, что «под именем Белоруссии я разумею более обширное пространство и больше народа, чем как обыкновенно у нас понимают. Я разумею здесь все то племя, которое говорит белорусским наречием и раскинуто на пространстве Витебской, части Могилевской губ., Минской губ., большей части Гродненской, Виленской и отчасти Ковенской губернии» [17, с. 2]. Не меньшее, если не большее значение имеет тот факт, что историк, по всей видимости, одним из первых в столичной журналистике обратил внимание на вытеснение белорусского языка польским из дополнительного богослужения католической церкви. В результате белорусский крестьянин-католик молился в костеле «на польском языке, а не на его родном белорусском», причем «несправедливость этого вторжения польского языка так туго понимается» [18, с. 11] общественностью. Осуждая использование поляками школы как средства полонизации восточнославянского населения, М.О. Коялович в качестве положительного примера противопоставлял постановку учебного дела российскими властями в губерниях Западного края. В частности, он писал, что «в открываемых школах, при русском обучении, дан свободный простор местному наречию, народному, – учителя должны как можно чаще объясняться с учениками на местном наречии и в букваре, составленном для этих школ, помещено немало белорусских статей рядом с русскими» [18, с. 11]. Таким образом, автор допускал использование белорусских диалектов на начальных стадиях обучения.

Однако наибольший интерес представляет мнение публициста по вопросу о соотношении с русским литературным языком белорусских говоров и возможного будущего белорусского литературного языка. М.О. Коялович не был противником литературной обработки как белорусского, так и украинского диалектов. Например, в одной из своих статей он так отзывался о возможности создания иных восточнославянских литературных языков: «Пусть себе идет и развивается грамотность и литовская, и белорусская, и малороссийская, но пусть ни одна из них не забегает, как выскочка, вперед насущных потребностей, вперед сознания народа и вперед русской грамотности, которой им не заменить никаким образом. Пусть идут себе вместе без вражды и зависти и оставят суд над собою и успех свой будущему» [22, с. 5]. В число насущных потребностей народа, по мнению историка, входили борьба с польским влиянием и полонизацией, необходимость восстановления достойного положения православного духовенства и улучшения народной нравственности, обеспечение образования крестьянского населения. Удовлетворение этих потребностей было возможным лишь с сохранением в губерниях Западного края ведущего значения русского литературного языка как языка «высокой культуры», языка науки и образования. В этой связи украинофильские проекты по переводу на украинский язык преподавания в учреждениях Министерства народного просвещения в малороссийских губерниях относились М.О. Кояловичем к числу «утопий, забегающих вперед истории и потому ненужных народу или даже насилующих его» [22, с. 5]. Таким образом, развитие белорусского литературного языка (белорусской «грамотности») допускалось М.О. Кояловичем, однако только в том случае, если новый «книжный» язык не претендовал бы на место русского литературного языка и подмену его культурных функций, не выступал в качестве конкурента, исключаяющего в перспективе совместное существование.

Кроме того, необходимо отметить важную особенность в восприятии М.О. Кояловичем русского литературного языка. Последний воспринимался не только с прагматичной точки зрения (язык образованности), но как родной для белорусов язык, поскольку его формирование происходило под воздействием литературного языка Великого княжества Литовского. В частности, в примечании к статье «Люблинская уния Литвы с Польшей» М.О. Коялович писал: «При наших занятиях по истории унии церковной, мы имели довольно случаев оценить способность тогдашнего литературного языка Западно-русского к высокому развитию, и очень желали бы, чтобы об этом возник серьезный спор. Мы с удовольствием прочитали во 2 № газ. День, в статье г. Ламанского, указание на этот факт, как Западно-русское наречие, вместе с Восточно-русским, влияло на образование настоящего русского литературного языка. Филологическое и особенно историческое разъяснение этой встречи двух сродных элементов имело бы у нас огромное значение в настоящее время» [20, с. 9]. При описании Полесского региона автор специально отметил, что «речь во многих местах этой страны носит на себе ясные доказательства общерусского объединения, ниспровергающие все доводы сепаратизма и мечты о нем» [18, с. 5]. В качестве доказательства приводился тот факт, что смешение на этом лингвистическом пограничье диалектов белорусского и малороссийского наречий сделало речь жителей края похожей «совершенно на великорусскую» [19, с. 5]. Современный русский литературный язык рассматривался историком как общий для всего восточнославянского населения, поскольку в его создании принимали активное участие не только великороссы, но и белорусы и малороссы. Средневековый литературный язык Великого княжества Литовского («проста мова») был способен к дальнейшему развитию как язык «высокой культуры», однако его лингвистическая эволюция была насильственно прервана в результате образования Речи Посполитой. Так, М.О. Коялович указывал на то, что до Люблинской унии 1569 года «в Литве, – господствующим языком – официальным и в большей части народа – был язык Славяно-русский», который после «соединения Литвы с Польшей, ...был насильственно загублен, остановлен в своем нормальном развитии и остался только языком простого народа» [19, с. 9].

Таким образом, в своей публицистике М.О. Коялович допускал возможность создания белорусского литературного языка, однако был категорическим противником противопоставления «мовы» и русского языка в целях вытеснения последнего из образования и остальных областей жизни. По мысли историка, лишь несравненно более развитый русский язык был в состоянии обеспечить образовательные и культурные потребности восточнославянского населения западных губерний и противостоять его полонизации. Кроме того, выбор в пользу русского языка обуславливался не только прагматическими соображениями, но и тем, что на его развитие существенное влияние оказала литературная традиция Великого княжества Литовского.

Если М.О. Коялович публиковался преимущественно в столичной прессе, то для многих публицистов из числа уроженцев белорусских губерний путь на страницы петербургских и московских изданий был затруднен. В этой связи представляет интерес позиция по вопросу о белорусском литературном языке одного из крупнейших региональных журналов «Вестника Юго-западной и Западной России», который редактировал уроженец Витебской губернии К.А. Говорский. Следует отметить, что к белорусскому языковому вопросу обращались преимущественно в рамках полемики с украинофильской интеллигенцией по поводу создания и использования украинского литературного языка. При этом следует отметить, что после переноса издания журнала в 1864 году из Киева в Вильно интерес к языковым дискуссиям существенно снижается. Несмотря на то, что дискуссия велась преимущественно вокруг перспектив украинского языка, анализ текстов главного редактора К.А. Говорского позволяет реконструировать позицию издания по отношению к бело-

русскому языку. В частности, в ответ на критику журнала «Голос» К. Говорский утверждал, что любой непредубежденный человек не может сомневаться в тех «аксиомах, что народ малорусский, белорусский совершенно понимает человека, правильно и ясно говорящего по-русски, что он презирает малорусскую грамотность» [11, с. 78], а как язык обучения «малорусское наречие решительно не пригодно, бесполезно и вредно для сельской школы, для русского единства» [11, с. 78]. Говорский, противопоставляя диалекты крестьян или «местный мужицкий жаргон» русской литературной речи, неоднократно утверждал, что «общерусская речь понятна для всех русских: великих, малых, белых, черных и червонных» [12, с. 111]. Можно сказать, что редактор и издатель журнала констатировал отсутствие языкового барьера, блокировавшего понимание русского литературного языка носителями восточнославянских диалектов.

Интересно, что редакторскую политику журнала трудно обвинить в негативном отношении к белорусскому языку. Так, в июльском номере журнала за 1863 год был перепечатан размещенный в славянофильском «Дне» «Ответ белорусского священника на послание газеты “День” и прочих ее сотрудников ко всему белорусскому духовенству». В этой статье утверждалось, что с прихожанами «мы священники и жены наши разговаривали всегда по-белорусски – т.е. простонародным местным наречием» [30, с. 75–76]. При этом среди местного православного духовенства «простонародный белорусский язык был уважаем (о заблуждение и ослепление!) как язык, совершенно к употреблению в лучшем обществе негодный, язык исключительно хлопский. Против этого-то языка, нужно сознаться, мы очень и очень много погрешили; теперь мы ясно это видим; а если бы мы или лучше жены наши – не зная языка чисто русского, – говорили с нами и детьми сим простонародным языком белорусским, – о как много бы принесли пользы и спасения белорусской здесь народности!» [30, с. 75–76].

В одной из своих редакционных статей издатель журнала К. Говорский, не исключая факта существования и диалектных особенностей малорусского наречия, утверждал, что диалект «обуславливается одним только словесным употреблением» [10, с. 76]. Перейдя к письменной фиксации по правилам, он становится «языком, а все другие говоры одного и того же племени делаются его наречиями» [10, с. 76]. Однако как не существует двух латинских, немецких и французских литературных языков, то «не может и не должно быть двух русских языков» [10, с. 76]. Говорский потратил две страницы на приведение примеров неприятия идеи и опытов обучения на украинском среди крестьян, а также естественное понимание носителями диалектов говорения на русском литературном языке. В целом в попытках по созданию украинского литературного языка публицисту виделись далеко идущие политические цели сепаратистского толка, поскольку остальные мотивы признавались им как не соответствующие прагматическим интересам крестьянства и повседневным коммуникативным потребностям. Можно предположить, что данное отношение распространялось К. Говорским и на возможность создания белорусского литературного языка.

Со второй половины 60-х годов XIX века проблематика соотношения белорусского и русского литературного языков исчезает со страниц периодических изданий. Однако в начале 90-х годов XIX века этот вопрос вновь появляется в научном творчестве, а впоследствии – и в публицистике уроженца Гродненской губернии, лингвиста и академика А.С. Будиловича (1846–1908). Фигура этого белорусского уроженца интересна тем, что данный деятель являлся не только выдающимся лингвистом, но еще и успешным государственным и активным общественно-политическим деятелем. Он сумел сделать административную карьеру: занимал пост ректора Юрьевского университета, был членом совета Министерства народного просвещения. Ученый много занимался общественно-политической деятельностью. В частности, А.С. Будилович был одним из издателей газеты «Окраины

России», редактором «Московских ведомостей», входил в руководство славянофильских организаций Галицко-русского благотворительного общества, Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. Его политические взгляды в оппозиционных кругах создали ему репутацию реакционера, что впоследствии сказалось на оценке его научных и общественно-политических идей в советское время. Например, в справочнике «Славяноведение в дореволюционной России» утверждалось, что «все аспекты деятельности Будиловича определялись его приверженностью к панславистской идеологии и реакционными политическими убеждениями» [24, с. 86].

Теоретическое видение генезиса литературного языка, отношений диалектов к литературному языку было изложено А.С. Будиловичем в фундаментальной научной работе «Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы» [8]. На страницах этой книги в числе прочих сюжетов рассматривалась и проблема взаимоотношений литературных языков на основании украинских и белорусских диалектов с русским литературным языком. А.С. Будилович констатировал попытки литературной обработки белорусских диалектов. В перспективе допуская возможность создания отдельного литературного языка на белорусской диалектной основе, он полагал, что этот язык может стать языком областной «подлитературы». Согласно терминологии автора, «подлитература» имеет следующие признаки: преобладание поэзии над прозой, акцент на сатире или комедии с идеализацией народного быта, травестия, сохранение «местного колорита в языке», параллельное развитие с «общей» литературой и, наконец, локальность распространения [8, с. 261]. В силу сравнительной малочисленности носителей белорусских говоров, «тесной близости его к московскому разноречию», пройдя «книжную обработку», будущий белорусский язык «подлитературы», по мнению ученого, не подорвал «бы единства русского образованного языка» [8, с. 262]. Последнее гарантировалось «религиозным, государственным, общественным, литературным и вообще культурным единством русского народа» [8, с. 262].

Таким образом, не выступая против возможности создания белорусского литературного языка, А.С. Будилович считал сферой его будущего использования исключительно художественную литературу в границах определенного региона. В этом отношении показательно, что А.С. Будилович терпимо относился к литературному творчеству на украинском языке И. Котляревского, Г. Квитки, Т. Шевченко, М. Вовчка и «некоторых других украинских и червонорусских поэтов» XIX века. Он рассматривал язык этих литературных произведений как региональный, областной диалект, получивший литературную обработку и не претендующий на вытеснение русского литературного языка [8, с. 262]. Типологически украинский язык следовало сопоставлять с нижнесаксонским и швабским диалектами в Германии, провансальским и гасконским – во Франции, венецианским и сицилийским – в Италии. Более того, А.С. Будилович считал, что перечисленные им авторы «вовсе не задавались целью создать в нем соперника языку Пушкина и Гоголя» и прибегали «к последнему во всех тех случаях», когда на первый план выдвигалось «более серьезное содержание и общенародные задачи». Даже в период политического кризиса 1905–1907 годов в своей статье «О единстве русского народа» ученый отметил, что «ничего нельзя возразить и против употребления как малорусского, так и прочих наших просторечий в такого рода областных подлитературах, какие существуют и на Западе», но при условии недопущения их «в область высшей национальной литературы» [7, с. 35].

Лингвист утверждал, что в большинстве случаев между диалектами и литературным языком в конечном счете происходит «мирное размежевание их сфер, с предоставлением то меньшего, то большего простора диалектам» [9, с. 425]. Последние сохраняются в церковном обиходе в дополнительном богослужении, проповеди, катехизации; при разбирательстве в низовых органах власти и суде; в начальной школе и «областной» литературе.

Такое положение складывается не сразу, а после борьбы между диалектами «за преобладание или даже существование, которая получает различный исход, в зависимости от условий дальнейшей исторической жизни народа» [9, с. 421]. Исход этой борьбы зависит от нескольких факторов, которые исследователь классифицировал как естественные, общественные и личные. К естественным условиям относятся географическое размещение диалекта, его языковые особенности. Общественные условия определяются применением диалекта церковью, государством, когда языком управления становится столичный диалект, социально-экономическим развитием региона или использованием диалекта в образовании и обучении. В свою очередь личный фактор – это творчество талантливых писателей и поэтов, чьи произведения оказывают значительное влияние на выработку норм и культурную притягательность литературного языка. Утверждение литературного языка в качестве «общего» не означает, что борьба прекращается, поскольку всегда сохраняются центробежные тенденции, которые при определенных условиях «могут даже расколоть старое единство» [9, с. 422].

Следует сразу оговориться, что к стихии русского языка филолог относил все варианты великорусских, украинских и белорусских говоров и диалектов. Кроме того, он попытался ответить на вопрос о границе, которая отделяет язык от диалекта. А.С. Будилович утверждал, что языковое единство не означает «полное тождество всех его наречий, поднаречий, говоров» [8, с. 10]. Граница между отдельным языком и наречием (диалектом) устанавливается возможностью непосредственного общения и понимания в процессе коммуникации. Близость между разными диалектами одного языка должна быть такой, чтобы она «не исключала бы для говорящих на них возможности взаимного понимания и не ставила бы чрезмерных затруднений для их совместной духовной деятельности» [8, с. 10]. В этом отношении показательно, что «болгарину трудно понять серба, а еще труднее поляка или чеха, тогда как малорус всегда поймет великоруса, при первой с ним встрече» [8, с. 13]. Очевидно, что белорусский, который согласно классификации лингвиста, был «разноречием» «великорусского наречия» [8, с. 4], создавал на пути общения еще меньше преград, чем украинские диалекты.

Представляет интерес оценка ученым генезиса языка средневековой книжности Великого княжества Литовского, который в белорусской филологии и историографии принято называть «старобелорусским». В своей опубликованной на рубеже веков статье «К вопросу о литературном языке Юго-Западной Руси» А.С. Будилович предположил, что «двойственность системы русских говоров зародилась, по-видимому, на дуализме Руси западной и восточной, польско-литовской и московской» [5, с. 10]. В XV–XVI веках, по его словам, на основе «преимущественно – говоров белорусских вырабатывается в таких памятниках как Судебник в. кн. Казимира, Литовский статут, Литовская метрика и т.п., так называемый актовый или дипломатический язык западной или польско-литовской Руси, проникший в 16 в., в век протестантизма, и в письменность богословскую, между прочим в Библию Скорины» [5, с. 15]. Однако этот язык, «независимо от смешения в нем черт малорусских и белорусских, настолько пропитан был варваризмами польско-латинского происхождения, что не может считаться сколько-нибудь независимой литературной обработкой малорусского поднаречия» [5, с. 15]. А.С. Будилович утверждал, что «полуцерковнославянский, полупольский язык, на котором писали виленские, киевские и львовские ученые 16–17 вв. свои полемические трактаты, школьные учебники, духовные драмы и т.п. произведения», «представляется скорее продолжением западнорусского актового языка, возникшего в Руси северозападной» [5, с. 15].

В работах А.С. Будиловича вывод о том, что именно белорусские диалекты легли в основу западнорусского языка, появился не сразу. По крайней мере в 1892 году ученый еще полагал, что западнорусский диалект «после некоторых колебаний между формами

червонорусскими и белорусскими сложился по типу украинского разноречия, ...применительно к киевскому говору» [8, с. 257]. Возможно, изменение представлений о формировании «простой мовы» произошло под влиянием публикаций другого талантливого лингвиста, уроженца Гродненской губернии, Е.Ф. Карского. Вместе с тем использование термина «диалект» применительно к западнорусскому языку не означало какого-то пренебрежения к языку средневековой письменности Великого княжества Литовского по сравнению с актовым языком Великого княжества Московского. Ученый определил последний как «восточнорусский диалект», в основу которого легли «разноречие новгородское, московское, рязанское» [8, с. 257]. При этом ни западнорусский, ни восточнорусский диалект «не поднялся в средний период до роли самостоятельного образованного органа или языка. Восточнорусский все еще оставался под главенством языка церковно-славянского, в его чистой литургической и смешанной славянорусской форме; диалект же западный имел над собой, сверх церковно-славянского литургического языка, еще латинский, а с XVI века и польский» [8, с. 257–258]. Контакты между этими диалектами не прерывались в течение XIV–XVII веков. Церковнославянская грамматика «западнорусса» М. Смотрицкого, изданная в 1619 году, использовалась «в наших училищах чуть не до XIX в.». Вместе с эмиграцией в Москву Е. Славинецкого, С. Полоцкого, С. Кохановского и многих других уроженцев белорусских и украинских земель произошло «перенесение в Москву западнорусской учености, до некоторой же степени и диалекта». С первой четверти XVIII века «этот диалект постепенно сливается с диалектом Руси Московской, составив вместе с последним один нераздельный язык общерусский» [8, с. 249].

Несмотря на то, что «количество вкладов в общий язык, сделанных с XVIII в. разноречиями великорусскими, несравненно больше, чем со стороны разноречий малорусских», «это не исключает важности услуг, оказанных общему языку белорусами и малорусами». В итоге последние имеют «полное право называть этот язык плодом и своих усилий на поприще общественно-литературном» [8, с. 250]. Эту мысль А.С. Будилович в дальнейшем неоднократно подчеркивал в своей публицистике начала XX века. Так, в статье «К вопросу о литературном языке Юго-Западной Руси» он отметил, что современный русский литературный язык нельзя считать исключительно «великорусским» [5, с. 15]. По словам филолога, «нынешний литературный язык не может быть назван великорусским ни по своему происхождению, ни по составу и строю, ни наконец по своим культурным задачам». Этот язык «с полным правом признаваем языком общерусским, подобно тому, как на западе язык Данте признается общетальянским, Лютера – общенемецким, Кальвина и Мольера – общефранцузским». Если сосредотачиваться на особенностях говорения в роде «акающего выговора неударенных и о некоторых других звуковых особенностях», считая их главными и определяющими для русского литературного как исключительно великорусского языка, то тогда придется «признавать литературные языки итальянский – тосканским, испанский – кастильским, французский – ильдефранским, немецкий – верхнесаксонским» [6, с. 16]. Какова же позитивная программа А.С. Будиловича в языковом вопросе? Во-первых, профессор утверждал, что «одинаково преступными являются как попытки насильственного объединения, когда задачей общерусского языка ставится подавление всех областных диалектов и живых просторечий, так и противоположные им попытки насильственного разъединения в области языка, где для каждого просторечия как бы воздвигается трон, в видах отторжения от языка общерусского той или иной части его законного достояния» [6, с. 36]. Однако в области школьного образования для белорусов и малорусов необходимо сохранить национальную русскую школу, не осуществляя переход на систему сочетания «в школе языков материнского и русского» [6, с. 33]. Последняя система применялась в начальном образовании тюркского населения Российской империи. Как известно, ее принципы были сформулированы востоковедом Н.И. Ильминским. Одна-

ко ее использование в начальной школе в западных губерниях неприемлемо, поскольку «пришлось бы считать малорусов и белорусов не настоящими русскими людьми, а как бы инородцами, настолько оторванными от своего рода-племени, что они уже не могут ни мыслить, ни учиться на его общем языке» [7, с. 33]. При «всех глубоких диалектических различиях в среде языков» в странах Западной Европы существуют только «общенациональные школы немецкая, французская, итальянская, притом не только высшие и средние, но и низшие». В этом отношении не представляется логичным нарушать принцип единой общенациональной школы в России. В педагогической практике начальной школы никто не мешает «давать устные объяснения на местных просторечиях» [7, с. 40], но из «этого не вытекает необходимость на каждом из таких просторечий развивать особую школьную литературу» [7, с. 40].

Негативно относился А.С. Будилович к появлению газет и букварей на белорусском языке, изданных кириллицей и латиницей. По мнению редактора «Украин России», для таких изданий «не оказывается читателей», а печатаются они «виленскими евреями и польскими инженерами» [7, с. 31]. А.С. Будилович предрекал «Нашей ниве», «Беларускаму лемантару» судьбу, постигшую издававшийся «на местном просторечии» при генерал-губернаторе В.И. Назимове «Белорусский календарь»: для «него вовсе не оказалось читателей, по не сочувствию народных масс к этого рода пустым затеям!» [6, с. 31]. Кроме того, отрицательное отношение к указанным выше изданиям было во многом обусловлено тем, что в перспективе их литературный язык виделся как «жаргоны русско-польского типа», создававшиеся по образцу резко критикованного ученым языка украинских изданий, печатавшихся в Австро-Венгрии. В другой своей статье А.С. Будилович назвал инициаторами белорусскоязычной печати «некоторое число и русских людей, главнейше в среде образованной, которые мечтают о выделении Белоруссии и Украины в особые автономные области, связанные с Великороссией и прочими частями государства узлами федерации». Политическая программа этих деятелей в отношении языка предполагала, «что в Белоруссии должно господствовать в управлении, судах и школах местное белорусское наречие, пока вовсе еще лишённое книжной обработки» [6, с. 22]. Как нам представляется, говоря о «русских людях», ученый имел в виду белорусских уроженцев – издателей «Нашей нивы». Это замечание позволяет считать, что проблема возникновения идеологии белорусского «адраджэння» не сводилась А.С. Будиловичем исключительно к «польской интриге». Однако объяснить механизм появления таких представлений о языке среди местной интеллигенции А.С. Будилович все же не сумел.

Вместе с тем в его работах есть наблюдения, которые могли бы стать основой для соответствующей теории. В частности, рассуждая о судьбе польского литературного языка, Будилович утверждал, что влияние немецкого и латыни на польский уравнивалось в XVII–XVIII веках благодаря «непрерывному приливу писательских талантов с востока, из Литвы и Руси, где напор латинизма и германизма сдерживался до известной степени воздействием снизу говоров русских» [8, с. 248]. Выходцы из шляхетского и, отчасти, мещанского сословий на белорусских и украинских землях в XVIII–XIX веках внесли существенный вклад в развитие польского литературного языка. Даже допуская, что часть из этих деятелей имела польские этнические корни, славист указывал на сильное местное культурное влияние на писателей и поэтов. По словам А. Будиловича, все «же они хоть в детстве дышали русским воздухом, слышали русские народные песни, народные предания и сказки, и таким образом приобщились до известной степени русскому народному духу». Этим польских авторов можно условно, по мнению академика, отнести «к тому смешанному этнологическому и историческому типу, который теперь называют: *gente ruthenus, natione polonus*». Без возражений славист считал объективным подход польских исследователей, которые именно в таком ключе писали «о литовской, украинской, галицкой и проч. школах

польской литературы» [8, с. 234]. Интересно, что к белорусам по этническому происхождению филолог относил А. Нарушевича (1733–1796), А. Мицкевича (1798–1855), Т. Корзона (1839–1918), Э. Ожешко, Д. Князьнина, Л. Кондратовича, И. Ярошевича, В. Спасовича, А. Ходзько. К отдельной этнической группе полешуков им были отнесены Ю. Немцевич и И. Данилович. Однако именно из этой полонизированной среды и могли выйти идеологи «адраджэння», для которых русский литературный язык в силу принадлежности к польской культуре воспринимался как чужой, а осознание своего этнического происхождения приводило к отказу от *patioŋe polonus*. В итоге появлялись идеи по приданию белорусским диалектам характера языка не просто литературного, но и национально белорусского, что неизбежно вызывало конфликт в сфере языковой политики.

Таким образом, формирование литературного языка на основании белорусских диалектов А.С. Будилович не отрицал. Однако сфера применения этого языка не должна была выходить за пределы местной художественной литературы. Показательно, что именно в области литературного творчества белорусскому языку удалось утвердить свое существование в XX веке. Белорусский мыслился филологом как язык областной или, по терминологии ученого, частный, который не должен претендовать на место и функции русского литературного языка. Идеи А.С. Будиловича, как представляется, позволяли наметить такую стратегию развития белорусского литературного языка, которая бы исключала конфликт и позволяла бы в максимальной степени раскрыть потенциал самого языка. Неслучайно именно белорусскоязычная литература и песня (от стилизации под фольклор до рок-групп) сумели завоевать симпатии достаточно многочисленной аудитории читателей и слушателей, получить свою «нишу» в культурном пространстве. Русский литературный язык в силу того, что на его формирование повлиял «западнорусский диалект» и в его создании приняли участие белорусские уроженцы, определялся славистом как национальный и общерусский. Данное утверждение соответствовало взглядам слависта на предмет структуры русской нации. Русский, с одной стороны, и великорусы, малорусы и белорусы, с другой стороны, соотносятся как родовое и видовое понятия в логике. А.С. Будилович не допускал обучения на белорусском в начальной школе. Перевод преподавания на белорусский, который в этот период еще не сложился даже как литературный язык, шел вразрез эволюции европейских литературных национальных языков и наций. Однако механизм, который побуждал немногочисленных белорусских уроженцев использовать именно белорусский вместо общерусского национального языка, А.С. Будиловичу, как представляется, объяснить не удалось. Вместе с тем языковое единство им никогда не мыслилось как тотальная унификация, напротив, существование говоров, диалектов расценивалось как необходимость, основа для органического развития, в том числе и общенационального литературного языка.

Опыт политического кризиса 1905–1907 годов, предоставление достаточно широких политических прав подданным и расширение возможностей для общественной деятельности привели к тому, что во многих регионах империи появлялись местные периодические издания, в том числе консервативного и либерально-консервативного толка. Например, в этот период в губерниях Западного края стали издаваться такие консервативные и либерально-консервативные газеты как «Белая Русь» (1906), «Северо-Западная жизнь» (1911–1915), «Белорусский вестник» (1912–1913), в которых в числе прочих проблем затрагивался и вопрос об отношении к белорусскому языку.

Следует сразу оговориться, что на страницах указанных выше консервативных изданий отрицалась необходимость создания белорусского литературного языка. Как правило, далее констатации и негативной оценки этого факта большинство историков и филологов не идут [14–16]. Это, вероятно, обуславливается тем, что с точки зрения нашего современника, для которого белорусская словесность и язык – очевидный факт и культур-

ная ценность, такое отношение к белорусскому языку представляется по меньшей мере заведомо неверным. Однако это классическая ошибка модернизации, когда современные для исследователя реалии и представления переносятся на господствовавшие в прошлом отношения. Напомним, что в начале XX века современный белорусский литературный язык и художественная литература еще только делали свои первые шаги. В результате взгляды антагонистов редакции «Нашей нівы», принципиально издававшейся на белорусском языке учредителями Белорусской социалистической громады, до сих пор «недостаточно освещены в науке и часто искажаются в соответствии с пристрастиями тех или иных авторов» [35, с. 676]. Вместе с тем последующий исторический опыт показал, что ни проекты языковой политики «Нашей нівы», ни ее оппонентов из «Белорусского вестника» или «Северо-Западной жизни» в полной мере не осуществились. Судьба белорусского литературного языка в прошедшем столетии оказалась более сложной, чем это представлялось публицистам по обе стороны барьера накануне Первой мировой войны.

Публицисты белорусских консервативных изданий отвергали идею разработки литературного языка и радикальной белоруссизации системы образования, поскольку полагали, что это отбросит назад культурное развитие белорусского крестьянства. В частности, стремление к созданию на основе белорусских диалектов литературного языка воспринималось как «попытка бесплодная, заранее обреченная на неудачу» и «вредная» [1, с. 1]. Это лишь отвлечет «часть сил народных», которые ищут выхода «из беспросветной нужды и темноты», с «единственно правильного пути культурной работы и просвещения на почве теснейшего единения с другими русскими народностями» [1, с. 1]. Языковая политика, пропагандировавшаяся «Нашей нівой», ведет на «ложный путь самобытного устроения жизни и позаимствования культуры более далекой и чужой» [1, с. 1]. Показательно, что связь русского языка и культуры не мыслилась в категориях противостояния с западноевропейской культурой. По мнению публицистов «Белорусского вестника», попытка «Нашей нівы» придать противостоянию с русским языком смысл борьбы за европейскую культуру не имеет оснований, поскольку сама русская культура является «также заимствованной с запада, но применительно к условиям нашей действительности видоизменившейся, а потому и наиболее отвечающей стремлениям и жизненным требованиям белоруса» [1, с. 1]. Авторы «Нашей нівы» призывали к признанию того, что «семилетний опыт насаждения белорусского литературного языка убедил их в полной несостоятельности этих попыток, убедил их в том, что попытки эти не соответствуют требованиям жизни и стремлениям белорусских масс» [1, с. 1]. Ориентация на создание белорусского литературного языка является ошибочной, поскольку не поддерживается самими белорусскими крестьянами. Так, крестьянин, по мнению публицистов, «охотно при первой возможности ...переходит от архаичного белорусского говора к более живой и богатой русской литературной речи» [27, с. 4].

На страницах правой прессы указывали на тот факт, что в начале XX века фактически отсутствовала культурная традиция научной, учебной и художественной литературы на белорусском языке. Именно поэтому консервативные публицисты считали, что требование немедленного обучения на белорусском языке – не более, чем заведомо ангажированный политический ход редакции «Нашей нівы». Только в одной публикации из проанализированных газетных выпусков выдвигалась идея о введении в начальную школу белорусского языка [26, с. 2–3]. Однако это требование не исключало обязательного изучения русского литературного языка и, повторимся, касалось лишь начального обучения. В большинстве случаев по вопросу о языке обучения публицисты апеллировали к мнению и опыту народных учителей. В частности, в заметке от 10 февраля 1913 года в «Северо-Западной жизни» отмечалось, что «преподавание всех предметов в начальной школе Белоруссии совершается на русском языке и пользование этим языком никаких решительно затруднений не встречает» [32]. Этот факт может подтвердить «каждый сельский учитель на всем

пространстве Белоруссии» [32]. Комментируя прошедший Всероссийский учительский съезд, редакция «Северо-Западной жизни» констатировала как положительный момент, что «не захотели зачислить себя в инородцы только белорусские учителя» [3, с. 1], отказавшись поддержать идею перевода начальной школы на белорусский язык. В материале от 24 июня 1914 года вновь делается ссылка на опыт народных учителей, «которые слишком близко стоят к деревне, чтобы так или иначе не реагировать на движение деревни» [34, с. 11]. Исходя из этого тезиса, автор редакторской колонки в очередной раз интерпретировал тот факт, что многочисленные учителя-белорусы, не выступая за введение белорусского языка в качестве учебного, лишь следовали за настроениями крестьянского большинства белорусских губерний.

Интересно то, что отрицание идеи радикальной белоруссизации вовсе не отменяло обращения к культурному наследию Великого княжества Литовского. Более того, на страницах, например, газеты «Северо-Западная жизнь» подчеркивалось, что в XVI веке можно говорить о белорусском первенстве в области «книжной» культуры. В частности, в статье от 8 сентября 1912 года «Прошлое, настоящее и будущее Белоруссии» заявлялось, что именно «в нашей Белоруссии появились первые русские типографии, начали печататься первые русские книги, сначала богослужебные, церковные, а затем и светские полемического содержания» [32, с. 1]. Литовский Статут определялся не только как «первый русский свод законов», но и «самый замечательный памятник нашей западно-русской культуры» [31, с. 1]. В газете «Белая Русь» в публикации от 2 марта 1906 года при обосновании необходимости преподавания на белорусском языке в начальной школе указывалось на то, что этого «принудительнее требует ...история белорусских словесных произведений» [26, с. 3]. Публицист специально отметил, что В. Тяпинский «взялся за перевод Евангелия на белорусский язык» [26, с. 3]. О деятельности Ф. Скорины говорилось как о «народолюбце», который взялся «перевести на свой родной белорусский язык книги священного писания» [26, с. 3]. Здесь важен сам факт того, что не только не отрицалось существование средневековой белорусской литературной традиции, но даже подчеркивалось, что в XVI–XVII веках белорусские земли имели культурный приоритет в области книгоиздания перед великорусскими территориями, которые составили политическое ядро формирующегося Российского государства.

Вопрос о белорусском языке для публицистов белорусской правой прессы увязывался с их концепцией русской и белорусской идентичностей. В частности, в статье «Белорусский язык» газеты «Северо-Западная жизнь» ее автор утверждал, что «белорусское родное является только частью великого русского родного» [3, с. 1]. На страницах этого же издания, когда писалось о белорусском фольклоре, специально отмечалось, «что это все-таки только часть целого» [2, с. 2]. Русский литературный язык и культура для белорусов осмысливались через символ «общерусского языка и общерусской культуры» [27, с. 3–4]. Представляется, что белорусская идентичность понималась в контексте большой русской нации (термин Л.Е. Горизонтова, А.И. Миллера), народа, который образуют несколько русских «народностей».

Еще одним аргументом против создания литературного языка стала уверенность в его искусственности. Конечно, в той или иной мере любой литературный язык является искусственным и не совпадает с живой языковой стихией. Вместе с тем публицисты правой прессы специально подчеркивали искусственность первых опытов белорусской литературной речи. В частности, «особый язык» «Нашей нівы» создается по следующему рецепту: «берут в основу русскую речь, нагревают ее до белого каления польским цеканьем и дзеканьем (30% – первого и 20% – второго), взбалтывают его, процеживают через простонародный северо-западный говор и преподносят через час по столовой ложке “штотыдзень”» [36, с. 1]. В итоге получается «белорусский волапюк», который

лишь «увеличивает безграмотность населения» [36, с. 1]. Отметим, что такая резкая оценка языка первой белорусскоязычной газеты является единичной.

Более развернутая историко-филологическая аргументация отрицания языковой белоруссизации давалась в редакционной статье под названием «Белорусский язык» газеты «Северо-Западная жизнь» от 1 февраля 1914 года. Редакция газеты утверждала, что при сравнении актов XV–XVI веков, написанных на «белорусском» и «великорусском» языках, можно констатировать, что «между ними почти нет разницы» и что это «один и тот же язык, за исключением некоторых провинциализмов» [3, с. 2]. Однако при сопоставлении современного русского литературного и белорусского языков окажется, что различий гораздо больше. Это объясняется тем, что «великорусский язык» прошел длительный путь развития, в то время как «белорусский язык был вытеснен из культурной жизни Белоруссии языком польским и на 300 лет приостановился в своем развитии» [3, с. 2].

Аналогичная точка зрения высказывалась и в редакционной статье «Белорусского вестника» от 5 ноября 1912 года. На страницах газеты отмечалось, что белорусский язык в силу исторических обстоятельств «остановился на той стадии своего развития, которая нашла свое отражение в сказаниях, былинах и песнях великороссов» [1, с. 1]. По мнению редактора «Северо-Западной жизни», белорусский язык является лишь «остатком глубокой старины, это отрезанный от культурной жизни и естественного роста древний западно-русский язык» [3, с. 2]. Даже в случае исчезновения с одной стороны Польши, а с другой стороны Великороссии «со всеми ее культурными и литературными богатствами» белорусский язык «не мог бы развиваться, так как в Белоруссии осталось бы очень много людей, для которых русский является родным, настолько родным, что они на нем не только читают и пишут, но думают и чувствуют» [3, с. 2]. К таким людям принадлежит «вся наша белорусская интеллигенция и даже белорусские сепаратисты, насколько нам удалось это выяснить, хотя и пробуют читать и писать по-белорусски, но думают и чувствуют по-русски». В случае этой гипотетической катастрофы интеллигенции пришлось бы «проводить в Белоруссии общечеловеческую культуру и естественно, что они проводили бы ее, пользуясь тем орудием, которое им было доступно, т.е. языком общерусским» [3, с. 2]. Тотальный отказ от русского литературного языка в пользу белорусского сравнивался с возвращением к конным дилижансам в эпоху железных дорог. В качестве доказательства публицист предлагал представить себе исчезновение русского литературного языка с выработанной на нем культурой, для того чтобы «поставить себя перед лицом современной общечеловеческой культуры и литературы с одним только белорусским языком». Создание белорусского литературного языка с одновременным исключением из употребления русского означало бы культурный регресс белорусов «на 300–400 лет назад» и необходимость «делать заново всю ту огромную культурную работу», которая уже давно проделана. Отказ от русского литературного языка трактовался как отключение белорусов от современной европейской культуры. По словам автора статьи «Белорусский язык», «отнять у белоруса это великое наследие – это значит отнять у него единственное орудие движения вперед, к общему уровню культурного развития всех европейских народов» [3, с. 2].

При этом признание того факта, что в качестве литературного языка в силу неблагоприятных исторических причин белорусский существенно уступает русскому, не означало нигилистического отношения к белорусской речи. По словам редактора газеты «Белорусский вестник», «сохранить родные предания, былины, сказки и песни во всей их безыскусственной неприкосновенности на родном наречии – долг наш перед нацией и родным краем» [1, с. 1]. Об этом же писали и публицисты «Северо-Западной жизни», когда в редакционной статье от 4 февраля 1914 года призывали учителей «не только любить белорусскую народную поэзию, но и собирать ее, изучать и вносить в общую сокровищницу общерусской народной литературы» [2, с. 2]. Интересно, что при этом в принципе не

отрицалась возможность создания литературных шедевров на белорусском языке. Так, в своей статье «Белоруссы и “тоже белоруссы”» автор «Северо-Западной жизни» С.М. Богородицкий писал, что «скудость белорусского литературного творчества искупает пока яркий поэтический талант Янки Купалы» [4, с. 3].

Вместе с тем гораздо больше интереса в правой прессе вызывал вопрос создания печати на белорусском языке. На этот вопрос давалось несколько ответов. Во-первых, утверждалось, что создание и поддержка белорусского сепаратизма, то есть дискурса о белорусах как отдельной славянской нации с отдельным языком, инспирировались внешней силой. Первоначально на роль инициатора назначались представители польского национального движения. В частности, в редакционной статье «Северо-Западной жизни» от 10 января 1913 года говорилось, что «у окраинных поляков народилась была идея затормозить движение русского национального самосознания в Белоруссии и направить его по пути белорусской самобытности» [33, с. 1]. Именно поэтому «многие из окраинных поляков перекрестили себя в «белорусов» и начали проповедовать самобытность, или «самостийность» белорусской нации, которая де ничего общего с русским народом не имеет, всегда жила в мире с поляками, вместе с ними работала над созданием польского государства и успела пропитаться польским духом и польскими культурными и национальными традициями» [33, с. 1]. В другой редакционной статье этой же газеты под названием «Новые этапы сепаратизма» утверждалось, что газета «Наша ніва» «начинает хиреть», поскольку, «оставленная поляками» [29, с. 1] не имеет финансирования. Однако, по мнению редакции, поддерживаемая поляками белорусская национальная самобытность по мере осознания ее сторонниками своей идентичности привела к тому, что ее представители все «меньше видели оснований для того, чтобы считать себя особым народом» [29, с. 1]. В итоге получилось, что «толчок, данный поляками национальным запросам белорусской интеллигенции», привел к тому, что «движение вылилось в форму уже сознательного стремления к усовершенствованию русского национального сознания» [29, с. 1]. Правда, из этого интеллектуального движения исключались представители «Нашей нівы», оставшиеся, по мнению публицистов правой прессы, на прежних позициях.

По мере приближения Первой мировой войны поддержка «Нашей нівы» возлагалась на Германскую империю, которая, по мнению консервативных газет, формировала белорусский сепаратизм по украинскому образцу. Целью этого враждебного по отношению к Российской империи политического проекта являлось отделение «малороссов и белорусов от великороссов» с целью «причислить их к инородцам» [2, с. 1], что позволило бы резко сократить численность формирующейся русской нации. При этом языковая политика мыслилась как один из инструментов, посредством которого будут стремиться расколоть восточнославянское население. Русские, отождествленные только с жителями великорусских губерний, оказались бы в меньшинстве и не смогли бы противостоять объединенным национальным меньшинствам. В итоге «русское государство в конце концов разбито было бы на автономные области, которые на первых порах были бы связаны с общей государственностью, а со временем распалась бы на отдельные княжества, королевства и т.д., и великая Российская империя погибла бы» [2, с. 1]. На страницах «Северо-Западной жизни», проследив за реакцией «Нашей нівы» на июльский кризис 1914 года, отметили, что все симпатии белорусскоязычной газеты оказались «всецело на стороне Австрии» [37, с. 1–2]. В этом полемисты газеты увидели косвенное доказательство того, что Россия и сербы как представители славянства являются чужими для публицистов «Нашей нівы». Очевидно, что такие комментарии были более чем прозрачным намеком на прогерманский характер этой газеты.

Вместе с тем на страницах той же «Северо-Западной жизни» обращение небольшой группы белорусской интеллигенции к идее белорусского языка объяснялась не только тем, что за редакцией «Нашей нівы» стояла Германия, или «польской интригой», но и

внутренними причинами. Движение за придание белорусскому языку статуса литературного зародилось как своеобразная реакция на полонизацию среди католической части белорусского крестьянства, деклассированной шляхты. Так, в статье «Две культуры» газеты «Северо-Западная жизнь» от 20 декабря 1912 года утверждалось, что белорусы-католики не могут принять польской культуры, которая «чужда духу белорусов как племени исконно русского» [27, с. 1]. Им «приходится переживать тяжелую муку», а выход из «этого трагического положения ...находят ...в “родной мове”» [27, с. 1]. Однако перенос этого решения культурного противоречия на православных белорусов не работает, поскольку последние «вовсе не стремятся играть роль париев в русской культуре, а стремятся свободно воспользоваться ...богатými приобретениями русской культуры» [27, с. 1].

Интересно то, что белорусская речь считалась доказательством принадлежности к русскому народу. В частности, в статье «Задачи белорусской интеллигенции» от 4 января 1913 года в газете «Северо-Западная жизнь» при описании белорусских крестьян католического вероисповедания указывалось, что у них «нет никакого национального сознания», но зато они сохранили «в своем домашнем обиходе свой родной белорусский язык и свой древний русский облик» [13, с. 1]. В публицистике говорение на белорусском воспринималось как протест против полонизации. В заметке «Куда идти?» от 8 июля 1914 года журналист газеты «Северо-Западная жизнь», признавая отрицательное отношение к «белоруссизму», писал, что его существование имело бы право в крае «под штандартом “Bielarusa”» как некоторый протест против ополячения костела и как стремление «возносить свои мольбы к Богу в костеле вместо польского языка на своем родном белорусском наречии» [23, с. 3]. Допускалось также преподавание римско-католическими священниками в начальной школе белорусам-католикам Закона Божия на белорусском наречии. Отнюдь не случайно статья, в которой обосновывалась идея начальной школы с «преподавательским белорусским языком», опубликованная в газете «Белая Русь» от 2 марта 1906 года называлась «Белорусская школа как средство борьбы против полонизации края» [26]. В редакционной статье «Минувший год» от 1 января 1913 года газеты «Северо-Западная жизнь» при обсуждении языка преподавания Закона Божия была сделана ссылка на результаты опроса родителей. Опрос семей показал, что «родной их язык “простой”, то есть белорусский» [25, с. 1]. При этом данный факт подкреплялся призывом к католическим священникам проявить последовательность в том, чтобы «они перешли бы к преподаванию Закона Божия на языке белорусском» [25, с. 1].

Таким образом, по вопросу белорусского литературного языка позицию белорусской консервативной или либерально-консервативной интеллигенции можно попытаться свести к нескольким тезисам.

Ее представители негативно относились к идее создания и внедрения белорусского языка как полной альтернативы русскому литературному языку. Против этой идеи выступали как ученые-интеллектуалы (М.О. Коялович, А.С. Будилович), так и редакторы и публицисты местных периодических изданий. Это обуславливалось тем, что, по их мнению, отказ от русского литературного языка приведет к культурному регрессу, утрате доступа белорусского крестьянства к наследию европейской культуры, что сделает невозможным выигрыш белорусов в конкурентной борьбе с другими народами, проживавшими в пределах губерний Западного края. В частности, указывалось, что почти полностью отсутствует научная и художественная литература на белорусском языке, что исключает возможность перевода обучения на этот язык. Однако это обосновывалось не ущербностью белорусской речи как таковой, а тем, что в период Речи Посполитой последняя утратила возможность развития в полноценный литературный язык, оказавшись сведенной на уровень простонародных диалектов. При этом специально подчеркивалось успешное развитие белорусской средневековой литературной традиции, книгоиздания во времена Великого княжества Литовского.

В свою очередь русский литературный язык в течение XVII–XIX веков стал языком современной европейской культуры и трактовался как общий для всех «русских народностей» [1, с. 1]. Более того, указывалось на то, что в создании современного русского литературного языка значительную роль сыграла литературная традиция Великого княжества Литовского и непосредственно сами выходцы из белорусских земель. Культура, созданная на этом языке, являлась единой для всех восточных славян. При этом акцентировалось отсутствие языкового барьера, который бы изолировал носителей белорусских диалектов от говорящих на русском литературном языке.

Публицисты местных правых изданий сознательно выдвигали концепт большой русской нации (русского народа), включавшей в себя белорусов как равноправный элемент. Белорусский язык маркировался как родной для местного населения, но почти всегда считался наречием, региональным диалектом русского языка. В этой связи позитивно оценивался переход на говорение по-белорусски в практике богослужения римско-католической церкви, осуждалось неприятие народной белорусской речи католическими священнослужителями, польской интеллигенцией. Белорусские диалекты и фольклор призывалось сохранять и изучать. В значительной степени неприятие белорусского литературного языка обуславливалось тем, что в его противопоставлении русскому видели не столько стремление защитить национальные белорусские интересы, сколько сперва политическую игру польского национального движения (К.А. Говорский), а в начале XX века поддерживаемый Германской империей и Австро-Венгрией политический сепаратизм, направленный против Российской империи.

В начале XX века стремление придать белорусскому языку литературную форму интерпретировалось не только как политическая инспирация, но и протест против полонизации в среде интеллигентных католиков-белорусов, которые не отождествляли себя с православием и русской культурой. Не менее интересно то, что в принципе не отрицалась как возможность создания белорусского литературного языка (М.О. Коялович, А.С. Будилович), так и не отрицалось культурное значение художественных произведений, которые создавались на белорусском.

В заключение отметим что, несмотря на недооценку возможности культурного и научного творчества на белорусском литературном языке, консервативная и либерально-консервативная белорусская православная интеллигенция никогда не выступала против белорусского языка как такового, поскольку не мыслила его отношения с русским литературным языком в конфронтационном духе. Негативное отношение вызывали лишь политические проекты, направленные на сокращение сферы русского литературного языка, в которых белорусский литературный язык использовался бы для обоснования политического сепаратизма.

Литература

1. Белорусский вестник. 1912. № 20. 5 ноября. С. 1.
2. Белорусский сепаратизм // Северо-Западная жизнь. 1914. № 28. 4 февраля. С. 1–2.
3. Белорусский язык // Северо-Западная жизнь. 1914. № 26. 1 февраля. С. 1–2.
4. Богородицкий С.М. «Белоруссы» и «тоже белоруссы» // Северо-Западная жизнь. 1913. № 13. 16 января. С. 3.
5. Будилович А.С. К вопросу о литературном языке Юго-Западной Руси. Юрьев: Типогр. К. Маттисена, 1900. 31 с.
6. Будилович А.С. О единстве русского народа. СПб.: Типогр. В.Д. Смирнова, 1907. 43 с.
7. Будилович А.С. Может ли Россия отдать инородцам свои окраины? СПб.: Типогр. А.С. Суворина, 1907. 49 с.
8. Будилович А.С. Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Т. II. Варшава: Типогр. М. Земкевич, 1892. 384 с.
9. Будилович А.С. Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Т. I. Варшава: Типогр. М. Земкевич, 1892. 437 с.

10. *Говорский К.А.* Заметка редактора вестника, по поводу помещенной ниже, в IV отделе, статейки «Голос из Батурина» // Вестник Юго-западной и Западной России. 1863. Сентябрь. Отд. IV. С. 70–81.
11. *Говорский К.А.* Отклик «Вестника» «Голосу» // Вестник Юго-западной и Западной России. 1863. Май. Отд. III. С. 72–87.
12. *Гогоцкий С.* На каком языке следует обучать в сельских школах Юго-западной России? // Вестник Юго-западной и Западной России, 1863. Июнь. Отд. IV. С. 95–113.
13. Задачи белорусской интеллигенции // Северо-Западная жизнь. 1913. № 3. 4 января. С. 1.
14. *Конан У.М.* Белорусский вестник // Энциклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 2. Беліцк – Гімн. Мн.: БелЭн, 1994. С. 7.
15. *Конан У.М.* Северо-Западная жизнь // Энциклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 6. Кн. 1: Пузыны – Усяя. Мн.: БелЭн, 2001. С. 274.
16. *Конан У.М.* Белая Русь // Энциклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 1. А – Беліца. Мн.: БелЭн, 1993. С. 493.
17. *Коялович М.О.* Давайте книг для западно-русского народа, или бросьте все заботы об открытии для него школ // День. 1863. № 6. С. 2–4.
18. *Коялович М.О.* Известия из Белоруссии // День. 1862. № 46. С. 11.
19. *Коялович М.О.* Исторические воспоминания по поводу пинских братств // День. 1863. № 52. С. 4–5.
20. *Коялович М.О.* Люблинская уния Литвы с Польшей // День. 1861. № 11. С. 8–12.
21. *Коялович М.О.* О расселении племен Западного края России, по поводу атласа г. Эркerta // День. 1863. № 20. С. 4–9.
22. *Коялович М.О.* По поводу указа сенату 31 марта, о даровании амнистии поднявшим оружие против правительства в Западных губерниях // День. 1863. № 15. С. 1–5.
23. Куда идти? // Северо-Западная жизнь. 1914. № 153. 8 июля. С. 3.
24. *Лаптева Л.П., Никулина М.В.* Будилович А.С. // Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М.: Наука, 1979. С. 86–87.
25. Минувший год // Северо-Западная жизнь. 1913. № 295. 1 января. С. 1.
26. *Митрок З.* Белорусская школа как средство борьбы против полонизации края // Белая Русь. 1906. № 10. 2 марта. С. 2–3.
27. *Н.Б.Г.* Две культуры // Северо-Западная жизнь. 1912. № 287. 20 декабря. С. 1.
28. *Н.Б.Г.* Позиции виленских русских нео-демократов // Северо-Западная жизнь. 1913. № 18. 22 января. С. 3–4.
29. Новые этапы сепаратизма // Северо-Западная жизнь. 1913. № 85. 27 апреля. С. 1.
30. Ответ белорусского священника на послание газеты «День» и прочих ее сотрудников ко всему белорусскому духовенству, помещенное в № 30 этой же газеты // Вестник Юго-западной и Западной России. 1863. Июль. Отд. IV. С. 73–79.
31. Прошлое, настоящее и будущее Белоруссии // Северо-Западная жизнь. 1912. № 203. 8 сентября. С. 1.
32. Северо-Западная жизнь. 1913. № 34. 10 февраля. С. 1.
33. Северо-Западная жизнь. 1913. № 8. 10 января. С. 1.
34. Северо-Западная жизнь. 1914. № 41. 24 июня. С. 1.
35. *Трещенок Я.И.* Михаил Осипович Коялович и его время // *Коялович М.О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Минск: Лучи Софии, 1997. С. 674–678.
36. *Ф -ков Гр.* Белорусские эсперантисты // Северо-Западная жизнь. 1914. № 55. 8 марта. С. 1.
37. Шило в мешке // Северо-Западная жизнь. 1914. № 164. 20 июля. С. 1–2.

Аннотация. В статье утверждается, что белорусская православная интеллигенция консервативного и либерально-консервативного направления отрицательно относилась к идее создания белорусского литературного языка. Это было обусловлено тем, что православная интеллигенция выступала против замены русского языка белорусским. По ее мнению, отказ от русского языка затормозил бы культурное и социальное развитие белорусского народа. Вместе с тем ее представители считали, что белорусские диалекты, литературная традиция Великого княжества Литовского, сами уроженцы белорусских земель приняли активное участие в формировании современного русского литературного языка. Русский литературный язык мыслился как общий для всех восточнославянских этносов, которые составляли русскую нацию.

Ключевые слова: литературный язык, белорусские губернии, консерватизм, общественно-политическая мысль, интеллигенция.

Alexander A. Kiselev, PhD in History, Associate Professor; Department of Political Science, Belarus State Economic University. E-mail: kiselev_aa@list.ru

The Problem of Belarusian Literary Language in Belarusian Conservative Intellectual Tradition (the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)

Abstract. The author of the article claims that Belarusian Orthodox intelligentsia of the conservative and liberal-conservative orientation was negative to the idea of creating Belarusian literary language. That was due to the fact that the Orthodox intelligentsia opposed the replacement of the Russian language with Belarusian. According to them, the rejection of the Russian language would impede the cultural and social development of the Belarusian people. At the same time, some of the intellectuals believed that Belarusian dialects, the literary tradition of the Grand Duchy of Lithuania and the natives of the Belarusian lands themselves participated actively in the formation of the modern Russian literary language. Russian literary language was viewed as mutual for all East Slavic ethnic groups that made up the Russian nation.

Keywords: Literary Language, Belarusian Provinces, Conservatism, Socio-Political Thought, Intelligentsia.

Белорусская историография в российских исторических журналах второй половины XIX – начала XX века

Российские историко-литературные журналы второй половины XIX – начала XX века являются своеобразным видом исторической периодики, который развился от архивно-библиотечного сборника («Русский архив») к историко-популярному изданию («Исторический вестник») и далее к печатному органу общественно-реформистского движения либерального толка («Голос минувшего») или журнальной беллетристики («Наша старина»). В ряду других исторических журналов (академических, археографических, архивных и военно-исторических обществ) они обращают на себя внимание своей ориентацией на широкую «непрофессиональную» аудиторию. Историко-литературных периодических изданий в рассматриваемый период насчитывается до двадцати, из них большая часть выходила в Санкт-Петербурге («Русская старина», «Древняя и Новая Россия», «Исторический вестник», «Всемирный вестник» и другие), три в Москве («Русский архив», «Голос минувшего», «Летопись») и одно в Киеве («Киевская старина») [1, с. 3–8]. Все эти журналы типологически объединяет наличие литературной части в виде статей по истории русской литературы, публикация переписки известных русских литераторов, иногда в качестве приложения печатались исторические романы («Исторический вестник»). Однако несмотря на наличие литературной составляющей, указанные журналы сохраняли свой специальный исторический профиль и могут быть отнесены к отраслевой исторической периодике [2, с. 278–280]. Среди комплекса материалов, опубликованных в этих периодических изданиях, есть публикации, посвященные белорусской проблематике. В настоящей статье объектом изучения будут только исторические журналы, выходившие в столичных городах – Санкт-Петербурге и Москве.

В первую очередь необходимо сделать пояснение относительно терминов «Белоруссия» и «белорусский», поскольку реалии XIX – начала XX века отличались от теперешних. Белорусы составляли тогда большинство жителей Виленской, Минской, Могилевской и Витебской губерний. Их доля также была значительной среди населения Гродненской губернии (половина). По этническому признаку пять названных губерний сейчас принято называть «белорусско-литовскими». В публицистике на протяжении всего рассматриваемого периода устойчивым было обозначение «Белоруссия и Литва», а со второй половины XIX века в употребление вошло неофициальное название «Северо-Западный край». Следует также учесть, что белорусы проживали и на территории Ковенской, Смоленской, Тверской, Псковской и Черниговской губерний, но там их доля составляла меньшинство [3, с. 45]. Кроме этого этногеографического фактора необходимо принять во внимание и ведомственное объединение белорусско-литовских губерний. В разное время существовали Виленский учебный округ (1803–1832, 1850–1917), Белорусский учебный

Хотеев Алексей Сергеевич, магистр исторических наук, аспирант Белорусского государственного университета. E-mail: hoteev@tut.by

округ (1829–1850), Виленское (Литовское) генерал-губернаторство (1794–1912), которое во время действия военного положения 1863–1869 годов включало шесть белорусско-литовских губерний (считая Ковенскую). Таким образом, город Вильна должен считаться своего рода административной и культурной столицей «Белоруссии и Литвы» XIX – начала XX века, не говоря уже о более ранней эпохе Великого княжества Литовского. Необходимо также учесть биографические статьи, посвященные уроженцам Белоруссии, даже если они проявили себя за ее пределами, и обратить внимание на биографические материалы о людях, которые, не будучи белорусскими уроженцами, прибыли в белорусско-литовские губернии по долгу службы и оставили после себя значительный след в белорусской истории и культуре. С учетом всего этого «белорусские» статьи определяются среди других журнальных публикаций своей территориальной направленностью (события и люди из белорусско-литовских губерний) и этнографической составляющей (белорусы и их быт в прошлом и настоящем).

Публикации в исторических журналах можно разделить на две группы: археографические и историографические. К первым относятся издания различных исторических источников, включая документы, письма и мемуары видных исторических деятелей. Вторую группу составляют научные и публицистические статьи, рецензии и отзывы, новостные сообщения, среди которых особое место занимают некрологи. Публикации второй группы в контексте изучения историографии также являются источниками. Их рассмотрение помогает определить особенности и тенденции в освещении белорусской тематики на страницах историко-литературных журналов и в итоге конкретизировать представление о развитии белорусоведения в России. Необходимо также учесть, что столичные журналы, печатая материалы по белорусской истории, популяризовали ее для широкого круга своих читателей – учителей, чиновников и духовенства – по всей стране.

Историографические материалы, касающиеся Белоруссии, выявлены на страницах следующих столичных исторических журналов: «Русский архив», «Русская старина», «Древняя и новая Россия», «Исторический вестник», «Вестник всемирной истории» («Всемирный вестник»), «Былое» («Минувшие годы»), «Голос минувшего», «Светоч», «Историческая летопись» и «Наша старина». Для рассмотрения особенностей этих публикаций уместно распределить их по группам согласно жанровому признаку.

Научные статьи. Отличительными особенностями научной статьи являются исследовательский характер, новизна и оригинальность, обоснованность, логичность и научный стиль изложения. В историко-литературных журналах сотрудничали, как правило, авторы, имевшие университетское филологическое, историческое или юридическое образование, но мало кто из них имел научную степень и занимался исключительно исследовательской или преподавательской деятельностью. Большею частью это были профессиональные литераторы или историки-любители.

По-настоящему научные статьи, подводящие итог авторской исследовательской работе, были здесь редкостью. На фоне других журналов своей «академичностью» выделялась «Древняя и Новая Россия». Сотрудниками этого издания были видные историки Н.И. Костомаров, С.М. Соловьев, К.Н. Бестужев-Рюмин и некоторые другие. По белорусской тематике в журнале были напечатаны статьи русского этнографа С.В. Максимова и литературоведа Л.Н. Майкова. Оба автора являлись членами Русского географического общества. Публикация С.В. Максимова «Обитель и житель» обобщала итоги его этнографических исследований в Могилевской, Минской и Смоленской губерниях, целью которых было выяснение границ проживания белорусов и характеристика особенностей их быта [4]. В статье используется название «Белоруссия» для указания страны, «белоруссы», «белорусское племя» – для обозначения ее жителей. Автор уделил много внимания лингвистическому анализу гидронимии и топонимики, описал образ жизни

крестьян и горожан. При этом С.В. Максимов преувеличил влияние природных факторов на характер и умственный склад белорусов, не придав должного значения социально-экономическим условиям их существования, то есть тяжелым последствиям крепостного права. Статья в «Древней и новой России» была замечена отдельными исследователями – например, историком П.В. Голубовским и филологом Е.Ф. Карским, но большую известность приобрел очерк С.В. Максимова «Белорусская Смоленщина» в третьем томе этнографического издания «Живописная Россия» [5]. Вторая научная статья в журнале «Древняя и новая Россия», авторства Л.Н. Майкова, была посвящена биографии духовного писателя Симеона Полоцкого [6]. Это было первое монографическое исследование жизни и деятельности известного белорусского выходца при дворе царя Алексея Михайловича. Автор обстоятельно разобрал произведения Симеона Полоцкого, указал на их особенности и рассмотрел их в контексте западного схоластического влияния на московскую образованность.

Публицистические статьи. Материалы по белорусской тематике этого жанра гораздо больше представлены в историко-литературных журналах. Они отличаются выраженным субъективным характером и оценочностью авторских суждений, полемичностью, актуальной значимостью и широкой социальной направленностью, популярным стилем изложения.

Центральной темой журнальной публицистики стала деятельность виленского генерал-губернатора гр. М.Н. Муравьева по усмирению польского восстания 1863–1864 годов в Литве и Белоруссии. Статьи такого рода приурочивались, как правило, к годовщинам восстания или установке памятника виленскому генерал-губернатору в Вильне (1898). Авторы публикаций стремились доказать, что действия гр. М.Н. Муравьева по успокоению мятежного края соответствовали государственным интересам России и были направлены на пользу белорусского крестьянства и нужд Православной Церкви.

В частности, такая тенденция присутствует в юбилейном выступлении виленского военного прокурора К.Н. Алянчикова (1874–1936) на торжественном собрании Русского общества в Вильне в 1913 году и опубликованном затем в «Русском архиве» [7]. В тексте приведено немало ссылок на архивные дела судебного ведомства. Среди них обращает на себя внимание справка из документов по аудиторской части о числе приговоренных в 1863 году. Здесь говорится о 6181 судебном деле, которые для 287 человек закончились вынесением смертного приговора. «Если принять во внимание, – говорит К.Н. Алянчиков, – что в это число вошли приговоры над насильниками, так называемыми “жандармами-вешателями” и “кинжалщиками”, присланными главарями восстания для террора, то ни о кровожадности, ни о жестокости начальника края не может быть и речи» [7, с. 487]. «Обстоятельства, среди которых Муравьев принужден был действовать, требовали мер сильных и решительных, – писал отставной чиновник Государственного совета П.М. Майков в биографическом очерке в журнале «Русская старина», – упуская из виду эти обстоятельства, едва ли правильно порицать Муравьева, как это многие делают» [8, с. 276]. «Вовсе не эта сторона деятельности Муравьева заслуживает внимания, – говорилось в редакционной статье «Исторического вестника» об установке в Вильно памятника генерал-губернатору, – а та деятельность, созидательная и положительная в высшем значении слова, которая раз и навсегда прикрепила к подножию русской власти столь долго метавшийся и беспокойный край» [9, с. 1117]. Эти несколько примеров показывают общее направление большинства юбилейных статей о восстании и гр. М.Н. Муравьеве. Только журнал «Голос минувшего» устами редактора В.И. Семевского высказал негативные суждения о виленском генерал-губернаторе, правда, с оговоркой о выгодах, которые он принес белорусским крестьянам: «В крестьянском деле его решительность и замечательная энергия принесли чрезвычайно много пользы сельскому населению Северо-Западного края» [10, с. 246]. Речь идет о сни-

жении выкупных платежей, отмене временнообязанного положения крестьян, наделении землей батраков и дворовых слуг.

Военная тематика традиционно привлекает внимание широкого круга читателей. В исторических журналах имелись публикации о Грюнвальдской битве, Ливонской войне, борьбе за Смоленск между Великим княжеством Литовским, Речью Посполитой и Московским царством, военных действиях Тарговицкой конфедерации. Заметное место среди публикаций занимает Отечественная война 1812 года. Необходимо отметить научно-популярные очерки петербургского историка А.Н. Попова о пребывании императора Александра I в Вильне накануне начала войны, о боевых действиях на ее заключительном этапе (сражение у Березины), написанные на солидной основе русских и иностранных источников [11, 12]. Особенное внимание историки-публицисты уделили эпизоду с присягой архиепископа Могилевского Варлаама (Шишацкого) императору Наполеону. Обстоятельно и критически к этому вопросу подошел протоиерей Андрей Хойнацкий. В своей статье он разобрал исторические свидетельства и бытующие мнения. Церковный историк подверг сомнению популярное представление о честолюбии и недостойности Варлаама и предположил, что тот присягнул Наполеону из желания сохранить храмы своей епархии, что сделал это только наружно, руководствуясь большей частью необдуманно впечатлениями от стремительного движения наполеоновских войск в глубь России [13, с. 536, 541]. Известный исследователь Отечественной войны 1812 года К.А. Военский после детального изучения обстоятельств дела аналогично отверг обвинения архиепископа Варлаама в трусости и подкупе, склоняясь более к тому, что Могилевский владыка совершил свой проступок ради сохранения паствы от мести поляков, состоявших на службе в наполеоновских войсках [14, с. 1042].

Церковная история тоже в значительной мере представлена в журнальной публицистике. Больше всего внимания было уделено деятельности митрополита Иосифа (Семашко) и решению судьбы Брестской унии. Юбилейные воспоминания Полоцкого церковного Собора 1839 года дали повод для целого ряда статей, в которых прослеживаются две тенденции.

В первом случае делается акцент на том, что уния постепенно эволюционировала и превращалась в чистое латинство. Этот процесс ускорился после вхождения белорусских земель в состав Российской империи. Среди униатского духовенства ощущалась потребность выйти из зависимого и подавленного латинством состояния. Главная заслуга в деле возвращения униатов приписывается прелату Иосифу (Семашко), который благодаря своему образованию и личным качествам оказал огромное нравственное влияние на униатскую паству и низшее духовенство, подчеркивается также мирный характер воссоединения. В частности, такая трактовка представлена в публикации петербургского историка-любителя М.И. Городецкого [15].

Другая историографическая тенденция выразилась в критике и даже отрицании «мирного воссоединения». В юбилейной статье петербургского литератора В.Ф. Боцяновского утверждалось, что план прелата Иосифа (Семашко) по постепенному сближению униатов с православием, сокращению униатских монастырей и так далее не был оригинальным, что само обращение униатов было совершено административными способами против воли простого народа и рядовых священников [16, с. 871–873]. Редактор «Голоса минувшего» С.П. Мельгунов приурочил свою статью о судьбах унии к десятилетию указа о веротерпимости 1905 года [17]. Он решительно отказался от принятого православными историками взгляда о закономерности и добровольности воссоединения. С.П. Мельгунов утверждал, что инициатором обращения стал император Николай I, а церковные иерархи были лишь послушными исполнителями его воли. Автор статьи обращал внимание на то, что уния, как бы она ни насаждалась в прошлом, в XIX веке стала уже «народной верой»,

на местах униаты мирно уживались с латинянами и православными, их спокойствие нарушали только различные церковные миссии (со стороны латинян и православных). Автор с некоторыми оговорками доверяет католическим историкам в перечислении гонений на «упорствующих» в католичестве. Он отрицает сам факт обращения в православие, утверждая, что бывшие униаты десятилетиями продолжали практиковать свои прежние обычаи. Таким образом, плоды деятельности митр. Иосифа (Семашко) для них оказались «горькими». Первая из отмеченных историографических тенденций сохранилась в трудах современных церковных историков, а вторая – в работах светских авторов.

Печатались в исторической периодике также статьи этнографического и краеведческого характера. В них приводились сведения о народных легендах и преданиях, записанных на белорусской территории, о семейных обычаях, об этнографических границах проживания белорусов и их взаимоотношениях с литовцами. Материалы по краеведению содержат описания достопримечательностей Минской и Виленской губерний (городища, курганы, замки, дворцы, памятники), а также городов Гомеля, Кобрина, Копыси, Могилева, Полоцка, Пропойска, Семятичей. В статьях белорусы представлялись, как правило, составной частью русского народа, наряду с великорусами и малорусами. Такая точка зрения была характерна, например, для статей этнографа генерала А.Ф. Риттиха. При определении этничности он руководствовался следующими признаками: конфессиональная принадлежность, язык, культурные особенности и историческое происхождение. По совокупности этих черт автор причислял великорусов, белорусов и малорусов к единому русскому народу, а их языковые отличия считал наречиями [18, с. 391].

Информационные сообщения. Освещение текущих событий является одной из функций прессы. В исторических журналах имелись специальные рубрики («Смесь», «Заметки и новости» и другие), в которых печатались сообщения и объявления, касающиеся деятельности различных научных, архивных и образовательных учреждений, а также видных представителей науки и культуры. Особенный интерес имеют материалы юбилейного характера. Зачастую источником для публикации становилась региональная пресса, но присылались статьи и сотрудниками с мест. Таким образом в столичных журналах появились материалы о Девятом археологическом съезде в Вильне (1893 год), Муравьевском музее, Виленском центральном архиве с краткой историей их создания и характеристикой текущего состояния. В периодике встречаются также статьи о частных музеях и библиотеках Вильны: библиотеке виленского адвоката Т. Врублевского, музее инженера А.Р. Бродовского. Печатались сообщения о деятельности управления Виленского учебного округа, Витебского статистического комитета, Общества изучения Белорусского края (Могилев), Западно-Русского общества (Петроград), Северо-Западного отдела Русского географического общества (Вильна). В новостных заметках интерес представляет не только их историческая или официальная юбилейная часть, но и проблемная направленность. Например, в статьях сотрудника «Древней и новой России» П.А. Гильтебрандта неоднократно высказывалась забота о сохранении западнорусских книжных собраний (полемиической литературы, актов Литовской метрики) [19]. В исторических журналах отмечена статьями установка памятников императору Александру II в Минске и гр. М.Н. Муравьеву в Вильне. Все эти материалы имеют значение для изучения культурно-исторической памяти в Белорусском крае.

Некрологи. Формально некролог является информационным сообщением, однако есть некоторые особенные черты, которые отличают его в жанровом отношении: точность сведений, положительность характеристики, внимание к профессиональной деятельности, перечисление заслуг и главных трудов умершего человека. При всей своей краткости некролог отличается полнотой и уникальностью сведений. В историографическом отношении он зачастую становится первой биографической статьей того или иного исторического

лица. В исторических журналах публиковались некрологи ученым, педагогам и деятелям культуры, среди которых были и те, кто связан с Белоруссией и Литвой. Это исследователь положения евреев и правовой системы литовско-русского государства С.А. Бершадский (1850–1896), филолог и библиограф П.А. Гильтебрандт (1840–1905), публицист М.И. Городецкий (1846–1893), мировой посредник в Могилевской губернии и писатель-мемуарист И.Н. Захарьин-Якунин (1840–1906), служащий канцелярии виленского губернатора и литератор Е.П. Карнович (1823–1885), археолог и публицист А. Киркор (1818–1886), виленский педагог и историк П.В. Кукольник (1795–1884), инспектор Виленского учебного округа и автор устава Молодечненской учительской семинарии В.П. Кулин (1822–1900), уроженец Ошмянского уезда польский поэт А. Одынец (1804–1885), уроженец местечка Ружаны польский литератор О.А. Пржецлавский (1799–1879), виленский археограф и педагог С.В. Шолкович (1840–1886).

Библиографические рецензии. Критико-библиографический отдел, содержащий обзор новинок исторической литературы, был составной частью большинства историко-литературных журналов, но особенное развитие получил в «Историческом вестнике». Среди библиографических рецензий, касающиеся прошлого Белоруссии, обращают на себя внимание отзывы на труды концептуального характера. Отмечая ключевые положения, рецензенты популяризовали мысли, высказанные авторами рассматриваемых книг. В исторических журналах были опубликованы краткие отзывы на обобщающие труды профессора Санкт-Петербургской духовной академии М.О. Кояловича, профессора Киевского университета М.В. Довнар-Запольского, преподавателя 1-й Виленской гимназии А.О. Турцевича и преподавателя Виленского реального училища П.Д. Брянцева. Интерес представляет пространная рецензия сотрудника «Исторического вестника» Н.С. Кутейникова на книгу «Белоруссия и Литва. Из исторических судеб Северо-Западного края», изданную П.Н. Батюшковым (СПб., 1890). Текст этой книги был подготовлен тремя авторами – профессорами Киевской духовной академии Н.И. Петровым и И.И. Малышевским при участии М.И. Городецкого. Рецензент отметил важность этого издания, предназначенного для учителей народных школ и самой широкой читательской аудитории, а затем обозначил содержание глав и приложений [20].

Н.С. Кутейников изложил основополагающее видение авторами истории Белоруссии и Литвы, которое можно в кратком виде представить следующим образом. Исторический период жизни Западной Руси начинается крещением при князе Владимире и находит свое продолжение в летописные времена князя Всеслава и других полоцких князей. Вечное устройство, язык и православная вера («русские начала») развиваются в это время на древнерусской основе естественно и свободно. С возникновением Литовского княжества и присоединением к нему западных земель Руси происходит сближение двух народностей (литовцев и русских), политическое доминирование литовских князей сочетается с культурным «обрусением» литовского государства. Поначалу общее течение западнорусской народной жизни не нарушалось. Однако Кривская уния и крещение Литвы по латинскому обряду привели к внутреннему сближению с католической Польшей. Это имело следствием постепенную полонизацию княжеской и боярской верхушки литовско-русского государства. Поскольку поляки скоро показали свою политическую цель в подчинении Литвы и Руси, государственные интересы вынудили литовских князей и магнатов долго отстаивать обособленность своей страны. Однако при этом продолжали уступать шляхетские порядки, постепенно ограничивалась власть великих князей, закрепощалось крестьянство, вводилось Магдебургское право, усиливалась католическая миссия («польско-католические начала»). Все это привело в итоге к политическому слиянию Польши и Великого княжества Литовского в 1569 году. Чтобы укрепить это слияние религиозно, вводится церковная уния, которая, однако, приводит к обратному эффекту: обострению конфессиональной борьбы.

Та в свою очередь переходит в сословную борьбу – казацкие восстания. Внешние войны и внутренние потрясения наряду с усиливающейся борьбой магнатских фамилий приводят к внутреннему ослаблению Речи Посполитой и ее разделам. Однако белорусско-литовские губернии и под властью России остаются в сфере польского влияния, полонизация даже усиливается. Первым шагом к восстановлению «старых русских начал» стало упразднение унии в 1839 году, затем реформа 1861 года освободила белорусских крестьян от неограниченной власти помещиков-поляков, наконец, организационные меры гр. М.Н. Муравьева привели к подавлению последнего польского восстания, укреплению в крае российской власти и доминированию русской культуры. Таким образом, народная жизнь в новых условиях вернулась в свое историческое русло.

Это представление истории Белоруссии целиком укладывается в концепцию борьбы «польско-шляхетских» и «русских начал» М.О. Кояловича, которую в современной белорусской историографии принято называть «западнорусизмом» [21]. Показательно, что слово «борьба» в отзыве Н.С. Кутейникова встречается семь раз, со словом «православие» сочетаются слова «гнет» и «защита», с «западнорусским народом» соседствует «самостоятельность», а с «Россией» – «воссоединение», «закрепление». Автор сам признаёт, что вышедшая книга полезна для соответствующих «политических выводов» и является наглядным «доказательством исторических народных прав России» [20, с. 408, 410].

По постепенному возрастанию в периодике числа отзывов на книги по белорусской этнографии и краеведению можно судить о развитии читательского интереса к региональной проблематике. Самые разные авторы, отмечая рецензиями этнографические и краеведческие труды, употребляли для обозначения страны слова «Белоруссия», «Белорусский край», для обозначения жителей – «белоруссы», «белорусское племя, народность» (часть русского народа наряду с великорусами и малорусами), для языка – «белорусское наречие» (реже – «язык»). Направленность таких рецензий в целом характеризует высказывание петербургского цензора и публициста С.С. Трубачева (1864–1907): «Если раньше белорусский народ считали каким-то пасынком в семье славян, населяющих Россию, <...> народом, обделенным природою духовными дарами, угнетенным, забытым, <...> на котором долго ездили польские паны, язык которого представляет какую-то смесь польского с малороссийским, <...> то теперь можно прийти к выводам диаметрально противоположным: только при сильной народной даровитости объяснимы такие богатства в области своеобразной песни и своеобразного обычая» [22, с. 224–225].

Всего в столичных историко-литературных журналах выявлено 330 историографических публикаций. Среди них 119 публицистических и 3 научные статьи, 40 информационных сообщений и 13 некрологов, касающихся событий и лиц белорусской истории, 155 критико-библиографических отзывов на книги по белорусской проблематике. Количеством они распределяются между журналами следующим образом: на первом месте стоит «Исторический вестник» (47%), затем идут «Русская старина» (25%), «Древняя и новая Россия» (9%) и «Русский архив» (5%). На остальные журналы («Вестник Всемирной истории», «Былое», «Голос минувшего», «Светоч», «Историческая летопись» и «Наша старина») приходится 14% публикаций. Соотнеся эти цифры, можно сделать вывод о том, что региональная проблематика (в данном случае белорусская) больше всего затрагивалась в «классических» исторических журналах, стоявших на консервативных позициях. Либеральные столичные издания начала XX века народнического толка интересовались вопросами окраин в гораздо меньшей степени. Лидирующее положение журнала «Исторический вестник» объясняется развитым библиографическим отделом и бóльшим ежемесячным числом статей журнала по сравнению с другими периодическими изданиями.

В отношении белорусской тематики в историко-литературных журналах необходимо отметить следующие историографические тенденции. Сюжеты белорусской истории рассма-

триваются в публикациях через призму конфессиональных отношений (уния и православие, биографии церковных деятелей, история храмов и монастырей). В концептуальном плане доминирует представление о борьбе в Белоруссии «православно-русских» и «польско-шляхетских начал» – трактовка, характерная для школы «западнорусизма». Ключевыми фигурами в этой борьбе стали митрополит Иосиф (Семашко), возглавивший воссоединение униатов в 1839 году, и гр. М.Н. Муравьев, усмиривший польское восстание 1863–1864 годов в белорусско-литовских губерниях. Последний разработал и внедрил комплексную систему «обрусения», то есть вытеснения «полонизма» из Белоруссии и Литвы с опорой на Православную Церковь, местное крестьянство и прибывший «русский элемент» из центральных губерний. Это изменение внутренней политики, соответствующее государственным интересам России, отвечало также ожиданиям самого русского общества об умиротворении западных губерний. Все это обусловило интерес к этнографии и краеведению Белоруссии в столичных историко-литературных журналах, которые на своих страницах презентовали читающей публике прошлое белорусов как особой ветви русского народа наряду с великорусами и малорусами. Соответственно, в журнальных публикациях обозначались различные этнографические, культурные и конфессиональные особенности Белоруссии, но не в качестве противопоставления белорусской истории общерусской, но как ее дополнение.

Литература

1. *Ущиповский С.Н.* Русская историческая периодика (1861–1917): Материалы к библиографии. СПб., 1992.
2. *Дмитриев С.С.* Источниковедение русской исторической журналистики (Постановка проблемы и проблематика) // Источниковедение отечественной истории. М., 1976. С. 272–305.
3. *Карский Е.Ф.* Белорусы. Т. 1. Введение в изучение языка и народной словесности. Минск, 2006.
4. *Максимов С.В.* Обитель и житель (из очерков Белоруссии) // Древняя и новая Россия. 1876. Т. 2. № 6. С. 127–143; № 7. С. 201–212; № 8. С. 297–310.
5. *Максимов С.В.* Белорусская Смоленщина с соседями // Живописная Россия. Т. 3. Ч. 2. Репр. Минск, 1993. С. 429–472.
6. *Майков Л.Н.* Симеон Полоцкий (историко-литературный очерк) // Древняя и новая Россия. 1875. Т. 3. № 9. С. 6–24; № 10. С. 117–133; № 11. С. 212–229; № 12. С. 367–380.
7. *Алянчиков К.Н.* У портрета графа М.Н. Муравьева // Русский архив. 1914. Кн. 2. № 8. С. 483–491.
8. *Майков П.М.* Памяти графа М.Н. Муравьева // Русская старина. 1898. Т. 96. № 11. С. 263–277.
9. Памятник графу М.Н. Муравьеву в Вильне // Исторический вестник. 1898. Т. 74. С. 1113–1123.
10. *Семевский В.И.* Письма М.Н. Муравьева к А.А. Зеленому 1863–1864 гг. // Голос минувшего. 1913. № 9. С. 240–264.
11. *Полов А.Н.* Эпизоды из истории 1812 года. Император Александр в Вильно // Русский архив. 1892. Кн. 1. № 2. С. 145–184; № 3. С. 341–378; № 4. С. 417–445.
12. *Полов А.Н.* Отечественная война 1812 года: от Малоярославца до Березины // Русская старина. 1877. Т. 18. № 4. С. 609–640; Т. 19. № 6. С. 91–116; Т. 20. № 9. С. 35–76; № 10. С. 177–204; № 11. С. 353–366.
13. *Хойнацкий А.Ф., прот.* Варлаам Шишацкий, бывший архиепископ Могилевский (из истории 1812 года) // Исторический вестник. 1881. Т. 5. С. 522–543.
14. *Г.Л.И. [Глинский Б.Б.]* Рецензия [на книгу: Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 г. Т. III. Белоруссия в 1812 году / Ред. К.А. Военский. СПб., 1912].
15. *Городецкий М.И.* Полувековой юбилей воссоединения западно-русских униатов с Православной Церковью // Исторический вестник. 1889. Т. 35. № 3. С. 693–700.
16. *Боцяновский В.Ф.* Иосиф Семашко и воссоединение униатов // Исторический вестник. 1893. Т. 54. № 12. С. 857–875.
17. *Мельгунов С.П.* Из истории воссоединения униатов в России // Голос минувшего. 1915. № 10. С. 5–37.
18. *Риттих А.Ф.* Западно-русская граница и русская народность // Русская старина. 1907. Т. 130. С. 369–407.
19. *Гильтебрандт П.А.* Литовская метрика // Древняя и Новая Россия. 1878. Т. 3. № 11. С. 261–263; 1879. Т. 1. № 1. С. 79–80.
20. *Кутейников Н.С.* Рецензия на книгу: *Батюшков П.Н.* Белоруссия и Литва. Из исторических судеб Западного края / СПб., 1890 // Исторический вестник. 1890. Т. 39. № 2. С. 406–429.
21. *Коялович М.О.* Чтения по истории западной России. Минск, 2006.
22. *С. Т-в. [Трубачев С.С.]* Рецензия на книгу: *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1887 // Исторический вестник. 1887. Т. 30. № 10. С. 223–226.

Аннотация. В российских исторических журналах второй половины XIX – начала XX века выявлено заметное количество историографических публикаций белорусской направленности. Это публицистические статьи, информационные сообщения, некрологи и критико-библиографические рецензии. Они презентовали белорусскую историю для широкого круга читателей, отмечали этнографические, конфессиональные и культурные особенности Белоруссии в духе концепции «западнорусизма».

Ключевые слова: российская историческая периодика, историография, западнорусизм.

Aleksey S. Khoteev, MA in History, Post-graduate Student, Belorussian State University, Minsk, Republic of Belarus. E-mail: hoteev@tut.by

Belorussian Historiography in Russian Historical Journals of the Second Half of the 19th and the Beginning of the 20th Century

Abstract. There is a number of articles on Belorussian history in Russian historical journals of the second half of the 19th and the beginning of the 20th century. Those are publicistic articles, news reports, obituaries and book reviews. The articles presented the history of Belorussia to the broad circles of readers, noting ethnographical, confessional and cultural aspects of Belorussia in the spirit of “West-Russism” conception.

Keywords: Russian Historical periodicals, Historiography, West-Russism.

«Присвоение» истории или ее постижение? (Русская литуанистика XIX – начала XX века)*

Разглядеть, что истинно, что ложно,
Может только беспристрастный суд:
Осторожно с прошлым, осторожно.
Не разбейте глиняный сосуд!

Владимир Высоцкий
«Зарыты в нашу память на века...» (1971)

Жанр статьи требует некоторой предварительной экспозиции, краткого объяснения того, о чем пойдет речь. Тем более что слова, как известно, весьма полисемантичны. Под историей в данном случае понимается как исторический процесс, так и процесс его изучения, то есть историческая наука¹, а под литуанистикой – область науки, которая занималась изучением Литовско-Русского государства (Великого княжества Литовского, Жомойтского и Русского; далее – ВкЛ), в первую очередь эпохи, предшествующей заключению Люблинской унии 1569 года.

Автор этих строк открыл для себя удивительный мир этого ответвления русского исторического знания еще в 80-х годах прошлого века. Собственно, уже тогда в условиях «перестройки» и позже – «постсоветской» России – мне и довелось после долгого перерыва, вызванного забвением, одному из первых на «нашем пространстве» взяться за изучение этой историографии [35, с. 127; 12, с. 90–102; 13]. Странным казалось, что он – мир этот – оказался заброшенным и забытым. Возникла уверенность в том, что необходима толстая книга, чтобы отдать дань памяти тем замечательным историкам, проанализировать их концепции, их воззрения на феномен Литовско-Русской государственности. К сожалению, книги такой нет и по сей день, а только что упомянутая государственность (как и ее историография) стали объектом достаточно активной научной, околонуучной и псевдонаучной борьбы. В самой этой борьбе ничего необычного и невиданного нет. Такова уж юдоль нашей любимой исторической науки, всего исторического знания, что они просто обречены на те или иные воспетые Люсьеном Февром и многими другими «бои за историю». Впрочем, биться в рамках статьи за историческую правду я

¹ У нас давно уже назрела терминологическая реформа (или революция?), призванная как-то «развести» между собой явления исторического лексикона, значения которых постоянно переплетаются между собой. Надо же как-то все-таки отличать историю от *истории*, историю от историографии и т.д. [11, с. 12–23].

* Исследование выполнено в рамках гранта №19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Российского научного фонда.

Дворниченко Андрей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: a.dvornichenko@spbu.ru

бы не стал: для этого нужны более увесистые (нет, не дубины – борьба должна быть корректной!) сочинения. Да мне уже и приходилось недавно излагать свои представления о Литовско-Русском государстве¹. Но в данном случае речь идет о еще более деликатной сфере – историках, историографии. Встают эти историки давних уже времен перед моим умственным взором, как «пепел Клааса», стучат в мое сердце, и рука, как говорится, сама тянется к перу...

Историкам этим, как, впрочем, и той ветви исторического знания, которой они занимались, сильно не повезло. Собственно, при жизни большинству из них в основном везло. Россию «старого режима» идеализировать не стоит, но историки при царях-императорах не бедствовали и даже били рекорд по продолжительности жизни. Нелегко стало тем, кто перевалил тяжкий рубеж – 1917 год: им пришлось «перестраиваться», приспособливаться к новой власти, а то и лечь на жертвенный алтарь худших интенций этой самой власти, погибнуть от голода, холода и репрессий. Тут достаточно вспомнить выдающегося литуаниста, о котором еще будет речь, – М.К. Любавского, проходившего по пресловутому Академическому делу. Но, говоря о невезении, я вообще-то не личные судьбы имею в виду, а их выдающееся научное наследие.

Советская историография этих историков и их труды оценивала скептически, исходя из своей «презюмции виновности» всей «дореволюционной» науки. Не нравилась эта «дворянско-буржуазная» наука советским историкам, да и не могла бы понравиться. Уже первые историки Страны Советов, сами еще толком не превратившись в советских из российских, критиковали своих коллег за «великодержавность» [43, с. 178, 184]. «Пока царизм кромсал и уродовал Украину, Белоруссию, Литву и другие народы в реальной жизни, историки проделывали то же самое с историей этих народов в своих трудах», – писал другой крупнейший советский литуанист о своих предшественниках [42, с. 166]. Старым историкам инкриминировалось то, что они не осветили столь важные проблемы, как классовая борьба, народные движения, положение трудового народа, производственные отношения в ВкЛ, наличие общих интересов между литовскими, русскими, белорусскими и украинскими народами в их борьбе против общих врагов [40, с. 722–723, 724, 730–731; 41, с. 667, 670–673].

Следствием такого предвзятого подхода к предшественникам было не только искажение историографической картины, но и ослабление российской литуанистики. Но чего можно было ожидать на фоне негативного отношения к нашему историографическому наследию в целом? Оно и изучалось-то не очень активно: и по сей день лучшим советским и постсоветским пособием по русской историографии до 1917 года остается книга Н.Л. Рубинштейна 1941 года издания, подвергшаяся тотальному шельмованию в период борьбы с космополитизмом [34, с. vii – cxxxiv].

Несомненным достижением «перестройки» стало изменение отношения к нашему «дореволюционному» прошлому в целом и к историографии в частности. Мы стали давать наследию российских историков совсем другие оценки, поражаясь их кругозору, актуальности их восприятия истории, глубине их суждений. Через десятилетия они протягивали нам руки и щедро делились своими достижениями в области изучения истории ВкЛ. Но вот на основе СССР возникли новые государства: Россия, Литва, Украина, Белоруссия (другие для нашей темы не важны), и на оценках наших историков это отразилось не очень положительно. Каждому новому государству нужна государственная идеология, которая в первую очередь опирается на «славную» историю. Кому-то с этим было проще, поскольку в багаже были соответствующие наработки, да и историческая карта удачнее легла, кому-то сложнее, а иным и вовсе нелегко.

¹ См., например, последнюю по времени краткую версию [13].

Вот тут-то наши историки с их трудами были мобилизованы, и вокруг них началась (и продолжается) борьба. Естественно, что борьба за историю (в смысле исторического знания) и за историков сливается с борьбой за историю (в смысле процесса). В последнем случае эта борьба чаще всего приобретает характер некоего фарса, когда каждый хочет возвеличить именно свою историю и увести ее в недостижимую взору глубину веков. Это особенно характерно для украинской историографии. Читаешь труды ряда современных украинских историков, философов, филологов и с удивлением узнаешь, что не только добрая доля античной философии обязана своим происхождением благодатной украинской земле, но и тот не всегда симпатичный внешне архантроп, который странствовал по этой земле в доисторические времена, уже имел на голове украинский казацкий «оселедец». Что уж говорить о Киевской Руси! [18]. А как теперь бьются историки этих стран за историю этого самого Великого княжества!

Но мы сейчас о российской историографии этого государственного образования. Я по привычке сказал «российской»¹, но современная ситуация заставляет задуматься о ее национальной принадлежности. В самом деле, может быть, она украинская или белорусская? Или еще чья? Так ведь зачастую на полном серьезе утверждают наши коллеги, причем не только в восточнославянских странах, но и в Германии и Польше. Я тут, естественно, не могу объять всю современную литературу, тем более что она весьма многопланова: есть работы более или менее серьезные, а есть и совсем несерьезные – на потребу дня.

Может быть, самым простым (хотя и деликатным, спорным) вопросом, когда речь заходит о соотношении белорусской и украинской (отчасти и литовской) историографий с российской, является вопрос о национальной принадлежности того или иного историка, а, соответственно, и его включенности в то или иное историографическое пространство. Вернее, даже не о национальности ученых как таковых, а о таких понятиях, как «национальная историография», например, «белорусская» и «украинская». Во всяком случае, восточнославянским (да и западнославянским) историкам тут надо договариваться между собой. Однако при отсутствии договоренности возникает вопрос, а почему, например, российский историк Н.И. Костомаров, который твердо обосновался в курсе «Русской историографии», под пером исследователей разных стран оказывается «украинским» историком? Конечно, Костомарова можно назвать «каноническим “отцом” украинской историографии и ее первым академическим (университетским) специалистом» [58, с. 198], но почему же его именовать украинским историком? [59, с. 334–349]. Почему считать украинским историком профессора Петербургского университета И.И. Срезневского? [21, с. 163].

Фраза о том, что «такие примеры можно множить и множить», в данном случае отнюдь не формула речи. Причем тут вполне применим термин из эпохи моего светлого советского детства – волюнтаризм. Кто-то называет Д.Н. Бантыш-Каменского «украинским» историком, а кто-то просто «российским дворянским»². А почему автор «Обозрения истории Белоруссии с древнейших времен» О. Турчинович – белорусский историк? [16, с. 938]. Иной раз белорусские ученые идут на такое ухищрение: мы узнаем от них, что представители «белорусской [курсив мой – А.Д.] историографии эпохи капитализма вынуждены были работать за пределами края – в университетских центрах Российской империи (М.О. Коялович – в Петербурге, М.В. Довнар-Запольский – в Киеве, И.И. Лаппо – в Дерпте)» [21, с. 172]. Может быть, это главное объяснение того, почему такая «белорусская» историография оказала столь мизерное влияние «на состояние исторического сознания нарождающейся

¹ Я здесь не могу (и не хочу) поднимать проблему соотношения «российский» и «русский», обсуждаемую (не очень успешно) везде и часто – вплоть до очередной российской конституции. Счастье мое или наоборот, но для меня эти понятия идентичные.

² Интересно, что для белорусского историка – автора учебника по историографии Беларуси – Бантыш-Каменский – просто «русский дворянский историк» [3, с. 100].

белорусской нации к началу XX в.»? [21, с. 235]. Да и как эти историки соотносятся с «белорусской» историографией? Трезвомыслящие белорусские историки понимают, что «старить» белорусскую историографию не стоит: первой исторической книгой, написанной на белорусском языке и предназначенной для белорусов, была популярная, не оригинальная в научном отношении [21, с. 234] брошюра В. Ластовского «Кароткая гісторыя Беларусі», опубликованная в 1910 году [39, с. 40]. Украинцам повезло больше: к истокам их историографии можно (достаточно условно) отнести выдающийся «блокбастер» М.С. Грушевского «История Украины-Руси», но и он был создан уже в начале нового столетия.

Не стоит забывать, что тогда была единая Империя Российская. И все историки там были российские. К тому же при ближайшем рассмотрении оказывается, что украинская и белорусская наука действительно разрабатывалась в российских центрах, российскими историками, а на местах в рамках «традиційнай культуры супольную працу рабілі патрыеты-самавукі, гімназісты, настаўнікі і літаратары» [23, с. 70]¹. Другими словами, «рабілі» они краеведение. Я отнюдь не против этой замечательной отрасли знания: мы возрастали под славным слоганом «Люби и знай родной край!». Но краеведение оно и есть *краеведение*...

Впрочем, эта тема шире той, которую я решился рассмотреть в рамках данной статьи. Так что вернемся к российской историографии... и к ее невезению. Итак, от незнания и отторжения в советский период она шагнула в период еще более сложный, попав под огонь национальных (чаще – националистических) исторических сочинений. «Особенностью историографии Беларуси, – писал на заре современной эпохи Михась Бич, – является длительное существование в ней двух антибелорусских концепций – великопольской и великороссийской, которые в конечном итоге приходят к отрицанию самого факта существования белорусского этноса... и признанию Беларуси частью Польши или России» [4, с. 15]. Устами М. Бича говорят те, что видят в российской историографии враждебную силу. Не все высказываются столь резко, спектр воззрений достаточно широк, но в целом картина восприятия интересующей нас историографии вполне прояснилась. Хотя, честно говоря, для понимания она очень туманна, поскольку историография у исследователей – представителей разных стран зачастую просто тонет в исторической политике (да и просто политической риторике), деяниях всех этих «Муравьевых-вешателей» и прочих отвратительных представителей российской администрации (которые, как выясняется, целые народы уничтожали как в Западной России, так и на Кавказе), а также и в тех крайне противоречивых «классификациях» российской историографии, которые сейчас даются.

Каким-то, на мой взгляд, искусственным способом из всего богатства российского научного исторического знания выделяется некий западнорусизм². Определенный его много³ – вот одно из самых мирных: «Заходнерусізм – гэта канцэпцыя, якая адмаўляла гістарычнасць беларусаў як самастойнай і самабытнай этнічнай адзінкі, атаясамлівала іх з вялікарускім этнасам» [3, с. 136]. Долгое (и нудное) изучение соответствующих текстов так и не дало мне возможности понять, кто же конкретно из русских историков относится к этой категории, – приводится список разных лиц и разных явлений. Так, германский историк Р. Линднер в раздел «Западнорусизм» (увязав его

¹ Это перевод немецкого издания [60]. Зачастую и так поступают: сваливают всех историков – и местных «краевцев», и петербургских/московских мэтров в одну кучу и получается величественная «украинская» или «белорусская» историография [см., напр., 3].

² Может быть, в «политической» литературе выделение такого направления и оправдано, но отнесение российских историков к нему (с навешиванием на них ярлыков) совершенно деформирует историографическую картину. В последнем белорусском программном издании вся «белорусская» историография подразделяется на три «подхода», которые якобы существуют до сего дня: западнорусизм, либерально-позитивистский и народнический [20, с. 44–47]. Если мы говорим, о науке, то такого деления нет!

³ Основная литература по западнорусизму на настоящий день: [56; 21, с. 196–206; 25, с. 195–324; 24].

как-то с «национальной историей») включил пеструю группу лиц от М.О. Кояловича до В.Ю. Ластовского [23, с. 70–81]. Туда могут включать и И.Д. Беляева, и менее известных П.Д. Брянцева, И.П. Филевича и др. [3, с. 143]. В этом самом западнорусизме выделяют разные течения, а также этапы его развития. При всей своей неопределенности и размытости западнорусизм стал одним из главных объектов идеологической борьбы, что вновь показало недавнее переиздание работ некоторых историков под эгидой белорусской православной церкви [47, с. 227–248].

Страсти кипят вокруг М.О. Кояловича. Если одни белорусы справедливо считают его замечательным историком [57; 49, с. 385–395], то другие шельмуют даже его классическую «Историю русского самосознания». Трагикомично то, что на протяжении нескольких десятков лет аргументация здесь не меняется: упирают на то, что творчество историка хвалили И. Аксаков и Л. Тихомиров (какой ужас!), а ругали А. Пыпин, А. Брюкнер, В. Пичета, а с недавнего времени и такой известный историк, как М.М. Кром [47, с. 241–242]¹. Блестящую классику русской историографии, о которой на протяжении почти уж сорока лет вещаю студентам Петербургского (Ленинградского) университета, защищать не буду – не нуждается она в этом! Да и работы «западноруса» Кояловича по истории Западной Руси считаю очень интересными...

Ситуация в белорусской науке сложна, как бы повторяя политическую. Уже в первой половине 1990-х годов была выработана противоречивая концепция белорусского прошлого, которая объединялась борьбой против «москвоцентричной доктрины», где возобладали прозападные трактовки. Не случайно немецкий историк писал тогда, что историки Белоруссии и России смотрят в разные стороны [23, с. 482–483]. Тогда исправлять ситуацию взялся президент: в середине 1990-х А.Г. Лукашенко распорядился изъять из системы школьного и вузовского образования учебники образца 1992–1995 годов, созданные на основе «национальной концепции», и заменить их новыми. Апофеозом «президентского демарша» стало внедрение в 2001–2002 годах в историческое образование стандарта, под который подводилась «новая концепция», отраженная в учебнике, написанном по поручению самого президента его институтским преподавателем [50].

Некоторые мысли в этом учебнике вполне импонируют современному российскому читателю, в частности, похвала в адрес Кояловича и западнорусизма. Но в целом много всякого рода преувеличений, недостатков, воззрений еще советского времени, ставших уже архаикой. В общем, учебник стал хорошим объектом для критики, как и его более ранний предшественник [7]. Попытка государственного управления историей – наукой и учебной дисциплиной (была даже создана специальная Государственная комиссия по учебникам) не удалась, а эти учебники скорее способствовали укреплению негативного отношения к российскому историографическому наследию.

«Западноруссизм» и его несчастные (в этом контексте) представители – лишь один из объектов критики в наше несправедливое для историков время. Есть, пожалуй, не менее несчастные – представители «официальной/официозной историографии». Впрочем, их не всегда отличают от «западнорусов». Выделяется среди них Н.Г. Устрялов – можно сказать, дедушка-основатель (если отцом считать К.Н. Бестужева-Рюмина) нашей петербургской исторической школы, первый глава кафедры русской истории в Санкт-Петербургском университете [6]. Правда, критики об этом помнить не хотят и отлучают его от университетской науки, считая «придворным историографом» [21, с. 123]². И почему же он «при-

¹ Этому историку М.О. Коялович, судя по всему, не нравится даже больше, чем президент А.Г. Лукашенко. В «реанимации» наследия Кояловича Саганович видит наступление «конструкций» западнорусизма, причем «не только в Могилеве» [47, с. 243].

² Хорошо хоть, что о профессорстве историка в нашем Петербургском университете не забывают российские исследователи [см. 36, с. 17].

дворный»? Потому, что перстни получал от государя за свои прекрасные труды? Но тогда так награждали. Да и кто от царских перстней отказался бы...

Критикуют русского историка прежде всего за его знаменитую статью о месте ВкЛ в русской истории [52], положения которой затем вошли в состав учебника по русской истории для университетов. Между прочим, это был первый печатный университетский учебник в России. В концепции и образе историка не нравится отнюдь не только то, что он «придворный», но и то, что он основывает свою концепцию на уваровской схеме (самодержавие, православие, народность), а, главное, сама эта концепция. Она вполне ясна из статьи, которая по своей отточенности приближается к математической формуле, а по своему духу – к искреннему монологу. Может быть, потому, что это и изначально не статья, а речь, которую Устрялов сказал на торжественном акте в Главном Педагогическом институте еще за год до опубликования.

Начав с гимна в адрес истории России и ее изучения, ученый отметил и недостатки в этом изучении. Среди них как раз вопрос о месте в истории России государства Литовского. Устрялов дал ясный и четкий ответ на этот вопрос: создание данного государства – результат того процесса, следствием которого стало и возникновение Московского великого княжества – то есть процесса объединения. Вокруг Москвы объединялись «восточные» древнерусские земли, а вокруг Литвы – «западные». «Литовское государство при первых преемниках Гедимина, представляло такую же систему княжеств», какую мы видим в Московском государстве до Ивана III. И государство-то это, по сути, было не столько литовское, сколько *русское*.

Ситуация меняется из-за случайного, по мысли Устрялова, события – женитьбы внука Гедимина Ягайло на польской королеве Ядвиге. С этого времени и началась в ВкЛ борьба русского и польского начал. К концу XVII века польское начало взяло верх в культуре и языке, а униатство поколебало основы православия. Цари же российские, никогда не теряя из поля зрения ВкЛ, старались соединить его с Московским государством в одну державу. Тут мэтр российской науки, на мой взгляд, несколько приукрасил ситуацию, заявив, что и подвластный Ягеллонам «русский народ» неоднократно изъявлял желание «видеть своим Государем царя православного» [52, с. 24].

В третьей части своей работы историк проанализировал то, как воспринимали ВкЛ современники. И выяснилась удивительная вещь! Ясное дело, что московские летописцы («восточной Руси») были сосредоточены на московской истории и практически не замечали ВкЛ или имели о нем темные, неопределенные понятия. О западнорусских летописях Устрялов еще не знал и считал, что летописцы Западной Руси прекратили свои сказания в XIV веке и следы их остались в полубаснословной истории поляка М. Стрыйковского. В результате ВкЛ не имеет своего национального историка, а все, что о нем известно, почерпнуто из мутного источника – трудов польских историописателей. Впрочем, не все польские историописатели были едины в трактовке польско-литовских отношений, зато едины были польские историки новейших времен, которые и подали историю ВкЛ как историю польской провинции.

Запутали польские историки и нас, считает Устрялов. Вот и видится нам возникновение ВкЛ как результат насилия, подобно тому, как возникали германские государства на развалинах Римской империи [52, с. 33]. А в результате мы исключили Литовское княжество из своей Истории, что совершенно неправильно. С самого начала литовцы не имели сил, чтобы захватить такие обширные пространства. Гедимин действовал не столько силой, сколько умной и искусной политикой. В результате возникало русское, по сути, государство, в котором все было русским: вера, язык, гражданские уставы, понятия, нравы, обычаи. Встав на точку зрения польских историков, полагает Устрялов, мы не замечали и мудрой политики государей московских, стремившихся вернуть русские земли. Отсюда же

проистекала и третья ошибка: на соединение Литвы и Польши мы привыкли смотреть, как на дело сугубо постороннее [52, с. 37]. Соответственно, мы не показывали страданий Руси под ярмом польским, не показывали единой, единоплеменной нам Руси западной. «Этого требует полнота науки, иначе воззрение наше на судьбу русского народа будет одностороннее, следовательно, неправильное» – таков сугубо научный вывод историка.

Я, правда, не совсем согласен с самым последним выводом статьи Устрялова. Он рассуждает о том, что пока ВкЛ было самостоятельно и спорило с Москвой, надо с равной подробностью говорить о делах московских и литовских. Потом эта подробность уменьшается и, наконец, после разделов Речи Посполитой «Литовская История должна умолкнуть» [52, с. 42]. Никакая история умолкнуть не должна никогда! Но, конечно, история ВкЛ до Люблинской унии и даже в первое пятидесятилетие после нее – это история более яркая и стремящаяся вылиться в отдельную проблематику (географически и тематически) по сравнению с последующими более серыми веками.

Я столь подробно пересказал содержание знаменитой статьи Устрялова, поскольку и ее умудряются иной раз деформировать в смысловом отношении. Белорусские историки, которые отрицательно относятся к Устрялову, признают при этом, что в его работах содержатся «программные установки», которые уже в 1860-х годах войдут в плоть и в кровь и «западноруссов», и их главного идеолога Кояловича [21, с. 126]¹. Я с пиететом отношусь к Устрялову, как и ко всем русским историкам, поэтому мне ближе другое утверждение: «Именно концепция Н.Г. Устрялова после польских событий 1860-х гг. легла в основу практически всех работ, посвященных литовской истории» [36, с. 19]². Не соглашусь только с тем, что он придумал эту концепцию совсем один и сделал это первым³.

Споры о том, кто был «первым», мне представляются неконструктивными. Дело в том, что уже историки «осмнадцатого» века понимали, насколько история ВкЛ включена в русскую историю. Очень близкими считал эти истории наш «первый историк» В.Н. Татищев. Князь М.М. Щербатов уделял этой истории пристальное внимание, «понеже Литовская история в некоторых случаях немалую связь с российскою имеет», А.Л. Шлецер уже полагал сию историю для русской истории просто *необходимой!* [17]. Четко осознавал это, не всегда даже отдавая себе отчет, Н.М. Карамзин. С одной стороны, над ним довлела старая теория трех столиц (Киев, Владимир, Москва): литовцы – завоеватели, из-за которых «наше отечество утратило, и надолго свою древнюю столицу». Но, с другой стороны, в своем знаменитом сочинении он показывает, как возникает новая государственность за счет присоединения (часто добровольного) древнерусских земель, как формируется «Литовская Русь» [16].

Но Устрялов, действительно, вылил эту «включенность» истории ВкЛ в русскую историю в четкие, изящные и совершенно определенные формы. Концептуально оформленное (в самом общем плане) изучение ВкЛ пошло гораздо интенсивнее, к тому же это изучение получило дополнительный стимул благодаря активному развитию археографической работы, громадному пласту опубликованных источников, что стало результатом деятельности археографических комиссий [51].

Развивать эти идеи стали славянофилы (И.Д. Беляев, А.Ф. Гильфердинг), близкий к славянофилам, уже не раз упомянутый М.О. Коялович, а также те, кого традиционно и

¹ Кстати, отношения между творчеством двух выдающихся историков современные историки выстраивают волюнтаристски. Могут и просто написать, что Устрялов раньше Кояловича взялся за изучение ВкЛ [см. 47, с. 242–243].

² Есть в нынешней историографии и мнение о том, что концепция Устрялова сохраняла свое влияние на исследователей до конца XIX века [48, с. 15–16].

³ Для М.Е. Мегема таким «первым и единственным в XVIII – первой половине XIX века в России ученым» является Устрялов [36]. Иногда вспоминают рецензию польско-русского писателя О.И. Сенковского на книгу Августа фон Коцебу о князе Свидригайло (1835), но все равно приоритет отдают Устрялову [см. 8, с. 40].

далеко не всегда убедительно относили к охранительному направлению (К.Н. Бестужев-Рюмин, П.Н. Батюшков, П.Д. Брянцев), представители федералистской теории (Н.И. Костомаров), государственной школы (М.Ф. Владимирский-Буданов и др.) и другие историки. Вот тут, наверное, самое время сказать, что, занимаясь много лет русской историографией, я очень настороженно отношусь к выделению на русской почве различных «школ» и «направлений». Конечно, они были: славянофилы, государственники, юридическая школа, историки народнического толка и др. Но вот насколько полезно для понимания коллективного познания русской истории в целом и истории ВкЛ в частности обращаться к такому делению, я не знаю. Пожалуй, пользы особой не вижу.

А вот противопоставлять историков друг другу – уж точно вредно. Д.В. Карев пишет: «Научно несостоятельной, но активно поддерживаемой правительственной Россией “западноруссистской” версии истории ВкЛ наиболее существенный удар был нанесен фундаментальными трудами молодого российского либерального историка М.К. Любавского» [21, с. 212]. Насколько «либеральным» был этот историк, сказать трудно. Полагаю, что если уж очень сильно, то вряд ли бы он возглавил Московский университет после злополучного дела Кассо, чем фактически спас один из старейших в России университетов. Либеральные профессора тогда «разбрелись розно». Впрочем, и их судить не стоит...

По поводу «либерализма» историка можно спорить, но вот какой он «удар нанес» правительственной версии, совершенно непонятно. Ясно только, что «либеральную» русскую историографию некоторые современные белорусские и украинские историки оценивают более положительно, чем западнорусизм, хотя и тут не обходится без трагикомизма. Тот же белорусский историк отмечает: «Выход в свет к началу XX в. работ М.К. Любавского и М.В. Довнар-Запольского <...> дал российскому ученому миру панорамное “видение” истории такого сложного и малоизученного в науке феномена как Великое княжество Литовское XIII – XVI вв. Эти работы стали базой для формирования последующей отечественной историографической традиции» [21, с. 229]. «Панорамное видение» свойственно было не только этим историкам, а вот как они повлияли на «последующую традицию», хотелось бы понять, ведь до начала 90-х годов прошлого века ни один историк в Отечестве (уж и не знаю, что каждый теперь под «Отечеством» понимает) положительно об их концепциях не высказывался.

«Монблан» (если угодно «Эльбрус» или «Эверест») русской историографии¹ второй половины XIX – начала XX века можно изучать по историческим направлениям, но можно и по университетским (региональным) «школам»². Хотя и тут все условно: ученые переезжали из университета в университет, тем более разлетались по разным местам их ученики. Кстати, современного *российского* историка несколько удивляет, что «местом, где читались лекции, писались монографии и защищались диссертации по истории ВкЛ, стали кафедры русской истории и кафедры истории *русского* права императорских университетов» [22, с. 182]. Ничего тут удивительного нет: история ВкЛ имеет непосредственное отношение к русской истории (о чем еще скажем). Да и сейчас, не будь кафедр русской истории, история ВкЛ в России осталась бы бесхозной: немногочисленные кафедры истории славян ею не очень интересуются, а кафедры медиэвистики, изучающие средневековую

¹ Нынешние историографы называют ее порой «российской царской историографией». Что ж, звучит красиво!

² Такое изучение русской историографии ВкЛ предпринял М.Е. Мегем в своей диссертации [37, с. 90–104]. Я бы только не называл это «институциональным оформлением научных центров». Служили люди в своих университетах, а где им еще было работать? Да еще отмечу, что, например, В.Г. Васильевский – не виленский краевед, а выдающийся историк-византист, представитель петербургской исторической школы.

историю стран Запада – тем более [54, с. 113]¹. Впрочем, если «реформы» образования пойдут в том же темпе, и такие кафедры отомрут за ненадобностью... Тогда же эту историю стали интенсивно изучать.

Пальма первенства, если вспомнить вышеупомянутого Н.Г. Устрялова, безусловно, принадлежит Петербургскому университету. Здесь трудились Н.И. Костомаров, К.Н. Бестужев-Рюмин, С.Ф. Платонов и ряд других историков. Досоветский же финиш литуанистики был просто блестящим – лекции А.Е. Преснякова, которые, правда, увидели свет уже в совсем другой ситуации – в 1930-х годах. Вспомним и западнорусскую школу, признанным центром которой стал Киевский университет². В российском форпосте борьбы с польским влиянием – университете св. Владимира – Н.Д. Иванишев подготовил целую когорту выдающихся историков и историков-юристов: В.Б. Антоновича, М.Ф. Владимирского-Буданова, Ф.И. Леонтовича и др. Потом здесь трудились ученики уже В.Б. Антоновича, среди которых выделяется М.В. Довнар-Запольский – крупный российский историк (одним из основателей белорусской историографии он станет позже).

Был и один историк, которого уже в рамках того времени хочется назвать не «российским», а «украинским». Это М.С. Грушевский, хотя он и в Петербурге издавал свои труды, а брат его – А.С. Грушевский – обучался на кафедре в университете того же города, где и издал свою главную книгу. Но ярко выраженный «украинизм» М.С. Грушевского, который стал оформляться даже ведь и не в Киеве, а в Лемберге (так «по-австрийски» именовался Львов) располагает-таки к тому, чтобы называть его «украинским»...

Несколько позже других в изучение ВкЛ включился Московский университет. Здесь работал уже упоминавшийся И.Д. Беляев, а М.К. Любавский, будучи одним из крупнейших историков России того времени, без сомнения стал величайшим литуанистом в России. С этим университетом была связана судьба и одного из основателей белорусской советской исторической науки – В.И. Пичеты. Естественно, не все работали в университетах: кто-то их только окончил, а потом подвизался на других поприщах и тоже внес свой вклад в изучение ВкЛ, а кто-то даже и «университетов не кончал», а, будучи самородком, стал крупным историком. В общем, к началу XX века в России сформировалось профессиональное сообщество историков, занимавшихся историей ВкЛ³. И это сообщество произвело на свет выдающуюся научную продукцию. Оно вело при этом полноценную и полнокровную научную жизнь: возникала оживленная полемика, публиковались многочисленные рецензии. Вспомним, например, разбор М.К. Любавским работ Ф.И. Леонтовича, М.В. Довнар-Запольского и ряда других историков [27, с. 348–394; 28; 29]. Или критическое рассмотрение работы самого Любавского другими специалистами⁴.

По моему глубокому убеждению, воспринимать российскую историографию надо все-таки не по научным центрам, а по ее научным достижениям и при этом целостно, так сказать, *in toto*. Конечно, с учетом их общих взглядов. И тогда оказывается, что российская историография XIX – начала XX века – это целостная научная система, в которой воззре-

¹ Не согласен я только с тем, что «история ВкЛ осталась “за скобками” российского образовательного процесса». По крайней мере в Санкт-Петербургском университете на протяжении постсоветского времени эта история была и остается вполне доступной.

² Сейчас больше в ходу название «киевская» школа, о которой ряд интересных и содержательных работ написал брянский историк С.И. Михальченко. Что же, в таком виде: «киевская школа российской историографии» – я ее вполне приемлю. Впрочем, ученые, принадлежащие к этой школе, служили в разных университетах: от Киева до Томска.

³ С этим согласен и М.М. Кром [22, с. 185]. Я вот только не согласен с утверждением, что изучение в России ВкЛ было «наднациональным» проектом. Это был российский национальный проект!

⁴ Большая рецензия И.И. Лаппо на эту книгу М.К. Любавского появилась в «Чтениях в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете» (1903, кн. 3), а отзыв Ф.И. Леонтовича – в «Отчете о XLV присуждении награды графа Уварова» (СПб., 1904) [см. также 33].

ния каждого историка как бы дополняют друга, складываясь в полнокровную яркую картину. Тут поневоле вспомнишь тезис К.Н. Бестужева-Рюмина о едином историографическом потоке, в котором каждый историк занимает свое место¹. Другими словами: все историки важны, все историки нужны.

Для этой историографии были характерны константные подходы к историческим явлениям и историческому процессу в целом. Естественно, что подходы изменялись во времени, но свою константность сохраняли. Генеральная такая линия, которая мне и сейчас, в условиях приближения ко второй четверти XXI века, кажется правильной – та, что история это русская. Ну, скажем, литовско-русская. Во всяком случае, ее никак нельзя отлучить от общерусской истории. И я не сводил бы это только к «терминологическим рамкам». Современный российский автор пишет: «Вслед за термином “Западная Русь”, употреблявшимся еще в 30-х гг. (в частности, Устряловым), входит в научный оборот выражение “Литовско-Русское государство”... Судьбы вышеупомянутых терминов оказались различными: название “Литовско-Русское государство”, получившее широкое распространение в дореволюционной литературе, вышло из употребления в советский период; зато выражение “Западная Русь” активно используется в российской историографии вплоть до настоящего времени» [22, с. 182].

Нет смысла искать место и время рождения термина «Литовско-Русское государство», связывать его с творчеством того или иного историка². Этот научный термин вполне совпадает с расцветом российской историографии ВкЛ, а истоки имеет в самом названии этого государства, которое называлось Великим княжеством Литовским, Руским³ и Жомойтским. Понятие это отражало основные этнические компоненты, из которых состояло государство. Это очень удачный термин, во всяком случае, более адекватный, чем, скажем, «литовско-белорусское», а тем более «белорусско-литовское» государство. Даже отец-основатель белорусской национальной историографии Вацлав Ластовский чаще употреблял название «литовско-русское» государство. Лишь автор первого белорусского учебника Всеволод Игнатовский стал постоянно использовать термин «белорусско-литовское» [45, с. 81].

Как раз с термином «Западная Русь» выходит сложнее. Он стремится к некой политизации. Если мы сейчас скажем «западнорусские земли» применительно к Украине и Белоруссии, то наверняка начнутся обиды. Наверное, поэтому автор вышеприведенной цитаты во втором издании своей книги (к настоящему времени имеется уже и третье) решил отказаться от этого термина и заменить словами: земли «Литовской Руси», «пограничные земли» [22, с. 182].

Я против понятия «Литовская Русь» ничего не имею, но без слова «западнорусский» не обойтись – ведь украинцев и белорусов тогда не было. Характерно, что но-

¹ Никак не соглашусь с тем, что российская историография ВкЛ – это собрание осколков разбитого зеркала. По мысли А.И. Филюшкина, осколками этими «Москва вертит и так, и эдак, складывает в различных комбинациях. И картины выходят самые разные, но сходные в одном. Россия видит в этом литовском “зеркале исторической памяти” прежде всего саму себя» [53, с. 561]. Необходимость в таких чреватых травмами упражнениях вряд ли была, ведь «зеркало» не литовское, а литовско-русское. По крайней мере для той историографии, о которой идет речь – «длинного XIX века».

² Г. Саганович, например, пишет, что определение «литовско-русское» государство принадлежало М.К. Любавскому [45, с. 78]. Почему именно ему?

³ Это, конечно, отдельная тема, но не могу не отметить, какие танцы устраивает современная историография вокруг соотношения «русский» и «русский», попросту говоря, вокруг отсутствия/присутствия еще одной буквы «с». Сей факт позволяет говорить о наличии какого-то другого народа, придумывать некий народ «рутены», использовать термин «русины», что вообще деформирует картину. Ведь достаточно заглянуть в энциклопедию, чтобы вспомнить, что русинами назывались те восточные славяне, которые жили (и живут) на территории Словакии, Закарпатья, Польши (Лемковщина), Венгрии, Румынии, Сербии, Хорватии. В ВкЛ жили не русины, а русские (русские).

вейший белорусский исследователь летописей, отказавшись от понятия «западнорусские летописи», как, впрочем, и от понятий «белорусские» и «белорусско-литовские» и остановившись на определении «летописи Великого княжества Литовского», не смог отказаться от понятия «западнорусский» язык, хотя и отметил, что в аутентичных письменных источниках конца XIV – XVI веков авторы этих источников называют их «рускими» [26, с. 47, 49].

Девять десятых территории ВкЛ занимали именно древнерусские земли, которые со временем оказались в составе этого государства, собственно, послужив основой для его создания. Вот почему русские историки с полным правом изучали историю именно Литовско-Русского государства. Они вполне могли бы изучать и историю *Русско-Литовского* государства (изучают же сейчас в Беларуси «белорусско-литовское государство»), но это были вполне адекватные люди и прекрасные ученые, которые понимали роль не столько литовского этноса (границы его распространения в ВкЛ проследить крайне сложно, но ясно, что далеко на восток он не продвинулся), сколько власти князей-литовцев в созидании этого государственного образования. И здесь мне приходится уже постоять за наших историков не только против историков ближнего или не очень ближнего зарубежья, но и против наших же соотечественников. Речь идет о совершенно извращенном подходе к самой сути «нашего всего» – фундаментального русского знания о ВкЛ.

По мысли М.М. Крома, «после подавления восстания 1830 г. задача “присвоения” истории Литвы, включения ее в русский исторический нарратив была осознана как насущно необходимая» [курсив мой – А.Д.]. После восстания 1863–1864 годов, прокатившегося по Польше, Литве и Западной Белоруссии были предприняты новые попытки «*русификации*» истории ВкЛ. И это продолжалось вплоть до начала XX века. Лишь в работах Любавского и Преснякова уже нет стремления «вписать» ВкЛ в рамки истории России – «от былого замысла осталось конвенциональное название (“Литовско-Русское государство”) и “приписка” к кафедре русской истории» [22, с. 180]. К сожалению, этот, как теперь модно говорить, дискурс воспроизводит и историк уже другого поколения – калининградский исследователь М.Е. Мегем. По его мнению, российские «архитекторы имперского дискурса» пытаются найти место прошлому Литвы в рамках русской истории, запуская механизм «*присвоения* территории, в котором историческая наука оказывается одним из ключевых инструментов» [38, с. 18]. А.М. Столяров понятие «присвоение» не использует, однако пишет о создании Устряловым «национальной» версии истории ВкЛ, «плохо совмещавшейся с научными требованиями» [48, с. 21]. Итак, или «присвоение» самой истории, или «присвоение» с помощью истории, или некая «плохая научная версия» – таковой видится деятельность историков, вдохновляемых российской властью.

Уверен, что такие утверждения в корне противоречат и исторической, и историографической логике! С точки зрения исторической (история как процесс), получается, что где-то и как-то возникло Литовско-Русское государство (может, на другой планете?!), а теперь вот надо его присваивать. С точки же зрения историографической – российские историки, вместо того чтобы данное государство изучать, были якобы озабочены только тем, чтобы, «присвоив» его, куда-то еще и «вписать»! Между тем все было с точностью до наоборот. И почему это А.Е. Пресняков назвал свои лекции по истории ВкЛ – «Лекции по русской истории»?! Еще раз хочу подчеркнуть, что не сбрасываю со счетов политическую сторону хода событий в «Западной России» во времена расцвета российской историографии. Но эту сторону (извиняюсь за тавтологию) уже неплохо изучили с разных сторон, а вот чисто научную составляющую изучать толком не хотят.

Одной из вышеупомянутых констант системы российской историографии была та, что ВкЛ – одно из первых государств, возникших на основе разрозненных древнерусских

земель-волостей (еще одним было Московское государство)¹. Это на первый взгляд очевидное положение стало выдающимся достижением российской историографии в досоветский период. Уже фактически подводя итог развития русской историографии накануне рокового рубежа, М.К. Любавский отмечал, что история ВкЛ является прямым продолжением истории Киевской Руси [30]. Что, кстати, открывает дополнительные возможности, для того чтобы изучать ретроспективным способом саму эту Киевскую Русь на материалах ВкЛ. Эту преемственность прекрасно ощущал и другой «подводитель» итогов – А.Е. Пресняков, который в своих лекциях еще и в противовес националистическим перегибам М.С. Грушевского наблюдал в рамках ВкЛ и Речи Посполитой постепенное вызревание восточнославянских народов: украинского и белорусского [34].

В этом контексте очень важно понять, какое собственно русское наследие легло в основу Литовско-Русского государства? А наследие-то это было общинное – российская историография представляла себе Киевскую Русь в виде множества городов-общин, волостей, древнерусских демократических политий². Эта общинная структура с самого начала вошла во взаимодействие с «военным укладом» литовских племен и их вождей. В этом горниле выплавлялась будущая литовско-русская государственность. Об общинном строе русских земель ВкЛ писали отнюдь не только историки-славянофилы (И.Д. Беляев) или народники (А.Я. Ефименко). Работа М.В. Довнар-Запольского по истории западнорусской общины стала классикой жанра [19]. М.О. Коялович подводил под эту тему религиозное содержание: куда же русская община без православия?! Общинная тематика была близка как основателю киевской исторической школы Н.Д. Иванишеву, так и его ученикам. Так, в «Исследовании о городах в Юго-Западной России» В.Б. Антонович подробно описал внутреннее устройство русских земель в составе ВкЛ, в основе которого лежал принцип общинности.

Важно отметить, что это древнерусское наследие было весьма многогранным, включая в себя и правовые отношения. Древнерусское право, дух Русской Правды продолжали жить в праве ВкЛ. Такое утверждение тоже стало одной из констант русской историографии. Ф.И. Леонтович, М.Н. Ясинский и многие другие (среди исследователей ВкЛ было много историков-юристов) показали, сколь силен был русский дух в Судебнике Казимира, Первом Литовском Статуте, областных привилегиях, которые давались русским землям, входившим в состав ВкЛ. Древнерусские традиции продолжали жить и во многих других сферах бытия этого государства. Подробно об этом в рамках данной статьи невозможно изложить.

Важнее сейчас обратить внимание на другой аспект. Русские историки старались проследить, как разрушалось древнерусское общинно-православное наследие. Происходило это в результате борьбы русского начала с иноземными влияниями, прежде всего польским, ведь польское воздействие с конца XIV века постоянно усиливалось. Прекрасно это было показано в работах наших историков. Вспомним классическую работу В.Б. Владимирского-Буданова «Немецкое право в Польше и Литве», изданную в 1868 году. В ней он показал, как древнерусский городской строй, в основе своей общинный, распадается под сильным влиянием иноземных заимствований, в первую очередь, магдебургского права. Рецепция этого права, выработанного в контексте западноевропейских общественных отношений, привела к ослаблению общины, разрушила связь города с землей, породив взамен былого «земского единства» сословную борьбу и оставив город беззащитным перед натиском враждебных ему внешних сил [10]. В.Б. Антонович, также наблюдая распад

¹ Особая статья – Господа Великий Новгород и Псков, в чьей государственной форме переплавлялось прежнее древнерусское общинное содержание, о чем мне не раз доводилось писать в научной и учебной литературе.

² Подробно этот вопрос рассмотрен [14].

древнерусского городского строя, упор делал на «военно-феодалные порядки», приходившие в столкновение с общинными традициями [2, с. 4–6, 22–26, 46–50, 56–60, 66–70].

Такое столкновение русского и иноземных начал прослеживалось не только в городском строе, но и во многих других сферах, будь это борьба православия и католичества, история права или культуры. Нынешний историк полагает, что «это представление о борьбе “коренного” и “чуждого” “начал” восходит, по-видимому, к знаменитой немецкой исторической школе права, главный теоретик которой, Фридрих Карл фон Савиньи, полагал, что каждый правовой порядок исторически обусловлен, что право развивается органически и является выражением “народного духа” (Volkgeist) [1, с. 298–307]. Отсюда понятно, какую неразрешимую загадку для историков и юристов России второй половины XIX века представляло собой ВкЛ – полиэтничное и поликонфессиональное государство, в котором сосуществовали различные культурные и правовые традиции. Неудивительно, что оно казалось исследователям каким-то нежизнеспособным образованием» [22, с. 184].

Я привел эту, может быть, слишком обширную цитату, потому что она очень характерна для некоторых современных исследователей. После такого высказывания его автор предстает в виде знатока основ западной науки, а русские историки – предтечи наши славные – в виде дурачков, которые не видели дальше своего носа. А нежизнеспособным образованием оно – ВкЛ – все-таки оказалось... Но я не о том... Надо быть совершенно слепым или политически ангажированным, или наивным, чтобы не видеть этого противостояния, хотя и преувеличивать (как и всё) его не стоит. Так, городской строй ВкЛ, заимствованный из Киевской Руси, распался в большей степени не из-за западных заимствований, а из-за развития сословий и формирования частной земельной собственности. Магдебургское право ускоряло этот процесс...

И все-таки борьбу «начал» в ВкЛ не видеть нельзя! Польша больше продвинулась по пути социального расслоения, она бодро шла по пути к шляхетской монархии, где король является лишь *primus inter pares*. И когда после Городельской унии 1413 года польская знать стала делиться с литовской своими генеалогическими легендами, стало ясно, что польские порядки будут прививаться к древу литовско-русской государственности. Добавьте к этому еще и католическую религию, чей прозелетический запал гораздо сильнее и активнее, чем у православия, которое ничего подобного ордену иезуитов уж точно не породило. Интересно, что литовские историки эту борьбу не только замечают, но и эмоционально переживают: для них Люблинская уния 1569 года – это «Люблинская трагедия» [9, с. 393, 647]. Почему же эту борьбу «начал» не хотят видеть современные белорусские и украинские историки?

Кстати, теперь в воззрениях историков, живших десятилетия назад, зачастую видят лишь влияние международных «угроз» их времени¹, которые причудливо контаминировались с политическими и жизненными убеждениями. Тут также не стоит все переворачивать с ног на голову. Вот белорусский историк, который ныне трудится в Вильнюсе, в интересной и содержательной книге, посвященной исторической памяти о Грюнвальдской битве, старается показать, что трактовка «битвы народов» в российской историографии полностью зависела от роста славянофильских (реакционных?) воззрений в российской общественной мысли [46, с. 96–121]. Отсюда, если одни историки и вовсе не придавали значения этой битве, то другие преувеличивали ее роль, трактуя как проявление столкновения глобальных славянских и германских интересов.

Я оставляю тут в стороне критику в книге нашей славянофильской и панславистской общественной мысли – критику, которая оставляет желать много лучшего. Можно ли, на-

¹ Так, современный российский историк пишет, что Карамзин сделал главным противником России в сконструированной им «Ливонской» войне Речь Посполитую потому, что она при нем была самым актуальным противником России [55, с. 3–4].

пример, сейчас критиковать Н.Я. Данилевского устами М.Н. Покровского?! [46, с. 101]. Сейчас нет возможности разбирать саму эту критику. Но если историки, обладавшие тонким политическим чутьем, ощущали ту германскую угрозу, которая начинала витать в воздухе, и в связи с этим артикулировали Грюнвальдскую битву, то что в этом плохого?

Конечно, Карамзин в конце XVIII – начале XIX века мог и не ощущать четко эту угрозу – до созидания «железом и кровью» германской империи было еще несколько десятков лет. Но ведь немецкая угроза от этого не улетучилась. Оттого, что уже в 60-х годах прошлого столетия некоторые польские и германские историки пытались пойти на мировую и совместно похоронить *Drang nach Osten*, заменив его теми или иными формами «колониализации» [46, с. 154–157], это явление не перестало существовать. Во всяком случае, для меня и американских энциклопедий [46, с. 158]. Да и славянским народам, которые оказались под пятой германцев, полагаю, было все равно, что это: «колониализация» или нечто другое. Между прочим, очень хорошо ощущал всю степень германской угрозы для славян подзабытый сейчас уже многими К. Маркс, который, кстати, особых симпатий к славянам и к России не испытывал.

Да и польскую угрозу, несмотря на симпатии к славному польскому народу, вряд ли кто решится ныне отрицать. Национальную психологию не отбросишь, хотя ее по-прежнему толком не изучают. Достаточно сравнить поляков с финнами: и те, и другие в правление Александра Павловича оказались в выигрышной ситуации, получив конституции. Финны со временем выжали из этого максимум возможного, создав свое прекрасное государство, а поляки все восставали и восставали, все боролись с Россией. Не случайно именно там натовские войска размещаются столь активно.

Но вернемся к российской историографии, ставшей своего рода феноменом, который мог родиться только в той самой (несимпатичной сейчас многим) Российской Империи. Можно говорить о том, что российская историография – целостная система исторических взглядов и концепций, воссоздавшая такую же целостную картину истории Литовско-Русского государства. Историки обратились к истории генезиса государства. В этом смысле важна полемика, которая возникла между двумя представителями западнорусской школы: В.Б. Антоновичем и Н.П. Дашкевичем. Уже в этом споре обозначилось большинство тех тем, которые потом постоянно оказывались в центре внимания российских историков: об отношении «народностей» в этом государстве, о характере самого государства, о положении русских земель, о литовском «феодализме». Исследователи (М.Ф. Владимирский-Буданов, Ф.И. Леонтович и др.) старались понять особенности государственного строя ВкЛ, постулируя его федеративный характер. Многие историки изучали различные государственные институты.

Особенно интригующим было происхождение главного органа власти ВкЛ – вального сейма. Волновал вопрос, связано ли его возникновение и появление областных шляхетских сеймов с древнерусским вечем или нет? М.С. Грушевский подметил ошибку М.К. Любавского, для которого сеймы были непосредственным продолжением вечевых собраний Древней Руси. Сам он видел суть общественно-политической эволюции государства в утрате древнерусского наследия. Однако влияние последнего прослеживается вплоть до середины XVI века, так как до этого времени в ВкЛ отсутствовали классовые и сословные границы. Два тома своей многотомной эпопеи Грушевский посвятил ВкЛ. И как тут с ним не согласиться? Только наследие было еще не украинское, а русское.

Магистерская диссертация М.В. Довнар-Запольского о государственном хозяйстве ВкЛ стала своего рода энциклопедией государственной жизни огромного региона Восточной Европы. По мнению исследователя, русское влияние в ВкЛ было не только хронологически более ранним, но и по своему воздействию на государственность (не говоря уже о языке и литературе) более значимым, чем польское. Главная же особенность образо-

вания Литовского государства – в раннем проявлении государственных начал в противовес вотчинным порядкам в самой Литве и земскому строю русских областей. Полемика между Довнар-Запольским и Леонтовичем очень многое прояснила в процессе формирования архаических сословий в ВкЛ. Ученики Антоновича (В.Е. Данилевич, А.М. Андрияшев, А.С. Грушевский и др.) изучали отдельные земли в их «житии» от киевских времен к литовским, что было очень полезно для лучшего познания ВкЛ.

Конец XIX – начало XX века – время глобальных обобщений. А.Е. Пресняков рассматривал зарождение литовской государственности на широком фоне западнорусской истории: «Западной Руси готовилась судьба пойти материалом на строение нового политического здания Великого Княжества Литовского, войти в состав “земли Литовской” в тесном смысле слова, центральной области нового государства, к которой другие области русские примкнули как аннексы» [44, с. 45]. А.Е. Пресняков внимательно прослеживал формирование Литовско-Русской государственности, стремясь глубоко проникнуть в механизм этого сложного, неоднородного процесса. Ученый изучил этапы униатской политики, а также существенные изменения, которые происходили в социально-экономической и политической жизни государства, рассмотрел строй «земель-аннексов», то есть русских земель, вошедших в состав ВкЛ.

Уже первая монография М.К. Любавского стала своего рода энциклопедическим обзором всей структуры ВкЛ. Истории центрального управления посвящена его работа о литовско-русском сейме [31, 32]. Очерк истории ВкЛ, в третьем (первом после 1917 года) издании, в подготовке которого мне удалось участвовать, является целостной картиной становления и развития ВкЛ – по сей день он не имеет аналогов в историографии!

В данной статье я не могу даже кратко изложить достижения российской исторической науки, это и не является ее целью. Позволю себе сделать «двуединый» вывод. Российская историография важна и интересна нам сама по себе – это то наследие, которое надо ценить и уважать, мощный пласт нашей исторической культуры. Полагаю, что на то время (да, может, и на это) наша историография – наивысшее достижение мировой науки в области изучения феномена ВкЛ. Это наследие вполне может стать и своего рода основой, на которой возможно создание нашей новой литуанистики, современного научного российского подхода к исследованию исчезнувшего, но столь значимого и важного государства.

Эта историография XIX – начала XX века неизмеримо выше по уровню, чем последующая советская, которая оказалась гораздо более политизированной и идеологически зашоренной, чем «дореволюционная». Произошло то, что А.И. Филюшкин пронизательно назвал «фрагментацией» исторического знания о ВкЛ [53, с. 599]. Если РСФСР все-таки создала руками В.Т. Пашуто общую работу, правда, не охватив эпоху в целом [42], то другие республики фактически растащили изучение пусть и федеративного, но цельного государства по своим республиканским законам: в Литве изучали литовскую часть, а в Белоруссии и Украине – западнорусские территории¹. Если к этому добавить далеко не всегда плодотворный «классовый подход» и схоластическую «пятичленку» – систему общественно-экономических формаций, которую стремились приложить ко всему, – то отсутствие результативности в изучении ВкЛ станет намного яснее. Современная ситуация тоже не очень радует: худшие традиции советских времен были продолжены – прежде всего изучение теперь уже не по союзным республикам, а по отдельным странам, что при-

¹ Комично, но и трагично то, что в недоразвитости современной украинской историографии ВкЛ современные украинские исследователи фактически обвинили старых русских историков: дескать, их взгляды доминировали и «в связи с этим классическая литуанистика считалась малопродуктивной тематикой» – вот почему якобы вплоть до 1990-х годов на Украине никто толком за ВкЛ и не брался [5, с. 322]. Эх! Кабы они доминировали, а то ведь в советской Украине они были напрочь забыты.

водит к отсутствию обобщающих трудов и «размыванию» всей научной проблематики. Как уже было отмечено, страны сражаются за «свою историю ВкЛ», перетягивая одеяло на себя [16, с. 935–955].

В новой России интерес к истории ВкЛ, который затеплился в 1990-х годах, нельзя сказать, что угас, но в должной степени не разгорелся. Это вдвойне обидно, поскольку мы являемся наследниками такого научного богатства. Я верю в то, что российская научная молодежь будет проявлять все больший интерес к этой увлекательной и очень важной для понимания судеб Восточной Европы тематике, и наши замечательные историки прошлого будут ликовать на небесах, наблюдая появление все новых и новых научных российских трудов по истории Великого княжества Литовского и Русского.

Литература

1. Аннерс Э. История европейского права: пер. со шведск. М., 1994.
2. Антонович В.Б. Предисловие // Архив Юго-Западной России. Ч. V. Т. I. Киев, 1869. С. 1–94.
3. Белазаковіч В.А. Гістарыяграфія гісторыі Беларусі: дапаможнік. Гродна: ГрДУ, 2006.
4. Біч М. Аб нацыянальнай канцэпцыі гісторыі і гістарычнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 1. С. 5–24.
5. Блануца А., Ващук Д. Украина: литовский период истории (современная историография и историческое сознание // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir tautiniai naratyvai. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2009. S. 321–336.
6. Брачев В.С., Дворниченко А.Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.
7. Гісторыя Беларусі: у 2 ч. Ч. 1: Ад старажытных часоў – па люты 1917 г. / пад рэд. Я. Новікава, Г. Марцуля. Мінск, 1998.
8. Веркеенко Г.П., Казакова О.Ю. «Любознательный и честный труженик» Николай Герасимович Устрялов (1805–1870). Орел: Картуш, 2005.
9. Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М.: Фонд имени И.Д. Сытина; Baltus, 2005.
10. Владимирский-Буданов М.Ф. Немецкое право в Польше и Литве. СПб., 1868.
11. Дворниченко А.Ю. К вопросу о предмете историографии // Древняя Русь: общество, власть, культура: сб. ст. к 60-летию профессора В.В. Пузанова / под ред. В.В. Долгова, Д.А. Котлярова. Ижевск: Удмуртский университет, 2020. С. 12–23.
12. Дворниченко А.Ю. Русские дореволюционные историки о городском строе Великого княжества Литовского // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983. С. 90–102.
13. Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского: Очерки истории общины, сословий и государственности (до начала XVI в.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993.
14. Дворниченко А.Ю. Зеркала и химеры: О возникновении древнерусского государства. СПб.: Евразия; М.: ИД КЛИО, 2017.
15. Дворниченко А.Ю. Rus Lietuvos: Великое княжество Литовское от рассвета до заката. СПб.: Евразия, 2019.
16. Дворниченко А.Ю., Кудрявцева Р.-Е.А. Феномен Великого княжества Литовского в научном дискурсе рубежа тысячелетий // Bylye Gody. 2019. Vol. 53. Is. 3. P. 935–955.
17. Дворниченко А.Ю. У истоков российской литуанистики: век «осмнадцатый» // Российская история (в печати).
18. Дворниченко А.Ю. «Воображаемая другая»: Киевская Русь в научно-учебном дискурсе Восточной Европы (в печати).
19. Довнар-Запольский М.В. Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI в. Киев, 1905.
20. История белорусской государственности: в 5 т. Т. 1: Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. Минск: Нац. Акад. наук Беларуси, Ин-т истории, 2018.
21. Карев Д.В. Белорусская и украинская историография конца XVIII – начала 20-х гг. XX в. в процессе генезиса и развития национального исторического сознания белорусов и украинцев. Вильнюс: ЕГУ, 2007.
22. Кром М. Великое княжество Литовское в российской историографии XIX – XX веков // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir tautiniai naratyvai. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2009. S. 177–192.
23. Лінднэр Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX – XX ст. СПб.: Неўскі прасцяг, 2005.
24. Литвинский А. Западноруссизм в российской историографии второй половины XIX – начала XX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Минск, 2004.
25. Литвинский А., Карев Д. Западноруссизм в российской историографии второй половины XIX – начала XX в. // Стэфан Баторый у гістарычнай памяці народаў Усходняй Еўропы. Гродна, 2004. С. 195–324.
26. Лицкевич О.В. «Летописец великих князей литовских» и «Повесть о Подолье»: опыт комплексного критического разбора. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019.

27. *Любаевский М.К.* К вопросу об удельных князьях и местном управлении в Литовско-Русском государстве // ЖМНП. 1894. № 8 (август). С. 348–394.
28. *Любаевский М.К.* Разбор сочинения М. Довнар-Запольского «Государственное хозяйство великого княжества Литовского при Ягеллонах». СПб., 1904 (отдельный оттиск из «Отчета о присуждении премий П.Н. Батюшкова»).
29. [*Любаевский М.К.*] М. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI веке: Отзыв проф. М.К. Любаевского. СПб., 1907 (оттиск из «Отчета о третьем присуждении премий П.Н. Батюшкова»).
30. *Любаевский М.К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. 2-е изд. СПб.: Наука, 2004.
31. *Любаевский М.К.* Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания Литовского статута. М., 1892.
32. *Любаевский М.К.* Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. М., 1910.
33. *Максимейко Н.А.* К вопросу о литовско-русских сеймах (ответ проф. М. Любаевскому). СПб., 1904 (оттиск из ЖМНП за 1904 г.).
34. *Мандрик М.В.* Николай Леонидович Рубинштейн: очерк жизни и творчества // Русская историография. 2-е изд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. vii – сxxxiv.
35. *Мегем М.Е., Вакар М.* Дореволюционная и советская историография Литвы в трудах современных российских историков // Балтийский регион. 2014. № 4 (22). С. 126–136.
36. *Мегем М.Е.* «Русская Литва» в концепции Н.Г. Устрялова // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. 2014. Вып. 12. С. 14–20.
37. *Мегем М.Е.* Средневековая история Литвы (до 1385 г.) в дореволюционной российской и советской историографии: дисс. ... канд. ист. наук. Калининград, 2018.
38. *Мегем М.Е.* Средневековая история Литвы (до 1385 г.) в дореволюционной российской и советской историографии: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Калининград, 2018.
39. *Носевич В.* Проблемы образования Великого княжества Литовского: обзор белорусской историографии // Lietuvos istorijos studiju 2008. № 22. С. 39–57.
40. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 2. М.: Наука, 1960.
41. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 3. М.: Наука, 1963.
42. *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. М.: Наука, 1959.
43. *Пичета В.И.* Введение в русскую историю: (источники и историография). М.: Госиздат, 1922.
44. *Пресняков А.Е.* Лекции по русской истории. Т. II: Западная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1939.
45. *Саганович Г.* Великое княжество Литовское в современной белорусской историографии // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir paveldo „dalybos“. Vilnius: Vilniaus universiteto liedykla, 2008. S. 73–92.
46. *Саганович Г.* Грунвальд у беларускай гісторыі: Спраба разбору палітычнага міфа. Мінск: Медысонт, 2015. (Первоначально книга была издана в Вильнюсе в изд-ве Европейского университета.)
47. *Сагановіч, Генадзь.* Пра так званую “школу праваслаўных гісторыкаў”, або Навошта нам заходнерусізм // Беларускі гістарычны агляд. 2019. Т. 26. Сш. 1–2 (50–51). С. 227–248.
48. *Столяров А.М.* История Великого княжества Литовского в отечественной историографии XIX – начала XX века: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2008.
49. *Теплова В.А. М.О. Коялович и русская православная историография // Коялович М.О.* История воссоединения западнорусских униатов старых времен. Минск, 1999. С. 385–395.
50. *Трещенок Я.И.* История Беларуси. Ч. 1: Досоветский период: Учебное пособие. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2003.
51. *Улащик Н.Н.* Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М.: Наука, 1973.
52. *Устрялов Н.Г.* Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское? СПб.: В типогр. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1839.
53. *Филюшкин А.И.* Вглядываясь в осколки разбитого зеркала: Российский дискурс Великого княжества Литовского // Ab Imperio. 2004. № 4. С. 561–601.
54. *Филюшкин А.И.* «Другая Русь» в русской историографии // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir paveldo „dalybos“. Vilnius: Vilniaus universiteto liedykla, 2008. S. 94–113.
55. *Филюшкин А.И.* Как изучать Ливонскую войну (историографические заметки) // Российская история. 2015. № 4. С. 3–17.
56. *Цвікевіч А.* “Западно-руссизм”. Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX ст. 2-е выд. Менск, 1993 (1-е изд. в 1920-х гг.).
57. *Черепица В.* Михаил Осипович Коялович: История жизни и творчества. Гродно, 1998.
58. *Яковенко Н.* «Польша» и «Литва»: семантика пространств взглядом из Киева (середина XIX – начало XX вв.) // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir tautiniai naratyvai. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2009. S. 193–212.
59. *Błachowska K.* Wiele historii jednego państwa. Obraz dziejów Wielkiego księstwa Litewskiego do 1569 roku w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX w. Warszawa: Neriton, 2018.
60. *Lindner R.* Historiker und Herrschaft. Nationsbildung und Geschichtspolitik in Weißrussland im 19. und 20. Jahrhundert. München: R. Oldenburg Verlag, 1999.

Аннотация. Богатейшая российская историография, посвященная изучению истории Литовско-Русского государства (Великого княжества Литовского и Русского), в последние десятилетия оказалась в эпицентре дискуссий, зачастую подвергаясь огульной критике. Ей не везло и в XX веке, в условиях советской действительности ее жестко критиковали с марксистско-ленинских позиций. В спорах вокруг этой историографии автор сознательно встает именно на российские позиции. Нет оснований считать эту ветвь исторического знания ни украинской, ни белорусской. Это именно российская историография, своего рода феномен, который сформировался в условиях Российской Империи, оказавшихся благоприятными для его формирования. Его можно изучать по существовавшим тогда школам и направлениям, а можно по университетской принадлежности. Однако лучший вариант – сущностное изучение «по концепциям». И в этом смысле «дореволюционная» историография предстает перед нами в виде целостной научной системы, являющейся, пожалуй, самой разветвленной ветвью литуанистики того времени. Ею, в свою очередь, была сотворена яркая и объективная картина истории, которая и сейчас может служить добротной основой для изучения Литовско-Русского государства.

Ключевые слова: Литовско-Русское государство (Великое княжество Литовское и Русское), российская, украинская, белорусская, польские историографии, историографическое наследие.

Andrey Yu. Dvornichenko, PhD in History, Professor, St. Petersburg State University. E-mail: a.dvornichenko@spbu.ru

**“History Misappropriation or Compreension?”
(Russian Lihuanian Studies in the 19th and the Beginning of the 20th Century)***

Abstract. The abundant Russian historiography of the medieval history of Grand Duchy of Lithuania (Lithuanian-Russian State) has become in the last decades the centre of the discussions and is often subject to groundless criticism. This historiography was not very lucky in the Soviet period of the 20th century either, as it was severely criticized from the Marxist-Leninist position. When discussing Russian historiography the author of this article is consciously committed to the Russian positions. There are no reasons to consider this historiography branch either Byelorussian or Ukrainian one, as that was really Russian historiography, - the phenomenon that formed under the favorable specific conditions of Russian Empire before the beginning of the 20th century. The said phenomenon can be studied in different ways: according to the existing then main trends and schools or according to their affiliation with specific universities of Russian Empire. But according to the author of this article the best way to study the issue is in accordance with the main concepts of history. And then the pre-revolutionary historiography appears as an integral scientific paradigm that turns out to be the most divaricate branch of the Lithuanian studies of the time. It created, in its turn, the most vivid and objective historical picture that can still serve as the basis for the studies of Lithuanian-Russian state.

Keywords: Lithuanian-Russian State (Grand Duchy of Lithuania); Russian, Byelorussian, Ukrainian and Polish Historiographies, Historiographic Heritage.

* This research was supported by the grant No 19-18-00073 “National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th–20th Centuries” of the Russian Science Foundation.

Белоруссизм в контексте столыпинского национализма

Националистический курс П.А. Столыпина в историографии, как правило, увязывается с нарастанием консервативных тенденций в правящих верхах и общего политического кризиса. Лишь в работах последних лет эта точка зрения подвергается критике [4, с. 121; 25]. Однако пока суть и мотивы столыпинского национализма рассмотрены недостаточно. Большое значение в рамках этого курса обретал западнорусский вопрос.

Жизнь и карьера П.А. Столыпина изначально были тесно связаны с национальным вопросом. С семилетнего возраста будущий премьер жил в имении Колноберже в Ковенской губернии, в 1863 году конфискованном у участника Польского мятежа графа Э. Чапского. Это тем более символично, что в столыпинской политике впоследствии были вполне ощутимы принципы, выработанные еще знаменитым генерал-губернатором Северо-Западного края М.Н. Муравьевым-Виленским. В 26-летнем возрасте Столыпин был назначен ковенским уездным, а через 10 лет – и губернским предводителем дворянства. В 1902 году молодой предводитель по заданию министра внутренних дел В.К. фон Плеве принял участие в составлении докладной записки о возможностях введения земства в западных губерниях (нынешние Литва, Белоруссия, Правобережная Украина). Предполагалось назначение членов земских управ, чтобы не усиливать влияния и без того активного и наиболее статусного элемента: польских помещиков. Соглашаясь с этим, в собственной докладной записке Столыпин предлагал не делать исключительную ставку на немногочисленных русских помещиков, а смелее выдвигать как лояльных властям поляков и евреев, так и русских (то есть белорусских и малороссийских) крестьян. Иными словами, вполне определенно придерживаясь национального принципа, Столыпин рекомендовал проводить гибкую политику с полным учетом местных реалий. После рассмотрения записки министром Столыпин был назначен на пост гродненского губернатора [10].

Столыпин показал себя распорядительным и волевым администратором, пресекая польские сепаратистские поползновения и поднимая агрономическую культуру белорусских крестьянских хозяйств [26; 4, с. 19]. Его действия на губернаторском посту вполне укладывались в принципы, сформулированные несколько позднее касательно остзейского края: «Русское правительство никогда не стремилось к денационализации проживающих в пределах государства народностей. Весь ход исторического развития Империи показывает, что при присоединении к государству земель, населенных инородческими племенами, монархи Российские, желая обеспечить каждой народности привычный ей строй жизни, стремились обыкновенно сохранять неприкосновенными установившиеся в данной местности правовые отношения, предоставляя в то же время отдельным лицам из числа при-

Гайда Федор Александрович, доктор исторических наук, доцент исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор-консультант Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта. E-mail:fyodorgayda@gmail.com

соединенных народностей приобретать преимущества, присвоенные русским сословиям. Иногда приходилось, однако, устанавливать некоторые стеснения и ограничения отдельных частей населения в свободном удовлетворении гражданственных их потребностей, в видах ограничения интересов коренного русского населения и обеспечения целостности государства» [18].

Став в 1906 году министром внутренних дел и затем премьером, Столыпин инициировал широкую программу реформ, которая включала постепенную отмену стеснений в отношении национальных меньшинств. Премьер обосновывал это общим изменением государственной политики. В письме императору Столыпин писал о евреях: «Исходя из начал гражданского равноправия, дарованного манифестом 17 октября, евреи имеют законные основания домогаться полного равноправия; дарование ныне частичных льгот дало бы возможность Государственной думе отложить разрешение этого вопроса в полном объеме на долгий срок». Премьер приводил также политические соображения, предлагая «успокоить нереволюционную часть еврейства и избавить наше законодательство от наслоений, служащих источником бесчисленных злоупотреблений» [19]. Таким образом, как и в польском вопросе, Столыпин предлагал путем законодательных и административных мер отделить лояльную часть общества от радикальных элементов с постепенным инкорпорированием первой в общее политическое пространство империи. Планировавшиеся меры, одобренные правительством, не были воплощены в жизнь лишь в силу личного нежелания Николая II [20].

Для Столыпина государственническая идея с ее стремлением утвердить порядок на окраинах теперь дополнялась представлением о необходимости укрепления национального чувства в самом государственном ядре. Происходившая эволюция правительственного курса вытекала из учета обстоятельств внутренней и внешнеполитической ситуации (сепаратистских настроений в Финляндии, роста напряженности в Европе и так далее). Конференция кадетской партии в марте 1914 года так рисовала картину в Северо-Западном крае: «Поляки все – узкие националисты. Литовцы в общем прогрессисты, но национализм все же преобладает. Евреи политикой почти не занимаются: последнее время и среди них национализм пустил глубокие корни. <...> Политическая жизнь вся раздробилась по национальным группам». Единственным не пропитанным узким национализмом элементом считались белорусы [28]. Противопоставить этнонационализму Столыпин предполагал национализм государственнический.

Оживление русского государственного чувства Столыпин связывал с парламентаризмом: «С введением нового строя в России поднялась <...> реакция русского патриотизма и русского национального чувства, и эта реакция <...> вьет себе гнездо именно в общественных слоях. <...> В прежние времена одно только правительство имело заботу и обязанность отстаивать исторические и державные приобретения и права России. Теперь не то». Таким образом, Столыпин отмечал низовой характер явления, которое власть обязана и намерена была поддержать. Через два года в своей речи по тому же вопросу премьер уже вполне уверенно констатировал соединение общественных и государственных усилий: «При новом строе Россия не разваливается, не расчленяется на части, а крепнет и познаёт себя» [27, с. 148–149, 304]. Еще более четко политическая философия Столыпина была сформулирована им в речи о западном земстве, произнесенной в Государственном совете 4 марта 1911 года: «Можно понимать государство как совокупность отдельных лиц, племен, народностей, соединенных одним общим законодательством, общей администрацией. <...> Но можно понимать государство и иначе, можно мыслить государство как силу, как союз, проводящий народные, исторические начала. Такое государство, осуществляя народные заветы, обладает волей, имеет силу и власть принуждения, такое государство преклоняет права отдельных лиц, отдельных групп к правам целого. Таким целым я по-

читаю Россию» [27, с. 340]. По тому же поводу премьер задавал парламентариям принципиальный для него вопрос: «Восторжествует ли чувство народной сплоченности, которым так сильны наши соседи на Западе и на Востоке, или народное представительство начнет новую федеративную эру русской истории?» [27, с. 363].

Формулируя задачу национального развития, премьер призывал не поддаваться «ни чувству ложного самолюбия, ни чувству национального шовинизма» [27, с. 290]. Столыпинский национализм не имел агрессивного характера, поскольку в противном случае он создавал бы угрозу государственной целостности. Под модифицированный курс формировалась Партия русских националистов (Всероссийский национальный союз, ВНС), которую отличали государственнические взгляды, национализм и экономическая программа, предполагавшая поддержку крестьянства и отечественной промышленности. Столыпин считал националистов «своим созданием» [29], но партию нельзя было назвать марионеточной: значение премьера в ее создании было важным, но не всеопределяющим [24]. ВНС был организован весной-летом 1908 года. 29 января 1909 года его председатель, член Государственного совета С.В. Рухлов, был назначен министром путей сообщения. В октябре думская национальная группа объединилась с умеренно правыми (П.Н. Балашов) во фракцию русских националистов, а в январе 1910 года последовало объединение двух партийных организаций в единую структуру. После этого думская фракция националистов насчитывала 78 депутатов (17,6% общего числа), ее численность была второй после октябристов – первоначальной «правительственной партии».

Большинство фракции составляли представители западных губерний: малороссы и белорусы. Важно отметить, что националисты по своему составу были демократичнее фракции «Союза 17 октября». В период I сессии дворяне составляли в октябристской фракции 58%, крестьяне – всего 10%, в то время как у умеренно правых и националистов в совокупности – 40 и 28%. После их объединения для единой фракции была характерна наиболее высокая численность крестьян во всей Думе (29% всех депутатов-крестьян) [7]. Таким образом, видоизменяя программу и парламентскую опору, Столыпин рассчитывал на расширение социальной базы своей политики. Стратегическое соглашение с националистами было также подступом к демократизации системы местного самоуправления. Далеко не случайно (и не только в силу проправительственного настроения) фракция в полном составе проголосовала за снижение избирательного ценза в законопроекте о западном земстве [23].

Сторонники ВНС считали белорусов частью русского нарда: «среднерусское племя (или группа племен) – в Могилевской, Минской, северной части Гродненской, западной части Смоленской и некоторых частях Витебской, Виленской и Черниговской губерний» [14]. Этот тезис полностью соответствовал данным фундаментального труда выдающегося этнографа Е.Ф. Карского «Белорусы» [13]¹. «Белоруссизм» рассматривался как новое и искусственное явление. Он ассоциировался лишь с возникшей в 1906 году в Вильне маловлиятельной газетой «Наша Нива»². Местные русские националисты отмечали, что направление, возглавляемое газетой (точнее, в ней самой и заключавшееся), «в государственном смысле пока не опасное, так как никаким успехом среди белорусского крестьянства оно не пользуется» [14].

Вопрос западного земства стал наиболее значимым в русле национального направления для премьера. Ему были посвящены 3 из 16 думских речей Столыпина и 4 из 19 выступлений в Государственном совете; причем, выступая в последнем, премьер прямо заявил, что «с политической точки зрения» вопрос является наиболее значимым среди всех,

¹ См. также [8].

² О политической роли газеты см. [9].

рассмотренных ранее в палате [27, с. 362]. Проект предусматривал создание в шести западных губерниях (Киевской, Подольской, Волынской, Минской, Витебской и Могилевской) выборного земства с национальными куриями – для блокирования политических амбиций польских помещиков. Суть законопроекта формулировалась так: «В этом законе проводится принцип не утеснения, не угнетения нерусских народностей, а охранения прав коренного русского населения, которому государство изменить не может, потому что оно никогда не изменяло государству и в тяжелые исторические времена всегда стояло на западной нашей границе на страже русских государственных начал» [27, с. 362–363]. Столыпин торопился: ему было необходимо создать западное земство в 1911 году, для того чтобы с опорой на него продвигать националистов на парламентских выборах 1912 года¹. Реакция на законопроект со стороны консервативных сил Северо-Западного края была показательной: его полностью поддерживали местные русские националисты; правые выступали за создание конфессиональных курий, не считая белорусов-католиков (около 2 млн человек) частью русского народа; РОС выступил против введения земства как такового, потому что полагал, что влияние польских помещиков в нем все равно возьмет верх. Местные октябристы считали нужным введение земства по общероссийскому образцу [2, с. 99–103].

Законопроект был принят Думой в мае 1910 года и поступил в Государственный совет. 1 февраля 1911 года Столыпин произнес там речь, она была «произнесена с необыкновенным подъемом», и даже противники законопроекта признали ее «красивой и убедительной» [12]. Однако организатором сопротивления стал лидер правой группы П.Н. Дурново, предшественник Столыпина на посту главы МВД и его старый недруг. От имени правой группы он составил письмо царю, в котором прогнозировал конфликт с поляками-землевладельцами, что могло привести лишь к усилению их симпатий в отношении Австро-Венгрии [15]. В результате Николай II позволил правым голосовать «по совести» [16, 6]. 4 марта национальные курии были провалены во время второго чтения законопроекта. «Против» голосовало 92 человека, «за» – 68. Столыпин поддержало 37 правых, 28 отклонили правительственную инициативу (даже их воздержание от голосования уже дало бы сторонникам курий перевес) [3; 4, с. 115]. Правительственная «Россия» констатировала: «Был отвергнут принцип, <...> что русское государство есть органическое целое, а вовсе не простая совокупность отдельных народностей» [22]. Премьер сразу подал в отставку, но вмешательство вдовствующей императрицы Марии Федоровны, а также великих князей Александра и Николая Михайловичей изменило ситуацию [11]². Кризис был разрешен путем проведения законопроекта по статье 87 Основных законов (чрезвычайно-указным порядком). В августе 1911 года на выборах в западных земствах русские националисты добились значительного успеха [17], правительство получило нужных ему людей, преимущественно из среды местной интеллигенции [5]. Депутаты, прошедшие в IV Государственную думу от Северо-Западного края на выборах 1912 года, распределились по фракциям следующим образом: правые – 4, русские националисты и умеренно правые – 23, центр – 2, октябристы – 1, прогрессисты – 1, белорусско-литовско-польская группа – 5 [2, с. 142]. Таким образом, даже после гибели Столыпина фракция ВНС включила в себя 64% представителей края (местные националисты – 14%).

Таким образом, национальная программа П.А. Столыпина сложилась постепенно, под воздействием различных внутри- и внешнеполитических обстоятельств, но не была следствием каких-либо конъюнктурных тенденций и борьбы внутри правящей верхушки. В условиях постепенного и неизбежного размывания сословного строя премьер предполагал создание в России политической нации, ядром которой стал бы русский народ,

¹ Это, в частности, отмечал октябрист И.С. Ключев [21].

² Рассказ Столыпина о роли Марии Федоровны см. [1].

вполне традиционно понимаемый как триединство великорусов, малорусов и белорусов. По мысли Столыпина, это вело не к ограничению прав этнических меньшинств, а к их постепенному расширению в будущем, но на условиях лояльности государственному строю и национальному развитию России. Русский национализм в Северо-Западном крае до 1917 года был обусловлен рядом исторических и политических обстоятельств и намного более влиятелен, чем белоруссизм.

Литература

1. *Бок М.П.* П.А. Столыпин: Воспоминания о моем отце. М., 1992. С. 205–206.
2. *Бондаренко К.М., Лавринович Д.С.* Русские и белорусские монархисты в начале XX века. Могилев, 2003.
3. *Бородин А.П.* Государственный совет России (1906–1917). Киров, 1999. С. 200–203.
4. *Бородин А.П.* Столыпин: Реформы во имя России. М., 2004.
5. *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1911: Дневник и воспоминания / вступ. ст. подгот. текста, биограф. словарь и коммент. Б.М. Виттенберга. М., 2001. С. 85–86.
6. Голос Москвы. 1911. 6 марта.
7. Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Созыв III. Сессия I. СПб., 1908. С. 49–311.
8. *Гронский А.Д.* Академик Е.Ф. Карский как идеологический конструкт белорусской национальной мифологии // Российский либерализм: итоги и перспективы изучения: Сборник материалов Международной научной конференции. 28–29 сентября 2018 г. Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева / под общ. ред. В.В. Шелохаева. Орел, 2018. С. 304–312.
9. *Гронский А.Д.* Влияние белорусской пропаганды на местное население в начале XX в. // Актуальные проблемы науки и образования: Труды и материалы XII международной научно-методической конференции (г. Новозыбков, Брянская обл., 23–24 апреля 2009 г.) / ред. кол.: В.Н. Пустовойтов, С.Н. Стародубец, А.В. Шлома. Брянск, 2009. С. 206–208.
10. Докладная записка П.А. Столыпина по вопросу местного самоуправления в неземских губерниях // П.А. Столыпин: Грани таланта политика. М., 2006. С. 31–35, 47.
11. Из архива: *Vimme С.Ю.* Воспоминания: в 2 т. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 2. С. 881–882.
12. Из кулуаров Государственной думы: информационные листки «Осведомительного бюро» за 1911 год / подгот. текста, вступ., ст. и примеч. И.В. Лукоянова // Нестор: Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 7. Технология власти: источники, исследования, историография. СПб., 2005. С. 99.
13. *Карский Е.Ф.* Белорусы: в 3 т. Варшава, 1903–1912. М., 1916; Пг., 1921–1922.
14. *Катон.* Белорусский «национализм» // Минское Русское Слово. 1913. 13 января.
15. *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого: Воспоминания (1903–1919 гг.): в 2 кн. М., 1992. Кн. 1. С. 388.
16. Новое время. 1911. 6 марта.
17. Новое время. 1911. 6 августа.
18. Письмо барону А.Н. Меллер-Закомельскому. 16 марта 1908 г. // *Столыпин П.А.* Переписка. М., 2004. С. 212–213.
19. Письмо Николаю II. 10 декабря 1906 г. // *Столыпин П.А.* Переписка. М., 2004. С. 21.
20. Письмо царя от 10 декабря 1906 г., адресованное премьеру // *Столыпин П.А.* Переписка. М., 2004. С. 22.
21. Российский Государственный исторический архив. Ф. 669. Оп. 1. Д. 4. Л. 7 об.
22. Россия. 1911. 9 марта.
23. *Савенко А.* О понижении земского ценза // Московские ведомости. 1910. 15 июня.
24. *Санькова С.М.* Русская партия в России: Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орел, 2006. С. 104–115.
25. *Соловьев К.А.* Национализм // Петр Аркадьевич Столыпин: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2011. С. 374–375.
26. *Столыпин П.А.* Биохроника. М., 2006. С. 29–31.
27. *Столыпин П.А.* Нам нужна великая Россия... / П.А. Столыпин // Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / предисл. К.Ф. Шацилло; сост., коммент. Ю.Г. Фельштинского. М., 1991.
28. Съезды и конференции конституционно-демократической партии: в 3 т. М., 1997–2000. Т. 2. С. 603, 606.
29. *Шварц А.Н.* Моя переписка с Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М., 1994. С. 42.

Аннотация. В статье рассматривается политический потенциал двух программ и практик нациестроительства начала XX века, связанных с общерусским и белорусским национальными движениями. Общерусский проект сформулировал премьер-министр Российской империи П.А. Столыпин. Он исходил из постепенного и неизбежного размывания сословного строя, демократизации социальной системы России. Столыпин предполагал создание политической нации, ядром которой стал бы русский народ, вполне традиционно понимаемый как триединство великорусов, малорусов и белорусов. По мнению Столыпина, создание русской нации вело не к ограничению прав этнических меньшинств, а к их постепенному расширению в будущем, но на условиях лояльности государственному строю и национальному развитию России. Русский национализм в Северо-Западном крае до 1917 года был значительно более влиятелен, чем белоруссизм. Последний был представлен лишь немногочисленным кругом сторонников газеты «Наша Нива». В отличие от столыпинского проекта, белоруссизм не имел влияния на значительную часть местного населения.

Ключевые слова: П.А. Столыпин, национализм, Всероссийский национальный союз, Государственная дума, белоруссизм.

Fyodor A. Gayda, PhD in History, Associate Professor, Department of History, Lomonosov Moscow State University; Professor and Consultant, Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University. E-mail: fyodorgayda@gmail.com

Belarusianism in the Context Stolypin's Nationalism

Abstract. The article examines the political potential of the two programs and practices of nation-building at the beginning of the twentieth century associated with all-Russian and Belarusian national movements. The all-Russian project was formulated by the Prime Minister of the Russian Empire P.A. Stolypin. He proceeded from the idea of gradual and inevitable erosion of the estate system and democratization of the social system of Russia. Stolypin envisioned the creation of the political nation, the core of which would be the Russian people, quite traditionally understood as the trinity of Great Russians, Little Russians and Belarusians. According to Stolypin, the creation of the Russian nation led not to the restriction of the rights of ethnic minorities, but to their gradual expansion in the future, but on condition of loyalty to the state system and the national development of Russia. Until 1917, Russian nationalism in the Northwest region was much more influential than Belarusianism. The latter was represented by only a small circle of «Nasha Niva» journal supporters. Unlike Stolypin's project, Belarusianism had no impact on any significant part of the local population.

Keywords: P.A. Stolypin, Nationalism, All-Russian National Union, State Duma, Belarusianism.

Петр Андреевич Гильтебрандт как сотрудник журнала «Древняя и новая Россия»

П.А. Гильтебрандт (26.04.1840–29.11.1905) принадлежит к числу видных ученых, оставивших заметный след в изучении белорусской церковной истории и книжной культуры. Как филолог-библеист он является создателем значительного труда в виде «Справочного и объяснительного словаря к Новому Завету» (2448 с. в 6 книгах), который представляет собой симфонию к церковнославянскому тексту с приложением греческих и латинских слов в качестве пояснения. Этот труд был отмечен полной премией митрополита Макария [1]. До конца жизни ученый работал также над составлением аналогичного словаря к книгам Ветхого Завета. Ему удалось в этом направлении закончить и издать только конкорданс к Псалтири. По замечанию профессора Казанской духовной академии П.А. Юнгера, такая кропотливая работа является свидетельством «редко встречаемого усилия воли и страстной энергии», даже на Западе за нее берутся не отдельные лица, а целые «кампании» [2, с. 457]. Не в меньшей степени такая характеристика приложима к археографической и публицистической деятельности П.А. Гильтебрандта.

К сожалению, приходится констатировать, что до сих пор нет полноценной биографии ученого и библиографии его трудов. Родился П.А. Гильтебрандт в селе Перья Касимовского уезда Рязанской губернии в семье врача [3, с. 32]. Окончил Первую Московскую гимназию и в 1861–1862 годах учился на филологическом факультете Московского университета [4, с. 358]. Не окончив университета, сотрудничал в московских газетах «День» И.С. Аксакова и «Голос» А.А. Краевского. По предложению И.С. Аксакова П.А. Гильтебрандт направился в Северо-Западный край, где с 13 марта 1865 года по 17 апреля 1871 года занимал должность библиотекаря Виленской публичной библиотеки, заведовал археологическим отделением [3, с. 32]. Таким образом, он был представителем той волны русских деятелей, которые прибыли в западные губернии по вызову графа М.Н. Муравьева.

В Вильно П.А. Гильтебрандт зарекомендовал себя активным участником различных архивно-научных комиссий. Так, помимо должности библиотекаря, он был помощником архивариуса Центрального архива древних актов, членом Виленской археографической комиссии [5, с. 193–194]. За относительно короткий период времени напряженной работы (по свидетельству другого библиотекаря, С.С. Окрейца, П.А. Гильтебрандт часто засыпал в библиотеке [6, с. 626], что объясняется переутомлением) он составил и подготовил к изданию первый том описания рукописного отделения Виленской библиотеки, редактировал три тома «Археографического сборника» (I, IV, VII), опубликовал Туровское Евангелие, сотрудничал в газете «Виленский вестник» (был помощником редактора А.И. Забелина), участвовал в археографических экспедициях в Волковыск [7, л. 8], в Ковенскую губернию [4, с. 359], подготовил первый выпуск

«Сборника памятников народного творчества в Северо-Западном крае». В его личном собрании сохранилось до 2000 фольклорных записей [5, с. 194].

После увольнения И.П. Корнилова с должности попечителя Виленского учебного округа в 1868 году П.А. Гильтебрандт оказался в числе одиозных сотрудников для виленского генерал-губернатора А.Л. Потапова. Активная издательская и исследовательская деятельность «русского направления» стала сворачиваться. В письме к И.П. Корнилову от 8 апреля 1868 года из Вильно П.А. Гильтебрандт еще писал: «Все мы служили, служим и будем служить делу всем нам общему, делу свято-русскому, так благоговейно названному народным в его творчестве. Дело это, по народному выражению, в сук пошло: никакая воля, никакая сила не сможет сломать его; могут быть колебания, сомнения, даже некоторый временный застой, но ни одну йоту назад!» [7, л. 1]. Однако через два года трудности стали сказываться во многих направлениях, в частности, была сделана попытка прекратить издание «Археологического сборника» на 10-м томе [6, л. 8]. В марте 1871 года П.А. Гильтебрандт писал И.П. Корнилову, что «висит на волоске» [7, л. 11]. Для А.Л. Потапова он оставался непреклонным в своих взглядах на археологическую деятельность, почему обвинялся в неисполнительности и 17 апреля 1871 года был уволен «за упрямство» [3, с. 32].

После конфликта в Вильно П.А. Гильтебрандт непродолжительное время находился в Москве и работал по западнорусской тематике в Синодальной библиотеке, претендовал было на вакантное место в Императорской публичной библиотеке в Петербурге [7, л. 13–13 об.], но устроился в археологическую комиссию при Министерстве народного просвещения. В столице он также продолжал заниматься историей и этнографией западных губерний России. Стал членом Русского географического общества, редактировал 5-й и 6-й выпуски «Памятников русской старины в западных губерниях».

В 1875 году П.А. Гильтебрандт начинает сотрудничество с новым историческим журналом «Древняя и новая Россия», рекомендует на должность корректора А.С. Славутинского (сына мирового посредника из Виленской губернии С.Т. Славутинского) и передает материалы историка-любителя из Ломжинской губернии М.И. Городецкого [8, л. 107–108]. С № 7 за 1876 год по № 4 за 1880 год П.А. Гильтебрандт ведет в журнале рубрику «Заметки и новости» (в ходе обсуждения авторский вариант названия «Газеты и журналы» был заменен редакторским [8, л. 13–114], а с № 10 за 1879 год название поменялось на «Областная печать и современная летопись»). Этот раздел, по мнению его автора, должен был включать «занятое и солидное изложение с оценкой 40–50 заслуживающих внимание новостей», что увеличило бы число подписчиков [8, л. 111–111 об.]. Нужно сказать, что открытие такой рубрики в историческом журнале было новинкой. Журнал «Русский архив» вовсе не знал такого раздела, а «Русская старина» выходила с краткими и сухими книжными рецензиями М.И. Семевского, О.Ф. Миллера и В.С. Иконникова на обертке своей обложки («Библиографический листок»). С этого времени рубрика с рассмотрением книжных новинок и исторических новостей стала постоянной в последующих журналах «Историческая библиотека» («Библиографический указатель»), «Исторический вестник» («Критика и библиография», «Смесь»), «Вестник всемирной истории» («Литературная летопись») и другие.

Количество и тематическое разнообразие заметок, написанных П.А. Гильтебрандтом для журнала «Древняя и новая Россия», впечатляет. В 46 номерах издания, вышедших с его участием (1876–1880), было опубликовано более 700 небольших статей, в которых автор рубрики «Заметки и новости» в достаточно живом изложении отмечал интересные факты истории, археологии, этнографии и книгоиздания России [9, с. 42–53]. Около половины всех этих материалов посвящено церковной тематике (биографии церковных деятелей, церковная книжность, особенности богослужения и обычаев, новости духовных школ и так далее). П.А. Гильтебрандт регулярно обращал внимание на кандидатские сочинения,

которые защищались в Киевской духовной академии. Около половины заметок касаются различных аспектов истории западнорусских губерний.

Непосредственно Белоруссии посвящены 30 заметок автора (всего в журнале выявлено 40 публикаций белорусской направленности). Из них большая часть – это статьи о церковных деятелях, чествовании их памяти, их сочинениях: о святом Кирилле Туровском, преподобном Леонтии Карповиче, преподобном Афанасии Филипповиче, мученике Гаврииле Белостокском, архиепископе Мелетии Смотрицком, архиепископе Варлааме (Шишацком), митрополите Ипатии Потее, протоиреях Иоанне Котовиче и Андрее Червяковском (11 заметок). На втором месте стоят статьи о книжных новинках и библиографии: об издании памятников полемической литературы, библиотечном собрании Красинских, Оршанском Евангелии, книжке о григорианском календаре, «Памятных книжках» Минской и Витебской губерний, изданиях виленской братской типографии (8 заметок). Ряд статей посвящен сохранению исторических и археологических памятников: Литовской метрики, Роговолодову камню, древностям Гродненской и Витебской губерний (6 заметок). Есть также статьи (числом 5), касающиеся различных юбилейных мероприятий, краеведения (местечко Семятичи) и биографий (Хребтовичи, некролог литератора О. Пржецлавского).

Для характеристики исторических взглядов П.А. Гильтебрандта имеет смысл привести несколько цитат из его заметок. Так, в статье о Литовской метрике автор рассказывает о ее происхождении и истории и с горечью останавливается на запущенном ее состоянии в сенатском архиве в Петербурге. П.А. Гильтебрандт приводит обширную цитату из статьи в газете «Голос» (1878, № 292), в которой говорится о том, что метрика до сих пор не разобрана, лежит без описей, плесневеет под надзором Л.М. Зелверовича, какого-то мелкого чиновника, занимающегося в Ораниенбауме лечением зубов. «Что же в результате за восемьдесят три года? – спрашивает П.А. Гильтебрандт. – Пыль, мыши, какие-то выписи, всевозможные ухищрения и препятствия для ученых, желающих проникнуть в архив, отсутствие описей, словом – полный мрак и невежество! Не сомневаемся, что министерство юстиции <...> не замедлит обратить серьезное внимание на этот в высшей степени печальный недосмотр» [10, с. 263]. Далее, в Postscriptum сообщается о готовности составить опись метрики архивной комиссией под руководством Н.В. Калачева и тут же следует эмоциональное заключение автора: «Слава Богу! Давно пора» [10, с. 264]. В продолжение этой темы П.А. Гильтебрандт привел статистические сведения о ничтожном пользовании документами метрики в сенатском архиве и высказался за скорейшую передачу ее в Императорскую публичную библиотеку, причем предложил присоединить и те части, что находились в Москве (посольские книги и другие фрагменты метрики, хранящиеся при Генштабе) [10, с. 80].

В статье о юбилейном акте 50-летия Литовской духовной семинарии П.А. Гильтебрандт замечает, что на заупокойном поминовении не прозвучали имена Леонтия (Карповича), Стефана (Зизания) и Лаврентия (Древинского), «немало пекшихся об основанном не без их влияния (виленском братском) училище», предшествовавшем семинарии. Тут же автор заметки объективно высоко оценивает научные и публицистические труды профессора СПбДА М.О. Кояловича, создавшего целую «ученую школу» исследователей западной России, приверженцем которой являлся и сам П.А. Гильтебрандт. И наконец, заключая свое сообщение характеристикой культурного состояния края, автор заметки писал: «Эта жизнь и этот край в последнее время находятся в заброшенном, забытом состоянии, и местные русские интересы, чаяния и вожелания как бы притупились, уступив место канцелярии, бюрократизму и апатии» [11, с. 347].

Несколько этих примеров показывают общее направление публицистики П.А. Гильтебрандта, который всей душой болел за сохранение исторических памятников Белоруссии и Литвы, особенно свидетельствующих об истории Православия. Необходимо отметить, что автор прилагал к этому непосредственные усилия, занимаясь в археографической ко-

миссии при Министерстве народного просвещения серийным выпуском полемической литературы (IV, VII, XIX тома «Русской исторической библиотеки»), где между прочими были напечатаны такие редкие памятники как «Деяния Виленского собора 1509 г.», «Диариуш» преподобномученика Афанасия Брестского и впервые издана «Палинодия» архимандрита Захарии (Копыстинского). Издавая эти полемические сочинения, редактор рассчитывал, что тем самым «поднимет на надлежащую высоту преподавание обличительного или сравнительного богословия» в духовных академиях [12, с. 352].

В 1877–1878 году между редактором журнала С.Н. Шубинским и издателем В.И. Грацианским нарастал конфликт, который привел к уходу Шубинского. Главной причиной разногласий было различие подходов к финансированию издания. В.И. Грацианский старался удешевить выпуски, гонорары выплачивались нерегулярно, а С.Н. Шубинский непосредственно работал с авторами и не мог терпеть нерегулярность выплат [13, л. 1–3]. После отказа последнего от должности редактирование официально перешло к В.И. Грацианскому, но фактически обязанности редактора стал выполнять П.А. Гильтебрандт [14, с. 9]. В письме к И.П. Корнилову П.А. Гильтебрандт аттестовал издателя как «очень хорошего и очень честного человека», который теперь будет действовать «не один, а вместе со мной, его ближайшим другом и приятелем» [7, л. 18 об.]. Однако, несмотря на все старания новой редакции, журнал продолжал оставаться убыточным. Это привело к постепенному отказу от участия в его издании со стороны разных авторов, в том числе, и П.А. Гильтебрандта. Журнал «Древняя и новая Россия» прекратил свое существование в 1881 году.

С 1884 года почти до самой своей кончины в 1905 году П.А. Гильтебрандт работал справщиком Синодальной типографии, занимал разные должности в Министерстве народного просвещения, пользуясь заслуженным признанием как усердный сотрудник, внимательный исследователь и грамотный филолог. В заключение можно сказать, что в столице России не было другого такого сотрудника редакции исторического журнала, который бы написал сопоставимое количество заметок о церковной истории Белоруссии с такой заботой о сохранении ее книжного наследия. Его публикации, несомненно, способствовали популяризации в России знаний о белорусском прошлом.

Литература

1. Присуждение Императорской Академией Наук полной премии митрополита Макария «Словарю к Новому Завету» П.А. Гильтебрандта // Русская старина. 1888. Т. 60. № 11. С. 547–548.
2. Юнгеров П.А. Отзыв о сочинении «Справочный и объяснительный словарь к Псалтири» П. Гильтебрандта // Христианское чтение. 1900. Ч. 2. С. 453–462.
3. Семевский М.И. Знакомые: Альбом М.И. Семевского, издателя редактора исторического журнала «Русская старина». СПб., 1888. 440 с.
4. Рудаков В.Е. Гильтебрандт П.А. [Некролог] // Исторический вестник. 1906. Т. 103. С. 357–362.
5. Чуриловский Н. Петр Андреевич Гильтебрандт // Русский паломник. 1890. № 17. С. 193–195.
6. Окрейц С.С. Литературные встречи и знакомства // Исторический вестник. 1916. Т. 144. № 6. С. 613–642.
7. Гильтебрандт П.А. Письма И.П. Корнилову. 1868–1898 гг. // РО РНБ. Ф. 377. Д. 589.
8. Письма С.Н. Шубинскому. 1875–1876 гг. // РО РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Д. 4.
9. Систематический указатель статей исторического журнала «Древняя и Новая Россия». СПб.: Издание А.С. Суворина, 1893. 83 с.
10. Гильтебрандт П.А. Литовская метрика // Древняя и новая Россия. 1878. № 11. С. 261–263; 1879. № 1. С. 79–80.
11. Гильтебрандт П.А. Юбилей Литовской семинарии // Древняя и новая Россия. 1878. № 12. С. 346–347.
12. Гильтебрандт П.А. Памятники полемической литературы в западной Руси // Древняя и новая Россия. 1878. Т. 1. С. 352–353.
13. Шубинский С.Н. Письма В.И. Грацианскому. 1877–1878 гг. // РО РНБ. Ф. 874. Оп. 2. Д. 303.
14. Грацианский В.И. От новой редакции // Древняя и новая Россия. 1880. Т. 16. С. 4–9.

Аннотация. В статье рассматривается сотрудничество библиографа и археографа из Вильно П.А. Гильтебрандта (1840–1905) в петербургском журнале «Древняя и новая Россия». В этом издании ему принадлежит значительное число статей по церковной истории и книжной культуре Белоруссии. Характеризуются взгляды П.А. Гильтебрандта как публициста. Его статьи способствовали популяризации в России знаний о западнорусской истории.

Ключевые слова: П.А. Гильтебрандт, историческая периодика, историография, западнорусизм.

Aleksey S. Khoteev, MA in History, Post-graduate Student, Belorussian State University, Minsk, Republic of Belarus. E-mail: hoteev@tut.by

Petr Hildebrandt as Contributor to “Ancient and Modern Russia” Journal

Abstract. The article examines the contribution of Vilno bibliographer and archeographer Petr Hildebrandt to St. Petersburg journal “Ancient and Modern Russia”. The journal published many of his articles on church history and culture. The author analyzes his views as a publicist. Hildebrandt’s articles promoted popularization of the information about West-Russian history in Russia.

Keywords: Petr Hildebrandt, Historical Periodicals, Historiography, West-Russism.

Проекты решения белорусского вопроса в годы Первой мировой войны (1914–1918): региональные аспекты

В начале Первой мировой войны наиболее значимым центром белорусского национального движения был Вильно – крупный город на западе Российской империи, центр генерал-губернаторства, культурная столица земель, входивших ранее в состав Великого княжества Литовского (ВКЛ). В нем пересекались интересы польского, белорусского и литовского национальных движений. Особенности межнациональных отношений, поликонфессиональный состав населения, политическая активность национальных партий и организаций, историческое прошлое серьезно влияли на развитие белорусского движения в начале XX века.

В ходе общественно-политического дискурса к 1914 году в среде белорусских общественных организаций и групп сформировалось два основных варианта видения национального развития белорусского народа в XX веке, которые предусматривали определенную систему политических, социально-экономических и культурных мероприятий. Первый проект отстаивали общественные деятели, которые объединились вокруг издания в Вильно – газеты «Наша Ніва» (1906–1915): братья И.И. и А.И. Луцкевичи, В.У. Ластовский, А.Н. Власов и другие. Многие авторы газеты были активными деятелями Белорусской социалистической громады (БСГ), формально самораспустившейся в 1907 году, но фактически продолжившей свою деятельность. Руководящее ядро «Нашей Нівы» добивалось равноправия всех наций, снятия профессиональных ограничений, сводного употребления местных языков в делопроизводстве и системе образования, реализации права наций на самоопределение. Будущее белорусского народа представлялось в виде национальной автономии в составе демократической федеративной Российской республики [1, с. 14– 17].

После оккупации западных губерний Российской империи германскими войсками, оставшиеся в Вильно «нашенивцы» пытались обосновать необходимость создания конфедеративного государства белорусов, литовцев и поляков, в рамках которого хотели достигнуть независимости от России. Осенью 1915 года И.И. и А.И. Луцкевичи на занятой немцами территории создали Белорусскую социально-демократическую рабочую группу в качестве филиала БСГ. Они выдвинули лозунг «политической независимости Литвы и Беларуси в ее последней исторической форме Великого княжества Литовского». Чуть позже была основана «Конфедерация Великого княжества Литовского», а 19 декабря 1915 года появился универсал «конфедерации» о создании на литовских и белорусских землях независимого государства [1, с. 18]. Однако эта идея не встретила сочувствия у большинства литовских и польских политиков, взявших курс на создание своих национальных государств. С проектом создания независимого белорусского государства в конце 1915 года выступил В.У. Ластовский. В итоге его поддержала вся белорусская «нашенивская» политическая элита,

Лавринович Дмитрий Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, первый проректор Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова. E-mail: lavrin-dmitrij@yandex.ru

оказавшаяся на оккупированной территории. Идея о необходимости самостоятельности для Белоруссии была объявлена белорусской делегацией на конференциях народов России в Стокгольме и Лозанне в 1916 году [1, с. 19].

По-иному видели будущее белорусов представители «Белорусского общества», существовавшего в Вильно в 1908–1915 годах. Своей задачей «Белорусское общество» считало сплотить воедино «слабые еще интеллигентные силы, какими располагает белорусская народность» для поиска путей улучшения положения народных масс. Лидеры общества Л.М. Солоневич и П.В. Коронкевич признавали единство белорусов – православных и католиков, но считали их неотъемлемой частью триединого русского народа (великорусы, белорусы, малорусы). В то же время идеологи «Белорусского общества» считали, что свои интересы на политической арене белорусы должны отстаивать сами. Платформа организации признавала существование особого белорусского языка, но в государственной и культурной жизни допускала использование преимущественно русского языка [2]. В соответствии со своими идеями «Белорусское общество» требовало предоставления белорусским землям административно-хозяйственной, а не национальной автономии.

Большое внимание его идеологи уделяли польскому вопросу в Белоруссии. Польские помещики и костел, проводившие полонизаторскую политику, выступали главными врагами белорусов. Для ослабления польского влияния «Белорусское общество» настаивало на проведении аграрных реформ. Его лидеры ратовали за открытие белорусского бессословного земельного банка, увеличение земельного фонда крестьян за счет государственных, удельных, церковных, части помещичьих земель. «Белорусское общество» поддерживало меры правительства П.А. Столыпина, направленные на организацию хуторских хозяйств.

Особое значение придавалось реформам в сфере народного образования. Предполагалось расширить и сеть средних специальных учебных заведений, часть из них перенести в сельскую местность, чтобы сделать среднее и профессиональное образование доступнее для основной массы простого народа. «Белорусское общество» обещало оказывать содействие белорусам и в получении высшего образования [3, с. 2].

По социально-политическим и экономическим вопросам «Белорусское общество» выступало с позиций, близких сначала октябристам, а затем кадетам. «Белорусское общество» продолжало действовать до середины 1915 года, когда в ходе Первой мировой войны Вильно был занят германскими войсками.

В феврале – марте 1917 года в России произошла революция, свергнувшая императорское правительство. На территории Минской, Могилевской и Витебской губерний формируются белорусские политические партии и организации. Их программные установки и деятельность отличались региональной спецификой, вызванной особенностями социального и национально-конфессионального состава, предшествующими традициями общественной жизни, окружающей политической средой и другими факторами. Белорусские организации, центры которых располагались в Минске, выступали за национально-территориальную автономию Белоруссии в составе демократической России. Белорусские комитеты и союз Могилевской губернии находились под влиянием идеологии западнорусизма, но постепенно эволюционировали влево и сближались с Белорусской социалистической громадой. В Витебской губернии действовала наиболее консервативная организация – Белорусский народный союз, отстаивавшая идею областной автономии Белоруссии, конфликтуя с БСГ.

Минская губерния была самой обширной и превосходила по численности населения другие губернии, с преобладанием белорусского населения. Но с 1915 года по ее территории проходил Западный фронт, штаб которого располагался в Минске. Западные уезды были заняты немецкими войсками. Губерния была преимущественно аграрной, как,

впрочем, и соседние земли. Наиболее крупными населенными пунктами, помимо Минска, в котором перед войной проживало около ста тысяч человек, были Бобруйск, Пинск, Борисов и Слуцк. Сельское население было преимущественно белорусским православным, но в экономической, политической и культурной жизни важную роль играло ополяченное дворянство. В городах, как и в целом на западе империи, преобладало еврейское население. После размещения в Минске военных, санитарных и иных учреждений, связанных с Западным фронтом, в городе появилось множество приезжих из других регионов России. С другой стороны, там же останавливались беженцы, в том числе в город перебрались многие деятели белорусского национального движения. После захвата германской армией Вильно крупнейший населенный пункт на территории белорусских земель Минск естественно стал рассматриваться как их центр. Поэтому именно в Минске раньше, чем в других городах, в марте 1917 года начинается формирование белорусских национальных организаций, которые поспешили обозначить перед Временным правительством наличие «белорусского вопроса».

В Минске на съезде белорусских общественных деятелей в марте 1917 года был образован Белорусский национальный комитет, реорганизованный летом 1917 года в Центральную раду, а в октябре того же года – в Великую Белорусскую раду. Основу национальной платформы данных организаций составила программа Белорусской социалистической громады, формально восстановленной в марте 1917 года, а также программы сотрудничавших с ней партий белорусских народных социалистов, автономистов и других. Лидеры громады ратовали за установление в России демократической федеративной республики, территориальной и персональной автономии для всех национальностей; законодательного признания белорусского языка для использования в образовании, суде, государственных и общественных структурах; добивались от Временного правительства полного самоуправления Белоруссии, передачи власти в руки Краевой рады, которая должна была сформироваться на основе всеобщих выборов; наделения рады правом местного законодательства [4, с. 149, 151]. По сути, Белоруссия должна была получить национально-территориальную автономию с собственным законодательным органом и правительством.

Позиция БСГ была близка и либеральным силам, которые начали консолидацию вокруг партии Христианско-демократического объединения (позднее – Белорусская христианская демократия), о создании которой было объявлено в мае 1917 года. Данная организация стремилась к усилению влияния католической церкви и духовенства на общественную и культурную жизнь. Белорусский народ рассматривался как «безклассовый», на первый план выдвигалась задача предоставления Белоруссии национально-территориальной автономии [5, с. 325]. Тенденции к самостоятельному решению местных проблем были характерны и для образованного в июне 1917 года Союза земельных собственников Минской губернии, в котором ведущие позиции заняли помещики римско-католического вероисповедания во главе с Э. Войниловичем. Одним из активных деятелей союза был и Р. Скирмунт, инициатор создания Краевой партии Литвы и Беларуси, действовавшей до революции [6, с. 259, 261].

Таким образом, и демократическое, и умеренно-либеральное направления белорусского движения в Минске сходились на идее передачи власти местным представительным органам, наделенным весьма широкими полномочиями. Но на востоке Белоруссии планка требований не была первоначально столь высокой.

Могилевская губерния оказалась в центре системы управления действующей армии России. В Могилеве с августа 1915 года располагалась Ставка Верховного главнокомандующего. В городе было размещено много приезжих военных и гражданских чиновников, которые обслуживали деятельность Ставки. Специфика социально-экономической ситуа-

ции, значительно меньшая доля католиков среди населения, традиции политической жизни, в которой ведущую роль играли общероссийские партии, оказали влияние на развитие белорусского национального движения на территории губернии, которое в целом находилось под влиянием идей западнорусизма, но было демократическим по своему составу и политическим программам составлявших его организаций.

Консолидация белорусской интеллигенции и служилого элемента раньше всего началась в Могилеве. В середине марта 1917 года на квартире присяжного поверенного И.О. Реута состоялось организационное собрание местной белорусской интеллигенции. Было решено: прежде, чем создавать собственную организацию, ознакомиться с решениями белорусского съезда в Минске, намеченного на конец марта. На него были делегированы от православных – преподаватель реального училища М.С. Кахонович, от католиков – ксендз Д. Лапошко. На съезде наиболее заметной фигурой был М.С. Кахонович, возглавивший этнографическую комиссию, занимавшуюся определением границ Белоруссии. Он также был включен в состав Белорусского национального комитета и делегации для переговоров с Временным правительством. По возвращении в Могилев 31 марта М.С. Кахонович выступил с отчетом на собрании белорусов (собралось около 40 человек), которое приняло информацию о решениях белорусского съезда в Минске к сведению [7, с. 20]. 15 апреля 1917 года завершилось оформление Могилевского белорусского комитета. В его управу вошли И.О. Реут, исполняющий обязанности директора народных училищ Д.И. Довгяло, студент М.К. Кожемяко, член окружного суда И.И. Романович, инспектор высших начальных училищ И.А. Сербов, ксендз Д. Лапошко, М.С. Кахонович и другие. По преимуществу это были люди либерального и народнического мировоззрения. Председателем организации был избран И.О. Реут, но и М.С. Кахонович играл весьма заметную роль. Общая численность членов комитета составила несколько сот человек [7, с. 20, 21].

Могилевский белорусский комитет поставил себе задачей объединить все белорусское население Могилевской губернии в целях оказания поддержки Временному правительству в борьбе с Германией и ее союзниками, преобразования России в демократическую республику, организации выборов в Учредительное собрание и разработки вопросов, подлежащих разрешению Учредительного собрания в согласии с национальными стремлениями белорусского народа, а также содействия экономическому и культурному развитию Белоруссии [8, с. 133–136].

Белорусский комитет действовал, однако, в довольно сложных условиях. Будучи преимущественно либеральной по своей сути организацией, он не нашел взаимопонимания с местными кадетами, которые считали белорусское движение искусственным. Правда, М.С. Кахонович вступил в Российскую радикально-демократическую партию, признававшую право белорусов на самоопределение [9]. Слева Белорусскому комитету приходилось выдерживать натиск со стороны социалистических партий, особенно эсеров. На выборах в городскую думу 13 августа 1917 года представители белорусского комитета завоевали всего шесть мест из 64-х, уступив и кадетам, и блоку социалистов [10, с. 206, 207]. Являясь интеллигентской организацией, белорусский комитет активнее действовал в учительской среде. В 1917 году в Могилеве состоялось совещание преподавателей средних учебных заведений западных губерний Российской империи. Под влиянием комитета, и особенно М.С. Кахоновича, совещание постановило допустить белорусский язык в преподавание в начальной школе и ввести его в качестве необязательного предмета, наряду с историей, этнографией и географией Белоруссии, в учебный план средней школы [7, с. 35].

По своей платформе и тактике к могилевской организации белорусов был близок Белорусский народный комитет в Орше, созданный в июле 1917 года военным чиновником Н.Ю. Левковичем, преподавательницей женской учительской семинарии М.А. Васильевой, военным контролером В.М. Романовичем и другими. Филиалы организации возникли в

Копыле, Горках, Толочине. Комитет поставил своей целью добиваться участия белорусов в органах местного самоуправления, в выборах и работе Учредительного собрания. Предполагалось преобразование России в федеративное государство, в котором Белоруссия получила бы автономию и собственный представительный орган – Белорусский народный совет, избранный путем всеобщего голосования. Социально-экономическая часть программы оршанского комитета была близка российским социалистическим партиям: национализация земли, восьмичасовой рабочий день, бесплатное образование и медицинская помощь и тому подобное. Отношение к белорусскому языку было вполне в духе западнорусизма: он признавался весьма архаичным и только после научной обработки, по желанию населения, допускалось его применение в школе [11, с. 104, 105].

В Гомеле в мае – июне 1917 года под руководством П.В. Коронкевича, эвакуированного из Вильно бывшего лидера «Белорусского общества», создается Союз белорусской демократии. Программа союза представляла собой, по сути, модернизированный вариант платформы «Белорусского общества». Положительно характеризовалось Великое княжество Литовское, в рамках которого оформилась белорусская народность, и, наоборот, крайне негативная оценка давалась Речи Посполитой, с которой связывались полонизация элиты, религиозный и национальный гнет. «Продолжительный период застоя культуры белорусской сделал то, что белорусы в конце концов утратили свое национальное самосознание и начали определять себя термином «тутэйший», – утверждал П.В. Коронкевич [12, с. 5]. Возрождение белорусов связывалось с русской культурой и языком. «Те белорусы, которые ставят своей целью отделение Белоруссии от России, указывая на самостоятельность своей культуры и языка, образчиком которого служат такие произведения как «Тарас на Парнасе» и «Панское игрище», не могут быть серьезными тормозами в единении свободной Белоруссии со свободной Великой Россией», – писал П.В. Коронкевич, указывая на белорусские организации, консолидировавшиеся вокруг БНК. Задача белорусской интеллигенции, считал он, заключается в работе по объединению белорусов, великорусов и малорусов в одну «несокрушимую народность русскую». А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев и другие русские писатели рассматривались как культурные деятели, общие для всех восточных славян [12, с. 7].

В сфере государственного управления Союз белорусской демократии отстаивал целостность территории Белоруссии с Вильно как ее главным культурным центром, добиваясь самоуправления края в рамках России. В области народного просвещения предполагалось расширить сеть начальных и средних школ, открыть университет, ввести бесплатное обучение, но только на русском языке. Для поднятия авторитета союза его лидеры сумели заручиться поддержкой академика Е.Ф. Карского. Видный ученый одобрил программу союза, указав лишь на возможность применения белорусского языка в начальной школе, изучение его в средних и высших учебных заведениях Белоруссии. Положительно оценивал Карский и развитие литературы на народном языке. П.В. Коронкевич прислушался к советам академика, отредактировал программу, указав, что союз «не препятствует допущению в начальной школе обращения к народному языку и не возбраняет литературы на этом языке» [12, с. 11–12].

Наибольшее значение белорусские организации придавали выборам в Учредительное собрание. Сознвая малочисленность Союза белорусской демократии (БКД), его лидеры решили выступить единым блоком с другими организациями: оршанским Белорусским народным комитетом, могилевским Белорусским национальным комитетом, московской Белорусской народной громадой. В избирательный список белорусских организаций Могилевской губернии вошло 15 кандидатов, 4 из них представляли СБД (П.В. Коронкевич, Д.Г. Гулевич, В.А. Михаленок, К.М. Загоровский), 5 – могилевский комитет (М.С. Кахонович, Д.И. Довгяло, П.А. Сченсновский, Е.С. Олехнович, А.К. Ляхтанович), 3 – оршанский комитет

(Н.Ю. Левкович, В.М. Романович, Г.А. Ермашкевич), 2 – Москву (А.И. Цвикевич, Ф.Ф. Турок) [13]. Результаты выборов оказались неудачными для белорусских организаций, победу одержали общероссийские партии: эсеры, большевики и другие.

После установления советской власти в конце 1917 года деятельность Союза белорусской демократии прекращается. Могилевский и оршанский комитеты эволюционируют влево, в сторону сближения с БСГ. В итоге М.С. Кахонович и его сторонники в 1918 году поддержали идею создания Белорусской народной республики, с которой была связана их последующая деятельность.

Витебская губерния отличалась многонациональным составом населения, так как в западных уездах преобладало латышское население. Кроме того, важную роль также играли старообрядцы, выступавшие еще со времен революции 1905–1907 годов как консервативная сила, ориентированная на поддержку центральных властей. В политической жизни губернии доминировали монархические партии и организации: Всероссийский Дубровинский Союз русского народа, Отечественный патриотический союз (его единственный отдел на территории Белоруссии располагался именно в Витебске), Всероссийский национальный союз. Одним из крупнейших на западе империи был Витебский отдел «Союза 17 октября», в состав руководства которого в разное время входили известные общественные деятели, ученые, краеведы: В.В. Богданович, А.П. Сапунов, В.К. Стукалич и другие.

Наиболее четко позицию витебских октябристов по национальному вопросу обозначил А.П. Сапунов (1851–1924). Алексей Парфенович Сапунов родился в местечке Усвяты Велижского уезда Витебской губернии в купеческой семье. После обучения в уездном училище и гимназии в Витебске поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, который окончил в 1873 году. По возвращении в Витебск стал преподавателем Александровской гимназии. Активно занимался изучением истории родного края, был автором многих научных работ, принимал участие в организации Витебского центрального архива древних актовых книг. В 1897–1901 годах А.П. Сапунов работал помощником инспектора студентов в Московском университете. С 1901 по 1907 и с 1913 по 1917 год он занимал должность секретаря Витебского статистического комитета, в 1912 году стал преподавателем Витебского отделения Московского археологического института.

А.П. Сапунов в одной из своих краеведческих работ писал: «Говоря о Белоруссии, мы говорим: русский край, русская народность; говорим мы так потому, что белорусская народность – одна из основных народностей русского племени» [14, с. 28]. В то же время он поддерживал стремления белорусов к национальному самоопределению, полагая, что «упрочение национального среди белорусской массы, несомненно, поведет к теснейшему единению с остальной Русью» [15, с. 1]. Но, считая белорусский язык диалектом русского, А.П. Сапунов подчеркивал древность первого, утверждая, что «главнейшие особенности современных белорусских говоров в большей или меньшей степени сложились не позже XIII в.» [15, с. 16]. Тем самым историк опровергал мнения о неисторичности белорусов, подчеркивал самостоятельное развитие белорусского народа, наличие у него своей истории, особенностей в общественной и культурной жизни. «Было и у нас, белорусов, золотое время, славное прошлое, – писал А.П. Сапунов, имея в виду ВКЛ, – каково же будет наше будущее – это уже, в значительной степени, в наших руках и зависит от нашего сознательного отношения к нашему долгу перед дорогой родиной» [15, с. 20]. Витебские октябристы ратовали за объединение белорусов как силы, способной противостоять сепаратистским устремлениям поляков, литовцев, латышей и евреев [15, с. 20].

Политические традиции предшествующего периода повлияли на белорусское движение в 1917 году, которое в наибольшей степени оказалось подвержено влиянию идей западнорусизма и было более консервативным по сравнению с Минской и Могилевской губерниями.

Бывшие руководители Витебского отдела «Союза 17 октября» в апреле – мае 1917 года создали Белорусский народный союз (БНС). Рассматривая в качестве поля деятельности, прежде всего, Витебскую губернию, БНС не исключал возможности образования в будущем общебелорусской организации на своих программных принципах. Будущее Белоруссии виделось его лидерам в широком областном самоуправлении при тесном единении с Россией. В программе союза отмечалось: «Вся Белоруссия, благодаря своему историческому прошлому и культурно-экономическим особенностям настоящего, представляет в бытовом отношении вполне самостоятельную национальную территориальную величину, а потому Союз считает, что она может достигнуть своего процветания лишь при условии выделения ее в самостоятельную административно-хозяйственную единицу, с предоставлением ей прав широкого провинциального самоуправления, которое должно находиться по преимуществу в руках самих же белорусов». Свой девиз в вопросах управления БНС раскрывал следующим образом: «Белорусы – хозяева Белоруссии» [6, с. 264, 265]. В то же время руководители союза считали возможным допустить в руководящие органы автономии представителей других народов на пропорциональной основе. Государственным языком Белоруссии должен был остаться русский. Белорусскому отводилось значение «подсобного» языка, на котором в школах должна была преподаваться местная история. В «большой политике» БНС ориентировался на Временное правительство и призывал к продолжению войны с Германией и ее союзниками до победного конца [6, с. 266].

Белорусский народный союз сосредоточил свои усилия на отстаивании прежде всего интересов православной части населения и особенно православной церкви. 25–26 июня 1917 года БНС организовал в Витебске съезд представителей белорусских общественных организаций, главным образом, «западнорусской» направленности. Присутствовали делегаты петроградского Западно-Русского общества, гомельского Союза белорусской демократии, могилевского Белорусского комитета, московской Белорусской народной громады, православного духовенства и старообрядцев. Съезд принял декларацию в духе программы БНС, потребовав областного самоуправления для Белоруссии, осудив принцип национально-территориальной автономии как сепаратистский [6, с. 266]. Тем самым делегаты поддержали идею сохранения единства России, недопущения ее превращения в федерацию национальных республик. Витебск, по сути, в это время превратился в консервативную альтернативу демократическому Минску.

Недовольная правым уклоном, БНС покинула ученическая молодежь, основавшая в противовес союзу Витебскую организацию Белорусской социалистической громады. В июле 1917 года последняя приняла резолюцию об отношении к БНС, в которой он характеризовался как реакционная организация: «в виду того, что организаторами и руководителями этого союза являются бывшие земские начальники и бывшие члены разных существовавших до революции черносотенных и узко-националистических организаций... считать Белорусский народный союз организацией не демократической, не народной, а наоборот – организацией, стремящейся проводить цели, совершенно не отвечающие интересам и целям широких слоев трудового народа». Витебский отдел БСГ постановил вести бескомпромиссную борьбу с БНС, раскрывать его «контрреволюционную сущность» и деятельность [6, с. 267].

На выборах в Учредительное собрание БНС выступал в блоке с союзом православных и единоверческих приходов Витебской губернии. Получив сравнительно неплохой результат в губернском центре, общие выборы БНС и его союзники проиграли. Руководство Белорусского народного союза отрицательно отнеслось к установлению советской власти и попыталось наладить взаимодействие с другими белорусскими организациями. В декабре 1917 года представители БНС принимали участие в Первом всебелорусском съезде

в Минске [6, с. 269]. Тем самым наиболее консервативная часть представителей белорусской элиты фактически признала Минск в качестве центра белорусского национального движения. Однако в условиях укрепления советской власти в Витебске, который в отличие от Минска и Могилева не был занят немецкими войсками, к весне 1918 года, когда было объявлено о создании Белорусской народной республики, деятельность БНС фактически прекратилась.

Таким образом, белорусские организации, центры которых располагались в Минске, выступали за национально-территориальную автономию Белоруссии в составе демократической России. Белорусские комитеты и союз Могилевской губернии находились под влиянием идеологии западнорусизма, но постепенно эволюционировали влево и сближались с Белорусской социалистической громадой. В Витебской губернии действовала наиболее консервативная организация – Белорусский народный союз, отстаивавший идею областной автономии Белоруссии, конфликтуя с БСГ. Только на Первом Всебелорусском съезде все белорусские организации поддержали идею предоставления Белоруссии национально-территориальной автономии в составе Российской демократической республики. После же оккупации основной части Белоруссии германскими войсками в 1918 году у национально-демократических активистов возобладала идея создания независимого от России национального государства.

Литература

1. *Сташкевіч М.С.* Перадумовы і працэс стварэння палітычных партый на Беларусі (канец XIX ст. – люты 1917 г.) // Беларускі гістарычны часопіс. 1999. № 4. С. 13–19.
2. Платформа «Белорусского О-ва» // Белорусская жизнь. 1909. 9 февраля. С. 3.
3. Устав Белорусского общества. Вильно, 1909. 16 с.
4. Программы политических партий России: Конец XIX – начало XX вв. / сост. В.В. Кривенький, Н.Н. Тарасова; отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 1995. 464 с.
5. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. – Мн.: Беларуская навука, 2011. Кн. 1 / А.А. Каваленя [і інш.]; рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.]; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. 584 с.
6. *Лавринович Д.С.* Деятельность общероссийских либеральных партий на территории Беларуси (1905–1918 гг.). Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2015. 328 с.: ил.
7. *Агееў А.Р., Пушкін І.А.* Фарміраванне і дзейнасць Магілёўскага Беларускага Камітэта (1917–1918 гг.). Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2017. 292 с.
8. *Лавринович Д.С.* История либерального движения в Беларуси начала XX века. Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2011. 144 с.
9. Местная жизнь // Могилевская жизнь. 1917. 6 августа. С. 3.
10. *Рудовіч С.* У пошуках нацыянальнай ідэнтнасці: беларуская патрыятычная арганізацыя ў Магілёве ў 1917–1918 гг. // Мінулая і сучасная гісторыя Магілёва: зборнік навуковых прац / уклад. І.А. Пушкін. Магілёў, 2001. С. 203–209.
11. *Рудовіч С.* Час выбару: Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе. Минск: Тэхналогія, 2001. 201 с.
12. *Коронкевич П.В.* Белорусы (Исторический очерк с обзором деятельности «Союза Белорусской Демократии», этнографической картой белорусского племени и отзывом Академика и Профессора Е.Ф. Карского о программе Союза). Гомель: Типография Захарина и Марголина, 1917. 20 с.
13. Белорусский список (№ 8) // Горецкий вестник. 1917. 3 ноября. С. 2.
14. *Сапунов А.П.* Очерк исторических судеб православия и русской народности в Белоруссии вообще и в пределах Полоцкой епархии в частности. Витебск: Губернская типография, 1910. 30 с.
15. *Сапунов А.П.* Белоруссия и белорусы. Витебск: Губернская типография, 1910. 21 с.

Аннотация. В начале Первой мировой войны центр белорусского национального движения располагался в Вильно, где редакцией газеты «Наша Ніва» и «Белорусским обществом» было сформировано два основных варианта видения национального развития белорусского народа в XX веке. Первый проект предполагал национальную автономию в составе федеративной Российской республики. Представителей второго объединяла борьба за культурное и экономическое развитие белорусского народа при сохранении тесных связей с Россией. После занятия Вильно немецкими войсками и падения императорского правительства в 1917 году самостоятельные белорусские организации возникли во всех губернских и многих уездных городах. Белорусские организации, центры которых располагались в Минске, выступали за национально-территориальную автономию Белоруссии в составе демократической России, затем возобладала идея создания независимого государства – Белорусской народной республики. Белорусские организации Могилевской губернии находились под влиянием идеологии западнорусизма, но постепенно эволюционировали влево и сближались с Белорусской социалистической громадой (БСГ). В Витебской губернии действовала наиболее консервативная организация – Белорусский народный союз.

Ключевые слова: белорусское национальное движение, Первая мировая война, региональные особенности, автономия, западнорусизм.

Dmitry S. Lavrinovich, PhD in History, Professor, First Pro-rector, A.A. Kuleshov Mogilev State University.
E-mail: lavrin-dmitrij@yandex.ru

Project of Resolving the Belarusian Issue During World War I (1914–1918): Regional Aspects

Abstract. At the beginning of the World War I, the center of Belarusian national movement was located in Vilna, where the editors of «Nasha Niva» journal and the « Belarusian society» formed two main views on the national development of the Belarusian people in the 20th century. The first project assumed national autonomy within the Federal Russian Republic. The representatives of the latter advocated the cultural and economic development of the Belarusian people while maintaining close ties with Russia. After the occupation of Vilna by the German troops and the fall of the tsarist government in 1917 independent Belarusian organizations emerged in all provincial cities and towns. Belarusian organizations, with centers in Minsk, advocated the national-territorial autonomy of Belarus as part of democratic Russia, and then the idea of creating an independent state, the Belarusian People's Republic, prevailed. Belarusian organizations of Mogilev province were influenced by the ideology of Westrusism, but gradually evolved to the left and became closer to the Belarusian Socialist Community (BSG). The most conservative organization, the Belarusian People's Union, operated in Vitebsk province.

Keywords: Belarusian National Movement, World War I, Regional Peculiarities, Autonomy, Westrusism.

Концепция западнорусизма в процессе формирования современной белорусской идентичности

Проблема формирования современной белорусской идентичности является одной из наиболее спорных в исторической науке Белоруссии. В настоящее время нет четкого определения того, что лежит в основе современного понимания этнической самобытности белорусов. Этим обусловлен широкий спектр взглядов на данный вопрос, начиная от отрицания белорусского этноса как такового и заканчивая необходимостью его идентификации на основе западноевропейских ценностей [14]. Среди различного рода научных и популистских идеологем следует отметить концепцию западнорусизма, которая долгое время оставалась на заднем плане общественно-политической мысли Белоруссии.

Появление западнорусизма как идейно-политического течения принято связывать с периодом XIX века. При этом ни тогда, ни сегодня его нельзя было рассматривать как единый подход, который бы мог полностью заменить артикулирование белорусской идентичности. Ряд российских исследователей того времени – например, С. Максимов, отмечали, что среди жителей территории современной Белоруссии всегда отсутствовало стремление к обособленности, которую можно было видеть у малоросов (современных украинцев) [5]. Однако смешение различных этнических субстратов с наложением на них идеологии унитарства требовало определения их национальной принадлежности. С этой точки зрения, западнорусизм вполне мог рассматриваться как основа для этнического самоопределения современных белорусов.

Находившийся у истоков научного осмысления западнорусизма и считающийся классиком данного течения историк, публицист, профессор Санкт-Петербургской духовной академии М. Коялович писал о существовании «западно-русского народа», к которому относил белорусов и малоросов. В своих «Лекциях по истории Западной России» и предисловии к «Документам, объясняющим историю западно-русского края и его отношения к России и Польше», он указывал ряд основных моментов своей концепции [4, с. 212]. По его мнению, территория, на которой проживали белорусы, является «Западной Русью», представлявшей ему часть «единой русской цивилизации». При этом он отмечал губительность вхождения этих земель в Речь Посполитую, что привело белорусское общество «к разделению его национальных, религиозных и культурно-бытовых начал жизни и раскололо на «знатнейших» (шляхту), почти исключительно католиков, и простой народ, который придерживался православия и «русскости» [11]. Кроме того, Коялович подчеркивал, что крестьянство Западной Руси всегда испытывало тяготение не к Польше, а к Великодержавии. За подобный подход он был многократно раскритикован как своими современниками, так и в последующем. Например, Н. Костомаров считал вредным причислять «малороссийское и белорусское племя к особой группе западно-

русского народа» и отмечал более глубокую близость белорусов с великороссами, а не с малороссами [6, с. 632–633].

Степень различия в подходах к западнорусизму конца XIX века была связана в том числе и с тем, что сам по себе этноним «западнорусский» происходил от географического названия Западная Русь. По мнению белорусского историка А. Бендина, он долгое время употреблялся в православной церковной публицистике, а затем и в исторических исследованиях и рассматривался сторонниками обособления как противопоставление этнониму «белорусский» [3]. В то же время Коялович лишь отмечал тип местного русского самосознания, сформированного под воздействием различных факторов, который и стало принято называть западнорусским.

Развитие идей национального самоопределения в российской империи не могло не затронуть идеологического течения западнорусизма. Представители так называемого белорусского национализма, возникшего в среде не принявшей российское доминирование элиты, фактически объявили западнорусскую идеологию врагом белорусской национальной идеи. Как отмечает белорусский исследователь В. Шимов, к началу XX века эти две национально-политические идеологии, будучи взаимно исключаящими по своим установкам, оказались в состоянии острой конкуренции и вражды [19, с. 81–82]. По мнению ряда исследователей, именно на переломе веков стало происходить размежевание между «западнорусами»-политиками и учеными, которые по-разному трактовали понятия «белорусский народ» и «белорусская культура» [6, с. 634]. Белорусский историк А. Смоленчук и вовсе предположил, что следует различать западнорусизм и «западнорусскую культурную традицию», на почве которой он и был разработан при активном участии официальных кругов. При этом ученый отмечал, что западнорусизм изначально был «нацелен на искоренение местной специфики, в которой виделось польское влияние» [17, с. 186].

Белорусский национализм громко заявил о себе после революции 1905 года. При этом, как отмечает Бендин, его идеи были привнесены в ряды немногочисленной прокатолической интеллигенции из польской социалистической партии (PPS), что дало основание современникам говорить о том, что «белорусский сепаратизм почти во всех деталях своих скопирован с галицкого “украинского” сепаратизма» и имел одни и те же идейные истоки [3]. В то же время, по мнению белорусского историка А. Киселева, в XIX – начале XX века белорусские уроженцы православного исповедания, которых и можно было отнести к носителям западнорусизма, скептически относились к идее о необходимости отделения от Российской империи, переводу обучения на белорусский язык и тезису о том, что белорусы являются отдельной славянской нацией по образцу поляков или болгар [2].

Несмотря на продолжавшуюся в начале XX века идейную борьбу между представителями западнорусизма и белорусского национализма, эти два течения были неразрывны, являясь необходимым элементом для научного доказательства предложенной каждой из сторон концепции этногенеза белорусов. Об этом, в частности, свидетельствует появление в 1910 году «Краткой истории Белоруссии» В. Ластовского, которого многие в современной Белоруссии считают отцом белорусской историографии. Несмотря на явно националистический подход, историк отмечал, что «Чтения по истории Западной России» Кояловича были одной из основ при написании его работы [12, с. 5–6].

Период становления советской Беларуси серьезным образом изменил расстановку сил на идейно-политическом поле. Процесс белорусизации практически превратил западнорусизм в чуждую идеологию, которая была якобы призвана стать главным препятствием для национальной консолидации белорусов. Именно тогда в книге А. Цвикевича появилось определение западнорусизма, которое продолжает оставаться главенствующим в среде националистически настроенных исследователей. По его словам, под западнорусизмом необходимо понимать течение, в котором Белоруссия не отождествляется со страной с

особой национальной культурой и поэтому не имеет права на независимое культурное и политическое развитие, а также в культурном и государственном отношении является частью России. Цвикевич отмечал, что представители этого течения стремились доказать, что Белоруссия как «Западная Россия» неразрывно связана с целым – «единой великой Россией», и что белорусы как одно из славянских племен органически входят в состав «единого русского народа» [20, с. 7].

После 1917 года ситуация начала меняться. В советской пропаганде, а потом и историографии, стал превалировать взгляд, что западнорусская идея была недостаточно «национальна» [4, с. 212]. При этом взятый в 1920-х годах курс на белорусизацию практически не оставил западнорусизму никаких шансов на оформление в качестве основы для национального строительства в БССР.

Период 1930-х годов фактически стал переломным для всей исторической и общественно-политической мысли Белорусской ССР. Сворачивание белорусизации и начавшиеся гонения на так называемых нацдемов затронули и тех, кого советская власть называла «реакционными» западнорусами. Например, западнорусизму был посвящен целый раздел в изданной в 1934 году в Минске на белорусском языке книге В. Щербак-ова «Классовая борьба и историческая наука в Белоруссии» [6, с. 632]. В дальнейшем на протяжении практически 40 лет обсуждение проблематики западнорусизма в Советском Союзе практически не велось. Исключением стали исследования Н. Улащика, который в «Очерках по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода», появившихся на свет в 1973 году, дал общие характеристики представителей западнорусизма, хотя сам этот термин он не употреблял [18, с. 303].

Толчок к развитию дискуссии относительно национальной идентичности белорусов сформировался в период конца 1980-х – начала 1990-х годов. При этом в Белоруссии к началу перестройки сложилась довольно уникальная ситуация. Постепенный отказ от принятых на протяжении многих десятилетий принципов социализма привел к тому, что общепринятая этническая самоидентификация перестала быть в БССР общеобязательной. Здесь в период со второй половины 1980-х – начала 1990-х годов стало расти радикальное национальное движение во главе с различными культурно-просветительскими и общественными организациями, объединенными общей идеей «белорусского возрождения» на основе языка, истории и национальных традиций: «Талака», «Мартыралёг Беларусі», «Канфэдэрацыя беларускіх суполак», Белорусский народный фронт «Адраджэньне» и прочие, одной из основных своих целей ставившими политизацию процесса национально-го возрождения [15, с. 160].

После переворота 1991 года и объявления независимости Республики Белоруссия в стране начинается формирование и распространение новых исторических нарративов, призванных создать оригинальную историю, отличную от той, которая существовала в СССР. История и язык были поставлены националистами во главу угла новой белорусизации, которая была объявлена на государственном уровне основным направлением развития государства. Одновременно с этим в начале 1990-х годов со стороны представителей так называемого национального возрождения возобновились нападки и на западнорусизм, который также попытался выйти за пределы научного дискурса [3]. Именно тогда в белорусской историографии широкое распространение получило определение, сформулированное еще в конце 1920-х годов Цвикевичем и распространенное позже в «Энциклопедии истории Беларуси». Как и прежде, западнорусизм был назван концепцией отрицания историчности белорусов как самостоятельной и самобытной этнической единицы и был объявлен идеологией, которой руководствовалась советская власть под лозунгами интернационализма [10]. Фактически это означало провозглашение западнорусизма чуждым «истинно белорусской» идентичности, что на долгие годы предопределило отношение к нему со сто-

роны большей части общества. Вдохновители данного течения в Беларуси, среди которых следует отметить историков Я. Трещенка, В. Теплоу, А. Бендина, А. Гронского и прочих, были вынуждены искать возможность модернизации данной концепции. Однако так называемый неозападнорусизм смог появиться лишь на уровне научной дискуссии, не получив возможности массового внедрения в общественное сознание белорусов. Такому положению вещей в полной мере способствовала политика руководства Беларуси, которое приняло решение активно включиться в процесс моделирования белорусской идентичности.

К середине 1990-х годов попытка националистических группировок и политических партий провести новую волну белорусизации провалилась, так как проходила на фоне продолжающегося падения жизненного уровня в стране и связывалась большинством граждан республики с открытой русофобией. В общественном сознании по-прежнему преобладали воспоминания о стабильности в период Советского Союза, выразителем чего, по сути, и стал пришедший к власти в 1994 году А. Лукашенко. Проведение политических реформ в республике во второй половине 1990-х годов потребовало от властей обратить пристальное внимание на формирование национальной идентичности белорусов, что было связано с сохраняющимся в стране делением общества на два идейно-политических лагеря – прозападный и пророссийский, к которому многие и относили западнорусизм.

В первом случае в прозападной концепции национальной идентификации белорусов была заложена идея «национального выражения», базирующегося на разработанных в период белорусизации 1920-х годов нарративах, связанных с утверждением уникальности белорусского языка и этноса. Одним из ответвлений данного направления стал «литвинизм» [3], сторонники которого видели нынешних белорусов как потомков жителей Великого княжества Литовского (ВкЛ) и не имевших отношения к славянскому этническому субстрату [13, с. 106–107]. По мнению представителей данной идейно-политической модели, начавшейся оформляться с 2000 года, истоки белорусской государственности находятся в истории ВкЛ и Белорусской Народной Республики (БНР), единственным государственным языком должен быть белорусский, а главным врагом независимости Белоруссии является Россия¹.

Вторая идейная группа белорусского общества ориентировалась на интеграцию с Россией и воссоздание прежних культурных и социально-экономических связей на постсоветском пространстве. В основе данной концепции, которая была воспринята в качестве официального курса развития Белоруссии, лежали позитивное восприятие советского прошлого и белорусского настоящего как «сохранения всего лучшего» из СССР, приоритет стабильности и безопасности, приверженность союзу с РФ как стратегическому геополитическому выбору, а также отказ от идентификации по языковому принципу – с 1995 года белорусский и русский язык являются в Белоруссии государственными. В последующем белорусские власти провели несколько волн трансформации данной концепции. Так, с начала 2000-х годов во главу угла был поставлен новый тезис о том, что белорусы – самодостаточная нация, которая близка русским. А. Лукашенко заявил о том, что «белорусы – это русские со знаком качества» [9] (август 2003), а в стране начался переход от дискурса вокруг общего советского прошлого к теме уникальности белорусского этноса.

С 2006 года белорусское руководство берет на вооружение «национально-демократические» лозунги и идеи белорусской оппозиции. С этого времени белорусы представляются уже как часть славянского мира [15, с. 164]. В последующем, уникальность белорусской этничности стала все больше превалировать над остальными идеологемами,

¹ Сегодня многие из тех, кто поддерживает эту идею, считают необходимым создать общее региональное пространство «Балто-Черноморского Междуморья», которое будет противостоять влиянию России.

фактически превратившись к современному этапу в официальную идеологию белорусского государства. Этому в числе прочего способствовало и то, что к концу первого десятилетия XXI века в Беларуси уже выросло и стало включаться в политическую жизнь поколение 1990-х годов, которое оказалось оторвано от советского прошлого, на что государство делало ставку в середине 1990-х – начале 2000-х годов. В совокупности все это привело к постепенному исчезновению «советской модели идентичности», которой придерживались белорусы старшего поколения. В таких условиях государственная политика Белоруссии окончательно включила в себя принципы «европейскости» белорусов при сохранении геостратегической ориентации на Россию. При этом в качестве своеобразного буфера, который должен был защитить политическую элиту республики от российского влияния, было выбрано «национальное возрождение», главной целью которого стало объединение двух основных идеологических течений белорусского общества под эгидой государственной власти. При этом обе ветви к настоящему моменту сформировали одинаковую двойную структуру: *базовый и идеологический уровни*.

Базовый уровень современной белорусской идентификации имеет одинаковые черты для обоих направлений. Это связано с тем, что в его основе лежит представление белорусов об их малой родине или так называемая *тутейшсть*¹. Именно это является причиной того, что в Беларуси не произошло четкого географического деления белорусов на прозападное и пророссийское течение.

Основные различия идентификации белорусов находятся на идеологическом уровне. Здесь прозападное течение оказалось более подвержено внешнеполитическому влиянию [16, с. 253], так как его представители идентифицируют себя в качестве европейцев, исходя не столько из культурно-исторической традиции (базовый уровень и «тутейшсть» в данном случае являются ограничителями), сколько из противопоставления себя государственной политике и лично А. Лукашенко. В итоге их тяга к «европейскости» поддерживается непринятием существующего в Беларуси политического режима и сближения с Россией, а также идеологической пропагандой со стороны западноевропейских государств.

В свою очередь пророссийски настроенная часть белорусского общества оказалась под непосредственным влиянием официальной идеологии государства и культурно-исторических связей с Россией. На протяжении продолжительного периода это подкреплялось ощущением экономической и политической стабильности, связываемой с деятельностью Лукашенко.

В то же время западнорусизм долгое время находился на задворках идейно-политической борьбы по вопросу белорусской идентичности. Одной из наиболее крупных фигур в новейшей белорусской историографии среди представителей данного течения по праву считается Я. Трещенок. Его работа «История Беларуси. Досоветский период», выдержанная в духе западнорусской идеи, была воспринята в белорусском научном сообществе как основа для создания новой национальной идеи белорусов [7, с. 49–50]. В схожем ключе были выдержаны и многочисленные научные публикации, призванные доказать идейную состоятельность западнорусизма. Так, в 2010 году вышла научная статья А. Киселева, в которой указывается на то, что западнорусизм, несмотря на неприятие идеи отдельной белорусской нации, является версией белорусского национального движения [10]. Однако такой подход был достаточно критично воспринят представителями как официальной историографии, так и «национального возрождения». Последние усмотрели в нем стремление принизить самобытность белорусского этноса на фоне разворачивающегося кризиса политических отношений с Россией.

¹ «Тутейшие», или «тутэйшыя» (*белорусский язык*) – понятие, получившее распространение в начале XX века на территории нынешних Беларуси, Литвы и Польши. В буквальном переводе с белорусского и польского «тутейший» означает местный.

В научной среде стало распространяться определение западнорусизма как стремления отказаться от исторического и культурного наследия своего народа времен Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, хотя «официальная доктрина русскости белорусского края не подтверждалась» [5]. О нем стали говорить как о публицистическом течении, «возникшем под господством царской России, которое ставило своей целью доказать извечную принадлежность белорусов к «русскому племени» [8].

Подобное отношение к западнорусизму базировалось на новой позиции государства, которая все больше стала прослеживаться с 2010 года, когда начался процесс модернизации белорусской идентичности, характеризующийся постепенным разграничением на официальном уровне белорусов и русских как двух братских, но по своей сути разных народов. Именно в эти годы и сформировались основы для нынешнего развития в Белоруссии так называемого государственного национализма. При этом вплоть до событий на Украине 2014 года действия руководства республики носили скрытый и спорадический характер, хотя в стране и было сделано многое для того, чтобы в будущем окончательно отказаться от прежних культурно-исторических идеологем [15, с. 166–167].

События, последовавшие за началом кризиса на Украине, стали своеобразным катализатором не только для белорусских националистов, которые провозгласили Русский мир, а с ним и западнорусизм главной проблемой национального возрождения белорусов, но и для государства, где на официальном уровне был проведен пересмотр национально-культурной парадигмы развития общества. Начиная с этого времени на государственном уровне получила поддержку идея именно «белорусского национального возрождения», а на вооружение были взяты находящиеся ранее под негласным запретом культурно-исторические символы, которые традиционно использовала оппозиция, – например, «вышиванка» (традиционная народная сорочка с вышитым на ней орнаментом) [15, с. 168–169]. При этом течение западнорусизма, идеи которого в первые годы правления А. Лукашенко использовались государством для консолидации общества и выстраивания единого идейно-политического пространства России и Белоруссии, вновь было отодвинуто на второй план научного и общественного дискурса.

Одной из наиболее важных причин отказа от включения идей западнорусизма в новую концепцию современной белорусской идентичности является то, что он основывается на трактовках конца XIX века, то есть периода Российской империи. При этом в нем указывается на необходимость политического объединения восточнославянских земель вокруг Великороссии, воплощением которой сегодня является Российская Федерация. В современном белорусском государстве, появившемся на политической карте в 1991 году и изменившем за последние годы свой подход к пониманию сути понятия независимости, подобные идеи рассматриваются как чуждые и во многом враждебные. Нынешняя общегосударственная политика Белоруссии, которая получила толчок к своей трансформации после событий на Украине 2014 года, оказалась направлена на формирование белорусской нации, мыслящей себя вне русского культурно-исторического контекста.

В настоящее время в белорусском самосознании по-прежнему превалирует представление о восточнославянской общности современных русских, белорусов и украинцев. Однако в связи с отсутствием площадки для популяризации идей западнорусизма и продолжающимся усилением роли националистов в обществе формирование современной белорусской идентичности происходит под влиянием идей «национального возрождения», предполагающих отказ от концепции триединства народов. Этому способствует не только официальная позиция белорусского государства, но и проблемы в белорусско-российских отношениях, а также нереализованность проекта Союзного государства Белоруссии и России. В подобных условиях интеграцион-

ный проект западнорусизма, артикулирующий общие культурно-исторические корни белорусов и русских, может быть постепенно вытеснен из общественного сознания белорусского общества, окончательно превратившись в научную теорию, не имеющую связей с реальностью.

Литература

1. Акт провозглашения. Великолитва [Электронный ресурс] // Литвины / Режим доступа: <http://litvania.org/akt2000.htm/>
2. Белорусский историк: Западнорусизм не идеология, а этническая идентичность [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/1494682.html>
3. Бендин А.Ю. Белорусский «западнорусизм»: история и современность [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2016/03/16/beloruskiy-zapadnorusizm-istoriya-i-sovremennost>
4. Головач В.М. Западнорусизм как концепция белорусского этногенеза // Россия и современный мир: Научный журнал / РАН ИНИОН, Институт экономики; редкол.: Ю.И. Грицкий (гл. ред.) и др. 2016. № 3 (92). С. 209–216.
5. Горизонтов Л.Е. Западнорусизм в мире идентичностей межславянского пограничья: Историографические наблюдения [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://zapadrus.su/zaprus/istbl/1137-zapadnorusizm-v-mire-identichnostej-mezhslavyanskogo-pogranichya-istoriograficheskie-nablyudeniya.html>
6. Горизонтов Л.Е. Оценки западнорусизма в историографии: судьба традиции эпохи советской белорусизации // Институт белорусской культуры и становление науки в Беларуси: к 90-летию создания Института белорусской культуры: материалы Междунар. науч. конф. Минск, 8–9 дек. 2011 г. / редкол.: А.А. Коваленя [и др.]. Минск: Белорус. наука, 2012. 769 с.
7. Еловик А.А. В поисках духовных скреп. Западнорусизм как белорусская национальная идея // Беларуская думка. 2014. № 3. С. 48–51.
8. Западнорусизм против Беларуси [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://belsat.eu/ru/programs/zapadnorusizm-protiv-belarusi/>
9. Иванов И. Как Лукашенко сделал белорусов русскими со знаком качества // Народная Воля. 2003. № 150.
10. Киселев А.А. Западнорусизм как белорусское национальное движение [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://zapadrus.su/zaprus/istbl/81-2010-08-02-14-36-53.html>
11. М.О. Коялович и И.С. Аксаков о проблеме Западной России [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://aksakov.info/index.php?id=237>
12. Ластойски В.Ю. Кароткая гісторыя Беларусі. Мн.: Універсітэцкае, 1992. 126 с.
13. Левшун Л.В. Концепт «литвины» в этнокультурном самосознании белорусов // Беларуская думка. 2009. № 11. С. 102–109.
14. Носевич В.Н. Белорусы: становление этноса и национальная идея. Смоленск: Инбелкульт, 2015. 526 с.
15. Павловец Ю.С. Этапы формирования современной белорусской идентичности // Россия и славянские народы в XIX–XX вв.: Материалы международной научной конференции (г. Новозыбков, Брянская область, 18 мая 2018 г.) / под ред. В.В. Мищенко, Т.А. Мищенко, С.П. Куркина. Брянск: Аверс, 2018. С. 160–172.
16. Павловец Ю.С. Евразийская интеграция на современном этапе – проблемы и перспективы развития // Белорусская идея: история и реальность: Национально-государственная идентичность и общественные настроения в странах Евразийского экономического союза: Сб. ст. / сост. П.В. Святенников. М.: Аналитический центр инновационных проектов и технологий, 2016. С. 240–266.
17. Смалянчук А.Ф. Паміж краевасцю і нацыянальнай ідэяй: Польшкі рух на беларускіх і літоўскіх землях 1864–1917 г. Гродно: Гродзенскі дзярж. ун-т, 2001. 322 с.
18. Улащик Н.Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М.: Наука, 1973. 303 с.
19. Шимов В.В. Россия и русские как фактор белорусской идентичности // Социология. 2010. № 4. С. 76–84.
20. Цвікевіч А.И. Западнорусизм: Нарысы з гісторыі грамадзкай думкі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. Мн.: Навука і тэхніка, 1993. 352 с.

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы становления идеологии западнорусизма и ее развития в белорусской исторической школе. Автор проводит анализ влияния данного течения на формирование идентичности белорусов в процессе развития Республики Белоруссия. Выделяются уровни современной белорусской идентификации, а также указывается на место в них западнорусской концепции. При этом оцениваются вовлеченность западнорусизма в процесс модернизации общественного сознания белорусского общества, а также степень его принятия со стороны официальной исторической науки.

Ключевые слова: Белоруссия, западнорусизм, идентичность, идеология, нация, политика, Россия, этнос.

Yury S. Paulavets, PhD in History, Associate Professor. Email: pavlovetsyura79@gmail.com

Westrussism Concept in the Process of Modern Belorussian Identity Formation

Abstract. The article examines the main stages of the Westrussism ideology formation and its development in the Belarusian historical school. The author analyzes the influence of this movement on the formation of the Belarusians identity in process of the Republic of Belarus development. He singles out the levels of contemporary Belarusian authentication and denotes the place of Westrussism concept within those levels. At the same time the author estimates Westrussism involvement in the process of Belorussian society public consciousness modernization, and the degree of it acceptance by the official historical science.

Keywords: Byelorussia, Westrussism, Identity, Ideology, Nation, Politics, Russia, Ethnos.

Неозападнорусизм, псевдозападнорусизм: попытки трансформации идеи

Любой идее свойственно развиваться во времени, меняться, отвечая на новые вызовы, формулировать новые смыслы, отражающие изменяющуюся реальность. Иногда происходит так, что идея настолько трансформируется, вбирая в себя внешние дополнения, что перестает быть традиционной и достаточно радикально обновляется. В названии такие идеи, как правило, приобретают приставку «нео-». Эта приставка является неким символом, разграничивающим старую, классическую идею и новую, придавая ей оттенок отхода от традиционных представлений.

После распада СССР и возрождения разных идей, часть которых присутствовала на периферии общественного сознания, а другая находилась в латентном состоянии, проявляясь в общественной жизни незаметно, встал вопрос, насколько вновь появившиеся идеи являются возрождением и продолжением трансляции традиции, или же это то, к чему необходимо добавлять приставку «нео-». Особенно это касалось тех идей, которые в период советской власти воспринимались как не соответствующие стандартам интернационализма и советского понимания национального вопроса. К этим идеям относится и западнорусизм.

Какая идея существует сегодня – западнорусская или неозападнорусская – в настоящее время обсуждается не так активно, чтобы можно было найти большое количество мнений в пользу того или иного предположения. Все же приставка «нео-» в отношении бытования идей должна использоваться в определенных случаях. Например, если базовая, классическая идея с течением времени вобрала в себя смыслы других идей, после чего стала представлять из себя не классический вариант идеи, а нечто иное, в котором заметны следы прошлой идеи, но она уже не отражает изначальную полноту базовых утверждений, выдвигая в качестве этих базовых утверждений скорректированные или трансформированные постулаты, иногда противоречащие изначальным формулировкам.

В качестве отстраненного примера такого изменения идеи можно привести неоязычество. Естественно, любой пример страдает не абсолютной корректностью, поскольку вряд ли встречается ситуация, когда пример полностью аналогичен обсуждаемому явлению. Тем не менее примеры, если они относительно корректно подобраны, могут в более простой форме показывать механизмы и тенденции развития обсуждаемого явления. Итак, неоязычество, которое с конца XX века стало активно развиваться на просторах Евразии, воспринимается своими адептами как собственно язычество, как возрождение или воссоздание веры дохристианских предков. Но на самом деле то, что современные

Гронский Александр Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Сектора Белоруссии, Молдавии и Украины Центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук.
E-mail: agr1976@yandex.ru

последователи «старой веры» называют возрождением язычества, является не чем иным как неоязычеством. В лучшем случае – попыткой реконструкции в современных условиях языческих представлений. Но этих «лучших случаев» практически нет. «Возрождение» язычества как формы духовности или религиозных верований сталкивается с отсутствием широких знаний о существовании язычества в прошлом. Максимально близко реконструировать языческое мировоззрение могут лишь профессиональные историки, которые далеки от желания «возродить» дохристианскую религию. Это позволяет уйти от ангажированности и желания приписать язычеству актуальные на сегодня ответы на вызовы для духовности. Язычество и неоязычество необходимо четко отделять друг от друга. Язычество (имеется в виду именно славянское язычество) является древней религией славян. Неоязычество (снова имеется в виду именно славянское неоязычество) представляет собой современный конструкт, созданный даже не на базе сугубо языческих представлений, а на основе радикального национализма, с которым тесно сплелись романтические и в основном мифические представления о дохристианской вере предков, а также наработки профессиональных и полупрофессиональных исследователей старины¹. Современное неоязычество не опирается полностью на языческую базу. На нее и нельзя опереться, так как эта база до конца не реконструирована специалистами. Поэтому там, где не хватает места для транслирования реальности, на помощь активно приходит воображение. Помимо обычного придумывания, широко используется вполне конкретное присваивание достижений христианской культуры².

Таким образом, между язычниками прошлого и современными неоязычниками простирается огромная культурная, мировоззренческая, духовная пропасть, которая объективно непреодолима по причине того, что настоящего славянского языческого мировоззрения не сохранилось. В начале XXI века можно найти остатки языческих обрядов, но они тесно переплетены с христианством и зачастую практически невозможно сказать, что в этих обрядах осталось от реального язычества. Например, неоязыческие представления о семье и межполовых отношениях выглядят явно христианскими. Что по поводу семьи думает христианство, известно. А дохристианские отголоски сказались на некоторых обрядах, присущих народным праздникам, которые ранее были языческими, но постепенно слились с христианскими.

Например, по мнению дореволюционного этнографа А.Е. Богдановича, в Белоруссии вторая часть празднования на Ивана Купалу напоминала «одно из тех празднеств любви, о которых упоминает летописец, когда описывает обычаи Северян, Радимичей,

¹ Достаточно подробно об этом можно прочитать в [1].

² Автору приходилось лично сталкиваться с неоязыческими представлениями о том, что русский алфавит – это языческое наследие, а древнерусская кириллическая вязь, которая отличается от современного начертания букв, представляется неоязычникам как достижение языческой культуры. При этом неоязычники игнорируют отсутствие упоминаний в источниках о сложившейся в дохристианский период системе письма у славян. Такие же проблемы возникают и с «языческим» календарем, когда нынешний счет времени от Рождества Христова воспринимается как христианский календарь, а счет времени от сотворения мира – как языческий. При этом неоязычники абсолютно не понимают, что счет времени от сотворения мира тоже является христианским. Естественно, что у неоязычников присутствуют и собственные разработки календаря, опирающиеся на собственные фальсификации истории далекого прошлого. В неоязыческой среде происходит то, что можно назвать схлопыванием истории, когда события прошлого, происходившие в реальности в разные эпохи, воспринимаются как протекающие одновременно или близко по времени. В современных бытовых представлениях это схлопывание истории можно проиллюстрировать уверенностью в том, что все динозавры существовали одновременно. Это заблуждение активно поддерживается поп-культурой. Хотя на самом деле между существованием стегозавра (155–145 миллионов лет до нашей эры) и тиранозавра (70,6 – 66 миллионов лет до нашей эры) лежат миллионы лет. В псевдонаучной литературе схлопывание истории можно проиллюстрировать утверждением авторов «Новой хронологии», что античные постройки Греции появились во времена крестовых походов.

Вятичей и Кривичей: «брати (браков) не бываху въ нихъ, но игрыща, межю селы. Схожахуся на игрыща, на плясаніе, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто совѣщашеся» [3, с. 116–117]. Правда, далее А.Е. Богданович уточняет, что «в последнее время это не более, как обряд, и отношения молодых людей слишком далеко не заходят» [3, с. 120]. То есть можно сделать вывод, что христианские традиции повлияли на межполовые отношения и языческие «празднества любви» стали формальностью. Так что использование христианских представлений в неоязыческих реконструкциях язычества как раз говорит о создании нового мировоззрения, которое отчасти базируется на языческих представлениях, а отчасти имеет откровенно христианское наполнение, что игнорируется конструкторами новой неоязыческой мифологии. Именно поэтому к современным якобы языческим представлениям должна применяться приставка «нео-».

Также нельзя считать неким видом язычества и то, что наука называет народным христианством, которое сочетает в себе «элементы христианской канонической, апокрифической и фольклорной традиций» [2, с. 462]. Тут уместно провести аналогию с русским языком (это же касается многих других языков). Существует литературный русский язык, существуют народная речь и диалекты русского языка. Также существуют профессиональные и социальные жаргоны и сленги. Некоторые из них содержат множество заимствований из других языков, например, из английского. Но даже большое количество заимствований из английского языка в русском сленге профессиональной или социальной группы не делает этот сленг вариантом английского языка. Так же и языческие моменты, встречающиеся в народном христианстве, не делают его вариацией язычества. Можно сказать, что народное христианство соотносится с каноническим христианством как народный говор с литературным языком. Таким образом, неоидея все же отличается от идеи хотя бы тем, что она переработана, а в ее основе могут лежать не только ценности базовой идеи, но и ценности иных идей. Также ценности базовой идеи могут отвергаться, поскольку противоречат иным, приспособленным под новую идею ценностям.

Кстати, встречается мнение, что неоязычество корректнее называть псевдоязычеством. Отчасти это так. Но также можно обнаружить некие признаки, отделяющие неоязычество от псевдоязычества. Например, в качестве такого признака можно предложить набор богов в нео/псевдоязыческом пантеоне. Если люди поклоняются Перуну или Велесу, эту систему верований можно назвать неоязычеством, если же, помимо стандартных славянских богов, используются боги иных пантеонов¹ или выдуманные самими неоязычниками, тогда такая система верований должна восприниматься как псевдоязычество.

Проблема существования на рубеже XX–XXI веков неозападнорусизма до сих пор дискуссионна. Однако с осторожностью можно предположить, что неозападнорусизм все же сформировался. Он базируется на смеси классических западнорусистских установок и появившихся в течение советского периода убеждениях, ряд из которых противоречит классическому западнорусизму, а некоторые установки по-иному формулируют смыслы. Таким образом, классический западнорусизм опирается на установки, сформированные в период его активной институционализации во второй половине XIX – начале XX века. Естественно, с учетом изменения научных данных, связанных с предметом. Западнорусская идея начала активно нарабатывать материал для самопознания лишь в XIX веке, но этим самопознанием занимались в основном профессиональные ученые. Традиция научного подхода к проблемам, в том числе и к изучению самого явления западнорусизма, закрепилась в то время и существует сейчас. Естественно, помимо ученых об идее пишут публицисты, но качественная публицистика все же опирается на наследие интеллектуалов западнорусизма, которые в массе являлись учеными.

¹ Например, некоторые белорусские неоязычники почитают скандинавского Одина [7, с. 91].

Неозападнорусизм не отрицает ряд базовых ценностей западнорусизма, понимая их огромную роль в формировании мировоззрения. Одной из ценностей западнорусизма была и остается христианская православная духовность. Так получилось потому, что изначально истоки западнорусизма наблюдаются в период противостояния в Западной Руси православного мировоззрения и наступающего на него латинского. А через несколько веков, когда западнорусизм начал институционализироваться, западнорусский дискурс развивался интеллектуалами, так или иначе в своем большинстве связанными с православной средой. Например, П.А. Бессонов окончил Московскую духовную семинарию; протоиерей Иван Григорович – Санкт-Петербургскую духовную академию и сам являлся священником; П.Н. Жукович окончил Литовскую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию, преподавал в Литовской духовной семинарии и Виленском женском училище духовного ведомства, затем в Санкт-Петербургской духовной академии; Е.Ф. Карский окончил Минскую духовную семинарию; Г.Я. Киприанович – Литовскую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию, преподавал в Самарской, а позже Литовской духовной семинариях; М.О. Коялович окончил Супрасльское духовное училище, Литовскую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию, был ординарным профессором Санкт-Петербургской духовной академии; А.И. Миловидов окончил Московскую духовную академию; И.И. Носович – Могилевскую духовную семинарию; А.П. Сапунов хотя и не оканчивал духовных учебных заведений, но организовывал работу церковно-археологического древлехранилища, созданного по благословению архиепископа Полоцкого и Витебского Антонина (Державина); Д.В. Скрынченко окончил Воронежскую духовную семинарию и Казанскую духовную академию, преподавал в Пермской и затем Минской духовных семинариях, был редактором «Минских епархиальных ведомостей»; К.В. Харлампович окончил Литовскую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию, преподавал в Казанской духовной семинарии. Этот список можно продолжить. Естественно, что помимо лиц, связанных с православной церковной наукой, западнорусские идеи развивали и абсолютно светские интеллектуалы, тем не менее в основе западнорусизма лежали именно христианские ценности.

Неозападнорусская идея, помимо ряда базовых ценностей западнорусизма, вообрала в себя советские взгляды на проблему формирования идей в западной части бывшей Российской империи. Советская историческая школа базировалась отчасти на других установках, корректировавших или отрицавших дореволюционные исторические взгляды. Это касается и отношения к так называемому национальному вопросу, который логичнее было бы назвать вопросом этнокультурной идентификации, поскольку речь о нации в отсутствие национального движения или национализма вести сложно. Если дореволюционная историография видела триединый русский народ, то политика большевиков по конструированию наций¹ формировала новые идентичности, зачастую вступающие в конфликт с прежними. В связи с чем белорусская народность, говорившая на своем белорусском наречии, превратилась в отдельный белорусский народ (или белорусскую нацию, так как большевики рассматривали нацию с примордиалистских позиций), говоривший на собственном белорусском языке.

Пожалуй, в этом заключается отличие западнорусизма и неозападнорусизма. Западнорусизм ранее воспринимал великорусов, малорусов и белорусов как единый народ, частично это восприятие осталось. Причем, стоит заметить, что оно является достаточно массовым для современной Белоруссии. На момент 2016 года ²/₃ белорусов, участвующих в опросах негосударственного прозападного социологического института, были уверены,

¹ Необходимо отметить, что конструирование наций началось несколько ранее, еще до того, как большевики подняли этот вопрос в качестве актуального.

что русские, украинцы и белорусы являются одним народом [4, с. 47]. Частью современного западнорусизма наличие общерусских представлений воспринимается как подтверждение широкой идентичности, в которую входят более узкие идентичности, в том числе и белорусская. Двойные и даже тройные идентичности не редкость как в прошлом, так и в настоящем. Западнорусисты далеки от отрицания существования белорусской нации, они по-другому видят историю ее возникновения и критически относятся к националистическим конструкциям, не обращая внимание на порой явное вмешательство политических сил в процесс появления современных наций. Также западнорусисты не видят в наличии русской идентичности у современных белорусов или украинцев признака их насильственной русификации. Судя по историческим источникам, русская идентичность для современных территорий Украины и Белоруссии существовала гораздо более продолжительное время и предшествовала появлению белорусской и украинской идентичностей, а региональные отличия далеко не всегда способны стать маркерами сепаратного самосознания.

Нео западнорусизм ориентируется на советские представления об этнокультурных процессах, опираясь на утверждение, что появление разных этносов, в том числе и белорусского, – естественный процесс, заложенный в самой сути этнокультурного развития, поэтому в данном случае мало внимания обращается на то, что в формировании этнокультурной идентичности активную роль играют пропаганда, внутренняя политика, административные меры по формированию самосознания, развитие внутривнутриполитической ситуации и прочее¹. Большевики рассматривали проблему проще – народы сформировались ранее, а отсутствие национального самосознания объяснялось наследием «кровавого царского режима». Поэтому в советской версии отечественной истории нет конструирования наций, есть их возрождение или формирование по естественным причинам из отдельных народов. Пожалуй, только советская нация явно создавалась из общности этнонаций, то есть не проходила стандартную советскую формулу национального развития «народность – народ – нация». Поэтому там, где у западнорусистов идет отсылка к триединому русскому народу или народам как этнокультурным группам с общей культурной, цивилизационной идентичностью, представляющих собой носителей двойного русского и локального самосознания, у нео западнорусистов отсылка идет к трем братским народам – русским, украинцам и белорусам. Однако стоит повториться, проблема наименования явления, частично базирующегося на советских представлениях, до конца не решена. Для выявления более-менее определенных признаков нео западнорусизма необходимо проводить дополнительные исследования и анализ текстов нео западнорусистов.

В среде тех, кто объявляет себя западнорусистами, можно обнаружить и оригинальных персонажей, стремящихся трансформировать идеи западнорусизма под свои то ли политические, то ли идеологические воззрения. К таким лицам можно отнести современных пророссийских неоязычников², существующих в Белоруссии и в основном поддержи-

¹ Например, приспособлением к ситуации можно объяснить уменьшение количества русских на Украине и в Белоруссии в переписях населения. Быть русским становится отчасти опасно, отчасти невыгодно. В России также количество осознающих себя украинцами или белорусами уменьшается, но в России действует дополнительный фактор – сторонники теории триединого русского народа попросту записывают в качестве основной собственную русскую (в их системе координат общерусскую) идентичность, но не отрицают свое малороссийское (украинское) или белорусское происхождение. То есть они не требуют относить их к великорусам, но наряду с великорусами воспринимают себя русскими.

² Неоязычество в Белоруссии не слишком заметно. Большая часть неоязыческих организаций заявляют о себе как о структурах, возрождающих традиционную духовность. Несмотря на малочисленность, неоязычество делится на различные лагеря, в том числе и по политико-идеологическим признакам. Русские неоязычники в Белоруссии существуют в двух версиях – пророссийские и антироссийские. Имеется в виду их отношение к нынешней России как государству – либо положительное, либо отрицательное. Во втором случае отрицание строится на обосновании тезиса, что Россия не исповедует русскую националистическую риторику

ваемых российским посольством в Минске. Эти неоязычники в силу тяготения к русскому национализму имеют определенный политический бэкгаунд. В их среде нет профессиональных ученых, что вполне логично, поскольку специалисты воспринимают неоязыческие представления об истории как фальсификации. Тем не менее, неоязыческие публицисты, зачастую выдающие себя за объективных исследователей, стремятся использовать западнорусские представления для расширения своей аудитории. Также они попытались стать идеологами западнорусизма.

В данном случае термин «западнорусизм» относительно неоязыческих представлений нельзя считать корректным. Также некорректно называть неоязыческие представления неозападнорусизмом. Наиболее точным обозначением этой неоязыческой попытки эксплуатации западнорусской идеи следует признать термин «псевдозападнорусизм». Попытка подогнать западнорусизм под неоязыческие представления о прошлом и настоящем является стремлением придать в общественном мнении статус традиционности неоязыческим представлениям. Идеологи псевдозападнорусизма признают заслугу православия в формировании западнорусских взглядов, но стараются акцентировать внимание на «славянских традициях», так как им необходимо включить в список духовных ценностей, повлиявших на формирование западнорусизма, языческую традицию.

Однако попытки найти языческую базу для западнорусской традиции разбиваются об исторические реалии. Язычество как явление исчезло за несколько веков до начала формирования мировоззренческой системы западнорусизма. Те есть язычество никак не повлияло на становление, развитие и бытование западнорусизма. О влиянии неоязычества нет смысла говорить. Славянское неоязычество как более-менее устойчивая мировоззренческая система сформировалось во второй половине XX века. К этому времени западнорусизм уже существовал. Именно для того, чтобы можно было как-то вписать неоязыческие представления в мировоззренческую систему западнорусизма, адептам этих псевдотрадиционных культов приходится, помимо указания на христианские корни западнорусизма, навязывать убеждение в полезности для западнорусской идеи неоязыческих представлений, которые, естественно, напрямую неоязыческими не называются.

Так, один из активных публицистов-неоязычников Н.М. Сергеев, который в последнее время мимикрировал под православного политолога, настаивает на том, чтобы западнорусизм был светской идеей. Публицист утверждает, что якобы «некоторые деятели, подвизающиеся на данном поприще, пытаются придать западнорусизму едва ли не религиозный характер» [5, с. 165]. Также Н.М. Сергеев обвинил редактора интернет-портала «Западная Русь» И.Ф. Зеленковского в том, что тот, якобы, «пытается выставить себя в качестве единоличного определителя западнорусского движения» и к тому же «извращает сам смысл западнорусизма, суть которого он неспособен понять в связи с ограниченностью своего мировосприятия» [5, с. 165]. И.Ф. Зеленковский на самом деле пытался формулировать смыслы западнорусизма, как и многие другие интеллектуалы, придерживающиеся данных взглядов. Но в качестве «единоличного определителя западнорусского движения» И.Ф. Зеленковский старался не выступать. Он попросту подметил ряд нестыковок и откровенных натяжек в попытках внести неоязыческие мотивы в западнорусизм. Поскольку западнорусизм базируется на христианских ценностях, он вступает в противоречие с неоязыческими утверждениями, что совершенно логично. Но западнорусизм является

агрессивного толка. Помимо русских неоязычников в Белоруссии существуют белорусские неоязычники, которые рассматривают белорусов как славян. Они настроены антироссийски. На рубеже XX–XXI веков была сконструирована литвинская идентичность. В этой среде появились литвинские неоязычники, которые видят в белорусах уже не славян, а калтов, в лучшем случае – балтославян. И белорусские, и литвинские неоязычники настроены антироссийски. Отдельные представители литвинского неоязычества примерно с начала 2010-х годов начали идеологически обслуживать белорусскую официальную власть.

светским движением. Если бы он был сугубо внутрицерковным явлением, то он не имел бы такой поддержки (стоит еще раз напомнить, что в представлении о единстве русских, белорусов и украинцев ^{2/3} белорусских респондентов выбрали западнорусский взгляд). Религиозный характер западнорусизму не придается, но его формирование на базе именно христианских ценностей широко признается. Заявление же по поводу ограниченности мировосприятия стоит применить к самому Н.М. Сергееву, поскольку он в силу используемой им неоязыческой псевдоисследовательской оптики не в состоянии различить истинные и ложные факты, традиции и псевдотрадиции, науку и лженауку.

Анализируя западнорусскую идею, Н.М. Сергеев традиционно пытается приспособить под нее неоязыческие конструкции, выдаваемые за народные традиции. В статье «Западнорусская идея: от прошлого к настоящему» он пытается навязать мнение, будто неоязычество делает какие-то объективно полезные для западнорусизма вещи. Западнорусизм рассматривает русскую культуру как общую ценность для всех нынешних русских, белорусов и украинцев. Естественно, западнорусские активисты стараются защищать русскую культуру как общую ценность. Но, по мнению Н.М. Сергеева, «в настоящее время в Белоруссии продвижением идеи целостности общерусской культуры и неразделимости ее слагаемых [собственно русской (великорусской), белорусской, малорусской (украинской) культур – А.Г.] занимаются только казачьи коллективы и сообщества традиционной славянской культуры» [6, с. 60–61]. Фольклорные коллективы в казачьих нарядах, может быть, каким-то образом и продвигают идею целостности общерусской культуры, если, конечно, не выводить казаков от ариев, к чему склонны многие неоязычники. Но то, что Н.М. Сергеев именует сообществами традиционной славянской культуры, никоим образом не сохраняет и не развивает русскую культуру, потому что под данным термином скрываются тривиальные неоязыческие группы, слабо знакомые и с реальной историей, и с реальной традиционной культурой. Эти «сообщества традиционной культуры» лишь деформируют представление о настоящей, а не сконструированной традиционной культуре, подменяя традиции собственными псевдотрадициями.

Но Н.М. Сергеев, видимо, пытается принципиально создать убеждение о естественности неоязыческих практик, поэтому он продолжает утверждать, что «сообщества традиционной славянской культуры занимаются популяризацией общерусской (восточнославянской) народной культуры, проводят славянские этнографические праздники и образовательные семинары, организуют деятельность соответствующих клубов, секций и кружков» [6, с. 61]. Н.М. Сергеев желает спровоцировать «пробуждение у восточнославянского населения Белоруссии <...> осознания принадлежности к Русскому миру и национально-культурной общности с русским народом», что должно делаться «посредством сочетания элементов общерусской (восточнославянской) народной культуры и современных средств творческого выражения» [6, с. 6]. Хотя вряд ли он понимает под народной культурой реальную народную культуру. То, что подобная активность не относится к реальной традиции, говорит и используемое Н.М. Сергеевым словосочетание «массовые этнографические мероприятия славянской направленности» [6, с. 61]. Он утверждает, что «главное положение западнорусизма состоит в цивилизационной принадлежности Белоруссии (т.е. Западной Руси) к Русскому миру, а белорусов (в национально-культурном отношении) к русскому народу. Отсюда вытекает и основная задача, стоящая перед современным западнорусским движением – пробуждение и укрепление общерусской составляющей национального самосознания восточнославянского населения Белоруссии» [6, с. 62]. Действенным инструментом продвижения в Белоруссии Русского мира, по мнению Н.М. Сергеева, может стать «этнокультурная деятельность общерусской направленности», и потенциал этой деятельности, как он уверен, наличествует, но «может быть воплощен только в случае целенаправленной поддержки со стороны соответствующей

щих структур Российской Федерации» [6, с 66]. И хотя России нет смысла поддерживать неоязыческие фальсификации под видом возрождения русской традиционной народной культуры, но представительство Россотрудничества в Белоруссии этим занималось и продолжает заниматься.

Критическое отношение западнорусистов к псевдозападнорусизму с его попытками встроить неоязычество в структуру западнорусистских взглядов породило у сторонника псевдозападнорусизма обвинение западнорусистов в том, что они «при всем их “руссофильском” лицемерии, крайне враждебно относятся к славянству, русскому народу и русской народной культуре» [5, с. 166]. В понимании Н.М. Сергеева, неоязыческие фальсификации, к которым крайне критически относятся западнорусисты, и есть представления о славянстве, русском народе и русской культуре. На самом деле западнорусисты совершенно адекватно, в отличие от тех же неоязычников-псевдозападнорусистов, воспринимают славян, русский народ и русскую культуру. Они видят в этих категориях смыслы, коррелирующие с научным взглядом на историю, а не набор современных неязыческих фальсификаций, которыми пользуется псевдозападнорусизм. Тем не менее неоязычники-псевдозападнорусисты продолжают фальсифицировать историю, проводя на постоянной основе «просветительские и этнографические праздники» [5, с. 166]. Если просвещение и этнография базируются на лженаучных утверждениях, распространяемых Н.М. Сергеевым¹ в виде якобы научно-популярных публикаций, тогда стоит задуматься и о просветительской составляющей, и об этнографической ценности данных мероприятий.

В целом ныне изучение положения как западнорусизма, так и его производных даже не начато. Противники западнорусизма, к которым относятся белорусские националисты, достаточно поверхностно понимают явление, рассматривая его исключительно через ограниченную в методологии националистическую оптику. Для них современный западнорусизм, неозападнорусизм и псевдозападнорусизм – суть одно и то же явление, что в корне неверно, так как между западнорусизмом и неозападнорусизмом существует ряд различий, а между ними обоими и псевдозападнорусизмом существуют не только различия, но и серьезная пропасть, касающаяся неоязыческих фальсификаций, которые предполагаются как одна из духовных баз западнорусизма.

¹ Анализ псевдонаучной деятельности Н.М. Сергеева см. [5].

Литература

1. *Баринов И.И.* Интеллектуальные и психологические основы российского и нацистского неоязычества // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2015. № 1. С. 141–152.
2. *Белова О.В.* Христианство народное // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). М.: Международные отношения, 2012. С. 462–466.
3. *Богданович А.Е.* Пережитки древнего миросозерцания у белорусов: Этнографический очерк. Гродно: Губернская типография, 1895. 186 с.
4. Возможен ли «белорусский майдан»? Диагностика и вызовы для России. М.: Научный эксперт, 2016. 116 с.
5. *Гронский А.Д.* Псевдонаучная и неоязыческая риторика в среде российских соотечественников в Белоруссии (на примере текстов Н.М. Сергеева) // Ойкумена: Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 61–169.
6. *Сергеев Н.М.* Западнорусская идея: от прошлого к настоящему // Постсоветский материк. 2016. № 1(9). С. 54–70.
7. *Шиженский Р.В., Тютина О.С.* Некоторые аспекты кодификации феномена современного славянского язычества по данным полевых исследований (статья № 2) // Colloquium heptaplomeres. 2014. Т. I. С. 86–95.

Аннотация. В статье рассматриваются феномены неозападнорусизма и псевдозападнорусизма. Эти идеи существуют наряду с западнорусизмом. Неозападнорусизм частично базируется на исторических представлениях советского периода. Эти представления вытеснили некоторые базовые идеи западнорусизма. Псевдозападнорусизм стремится деформировать идею западнорусизма, добавив к христианским основаниям западнорусизма основания неоязыческие.

Ключевые слова: западнорусизм, неозападнорусизм, псевдозападнорусизм, Белоруссия.

Alexander D. Gronsky, Candidate in History, Associate Professor. Leading Researcher, Section for Belarus, Moldova and Ukraine, Center for Post-Soviet Studies. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. E-mail: agr1976@yandex.ru

Neo-Western Russianism, Pseudo-Western Russianism: Attempts of the Idea Transformation

Abstract. The article examines the phenomena of neo-Western Russianism and pseudo-Western Russianism. These ideologies exist alongside with Western Russianism. Neo-Western Russianism is partly based on historical conceptions of the Soviet period. Those concepts replaced some of the basic ideas of Western Russianism. Pseudo-Western Russianism strives to distort the ideas of Western Russianism adding neo-pagan elements to the Christian principles of Western Russianism.

Keywords: Western Russianism (Zapadnorusizm), Neo-Western Russianism, Pseudo-Western Russianism, Byelorussia.

«Русский Запад» и конфессиональный вопрос

{ Раздел третий }

*Протоиерей Александр Романчук
Пинская генеральная конгрегация православного духовенства 1791 года
как первый опыт враждебных действий Фанара в отношении
Русской Православной Церкви*

*Протоиерей Александр Романчук
Причины возникновения движения к православию униатского духовенства
в Российской империи в первой трети XIX века*

*М.Н. Крот
«Касаться вопросов веры с возможной осторожностью...»: политика
«церковно-приходского обрусения» Северо-Западного края
и Виленский генерал-губернатор князь П.Д. Святополк-Мирский*

*Протоиерей Александр Романчук
Мировоззрение митрополита Иосифа (Семашко) и его истоки*

Пинская генеральная конгрегация православного духовенства 1791 года как первый опыт враждебных действий Фанара в отношении Русской Православной Церкви

На фоне непростых взаимоотношений, сложившихся между Московским и Константинопольским патриархатами в связи с легализацией украинских раскольников и созданием Православной Церкви Украины, часто можно столкнуться с мнением, согласно которому напряжение между этими двумя Поместными Церквями начало нарастать после разрушения русской революцией симбиоза Русской Православной Церкви и российской государственности. Между тем это не совсем так, вернее, совсем не так. Как известно, отношения с Царьградом непросто складывались уже у святого равноапостольного великого князя Владимира – крестителя Руси. На протяжении последующих веков Вселенские патриархи, да и вообще представители Константинопольской иерархии неоднократно своим вмешательством в значительной степени осложняли положение Русского Православия. Достаточно вспомнить роль Константинополя в событиях разделения Русской Церкви на Московскую и Литовскую митрополии в 1458 году, действия патриарха Иеремии II (Траноса) в Киевской митрополии, невольно поспособствовавшие заключению Брестской церковной унии в 1595–1596 годах, неоднократно случавшееся негативное влияние греческих духовных лиц на решения поместных Соборов Русской Церкви. В этот перечень можно добавить то соображение, что православие в Речи Посполитой (на территории современных Украины, Белоруссии, Литвы, восточных воеводств Польши) в последней четверти XVII и в XVIII веке не было окончательно уничтожено лишь благодаря изъятию Киевской митрополии из состава Константинопольской патриархии и введению ее в 1686 году под омофор Московского патриарха.

Сложность церковных русско-греческих отношений начиная с середины XV века можно объяснить, с одной стороны, стремлением Царьграда сохранить и приумножить свой авторитет в православном мире в обстоятельствах выживания под турецким владычеством; с другой стороны, интересами и масштабом опиравшейся на духовный фундамент православия русской государственности, которая не могла развиваться и решать собственные исторические задачи, одновременно обременяя себя греческими церковно-каноническими и национальными интересами. В целом проблемы в этих отношениях можно рассматривать как объективно возникавшие недоразумения, поскольку, как считается, они не носили враждебный характер. Кажется, что положение изменилось только в XX веке и в наши дни в связи с деятельностью патриарха Варфоломея. Однако, к сожалению, действия, осознанно направленные против Русской Церкви, Константинополь предпринимал и ранее. Свидетельством тому являются события Пинской генеральной конгрегации 1791 года, мало известные не только широкой публике, но даже любителям церковной истории, а в некоторых случаях – и профессиональным историкам.

Протоиерей Александр Романчук, кандидат богословия, заведующий кафедрой церковной истории и церковно-практических дисциплин Минской духовной семинарии. E-mail: romanchuk_alex@mail.ru

Пинская генеральная конгрегация 1791 года – собрание представителей православного духовенства и мирян, находившихся в подданстве Речи Посполитой. Ее цели состояли в выработке новой организации церковной жизни православного населения Польско-Литовского государства. Инициатива созыва Конгрегации исходила от депутатов так называемого Четырехлетнего сейма (1788–1792 годов) и была поддержана королем Станиславом Августом Понятовским, назначившим из числа сановников своего королевства ответственных за реализацию этой задумки.

Чтобы разобраться в хитросплетениях событий, сопровождавших Пинскую конгрегацию, нужно обратить внимание на следующее. В середине XV века Русская Православная Церковь, представлявшая собой митрополию в составе Константинопольского патриархата, оказалась разделенной на автокефальную Московскую митрополию, в 1589 году получившую канонический статус патриархии, и Киевскую митрополию, объединявшую епархии в пределах Великого княжества Литовского (ВкЛ) и оставшуюся под властью Константинопольского патриарха. На троне ВкЛ с конца XIV века утвердилась династия католических правителей, что, несмотря на численное доминирование православного населения, обеспечило господство в стране католичества. В 1569 году ВкЛ соединилось с католическим Польским королевством в единое государственное образование – Речь Посполитую, в котором положение католичества еще более укрепилось. Это послужило нарастающему проникновению на западнорусские земли структур Католической Церкви и расширению влияния в западнорусском обществе римского духовенства. Завершением католической экспансии стало заключение в 1596 году между частью иерархии Киевской митрополии Константинопольского патриархата и Католической Церковью унии.

Церковная уния на землях Речи Посполитой, получившая название Брестская, поскольку во всеуслышание она была объявлена на церковном Соборе в г. Бресте, задумывалась ее идеологами со стороны Польско-Литовского государства и Римской курии как средство окончательно вытеснить православие из жизни предков современных украинцев и белорусов, единой католической верой скрепить их связь с поляками-католиками. Этим она должна была способствовать усилению и динамичному развитию Речи Посполитой, а также послужить инструментом для распространения католичества в Московской Руси и далее на Востоке Евразии¹. Однако вопреки ожиданиям творцов Брестской унии она оказалась источником религиозных и общественно-политических конфликтов, не укрепила, а ослабила Речь Посполитую, создала массу проблем для католичества и не смогла достичь поставленных перед ней геополитических целей. Тем не менее на рубеже XVII–XVIII веков при деятельной поддержке польских властей и католического шляхетского общества Брестская церковная уния сумела закрепиться в обширных регионах Западной Руси, в первую очередь на современных белорусских землях и на Правобережной Украине.

Во второй половине XVII века по итогам русско-польской войны 1654–1667 годов Киев и обширные территории Левобережной Украины вошли в состав Московского царства. В 1686 году в результате усилий русской дипломатии Константинопольский патриархат вынужден был передать Киевскую митрополию под омофор Московского патриарха, что явилось ударом по интересам Константинополя, но восстановило утраченное в 1458 году

¹ Известный историк-иезуит П. Пирлинг так описывает униатские планы Рима относительно восточного славянства в XVI веке: «Следует проникнуть в самое сердце славянского мира. Фактом является то, что несколько русских провинций находятся под польским господством. Их жители родственны москвитам; у них та же кровь, та же вера, тот же язык, но политическое будущее связано с судьбой Польши. Эти соотечественники имеют контакты с двумя славянскими центрами: Католическая Церковь может легко распространить свое влияние среди них: как только они выйдут из схизмы и обретут истинную веру, силою обстоятельств они станут апостолами новой веры для москвитов и через посредство последних будут найдены контакты с татарами Казани и Астрахани, горными народами Кавказа и мусульманами Азии» [14, с. 186].

каноническое единство Русской Церкви и поставило православное население Речи Посполитой под защиту Московского государства, в 1721 году превратившегося в Российскую империю. Благодаря защите со стороны России православие в Речи Посполитой не было окончательно уничтожено, но находилось в упадке. К началу XVIII века под властью польских королей сумела сохраниться единственная православная епархия – Мстиславская, иначе – Могилевская. Православные в Польше испытывали притеснения, и их число неуклонно сокращалось. Большими массами, зачастую насильем, их переводили в унию. К первому разделу Речи Посполитой в 1772 году православная Могилевская епархия состояла из 470 приходов с 550 000 верующих [26, с. 287]. Для сравнения, в это время уния в Речи Посполитой располагала восемью епархиями и 9452 приходами [27, с. 21]. Число униатов составляло не менее 8 000 000 человек.

После первого раздела Речи Посполитой в 1772 году Могилевская епархия была разрезана новой государственной границей. В пределах Польши осталось 340 православных приходов и 39 монастырей [26, с. 287] и их число сокращалось. К 1791 году в православии оставались 254 прихода, 13 монастырей и 162 024 верующих [9, с. 234–235]. Церковная жизнь этой части Русской Церкви находилась в расстроеном состоянии. Положение осложнялось отсутствием православного епископа, поскольку Могилевская кафедра после 1772 года оказалась в границах Российской империи. Под давлением России в 1785 году король Станислав Август Понятовский вынужден был допустить исправление иерархической ситуации в православии на своей территории. После длительных напряженных переговоров между Петербургским и Варшавским дворами, несмотря на сильнейшее противодействие со стороны польского шляхетского общества, фанатизированного католическим духовенством, Святейший Синод Русской Православной Церкви получил право назначить в Речь Посполитую епископа. Им с титулом Переяславский и Бориспольский, коадьютор Киевской митрополии стал преосвященный Виктор (Садковский) [11, с. 329].

В 1788 году начал работу так называемый Четырехлетний сейм (1788–1792). Его усилия направлялись на укрепление государства через преодоление кризисных явлений во всех сферах жизни страны. Сейм проходил на фоне обеспокоенности польского общества возможностью антипольского восстания на Украине. Там имели место убийства шляхты, что навевало воспоминания об ужасах коалиции – восстания запорожских казаков в середине XVIII века, сопровождавшегося поголовным истреблением польского населения. Суды над обвиняемыми в убийствах проходили в Луцке, Дубно, Кременце и Владимире Волынском. Они сопровождались жестокими казнями. Чтобы погасить разгоравшиеся страсти, король распорядился доставить в Варшаву всех арестованных по обвинению в антиправительственной деятельности, среди которых обнаружилось некоторое количество православных монахов и священников. Из депутатов сейма была сформирована следственная комиссия (в официальных документах она называлась «депутация») для проведения разбирательства по этому делу. Комиссия не нашла никаких доказательств подготовки восстания. В то же время ею было отмечено широкое распространение на западнорусских территориях «пропаганды» православия, и с удивлением для себя члены комиссии открыли тот факт, что православные церковные структуры Речи Посполитой канонически подчинялись Святейшему Синоду Русской Православной Церкви [28].

21 апреля 1789 года сеймовый маршал Казимир Сапега огласил Сейму донесения шпионов, в большом числе подсланных к епископу Виктору (Садковскому), в которых говорилось, что он и подчиненные ему священники подстрекают крестьян к бунту и тайно берут у них присягу на верность России. Возмущенные депутаты Сейма постановили арестовать владыку, а также нескольких членов его консистории и доставить в Варшаву для расследования их антигосударственной деятельности. Следствие развернуло масштабную работу по сбору материалов по делу, но не выявило доказательств вины Садковского

и его сотрудников [21]. Тем не менее 29 марта 1790 года православному архиерею было выдвинуто обвинение в предательстве интересов страны [28, s. LXI–LXX], и он оставался в заключении сначала в Варшаве, а затем в Ченстоховском монастыре до 1792 года.

Одновременно с судом над преосвященным Виктором следственная комиссия в инициативном порядке начала разработку рекомендаций для новой правительственной политики в отношении остатков Православной Церкви в Польше. На закрытом заседании Сейма, состоявшемся 26–27 марта 1790 года, эти рекомендации, напечатанные отдельной брошюрой, были оглашены [24, s. 405].

В мае-июне 1790 года руководство Сейма было занято участием в тайных переговорах с прусским правительством. В повестке дня заседаний не ставились обычные законотворческие вопросы, что позволило депутатам обратить внимание на давно назревшие церковные проблемы [24, s. 383]. В первую очередь Сейм озабочился улучшением положения Католической Церкви как латинского, так и униатского обрядов. Главной заботой относительно униатов было возвышение униатской иерархии через введение в Сенат униатского митрополита Иасона (Смогоржевского). В этом депутаты Сейма видели наиболее эффективное средство для противодействия православию и улучшения религиозной ситуации в стране [24, s. 393–403]. Сейм обратил внимание и на дела Православной Церкви. Были рассмотрены и одобрены выработанные следственной комиссией рекомендации, касающиеся ее переустройства. Рекомендации опирались на мнение, согласно которому наибольшую опасность для Речи Посполитой представляла каноническая зависимость православного населения страны от чужеземного церковного управления – Святейшего Синода Русской Православной Церкви, поскольку через Синод Петербургский двор имел возможность влиять на настроение народных масс и общественные процессы на русских территориях Польши. Чтобы исправить положение, члены комиссии предложили переподчинить православную Могилевскую епархию Константинопольскому патриарху, обеспечить православному населению свободу вероисповедания и протекцию со стороны Польского государства [29, s. 83–85].

Сейм одобрил рекомендации следственной комиссии. 13 апреля 1791 года был издан «Универсал сеймовых маршалков», в котором всему населению Речи Посполитой сообщалось о предоставлении права православным иметь в Польше собственное Высшее церковное управление [30, s. 212; 3, с. 245–247]. Польской дипломатии было предложено войти в контакт с правительством Османской империи на предмет передачи православного населения Польши под омофор Константинопольского патриарха [25, s. 130]. Для выработки и оформления нового церковного устройства было решено провести собрание представителей православного духовенства и мирян с участием высокопоставленных католических духовных лиц и под контролем государственных сановников. Собрание под названием «конгрегация» поначалу предполагалось провести в Слуцке 9 февраля 1791 года, но затем его перенесли в Пинск с другой датой – 15 июня 1791 года [30, s. 212–213; 4, с. 173–174].

Уже летом 1790 года польский посол в Стамбуле Петр Потоцкий вступил в переговоры с министрами правительства султана Селима III, которые известили Константинопольского патриарха Неофита VII о пожеланиях польской стороны. Патриарх благосклонно откликнулся на предложение взять под свой омофор православных Речи Посполитой и обратился к православному духовенству Польши с посланием, в котором запрещал священникам присягать на верность России и призывал их быть лояльными королю и польскому государству. Послание патриарха в виде отпечатанной листовки польское правительство распространило среди православного населения в ноябре 1790 года.

15 июня 1791 года после длительных и сложных организационных мероприятий, проведенных польскими властями, в Пинске с одобрения короля открыла работу Пинская

генеральная конгрегация. Православная общественность проявила заинтересованность в этом форуме. В заседаниях конгрегации приняли участие 25 делегатов от монашествующих, 22 представителя белого приходского духовенства и 56 светских лиц, из которых 19 были шляхтичами, посланными 17-ю православными братствами. Наблюдали за деятельностью этого церковного съезда уполномоченный королем комиссар Михаил Кохановский, многочисленные представители католического духовенства латинского и униатского обрядов и католической знати.

Правомочность новой организации Православной Церкви в Польско-Литовском государстве Пинская конгрегация обосновала тем, что нововведения совершаются в рамках канонического права и обычаев Восточной Церкви, сложившихся в эпоху Семи Вселенских Соборов. Одновременно подчеркивалась недопустимость зависимости национальной (то есть располагавшейся на территориях суверенного государства) Церкви от заграничного центра за исключением вопросов вероучения. Утверждалось, что поскольку православие на территориях, входивших в состав Речи Посполитой, пришло из Константинопольского патриархата, который многие столетия устанавливал и гарантировал канонический порядок церковной жизни православного населения, то необходимо, чтобы формируемая национальная церковная структура находилась под властью Константинопольского патриарха [23, s. 33–34]. Особо оговаривалась лояльность православного духовенства правительству Речи Посполитой и лично королю с утверждением, что в государстве соблюдаются права и привилегии православия [23, s. 35].

3 июля 1791 года Пинская конгрегация завершила свою работу оглашением принятых решений. Они касались всех сторон церковной жизни и состояли из 12 статей. В 1-й статье конгрегация постановила, что высшее управление Православной Церковью в Речи Посполитой будет осуществлять собирающийся раз в четыре года национальный Синод, состоящий из архиепископа (или митрополита) и трех епископов, канонически ни от кого не зависимых, а в догматических вопросах подчиненных Константинопольскому патриарху. Соответственно на территории страны учреждались четыре православные епархии. Во 2-й статье описывалось временное управление Церковью, которое должно было действовать до одобрения Сеймом решений конгрегации. 3-й артикул предписывал разделение учреждаемых епархий на деканаты или протопопии – в русской церковной терминологии благочиния, содержал положение о конгрегациях в деканатах и правила выборов протопопов – благочинных, а также структуру управления деканатами. 4-й артикул описывал новые правила организации и функционирования монастырей. 5-й касался епархиальных конгрегаций, в которых участие должны были принимать правящий архиерей, его наместники, настоятели епархиальных монастырей, протопопы, председатели церковных братств. 6-й артикул посвящался правилам созыва генеральной – общей для всей Православной Церкви в Польше – конгрегации, а также очерчивал ее полномочия. 7-й артикул вводил постоянно действующий орган управления – Высшую консисторию, которая была призвана реализовывать решения национального Синода, осуществлять руководство текущей жизнью Церкви. Здесь же говорилось о том, что церковное делопроизводство должно было вестись или двойным текстом – польским и русским, или только одним польским. В артикулах 8 и 9 оговаривалась организация и полномочия епархиальных консисторий. Артикулы с 10-го по 12-й вводили нормы управления церковным имуществом и имениями монастырей, предписывали создание приходских школ и госпиталей (то есть богаделен). Также конгрегацией была разработана формула присяги, которую должно было приносить православное духовенство. От священников требовалось, чтобы они присягали не только на верность королю и Речи Посполитой, но и Конституции, выработанной Сеймом и введенной в действие 3 мая 1791 года [23, s. 33–104].

Избранный на Пинской конгрегации руководитель Высшей консистории игумен Бельского монастыря Савва (Пальмовский) сразу приступил к осуществлению принятых в Пинске решений [4, с. 177–183]. В ожидании официального подтверждения ранее выраженного согласия Константинопольского патриарха на новое устройство Церкви в Польше и принятия ее под свой омофор [4, с. 181] в богослужение вводилась особая форма поминания светских и церковных властей на ектениях, призванная обеспечить плавность и изобразить церковно-правовую легальность перемены канонической юрисдикции. Поэтому прежнее поминание императрицы Екатерины II опускалось, вместо нее поминались «Пресветлейший и Великодержавнейший король наш Станислав Август», «пресветлейшая Речь Посполитая». Из церковных властей поминались «святейшие четверопрестольные патриархи», «преосвященный Виктор» (имеется в виду находившийся в заключении глава православных в Польше) и «правительствующий Верховный Синод» [4, с. 180]. Особо знаменательно поминание Синода с другой приставкой: не «Святейший», как было положено, а «Верховный». Очевидно, что такая маскировка была предпринята для успокоения польского католического общества.

Король Станислав Август одобрил решения Пинской конгрегации, не отреагировав на негативную реакцию Римского папы, видевшего в этом событии подрыв позиций католичества в Польше под влиянием новых философских течений, которые объявляли все религии равными, чтобы в итоге не было ни одной влиятельной религии [16, с. 248–249]. Против нового устройства Православной Церкви в Речи Посполитой выступили папский нунций Фердинандо Салюццо и униатские епископы, которые обратились к королю с протестами, поддержанными широкими кругами католической шляхты, стоящей за сохранение своих старинных свобод и привилегий, а также нерушимое господство в стране католичества. В свою очередь сторонники преобразования Польши в духе Конституции 3 мая 1791 года высказывали одобрение реформам в Церкви и требовали более терпимого отношения к православию. 22 мая 1792 года после жарких дискуссий Сейм утвердил выработанные Пинской конгрегацией постановления [30, с. 447].

Пинская конгрегация как попытка построить жизнь в Речи Посполитой на основании религиозной терпимости, а не католического фанатизма, оказалась запоздалой. Политическая обстановка в стране, все более погружавшейся в хаос, последовавшие вскоре второй (1793) и третий (1795) разделы Речи Посполитой прекратили существование этого государства. Сведения о продолжении активности польской дипломатии в Стамбуле по церковным делам отсутствуют. По-видимому, с этим связан тот факт, что официальное письменное согласие патриарха Неофита VII на принятие в свою юрисдикцию польской части Русской Церкви – Томос, получено не было. Вероятно, этот документ так и не был составлен.

Надо сказать, что окончательная точка в истории Пинской конгрегации была поставлена ранее второго раздела Речи Посполитой. В 1792 году в связи с победоносным завершением для Российской империи войны с Турцией сложились благоприятные политические обстоятельства для освобождения из заключения епископа Виктора (Садковского) [12, с. 46]. Выйдя из-под стражи, он вернулся к управлению своей паствой, известив об этом подчиненное духовенство [13, с. 414–420]. Владыка Виктор был с восторгом встречен священниками [10, с. 179], что позволило ему остановить приведение в жизнь принятых на Пинской конгрегации постановлений. От игумена Саввы (Пальмовского) как наиболее активного участника Пинской конгрегации и деятельного проводника польских государственных интересов владыка потребовал покинуть пределы своей епархии, что тот и сделал, перебравшись в Варшаву [4, с. 187]. В Варшаве в 1794 году во время восстания Тадеуша Костюшко Пальмовский играл видную роль в лагере повстанцев и духовно кормил русских пленников. Поражение восстания окончательно прекратило его церковно-

общественную деятельность [26, s. 291, 298]. По непроверенным данным, в конце жизни Пальмовский отказался от православия и перешел в унию [7].

Таким образом, Пинская генеральная конгрегация не оставила в истории следа, кроме небольшого количества документов. Оценки этого события могут быть разными, поэтому представляются уместными некоторые замечания.

Во-первых, надо признать, что Пинская конгрегация выработала стройное положение об управлении и функционировании Православной Церкви в Речи Посполитой, основанное на принципах православной соборности, правда, изрядно дополненной демократическими нормами, несшими в себе дух новой революционной эпохи. В то же время трудно говорить о жизнеспособности постановлений конгрегации, так как они не прошли проверку на практике.

Во-вторых, постановления Конгрегации вели к полному отрыву православного населения Речи Посполитой от полноты Русской Церкви не то чтобы без согласия, но даже без уведомления Матери-Церкви о происходящем, что являлось бесцеремонным нарушением канонического права.

В-третьих, работа Пинской конгрегации проходила без участия и согласия находившегося под стражей законного предстоятеля Церкви в Польше – преосвященного Виктора (Садковского). На ней не присутствовал ни один православный епископ, не было делегатов от других поместных Православных Церквей. Совокупность этих фактов заставляет признать Пинскую генеральную конгрегацию нелегитимным собранием, которое не имело права менять церковно-правовой статус Церкви в Польше.

В-четвертых, главной побудительной причиной проведения собрания православного духовенства и общественности со стороны польского правительства являлось желание пресечь зависимость православного религиозного меньшинства от расположенного во враждебном Российском государстве центра церковного управления, чтобы деятельность православного духовенства не противоречила, но способствовала правительственной политике Речи Посполитой. Проблема в том, что Константинопольский патриарх был подданным Османской империи, а следовательно, зависимость православного населения от чужеземного Высшего церковного управления не устранялась. Когда польские сановники требовали, чтобы учреждаемый национальный Синод был зависим от Константинопольского патриарха лишь в догматических вопросах, они, очевидно, либо слабо представляли себе функционирование православного канонического права, либо, что более вероятно, рассчитывали на удаленность и слабость Константинопольской патриархии, на которую надеялись найти эффективные рычаги давления. В итоге Пинская конгрегация устраняла зависимость православия в Польско-Литовском государстве от Высшего церковного управления Русской Православной Церкви, но вместо нее она вводила не столько другую каноническую зависимость, сколько в еще большей, чем прежде, степени усиливала зависимость православного населения от польских властей. О том, что веротерпимость в отношении православия в реформированной Конституцией 3 мая Речи Посполитой могла восторжествовать, говорить не приходится. В законе, ратифицировавшем постановления Пинской конгрегации, прямо говорилось о том, что православные не имеют права претендовать на возвращение отнятых у них католиками обоих обрядов храмов и имущества [30, s. 447]. Это означает, что польские власти планировали не допускать восстановления позиций Православной Церкви, стремились ограничить возможности ее развития.

Наконец, нужно особо выделить мнение, которое относительно Пинской конгрегации высказал профессор М.О. Коялович. Его, в отличие от многих других историков, не впечатлила демократичность внутрицерковного устройства, вводимого пинскими постановлениями. Коялович пишет: «...Конгрегация призывала к полноправию духовенство, дворянство, даже мещанство, но о народе она не говорила ни слова. Громады и ее представители –

атаманы, сельские братства и их представители – ктиторы – слова, незнакомые пинскому положению. Положение это не только было призывом к разрыву религиозного и народного единения Западной России с Восточной, но и к разрыву последних остатков православной западнорусской интеллигенции с ее народом» [8, с. 337].

Зачастую современные историки подвергают сомнению значимость религиозного фактора во втором разделе Речи Посполитой. В частности, В. Аниперков полагает, что на Пинской конгрегации была учреждена автокефальная Православная Церковь в Польше, и это вместе с другими обстоятельствами сняло напряжение диссидентского вопроса¹. Тем самым, согласно его мнению, влияние России на православное духовенство в Польше было ослаблено [1, с. 60]. С таким мнением трудно согласиться.

Первое – Пинская генеральная конгрегация не ввела автокефальное управление для Православной Церкви в Польше, о чем, в общем-то, речь и не велась, и не переименовала ее юрисдикцию. Патриарх Неофит VII не прислал свое письменное согласие на принятие польских православных в состав Константинопольской патриархии, то есть постановления Пинской конгрегации официально не вступили в силу.

Второе – важны были не постановления сомнительного с церковно-правовой точки зрения съезда группы духовенства и мирян в затерянном среди полесских болот Пинске, а важно было положение епископа Виктора (Садковского) – законного, признанного во всем православном мире предстоятеля Церкви в Польше. Российские сановники, в отличие от польских, понимали, что с его освобождением из-под стражи окажутся канонически ничтожными все предпринятые без его участия и одобрения действия православных духовных лиц. Поэтому на Пинскую конгрегацию не последовало никакой официальной реакции со стороны российского правительства и Святейшего Синода.

Третье – Пинская конгрегация, устранявшая влияние Святейшего Синода Русской Православной Церкви на православное духовенство в Речи Посполитой, в действительности не ослабила действие религиозного фактора, влиявшего на политические события перед вторым разделом Польши. Наоборот, она усилила его, переведя проблему из межконфессиональной плоскости во внутрицерковную. На это указал С.М. Соловьев, отметив, что в результате Пинской конгрегации «дело пошло уже не о разделе Польши, а о соединении русских земель... Россия должна была поспешить политическим соединением предупредить разделение церковное» [16, с. 250]. То есть для России постановления Пинской конгрегации были неприемлемы по одной простой причине – они возвращали каноническое разделение Русской Церкви, с огромным трудом преодоленное в 1686 году. Пинская конгрегация наносила удар по процессу завершения собирания русских земель под скипетром российских монархов, которое предпринимала императрица Екатерина II. Причем удар наносился в самой чувствительной – духовной сфере. Действительно, сопротивление установлению русской власти после грядущего раздела Речи Посполитой со стороны польского католического общества и униатов было естественно и ожидаемо. А вот враждебное отношение к установлению русской власти со стороны православного населения, пусть и небольшого по численности, обесценивало значительную часть российских аргументов в пользу уничтожения польской государственности. С мнением С.М. Соловьева с некоторыми оговорками согласен П.В. Стегний, который пишет, что «со времени создания Пинской конгрегации польский вопрос вошел в жесткий идейно-религиозный контекст, в значительной мере сузивший свободу действий Екатерины» [17, с. 253–254]. Иными словами, деятельность Пинской конгрегации заставила императрицу Екатерину II активизировать воплощение ее антипольской программы.

¹ Об отношении некоторых представителей правительственных кругов Российской империи к диссидентскому вопросу в середине XVIII века [19, с. 259–260], об эволюции представления о значении диссидентского вопроса в историографии [2, с. 31–39].

Из сказанного следует, что Пинская конгрегация не ослабила, но усилила значение религиозного фактора в русско-польском противостоянии в начале 1790-х годов. Она затронула самые глубинные интересы российской государственности, создав угрозу возобновления канонического обособления Польской и Российской частей Русской Церкви.

Итак, Пинская генеральная конгрегация представляла собой весьма противоречивое предприятие, легитимность и успех которого с самого начала были сомнительны и которое создало внутрицерковное напряжение, заставившее Российскую империю усилить свои действия против Польши. На самом деле это была авантюра, суть которой заключалась в том, что польские правительственные круги инициировали среди православного населения сепаратистское по отношению к Русской Православной Церкви движение, а патриарх Неофит VII предпринял шаги для придания этому движению видимость канонической законности. Константинопольский предстоятель совершил грубое вмешательство в дела Русской Церкви, которое носило явно враждебный характер и в отношении Русского Православия, и в отношении Российского государства. Хронологически это был первый случай проявления откровенной враждебности Фанара к России и ее Церкви. Встает вопрос о личности патриарха Неофита VII и мотивах его действий.

Патриарх Неофит VII весьма противоречиво характеризуется в исторической литературе. Во многих исторических источниках личного происхождения и исследованиях, посвященных истории Константинопольской Церкви, его упрекают в стяжательстве и разного рода нарушениях, допущенных в церковном управлении. Кажется, что подтверждение справедливости такого взгляда содержится уже в том факте, что патриарший престол Неофит VII занимал два раза: в 1789–1794 и в 1798–1801 годах. Причем первый период его патриаршества закончился насильственным удалением от кафедры. В то же время профессор И.И. Соколов на основании разбора личных качеств и деятельности патриарха Неофита приходит к выводу о несправедливости подобных обвинений. Он относит их возникновение к интригам некоторых членов Синода Константинопольского патриархата и вмешательству представителей правящих кругов Османской империи. Выработка объективного взгляда в этом вопросе осложняется тем, что акты патриаршества Неофита VII не сохранились. Тем не менее даже скудные сведения о патриаршестве Неофита VII позволяют делать вывод о том, что это был один из лучших и деятельных предстоятелей Константинопольской Церкви второй половины XVIII века [15, с. 408–415].

Согласившись с высокой оценкой личности патриарха Неофита и его деятельности на благо Греческой Церкви, нужно признать, что в конце XVIII века в условиях, когда дряхлеющая Османская Порта еще продолжала держать под своей властью все православные страны, за исключением России, и обеспечивала доминирование в их церковных делах Константинопольского патриархата, действия патриарха Неофита в отношении польской части Русской Церкви не могли вызвать в православии угрозу раскола, с которым православный мир столкнулся в наши дни в связи с деятельностью патриарха Варфоломея. Речь могла идти лишь о возникновении напряжения между Константинопольской патриархией и Святейшим Синодом, за которыми стояли, соответственно, Османская и Российская империи. Действия патриарха Неофита скорее в еще большей степени обостряли русско-турецкие противоречия, которые и без того в это время вылились в войну, продолжавшуюся в 1787–1792 годах. Поэтому нельзя говорить о том, что, содействуя польским интересам против интересов России, патриарх Неофит сильно рисковал авторитетом Константинопольского патриархата в православном мире.

В отношении к Пинской конгрегации роль патриарха Неофита VII исторической наукой до сих пор однозначно не определена. С одной стороны, получив от польского правительства просьбу о содействии, которая напрямую затрагивала интересы Русской Церкви, он не поставил об этом в известность Святейший Синод, им не были проведены соответствующие

консультации с предстоятелями других Поместных Православных Церквей, что являлось вопиющим нарушением церковного порядка. С другой стороны, в качестве оправдания патриарха можно выдвинуть то соображение, что в это время продолжалась русско-турецкая война и для Фанара было невозможно, даже смертельно опасно искать контакты с любыми официальными представителями России. Однако понимание общецерковных и политических последствий недружественных шагов в отношении Российской империи и Русской Церкви должно было бы заставить патриарха Неофита либо не спешить с ответом на польские инициативы, передаваемые ему министрами правительства Османской империи, либо совершить все так, чтобы не повредить мирным межцерковным отношениям. Кажется, что патриарх Неофит поступил именно так, когда он не прислал свое официальное согласие на принятие польских православных под свою власть. Однако существует недвусмысленное доказательство того, что он осознанно способствовал антироссийской политике польского государства и намеренно совершил враждебные в отношении канонического единства Русской Православной Церкви действия. Дело в том, что патриарх Неофит VII не только на словах благосклонно отнесся к идее проведения Пинской конгрегации, но и обратился к православному населению Польши с посланием, в котором одобрял созыв конгрегации, основной темой работы которой намечалось выведение части Русской Православной Церкви из-под власти Святейшего Синода и передачи ее под его омофор. Как уже упоминалось выше, это послание польское правительство распространяло перед Пинской конгрегацией. Из него ясно видны мотивы действия патриарха.

Надо сказать, что небольшой отрывок из послания патриарха Неофита VII к православному населению Речи Посполитой в русском переводе приводится В.А. Бедновым [6, с. 384]. Полный текст послания опубликован в сборнике документов польской дипломатической миссии в Стамбуле, изданной В. Валишевским в 1894 году. Из заголовка – «Перевод проекта увещательного Пастырского Послания от Патриарха Константинопольского к Церкви-Дезунитов, предназначенного для публикации в Польше» – следует, что текст послания был составлен в патриархии на греческом языке, а польские дипломаты предложили проект его перевода на польский. Неизвестно, корректировался ли этот проект перед публикацией. До сих пор не удается обнаружить оригиналы листовок, распространявшихся в 1790 году. Положение осложняется тем, что греческий текст послания отсутствует, поскольку акты патриаршества Неофита VII не сохранились. Тем не менее можно допустить, что проект перевода был обнародован без изменений. Дело в том, что этот вариант послания в полной мере отвечал политическим устремлениям польской стороны. Каноническое и богословское обоснование поддержки патриархом польских интересов не должно было волновать польских дипломатов и политиков. Поэтому можно полагать, что мысли, которые высказаны в этом тексте, являются собственными мыслями патриарха.

В авторском переводе текст послания патриарха Неофита, изданный Валишевским, читается следующим образом.

«Перевод проекта увещательного Пастырского Послания от Патриарха Константинопольского к Церкви-Дезунитов, предназначенного для публикации в Польше.

Всем правоверным и истинным Христианам, как духовным, так и светским, Его королевского величества и наияснейшей Речипосполитой Польской, так же Великому княжеству Литовского подданным, которые придерживаются святых обрядов и исповедуют Евангельское учение согласно обычаям и вере нашей Восточной Церкви, общей Матери нашей, согласно с постановлениями и уставами Семи Вселенских Соборов, да пребудут с вами любовь, мир и милосердие Отца, Сына и Духа Святого, Бога единого по природе, почитаемого в Трех Лицах; Нам же – благословение и отпущение грехов.

Заповедь Спасителя нашего Иисуса Христа, данная в Святом Его Евангелии: Euntes in Mundum Universum praedicate Evangelium omni creaturae [«Идите по всему миру

и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк. 16: 15) – А.Р.], обязывающее *Нас проповедовать слово Божие всем Христианам, веру Святой Восточной Церкви исповедующим, ибо (благодарение Богу) власть во Вселенской Церкви правом Синода сообщена Нам и доверена была.*

По этой причине Вам, являющимся верными чадами Восточной Церкви, а также Его Величества короля Речипосполитой и Великого княжества Литовского подданными, советуем нерушимым содержать все то, что Евангельскими заповедями, преданиями святых Апостолов, и все то, что по вдохновению Духа Святого установлено было на Семи Вселенских Соборах, где ясно содержатся Символ веры нашей, семь Таинств святой Церкви нашей, постановления святых Апостолов и заповеди боговдохновенных святых Отцов наших. К этому всему, что выше сказано, нужно еще добавить обязательство любви к ближнему и послушания подданных своим королям и начальникам духовным, поставленным от Бога, согласно словам святых Апостолов: *Obedite Ductoribus Vestris et obsecundate* [«Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны» (Евр. 13: 17) – А.Р.], и в другом месте *Omnis anima potestatibus supereminentibus subjecta esta in Domino Nostro Jesu Christo* [«Всякая душа да будет покорна высшим властям в Господе нашем Иисусе Христе» (Неточная цитата из Рим. 13: 1) – А.Р.], равно как и в силу заповеди Спасителя нашего: *Reddite ergo quae sunt Caesaris, Caesari, et quae sunt Dei, Deo* [«Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22: 19) – А.Р.].

С тревогой я принял известие, что ваши духовные начальники принесли присягу, в силу которой обязывались быть послушными чужому государству и исполняли такие распоряжения, которые преследовали явную цель подстрекательства народа к непослушанию и бунту против законной власти, к поднятию смятений в собственном отечестве, что тем более является тяжёлым и значительным перед Богом проступком, что безбожие продвинулось даже до употребления во зло посредством гнусного фарисейства при поминании Его имени. Посему мы обязаны не ради угождения людям и не лицемерно, но в правде, искренности и без лукавства не только уставы нашей святой Церкви сохранять, но также вас остерегаю, чтобы вы души и тела ваши не пятнали, принося присягу чужим державам, которые ведут к непослушанию и бунту; злонамеренные присяги и обязательства должны быть отвергнуты. Если бы Ирод не был связан неосторожно данной клятвой, не приказал бы умертвить Пророка. А если бы Петр не прекратил отказываться и клясться, настаивая, что он не знает Человека, не был бы другом Божиим, но Бог отказался бы от него. Кроме того, существует старинное общепринятое церковное правило, обращенное к духовным лицам, которое определенно предписывает нам заниматься исключительно духовными делами и ни при каких обстоятельствах не вмешиваться в политику, поскольку: *peto potest duobus dominis servire, Deo et natonae* [«Никто не может служить двум господам, Богу и мамоне» (Мф. 6, 24) – А.Р.].

Все лица в духовном сане! Своими поступками вы обязаны служить примером правоверным Христианам нашим, учить и давать советы с усердием и постоянством как высшим, так и низшим, чтобы точно так же, как хвалу Богу воздаете, пребывали в послушании приказаниям его королевского величества и наияжнейшей Речипосполитой Польской, за которых единственно, как за законную власть вашу, должны молиться Всемогущему Богу, а не за чужеземных монархов, как вы до этого делали, особо обращая на то внимание, чтобы вы, поступая иначе, не нарушили заповеди Святого Евангелия, постановлений Апостолов и святых Отцов, и наконец, наших предупреждений и напоминаний Пастырских и Синодальных, направленных на то, чтобы вы не стали ненавидны Богу и не заслужили наказание от власть предержащих. Светским людям! Если вы не проявите непослушания во всем этом, что от вас требует святая наша вера, искренняя подчиненность его королевскому величеству и Речипосполитой Польской,

то не только получите от Бога венец славы, но и воспользуетесь милостью наияжнейшей Речипосполитой, которая вам в государствах своих liberum exercitium [свободно действовать] нашей святой религии позволяет. Подобно, как Церковь наша Восточная употребляет (благодарение Богу) во всей Оттоманской империи под славным, справедливым и могущественным управлением Селима III, а вы пользоваться будете существенными свободами в королевстве Польском, в том случае, если со своей стороны будете вести себя прилично; и напротив, действуя по наущению чужих держав, крайне вредных, подобных тем, которыми вы недавно руководствовались, подадите повод для сомнений в вашей верности и поставите себя под угрозу ужасных последствий.

Не перестаем молить Бога о спасении душ ваших и о здравии вашем; будьте же любимыми у Бога сынами! все то, что вам выше советуем делать и напоминаем, вместе с нашим Синодом архиепископов собратий наших; ибо он содержит и сохраняет истинное вероучение Восточной Церкви и ее власть, которую Богу угодно было поручить ей [то есть Церкви – А.Р.]. Пусть милость Господа и отеческое благословение наше будут всегда с вами, как духовными, так и светскими; в противном случае пусть справедливый Божий гнев, кара властей, утрата всех благ духовных, станут уделом всех духовных мятежников, и пусть познают они все страшные плоды справедливости как духовных, так и светских властей. Quod Deus avertat [Да не допустит этого Бог – А.Р.]» [25, с. 366–368].

Итак, в начале послания патриарх Неофит обосновывает правомочность своего обращения к пастве, относящейся к другой юрисдикции, тем, что он заповедью Спасителя обязан проповедовать всем христианам «*ибо (благодарение Богу) власть во Вселенской Церкви правом Синода сообщена Нам [имеется в виду сам автор послания, его предшественники и преемники – А.Р.] и доверена была*». Из этих слов недвусмысленно следует, что патриарх Неофит полагал власть Синода Константинопольского патриархата, а следовательно, и свою власть, распространяющейся на всю Вселенскую Церковь. Примечательно, что этот посыл повторяется в тексте дважды. В конце послания патриарх пишет: «*напоминаем, вместе с Нашим Синодом архиепископов собратий наших; ибо он [то есть Синод – А.Р.] содержит и сохраняет истинное вероучение Восточной Церкви и ее власть, которую Богу угодно было поручить ей [то есть Церкви – А.Р.]*». При этом к тем, кто мог бы проявить сомнение в законности универсальной власти Фанара над Вселенской Церковью, патриарх Неофит обращается с угрозами: «*Пусть милость Господа и отеческое благословение Наше будут всегда с вами, как духовными, так и светскими; в противном случае пусть справедливый Божий гнев, кара властей, утрата всех благ духовных, станут уделом всех духовных мятежников, и пусть познают они все страшные плоды справедливости как духовных, так и светских властей*».

Причину своего обращения к православному населению Речи Посполитой патриарх Неофит объясняет тревогой за судьбу верующих, которых их духовная власть, якобы, заставляет присягать иноземному государству, обрекая тем самым на преследования со стороны законных властей. Св. Синод РПЦ не упоминается, но ему, очевидно, косвенно бросается упрек в применении несовместимых с Евангельскими заповедями принципов руководства частью Русской Церкви, находящейся в пределах Польши. В целом эти слова обвиняют Св. Синод в том, что он в меньшей степени печется о духовном спасении паствы, а в большей степени заботится о продвижении правительственной политики России, заставляет православное духовенство в Речи Посполитой проявлять непопулярность властям.

Интересно видение патриархом пути исправления положения Православной Церкви во враждебном всему православному и русскому Польско-Литовском государстве. Неофит VII призывает православных быть преданными католической Польше и не тяготеть к единой России, называя ее чужеземной для них. Следование такому совету в стране, которая на протяжении всей своей истории стремилась уничтожить православие, без со-

мнения, вело к деградации православных церковных структур, сокращению православного населения, возвышению и торжеству Брестской церковной унии. Неизвестно, был ли настолько глубоко погружен в польские проблемы патриарх Неофит VII, чтобы понимать это. Но для убеждения православных Речи Посполитой в правильности своего видения он приводит в пример положение Церкви в Османской империи. В ней Церковь, по его мнению, процветает под властью султанов. Патриарх пишет, что православие в Польше действует свободно, «подобно, как Церковь наша Восточная употребляет (благодарение Богу) во всей Оттоманской империи под славным, справедливым и могущественным управлением Селима III». «А вы, – продолжает патриарх, – пользоваться будете существенными свободами в королевстве Польском в том случае, если со своей стороны будете вести себя прилично; и напротив, действуя по наущению чужих держав, крайне вредных, подобных тем, которыми вы недавно руководствовались, подадите повод для сомнений в вашей верности и поставите себя под угрозу ужасных последствий».

Итак, из цитированного послания к православному населению Речи Посполитой следует, что Константинопольский патриарх Неофит VII в 1790 году считал себя вправе по своему усмотрению вмешиваться в дела других Поместных Церквей и брать под свой омофор любую из их частей в случае, если, по его мнению, руководство той или иной Поместной Церкви выстраивает неправильную, не согласующуюся с Евангельскими заповедями внутрицерковную политику. В послании он не столько увещевает польских собратьев по вере, сколько выступает в качестве верховного предстоятеля, которому принадлежит суд и право действовать без учета интересов других Поместных Церквей. За непослушание себе он грозит духовными карами. Не называя прямо Святейший Синод Русской Православной Церкви, Константинопольский предстоятель укоряет его в служении Российской империи. При этом он исходит из того, что в Речи Посполитой, равно как и в Османской империи, Церковь имеет возможность свободно существовать и развиваться.

Послание патриарха Неофита в полной мере согласуется с церковной политикой современной Константинопольской патриархии, обвиняющей Русскую Церковь в слишком тесном сотрудничестве с российским государством. Это послание служит яркой иллюстрацией для выводов протоиерея Александра Шмемана, который указал на то, что особенности положения Константинопольской патриархии в Османской империи способствовали складыванию греческого национализма и становлению представления об универсальной власти патриарха Константинополя во Вселенской Церкви [20, с. 325–326]. В конце XVIII века обе эти тенденции уже вполне оформились. Греческую духовную власть в это время вдохновлял греческий национализм, который находился на подъеме: повсеместно в Греции основывались и действовали национальные школы, начинали издаваться греческие газеты и журналы, в европейских странах печатались переводные и оригинальные сочинения на греческом языке. Греческое общество проходило первую стадию развития националистического движения, когда отделившаяся от народа интеллигенция, питаемая этническим романтизмом, обращается к этнической культуре и творит мифы о великом прошлом своих этнических сообществ [18, с. 64]. При этом часть деятелей греческого возрождения, мечтавших о восстановлении греческой государственности, связывала свои надежды с Россией, рассчитывала, что Россия своей мощью освободит Грецию от турецкого порабощения. В это время наблюдается активная эмиграция греков в пределы Российской империи, императрица Екатерина II разрабатывает так называемый греческий проект и даже реализует некоторые его положения [об этом см. 5]. В то же время среди греков были заметны и весьма скептические в отношении России настроения, особенно в греческой диаспоре в европейских странах [об этом см. 22]. Судя по действиям патриарха Неофита, он принадлежал как раз к тем, кто не видел в России силу, от которой нужно принимать помощь в деле греческого возрождения.

К сказанному необходимо добавить, что, по всей вероятности, Константинопольским предстоятелем, помимо прочего, двигала обида за 1686 год, когда из состава Константинопольской Церкви была изъята Киевская митрополия. С того момента и до событий Пинской конгрегации прошло чуть более ста лет, и унижение, пережитое греческим духовенством, было еще очень свежо в памяти. В своем послании в Польшу патриарх Неофит косвенно укоряет Русскую Церковь в том, что она не сумела обеспечить бесконфликтное положение православного населения в этой католической стране и прозрачно намекает, что возвращение польской православной паствы под его омофор исправит ситуацию. Очевидно, можно говорить о попытке патриарха Неофита VII использовать польскую политику для греческого реванша на западнорусских землях.

Наконец, последнее. Надежда на прочное возвращение православных Речи Посполитой под власть Константинополя могла основываться только на политическом расчете на усиление Польско-Литовского государства и ослабление Российской империи. Неизвестно, какими аргументами польский посол в Стамбуле П. Потоцкий подкреплял просьбу о вмешательстве Константинопольского патриарха в дела Русской Церкви. Неизвестно и то, как эта просьба передавалась патриарху турецкими министрами. Вероятно, патриарха Неофита убедили в том, что в схватке европейских держав, развернувшейся вокруг «польского вопроса», Российская империя проиграет, а Речь Посполитая сумеет сохранить и укрепить свой суверенитет. В этом случае власть Константинопольского патриарха над частью Русской Церкви была бы обеспечена государственной защитой. В противном случае Пинская конгрегация неизбежно становилась памятником совместной церковно-политической авантюре Варшавы и Константинополя. Таковой она и стала: как только из заключения вышел епископ Виктор (Садковский) и произошел второй раздел Речи Посполитой, Пинская конгрегация 1791 года осталась в истории.

Таким образом, Пинская генеральная конгрегация 1791 года, поставившая на повестку дня вопрос и широких преобразованиях в церковной жизни православного населения Речи Посполитой и подчинении его власти Константинопольского патриарха, имела значительное влияние на события падения Польско-Литовского государства. Она обострила роль религиозного фактора в российско-польском противостоянии, затронув глубинные исторические интересы Русской Церкви и российской государственности, что активизировало антипольскую политику императрицы Екатерины II. Пинская конгрегация представляла собой событие, суть которого заключалась в том, что польские правительственные круги инициировали среди православного населения сепаратистское по отношению к Русской Православной Церкви движение, а патриарх Неофит VII согласился придать этому движению видимость канонической законности. Тем самым Константинопольский предстоятель совершил бесцеремонное вмешательство в дела Русской Церкви, которое носило явно враждебный характер и в отношении Русского Православия, и в отношении российского государства. Хронологически это был первый случай проявления откровенной враждебности Фанара к России и ее Церкви. Мотивами, которыми руководствовался патриарх Неофит VII, поддерживая идею передачи под его омофор польской части Русской Церкви, состояли в представлении о главенствующей роли Константинопольского патриархата во Вселенской Церкви, подпитываемом бурно развивавшимся в конце XVIII века греческим национализмом, а также в надежде на преодоление кризисных явлений в Речи Посполитой и укрепление ее суверенитета. Только в этом случае можно было рассчитывать на воплощение в жизнь постановлений Пинской конгрегации. Поскольку судьба польской государственности в ту эпоху сложилась трагически, в истории Пинская конгрегация осталась неприятным эпизодом русско-греческих церковных отношений и памятником попытке правящих кругов Польши поставить православие на службу своим интересам.

Литература

1. *Аниперков В.* К вопросу о том, почему конфессиональный фактор не стал определяющим во втором разделе Речи Посполитой // *Orientalia Christiana Cracoviensia*. 2017. № 9. С. 41–66.
2. *Аржакова Л.М.* Диссиденский вопрос и падение Речи Посполитой // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 1. С. 31–39.
3. Археографический сборник документов, относящийся к истории Северо-Западной Руси: издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 5 (дополнительный) / изд. О. Щербицким и А. Демьяновичем. Вильна: Печатня Губ. правления, 1871. 256 с.
4. Археографический сборник документов, относящийся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа. Т. 11. Вильна: Типогр. А.Г. Сыркина, 1890. 372 с.
5. *Арш Г.Л.* Греческая эмиграция в Россию в конце XVIII – начале XIX в. // *Советская этнография*. 1969. № 3. С. 85–95.
6. *Беднов В.А.* Православная Церковь в Польше и Литве (по Volumina Legum). Минск: Лучи Софии, 2002. 432 с.
7. *Ильин А.* Пинская конгрегация, миссия Василия Капниста и «История Русов» [Электронный ресурс] // *Гістарычная брама. Гісторыка краязнаўчы часопіс*. 2003. № 1 (21) / Режим доступа: <http://brama.brestregion.com/nomer21/artic11.shtml> (дата обращения: 13.06.2020).
8. *Коялович М.О.* История воссоединения западнорусских униатов старых времен. Минск: Лучи Софии, 1999. 400 с.
9. Материалы для истории воссоединения жителей юго-западного края из унии в православие (Общая ведомость о действительном состоянии греко-неуниатов, оседлых в областях Польши, с показанием числа монастырей, протопопий, церквей и каплиц, монахов и приходских священников, и всех жителей того же исповедания, представленная 1791 года уполномоченными греко-восточного исповедания Гг. комиссарам, назначенным от Речи Посполитой, на генеральную конгрегацию в г. Пинске) // *Киевские епархиальные ведомости*. 1891. № 11. С. 234–235.
10. *Николаевский П.Ф., прот.* Материалы к истории трехлетнего заключения православного епископа Виктора Садковского в польских тюрьмах // *Христианское чтение*. 1892. № 7–8. С. 165–179.
11. О бытии в Польше для удобнейшего охранения исповедующих Греко-Российский закон Епископу и о именовании его Епископом Переяславским и Бориспольским // *Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. 1649–1825: в 45 т.* СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 22. 1174 с. № 16173. С. 329.
12. *Орловский П., прот.* Преосвященный Виктор Садковский, Архиепископ Минский, Изяславский и Брацлавский, коадьютор Киевской митрополии, управлявший с 1785 по 1796 год всеми православными церквями и монастырями в пределах бывшего ц. Польского // *Киевская старина*. 1892. Т. 38. Июль–сентябрь. С. 20–54.
13. *Орловский П., прот.* Официальные документы по делу Виктора Садковского // *Киевская старина*. 1892. Т. 38. Июль–сентябрь. С. 414–420.
14. *Пирлинг П.* Россия и папский престол: пер. с фр. В.П. Потемкина. М.: Печатня А.Л. Будо, 1912. Кн. I: Русские и Флорентийский собор. 452 с.
15. *Соколов И.И.* Константинопольская церковь в XIX веке: Опыт исторического исследования. Т. 1: I. Внешняя история Церкви. II. Очерки деятельности Патриархов. III. Патриаршее управление. IV. Приложения: Та Neoellenika. СПб.: Типогр. М. Акинфиева и И. Леонтьева, 1904. 813 с.
16. *Соловьев С.М.* История падения Польши. М.: Типогр. Грачева и К°, 1863. 370 с.
17. *Стегний П.В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795. М.: Международные отношения, 1994. 696 с.
18. *Тишков В.А., Шабаетов Ю.П.* Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов. М.: Изд-во Московского университета, 2011. 376 с.
19. *Чечулин Н.Д.* Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762–1774: Исследование Н.Д. Чечулина. СПб.: Типогр. Главного управления Уделов, 1896. 468 с. С. 260
20. *Шмеман А., прот.* Исторический путь православия. М.: Паломник, 2007. 399 с.
21. *Annexa do części pierwszej Relacji w materji o buntach na seymie 1790 roku uczynionej w Warszawie W Drukarni Nowej J.K. Mci, Piotra Zawadzkiego*. 440 s.
22. *Batalden S.K.* Catherine II's Greek prelate: Eugenios Voulgaris in Russia. 1771–1806. N.Y.: East European Monographs, 1982. 197 p.
23. *Dzieła Kongregacyi Generalney Obrządku Starożytnego Greckiego Oryentalnego z mocy Prawa na Seymie w Roku 1791. agituiącym zapadłego, w Przytomności J.W. Michała Korwina Kochanowskiego, posła Woewodztwa Sandomirskiego, przez Nayiaśnieyszego Króla JMCI Polskiego Wielkiego Xięcia Litewskiego sic. sic. STANISŁAWA AUGUSTA, y Nayiaśnieyszey Rzeczypospolitey Stanu, Delegowanego Kommissarza, w Mieście Rzeczypospolitey Wolnym Pińsku, Roku 1791. Dnia 15 Miesęca Czerwca odbytey, Porządek Cerkiewny dla Monasterow i Cerkwi, oraz Członkow tegoż Obrządku przepisujące.* Warszawa: Drukarnia Michała Grölla, 1791. 104 s.
24. *Kalinka W., księdz.* Sejm Czteroletni. T. II. cz. II. ks. V. Wydanie czwarte. W Krakowie: Nakładem Księgarni Spółki Wydawniczej Polskiej, 1896. 692 s.
25. *Ostatni poseł Polski do Porty Ottomanskiej: Akta legacyi Stambulskiej Franciszka Piotra Potockiego starosty Szczerzeckiego.* T. 1: 1789–1790 / Z archiwum roskiego zebrał i wydal K. Walliszewski. Paris: Imprimerie Veuve Victor Goupy, 1894. 298 s.
26. *Mironowicz A.* Diecezja białoruska w XVII i XVIII wieku. Białystok: Wydawnictwo uniwersytetu w Białymstoku, 2008. 351 s.

27. *Radwan M.* Carat wobec kościoła greckokatolickiego w zaborze Rosyjskim 1796–1839. Roma; Lublin: Polski instytut kultury chrześcijańskiej, 2001. 504 s.
28. Relacja deputacy do examinowania oskarzonych o bunt. Część I / [Ignacy Tanski]. Warszawa: Zawadzki, 1790. 440 s.
29. *Smoleński W.* Ostatni rok sejmu Wielkiego. Wydanie drugie niezmienione. Kraków: Nakład Księgarni G. Gebethnera i spółki. Warszawa: Gebethner i Wolf, 1897. 481 s.
30. Volumina legum. T. IX. Wydawnictwo Komisji prawniczej Akademii umiejętności w Krakowie. Kraków: Nakładem Akademii umiejętności, 1889. 503 s.

Аннотация. В статье рассматривается малоизвестное событие церковной истории западнорусского региона – Пинская генеральная конгрегация 1791 года, поставившая на повестку дня вопрос о подчинении православного населения Польши власти Константинопольского патриарха. Прослеживаются предпосылки, ход и значение этого собрания православного духовенства Речи Посполитой, роль в ее проведении Константинопольского патриарха Неофита VII и мотивы, которыми он руководствовался. Делаются выводы о том, что: 1) Пинская конгрегация представляла собой незаконное с канонической точки зрения собрание, которое послужило активизации действий Российской империи, направленных против польской государственности; 2) мотивами поддержки проведения конгрегации со стороны руководства Константинопольского патриархата явились представления об универсальной власти Константинополя в православном мире и греческий национализм; 3) содействие сепаратистскому движению православного духовенства в Польско-Литовском государстве в 1791 году стало хронологически первым опытом враждебных действий Фанара против Русской Православной Церкви.

Ключевые слова: Пинская генеральная конгрегация, Русская Православная Церковь, Святейший Синод, Константинопольский патриархат, патриарх Неофит VII, епископ Виктор Садковский, Речь Посполитая, Российская империя, Османская империя.

Protopriest Alexander Romanchuk, MA in Theology, Head, Department of Church History and Church-Practical Disciplines, Minsk Theological Seminary. E-mail: romanchuk_alex@mail.ru

Pinsk General Congregation of Orthodox Clergy in 1791 as the First Experience of Hostile Actions of the Phanar Against Russian Orthodox Church

Abstract. The article examines the little-known event in the Church history of the Western Russian region – the Pinsk General Congregation of 1791, which put on its agenda the issue of the subordination of the Orthodox population in Poland to the authority of the Patriarch of Constantinople. The author traces the premises, course and significance of this meeting of the Orthodox clergy of the Polish-Lithuanian Commonwealth, as well as the role of the Patriarch of Constantinople Neophytos VII in its holding and his guiding motives. It is concluded that: 1) the Pinsk Congregation was an unlawful assembly from the canonical point of view, and it served to intensify the actions of the Russian Empire against the Polish statehood; 2) the motives for the support of the Congregation on the part of the leadership of the Patriarchate of Constantinople were the idea of the universal power of Constantinople in the Orthodox world, and also the Greek nationalism; 3) the assistance to the separatist movement of the Orthodox clergy in the Polish-Lithuanian Commonwealths in 1791 became, chronologically, the first experience of Phanar's hostile actions against Russian Orthodox Church.

Keywords: Pinsk General Congregation, Russian Orthodox Church, the Holy Synod, the Patriarchate of Constantinople, Patriarch Neophytos VII, Bishop Viktor Sadkovsky, The Polish-Lithuanian Commonwealth, Russian Empire, Ottoman Empire.

Причины возникновения движения к православию униатского духовенства в Российской империи в первой трети XIX века

Прекращение действия Брестской церковной унии на белорусско-украинских территориях, продолжавшееся с 1780 по 1839 год, является цивилизационной победой России, которая, создав религиозно-культурный фундамент, позволила на полтора столетия (вплоть до 1991 года) установить единство государственной жизни всех трех ветвей восточного славянства. Среди предпосылок упразднения унии в пределах Российской империи историки особо выделяют возникновение в первой трети XIX века группы униатских священнослужителей, направивших свою деятельность на разрыв Брестской унии. Общепринятое представление о причинах этого явления до сих пор не выработано. В зависимости от своих цивилизационных вкусов исследователи высказывают самые разные, зачастую противоположные мнения: от тяготения униатов к православию в течение всей истории существования униатского церковного объединения до ренегатства узкого круга униатских духовных лиц. По сути, научная дискуссия ведется вокруг вопроса закономерности движения униатов к православию под российской властью. Наиболее радикально недостаточный уровень осмысления этой проблемы выразила С.В. Морозова, которая полагает, что «ліквідацыя царквы яе ўласнымі епіскапамі [имеются в виду униатские епископы Иосиф (Семашко), Василий (Лужинский) и Антоний (Зубко), возвратившие к православному вероисповеданию 1 600 000 белорусско-украинских униатов в 1839 году – А.Р.] беспрэцэдэнтны выпадак у гісторыі рэлігіі і яшчэ адзін з парадоксаў уніяцтва» [29, с. 228]. Таким образом, данная тема продолжает оставаться актуальной, более того, в наши дни она в значительной степени политизируется, особенно в Белоруссии. Дело в том, что к первому разделу Речи Посполитой около 80% белорусского населения было униатским. Исчезновение унии радикальным образом изменило церковную жизнь белорусов, вернуло их в духовную орбиту русского историко-культурного мира со всеми вытекающими отсюда последствиями. В наши дни положительный или отрицательный взгляд на события упразднения Брестской унии формирует представление о роли Русской Православной Церкви в исторической судьбе белорусского народа и, соответственно, определяет положение, которое Православная Церковь должна занимать в современном белорусском обществе.

Чтобы разобраться в причинах возникновения движения униатского духовенства российской части унии к православию в первой трети XIX века, нужно распутать сложный узел, в котором переплелись: 1) конфессиональная политика Петербурга в присоединенных от Польши областях в последней четверти XVIII – первых десятилетиях XIX века; 2) тенденции, развивавшиеся в униатском духовенстве в это время; 3) действия в тот же период руководства Католической Церкви, направленные на сохранение позиций католичества в пределах Российской империи.

Протоиерей Александр Романчук, кандидат богословия, заведующий кафедрой церковной истории и церковно-практических дисциплин Минской духовной семинарии. E-mail: romanchuk_alex@mail.ru

Без сомнения, правительственная политика в отношении греко-католиков имела решающее значение для прекращения действия Брестской церковной унии на белорусско-украинских землях. Однако простое перечисление мер, предпринятых российским правительством в конфессиональной сфере в процессе и после разделов Речи Посполитой, не позволяет выявить их влияние на складывание предпосылок для антиуниатской деятельности части униатского клира в 1830-х годах. Поэтому здесь нужно сделать некоторые замечания.

Согласно подсчетам В. Колбука, в период с 1772 по 1795 год подданными Российской империи стали 4 653 379 униатов [5, с. 50], что составляло примерно 60% от всего количества членов униатского церковного объединения, созданного Брестским Собором 1596 года¹. В польской и современной академической белорусской историографии господствует мнение, согласно которому судьба униатов, ставших русскими подданными, целиком и полностью зависела от воли российских монархов, покровительствовавших Православной Церкви и проявлявших нетолерантность по отношению к католичеству вообще и к католичеству восточного обряда в частности. Считается, что религиозная нетерпимость Петербурга, лишь иногда из политических соображений ослабляемая, стала главной причиной нескольких волн воссоединения униатов с православными в 1780–1784 и 1794–1795 годах и окончательного упразднения унии в границах украинских и белорусских губерний в 1839 году [см., напр., 7, 2, 57, 25].

С этим трудно, да и не нужно спорить. На имеющемся историческом материале невозможно доказать обратное. Без сомнения, в последней четверти XVIII и в первой трети XIX века российские самодержцы в своих представлениях о значении религии для государственного строительства в западных губерниях империи мало отличались от великолитовских князей и польских королей. Поэтому униатская проблема была политизирована в Российской империи не менее, чем она была политизирована в Великом княжестве Литовском и в Речи Посполитой. Исторические источники однозначно свидетельствуют о том, что российские самодержцы видели в Брестской церковной унии препятствие для возрождения религиозно-культурного единства русского народа и утверждения власти империи в приобретенных от Польши губерниях. Поэтому конфессиональная политика России в западных областях носила либо антиуниатский характер с учетом широкой веротерпимости, свойственной властям Российской империи [об этом см. 11], либо была направлена на ограничение влияния униатского духовенства на общественно-политическую ситуацию в регионе.

В то же время касательно возможности общего возвращения униатов к православному вероисповеданию политическими средствами нужно заметить: изменение вероисповедания нескольких миллионов верующих представляется слишком трудным делом. Отсутствие толерантности к какому-либо церковному объединению не ведет это объединение к полному исчезновению. Наоборот, преследования и правовая дискриминация лишь очищают вероисповедание от нетвердых элементов и тем укрепляют его. Выживание православия под враждебным католическим литовско-польским владычеством в течение нескольких столетий представляет собой яркий пример этого правила. Учитывая сказанное, приходится сделать вывод о том, что желание российских императоров прекратить действие Брестской церковной унии на своей территории создавало первичное условие для упразднения унии в России, но не делало полное ее исчезновение неизбежным.

Конфессиональная политика Петербурга в отношении греко-католиков с 1772 по 1839 год в исторической литературе обычно изображается следующим образом.

¹ Около 1772 года Католическая Церковь восточного обряда в Речи Посполитой насчитывала 9452 прихода. В результате трех разделов Польши в 1772–1795 годах от 5600 до 6052 приходов (точно неизвестно) оказались на территории Российской империи [7, с. 21, 23].

Императрица Екатерина II поначалу установила в приобретенном от Польши регионе полную свободу вероисповедания, но начиная с 1780 года взяла курс на ослабление церковной структуры унии и способствовала переходу в православие тех униатов, которые этого желали. Она, совершая антиуниатские действия, учитывала политические обстоятельства и последствия вмешательства в религиозную сферу, что тормозило исполнение ее желания разрыва унии. В конце своего царствования Екатерина II, воспользовавшись положением, сложившемся в результате второго и третьего разделов Речи Посполитой, предприняла решительные шаги, которые привели к перераспределению униатского населения между православием и католичеством латинского обряда.

Император Павел I благосклонно относился к католичеству. В составе Католической Церкви он не выделял униатов в самостоятельное церковное объединение, а потому подчинил их власти главы католических церквей латинского обряда в России, полностью отдав их в руки латинян. Действия Павла I оцениваются в православной историографии как верх неразумности в конфессиональной политике Российской империи.

Император Александр I в целом относился к униатам равнодушно, так как предполагал восстановить Польшу с белорусско-украинско-литовскими землями в ее составе, что должно было снять униатскую проблему с повестки дня российских властей. Тем не менее под давлением просьб со стороны некоторых униатских архиереев, стремившихся защитить свои права от посягательств со стороны латинской иерархии, он осуществил ряд мер, которые поспособствовали некоторому усилению униатского церковного объединения.

Император Николай I желал бесповоротно интегрировать западные губернии в состав империи, для чего искал средства сделать местное население лояльными гражданами России. Значительная часть этого населения была униатской. Поэтому император Николай I интересовался унией, собирал сведения о ее положении и в 1827 году предпринял действия по делатинизации униатского обряда, чтобы внешне сблизить униатов с православными. Мероприятия Николая I неожиданно привели к появлению составленного униатским прелатом Иосифом Семашко проекта прекращения действия Брестской церковной унии в России, которое император поддержал. Под его покровительством с 1828 года реализовывался проект общего воссоединения униатов с православными, завершившийся на Полоцком Соборе униатского духовенства в 1839 году переходом в православное исповедание 1 600 000 униатов.

Краткий обзор конфессиональной политики России на приобретенных от Польши территориях открывает ее непоследовательность, которую отмечали все без исключения историки, занимавшиеся проблемой упразднения церковной унии в России. К этому нужно добавить, что все действия Петербурга в отношении унии, предпринятые до 1827 года, могли послужить переходу в господствующее вероисповедание только части униатов. Колебания властей в отношении греко-католиков, когда их то призывали беспрепятственно возвращаться к православной вере отцов, то отдавали под власть латинского священноначалия, то пытались переделать в русском духе, скорее могли оттолкнуть значительную часть униатов от православных, чем сблизить их. Тем не менее из среды униатского духовенства в 1827 году выходит проект полного упразднения унии, который успешно реализуется. Этот факт требует объяснения.

Чтобы разобраться, прежде всего нужно обратить внимание на значение для общего воссоединения униатов с православными конфессиональной политики императрицы Екатерины II. В ней прослеживается несколько направленных против унии действий.

В июле 1780 года по повелению императрицы был издан указ о прекращении существования Полоцкой униатской кафедры и учреждении Полоцкой униатской духовной консистории. В этом законодательном акте, помимо прочего, государственным чиновникам предписывалось в случае вакансии при каком-либо униатском приходе священнического

места спрашивать прихожан, не желают ли они иметь православного священника. Если они изъявляли на это согласие, то местным православным архиереям – Могилевскому и Псковскому – вменялось в обязанность принимать такие приходы в состав своих епархий [35, т. 20, № 15028, с. 953–954]. После издания этого указа, открывавшего для униатов легальный путь оставлять греко-католицизм, в промежуток между 1780 и 1784 годами к православному исповеданию обратились 117 187 униатов [40, л. 8, 10–11 об., 17–17 об., 24–24 об., 28; ср. 13, с. 299], которые в основной своей массе просили православного Могилевского архиепископа Георгия (Конисского) о дозволении оставить унию с конца 1760-х годов, то есть еще тогда, когда они находились под польской властью.

22 апреля 1794 года по распоряжению Екатерины II от имени архиепископа Виктора (Садковского) в границах Минской епархии было опубликовано обращение, в котором униаты призывались безбоязненно присоединиться к православию [35, т. 23, № 17199, с. 509–511]. 18 мая 1795 года, убедившись в том, что униаты в Минской епархии откликнулись на правительственный призыв и массово отказываются от унии, императрица повелела распространить действие этого обращения на Могилевскую епархию [35, т. 23, № 17333, с. 699–700]. В результате в 1794–1795 годах в Православную Церковь перешли 1 572 067 верующих [41, л. 11–12]. Большинство из этого числа пришлось на украинские территории. В Белоруссии унию в общей сложности оставили 221 000 верующих, объединенных в 229 приходов, что составляло небольшую часть униатов на белорусских землях [55, с. 262–263; 17, с. 8].

6 сентября 1795 года Екатерина изменила иерархическую структуру унии. Были уволены на покой униатский митрополит Феодосий (Ростоцкий) и все прочие униатские епископы. Учреждалась единственная епархия – Белорусская, управление которой поручалось архиепископу Ираклию (Лисовскому). Эта епархия простиралась от Киева до Каменец-Подольска на юге и д. Гродно, Курляндии Вильно и Полоцка на севере [35, т. 23, № 17391, с. 791–793]. Она объединяла примерно 2 500 000 верующих [7, с. 34]. Монастыри ордена базилиан лишались орденского управления и переводились в подчинение преосвященному Ираклию. Та часть монастырей, в которых монахи не содержали школы и не занимались социальным служением, признавалась «обществу бесполезной» и подлежала закрытию [35, т. 23, № 17384, с. 722–723]. Это было последнее действие императрицы Екатерины II в отношении унии.

Характеризуя политику Екатерины II в отношении униатов следует в первую очередь отметить ее прагматичность и использование для решения более общих политических проблем.

К примеру, в 1780 году императрица ликвидировала Полоцкую униатскую епархию и разрешила святителю Георгию (Конисскому) присоединить к православию 100 000 униатов, которые (это было ей хорошо известно) давно просились из унии, не для того чтобы развернуть широкомасштабное наступление на унию, как полагают современные белорусские авторы [24, с. 6–7]. В это время самыми актуальными для нее в конфессиональной сфере вопросами были назначение главой католиков в России Могилевского латинского архиепископа Станислава (Сестренцевича) [27, с. 200–201] и учреждение в Польше православной епископии, которая должна была правильно канонически оформить церковную жизнь местного православного населения, находившегося в составе Русской Церкви после 1686 года.

Упразднение униатской епархии в России в 1780 году, вне всякого сомнения, представляло собой подготовку выгодной позиции для дипломатических переговоров: во-первых, с высшим руководством Католической Церкви вокруг кандидатуры на пост главы католиков в России; во-вторых, с польским правительством, находившимся под давлением со стороны католического духовенства и фанатизированного им шляхетского общества,

которые противились появлению православного епископа в пределах Речи Посполитой. Упразднением Полоцкой униатской кафедры и ограниченным разрешением перейти в православие тем униатам, которые уже в течение ряда лет просились оставить унию, Екатерина II заставила католическое (как латинское, так и униатское) духовенство и влиятельных представителей шляхты склониться к компромиссу и подтолкнула короля Станислава Понятовского просить ее о восстановлении канонического порядка церковной жизни униатов на российской территории, что стало поводом для императрицы жестко поставить вопрос об открытии православной кафедры в Польше. В итоге произошел размен: в 1785 году в Речи Посполитой была учреждена православная Переяславская и Бориспольская викарная кафедра, на которую был назначен епископ Виктор (Садковский) [35, т. 22, № 16173, с. 329], а в России восстановлена униатская Полоцкая архиепископия, во главе которой был поставлен архиепископ Иракий (Лисовский) [9, с. 6], известный лояльным отношением к России.

Что касается действий Екатерины II в 1794–1796 годах, то они стали ответом на обстоятельства, сложившиеся в процессе второго и третьего разделов Речи Посполитой. Но здесь нужно заметить, что в это время и с таким подходом, который был применен ею, можно было надеяться на переход в православие только части униатов, пусть и достаточно большой по численности. Обязательно должны были остаться греко-католики, которые не желали переходить в Православную Церковь либо по убеждению, либо из-за морального и экономического господства над ними католической шляхты, либо по другим причинам. Ожидать полного исчезновения унии в результате призыва униатов к православию не приходилось. Чтобы в наибольшей степени решить униатскую проблему, нужно было развернуть среди униатов, не пожелавших откликнуться на призыв к православию, миссию православного духовенства.

Вероятно, Екатерина II действительно готовила почву для православной миссии среди униатов. На это указывает трактат «О лучшем способе воссоединения униатов с Православной Церковью», написанный принявшим русское подданство известным греческим богословом и церковным писателем Евгением (Булгарисом), архиепископом Славянским и Херсонским по просьбе обер-прокурора Св. Синода графа А.И. Мусина-Пушкина в 1793 году [31, с. 19–93]. В этом церковно-историческом и богословском произведении преосвященный Евгений (Булгарис) описал способы и средства, с помощью которых на основании православной экклезиологии можно было бы попытаться вернуть большие массы униатов к православию. Обер-прокурор Св. Синода обращался к преосвященному Евгению, исполняя личное поручение императрицы [31, с. 19; 1, р. 85]. Помимо этого, интересная информация содержится в «Записке об упразднении греко-униатских монастырей в Западной России», датированной 28 февраля 1828 года и подготовленной в канцелярии министра народного просвещения А.С. Шишкова. Этот документ был составлен в ходе подготовки реформирования унии согласно плану общего воссоединения униатов, предложенного прелатом Иосифом Семашко 5 ноября 1827 года. В нем прямо говорится о том, что Екатерина II намеренно ослабляла церковно-административные структуры унии, отстраняла от деятельности униатских епископов, ограждала униатов от влияния польского общества и латинского духовенства в целях полного упразднения унии России [21, с. 524–525].

Кончина императрицы в ноябре 1796 года остановила исполнение ее планов. Теперь о них можно лишь высказывать предположения. По всей вероятности, императрица Екатерина II действительно намеревалась искоренить унию среди своих подданных. Ее план состоял из двух этапов. На первом этапе тем униатам, которые были склонны к переходу в православие, предоставлялась такая возможность и оказывалось содействие. На втором этапе среди униатов должна была быть развернута православная миссия. Для облегчения

ее работы императрица заранее предприняла ряд мер по всестороннему ослаблению униатских церковных структур.

Сейчас трудно говорить о том, насколько был осуществим план Екатерины II, коль скоро она стремилась к полному искоренению унии. Несомненно то, что православная миссия не могла гарантированно привести к этому в условиях польского экономического господства, культурного и морального доминирования полонизма и католицизма, которые сохранялись в белорусско-литовских губерниях. В то же время о последствиях действий Екатерины II в отношении унии можно судить вполне определенно. Был реализован только первый этап антиуниатского плана, что привело к крайне неблагоприятным для Российского государства, Православной Церкви и возможности в дальнейшем воссоединить униатов с православными последствиям. В унии осталось 2 500 000 верующих, униатское духовенство озлобилось против православия, а также начало в бóльшей, чем прежде, степени испытывать неприязнь к российской власти, видя в ней враждебную своей вере силу. Это были наихудшие позиции для воссоединения униатов.

Таким образом, в правление Екатерины II в отношении униатов наблюдается прагматичная политика, которая в зависимости от обстоятельств колебалась в широком диапазоне – от осторожной, до решительно враждебной. Нельзя отрицать то, что императрица умело и решительно использовала любую возможность перевести униатов в господствующее вероисповедание, что открывает ее неблагоприятность к Брестской унии. Ее действия привели к масштабному переходу униатов в православие в 1780–1784 и 1794–1795 годах. В то же время в ее действиях против унии не прослеживается логическая завершенность. Наступление императрицы Екатерины II на унию, прерванное ее кончиной, оказалось «кавалерийским наскоком», который представляет собой шумное зрелище и даже может принести много добычи, но не в состоянии привести к окончательной победе. Если же рассматривать конфессиональную политику императрицы через призму возможности осуществить общее воссоединения униатов с православными, то она принесла несомненный вред. В церковном союзе с Римом осталась значительная часть белорусского и украинского населения, а в униатском духовенстве усилилось неприязненное отношение к России и православию. Теперь без организации среди униатов долгосрочной миссии православного духовенства или без насилия над свободой совести униатов их присоединение к господствующему исповеданию казалось делом невозможным.

Следующим, как считается, важнейшим документом российского правительства, направленным на упразднение унии, и православные, и католические историки называют указ от 9 октября 1827 года, изданный Пр. Сенатом по высочайшему повелению императора Николая I. Указ предписывал: 1) не допускать в базилианский орден лиц римо-католического обряда; 2) подвергать испытанию на знание церковнославянского языка и устава греческого богослужения кандидатов на членство в ордене; 3) учредить в греко-католических епархиях училища для духовного юношества с глубоким изучением церковнославянского языка и славянской службы [36, т. 2, № 1449, с. 77–878; 9, с. 113; 46, л. 3–3 об., 6–6 об.].

Текст указа говорит о желании императора Николая I остановить латинизацию и полонизацию унии, его стремлении превратить ее приверженцев в лояльных граждан Российской империи, но не о том, что он был направлен на прекращение действия Брестского церковного соглашения 1596 года. Тем не менее публикация указа вызвала появление проекта общего воссоединения униатов с православными, который был предложен прелатом Иосифом Семашко директору Департамента духовных дел иностранных исповеданий Г.И. Карташевскому уже 5 ноября 1827 года, то есть через 27 дней после обнародования указа от 9 октября [28, с. 13–14].

Итак, в 1827 году, то есть через 32 года после событий Екатерининского воссоединения, из-за незначительного воздействия со стороны Петербурга, в котором призыва

к православию не содержалось, из среды униатов выходит проект полного упразднения унии в России. Важнейшим в истории разрыва Брестской унии в России является вопрос о том, был ли этот проект фактом ренегатства прелата Иосифа Семашко или он являлся выражением проправославных настроений, сложившихся в среде униатского духовенства в 1810–1820-х годах. Чтобы ответить на него, нужно обратить внимание на масштаб сопротивления униатских духовных лиц ходу подготовки общего воссоединения в 1830-е годы.

Всего в период подготовки Полоцкого Собора 1839 года католические историки насчитывают от 92 [7, s. 171] до 106 [3, s. 64–65] униатских священнослужителей, за верность своему вероисповеданию наказанных тюремным заключением, каторжными работами, ссылкой в Сибирь и прочим. Это не соответствует действительности.

Прежде всего нужно заметить, что, согласно документальным свидетельствам, в процессе подготовки и совершения воссоединения на Полоцком Соборе 1839 года никто из униатских священников и монахов не подвергался ни гражданскому административному, ни уголовному преследованию. Все действия в отношении представителей греко-католического клира, не согласных на православие, предпринимались не государственными властями, а униатским епархиальным начальством в рамках церковных канонов и традиций. Поэтому нельзя согласиться с теми историками, которые связывают упразднение Брестской унии в Российской империи с репрессиями в отношении униатского духовенства. В чистом виде ни преследования за убеждения, ни репрессии не применялись. В то же время нельзя отрицать, что определенному воздействию представители греко-католического клира все-таки подвергались.

В ходе реализации проекта общего воссоединения униатов можно выделить две волны несогласия священнослужителей со сближением унии с православием. Они были вызваны разными причинами, были разделены географически и хронологически.

Первые волнения униатских духовных лиц имели место в связи с введением в литургический обиход униатов православной богослужебной литературы. Эта волна прошла в 1834–1835 годах в некоторых благочиниях Литовской епархии и не коснулась духовенства Белорусской епархии. Всего использовать православные служебники в это время отказались 57 священников, из которых твердость проявили только двое [22, т. 3, с. 87, 120, 169–170, 172–173, 177–178, 202, 203–204, 204–205, 222–223, 259–260, 269–270, 277]. Вторая волна поднялась в 1838–1839 годах в связи со взятием от священников подписок об их желании присоединиться к Православной Церкви в любое время и, собственно, Полоцким Собором. Эта волна прокатилась в рядах духовенства Белорусской кафедры – 111 священников Витебской, Минской и Могилевской губерний, подписавших протест против упразднения унии [39, л. 34–34 об.], и лишь немного задела клириков Литовской епархии – 15 священников Белостокского благочиния [48, л. 1–11; 6, s. 385–386].

В польской католической, а также современной украинской и белорусской историографии, помимо тюремного заключения и ссылок, репрессиями в отношении упорного в католических убеждениях униатского духовенства называют: 1) вызовы священников в Жировичский монастырь для изучения правильного восточного чина богослужения (якобы там они подвергались моральному давлению и угрозам); 2) переводы на другие приходы; 3) временное отстранение от священнических обязанностей с переводом на причетнические должности; 4) помещение на епитимию в один из униатских монастырей на некоторый срок или до раскаяния; 5) высылки во внутренние губернии России.

Первую меру – вызовы священников в Жировичи для обучения правильному совершению богослужения по восточному обряду – никоим образом нельзя назвать наказанием. Представителям белого приходского духовенства не хотелось туда ездить из-за дальности дороги и нежелания отрываться от хозяйственных забот. Но это вопрос церковной дисциплины. Обучение в Жировичах, которое прошли более 800 клириков Литовской епархии,

было настолько репрессивной мерой, насколько таковой являются курсы повышения квалификации, к примеру, врачей или учителей, тем более что никакого морального давления священники в Жировичах не испытывали. С ними велись доброжелательные и уважительные беседы. «Каких глубоких соображений, – свидетельствует протоиерей Плакид Янковский, непосредственно участвовавший в работе со священниками по благословению епископа Иосифа (Семашко), – каких напряженных трудов, каких утомительных индивидуальных мер, какого бесконечного разнообразия в их применении, какой снисходительности к слабостям, какого вещего чутья к недоразумениям, какой нежности вообще, такта и дара внушения требовалось здесь на каждом шагу в отношении этих людей, незлобивых и непредубежденных, но ссылавшихся постоянно то на завет отцов, то на присягу, отобранную у них при рукоположении, то, наконец, на необходимость соборного авторитета, которому они готовы заранее и беспрекословно подчиниться» [61, с. 157].

Следующие три меры тоже нельзя охарактеризовать, как репрессивные. Они относятся к обычной практике епархиального начальства, широко используются в наши дни и ни у кого не ассоциируются с репрессиями. Это меры строгости, призванные заставить ослушавшихся священников задуматься над своим поведением. В идеале они должны вести к раскаянию и восстановлению послушания. Именно в таком смысле они применялись в процессе подготовки воссоединения к тем, кто проявлял дерзость и неповиновение, отказывался исполнять предписания епархиального начальства – восстановление греческих обрядов, принятие православных богослужебных книг¹. Практически во всех случаях это было вызвано нежеланием переучиваться, страхом потерять благосклонность помещиков-католиков, а не глубокими убеждениями. Как правило, после первого же прещения священники меняли свое мнение, не в последнюю очередь стремясь угодить начальству. Некоторым на это требовалось время, но результат был тот же².

В архивных документах удалось выявить данные о том, что указанные три вида мер строгости, направленные на убеждение священников проявить послушание епископату, в 1835–1839 годах были применены к следующим священникам обеих униатских епархий в России: Плавский Адам, Горбацевич Антоний, Дылевский Ипатий, Виторский Михаил, Савич Гедеон, Марциновский Игнатий, Горбацевич Фома, Горбацевич Виктор, Горбацевич Юлиан, Коленда, Имшеник Ян, Вержбицкий, Кунихович, Кульчицкий, Мицевич, Шолгини, Милинский [47, л. 2 об.–3, 24, 27], Хруцкий Игнатий, Хруцкий Иоаким, Довгялло Антоний, Гольнец Григорий, Гринкевич Михаил, Игнатович Ян, Клодницкий Станислав, Корзун Антоний, Левицкий Даниил, Лаппо Иосиф, Лосский Иоанн, Лосский Михаил, Маковецкий Петр, Манцевич Флориан, Моравский Ян, Можальский Винцент, Нарбут Иосиф, Обух Ян, Плещинский Стефан, Преперский Иосиф, Ржецкий Кароль, Самович, Стратанович Григорий, Стульчинский Протасий, Щербинский Ян, Жиркевич Иустин, Богданович Павел, Булгак

¹ Как правило, на покаяние священников помещали в следующие униатские монастыри: Вербилковский, Тадулинский, Любарский, Тригурский, Оршанский [39, л. 6–7]. Это не было тюремное заключение. Священники находились на содержании монастырей и исполняли обычные богослужебные обязанности.

² В этом отношении показательным является пример священника Адама Плавского, однокашника митрополита Иосифа (Семашко) по католической Главной духовной семинарии при Виленском университете. Плавский выступил одним из зачинщиков протеста 57 священников Новогрудского деканата против введения в униатское богослужение православных служебников, имевшего место в 1834 году. Он был переведен на причетническую должность и помещен до раскаяния в Вольнянский, а затем Бытеньский монастырь. Однако эти меры не заставили его изменить свои взгляды. Кроме того, он постоянно пытался склонить на свою сторону других священников. Чтобы его действия не привели к соблазну согласных на воссоединение священнослужителей, Плавский 9 февраля 1839 года был отправлен на свободное поселение в Смоленскую губернию. Там он, обдумав свое положение, согласился на православие и 28 апреля 1840 года был назначен на приходское послушание в Мстиславском благочинии. В 1851 году А. Плавский скоропостижно скончался, будучи настоятелем Белавичского прихода Литовской епархии [47, л. 11–19 об., 27; 62, с. 120–122; 7, с. 162].

Каллист, Чабановский Фома, Гнито Адам, Игнатович Ян, Ивановский Николай, Ельяшевич Григорий, Котович Мелетий, Лаппо Ян, Маковецкий Иосиф, Марковский Захарий, Никонович Андрей, Никонович Иаков, Перебилло Пий, Точицкий Ян [39, л. 6, 34–34 об.; сравн.: 7, с. 168–169].

Всего этот список состоит из 61 имени. Из него известен один священник, который в 1835 году решительно отказался принимать православную богослужебную литературу и тем отказался от воссоединения. Это Ипатий Дылевский. Но он происходил из католиков латинского обряда, принял рукоположение в унию после обучения в латинской семинарии, поскольку пожелал вступить в брак. Униатского богослужения он вообще не знал [47, л. 20; 22, т. 3, с. 169–170]. После 1835 года его судьба неизвестна. По всей вероятности, он вышел из состава униатского духовенства.

Наиболее похожей на репрессии была пятая мера – высылка в великорусские губернии. Она применялась к тем духовным лицам, которые не только сами не соглашались принимать православие в 1839 году, но пытались подтолкнуть к тому же своих собратьев и волновали прихожан.

Отправляемых в глубь России либо помещали в устроенной в Курске специальной обители – окруженном садом просторном доме с устроенной в нем церковью, либо расселяли в православных монастырях разных губерний, либо предоставляли им право свободного поселения. Здесь нужно заметить, что насельники Курской обители и высланные на свободное поселение содержались на средства Белорусско-Литовской духовной коллегии. Униатские священнослужители, размещенные в православных монастырях, находились на иждивении этих обителей.

В Курскую обитель были помещены 20 священнослужителей: архимандрит Ленартович Венедикт, иеромонахи Шахновский Иаков, Соколовский Варфоломей, Проневич Игнатий, Гуторович Николай, Мочарский Иосафат, Краевский Мартириан, Козакевич Вонифатий, Арматович Фома, Башнянский Игнатий, Лебель Иракий, Стржелецкий Михаил, Сокол Антоний, Заблоцкий Рафаил, Цихоцкий Рафаил; священники Голынец Григорий, Носович Фаддей, Рончевский Адам, Маковецкий Петр, Лавецкий Петр [22, т. 3, с. 666].

Были высланы в Черниговскую губернию: Андрушкевич Елисей, Хруцкий Игнатий, Лосский Ян, Лосский Михаил, Мочарский Иосафат, Обух Ян, Стульчинский Протасий – 7 человек.

В Орловскую губернию: Данилевич Аналект, Мацкевич Модест, Прусак Симеон – 3 человека.

В Рязанскую губернию: Долобовский Август, Нарбут Иосиф, Воеводский Люциан – 3 человека [49, л. 23–23 об.].

Помимо этого М. Радван, правда, без ссылки на источник, сообщает, что в Вологодскую губернию был выслан иеромонах Николай Ивановский, а во Владимирскую губернию был выслан священник Иосиф Ленчевский. Отыскать в списках высланных во внутренние губернии России эти два имени не удалось. Однако оставшиеся от униатского дела архивные массивы настолько велики, что нельзя с полной уверенностью говорить о полной их проработке. Поэтому, доверяя научной добросовестности ксендза Марьяна Радвана, можно признать, что в общей сложности в разные губернии России были высланы не 13, а 15 униатских духовных лиц. Однако и это еще не все. В документах имеются сведения о том, что 9 февраля 1839 года на свободное поселение в Смоленскую губернию был отправлен священник Адам Плавский, который высказывал несогласие с грядущим воссоединением начиная с 1834 года [47, л. 11–19 об., 27]. Учитывая это имя, вместе с двадцатью, помещенными в Курской обители, число оказавшихся высланными за пределы западных губерний униатских духовных лиц составляет 36 человек.

По представленным спискам видно, что в 1839 году из числа несогласных принять православную богослужебную литературу в 1834–1835 годах в российские губернии были высланы 13 человек: Воеводский Люциан, Голынец Григорий, Ельяшевич Григорий, Ивановский Николай, Игнатович Ян, Лосский Иоанн, Лосский Михаил, Маковецкий Петр, Мочарский Иосафат, Нарбут Иосиф, Обух Ян, Стульчинский Протасий, Хруцкий Игнатий, Плавский Адам. Отсюда следует, что 48 священников проявили послушание своим епископам в результате увещаний и под воздействием обычных мер восстановления церковной дисциплины. В итоге общее количество священников, подвергнутых всем видам воздействия, составляет 84 человека.

Униатских священников, высланных во внутренние губернии России накануне и в ходе проведения Полоцкого Собора зимой 1839 года, следует считать теми людьми, которые проявили стойкость в католической вере в ее униатском изводе. Всего их было не 92 и не 106, а 36 человек.

Удаление этих священнослужителей из белорусско-литовских губерний было предпринято стремившимся к православию униатским епископатам из следующих соображений: уния в пределах России перестала существовать. Все бывшие униатские священнослужители после Полоцкого Собора, коль скоро они хотели оставаться в духовном звании, оказались присоединенными к православию вне зависимости от их личных воззрений. Архиепископ Литовский и Виленский Иосиф (Семашко), руководивший Белорусско-Литовской духовной коллегией в 1839–1843 годах, постоянно вникал в образ их мыслей и следил за поведением только с одной целью: «для их же собственной пользы... дабы мог употребить их к должностям, соответственным их способностям и достоинству» [22, т. 3, с. 552]. Это означает, что кто-то мог вернуться к приходскому служению или полному исполнению монастырских обязанностей, а кто-то должен был молиться Богу, оставаясь в удалении от мест компактного проживания воссоединенных. При этом никакого препятствия желавшим выйти в светское звание не чинилось. Например, отказались от сана и вышли из духовного сословия иеромонахи Сильвестр Бельский, Вонифатий Тарасевич, Иоанн Овельт, Антоний Волонсевич и Фабиан Мажальский. Кстати, они это сделали не по причине отказа от православия. Как раз православие они приняли. Они не решились остаться в монашеском звании после упразднения унии, поскольку опасались не выдержать более строгой, чем в базилианском ордене, православной монашеской дисциплины [22, т. 3, с. 554–555]. Когда в 1842 году Курская обитель была закрыта, 5 иноков (названных выше) вывели в светское звание, 7 перевели в воссоединенные монастыри (то есть они уже не считались вредными для воссоединенной паствы), а 8 разместили в монастырях Курской епархии [22, т. 3, с. 666–667].

Таким образом, в 1839 году несогласие с воссоединением выразили 36 униатских духовных лиц, что на первый взгляд отражает настоящий масштаб сопротивления грекокатолических духовных лиц упразднению унии. На самом деле эта цифра нуждается в коррекции, поскольку некоторые из высланных в дальнейшем пересмотрели свои взгляды.

Представление о реальном количестве униатских клириков, не пожелавших становиться православными, а также об их судьбе в ближайшие годы после Полоцкого Собора можно почерпнуть из чрезвычайно интересного документа. В 1845 году во время пребывания во Франции министр государственных имуществ П.Д. Киселев получил частное письмо, содержащее список «бедных униатских священников, которые претерпевают величайшие гонения». Оно было составлено в среде польской эмиграции на основании сведений, собранных священником Ильей Андрушкевичем. По возвращении в Россию П.Д. Киселев инициировал официальное расследование, по результатам которого был составлен реестр униатских священнослужителей, высланных в российские губернии в 1839 году, и описано их положение в 1845 году [50, л. 4–13]. Из этого документа, в котором названо

60 имен следует, что священники Иона Солтановский, Ян (Иоанн) Обух, Игнатий Хруцкий, Михаил Лосский, Иоанн Лосский, Игнатий Башнянский, Петр Лавецкий, Петр Маковецкий – итого 8 человек – приняли православие и вернулись к церковно-приходскому служению. После закрытия Курской обители в 1843 году 19 человек выбрали свободное поселение с пенсией от российского правительства; 2 решили остаться на содержании православных монастырей; 1 вышел в светское звание и занялся предпринимательством. Также из этого списка видно, что 4 священника к 1845 году скончались, 4 никогда не высылались из белорусско-литовских губерний, 20 имен принадлежали людям, никакого отношения к униатскому духовенству не имевшим либо наказанным по военносудебным делам, относящимся к событиям восстания 1830–1831 годов. Наконец, три имени повторены дважды для увеличения списка.

Эти данные говорят о том, что решительно отказались от воссоединения с православием 24 униатских священнослужителя (включая выбравших свободное поселение, умерших и вышедшего в светское звание). Избравших жительство в православных монастырях к противникам воссоединения отнести нельзя, поскольку нет сведений о том, исполняли ли они в этих монастырях богослужебные обязанности. Согласно архивным данным, собранным М. Радваном в 1837 году, в Литовской епархии было 673 прихода, 981 священник и 815 473 верующих. В Белорусской насчитывалось 554 прихода, 715 священников и 608 407 верующих [7, s. 185]. Число монахов, по разным данным, колебалось от 228 [37, л. 19] до 251 [7, s. 140]. То есть количество священников и монахов достигало 1947 человек. Из этого следует, что отказавшиеся от воссоединения составляли 1,284% всех униатских священнослужителей, что заставляет сделать вывод о том, что проект общего воссоединения униатов с православными, предложенный Иосифом Семашко в 1827 году, представлял собой выражение настроений значительного большинства униатских священнослужителей.

Действительно, епископ Иосиф (Семашко) в процессе подготовки Полоцкого Собора смог опереться на многих униатских духовных лиц. Можно назвать не только ближайших его сподвижников – архиепископов Антония (Зубко) и Василия (Лужинского). В число противников унии вошла также вся преподавательская корпорация Литовской духовной семинарии во главе с исполняющим обязанности ее ректора протоиереем Ипполитом Гомолицким. Владыке Иосифу помогали такие авторитетные пастыри, как протоиерей Михаил Бобровский, протопресвитер Антоний Тупальский, протоиереи Н. Слонимский, И. Железовский, П. Янковский, И. Гомолицкий, М. Голубович, Ф. Малишевский, В. Оленич, Я. Елишевич, Л. Паньковский, Я. Грудзинский, Ф. Горбачевич, С. Горбачевский, А. Будзилович и многие другие. Можно сказать, что все священники, в 1830-х годах трудившиеся на епархиальных административных должностях и на местах благочинных, разделили ответственность за упразднение унии. На плечи этих людей легла вся работа по убеждению приходского духовенства в истинности православия и сбору подписок о желании оставить унию. Мало того, в эту категорию духовенства нужно записать всех настоятелей наиболее крупных и значимых приходов. Они при своем назначении давали присягу не папе, как в прежние времена, а императору, и не отказывались от этого, ссылаясь на греко-католический канонический порядок. Тем самым эти священники со всем пониманием происходящего поддержали курс на разрыв союза с Римом. Несомненно, это стало возможным в силу особым образом сложившихся обстоятельств и развития определенных процессов в период с 1795 по 1827 год. Но и то, и другое должно было обуславливаться каким-то действием властей Российской империи. Таким действием, которое заставило униатов, продемонстрировавших приверженность греко-католицизму во времена Екатерины Великой, оттолкнуться от католичества и допустить для себя возможность перехода в православие.

Представляется, что изменения, произошедшие в сознании униатов и повлекшие за собой возникновение и успешное продвижение проекта их общего воссоединения с православными, стали возможными в результате приведения в жизнь правовых решений императора Павла I, которые в православной историографии считаются неразумными и бездарными [23, с. 316]. В католической и современной белорусской историографиях эти юридические нормы зачастую упоминаются лишь вскользь, потому что не могут быть использованы в качестве очередной иллюстрации враждебности Петербурга к католичеству. Речь идет о нескольких законодательных актах.

28 апреля 1798 года вышел именной сенатский указ о расширении епархиальной структуры униатской церкви: дополнительно к уже существовавшей Полоцкой кафедре, управление которой сохранялось за архиепископом Ираклием (Лисовским), были открыты Брестская и Луцкая епископии. Помимо прочего, в указе отмечалось: «Все, что относительно церковного управления, монашествующих школ, разных установлений и прочего, предписано в указе Нашем о Епархиях Римской веры, наблюдать и исполнять в самой точности и в рассуждении Униатов в Империи Нашей обитающих» [35, т. 25, № 18503, с. 222]. Этим правовым актом была восстановлена епархиальная структура унии и подтверждено равноправие перед российским законодательством католичества латинского и восточного обрядов.

Того же 28 апреля был издан именной сенатский указ, в котором содержалось положение, подчинявшее униатов власти латинского митрополита [35, т. 25, № 18504, с. 222–224]. В нем говорилось: «8) Архиепископу Могилевскому именоваться Архиепископом Митрополитом, и имея все те наружные отличности, которые по обрядам Римской церкви в толь преимущественном сане и месте свойственны, пользоваться и теми правами, кои только могут быть присвоены ему, не токмо по его Епархии, но и относительно к другим единоверным Епископствам, как единственному Архиепископу Митрополиту той церкви в России» [35, т. 25, № 18504, с. 223–224]. Эта правовая норма противоречила предыдущей, так как, согласно ей, униатам не предоставлялось право на самостоятельное управление, а это принижало их в отношении католиков латинского обряда.

11 октября 1800 года вышел именной сенатский указ, в котором говорилось об избрании в Католический департамент Юстиц-Коллегии, в котором сосредотачивалось Высшее церковное управление Католической Церкви в России, из духовенства каждой католической епархии по одному заседателю [35, т. 26, № 19595, с. 338]. Однако 29 декабря 1800 года после рассмотрения вопроса о назначении в Католический департамент Юстиц-Коллегии двух членов из числа светских лиц было постановлено: «а Униаты, так как они присоединенные или к нам, или к Католикам, а не сами по себе, Членов [в Католическом департаменте – *А.Р.*] не могут иметь» [35, т. 26, № 19706, с. 486]. Это положение лишало католиков восточного обряда права голоса в Высшем церковном управлении Католической Церкви в России, что в еще большей степени закрепляло второсортное положение униатов по отношению к единоверцам латинского обряда.

Правовые акты императора Павла Петровича, введенные сразу после массового воссоединения униатов с православными в последний год жизни императрицы Екатерины II, создали новую ситуацию в Католической Церкви в России. Было законодательно закреплено параллельное существование двух католических иерархий – латинской и униатской, но в то же время иерархически оформленному униатскому церковному объединению отказывалось в праве решать свою судьбу. Управление униатским церковным объединением было передано главе Католической Церкви латинского обряда. Этими логически противоречивыми нормами российская власть формально признавала, что униаты, проявившие твердость в своей вере, навсегда потеряны для православия и России и передавала их на попечение латинянам.

Такое решение униатской проблемы императором Павлом I имело далеко идущие последствия. Подчинение униатов власти митрополита латинского обряда в одночасье изменило положение униатов между православием и католичеством латинского обряда. До этого момента греко-католики видели угрозу для своего церковного объединения в правительственной политике России и православии. Теперь же российское правительство фактически устранялось от решения униатской проблемы, как бы признавало свое поражение в борьбе с Брестской унией и поручало попечение о дальнейшем существовании и развитии унии латинской иерархии. В ее руки была отдана забота о сохранении самобытности униатского церковного объединения, поддержании его сложившихся традиций, культурного влияния, литургической практики. Даже в Речи Посполитой латинские епископы никогда не могли получить такой власти над униатами. Теперь же их вековая мечта сбылась, и это стало катастрофой для унии.

Дело в том, что, получив власть над униатами, латинская иерархия и ксендзы при деятельной поддержке высшего слоя общества в белорусско-литовских губерниях, представленного польской и полонизированной шляхтой латинского обряда, сразу развернули среди униатской паствы прозелитическую деятельность, что, кстати, было немедленно замечено российской властью [35, т. 26, № 19263, с. 24–31]. В ход шли самые неприглядные приемы, вплоть до распространения подлогов [26, с. 402–422]. Точное количество перешедших в латинский обряд униатов неизвестно, но, сопоставляя численность униатов в епархии архиепископа Ираклия (Лисовского) в 1795 году (2 500 000) с официальным числом последователей унии после 1802 года, составлявшего 1 538 890 человек [51, л. 1–2 об], можно сделать вывод, что в 1796–1805 годах из униатских храмов в костелы перешло не менее 1 000 000 верующих. Эрозия унии в пользу латинства продолжалась и в дальнейшем. Из анализа данных о динамике численности народонаселения западных губерний, проведенных генералом П.О. Бобровским, с 1805 по 1828 год греко-католическое церковное объединение лишилось еще не менее 200 000 пасомых [12, с. 163–164].

Массовый перевод униатов в костелы противопоставил униатское и латинское духовенство. Дело в том, что, лишаясь паствы, униатские духовные лица теряли средства к существованию и не имели возможности найти себе место в идущем процессе. Униатские священники не могли перейти под власть латинской иерархии вслед за верующими, поскольку были женатыми, не обладали требуемым в латинстве образовательным цензом и в глазах ксендзов, шляхты да и собственных прихожан находились на второсортном положении. По свидетельству митрополита Иосифа (Семашко), в 1810–1820-х годах некоторые приходские униатские священники пробовали служить для своих прихожан латинскую мессу и считали «удовлетворенным верх своего честолюбия видеть детей своих в числе римского духовенства» [22, т. 1, с. 37–38]. Это была слабая попытка обеспечить свое существование и существование своих детей в условиях неизбежного, как они считали, поглощения унии латинским обрядом. Однако подавляющее большинство священнослужителей видели выход в сохранении восточнохристианской самобытности и, как ее проявления, церковнославянской службы. В этом священники демонстрировали большую твердость, вплоть до вопиющего неповиновения начальству. Например, духовенство Полоцкой епархии в середине 1820-х годов отказалось сослужить епископу Иакову Мартусевичу по латинскому чину. В результате он, известный своим презрением ко всему восточному, вынужден был совершать не латинскую мессу, а униатскую литургию [10, с. 49]. Такое настроение белого духовенства подогревалось известиями о положении униатского светского клира в пределах Австрийской империи. Там в правление императора Иосифа II в конце XVIII века уния в результате специфической этно-религиозной политики немецкого католического правительства, получившей название иосифизма, освободилась от польского влияния и сумела решить накопившиеся в церковной жизни проблемы, которые в целом были общи-

ми и для русской, и для австрийской частей унии. Для белых священников пример Австрии был особенно притягателен, поскольку укрепление унии там сопровождалось улучшением материального положения и возвышением социального статуса приходского духовенства [20, с. 69].

В обстоятельствах нарастания противоречий между духовенством латинского и униатского обрядов в пределах Российской империи большое значение приобретала позиция Римской курии. Невзирая на то, что власть папы в России была законодательно ограничена, Рим был в состоянии если не полностью остановить, то хотя бы смягчить антиуниатскую деятельность польского духовенства. Однако Римская курия ничего не предприняла в этом направлении. Рим и во времена Речи Посполитой сомневался в верности униатов, не доверял им. Достаточно вспомнить тот факт, что на Замоиском Соборе 1720 года униатский митрополит Лев (Кишка) был отстранен от председательства, а его место по распоряжению Рима занял папский нунций [56, с. 92–130]. В новых условиях Апостольская столица вновь отнеслась к униатам с недоверием, подозревая в униатской иерархии слишком большую приверженность ко всему православному, в чем ее в некоторых случаях уверяли местные ревнители католичества [об этом см. 15, с. 292]. Наиболее ярким проявлением недоверия со стороны руководства Католической Церкви стало то, что оно отказалось признать в митрополите Ираклии (Лисовском) и в его преемниках – Григории (Кохановском) и Иосафате (Булгаке) – легитимных униатских митрополитов [30, с. 126–127, 130, 135–136]. Однако недоверие Рима к оказавшимся под российской властью униатам проявилось не только в этом.

Массовому переходу греко-католиков в костелы способствовал процесс латинизации церковной жизни белорусско-украинского населения, который размывал границу между латинским и униатским обрядами и тем самым представлял собой инструмент поглощения унии Польским Католичеством. Униатское духовенство хорошо это понимало, поэтому старалось придерживаться униатских церковных традиций и богослужебной практики, в которых многое оставалось от богослужения и традиций доуниатской православной старины. Это настроение униатских духовных лиц поддерживал и использовал в своей деятельности архиепископ, а с 1805 года униатский митрополит Ираклий (Лисовский).

Преосвященный Ираклий (Лисовский) был искренним униатом [62, с. 41–42], он полагал, что Брестская церковная уния может способствовать преодолению раскола 1054 года, был готов трудиться над присоединением к Риму всей Русской Церкви. Средством для решения такой сверхзадачи Лисовский видел осуществление идей, высказанных профессорами Сорбонны в письме к императору Петру I, датированному 1717 годом [9, с. 596–597; 34, с. 271–272]¹, а также сближение униатского обряда с православным².

22 февраля 1786 года архиепископ Ираклий обратился в Рим с письмом, в котором содержалась просьба позволить ему очистить униатский обряд от латинских элементов,

¹ По мнению богословов Сорбонны, восстановление христианского единства могло бы быть достигнуто на основании признания главенства и духовной власти Римского Первосвященника с соблюдением неприкосновенности вероисповедания, обрядов и автономии внутреннего управления каждой Церкви.

² Об этом см. переписку Холмского униатского епископа Порфирия (Важинского) с уволенным на покой митрополитом Феодосием (Ростоцким). В ней раскрываются мысли архиепископа Ираклия (Лисовского) на перспективу унии Русской Церкви с Римом. Важинский разделял оптимистический взгляд Лисовского на эту проблему и писал, что для достижения такой цели требуется сближение униатской и православной литургических практик, поскольку «наше удаление от греческого обряда, представление, из которого следует такое отвращение, какое нужно предупредить наиболее полно». По поводу реформы униатского богослужения Важинский пишет, что нужно «стараться безукоризненно возвращать обряд церковный, проявлять наивысшую осторожность с церковными книгами, чтобы те печатные соответствовали старым экземплярам, а последующие, измененные неканоническим образом, были отброшены, а еще в службах, требниках и понтификальных делах» [9, с. 597, 598].

которые, по его мнению, не соответствовали восточнохристианской традиции униатства и не допускались условиями унии, утвержденными Святым престолом в 1595 году [8, с. 114–117; 9, с. LIV–LVII]. Очевидно, что предлагая литургическую реформу, Лисовский пытался оградить унию от поглощения латинским обрядом и дополнительно обеспечить положение унии в глазах правительства. По его мнению, отсутствие внешних отличий униатов от православных при согласии на минимизацию зависимости униатов от Рима устраняло почву для враждебного отношения властей.

Замысел архиепископа Ираклия не встретил понимания в руководстве Католической Церкви. Папский нунций в Речи Посполитой Фердинандо (Салюццо) 8 июня 1785 года, то есть еще до отправления послания Лисовского в Рим, писал префекту Конгрегации пропаганды веры кардиналу Леонардо (Антонелли): «Существует реальная опасность, что Лисовский стремится ограничить отправление читаемой литургии, чтобы все было одинаково с традицией греческих схизматиков» [8, с. 38]. 18 июня 1787 года под председательством кардинала Антонелли состоялось заседание специальной комиссии, составленной из членов Конгрегации пропаганды веры [8, с. 81–112], на которой было выработано решение предписать архиепископу Ираклию неукоснительно исполнять постановления Замойского Собора 1720 года, узаконившего латинские вставки в униатское богослужение. Лисовскому запрещалось самовольно менять церковные обряды, а также специально указывалось, что «если подобная реформа и должна быть проведена, то ее нужно проводить с участием всех епископов Киевской Церкви». Отдельным пунктом в постановлении Конгрегации запрещалось использование православных служебников, даже изданных в Киевской митрополии до унии [8, с. 88].

В противовес подходу архиепископа Ираклия, состоявшему в сближении униатской обрядности с православной богослужебной практикой, Конгрегация пропаганды веры 30 января 1787 года разрешила иеромонахам, поступившим в орден базилиан из латинского обряда, совершать не униатское богослужение, а латинскую мессу [9, с. 249], что вело к усилению латинизации литургической практики в базилианских монастырях, традиционно имевшей большое влияние на строй приходских богослужений. Согласно свидетельству архиепископа Антония (Зубко), монахи-базилиане, опираясь на однозначно выраженное мнение Римской курии, отказывались подчиняться правящему архиерею в богослужебных вопросах и активно внедряли латинскую литургическую практику в своих обителях [10, с. 61]¹.

Несмотря на позицию Рима и противодействие базилианского монашества, Лисовский был уверен в правильности своего подхода и старался восстанавливать в униатских храмах православную обрядность. В 1790 году иеромонах Иустин (Крупеницкий) сообщал папскому нунцию, что архиепископ Ираклий требует, чтобы во время служения Литургии Царские Врата и катапетасма закрывались и открывались согласно восточной традиции богослужения [18, с. 209]. В начале 1790-х годов владыка Ираклий вел дело о созыве в Варшаве Собора униатского духовенства, на котором он надеялся поставить вопрос о необходимости литургической реформы. Однако Собор, намеченный на 1796 год не состоялся из-за резкого изменения политической обстановки [4, с. 846–852].

В условиях, когда руководство Католической Церкви явно проявило недоверие к предложенному сближению униатской и православной литургических практик, архиепископ Ираклий не отказался от своего подхода к сохранению и укреплению унии. Он твердо

¹ Свидетельство энергичной латинизации литургической практики в базилианских монастырях в конце XVIII – первой трети XIX века содержится в письме базилианина Меркурия (Головни) митрополиту Иосафату (Булгаку), датированном 1825 годом. В нем говорится, что в Онуфриевском монастыре «большие отмены в церковных церемониях и богослужении в отношении к благочестивым [то есть православным обрядам – А.Р.]» [32, т. 2, с. 748].

намеревался остановить очевидно приветствуемое Римом поглощение униатов латинством, не бросив их вместе с тем в руки православия [34, с. 270; 60, с. 43, 45]. В целом его усилия сводились к превращению унии в лояльное Российской империи религиозное объединение, внешне не отличающееся от господствующего вероисповедания, имеющее автономное управление с номинальной духовной зависимостью от римского папы, а также верное своему обряду хорошо образованное духовенство¹.

Архиепископ Иракий в первые два десятилетия руководства униатами в России столкнулся с резким увеличением своей паствы в результате второго и третьего разделов Речи Посполитой, церковно-административного переустройства униатской церкви, проведенного правительством, массовых переходов униатов в православие и в латинский обряд, которые шли волнами с 1780 по 1784 и с 1794 по 1803 год. Лисовский был не в состоянии повлиять на эти события, и они отложили осуществление его реформаторских планов. К их приведению в жизнь архиепископ Иракий смог приступить лишь после 1801 года в условиях подчинения униатов власти латинского митрополита Станислава (Сестренцевича) и широкомасштабного наступления на унию со стороны латинского духовенства. Поэтому его преобразовательные начинания в это время носили выраженную антилатинскую мотивировку.

Осознавая отсутствие поддержки со стороны Римской курии, опору для своей деятельности Лисовский старался найти в российских властях. В записке, адресованной графу З. Чернышеву, датированной 2 июля 1805 года, он прямо просил этого сановника обратить внимание царя на проблему спасения униатов от латинян [42, л. 26–27]. Чернышев в письме к императору Александру I писал, что Лисовский умоляет его «доставить униатам справедливую защиту» [42, л. 28 об.]. Российское правительство в целом шло архиепископу Иракию навстречу. Запрещался латинский прозелитизм, и латинизантам (как тогда называли перешедших в латинство греко-католиков) было предложено вернуться из костелов в свой обряд. Эти запрещения в соединении с требованиями к латинскому духовенству ни в чем не стеснять свободу совести униатского населения повторялись в 1803, 1804, 1806, 1807, 1810 годах [9, с. 36–37, 39–41, 41–42, 78, 82, 90, 98–99]. В 1804 году в Римско-католическую духовную коллегию были допущены униатские заседатели [9, с. 77]; в 1805 году было установлено митрополитальное устройство униатской церкви в России [35, т. 29, № 22226, с. 670–671]; в том же году в структуре Римско-католической духовной коллегии появился 2-й (униатский) департамент, в котором председательствовал униатский митрополит и появление которого несколько ослабило подчиненность униатов власти латинской иерархии [9, с. 82]; в 1808 году униатское духовное юношество было допущено к получению высшего богословского образования в католической Главной духовной семинарии при Виленском университете [9, с. 37–39]; в 1808 году открыта униатская Полоцкая духовная семинария с углубленным изучением восточных обрядов [9, с. 89–90]; в 1809 году была учреждена новая униатская Виленская митрополичья кафедра [9, с. 94].

Деятельность митрополита Иракия (Лисовского) укрепила униатскую церковь: она сохранила и даже расширила свою епархиальную структуру, получила митрополитальное устройство, обрела голос в Высшем управлении Католической Церкви в России, число представителей белого духовенства, имевших систематическое богословское образование, пополнилось выпускниками католической Главной духовной семинарии при Виленском университете, был затруднен, хотя и не остановлен, перевод униатов в костелы. Преобразовательные начинания Лисовского были в целом успешными. Их значение состоит в том, что впервые после заключения унии униатская иерархия не способствовала обособлению

¹ В свою очередь, К. Говорский полагает, что Лисовский предпринимал шаги, направленные на воссоединение униатов с православными [16, с. 97–98].

униатского и православного обрядов, а предприняла конкретные шаги, направленные на сближение литургических практик униатов и православных. Для униатского духовенства это, без сомнения, являлось революционным поворотом.

В то же время реформы высокопреосвященного Ираклия, умершего в 1809 году, не устранили кризисные явления, которые делали положение унии в России неустойчивым. Положение усугублялось тем, что единомышленные Лисовскому митрополит Григорий (Коханович) и архиепископ Иоанн (Красовский) не сумели в силу объективных и субъективных причин продолжить преобразования¹. В свою очередь, митрополит Иосафат (Булгак), возглавивший унию в 1817 году, ценил доброе расположение к себе государственных сановников, любил демонстрировать правительству верноподданические чувства, но не разделял идеи митрополита Ираклия и в делах церковного управления был человеком пассивным. Он не предпринимал никаких шагов против нарастания латинизации и полонизации унии, не препятствовал тайному латинскому прозелитизму, не способствовал преодолению невежества приходского духовенства [об этом см. 43, л. 11; 22, т. 1, с. 53; 12, с. 56; 62, с. 72; 44, л. 1–3; 45, с. 1–5].

В условиях, когда власти империи заняли подчеркнуто нейтральную позицию, а польское латинское духовенство с молчаливого согласия Рима и при поддержке полонизированного высшего класса западных губерний развернуло на греко-католиков широкомасштабное наступление, в унии усилились давнишние внутренние противоречия. В XVIII веке наиболее образованная и энергичная часть белого духовенства – выпускники Львовского и Виленского папских альюмнатов – стремилась играть бóльшую роль в церковном управлении, откуда представители белого духовенства были вытеснены монахами базилианского ордена в XVII веке. Во времена Речи Посполитой противоречия между униатскими клерикальными группами носили характер борьбы за власть и просвещение белого духовенства и простого народа [об этом см. 63]. В новых условиях в первые десятилетия XIX века к прежним противоречиям добавился вопрос латинизации. В результате униатский клир разделился на сторонников полонизации и слияния с латинством, представленных базилианами, и приверженцев самобытности унии, чаяния которых выражали выпускники католической Главной семинарии при Виленском императорском университете. Последние были выходцами из белого духовенства и составляли корпус церковных управленцев среднего звена – члены униатских епархиальных капитулов [об этом см. 12, 58]. В остром противостоянии решалась судьба Брестской унии на территории России. Речь шла о том, продолжит ли уния свое существование, или постепенно переродится в Польский Католицизм. Здесь трудно не заметить то, что в событиях внутри и вокруг унии в России с 1798 по 1827 год прослеживается перемена фронта борьбы. Защитники самобытности унии вынуждены были конфликтовать не с Православной Церковью, которая миссией среди униатов не занималась, не с российским правительством, которое отказалось от давления на унию, а с единоверцами латинского обряда, на стороне которых выступала влиятельная часть греко-католического клира, в первую очередь базилианское монашество.

В разгоревшемся противостоянии людей одного вероисповедания обе стороны апеллировали к властям. Однако у адептов латинизации и полонизации унии формально отсутствовали поводы для обращения к правительству, поскольку они уже получили все, что только можно, в правовых актах императора Павла I. Поэтому их подход состоял в том, чтобы для реализации своих планов находить поддержку у высокопоставленных российских чиновников и устранять тем или иным способом своих оппонентов. Приходится признать большие достижения в этой сфере базилианского монашества, проявившего

¹ К объективным причинам следует отнести то, что возглавление униатской церкви митрополитом Григорием (Кохановичем, 1809–1814) пришлось на годы наполеоновских войн. К субъективным причинам относится «нетрезвая жизнь» архиепископа Иоанна (Красовского) [32, т. 2, № 3154, с. 744; 22, т. 1, с. 53].

себя достойным своих учителей – иезуитов. Особенно показательны в этом отношении судебные дела, сфабрикованные базилианами против архиепископов Ираклия (Лисовского) [15, с. 303–318] и Иоанна (Красовского) [38], возглавлявших круг патриотов унии. В свое время даже высказывалось подозрение в отравлении монахами архиепископа Иоанна (Красовского) [59, с. 131].

В свою очередь, у сторонников самобытности унии имелось много причин обращаться к православным властям, и после 1798 года не было других способов для достижения своих целей. Им требовалось остановить латинский прозелитизм, добиться обособления управления своей церкви от латинского священноначалия, продолжить укрепление церковной структуры унии, возвысить значение в церковной жизни тех клерикальных кругов, которые противились латинизации греко-католичества. Эти требования, как отмечалось выше, выдвигал правительству митрополит Ираклий (Лисовский), и правительство императора Александра I шло ему на уступки.

Таким образом, изменение положения униатов, произошедшее в царствование императора Павла I, заключалось в том, что переменялся фронт борьбы за сохранение унии. С одной стороны, он теперь проходил между католиками-униатами и католиками латинского обряда; с другой стороны, борьба за продолжение существования унии развернулась между униатскими клерикальными группировками. Униаты, выступавшие за восточнославянскую идентичность унии, апеллировали к российскому правительству и в правление Александра I получали то, что просили. Такое отношение властей империи постепенно приучало униатов видеть в России не врага, а союзника. Наоборот, со стороны латинского священноначалия, латинского духовенства, базилианского монашества и представителей высшего слоя общества, состоявшего в большинстве из католиков латинского обряда, униаты – и приходское духовенство, и простые верующие – постоянно испытывали неприязнь и враждебность [об этом см. 12].

В таких условиях в среде греко-католического клира закономерно начали появляться люди, для которых православие уже не казалось духовно неприемлемым, а Речь Посполитая не была более близкой, чем Российская империя. Проправославные настроения еще не были заметны у патриотов унии в 1800–1820-х годах, когда на острие борьбы стояли митрополиты Ираклий (Лисовский), Григорий (Коханович), архиепископ Иоанн Красовский, члены Брестского епархиального капитула. Тогда еще существовала надежда на то, что унию можно оздоровить и сделать достаточно устойчивой против воздействий как с православной, так и с латинской стороны. Однако по мере того, как сторонники латинизации и полонизации одерживали верх над сторонниками самобытности унии [52, с. 56–83], а также по мере выхода на историческую сцену нового поколения униатской интеллектуальной элиты, представленной выпускниками католической Главной духовной семинарии при Виленском университете, где преподавание было построено на принципах иосифизма [54, с. 3–10], среди греко-католического духовенства появляются люди с отчетливо выраженными православными симпатиями.

Об эволюции настроения наиболее образованной и энергичной части белого униатского клира свидетельствуют воспоминания его представителей. В частности, архиепископ Антоний (Зубко) писал о своих мыслях в 1820-х годах: «Я видел ясно несправедливость гнета польского ультрамонтанства над униатами. Я возмущался при мысли о низком состоянии, в котором находились униаты, и во мне возбуждалось рвение содействовать, по мере моих сил, к возвышению их путем просвещения» [10, с. 49]. В своих записках митрополита Иосифа (Семашко) содержатся воспоминания о тех размышлениях, которые стали следствием его участия в управлении Луцкой епархией в 1820–1822 годах. Владыка писал: «Я ознакомился ближайшим, так сказать осязательным образом, с весьма затруднительным, если не бедственным положением униатов между Православною и

Римско-Католическую Церковь. На них православные нападали с явным ожесточением, тесня их по разным делам, часто видимо несправедливым; римляне же брали от них все без огласки, под видом дружбы. Это заставило меня часто призадумываться, и признаюсь, в сердце своем я извинял более православных, нежели римлян. Первые, по крайней мере, враги и не без повода, думал я, униаты обыкновенно отплачивают им тоже враждой: но за что же их обижают друзья» [22, т. 1, с. 20].

Возрастание симпатий к Православной Церкви среди молодого поколения образованных униатов в итоге привело к появлению проекта общего воссоединения, предложенного наиболее решительным и бескомпромиссным из них – прелатом Иосифом Семашко – в 1827 году. Свою мотивацию Семашко объяснил тем, что путем самостоятельных богословских изысканий он пришел к выводу о том, что православие является хранилищем Истинного Христианства. Кроме того, в процессе своей практической церковной деятельности он убедился в бесперспективности попыток оздоровить унию и остановить ее поглощение Польским Католичеством. «Я давно уже убедился, – писал он в своих Записках, – в Православии Восточной Церкви посредством чтения и тщательного разыскания; а между тем принадлежал к Церкви Западной. Я был членом, и немаловажным, Церкви Русской, хотя и отложившейся от истинного учения; а между тем, по тогдашнему положению Униатской Церкви, должен был по необходимости служить орудием окончательного изменения оной в Латинскую. Я сердцем и душою предан был России и с нею соединял выспренный идеал моего отечества, почерпнутый в чтении древних; а между тем, считался для нее чуждым и принадлежащим неприязненной для нее Польше. Несправедливость и притеснения были для меня всегда невыносимы; а между тем, я был часто бесполезным их свидетелем. Корыстолюбие, взятки были для меня чем-то самым презренным; а между тем, они встречались на каждом шагу» [22, т. 1, с. 30].

В результате непоследовательных действий правительства в царствование императора Павла I, поручившего униатов заботам их латинских единоверцев, российские власти устранились от участия в судьбе унии. С одной стороны, это выявило неспособность латинского духовенства и высшего католического общества западных губерний обуздать свои национальные и религиозно-культурные инстинкты и выработать взвешенную стратегию поведения. С другой стороны, в униатском духовенстве консолидировались и активизировались те круги, которые не желали перерождения своего церковного объединения в польском латинском духе. Российское правительство оказалось втянутым в противостояние латинизаторов и сторонников самобытности унии на стороне последних. Это привело к устранению негативных последствий воссоединения униатов Екатерининского времени, приучило униатов видеть в России защитницу, а в возвращении в православие – вполне реальную для себя перспективу.

Указанные причины изменения настроений униатских священников в первой трети XIX века необходимо дополнить еще одной. Дело в том, что постепенное появление в униатском духовенстве людей, настроенных доброжелательно по отношению к православию, не могло привести к возникновению проекта общего воссоединения униатов с православными. Чтобы поставить вопрос настолько радикально, нужно было нечто большее, коренящееся в особенностях униатского экклезиологического самосознания.

На основании оставшихся от унии источников можно реконструировать экклезиологическое самоощущение греко-католического духовенства в конце XVIII – первой трети XIX века. Сообщество католиков восточного обряда в документах этого времени в большинстве случаев именуется по-разному, с догматической точки зрения, совершенно невянятно: уния, униатский, греко-униатский и даже римско-униатский [32, т. 2, с. 547] обряд и так далее. Однако наряду с этим употреблялось и понятие «церковь». Например, митрополит Ираклий (Лисовский) в 1796 году в письме Холмскому епископу Порфирию (Важинскому), говоря о бедствиях унии, называет ее «наша Церковь» [9, с. 595]. Определение

«Униатская Церковь» достаточно часто встречается в документах и конфиденциальной переписке в конце 1820-х и в 1830-х годах.

Здесь нужно обратить внимание на следующее. Именование католиков восточного обряда «церковью» входило в противоречие с посттридентской католической экклезиологией, на основании которой в декабре 1595 года в Риме была подписана церковная уния между Католической Церковью и частью иерархии Киевской митрополии Константинопольского патриархата. Согласно посттридентскому представлению, «церковью» могла называться только монолитная Вселенская Церковь, которая признавала непосредственную прямую власть Римского Папы над каждым епископом и верующим. Соответственно, в Апостольской столице на униатов смотрели как на католиков, которым предоставлено право практиковать восточный обряд из соображений снисхождения к духовной слабости: неготовности практиковать христианскую веру в ее «настоящей» – латинской форме богочитания [14, с. 5–6]. Не более. В то же время униаты сохраняли обособленную иерархию, параллельную иерархии латинского обряда. Сверх того, и униаты с самого начала заключения Брестской унии не сомневались, а даже подчеркивали то, что, находясь в союзе с Римом, продолжают оставаться частью Русской Церкви, а также имеют свои особые интересы, состоявшие в сохранении византийского обряда, получении от Рима поддержки в преодолении церковных нестроений и ограждении паствы от латинского прозелитизма. Как пишет В. Пери: «Брестская уния спонтанно понималась русинами как уния между их национальной Церковью с ее традиционной иерархической структурой и наследованным от предков литургическим обычаем и Римской Церковью» [33, с. 19; об этом же см. 19]. Иначе говоря, церковная уния греко-католиками мыслилась как федеративный союз Церквей, заключенный для преодоления кризисных явлений в церковной жизни и ее совершенствования, а не как включение Киевской митрополии в общую массу Католической Церкви.

Это экклезиологическое противоречие несло в себе постоянную угрозу для союзного договора между частью Русской Церкви и Римом. В сообществе униатов под воздействием разного рода обстоятельств могло появиться мнение, согласно которому союз с Римом стал вреден, то есть не способствовал дальнейшему развитию церковной жизни западнорусского населения. Именно это и произошло в конце 1820-х годов. Проект общего воссоединения, предложенный прелатом Иосифом Семашко, основывался на том представлении, что продолжение существования унии не оправдано с религиозной точки зрения и ведет к денационализации восточнославянского населения [53, с. 250–313]. Мотивация проекта Семашко была с пониманием воспринята в кругах противников латинизации и полонизации, что стало залогом успешности его реализации.

В итоге можно говорить о том, что предпосылками возникновения движения к православию в униатском духовенстве стали колебания правительственной политики России и правовые изменения в положении греко-католического церковного объединения в последние годы XVIII века, а также неспособность латинского духовенства и польского шляхетского общества отказаться от представления о своей латинской исключительности и старинной русофобии. При этом российское правительство случайно выбрало оптимальный способ действий для искоренения унии¹, а вот с католической стороной дело обстоит несколько сложнее.

¹ Действия императора Павла I в отношении униатов не носили продуманный характер, и их последствия, решившие во многом судьбу унии, не прогнозировались. Механизм формирования конфессиональной политики императора Павла Петровича в западных губерниях хорошо известен. Решения принимались императором исходя из его собственного неприязненного отношения к самой идее и практическому воплощению церковной унии, под влиянием Римского двора, действовавшего через нунция Лоренцо Литту, латинского архиепископа Станислава (Сестренцевича), униатского архиепископа Ираклия (Лисовского), минского губернатора З.Я. Корнеева [об этом см. 15, с. 251–317].

С одной стороны, делая ставку на латинизацию униатского богослужения в 1787 году, Рим оттолкнул от себя значительную часть униатов и направил их к православию. Однако нужно признать, что позиция руководства Католической Церкви была оправдана. Дело в том, что существование церковной унии в Российской империи не могло быть обеспечено. В общественно-политических и правовых реалиях России православное наступление на унию было лишь вопросом времени, и Риму следовало позаботиться о том, чтобы хотя бы часть униатов удержал в католичестве. Идеальным инструментом для этого была латинизация. Она представляла собой способ обособления униатов от православных, выявления тех униатов, которые уже являлись убежденными католиками, и позволяла расширить их круг. При этом униатский обряд для Римской курии, очевидно, ценностью не был, а потому переход униатов в латинский обряд ею приветствовался.

Приходится сказать, что подход Рима оказался верным с точки зрения интересов католичества. Об этом свидетельствуют цифры. Как уже было сказано выше, согласно подсчетам Витольда Колбука, в процессе разделов Речи Посполитой с 1772 по 1795 год подданными Российской империи стали 4 653 379 последователей унии [5, s. 50]. В 1795 году в составе населения Российской империи белорусы составляли 8,3%, а украинцы – 19,8% [64, с. 25]. Соотношение – 1 к 2,385. Если произвольно спроецировать его на этническую структуру униатского населения, можно сделать вывод, что подданными России к 1795 году были 1 374 705 белорусских и 3 278 673 украинских униата. Известно, что среднегодовой прирост населения в белорусско-литовских губерниях (Виленская, Гродненская, Ковенская, Витебская, Минская, Могилевская, Смоленская) с 1782 по 1857 год составлял 0,17%, а среднегодовой прирост населения в губерниях Правобережной Украины, в которых компактно проживали униаты (Подольская, Киевская, Волынская), с 1795 по 1857 год составлял 0,55% [64, с. 23]. Учитывая эти данные, можно приблизительно рассчитать, сколько униатов должно было проживать в России в 1839 году. Их численность должна была составлять 5 549 645 человек (4 072 112 украинцев и 1 477 533 белоруса). Известно количество униатов, вернувшихся в православие с 1780 по 1839 год, – 3 448 226 верующих. Это число складывается с учетом миссионерских действий святителя Георгия (Конисского) (117 187 [40, л. 8, 10–11 об., 17–17 об., 24–24 об.; 28]), воссоединения последних лет царствования императрицы Екатерины II (1 572 067 [41, л. 11–12]), результатов миссии епископа Смарагда (Кржижановского) (158 972 [37, л. 22]), а также итогов Полоцкого объединительного Собора (1 600 000 [41, л. 13]). Отсюда следует, что из униатских церквей в костелы с 1780 по 1839 год должны были перейти 2 101 419 человек. Однако из этого числа нужно вычесть около 300 000 униатов Холмской униатской епархии, которая продолжала существовать в русской части Польши до 1875 года [65, с. 31]. В итоге можно говорить о том, что из унии в латинский обряд перешли около 1 800 000 человек. Это число далеко от точности, поскольку является результатом не слишком корректной методики подсчетов. Чтобы приемлемо определить количество латинизировавшихся униатов, нужно проводить скрупулезное дополнительное исследование. В то же время, даже учитывая несовершенство использованного подхода, можно говорить, что возвращение западнорусских униатов к православию сопровождалось оттоком униатского населения в латинский обряд в соотношении не менее чем 2 к 1. Отсюда следует, что католичество в пределах Российской империи с 1795 по 1839 год потерпело тяжелое поражение, но далеко не катастрофу.

Мало того, поражение католичества на, если так можно выразиться, униатском фронте было тактическим. На самом деле в Белоруссии упразднение унии стало его крупной стратегической победой. Дело в том, что приток латинизантов значительно расширил и укрепил социальную базу католичества латинского обряда, так как в костелы пришли большие массы крестьянского населения, чего во времена Речи Посполитой не наблюда-

лось. В результате католичество латинского обряда из вероисповедания высшего и части среднего слоев общества западных губерний превратилось в вероисповедание части простого народа, и в наши дни 14% белорусов относят себя к католикам и, соответственно, считают себя поляками. Это имело и продолжает иметь далеко идущие последствия и требует научного осмысления, в процессе которого лишь отчасти могут быть использованы аргументы историков XIX века. Приходится признать, что таковые положительные для католичества результаты были обеспечены процессом латинизации униатского богослужения в 1787 году.

Сказанное позволяет назвать непосредственные предпосылки возникновения движения к православию униатского духовенства в Российской империи в первой трети XIX века. К ним следует отнести: 1) колебания правительственной политики в царствование императоров Павла I и Александра I; 2) нарастание латинизации униатского богослужения после 1787 года и латинский прозелитизм, ставшие следствием недоверия к униатам со стороны Римской курии и представителей Польской Католической Церкви латинского обряда; 3) экклезиологические противоречия, содержащиеся в идее Брестской церковной унии; 4) разделение униатского клира на несогласные друг с другом группировки и усиление в первые десятилетия XIX века их противостояния вокруг вопроса латинизации. Названные предпосылки находились в сложном сочетании и взаимодействии, мало того, активизировали одна другую. С уверенностью можно говорить о том, что обстановка, сложившаяся вокруг униатского церковного объединения в пределах России в последней четверти XVIII – первой трети XIX века, а также ситуация внутри униатского церковного объединения представляли собой уникальное явление, которое больше нигде и никогда не повторялось. Представляется, что это нужно учитывать при рассмотрении вопроса возникновения симпатий к православию в среде униатских священнослужителей в первой трети XIX века.

Литература

1. *Batalden S.K.* Catherine II's Greek prelate: Eugenios Voulgaris in Russia. 1771–1806. N.Y.: East European Monographs, 1982. 197 p.
2. *Charkiewicz Jaroslaw.* Powrót unitów diecezji litewskiej i białoruskiej do prawosławia na soborze połockim 1839 roku // *Rocznik Teologiczny.* T. 55. 2013. № 1–2. S. 119–137.
3. *Dobrzyński Z.* Prawosławni a grekokatolicy w dawniej Polsce. Warszawa, 1992. Cz. 1. 199 s; Cz. 2. 175 s.
4. *Harasiewicz M.* Annales Ecclesiae Ruthenae. Leopoli: Typis institute rutheni Stauropigiani, 1862. 1184 s.
5. *Kołbuk W.* Kościoły wschodnie w Rzeczypospolitej około 1772 roku. Lublin: Instytut Europy Środkowo Wschodniej, 1998. 460 s.
6. *Matus I.* Schylek unii i proces restytucji prawosławia w obwodzie Białostockim w latach 30. XIX wieku. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2013. 630 s.
7. *Radwan M.* Carat wobec kościoła grekokatolickiego w zaborze Rosyjskim 1796–1839. Roma; Lublin: Polski instytut kultury chrześcijańskiej, 2001. 504 s.
8. *Solovij M.M., OSBM.* De reformatione liturgica Heraclii Lisowskyj archiepiscopi Polocensis (1784–1809) // *Analecta OSBM. Series II. Sectio I. Vol. II.* Romae: ex Pontificio Instituto Orientalium Studiorum, 1950. 128 s.
9. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею: в 39 т. Вильна: Типогр. А.Г. Сыркина, 1889. Т. 16: Документы, относящиеся к истории церковной Унии в России. 704 с.
10. *Антоний (Зубко), архиеп.* О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России // Сборник статей, изданных Св. Синодом по поводу 50-летия воссоединения с Православной Церковью западно-русских униатов. СПб.: Типогр. В.С. Балашева, 1889. С. 38–76.
11. *Бендин А.Ю.* Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914). Минск: БГУ, 2010. 439 с.
12. *Бобровский П.О.* Русская Греко-Униатская церковь в царствование императора Александра I: Историческое исследование по архивным документам П.О. Бобровского. СПб.: Типогр. В.С. Балашева, 1890. 394 с.
13. *Буглаков М., священник.* Преосвященный Георгий Конисский, архиепископ Могилевский. Минск: Виноград, 2000. 656 с.
14. *Галадза П., священник.* Літургічне питання і розвиток богослужень напередодні Берестейської унії аж до кінця XVII століття // Берестейська унія та внутрішнє життя Церкви в XVII столітті: матеріали Четвертих Берестейських читань, Львів, Луцьк, Київ, 2–6 жовтня 1995 р. / ред. Б. Гудзяк. Львів: Інститут Історії Церкви Львівської Богословської Академії, 1997. С. 5–6.

15. *Галанов М.М.* Политика российского самодержавия и позиция Русской Православной Церкви в отношении католиков и униатов в годы царствования Павла I: дисс. ... докт. ист. наук: 07. 00. 02. СПб., 2014. 536 с.
16. *Говорский К.* Взгляд на состояние униатской церкви в Белоруссии со времени возвращения этой страны к России // Вестник Юго-Западной России. 1863/1864. Т. 3. Январь. С. 97–98.
17. *Горючко П.* Материалы для истории церквей Белоруссии конца XVIII и начала XIX столетий. Могилев: Типогр. Губ. правл., 1903. 42 с.
18. *Гуцуляк Л.Д.* Божественна літургія Йоанна Золотоустого в Київській митрополії після унії з Римом (період 1596–1839). Львів: Свічадо, 2004. 429 с.
19. *Дмитриев М.В.* Между Римом и Царьградом: генезис Брестской церковной Унии 1595–1596 гг. М.: Изд-во Московского университета, 2003. 320 с. (Труды исторического факультета МГУ: Вып. 22: Сер. II: Исторические исследования: 7).
20. *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.
21. Записка об упразднении греко-униатских монастырей в Западной России 28 февраля 1828 года // Русская старина. 1870. 2-е изд. Т. 1. С. 517–538.
22. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора: в 3 т. СПб.: Типогр. Императорской Академии наук, 1883.
23. *Зноско Константин, прот.* Исторический очерк церковной унии: ее происхождение и характер. Минск: Белорусский Экзархат, 2007. 367 с.
24. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / В.В. Грыгор’ева, У.М. Завальнюк, У.І. Навіцкі, А.М. Філатава: Навук. Рэд. У.І. Навіцкі. Мінск: Экаперспектыва, 1998. 340 с.
25. Канфесійны фактар у сацыяльным развіцці Беларусі (канец XVIII – XX ст.) / В.В. Яноўская [і інш.]; навук. рэд. В.В. Яноўская; Нац. Акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. Мінск: Беларуская навука, 2015. 496 с.
26. *Коялович М.О.* Смута в униатской среде в Белоруссии в 1802–1803 гг. // Христианское чтение. 1874. № 7. С. 402–422.
27. *Коялович М.О.* История воссоединения западнорусских униатов старых времен. Минск: Лучи Софии, 1999. 400 с.
28. *Коялович М.О.* О почившем митрополите Литовском Иосифе. СПб.: Типогр. Департамента Уделов, 1869. 54 с.
29. *Марозава С.В.* Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гады) / пад навук. рэд. У.М. Конана. Гродна: ГрДУ, 2001. 352 с.
30. *Назарко Іриней, ЧСВВ.* Київські і Галицькі митрополити. Біографічні нариси (1590–1960). Торонто: Видавництво отців Василіянів, 1962. 269 с.
31. О лучшем способе воссоединения униатов с Православной Церковью // Христианское чтение. 1887. Ч. 2. С. 19–93.
32. Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов: в 2 т. СПб.: Синаодальная типография, 1907. Т. 2. 1631 с.
33. *Пері В.* Берестейська унія у римському баченні // Историчний контекст, укладнення Берестейської унії і перше поунійне покоління: Матеріали Перших «Берестейських читань». Львів, 1995. С. 7–25.
34. *Петров Н.И.* Очерк истории Базилианского ордена в бывшей Польше // Труды Киевской духовной академии. 1872. Т. 1. Февраль. С. 161–272.
35. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825: в 45 т. / под ред. М.М. Сперанского. СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
36. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881: в 55 т. Т. 2. СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1138 с.
37. Рапорты камергера Скрипицына по обозрению им грекоуниатской епархии // РГИА. Ф. 797. Оп. 87. Д. 18.
38. По жалобе и доносам священника Арматовича на полоцкого греко-униатского архиепископа Красовского, относительно разных злоупотреблений его в управлении епархией и именьями. К сему следуют особые дела: 1. О наложении запрещения на собственное имение архиепископа Красовского и о произведении ему жалования 1 т. рублей в год. 2. О предании архиепископа Красовского суду. 3. По прошению о возвращении архиепископа Красовского в епархию. 4. Частично полученные бумаги по делу архиепископа Красовского. 5. О назначении архиепископа Красовского управляющим Луцкой епархией. 6. О смерти униатского архиепископа Красовского. 7. Следственные производства касательно разорения крестьян Полоцкого архиепископства и проч. // РГИА. Ф. 797. Оп. 6. Д. 22468.
39. О воссоединении Греко-Униатской Церкви с Православной. Распоряжения и уведомления обер-прокурора Синода и донесения духовенства Белорусской еп. Епископу Василию о ходе фактического присоединения к православию духовенства и прихожан униатского исповедания о благонадежности униатского духовенства; указ Синода об обозрении западных епархий // РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 291.
40. По определению Синода, о затребовании от синодального члена, Псковского архиепископа Иннокентия и Могилевского епископа Георгия ведомостей о количестве униатских церквей, ставших православными в их епархиях и уездах и о количестве православных церковнослужителей в этих церквах // РГИА. Ф. 796. Оп. 62. Д. 217.
41. О сообщении в Департамент Духовных Дел Иностранных Исповеданий сведений о числе присоединившихся Униатов в Западных Губерниях // РГИА. Ф. 797. Оп. 16. Д. 38385.
42. По отношению Полоцкого архиепископа Лисовского, о делаемых латинским духовенством униатскому притеснениях // РГИА. Ф. 797. Оп. 6. Д. 22303.

43. О распоряжениях, сделанных при жизни Митрополитом Лисовским насчет униатских церквей и проч. // РГИА. Ф. 797. Оп. 6. Д. 22315.
44. По отношению Брестского Греко-Униатского епископа Булгака с приложением свидетельства Литовского военного губернатора, о сохранении им верности к Российскому Престолу во время нашествия неприятеля // РГИА. Ф. 797. Оп. 6. Д. 22376.
45. О приглашении митрополита греко-унитского Булгака во Дворец к обеденным столам и о всемилостивейшем пожаловании его кавалером ордена св. Анны 1-й степени // РГИА. Ф. 797. Оп. 6. Д. 22408.
46. О запрещении принимать католиков в Греко-унитское монашество и об учреждении училищ для наставления унитского юношества в обрядах боослужения на языке славянском // РГИА. Ф. 797. Оп. 6. Д. 22641.
47. О противуборстве некоторых греко-унитских духовных введению в унитские церкви свойственного им богослужения, обрядов и книг церкви Греко-Восточной. Адам Плавский, Хруцкий, Дылевский. Тут же и о помещике Голыньском // РГИА. Ф. 797. Оп. 6. Д. 22984.
48. О грекоунитских священниках Белостокской области жалующихся на стиснение их веры – тут же о беспорядках в приходах Чижевском и Березовском Белостокской области – тут же о лекаре Руюжже и протоиерее Сосновском и священнике Паньковском и о неблагонамеренности Римскокатолического Епископа Гутовского // РГИА. Ф. 797. Оп. 7. Д. 23416.
49. Об устройстве в городе Курске временной обители для нескольких униатских духовных // РГИА. Ф. 797. Оп. 7. Д. 23496.
50. По делу о воссоединении униатов: 1) опровержение записки об угнетении упорных униатских священников; 2) опровержение сказки о базилианке Мечиславской // РГИА. Ф. 797. Оп. 87. Д. 30.
51. Общая ведомость по Луцкой, Полоцкой, Брестской епархиям и Белостокской области со сведениями о числе духовных лиц, монастырей, церквей, школ, богоугодных заведений, капиталов, расходов, числе прихожан // РГИА. Ф. 823. Оп. 3. Д. 1266.
52. Романчук А., прот. Греко-католическая Церковь в пределах Российской империи в первой трети XIX в.: проблемы и перспективы // Церковно-исторический вестник. 2008. № 15. С. 56–83.
53. Романчук А., прот. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: очерк жизни и церковно-общественной деятельности. М.; Минск: Издание Общества любителей церковной истории, 2015. 443 с.
54. Романчук А.А., прот. Главная Семинария при Виленском университете: воспитание и образование католического духовенства униатского обряда // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1: Гісторыя, філасофія, паліталогія, сацыялогія. 2006. № 4. С. 3–10.
55. Рункевич С. История Минской Архиепископии (1793–1832 гг.) с подробным описанием хода воссоединения западнорусских униатов с Православною Церковью в 1794–1796 гг. СПб.: Типогр. А. Катанского и К., 1893. 572 с.
56. Стрельбицкий И., свящ. Униатские церковные Соборы с конца XVI века до воссоединения униатов. Одесса: Типо-хромолитогр. Е.И. Фесенко, 1891. 164 с.
57. Филатова Е.Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси. 1772–1860. Минск: Белорусская наука, 2006. 192 с.
58. Филевич И.П. Вопрос о воссоединении западнорусских униатов в его новейшей постановке. Варшава: Типогр. Варшавского учебного округа, 1891. 31 с.
59. Фотинский О. Иоанн Красовский, униатский архиепископ Полоцкий и Луцкий // Литовские Епархиальные Ведомости. 1894. № 15. С. 128–131.
60. Шабатин И. Из истории воссоединения белорусских униатов // Журнал Московской Патриархии. 1949. № 8. С. 37–49.
61. Янковский П., свящ. Записки сельского священника. Минск: Свято-Петро-Павловский собор, 2004. 380 с.
62. Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. 2-е изд. испр. и доп. Вильна: Типогр. И. Блюмовича, 1897. 613 с.
63. Ситкевич А., свящ. Униатские кафедральные капитулы в XVIII веке: очерки положения и деятельности белого духовенства в Западно-русской униатской церкви // Христианское чтение. 1904. № 9. С. 320–354. № 10. С. 510–534. № 11. С. 680–702.
64. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. 3-е изд., испр., доп. Т. 1: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 549 с.
65. Ольховский Г.А. О былых временах православия и унии в Забужской Руси и о воссоединении холмских униатов в 1875 году. Холм: Типо-литогр. Вайнштейнов, 1900. 35 с.

Аннотация. В статье рассматривается комплекс предпосылок, обусловивших возникновение движения к православию униатского духовенства в Российской империи в первой трети XIX века. Делается вывод о том, что склонность к переходу в православие униатского духовенства явилась результатом особых исторических обстоятельств, к которым относятся: 1) колебания правительственной политики в царствование императоров Павла I и Александра I; 2) нарастание латинизации униатского богослужения после 1787 года и латинский прозелитизм, ставшие следствием недоверия к униатам со стороны Римской курии и представителей Польской Католической Церкви латинского обряда; 3) экклезиологические противоречия, допущенные при заключении Брестской церковной унии; 4) разделение униатского клира на несогласные друг с другом группировки и усиление в первые десятилетия XIX века их противостояния вокруг вопроса латинизации. Сочетание этих обстоятельств представляло собой уникальное явление, которое больше нигде и никогда не повторялось.

Ключевые слова: уния, духовенство, Католическая Церковь, католичество, Православная Церковь, православие, Российская империя, Речь Посполитая, воссоединение униатов с православными, Полоцкий Собор 1839 года.

Protopriest Alexander Romanchuk, MA in Theology, Head, Department of Church History and Church-Practical Disciplines, Minsk Theological Seminary. E-mail: romanchuk_alex@mail.ru

Reasons for the Onset of the Uniat Clergy's Movement Towards Orthodoxy in the Russian Empire in the Beginning of the 19th Century

Abstract. The article studies the system of pre-conditions that caused the onset of the uniat clergy's movement towards Orthodoxy in the Russian Empire in the beginning of the 19th century. The author comes to the conclusion that the tendency of the uniat clergy going back to Orthodoxy was the result of certain historic conditions, such as: 1) constant changes in the government policy during the reign of Emperor Pavel I and Emperor Alexander I; 2) increasing latinization of the uniat church service after 1797 and Latin proselytism that were the result of the distrust of the uniats on the part of Roman curia and representatives of Polish Catholic Church of Latin church service; 3) ecclesiastical contradictions made at the Brest Church Union conclusion; 4) division of the uniat clergy into discordant groups and the increase of their opposition to each other on the issue of latinization in the first decades of the 19th century. The combination of those conditions was a unique phenomenon that never repeated itself anywhere.

Keywords: the Union, Clergy, Catholic Church, Catholicism, Orthodox Church, Orthodoxy, Russian Empire, the Polish-Lithuanian Commonwealth, Reuniting of Uniats with Orthodox Believers, Polotsk Church Congregation of 1839.

**«Касаться вопросов веры с возможной осторожностью...»:
политика «церковно-приходского обрусения»
Северо-Западного края и Виленский
генерал-губернатор князь П.Д. Святополк-Мирский***

Северо-Западный край Российской империи, традиционно включавший в себя Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую и Витебскую губернии¹, представлял собой одну из наиболее сложных в этническом и конфессиональном плане окраин, где происходила «встреча» различных культурных типов и сообществ, управление которыми требовало от имперских властей высокого уровня профессионализма и гибкости. В данном регионе, населенном белорусами, литовцами, поляками, евреями и русскими, происходило столкновение не только этнических, но и конфессиональных интересов, что делало церковно-религиозную проблематику одним из важнейших аспектов деятельности местных властей. Помимо общей сложности управления данной окраиной имперская администрация здесь сталкивалась с серьезным внешним вызовом в лице польского влияния, мощного в материальном и культурном плане, представлявшего собой фактически альтернативный ассимиляционный проект, угрожавший российскому господству в регионе.

Польское национальное движение, высшим проявлением которого было восстание 1863–1864 годов, рассматривалось российскими властями в качестве главной угрозы, ответом на которую являлась репрессивная политика, проводившаяся на протяжении всей второй половины XIX – начала XX века в отношении местного польского населения. Однако помимо этого следует указать на общие процессы социальной и национальной мобилизации, происходившие в этот период не только на окраинах Российской империи, но и во многих странах Центральной и Восточной Европы, выражавшиеся в активных процессах нациостроительства, представлявших собой наиболее серьезный вызов самой модели имперской государственности. Формирование национальных интеллектуальных элит, рост интереса к прошлому своих народов, стремление к получению образования, развитию собственных литературных языков – все эти процессы, связанные со становлением национального самосознания, не могли не вызывать обеспокоенность имперской администрации, усматривавшей в данных тенденциях зарождение идей национальной самостоятельности и сепаратизма. Ответом на данные вызовы стал комплекс процессов и правительственных мер, направленных на унификацию регионального административного устройства Российской империи, образовательной сферы, государственного правового поля, распространение русского государственного языка, аккультурацию инородческого

¹ К началу XX века понятие «Северо-Западный край» включало в себя губернии, входящие в состав Виленского генерал-губернаторства: Виленскую, Ковенскую и Гродненскую. В данном значении это понятие используется и в настоящей статье.

* Публикация подготовлена в рамках реализации проекта РНФ 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

Крот Максим Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Южного научного центра Российской академии наук, доцент Института истории и международных отношений Южного федерального университета. E-mail: mnkrot@sfn.ru

населения национальных окраин и его ограждения от внешних ассимиляционных устремлений, объединяемых под общим условным наименованием «политика русификации» национальных окраин.

Данная политика во второй половине XIX века осмысливалась и обосновывалась многими отечественными государственными и общественными деятелями, обращавшимися к проблематике национальных окраин после Январского восстания 1863–1864 годов. В этот период представители практически всех направлений русской общественной мысли были единодушны в том, что «обрусение» окраин является важнейшей государственной задачей, от успешного решения которой зависит будущность России как империи и великой державы, в течение многих веков осуществлявшей «собрание» земель и народностей.

Наибольшее внимание проблеме национальных и в первую очередь западных окраин уделял видный русский консервативный публицист М.Н. Катков, сумевший не только привлечь внимание общественности к проблеме национальных окраин России, но и заложить основы теоретического осмысления понятия «русификация», под которым он понимал «завершение внутреннего слияния» разнородных элементов, собранных под властью Российской империи в предшествующий период [8, с. 259]. Мыслитель настаивал на необходимости «нравственного завоевания» имперских окраин посредством «внутренней силы», побуждающей население окраин к слиянию с господствующей народностью. В своих многочисленных публикациях по данной проблематике Катков заложил концептуальные основы консервативной «русской идеи», суть которой состояла в выдвинутой им формуле: «Россия может иметь лишь одну государственную национальность», трактуемую не в этническом, а в политическом смысле [10, с. 258].

Призывая к русификации окраин, представители русской общественной мысли не выступали за полную ассимиляцию инородческого населения и принудительное навязывание ему русских национальных особенностей, языка и вероисповедания. Так, Л.А. Тихомиров указывал на необходимость разделения государственной и национальной русификации. Под первой из них понималось сохранение политической лояльности империи, поддержка правящего режима, знание государственного языка без посягательств на национальную культуру, язык, вероисповедание, бытовой уклад окраинных инородцев. Национальная же русификация представляла собой ассимиляцию окраинного населения и могла проводиться, по мнению мыслителя, только по его собственному желанию и добровольному побуждению [23, с. 547–548].

Представители имперской администрации и общественной мысли вполне осознавали невозможность «превращения» инородцев в русских, указывая лишь на необходимость унификации национальных окраин в административном и правовом отношениях, распространения государственного языка в официальной и публичной сфере, а также защиты населения окраин от внешних ассимиляторских воздействий, наиболее вредным и опасным из которых рассматривалась полонизация белорусского и литовского населения северо-западных окраин Российской империи.

Об усилении польского влияния в регионе, считавшемся исконно русским, начиная с рубежа 1850–1860-х годов неоднократно говорили и писали многие представители русской политической элиты и общественности [5, с. 433–436; 30]. Особенности повстанческого экстремума 1863–1864 годов, в котором ярко выраженные националистические, анти-русские лозунги тесно переплелись с сословно-шляхетским характером выступления, во многом определили характер и стратегию правительственных мер противодействия ему и развязали руки сторонникам жесткой дискриминационной политики в отношении польского населения региона. Правительство смогло придать своим мерам форму не только репрессивного воздаяния за мятеж, но и защиты народных масс от притеснений польской шляхты, которая признавалась пришлым элементом в регионе, насильственно захватившим власть

и навязавшим местному коренному населению свой язык и культуру. Деполонизаторская политика имперских властей трактовалась ее инициаторами и проводниками как освобождение региона, признаваемого исконно русским, от инородного господства. Таким образом, правительственные меры по обрусению западных окраин являлись во многом лишь составной частью политики деполонизации края, на реализацию которой были направлены основные усилия имперских властей на всем протяжении второй половины XIX века.

В рамках данной политики правительство было готово поддерживать становление и развитие недоминирующих окраинных идентичностей, не имевших глубоких культурно-исторических традиций, которые расценивались как лояльные и управляемые союзники в борьбе с полонизмом, рассчитывая на их обрусение в будущем. В частности, следует согласиться с мнением о том, что лояльность имперских властей в отношении сформировавшейся в Северо-Западном крае новой литовской идентичности, была обусловлена именно борьбой с польским влиянием [14, с. 92–93]. Имперские власти считали «литвинизм» менее опасным и более управляемым явлением, нежели «полонизм», опиравшийся на мощную культурную традицию, не сформировавшуюся к тому времени у литовцев, что обусловило переход части имперской бюрократии на позицию поддержки региональных идентичностей в противовес польскому господству [29, р. 96–114].

Важнейшим элементом русской идентичности, которая должна была укрепляться на западных окраинах России, вытесняя польское влияние, по мнению сторонников политики обрусения, являлось православное вероисповедание, принадлежность к которому рассматривалась в качестве одного из основных маркеров русскости. В силу этого в осуществлении имперской политики в отношении северо-западной окраины заметную роль должна была играть православная церковь, о необходимости поддержки и тесного сотрудничества с которой единодушно говорили и писали представители всех уровней имперской администрации. Так, один из главных «архитекторов» политики деполонизации в регионе граф М.Н. Муравьев-Виленский прямо заявлял, что «без содействия православного духовенства мы не можем надеяться на прочное водворение русской народности в крае» [15, с. 307]. Однако следует указать на то, что российские власти не ограничивались простой поддержкой православной церкви на западной окраине, усматривая в православном вероисповедании важнейший инструмент аккультурации местного населения, освобождающегося от польского влияния, прочно связываемого с католицизмом.

«В первые годы после подавления Январского восстания администрация Виленского генерал-губернаторства проводила политику «форсированного» обрусения местного, преимущественно белорусского населения, путем его массового обращения в православие, к которому принадлежали предки местных крестьян до навязывания им церковной унии в 1596 г. Более радикальными сторонниками деполонизации был выдвинут решительный лозунг: «Католицизм должен быть отброшен Неман!».

Православизация велась посредством широкого применения административных методов и прямого материального стимулирования: бесплатных раздач казенных земель, денежных пожалований, освобождений от рекрутской повинности и других стимулов [2, с. 42]. Такое «обрусение» было весьма непрочным, что подтверждал последующий возврат новообращенных православных обратно в католицизм, противодействовать которому православные священники были не в состоянии и зачастую отказывались, мотивируя это тем, что поскольку обращение проходило бюрократическим путем, то и удержание неофитов в новой вере есть задача светских, а не религиозных властей [24, с. 5].

Другим, более гибким способом религиозной деполонизации Северо-Западного края должно было стать постепенное обрусение местной католической церкви, освобождаемой от имманентно присущей ей польской окраски. Сторонниками обрусения костела являлись многие представители российской администрации и общественной мысли.

О необходимости «отделения польского национального элемента от римско-католической церкви», представители которой вполне могут быть лояльными подданными империи, не отказывавшимися от своей веры, неоднократно писал М.Н. Катков [9, с. 756–757]. Горячим энтузиастом идеи «располячивания» католицизма на северо-западных окраинах империи был видный русский ученый и администратор П.Н. Батюшков, занимавший пост попечителя Виленского учебного округа и призывавший к возможности перевода дополнительного католического богослужения и проповедей на русский, литовский или белорусский языки [1, с. 375]. Данная точка зрения находила понимание и поддержку в верхах, что выразилось в официальном разрешении лицам, считавшим русский язык родным, пользоваться им в дополнительном богослужении, проповедях и молитвах в «иноверческих церквях», последовавшем в 1869 году [31].

Однако у данной идеи были и многочисленные противники, опасавшиеся активизации католического прозелитизма, которую может простимулировать введение в костел русского языка. Их главный аргумент состоял в том, что католическая церковь, вооруженная современным русским языком, имея целый ряд внешних обрядовых преимуществ перед православием, сможет распространить свое влияние на все православное русскоязычное население западных окраин. Такой позиции придерживались обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, министр внутренних дел Д.А. Толстой, один из наиболее авторитетных православных иерархов Западного края митрополит Литовский и Виленский Иосиф (Семашко), указывавший на то, что замена польского языка на русский в католическом богослужении создаст благоприятные условия для «римской пропаганды» среди русскоязычного населения края [6, с. 468].

Противоречия между представителями российской имперской администрации по данному вопросу, а также неудачные опыты введения русскоязычного богослужения в католических костелах Минской губернии, против которых неожиданно для сторонников деполонизации выступили сами прихожане-белорусы, помешали сколь-нибудь значимой реализации этой идеи. Российские власти продолжали традиционную политику поддержки православной церкви, деполонизаторский потенциал которой мог быть реализован не только в религиозной, но и в образовательной сфере.

Образовательная система всегда и везде выступала в качестве важнейшего рычага аккультурации и ассимиляции региональных этнических групп со стороны власти, которая с ее помощью распространяла государственный язык и систему социально-политических представлений, необходимых для большей инкорпорации инородных социумов в рамки единого государственного пространства. В этом смысле не были исключением и западные окраины Российской империи, обрусение которых должно было осуществляться в том числе посредством «правильно поставленного» школьного дела, имевшего здесь политическое значение. Превращение школы в эффективный инструмент политики деполонизации, по мнению целого ряда как центральных, так и региональных государственных деятелей, должно было проходить, в том числе путем передачи начального образования в руки православного духовенства. Активным сторонником данной идеи был М.Н. Муравьев-Виленский, в особом циркуляре запрещавший кому-либо, кроме православного духовенства, заниматься обучением крестьян без предварительного получения на то дозволения училищного начальства [32]. Виленский генерал-губернатор неоднократно указывал на приоритет начального образования в Северо-Западном крае, которое он предлагал активно передавать в руки православного духовенства, перед гимназиями, являвшимся рассадником антирусских настроений, в силу чего их количество предлагалось существенно сократить [16, с. 189–191].

Активным проводником «муравьевского курса» в образовательной сфере был попечитель Виленского учебного округа И.П. Корнилов, развернувший целую кампанию по

привлечению в край русских православных педагогов, которых катастрофически не хватало. Он неоднократно обращался к православным иерархам внутренних губерний России, таким как ярославский архиепископ Нил, с просьбами прислать способных выпускников семинарий для назначения их на учительские должности [12, с. 34].

Характеризуя деятельность имперских властей в образовательной сфере Северо-Западного края в последние десятилетия XIX века, следует указать на ряд общих тенденций в ее реализации, которые вызывали недовольство и противодействие местного населения.

Прежде всего это ярко выраженная религиозная окраска начального образования, которое в большинстве случаев передавалось в руки православных священников, вне зависимости от их знаний и педагогических способностей. Такое «церковно-приходское обрушение» способствовало формированию устойчивого представления о начальной школе как рычаге распространения православного вероучения, что должно было неизбежно оттолкнуть от нее местных католиков и спровоцировать расширение нелегального обучения.

Помимо этого власть ориентировалась на повышение количественных показателей в ущерб качеству образования, стремясь к увеличению численности начальных школ, обучение в которых проводилось при помощи традиционных образовательных приемов и методов, доступных педагогическому составу, в большинстве своем состоявшему из православных священников. Использование более современных, секулярных, практикоориентированных методов обучения в этих школах было невозможно. Низкий уровень образования в народных школах впоследствии станет одной из главных причин оттока из них местного населения, многие представители которого стремились к получению более углубленных и практически необходимых знаний.

Кроме того, ориентируя образование на укрепление в крае русских начал, российские власти стремились придать ему политическое значение, используя для этого не мирно-ассимиляционные, а в первую очередь репрессивно-запретительные методы, что имело значительный кумулятивный эффект, делая образовательную сферу областью острой культурной конфронтации.

Чувствуя поддержку верховных властей, православное духовенство Северо-Западного края настаивало на использовании «наступательных» методов обрусения региона, одним из которых должно было стать введение всеобщего обязательного обучения в церковно-приходских школах [24, с. 18]. Местные православные иерархи, вполне усвоившие «боевые методы» католических ксендзов, настаивали на всемерном расширении церковно-приходского обучения, введении регламентирующих административных распоряжений, побуждавших местное население отдавать детей в православные школы, увеличении их финансирования, а также на открытии в Вильно православной Духовной академии, которая позволила бы поднять образовательный уровень православных священников до уровня католических ксендзов [24, с. 19–20, 27–28]. Наиболее радикально настроенные православные священники отстаивали идею полной передачи народного образования в руки церковно-приходских школ [12, с. 235].

Особое внимание уделялось увеличению численности учащихся в них лиц неправославного вероисповедания, что трактовалось как явный успех политики деполонизации и признак «преодоления предвзятой обособленности католического населения» [33]. По настоянию местного церковного руководства, поддерживаемого на высшем уровне К.П. Победоносцевым, в конце XIX века в регионах с преобладанием неправославного населения численность церковно-приходских школ росла более быстрыми темпами, нежели школ, находившихся в ведомстве Министерства народного просвещения. Так, в Виленском учебном округе с 1894 по 1901 год было открыто 592 церковно-приходские школы, в то время как министерских школ было учреждено более чем в два раза меньше – всего 269 [18, с. 5].

Первоначальный рост численности неправославного населения, обучавшегося в православных школах, который должен был стать наглядной демонстрацией успехов деполонизации, может быть объяснен отнюдь не благотворным значением приходской школы в деле распространения общерусской культуры, а естественной тягой местного литовского и белорусского населения к грамотности в условиях отсутствия иных источников получения начального образования. Однако довольно низкий уровень преподавания в церковно-приходских школах, где обучение активно дополнялось миссионерской проповедью, а также усилия католического духовенства, призывавшего население к отказу от посещения православных начальных школ, привело к сокращению численности учащихся в них. Одновременно с этим началось массовое распространение нелегального обучения, с которым имперские власти вели безуспешную борьбу. Особенно большого размаха тайное образование достигло на землях, населенных литовцами, где массово стали возникать так называемые даракторные (от искаженного слова «директор») нелегальные школы. В результате этого в конце XIX века среди всех европейских областей Российской империи этнические литовские территории выделялись одним из наиболее низких показателей посещаемости официальных начальных училищ детьми школьного возраста, но при этом уровень грамотности здесь был весьма высоким – почти половина литовцев умела читать и писать, хотя лишь пятая часть из них умели делать это по-русски [26, с. 130].

Официальные власти всячески преследовали деятельность нелегальных школ, опасность которых состояла в том, что они были не только «орудием распространения польской грамоты и учений римского католицизма среди православных», но и проводником «антиправительственных взглядов и учений» [34]. Для повышения эффективности борьбы с нелегальным обучением Виленская администрация разработала «Временные правила», позволявшие преследовать его участников и организаторов во внесудебном порядке, утвержденные в 1892 году Александром III. За открытие тайных школ, снабжение их литературой и преподавание следовал штраф 300 рублей или трехмесячное тюремное заключение. Взысканию подвергались даже лица, которые, имея право на преподавание, осуществляли его без соответствующего дозволения властей в частном порядке для детей нескольких семейств [20, с. 224]. Несмотря на постоянно возраставшее недовольство подобными репрессивно-ограничительными мерами, затрагивавшими деятельность не только польских, но и литовских, еврейских, а порой и русских частных школ, открываемых не в надлежащем порядке и казавшихся вредными и излишними даже многим региональным чиновникам, считавшим их причиной роста социальной напряженности и антиправительственных настроений среди местного населения [34, л. 38]. «Временные правила» 1892 года были упразднены только в период Первой русской революции в 1906 году [28, р. 51].

Усилия имперских властей по расширению сети церковно-приходских школ, а также репрессивная политика в отношении национального образования вели к росту недовольства среди польского, литовского и отчасти белорусского населения края и активному сопротивлению политике «церковно-приходского обрусения» со стороны католического духовенства.

Межконфессиональная напряженность в Северо-Западном крае резко обострилась после выхода циркуляра Виленского католического епископа С. Зверовича 12 февраля 1902 года, в котором всему римско-католическому духовенству предписывалось всеми возможными способами противодействовать посещению православных церковно-приходских школ детьми католиков. Епископ указывал на то, что данные школы являются не образовательными, а «чисто религиозными» учреждениями, в которых осуществляется не обучение детей, а православная агитация. Зверович писал в своем циркуляре: «Церковно-приходские школы и школы грамоты, заведенные православным духовенством там, где, пожалуй, нет ни одной православной семьи, либо угрожают, либо сбыточными и несбыточ-

ными обещаниями принуждают и заманивают к себе католических детей, глумятся над их католическим вероисповеданием и в не знающих начальных истин своей веры мальчиков и девочек впаивают начала и правила православия» [25, с. 468]. В связи с этим епископ открыто призывал католиков отказаться от посещения православных школ, а католическому духовенству предписывал не давать на исповеди отпущения грехов как детям, обучающимся в этих школах, так и родителям и опекунам, посылающим их туда [25, с. 469].

Влияние циркуляра Зверовича, поддержанного подавляющим большинством католического духовенства, на местное население было огромным. Начался массовый отток учащихся-католиков из церковно-приходских школ. Так, например, после выхода циркуляра, из 497 католиков, учившихся в церковно-приходских школах Белостокского уезда, осталось только 19 [4, с. 95]. Многие церковно-приходские школы Гродненской и Виленской губерний были вообще закрыты из-за полного выбытия учащихся. Отчеты местных властей повсеместно фиксировали тот факт, что католические семьи под влиянием проповедей ксендзов и страха перед угрозой отказа отпущения грехов на исповеди предпочитали оставлять своих детей неграмотными, нежели посылать в церковно-приходские школы, посещение которых трактовалось как отступление от католической веры [35, л. 2 об.].

Отмечая рост антирусских и антиправославных настроений в крае, местные власти с горечью констатировали провал политики «церковно-приходского обрусения» региона, отмечая, что в местном населении «нет ни любви к России и ни малейшего желанья слиться с русской национальностью» [36, л. 2 об.]. При этом имперские власти осознавали, что данное обострение межконфессиональной ситуации в регионе было вызвано не столько «своеволием» католического епископа, сколько грубостью и непродуманностью действий по насильственному насаждению православия и ущемлению католической веры, которой придерживалась существенная часть населения края. Это осознание делало политику властей крайне непоследовательной. Если первоначально Зверович «за произвольное распоряжение, выходящее из пределов предоставленной ему законом власти и нарушающее права родителей и опекунов» был снят с должности Виленского епископа и отправлен в ссылку в Тверь, то уже спустя несколько месяцев он был возвращен оттуда и назначен сандомирским епископом [22, с. 73]. Отдавая это распоряжение, министр внутренних дел В.К. Плеве подчеркнул, что епископ «стал жертвой ошибочной политики местных властей, которые активно распространяли православие среди католиков» [27, с. 65]. 1 апреля 1902 года вышло новое «Положение о церковных школах ведомства Православного исповедания», в котором указывалось на то, что «церковные школы предназначаются для лиц православного исповедания», неправославные же дети могут приниматься в школы не иначе, чем по согласию их родителей или опекунов [21, с. 208].

Наиболее передовые и дальновидные представители имперской администрации осознавали необходимость отказа от использования православия в качестве инструмента деполонизации западных окраин, понимая, что любое наступление на сферу вероисповедания будет вызывать резкое недовольство и сопротивление местного неправославного населения и дестабилизировать ситуацию в регионе.

Данной позиции придерживался и князь П.Д. Святополк-Мирский, назначенный на пост Виленского генерал-губернаторства 15 сентября 1902 года.

Практически все современники оценивали князя как «кристально чистого, безукоризненно честного человека высоких принципов и редкой души» [3, с. 288], стремившегося к взаимодействию с общественными силами и выступавшего против исключительно административно-принудительных методов управления. Гродненский губернатор М.Н. Осоргин, работавший под руководством Святополк-Мирского в Северо-Западном крае, отмечал, что «у него преизбыточествовала порядочность совершенно рыцарская, соединенная с действительной сердечной добротой. Недаром его все любили и неизменно

уважали» [19, с. 576]. Возглавляя Пензенскую, а затем Екатеринославскую губернии, князь снискал себе реноме «либерального» губернатора. Его назначение на пост Виленского генерал-губернатора было во многом обусловлено необходимостью снятия той высокой степени социальной напряженности, которая имела место в крае в первые годы XX века. Святополк-Мирский видел залог успешной реализации целей государственной политики в сотрудничестве со здоровыми силами общества, учитывать и удовлетворять законные потребности которого он считал настоятельно необходимым для поддержания социального мира и стабильности. В приветственной речи, обращенной к представителям сословий Виленского генерал-губернаторства, новый глава края особо подчеркнул: «Трудясь на благо населения, справедливо, строго законно относясь ко всем проявлениям его жизни, внимательно и благожелательно прислушиваясь к истинным потребностям северо-западной Руси и твердо направляя разумную власть, мы дадим надежный залог к успешному разрешению русской государственной задачи» [11, с. 173].

Немаловажным фактором, способствовавшим установлению благожелательных отношений генерал-губернатора с элитой Северо-Западного края польского происхождения, было то, что Петр Дмитриевич принадлежал к древнему польско-западнорусскому княжескому роду [7, с. 214–216] и воспринимался местной шляхтой как «свой», что в условиях господствовавшего в польской среде предубеждения по отношению к представителям имперской администрации имело положительное значение.

Для деятельности Святополк-Мирского на посту Виленского генерал-губернатора характерен поиск новых моделей регулирования межэтнических отношений и управленческих практик, альтернативных сложившейся концепции бюрократического национализма, реализовывавшейся в начале XX века во многом инерционно, без учета существенно трансформировавшейся реальности. Жесткая и прямолинейная политика деполонизации, реализовывавшаяся с использованием преимущественно репрессивно-ограничительных мер, по его мнению, не могла дать положительного эффекта в реализации «русского дела» в Северо-Западном крае, сторонником которого князь, безусловно, являлся. Особенно болезненными были последствия данной политики в религиозно-просветительской сфере, где правительственные запреты затрагивали религиозные и нарождавшиеся у литовского и белорусского народов национальные чувства. Святополк-Мирский был сторонником политики веротерпимости, неоднократно подчеркивая, что любые репрессивные меры в религиозной сфере, не достигая поставленной цели, лишь усиливают антирусские и антиправославные настроения, давая в руки враждебных русскому делу клерикалов неоспоримые козыри [37].

Генерал-губернатор считал нецелесообразным преследование католического духовенства в целом, считая необходимым сотрудничество с его лояльными представителями. По его распоряжению начинают отменяться мелочные и раздражающие католическое население запреты и ограничения, касающиеся католического богослужения, функционирования костелов, деятельности ксендзов. Глава края не противодействовал инициативам местного населения по сбору средств на восстановление и расширение католических костелов и часовен, что существенно ограничивалось в предшествующий период. На смену идеологии конфронтации по замыслу князя должны были прийти мотивации прагматического характера, связанные с необходимостью «мягкой» аккультурации местного населения. Так, в частности, он считал несправедливым и дискриминационным факт отсутствия материального вознаграждения католических ксендзов, ведущих преподавательскую деятельность в народных школах, вследствие чего многие преподавательские места были вакантны или замещались православными священниками, у которых дети из католических семей не желали учиться Закону Божьему. В результате соответствующего запроса генерал-губернатора к министру народного просвещения в январе 1904 года католические

священники, преподававшие в народных школах, стали получать жалованье, что привело к ликвидации вакантных учительских мест [4, с. 99].

Святополк-Мирский разводил понятия «полонизм» и «католицизм», справедливо полагая, что принадлежность населения к последнему не ставит под сомнение его лояльность, в то время как попытки прямого или косвенного насаждения православия среди местного неправославного населения будут неизбежно вызывать сопротивление и усиление антирусских и антиправительственных настроений.

Безусловно, генерал-губернатор в силу самого характера своей должности не мог не поддерживать православную церковь края, значимую роль которой в реализации «русского дела» он признавал. Он неоднократно выступал с инициативой сооружения новых и реставрации древних православных храмов, многие из которых в силу скудного финансирования находились в чрезвычайно запущенном состоянии, признавая их высокое культурное значение для местного (особенно, белорусского) населения. Так, в частности, Святополк-Мирский во время своего доклада императору Николаю II ходатайствовал об ассигновании средств на реконструкцию Коложской церкви в Гродно – одной из древнейших и уникальных в архитектурно-художественном отношении православных святынь региона. Несмотря на то, что царь выразил намерение отпустить необходимые на реставрационные работы семьдесят тысяч рублей, средства эти так и не были получены [38].

Однако забота о православных храмах не мешала генерал-губернатору подвергать критике нетерпимость и «боевые» приемы ряда православных священников северо-западных губерний, а также указывать на недопустимость их вмешательства в сферу политического управления регионом. Данная позиция привела к конфликту между генерал-губернатором и архиепископом Литовским и Виленским Ювеналием [39, л. 17], священником «строного типа», властным администратором и сторонником широкого насаждения православия среди иноверцев путем расширения православных приходов и сети церковно-приходских школ [17, с. 334–338].

Поводом к конфликту стала статья «Смелость ксендзов», опубликованная в газете «Литовские епархиальные ведомости» летом 1903 года, в которой политика конфессионального примирения, проводимая Святополк-Мирским, была подвергнута резкой критике со стороны местного православного духовенства. После многочисленных примеров «послаблений» в пользу католического духовенства автор статьи патетически обращался к памяти генерал-губернатора М.Н. Муравьева: «Великий муж земли русской, верный слуга царский, истинно русский благородный человек, граф Михаил Николаевич Муравьев! Встань из гроба, встань и посмотри, так ли вершатся дела гениального ума твоего в Северо-Западном крае, во славу ли и в пользу ли отечества они направляются? Не сбиваемся ли мы с пути, твоим гением, твоей благородной душой проложенного?» [13, с. 222–223].

Эти обвинения сильно задели генерал-губернатора, не только осознававшего несправедливость высказываемых нападок, но и почувствовавшего ущемление своих властных полномочий. Несмотря на то, что позицию православной газеты, исходящую непосредственно от архиепископа Ювеналия, поддержал всесильный обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, Святополк-Мирскому в данном противостоянии удалось одержать победу. Редакторский состав газеты был смнен, новому редактору было сделано строгое внушение о недопустимости подобных высказываний в будущем [2, с. 176–177].

Столь же сдержанной позиции Святополк-Мирский придерживался и в отношении возможностей делонизации церковно-приходского обучения, на которое делали ставку местные православные иерархи. Генерал-губернатор настаивал на исключительно добровольном характере поступления детей неправославного вероисповедания в церковно-приходские школы, которые должны были предназначаться в первую очередь для православного на-

селения Северо-Западного края, а не использоваться для насаждения православной веры. Кроме этого он считал совершенно недопустимым подвергать взысканиям лиц римско-католического вероисповедания «за недружелюбное отношение к православной церковной школе как в видах справедливости, так равно в видах политического такта» [39, л. 23].

Обращаясь к местному православному духовенству, Святополк-Мирский указывал на необходимость предварительного согласования со светскими властями перевода министерских школ в духовное ведомство, что довольно часто происходило в предшествующий период, а также настоятельно рекомендовал открывать новые православные приходы с «возможной осторожностью, чтобы не возбудить недовольства в местном католическом населении». Особую осторожность надлежало соблюдать в вопросе об обязательствах местных жителей в отношении приходов и отчуждении имущества в его пользу, что нередко вызывало недовольство и протесты населения [40].

Необходимо отметить, что Святополк-Мирский вообще весьма скептически относился к возможностям православной церкви в образовательно-просветительском деле. Он открыто указывал на то, что «церковную школу следует признать ниже министерской», поскольку ведомство православного вероисповедания в погоне за количественным ростом, уделяло крайне мало внимания качественному совершенствованию образования в церковно-приходских школах. Главным инструментом приобщения местного населения к русской культуре и политической традиции, по мнению генерал-губернатора, должна была стать гражданская школа, противодействие поступлению в которую не имело религиозно-этических оправданий и должно было пресекаться со всей строгостью, как противодействие «правительственной системе» [39, л. 23 об.].

Для нормализации ситуации в сфере начального народного образования в Северо-Западном крае Святополк-Мирский предлагал разрешать вопросы об открытии того или иного типа школ в особых коллегиальных органах, заседавших под председательством губернаторов и включавших в себя представителей заинтересованных ведомств, губернских и уездных предводителей дворянства, а также земских начальников. При возникновении разногласий, окончательное решение должно быть предоставлено генерал-губернатору [41].

Многочисленные распоряжения в отношении начальных образовательных учреждений, компромиссная, примирительная позиция, занятая генерал-губернатором в профессиональном вопросе, утверждение приоритета правительственной власти в его лице при разрешении спорных моментов позволили несколько снизить накал страстей, внеся в данный вопрос «значительное спокойствие и обеспечить его правомерное развитие». С 1904 года расширение сети церковно-приходских школ в Северо-Западном регионе продолжалось только в губерниях с преимущественно белорусским населением – Витебской, Минской и Могилевской, в то время как в Виленской, Ковенской и Гродненской губерниях росла численность исключительно начальных школ Министерства народного просвещения [22, с. 74].

Святополк-Мирского можно отнести к складывавшейся в конце XIX – начале XX века группе имперских государственных деятелей, которые, не отрицая необходимости продолжения политики деполонизации и обрусения западных и северо-западных окраин империи, тем не менее стремились продемонстрировать на практике более высокую эффективность смягчения правительственной политики, особенно в религиозной, образовательной и языковой сферах, отказа от грубых репрессивно-запретительных мер, установления компромисса с местной элитой.

За довольно короткий срок пребывания в должности Виленского генерал-губернатора (менее двух лет) Святополк-Мирский сумел не только разобраться в сложном комплексе местных проблем и выработать собственную компромиссную концепцию управления

краем, учитывая и интересы имперского центра, и потребности местных жителей, но и снискать себе любовь и доверие последних, что, учитывая специфический состав населения региона, было весьма непросто. Благодаря его инициативам и твердой позиции многие наиболее ограничительные и репрессивные меры в области вероисповедания и народного образования были отменены, а религиозно-идеологическая обстановка в крае существенно нормализовалась. Начавшаяся вскоре революция приведет к дополнительным уступкам со стороны имперских властей и снятию многих ограничительных мер в области народного просвещения и вероисповедания.

К началу XX века стало очевидно, что концепция «церковно-приходского обрусения» Северо-Западного края, на которую делали ставку православные иерархи и многие правительственные чиновники, в целом потерпела неудачу. Рост социальной напряженности в регионе вынудил отказаться от использования церковно-приходских школ и православия вообще в качестве инструментов политики обрусения. От наступательных планов по «обрусению» региона имперская администрация была вынуждена переходить к политике взаимодействия с новыми национальными идентичностями, сформировавшимися в крае, защищая их от польского влияния и оберегая местное православное население от распространения католицизма.

Литература

1. *Батюшков П.Н.* Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб.: Типогр. т-ва «Общественная польза», 1890. 376 с. (182 примеч.)
2. *Бендин А.Ю.* Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). Минск: Белорусский государственный университет, 2010. 439 с.
3. *Витте С.Ю.* Воспоминания. Царствование Николая II. Берлин: Слово, 1922. Т. 1. 571 с.
4. *Ганчар А.И.* Римско-католическая церковь в Беларуси (вт. пол. XIX – нач. XX вв.). Гродно: ГГАУ, 2010. 510 с.
5. Докладная записка Виленского генерал-губернатора г. министру внутренних дел о предстоящих дворянских выборах в Минске и предполагаемом ходатайстве дворян о присоединении Минской губернии к Царству Польскому // Архивные материалы муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 1. Вильно: Губернская типогр., 1913. (Виленский временник. Кн. VI). С. 433–436.
6. *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.
7. *Думин С.В., Гребельский П.Х.* Князя Святополк-Мирские и дворяне Мирские // Дворянские роды Российской империи. Т. 2. М.: Ликоинвест, 1995. 264 с.
8. *Катков М.Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1864. М.: Изд-е С.П. Катковой, 1897. 841 с.
9. *Катков М.Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1865. М.: Изд-во С.П. Катковой, 1897. 841 с.
10. *Катков М.Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1882. М.: Изд-е С.П. Катковой, 1898. 691 с.
11. Князь Петр Дмитриевич Святополк-Мирский, Виленский, Ковенский и Гродненский генерал-губернатор // Виленский календарь. Вильна, 1903. С. 167–176.
12. *Корнилов И.* Русское дело в Северо-Западном крае: Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в муравьевскую эпоху. СПб.: Типогр. А.П. Лопухина, 1901. 420 с.
13. Литовские епархиальные ведомости. 1903. № 28–29.
14. *Миллер А.* Империя Романовых и национализм. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.
15. *Муравьев М.Н.* Записка о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края // Старина и новизна: Исторический сборник. Кн. II. СПб.: Типогр. М. Стасюлевича. 1898. С. 300–312.
16. *Муравьев М.Н.* Записка о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края 14 мая 1864 года // Русский Архив. 1885. № 6. С. 186–197.
17. *Новинский В.* Очерк истории православия в Литве. Вильнюс: Православное братство Литвы, 2005. 562 с.
18. Однодневная перепись начальных школ в Империи, произведенная 18 января 1911 года. Вып. VIII. СПб.: Типогр. «Экономия», 1914. 244 с.
19. *Осоргин М.Н.* Воспоминания. М.: Российский архив, 2009. 850 с.
20. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье: в 33 т.: 1881–1913 гг. Т. 12. СПб.: Типогр. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1895. Ч. 1. № 8486.

21. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье: в 33 т.: 1881–1913 г. Т. 22. СПб.: Типогр. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1904. № 21290.
 22. *Табунюв В.В.* Взаимоотношения римско-католического духовенства и церковно-приходских школ на белорусских землях в начале XX столетия // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна*. 2007. № 1. С. 71–75.
 23. *Тихомиров Л.А.* Русское дело и обрусение / Л.А. Тихомиров // *Критика демократии*. М.: Москва, 1997.
 24. *Фудель И.* Наше дело в Северо-Западном крае. М.: Университетская типогр., 1893. 39 с.
 25. Циркуляр № 509 Виленского римско-католического епископа С. Зверовича от 12 февраля 1902 г. // *Ганчар А.И.* Римско-католическая церковь в Беларуси (вт. пол. XIX – нач. XX вв.). Гродно: ГГАУ, 2010. 510 с.
 26. *Эйдинтас А., Бумблаускас А., Кулакаускас А., Тамошайтис М.* История Литвы. Вильнюс: Eugrimas. 2013. 318 с.
 27. *Смалянчук А.Ф.* Палякі Беларусі і Літвы ў рэвалюцыі 1905–1907 гг. Гародня: Ратуша, 2000. 204 с.
 28. *Rodkiewicz W.* Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905). Lublin: Scientific Society of Lublin, 1998. 257 p.
 29. *Weeks T.* Russification and the Lithuanians 1863 – 1905 // *Slavic Review*. 2001. Vol. 60. № 1.
- Архивные материалы*
30. *Заблоцкий-Дестовский А.П.* Записка..., февраль 1862 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 647. Оп. 1. Д. 58. Л. 1–23.
 31. Распоряжение об употреблении русского языка при дополнительном богослужении в римско-католических церквях России и Царства Польского // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 125. Д. 277. Л. 138 об.
 32. *Муравьев М.Н.* Циркуляр начальникам губерний Виленской, Гродненской, Ковенской, Могилевской, Минской и Витебской о запрещении преподавания в сельских школах на польском языке, 1 января 1864 г. // ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 50. Л. 2 об.
 33. Отчет о состоянии Гродненской губернии за 1896 г. // РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 240. Л. 51.
 34. Отношение министра народного просвещения Зенгера Управляющему делами Комитета Министров от 13 января 1904 г. // РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 82. Л. 42–42 об.
 35. Политический обзор по Виленской губернии за 1902 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 101. 3-е делопроизводство. 1903 г. 1 ч. 41 л. А.
 36. Политический обзор по Гродненской губернии за 1902 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 101. 3-е делопроизводство. 1903 г. 1 ч. 63 л. А.
 37. Всеподданнейший отчет Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора за 1902–1903 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 352. Л. 16, 17 об.
 38. Отношение директора департамента Государственного казначейства к директору общей канцелярии Министерства финансов А.И. Путилову относительно Всеподданнейшего отчета Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора за 1902–1903 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 352. Л. 61 об.
 39. Всеподданнейший отчет Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора за 1902–1903 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 352.
 40. Письмо попечителя Виленского учебного округа А. Попова епископу Гродненскому и Брестскому Иоакиму 15 января 1903 г. // ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 1802. Л. 1 об.
 41. Общеполитические вопросы в отношении западных губерний // РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 84 б. Л. 15, 20–22.

Аннотация. Национальный вопрос был одной из наиболее сложных проблем, с которыми столкнулась Российская империя на рубеже XIX–XX веков. Политика деполонизации, активно проводившаяся имперскими властями на северо-западных окраинах страны преимущественно административно-полицейскими методами, не приносила ощутимых положительных результатов, вызывая недовольство и сопротивление местного населения, что грозило дестабилизацией ситуации в регионе. Особенно болезненно местным польским, литовским и в некоторой части белорусским населением воспринимались ограничения в религиозной сфере и попытки насильственного насаждения православия в крае посредством расширения сети церковно-приходских школ, против чего активно выступала местная католическая церковь.

В статье рассматривается трансформация имперской политики в просветительско-образовательной сфере Северо-Западного края в период пребывания на посту Виленского губернатора князя П.Д. Святополк-Мирского, придерживавшегося новой модели управления национальными окраинами, учитывавшей потребности и интересы местного населения. Генерал-губернатор считал необходимым отказаться от насильственного насаждения православия среди местного населения и использования церковно-приходской школы как инструмента политики обрусения, выступая за распространение государственного светского просвещения, свободу вероисповедания и использование национальных языков и письменности при обучении местного населения.

Ключевые слова: Российская империя, П.Д. Святополк-Мирский, Виленское генерал-губернаторство, Северо-Западный край, национальные окраины, деполонизация, обрусение, церковно-приходские школы, католицизм, православие.

Maxim N. Krot, PhD in History, Associate Professor, Scientific Researcher, Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University. E-mail: mnkrot@sfned.ru

“Approaching the Issues of Faith with Maximum Care...”: the Policy of North-West Region “Parish” Russification and the Vilna Governor-General Prince P.D. Sviatopolk-Mirsky*

Abstract. The nationalist issue was one of the most difficult problems faced by the Russian Empire at the turn of the 19th and 20th centuries. The policy of depolonization, actively pursued by the imperial authorities in the northwestern outskirts of the country, mainly by administrative and police methods, did not bring tangible positive results, causing discontent and resistance of the local population, which threatened to destabilize the situation in the region. Restrictions in the religious sphere and attempts to forcibly propagate Orthodoxy in the region by expanding the network of parish schools, which were actively opposed by the local Catholic Church, were especially painful for the local Polish, Lithuanian and Belarusian population.

The article examines the transformation of the imperial policy in the educational and enlightening spheres in the Northwestern Territory during the tenure of Prince P.D. Sviatopolk-Mirsky, who adhered to the new model of managing the national outskirts, taking into account the needs and interests of the local population. The Governor-General considered it necessary to abandon the forcible propagation of Orthodoxy among the local population and the use of the parish school as the instrument of Russification policy, advocating the spread of state secular education, freedom of religion and the use of national languages and writing in teaching the local population.

Keywords: Russian Empire, P.D. Sviatopolk-Mirsky, Vilna Governor General, North-West Region, National Borderlands, Depolonization, Russification, Parish Schools, Catholicism, Orthodoxy.

* The Publication was prepared in the context of realization of the project RNF 17-78-20117 “National outskirts in the policy of the Russian Empire and Russian public opinion”.

Мировоззрение митрополита Иосифа (Семашко) и его истоки

Митрополит Литовский и Виленский Иосиф (Семашко) (в миру Иосиф Иосифович Семашко, 1798–1868) является самым значимым церковным деятелем в конфессиональной истории Белоруссии XIX века. Плодом его трудов стало окончательное упразднение в 1839 году в западных губерниях Российской империи Брестской церковной унии и возвращение в последующие десятилетия к православию более 1,5 миллиона белорусов. Воссоединение белорусских униатов с православными остановило поглощение российской части унии польским католичеством, которое нарастающими темпами шло в первой трети XIX века, что кардинально изменило историческую судьбу всего белорусского народа. Большой масштаб и огромное значение деятельности митрополита Иосифа, получившего в православной историографии почетное наименование «архиерей-воссоединитель», были видны уже его современникам. В частности, граф М.Н. Муравьев отмечал, что успех подавления польского шляхетского восстания 1863–1864 годов во многом оказался обусловлен церковным служением и общественно-политической позицией Семашко [15, с. 631–632]. П.Д. Брянцев в своем исследовании истории белорусско-литовских и украинских земель приходит к выводу, что «почти столетия история Юго-Западной Руси и Литвы вращается около... личности» Иосифа Семашко [4, с. 621].

Заслуги митрополита Иосифа не могут быть оценены нейтрально. Для православных и патриотов России он является подвижником православия и патриотом России; для католиков и патриотов Польши он – предатель католичества и предатель польских интересов. В современной Республике Беларусь в политических оппозиционных кругах и в академической науке митрополит Иосиф (Семашко) считается злым гением белорусского народа, который способствовал «русификации» белорусов, и тем затормозил становление их национального самосознания, развитие белорусской национальной культуры и белорусского языка. Современные апологеты Брестской церковной унии называют ее упразднение в Российской империи преступлением русского самодержавия. Безусловным среди них считается, что митрополит Иосиф, посвятивший всю жизнь разрыву унии и преодолению ее последствий, не имел, да и не мог иметь глубоких обоснований для своих действий, кроме «официального» русского патриотизма и корыстных симпатий к «казенному» православию. Подобное упрощение естественно вытекает из политической позиции и религиозно-культурных вкусов носителей идеи белорусского национализма, но ведет их к недоумению, сформулированному профессором Гродненского государственного университета, доктором исторических наук С.В. Морозовой: «Ліквідацыя царквы яе ўласнымі епіскапамі [имеются в виду митрополит Иосиф (Семашко), а также его единомышленники – архиепископы Антоний (Зубко) и Василий (Лужинский), подписавшие Акт Полоцкого Собора 1839 года,

Протоиерей Александр Романчук, кандидат богословия, заведующий кафедрой церковной истории и церковно-практических дисциплин Минской духовной семинарии. E-mail: romanchuk_alex@mail.ru

на котором было объявлено о прекращении действия церковной унии в России – А.Р.] беспрээдэнтны выпадак у гісторыі рэлігіі і яшчэ адзін з парадоксаў уніяцтва» [14, с. 228]. Очевидно, что обнаружение этого «парадокса» связано с недостаточной изученностью мировоззрения митрополита Иосифа и путей его формирования. Приходится говорить, что без раскрытия этой темы апология современного Белорусского православия не может быть убедительной.

Итак, целью поначалу прелата, а после 1829 года – униатского епископа Иосифа (Семашко) – с ноября 1827 по февраль 1839 года была перемена конфессиональной принадлежности западнорусских униатов со всеми вытекающими догматическими, каноническими и литургическими трансформациями греко-католического церковного объединения. Семашко полагал, что привести к православию нужно всех униатов – как простых верующих, так и духовенство, исключив возможность перехода даже малой их части в латинский обряд [10, т. 1, с. 51–52]. Трудно представить, чтобы столь масштабная и щекотливая с религиозной и моральной точек зрения цель могла быть поставлена без глубокого осмысления проблемы. Оно включало в себя разные аспекты. Их выявление составляет немалую проблему, поскольку митрополит Иосиф был человеком действия, «не любил отвлеченностей» [10, т. 1, с. 25] и не оставил после себя богословских и вообще теоретических работ. Некоторое исключение составляет начатое в 1827 году «Сочинение о Православии Восточной Церкви» [10, т. 1, с. 308–387], которое в силу последующих событий преосвященный не закончил. Важно отметить: убеждения владыки были очень твердыми, они полностью сложились к 1827 году и в дальнейшем не изменялись. Между его высказываниями разных лет не прослеживаются признаки эволюции взглядов.

Прежде всего нужно обратить внимание на следующее. Во многих документах, составленных митрополитом Иосифом, датируемых разными годами, а также в его воспоминаниях содержатся многочисленные высказывания о том, что западнорусские униаты – это народ «русский по крови и по языку» [10, т. 1, с. 336]; «...русская кровь течет в сердцах, ныне России – матери своей – враждебных» [10, т. 1, с. 393]; «мы русские, дети бесчисленной русской семьи, потомки св. Владимира» [19, с. 44] и так далее. Сверх того, унию он называет Русской Церковью, «хотя и отложившейся от истинного учения» [10, т. 1, с. 30] из-за политических происков «бывшего польского правительства и общества иезуитов» [10, т. 1, с. 30]. Все эти выражения несут на себе дух времени и содержат соответствующую терминологию, но из них ретроспективно можно восстановить взгляды владыки, которые соотносятся с определенными научными подходами и концепциями.

Во-первых, вне всякого сомнения, у преосвященного Иосифа существовало прочное представление об этническом и духовно-культурном единстве белорусов, малороссов и великороссов. В православии он видел религиозный фундамент единого русского народа. Брестскую церковную унию, которая привела часть русского народа к отчуждению от соплеменных братьев, он считал помехой на пути к общерусской сплоченности. Такие взгляды соотносятся с хорошо известной концепцией «большого русского народа». Спецификой позиции архиерея-воссоединителя, намного опередившей время, было то, что он понимал русскую общность не в единообразии по великорусскому образцу, а в многообразии традиций и языковых форм народной жизни. Уже после Полоцкого Собора, в 1849 году, в письме графу Н.А. Протасову Семашко писал: «Да впрочем, пора бы, кажется, и порицателям воссоединенных напомнить, что они ставят себя в смешную позицию тех, которые осуждали бы победителя, приобретшего целую провинцию, потому единственно, что там носят не такие шапки и лапти, как в Смоленской губернии, и говорят другим языком или диалектом» [10, т. 2, с. 400].

Владыка в 1840–1860-х годах не обращал внимания на многочисленные высказывания тех, кто, не видя значительного внешнего сближения церковной жизни белорусов и великороссов после воссоединения, делал вывод о том, что упразднение унии оказалось ошибкой. Неизвестно ни одного его распоряжения духовенству каким-либо образом вмешиваться в белорусские народные традиции и обычаи, пусть даже они казались кому-то более похожими на польские. Он являлся деятельным сторонником распространения русской грамотности, поскольку литературного белорусского языка тогда просто не существовало, но в то же время поощрял духовенство поучать народ на местных белорусских живых диалектах. Его позиция нашла отражение в самоощущении и поведении подчиненного ему духовенства. Оно в результате занятой архиереем-воссоединителем позиции, соединившись с великорусским духовенством, тем не менее не потеряло собственное лицо и местный колорит. Это духовенство стало носителем идей западнорусизма, которые состояли в приверженности общерусскому единству при бережном отношении к особенностям культуры и исторически сложившимся церковным и народным традициям белорусов.

Во-вторых, архиерей-воссоединитель под наслоениями латинства и полонизма ясно видел в современных ему белорусских и украинских униатах, в приходском униатском духовенстве и даже в тех из них, кто перешел из унии в католичество латинского обряда, православное русское мироощущение. Униатство он рассматривал как тонкий налет на теле части Церкви Западной Руси, который заметно повлиял на иерархию и духовенство, но не изменил и не мог изменить глубинные пласты народного самосознания. Такое предположение дополнительно подтверждается его миссионерскими планами. Он разрабатывал их как во время, так и после воссоединения в отношении не только униатов в Польше, но и в отношении «костельных поляков» на белорусско-литовских территориях [10, т. 2, с. 23, 101]. Без представления о том, что духовное мироощущение народа невозможно изменить искусственной прививкой чужой культуры и иной духовности – а именно так митрополит Иосиф смотрел на католицизм и порожденную им Брестскую унию, – приступать к упразднению греко-католического церковного объединения и тем более строить подобные миссионерские планы было немыслимо. Здесь явно прослеживаются элементы классического цивилизационного подхода в постижении исторических процессов.

Проблема заключается в том, что концепция «большого русского народа» и цивилизационный взгляд на историю человечества сформировались значительно позже успешного завершения воссоединения униатов. Встает вопрос о генезисе концептуальных взглядов владыки Иосифа.

Русская этнография в начале XIX века в отношении западных окраин империи находилась в зачаточном состоянии, она еще не могла предоставить научную почву для серьезного размышления на эту тему [20, с. 39–42, 96–101]. Несколько далее в изучении присоединенных от Речи Посполитой территорий шагнули русская историческая наука и филология. Они в 1810–1820-х годах активно открывали древние памятники Белоруссии и Литвы, которые свидетельствовали о том, что население этих земель изначально входило в ареал распространения русской духовной и исторической жизни. Однако научные изыскания Карамзина, Арцыбашева, Востокова, Малиновского, Успенского и других русских ученых могли привести в 1820-х годах к выводам о династическом праве России на владение «западным краем», но совершенно не доказывали, что в тогдашнем этнокультурном и конфессиональном состоянии белорусские земли являлись более русской землей, чем польской провинцией. Известное мнение русского высшего общества тех лет о присоединенных от Польши территориях является лучшим тому подтверждением.

Впрочем, не ясно, был ли знаком митрополит Иосиф с исследованиями названных представителей русского научного сообщества. Материалы, подготовленные им к написанию «Сочинения о Православии Восточной Церкви», показывают, что он внимательно

изучал труды по истории России и церковному прошлому белорусских, украинских и литовских земель Константинова, Бантыш-Каменского, митрополита Киевского Евгения (Болховитинова), святителя Георгия (Конисского) [10, т. 1, с. 42, 343, 351, 379, 387]. Без ранее возникших религиозных и этнокультурных представлений этого было явно недостаточно для формирования взглядов, противных воззрениям носителей полонизма и находившегося во многом под влиянием польской культуры русского дворянства.

Действительно, известно, что расположение к России и православию сложились у Иосифа Семашко в детские и юношеские годы. Эти взгляды прошли испытание католическим образованием, польским воспитанием, воззрениями и настроением окружавшего его общества. Поэтому работы русских историков и церковных деятелей могли предоставить научный материал, но не выработать, а лишь укрепить его уже сформировавшиеся убеждения.

Можно предположить, что концепция «большого русского народа», как говорится, «носилась в воздухе», являясь отражением идеи «православие, самодержавие, народность». Эта идея требовала четкого определения границ действия. Указ 9 октября 1827 года, направленный против латинизации и полонизации унии в границах России, свидетельствует о том, что униатское население западных губерний некоторая часть правящих кругов России рассматривала как русское. Но молодой униатский священник Иосиф Семашко в Петербурге вел уединенный образ жизни, не был вхож в общество представителей русской научной и политической элиты, где мог услышать такие мысли. Он тесно соприкоснулся с инициаторами и авторами названного указа – Карташевским, Шишковым, Блудовым – лишь после его опубликования. Но к тому времени он уже имел вполне оформившееся представление о том, что белорусы и малороссы, исповедующие католичество в его униатской форме, – это те же русские, что видно из «Сочинения о Православии Восточной Церкви». Идея русской народности, лежавшая в основании указа 9 октября 1827 года, нашла в Семашко живой отклик, потому что уже была его собственным убеждением.

Из сказанного можно сделать вывод, что в основе этнокультурных взглядов Литовского митрополита лежал в большой степени личный опыт и его самостоятельное критическое осмысление проблемы, опирающееся на силу характера, способного противостоять стереотипным взглядам общества. Митрополит Иосиф считал неважными, вполне допустимыми те языковые и относящиеся к народным традициям специфические черты белорусов, малороссов и великороссов, которыми они различались. Их он рассматривал как естественное следствие длительного политического разделения и не слишком успешного чуждого влияния, которые незначительны и ничего не меняют. Поэтому он не видел необходимости стремиться к единообразию. То, что объединяло народ, – мироощущение, выросшее из единого духовного и культурного корня, – было, по его мнению, значительно важнее и сильнее небольших различий.

В свою очередь убеждение владыки, что Брестская церковная уния за время своего двухвекового действия так и не сумела переродить белорусов и украинцев в настоящих католиков, для его современников являлось новым. Неизвестно, чтобы в те годы кто-либо об этом задумывался. Положение осложнялось тем, что в Российской империи «вероисповедание рассматривалось в качестве главного отличительного признака наций, этносов и этнических групп» [3, с. 97]. Согласно такому подходу, белорусско-украинские униаты должны были относиться к полякам, независимо от их реальной этнической принадлежности. Многие так и полагали. Для них оказывалось удивительным, что белорусские крестьяне-униаты во всех отношениях ближе к России, чем к Польше. Поэтому в 1820-х годах для вывода о бесплодности унии в вероисповедном отношении, а также в отношении этнической самоидентификации народа митрополит Иосиф не мог найти никакого теоретического обоснования. Это было плодом усвоения им личного опыта.

Таким образом, представления, на которых архиерей-воссоединитель строил проект разрыва Брестской унии в России, не были сформированы наукой тех лет. Они сложились у него под действием индивидуальных впечатлений, независимого анализа и интуиции. Концепция «большого русского народа», убеждение в непродуктивности и вредности прививки народу иной религии и культуры, имеющее явный цивилизационный оттенок в духе теории историко-культурных типов Н. Данилевского, выступившего с ней только в 1869 году, опережали свое время. С позиций современных научных достижений, особенно сделанных на постсоветском пространстве, можно говорить, что эти теории не вполне адекватно отражают суть исторических процессов. Однако положенные в основание воссоединения униатов, они в конечном счете привели к успеху. При полной или существенной несостоятельности этого концептуального фундамента упразднение греко-католичества в Российской империи, невзирая на любые ухищрения, должно было стать провальной авантюрой.

Внимания заслуживают культурные представления митрополита Иосифа. Он как глубоко верующий христианин был провиденционалистом и полагал, что религия лежит в основе нравственной жизни народа, является смыслообразующим фундаментом его культуры [10, т. 1, с. 308]. Как следует из «Сочинения о Православии Восточной Церкви» и записки «О положении в России Униатской Церкви и средствах возратить оную на лоно Церкви Православной», написанных в 1827 году, в Брестской церковной унии он не видел самостоятельный религиозно-культурный феномен. Он рассматривал ее как метод экспансии католичества и полонизма на русские земли [10, т. 1, с. 335, 388–389, 391]. В силу этого обстоятельства Брестская уния не могла, по мнению владыки, являться духовной основой для жизни восточных славян, поскольку Польшу он считал «самым губительным врагом Православия Греко-Российской Церкви...» [10, т. 1, с. 326]. В 1861 году, когда в Вильно проходили открытые революционные манифестации, Литовский архиерей выразил свои убеждения самым определенным образом. Тогда он обратился к духовенству с воззванием: «Нам указывают на Польшу! Но какое нам дело до Польши? ...Нам указывают на униатскую веру! Как бы была, или могла быть униатская вера!? Как бы Уния не была лишь коварной приманкой для отклонения отцов наших от России и от истинно-Православной Восточной Церкви!? Как бы эта несчастная Уния не была орудием тяжких терзаний и гонений, которые испытали предки наши в течении трехсот лет...» [19, с. 45].

При поверхностном взгляде из этих слов можно сделать упрощенный вывод о неприязненном отношении митрополита к католичеству и полонизму. Однако это не так. Владыка Иосиф не был непримиримым врагом Католической Церкви и полонофобом, что убедительно показал Г.Я. Киприанович [12, с. 506–507]¹. Владыка был только последовательным антиуниатом.

Причина такой позиции открывается в написанном им в 1834 году проекте статьи «По поводу философических писем», напечатанных в «Московском Телескопе», против России и Церкви». Здесь этот нетвердо владеющий русским языком в повседневном общении молодой униатский епископ писал: «...он [автор рецензируемой статьи П. Чаадаев – А.Р.] описал... нас, русских, самым удивительным образом. Они де, варвары, не имеют ни про-

¹ Помимо этого, в «Минских епархиальных ведомостях» за 1884 год содержится следующий рассказ М. Кояловича. Когда в Вильно в 1841 году умер католический епископ Бенедикт Клонгевич, бывший профессор Семашко по Виленской Главной католической семинарии, архиепископ Иосиф пожелал воздать последнее лобзание своему бывшему учителю. Он зашел в латинский костел, простился и, говорят, даже благословил тело Клонгевича. Поляки-латиняне были поражены этим уважением к ревностному католическому архипастырю, который к тому же, неоднократно демонстрировал воссоединенному духовенству свое презрение [26, с. 503]. Таким образом, у митрополита Иосифа не было никакого внутреннего предубеждения, нехристианской нелюбви ни к полякам, ни к латинскому духовенству.

свещения, ни религии, ни правительства; они не имеют народного характера, собственных обычаев, даже семейной жизни; они даже неспособны к образованию – чудо, да и только! Чего этот г. философ о нас не написал! А мы, бедные православные, в простоте своего сердца думали до сих пор, что сделали удивительные успехи по всем частям образованности; мы гордились своею твердою народностью, своим правительством; мы убеждены были, что православная вера горит в сердце каждого русского и более всего поддерживает наше мощное политическое тело; мы считали себя великаном, на которого все народы глядят с удивлением и завистью, с упованием или со страхом. А добрые наши цари, пожившие столько трудов, столько попечений, чтобы нас просветить, возвеличить, и не знали, что, после вековых усилий, мы будем на низшей степени, нежели наши лопари, наши самоеды!» [10, т. 1, с. 681].

Из этого текста следует, что западное христианство и культуру не только Польши, но и вообще Запада архиерей-воссоединитель не рассматривал стоящими выше православия и самобытной русской культуры во всех ее важнейших отраслях. Россию, выросшую на почве восточного православного христианства, он видел самодостаточным мощным центром силы, играющим в судьбе народов Европы важную роль. Это во многом был кабинетный книжный идеалистический взгляд, не подкрепленный знанием реалий всех сторон жизни русского народа, уровня его социального развития. Иначе и быть не могло. За исключением короткой поездки из Луцка в Петербург в 1822 году, будущий митрополит в то время не путешествовал по внутренним губерниям России. Только начиная с 1822 года он сумел получить в столице империи доступ к русской богословской, научной и художественной литературе. В силу занятости службой, любви к уединению, слабого знания русского языка, он до 1827 года не входил в тесный контакт с представителями российской власти и деятелями русской культуры. Однако только при таком религиозно-культурном видении, не оставлявшем места для необходимости просвещения России «светом Запада», можно было действовать против Брестской церковной унии.

Уместен вопрос о происхождении культурных убеждений митрополита Иосифа. На первый взгляд, все очень просто: он был русским патриотом, что явилось следствием ранних переживаний, определивших вектор его симпатий. Это отмечают все биографы митрополита, и с этим нужно согласиться. Вместе с тем многое свидетельствует о том, что высокопреосвященный интеллектуально и культурно стоял на западной почве. Прежде всего нельзя забывать: воспитание и высшее богословское образование будущий православный иерарх получил в католическом закрытом учебном заведении. Это позволило ему глубоко изнутри познакомиться с западной культурой, богословием и философией, изучением которых владыка Иосиф потом продолжал заниматься всю жизнь.

Интересен список сочинений, входивших в круг его постоянного чтения. В личной библиотеке, которую он начал собирать еще в годы учебы в Виленском университете, находились книги Руссо, Вольтера, Бентама, Бэкона, Декарта, Локка, Монтескье, Бюффона, Байрона, Вальтер-Скотта, Шекспира, Расина, Гюго, Гольдсмита, Канта и др. Помимо этого он читал произведения древних классиков: Сенеки, Демосфена, Тита Ливия и др. В книжном собрании архиерея-воссоединителя содержались также католические богословские и общие энциклопедические словари и прочее. Остается сказать, что многие указанные книги были на французском языке, которым митрополит владел наряду с латынью и, естественно, польским [12, с. 514]. Кроме того, в своих воспоминаниях высокопреосвященный пишет, что в юные годы он с увлечением читал историческую (история Англии, Греции, Рима и других) и художественную литературу на польском языке, а также делал из этих книг многочисленные выписки, собирая их в особые тетради [10, т. 1, с. 5, 10]. К этому надо добавить, что при написании «Сочинения о Православии Восточной Церкви» митрополит Иосиф использовал работы западных историков: Флери, Стебельского, Миллота

[10, т. 1, с. 357]. Можно заключить, что к представлению о высоте и самодостаточности русской культуры он пришел, интеллектуально и культурно находясь внутри западной культуры.

Более того, многие качества его личности открывают в нем черты скорее западного человека – например, пунктуальность, аккуратность и скрупулезность в делах, целеустремленность, последовательность, неподверженность сиюминутным настроениям, вера в действенность долгосрочного планирования, тщательная разработка методов деятельности, забота о сохранении у потомков памяти о содеянном и т.д. В особенности владыку Иосифа как человека западной энергии и католической школы характеризуют его миссионерские планы. Недаром они вызвали недоумение российских православных государственных мужей и не были реализованы [10, т. 2, с. 56–57; т. 1, с. 100].

В связи со сказанным представляет интерес еще одно наблюдение. Врожденный русский патриотизм вкупе с западным просвещением и воспитанием привели митрополита Иосифа к глубокому убеждению, что русский историко-культурный мир самоценен и русские должны хранить его своеобразие как залог своего выживания. Попытки русского высшего общества перенимать европейские ценности, если таковые были связаны с порицанием или отказом от своего собственного наследия, он считал бесплодными и вредными. Он хорошо знал истинное неизменное отношение европейцев к русским как к варварам. Поэтому в русских, стремившихся соответствовать западным вкусам, высокопреосвященный видел или глупцов, или предателей, которые никогда не добьются своей цели – быть признанными равными европейцам самими европейцами. Наиболее ясно свою позицию в этом вопросе владыка выразил в проповеди на день Торжества Православия, произнесенную им в 1848 году. Архиерей-воссоединитель говорил: «Если человек падает по слабости природы, вы это понимаете, православные. Если им руководствует легкомыслие, это не необыкновенно. Если он увлечен корыстью, и это вас не удивит. Но что скажете вы о тех, которые в пренебрежении религиозных обязанностей, в поношении своей Церкви и своего Отечества ищут похвалы от иностранцев, от иноверцев? Несчастные слепцы! Получая от них двусмысленную улыбку, думают, что это улыбка одобрения: нет, это улыбка презрения, презрения!» [10, т. 2, с. 761].

Таким образом, архиерей-воссоединитель, несомненно, был патриотом России, искренним и верным чадом Православной Церкви, но одновременно человеком европейского просвещения и культуры. В его личности соединялись черты русского народного и западного менталитета. Он считал самобытную русскую культуру равной культуре Запада и, более того, полагал, что культура России играет в судьбе европейских народов значительную роль. Брестской церковной унии как средневековой попытке католичества и Польши усилиться за счет Православной Церкви и части русского народа в таком мировидении достойного места не было. Поэтому порожденный ею пласт религиозной культуры – в той ее части, в которой синкретически соединялись восточные и западные черты, высокопреосвященный рассматривал как тупиковое ответвление в истории культуры русского славянства. Примечательно, что мысли, созвучные взглядам митрополита Иосифа, в наши дни высказывают некоторые западные ученые. Его деятельность оценивается как благо и «конец лживой европеизации». Сам митрополит называется «главным обновителем православной, и в этом смысле действительно европейской, Беларуси» [7, с. 115].

Особенно интересны экклезиологические представления митрополита Иосифа. Дело в том, что, согласно православному вероучению, прием в Православную Церковь новых членов возможен только на основании недвусмысленно выраженного желания самих людей. Для Православной Церкви и российского правительства в начале XIX века униатское церковное объединение представляло собой часть Католической Церкви. К униатам относились как к полноправным католикам. В идеале они должны были при-

ниматься в православие по третьему чину [22, с. XXXIII], то есть отречением от прежнего заблуждения, раскаянием в личных грехах, исповеданием православного Символа Веры, особых молитвословий и епископского разрешения от грехов [5, с. 76]. В отношении белорусских и украинских униатов такую процедуру можно было осуществить при частном присоединении (с одним человеком или с группой людей), но не в целом с полуторамиллионным церковным объединением, находившимся под очень сильным влиянием латинства и полонизма.

Легитимный с точки зрения православной экклезиологии путь общего воссоединения греко-католиков с православием мог заключаться в том, чтобы униатская церковь сама в лице иерархии, духовенства и представителей мирян соборно вынесла решение о своем возвращении к православной вере и просила Русскую Православную Церковь о каноническом подчинении и евхаристическом общении. Этот путь в реалиях жизни русского греко-католичества первой трети XIX века был неосуществим. Поэтому можно говорить, что в сложившихся исторических обстоятельствах и в границах православного вероучения упразднить Брестскую унию общим воссоединением униатов с православными было невозможно. Действовать силовым способом, уподобляясь властям Речи Посполитой, правительства императоров Павла I, Александра I и Николая I не могли и очень хорошо это понимали. В речи, произнесенной по случаю 25-летнего юбилея царствования императора Николая Павловича, святитель Филарет Московский, посвященный во многие государственные секреты, а следовательно, с твердым знанием дела, говорил: «Правительство русское поступало с ними [то есть униатами – А.Р.] по правилам веротерпимости. Посему, сколько должно было желать, столько же мало можно было надеяться их воссоединения с православною церковью» [24, т. 5, с. 107–108].

Тем не менее общее возвращение униатов к православию было осуществлено, на что богословские убеждения митрополита Иосифа повлияли самым непосредственным образом. Взгляды высокопреосвященного ни в чем не противоречат православному учению о Церкви. В то же время в них можно выделить некоторые характерные особенности.

Во-первых, интересно представление митрополита о том, кто является субъектами жизни Христианской Церкви. Это не только отдельные люди, «общество человек» [23, с. 58], как богословствовали православные ученые той эпохи, но и целые народы. В разных документах он многократно использует выражения «христианский народ», «христианские народы». Это не может быть случайным, а свидетельствует о его понимании этноса, в полном составе принявшего христианскую религию, как члена Церкви на макроуровне.

Речь не идет о спасении родом. Спасение души Литовский митрополит полагал делом личным. «Избираем старательно общества для образования ума и сердца нашего, – пишет он, – неужели постыдно избрать вероисповедание, приводящее к добродетели и вечному спасению» [10, т. 1, с. 309]. Вместе с тем, в «Сочинении о Православии Восточной Церкви» митрополит рассуждает следующим образом: «Иисус Христос принес нам с неба одну спасительную, одну чистую и истинную веру – един Бог, едина вера, едино крещение: сказал апостол Павел. Сия вера одна ведет истинным путем к добродетели и вечному блаженству» [10, т. 1, с. 309]. Здесь и в более широком отрывке этого текста владыка не употребляет понятие «Церковь». Но из данной цитаты очевидно следует его уверенность в том, что все исповедующие принесенную Спасителем одну чистую, истинную и спасительную веру, составляют «часть спасаемых», а следовательно, одну истинную и спасительную Церковь Христову.

Высокопреосвященный замечает далее, что чистая спасительная вера «не избегла губительного влияния слабости или злости человеческой» [10, т. 1, с. 309]. Степень искажения грехом веры, по мнению владыки, была неодинаковой у разных народов, что

обуславливалось их соперничеством друг с другом, а также особенностями исторических обстоятельств [10, т. 1, с. 322–323]. Такое этнически дифференцированное помрачение первоначального простого евангельского благовестия привело к появлению различных христианских вероисповеданий, или, что равнозначно, Церквей, внутри которых в большей или меньшей степени искажались морально-нравственные начала жизни. Естественно, что при этом граница между вероисповеданиями пролегает по границам народов. «Может быть, – писал молодой униатский прелат Иосиф Семашко, – не найдем двух христианских народов, коих бы религиозные, к нравственности относящиеся понятия были между собою сходны – что в одном есть священным, то в другом почитается преступным; что в одном признают за Богом откровенное, то в другом представляют как плод обмана и коварства; за что в одном обещают вечное спасение, то в другом презируют и гневу Божию подвергают» [10, т. 1, с. 309]. Он считает, что «разность религиозных понятий есть главнейшей причиною того расстояния, которое ныне в нравственном состоянии народов столь разительно всякому представляется» [10, т. 1, с. 308–309]. При этом Иосиф уверен: «...ежели во всякой вере можно быть честным человеком, то, по крайней мере, не всякая равно сему способствует» [10, т. 1, с. 309].

Это представление во многом неясно из-за того, что автор не оперирует обычными для учения о Церкви догматическими методами и категориями. Он слишком тесно увязывает вопросы нравственности и экклезиологии. В то же время такие воззрения нельзя определить, как противоречащие православному представлению.

Из выявления этого аспекта взглядов митрополита Иосифа становится понятным, почему он ставил вопрос об общем воссоединении униатов с православными. Униатскую церковь он считал естественной частью Церкви русского народа [10, т. 1, с. 28], отторгнутой силой исторических обстоятельств [10, т. 1, с. 388]. Соответственно, возвращение отпавшей части должно было осуществиться целиком. Оставить кого-либо в чужих руках при таком подходе означало религиозное предательство единокровных братьев. Именно исходя из таких соображений владыка говорил не о присоединении греко-католиков к православию, не о принятии ими православной веры, а о возвращении церковного объединения в полном составе к прежнему исповеданию, или воссоединению как преодолению навязанного внешней силой неестественного разделения.

Надо сказать, что подобное представление о греко-католичестве имели многие униатские духовные лица. На основании оставшихся от унии источников можно восстановить экклезиологическое самоощущение греко-католического духовенства в конце XVIII – первой трети XIX веков. Сообщество католиков восточного обряда в документах этого времени в большинстве случаев именуется по-разному, с догматической точки зрения, совершенно невнятно: уния, униатский, греко-униатский и даже римско-униатский [16, с. 547] обряд и т.д. Однако наряду с этим употреблялось и понятие «церковь». Например, архиепископ Ираклий (Лисовский) в 1796 году в письме Холмскому епископу Порфирию (Важинскому), говоря о бедствиях унии, называет ее «наша церковь» [1, с. 595]. Выражение «униатская церковь» достаточно часто встречается в документах и конфиденциальной переписке в конце 1820-х и в 1830-х годов.

Здесь нужно обратить внимание на следующее. Именование католиков восточного обряда «церковью» входило в противоречие с посттридентской католической экклезиологией, на основании которой унию с иерархией Киевской митрополии Константинопольского патриархата в декабре 1595 года заключала латинская сторона. Согласно посттридентскому представлению, Церковью могла называться только монолитная Вселенская Церковь, которая признавала непосредственную прямую власть Римского Папы над каждым епископом и верующим. Соответственно, в Апостольской столице на униатов смотрели как на католиков, которым по миссионерским соображениям предоставлено право практиковать восточный об-

ряд [6, с. 5–6]. Не более. Однако униаты сохраняли национальную иерархию, которая была параллельной иерархии латинского обряда. Сверх того, сами униаты с самого начала заключения Брестской унии не сомневались, а даже подчеркивали то, что, находясь в союзе с Римом, продолжают оставаться частью Русской Церкви, а также имеют свои особые интересы, состоявшие в сохранении византийского обряда и ограждении паствы от латинского прозелитизма. Как пишет В. Пери: «Брестская уния спонтанно понималась русинами, как Уния между их национальной Церковью, с ее традиционной иерархической структурой, и наследованным от предков литургическим обычаем, и Римской Церковью» [17, с. 19; 8]. Иначе говоря, церковная уния греко-католиками мыслилась как федеративный союз церквей, а не как растворение в общей массе Католической Церкви.

Преодолению противоречия между официальной католической экклезиологией и экклезиологическими взглядами униатов на переломе XVIII–XIX столетий мешала память греко-католиков о достаточно широкой автономии униатской церкви в первые десятилетия после Брестского собора. Помимо этого, польское латинское духовенство и католическое высшее общество на белорусских землях презрительно относились к униатам, всячески их притесняли, в результате чего униаты не переставали ощущать свое особое положение внутри католичества.

В итоге можно говорить о том, что этот аспект экклезиологических воззрений был широко распространен среди униатов, а не принадлежал только Иосифу Семашко. Его выявление объясняет, почему наиболее просвещенная и деятельная часть греко-католического духовенства помогала владыке Иосифу в реализации воссоединительного проекта.

Во-вторых, в свете воссоединительной деятельности важны взгляды преосвященного Иосифа на участие в церковной жизни лаиков – мирян. Он полагал, что в силу разных причин (недостаток образования, недостаток времени) немногие из пасомых способны на рассуждения и правильные выводы в области религии [10, т. 1, с. 309]. В народе прежде всего, действует сила религиозной привычки [11, с. 538]. Для него важны торжественность, щепетильное исполнение каких-либо малозначащих, с религиозной точки зрения, обрядов и прочее [12, с. 529]. Проявление народом церковной инициативы в форме создания церковных мирянских организаций – братств, – даже в целях защиты православия, он полагал ненужным, более того, вредным. В частности, по поводу инициированного правительственными кругами Российской империи возрождения братского движения, предпринятого в 1860-х годах, он высказывался в том духе, что братства в XVI веке не остановили наступление католичества. Они запятали себя связями с протестантами. В результате дух протестантизма «ввев над и на православный мыслящий элемент... отпечаток сего духа был и на деяниях братств» [11, с. 534]. «Из сего произошло разногласие между братствами и иерархическими православными властями, так что власти сии прибегли, наконец, к покрову римской иерархии. Поистине, столь восхваляемая борьба братств, скорее, повредила, нежели пособила Православию; скорее способствовала, нежели препятствовала успехам Унии» [11, с. 534]. Лаиков владыка рассматривал как объект воздействия канонически легитимной, то есть хранящей апостольское преемство, просвещенной иерархии. Именно такое представление позволило Семашко перевести проблему общего воссоединения униатов с православными из области смутных пожеланий в практическую плоскость.

В-третьих, деятельность архиерея-воссоединителя, направленную против союза с Римом, невозможно понять без учета его взгляда на Католическую Церковь и папство. В христианстве он видит одну Церковь, хранящую неповрежденную чистоту веры – православие, – а также различные вероисповедания или Церкви, которые выстраиваются в иерархическую структуру в зависимости от близости или удаленности их *Credo* и морали членов от первоначальной Истины и неповрежденной нравственности [10, т. 1, с. 309].

Главной причиной отпадения Римской Церкви от православия он считает институт папства, рожденного спецификой как исторического развития Запада, так и греховного стремления Римских первосвященников к власти и богатству [10, т. 1, с. 313–314, 315–316, 319–320, 630–631]. Главным негативным для Западной Церкви результатом папских амбиций стало ущемление исконных прав подчиненных папе архиереев [10, т. 1, с. 320, 631–632] и вмешательство в дела светских правительств, что в итоге привело к политической борьбе, падению роли христианства в жизни народов Запада и их нравственному развращению [10, т. 1, с. 624, 631]. «Соединение прав митрополичьих, патриарших, папских, а отчасти и царских» [10, т. 1, с. 516], присвоенных Римскими Первосвященниками, полагал митрополит Иосиф, неестественно для Церкви и вредно. В папизме он видел средневековую, основанную на лжи и корыстолюбии темную силу, интересы которой не совпадают с благом Церкви Запада. «Благо Церкви и пользы Рима не одно и то же, – писал он в 1832 году, – Римский двор никогда не забудет того благословенного времени, в которое за всякое отпущение грехов, за всякое разрешение от соблюдения Божиих или церковных заповедей, за всякое повышение или назначение, за всякую мелочь, – плыли в Рим наличные со всех концов мира. – Блаженное время, спасительная папская власть, где вы девались?» [10, т. 1, с. 631–632].

Литовский митрополит нигде не называет католичество ересью, ведущей в вечную погибель. В этом отношении он солидарен с мнением многих православных иерархов, например, святителя Филарета Московского [21]. Однако при таких взглядах Иосиф Семашко, конечно, не мог оставаться в недрах Римской Церкви. Одновременно он был убежден, что всему униатскому церковному объединению как естественной части тела Русской Церкви для более прямого пути ко спасению необходимо отказаться от подчинения Риму. «Видим вероисповедание, которое питаем, – писал он в 1827 году, – леньность вместо трудолюбия, гордость вместо смирения, строптивость вместо послушания, – которое ожесточает людей противу ближних, которое содержит народ в презрительном невежестве, которое разрывает узы, природою и верою освященные, которое ставит брата противу брата, гражданина противу гражданина – неужели поносно оставить оное?» [10, т. 1, с. 309].

В-четвертых, в тесном соединении со сказанным выше стоит мнение владыки Иосифа относительно участия в жизни Церкви государственных властей. Поскольку христианство состоит из отдельных народов или, что равнозначно, национальных Церквей, то значение национальных правительств в религиозной жизни народов, по его мнению, очень высоко. Правители не должны, и для них неприлично вмешиваться в вопросы вероучения [10, т. 1, с. 543]. Вместе с тем они лучше, чем епископы, и, в частности, Римские первосвященники, «могут знать истинные потребности своих народов, видеть вкравшиеся злоупотребления и надежные способы исправить оные...» [10, т. 1, с. 633].

Попечение власти о народной религии существовало еще в языческой древности. Для Церкви этот принцип не соблюдался во времена, когда римские власти преследовали христиан. «За обращением императоров к христианству, – писал прелат Иосиф, – и поспешным искоренением язычества, гражданские начальства вошли мало по малу в прежние свои права со значительным уменьшением епископской власти» [10, т. 1, с. 314]. Первоначально Римские папы вполне признавали над собой власть императоров, полагали для себя необходимым подчиняться. Только «со смертью Карла Великого, Папы начали уклоняться от должной императорам подчиненности» [10, т. 1, с. 319].

Таким образом, высокопреосвященный решительно отвергал папоцезаризм. Одновременно он полагал, что религия – это дело не глубоко личное, как навязано современному обществу либеральной идеологией в наши дни, а дело по преимуществу общественное. Церковь, помимо своей главной задачи спасения людей, должна служить интересам государства, воспитывая его граждан в духе законопослушания и патриотизма. Она должна подчиняться просвещенному правительству. В свою очередь правительство не должно

вмешиваться в вероучительную и сакральную сторону церковной жизни. Его первой обязанностью является забота о Церкви, что равно заботе о нравственности народа. «Без сомнения, всякое благонамеренное правительство, – писал молодой униатский священник Иосиф в 1827 году, – долгом поставляет стараться: насадить в сердцах подданных своих единодушие к общим пользам, любовь к общему Отечеству» [10, т. 1, с. 393–394]. Помимо этого, государство обязано действовать, опираясь на принцип веротерпимости, и пресекать любые попытки религиозных обществ его нарушить. В этом отношении показательна рецензия на подготовленный к изданию в России католический катехизис, которую прелат Иосиф написал в 1828 году. Здесь он указывает на допущенную католическими авторами оскорбительную трактовку некоторых богословских вопросов не только для православных как представителей господствующего исповедания, но также для многочисленных протестантов, обучавшихся в заведениях Виленского учебного округа [10, т. 1, с. 543].

Представленное убеждение митрополита Иосифа нельзя назвать цезарепапистским. Он не утверждает, что главой национальной Церкви является монархический правитель государства. В документах он часто апеллирует к опыту монархов Европы, противоборствовавших притязаниям Рима на светскую власть. Вместе с тем он считает эту борьбу уже успешно завершённой «в пользу христианства, государей и народов» [10, т. 1, с. 530, 624, 631]. В российских самодержцах Семашко видит просвещённых монархов европейского стиля, власть которых над Русской Православной Церковью ограничена их верой и благородством стремлений.

Протоиерей Георгий Флоровский пишет, что фактический цезарепапизм Русской Православной Церкви в синодальный период «никогда не был освоен, принят или признан самим церковным сознанием или совестью, хотя отдельные церковные люди и деятели ему поддавались, нередко даже вдохновлялись» [25, с. 89]. Можно говорить, что архиерей-воссоединитель в вопросе взаимоотношений Церкви и государства принадлежал к таким искренним вдохновлённым синодальной системой управления Русской Церковью деятелям, действовавшим по глубокому личному убеждению, далеким от угодничества и раболепия перед властью предрержащими. Представления владыки Иосифа о необходимости участия любого «благонамеренного правительства» в религиозной жизни народа позволили ему поставить перед Петербургом проблему существования церковной унии в России и предлагать пути ее преодоления.

Генезис антипапских экклезиологических взглядов митрополита Иосифа очень интересен. Высказывания митрополита открывают, что папство он считал вредным обскурантистским пережитком тёмных средних веков, позиции которого уже поколеблены просвещением нового времени и от которого западные христиане во главе с католическим епископатом жаждут освободиться [10, т. 1, с. 530, 631]. Подобные мысли не были свойственны православным богословам и церковным историкам. Это показывает, что его взгляды сформировались не столько в результате изучения православной догматики и вообще православной религиозной литературы, сколько под влиянием западных религиозных течений, в частности, фебронианизма. В основе этого учения, появившегося в 60-х годах XVIII века в Германии, лежал известный галликанизм. Фебронианисты требовали ограничения Папской власти, восстановления полноты полномочий правящих епископов, деятельного участия в жизни Церкви государственных властей, долженствующих защищать права и привилегии национальных церковных общин и прочего [13, с. 13–14].

Фебронианизм нашел практическое применение в этно-религиозной политике австрийского императора Иосифа II, получившей впоследствии наименование иосифизма. На таких принципах строилось преподавание теологии в Венском университете. Некоторые профессора-эмериты этого университета в начале XIX века преподавали в Виленском университете по австрийским учебным пособиям, что было следствием направления просветительской деятельности князя Адама Чарторыйского и его сотрудников, настроенных антиклерикально в силу исповедания либерализма и французских революционных идей [21,

с. 6–7]. Австрийские профессора-иосифисты не только читали в католической Главной духовной семинарии при Виленском университете лекции, которые слушали студенты-униаты, в том числе и Иосиф Семашко, но и задавали тон в общественной жизни этого учебного заведения [27, с. 571]. Это существенным образом влияло на умонастроение польских преподавателей теологии [9, с. 268–279], хотя искренность их участия в этом направлении сомнительна [2, с. 45; 12, с. 14]. В итоге можно с полным правом сделать вывод о том, что к пониманию Православия Восточной Церкви будущий Литовский митрополит пришел через восприятие идей, рожденных в богословских спорах Европы эпохи Просвещения. Его экклезиологические представления, сформированные в стенах Главной семинарии при Виленском университете под влиянием фебронистски настроенных преподавателей теологии, оказались созвучными принципам синодальной системы управления Русской Православной Церкви. Ее высокопреосвященный Иосиф считал вполне прогрессивной, устанавливающей должное соотношение участия Церкви в жизни государства и государства в жизни Церкви.

Показательно, что такие же взгляды во время обучения в Европе приобрел митрополит католических церквей в России Станислав (Богуш-Сестренцевич), который в результате стал сторонником широкой автономии Католической Церкви в Российской империи и стремился добиться государственного протектората над ней [18, с. 35–36]. Напоследок нужно сказать, что складывание подобных экклезиологических взглядов было связано с процессом конфессионализации, который в XVII–XVIII веках имел место во многих странах Европы и находил отражение в Российской империи.

Подводя итог представленным рассуждениям, следует заметить, что мировоззрение, полностью сложившееся у Иосифа Семашко уже к 29-летнему возрасту, не позволяло ему как религиозному и честному человеку оставаться в недрах Католической Церкви и способствовать возвышению Брестской унии. Его желанию лично присоединиться к православию не суждено было сбыться. В этом он видел вмешательство высших сил. «Провидению, – писал высокопреосвященный в 1851 году, – не было угодно, чтобы я... совершил одиноко присоединение к Церкви Православной – Бог призвал меня быть орудием воссоединения к оной полутора миллиона моих единоверцев униатов» [10, т. 1, с. 31].

В основе деятельности митрополита Иосифа по общему воссоединению белорусских и украинских греко-католиков с Православной Церковью лежали глубокие концептуальные, культурные и экклезиологические взгляды: концепция «большого русского народа», единого в многообразии форм народной жизни, цивилизационный взгляд на существование человечества, мысли о равенстве между собой русской и западноевропейской культуры, специфические представления о членстве в Церкви целых этносов и о том, что западные христиане жаждут освободиться от удушающей их религиозную жизнь папизма. Выявленные убеждения митрополита Иосифа, имевшие разное происхождение: от личных впечатлений и интуиции до восприятия идей эпохи просвещения, составляли цельную мировоззренческую систему. В одной части они опередили свое время, в другой – вполне созвучны эпохе. Их генезис открывает в высокопреосвященном Иосифе: 1) глубоко верующего православного человека, остро переживающего проблему религиозного личного спасения и спасения окружающих единокровных братьев; 2) человека, мыслящего категориями Вселенской Церкви, переживающего за судьбы всего Христианства; 3) горячего патриота России; 4) человека европейского просвещения, западной культуры и энергии.

Надо сказать, что при любой оценке выявленные убеждения архиерея-воссоединителя вызывают уважение и свидетельствуют о том, что его деятельность, направленная на упразднение Брестской церковной унии в России, была весьма достойно теоретически обоснована.

Литература

- Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею. Вильна: Типогр. А.Г. Сыркина, 1889. Т. XVI: Документы, относящиеся к истории церковной Унии в России. 704 с.
- Антоний (Зубко), архиеп.* О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России // Сборник статей, изданных Св. Синодом по поводу 50-летия воссоединения с Православной Церковью западно-русских униатов. СПб., 1889. С. 38–76.
- Бендин А.* Религиозная толерантность в Российской империи как этнообразующий и консолидирующий фактор (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Кафоликия: сборник научных статей / под ред. А.В. Данилова. Минск: Тесей, 2003. С. 96–109.
- Брянцев П.Д.* История Литовского государства с древнейших времен. Вильна: Типогр.А.Г. Сыркина, 1889. 659 с.
- Вениамин, архиеп. Нижегородский и Арзамасский.* Новая Скрижаль, или объяснение о Церкви, о Литургии и о всех службах и утварях церковных: в 2 т. М.: Русский Духовный Центр, 1992. Т. 2. 256 с.
- Галадза П., священник.* Літургічне питання і розвиток богослужень напередодні Берестейської унії аж до кінця XVII століття // Берестейська унія та внутрішнє життя Церкви в XVII столітті: матеріали Четвертих Берестейських читань, Львів, Луцьк, Київ, 2–6 жовтня 1995 р. / ред. Б. Гудзяк. Львів: Інститут Історії Церкви Львівської Богословської Академії, 1997. С. 5–6.
- Гитрайн Х.* Наследие и наказ святых Мефодия и Кирилла в качестве европейской миссии православия в Беларуси // Кафоликия: сборник научных статей / под ред. А.В. Данилова. Минск: Тесей, 2003. С. 115–123.
- Дмитриев М.В.* Между Римом и Царьградом: генезис Брестской церковной Унии 1595–1596 гг. М.: Изд-во Московского университета, 2003. 320 с. (Труды исторического факультета МГУ: Вып. 22; Серия II: Исторические исследования: 7).
- Жукович П.* Об основании и устройстве главной духовной семинарии при Виленском университете (1803–1832 гг.) // Христианское чтение. 1887. Январь-февраль. С. 237–286.
- Иосиф (Семашко), митр.* Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академією Наук по завещанию автора: в 3 т. СПб.: Типогр. императорской Академии наук, 1883.
- Иосиф (Семашко), митр.* Новооткрытые Записки Иосифа, митрополита Литовского. 1861–1868 г. // *Киприанович Г.Я.* Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. / 2-е изд., испр. и доп. изд., Вильна: Типогр. И. Блюмовича, 1897. С. 527–546.
- Киприанович Г.Я.* Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. 2-е изд., испр. и доп. Вильна: Типогр. И. Блюмовича, 1897. 613 с.: 3 вкл. л. портр.
- Лопухин А.П.* История Христианской Церкви в XIX в.: в 2 т. Пг.: 1900. Т. 1: Инославный христианский Запад. 588 с. Приложение к духовному журналу «Странник».
- Марозава С.В.* Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гады) / пад навук. рэд. У.М. Конана. Гродна: ГрДУ, 2001. 352 с.
- Муравьев М.Н.* Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа в 1863–1864 годах // Русская старина. 1882. Т. 36. С. 387–432, 623–644.
- Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов: в 2 т. Т. 2. С.-Петербург: Синодальная типография, 1907. 1631 с.
- Пері В.* Берестейська унія у Римському баченні // Історичний контекст, укладення Берестейської унії і перше поунійне покоління: матеріали Перших Берестейських читань, Львів, Івано-Франківськ, Київ, 1–6 жовтня 1994 р. Львів: Інститут Історії Церкви Львівської Богословської Академії, 1995. С. 7–38.
- Полов М.А.* Митрополит С. Богуш-Сестренцевич: роль в формировании правительственной политики по отношению к Римско-Католической Церкви на белорусских землях (конец XVIII – первая четверть XIX в.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Минск, 2007. 150 с.
- Предписание Высокопреосвященнейшего Иосифа, митрополита Литовского и Виленского, всем благочинным Церквей и Монастырей от 19 декабря 1861 г. // Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 2. С. 43–46.
- Пыпин А.Н.* История русской этнографии. Минск: БелЭн, 2005. 256 с.
- Ратч В.Ф.* Сведения о польском мятеже в Северо-Западной России собрал В. Ратч: в 2 т. Вильна: Губернская типография, 1867. Т. 1. (Введение. Ч. 1). Северо-Западная Россия до падения Речи Посполитой. 678 с.
- Сидоров А.И.* Преосвященный Иларион (Троицкий) как богослов и церковный ученый // *Иларион (Троицкий), архиеп.* Очерки из истории догмата о Церкви. М.: Грааль, 1997. С. XVI–XLI.
- Филарет (Дроздов), митр.* Пространный Христианский Катихизис Православной Кафолической Восточной Церкви. М.: Подворье Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова мон-ря, 1995. 183 с.
- Филарет (Дроздов), митр.* Собрания мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам, издаваемое под редакцию преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: в 7 т. СПб.; М.: Синодальная типогр. 1885–1887.
- Флоровский Г., прот.* Пути Русского богословия. Вильнюс: Типогр. «Вильтис», 1991. 599 с.
- Это рассказывает М. Коялович. По поводу посещения митр. Платоном латинского костела в м. Коростышеве // Минские епархиальные ведомости. 1884. № 19. С. 503.

27. Brückner A. Dzieje kultury polskiej. Kraków – Warszawa: Wydawnictwo F. Pieczatkowski i ska., 1946. T. 4: Dzieje

Polski rozbirowej 1795 (1772)–1914. 639 s. (Reprint. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1991).

Аннотация. В статье рассматривается мировоззрение выдающегося церковного иерарха – митрополита Литовского и Виленского Иосифа (Семашко), считающегося основателем идеологии западнорусизма, лежавшей в основании политики Российской империи в западных губерниях во второй половине XIX – начале XX века. Прослеживается происхождение взглядов владыки, определивших его деятельность, направленную на разрыв Брестской церковной унии и восстановление позиций Православной Церкви в пределах России. Делается вывод о том, что убеждения митрополита Иосифа составляли цельную мировоззренческую систему. В одной части его взгляды опередили свое время, в другой – были созвучны эпохе. Выявленные убеждения архиерея-воссоединителя свидетельствуют о том, что преодоление униатской проблемы в России в XIX веке было убедительно обосновано.

Ключевые слова: митрополит Иосиф (Семашко), уния, православие, воссоединение, Белоруссия, Полоцкий Собор 1839 года, западнорусизм, западные губернии, культура, экклезиология.

Protopriest Alexander Romanchuk, MA in Theology, Head, Department of Church History and Church-Practical Disciplines, Minsk Theological Seminary. E-mail: romanchuk_alex@mail.ru

The Worldview of Metropolitan Joseph (Semashko) and Its Origins

Abstract. The article examines the world outlook of the outstanding church hierarch - Metropolitan of Lithuania and Vilnius Joseph (Semashko) who is considered to be the founder of the ideology of Westrussism which was the basis of the Russian Empire policy in the Western provinces in the second half of the 19th and the beginning of the 20th centuries. The article traces the origin of His Grace's views that determined his activity aimed at disbanding the Brest Church Union and reestablishing the position of the Orthodox Church in Russia. The author comes to the conclusion that Metropolitan Joseph's views formed an integral outlook system. In part his views were ahead of his time, and in part they were in line with the epoch. The revealed views of the Metropolitan "the Reunitor" show that the overcoming of the Uniat problem in Russia in the 19th century was well-grounded.

Keywords: Metropolitan Joseph (Semashko), Union, Orthodoxy, Reunion, Belorussia, Polotsk Synod of 1839, Westrussism, Western Provinces, Culture, Ecclesiology.

Откуда есть пошла «Украина»

{ Раздел четвертый }

К.В. Шевченко

История и культура Галицкой Руси в оценках галицко-русских просветителей и национальных деятелей XIX века

О.Л. Фетисенко

Слава и скорбь Волыни в очерках и письмах Кохановской (Н.С. Соханской)

О.Г. Казак

Этнокультурная природа восточнославянского населения Габсбургской империи в освещении газеты «Русская правда» (Черновцы, 1910–1913)

О.Г. Казак

Русофил из Подкарпатской Руси в чехословацких эмигрантских институтах: политический портрет Павла Цибере (1940–1944)

А.Ю. Полунов

Униатский вопрос и политика русских властей в Галиции в период Первой мировой войны

А.А. Тесля

«Русская историография» Н.Л. Рубинштейна и вопрос о месте истории Западной Руси (России) в рамках общей русской истории

А.С. Ципко

*Драма украинской идеи
Уроки трех насильственных украинизаций Малороссии
(1917–1919, 1920-е – начало 1930-х, 2014–2019)*

История и культура Галицкой Руси в оценках галицко-русских просветителей и национальных деятелей XIX века

Современная Восточная Галиция, которая в настоящее время традиционно и обоснованно считается символом и оплотом украинского национализма, приобрела подобный этнокультурный облик сравнительно недавно. В конце XIX – начале XX века украинская национальная самоидентификация далеко не полностью утвердилась среди коренного автохтонного восточнославянского населения Галиции, которое традиционно именовало себя русинами. Как полагают специалисты по истории Галиции, к началу XX века «половина галицийского крестьянства не имела отчетливо выраженного национального самосознания в современном понимании и служила объектом борьбы “за души”» [9, с. 3]. По словам российского историка-слависта К.К. Федевича, «даже в г. Станиславове (современный г. Ивано-Франковск), который в начале XX века являлся одним из центров украинского движения в Восточной Галиции, термин “украинец” стал вытеснять “русинское” самоназвание только после 1917 г.» [9, с. 5].

В то же время среди местной галицко-русской интеллигенции в XIX – начале XX века была широко распространена идея существования триединого русского народа в составе великороссов, малороссов и белорусов. При этом галицкие и угорские русины как ветвь малороссов трактовались галицко-русскими культурными и общественно-политическими деятелями как составная часть триединого русского народа от Карпат до Камчатки. Влиятельный печатный орган галицко-русской интеллигенции львовская газета «Слово», провозглашая принадлежность русинов Галиции к единому русскому народу, писала в январе 1884 года: «Народ русский был, есть и будет один... То одно великанское дерево имеет два главных корня: в северном Новгороде и южном Киеве, а мы – ветвь того дерева» [7].

В начале XX века в столице Восточной Галиции Львове и в других галицких городах издавались газеты на русском языке, отстаивавшие идею общерусского единства великороссов и малороссов и полемизировавшие с украинскими националистами, которые поддерживались австрийскими властями и польской администрацией Галиции. «Русско-народная партия в Галичине исповедует национальное и культурное единство всего русского народа, а поэтому признает своими плоды тысячелетней культурной работы всего русского народа, принимая во внимание принадлежность русского населения Галичины к малорусскому племени русского народа», – декларировал съезд русско-народной партии Галиции, состоявшийся 27 января (7 февраля) 1900 года во Львове [1, с. 17]. В ходе организованного австрийскими властями судебного процесса против активистов галицко-русского движения во Львове в марте 1914 года один из обвиняемых, известный галицко-русский публицист и общественный деятель С. Бендасюк не побоялся публично заявить перед австрийскими

Шевченко Кирилл Владимирович, доктор исторических наук, доцент, заведующий Центром евразийских исследований Филиала РГСУ в Минске, профессор кафедры правовых дисциплин Филиала РГСУ в Минске. E-mail: shevchenkok@hotmail.com

судьями о «национальном единстве всего русского народа от Тисы до Камчатки» и о «русском литературном языке как языке всего русского народа» [13]. Несколькими месяцами позже, с началом Первой мировой войны, за подобные настроения представители галицко-русского движения подвергались массовым казням и экзекуциям, внесудебным расправам и заточению в специально организованных австрийскими властями концлагерях...

Общественные и культурные деятели Галиции в конце XIX – начале XX века постоянно отмечали широкое распространение стихийных «москвофильских» настроений среди «русского простонародья Галичины и Буковины» [2, с. 187], указывая при этом, что галичане даже превосходят «малорусское и великорусское простонародье в России в развитии национального сознания, в патриотизме и в глубокой привязанности к русскому обряду и русской церкви» [2, с. 187]. Симптоматично, что данные реалии были вынуждены признать и местные активисты украинского движения, неоднократно выражавшие сожаление по поводу того, что галицкие мужики «от природы москвофилы» [2, с. 185].

Впрочем, как справедливо заметила автор первой отечественной монографии о русском движении в Галичине известный историк-славист Н.М. Пашаева, современные внуки и правнуки галицких русинов «едва ли захотят вспоминать сейчас своих русских дедов и прадедов» [4, с. 7]. К этой справедливой констатации стоит добавить, что большинство нынешних галичан не только не хотят, но и по объективным причинам не могут вспомнить своих русских предков, поскольку русское прошлое современной Галиции основательно проутюжил массивный каток украинской политической и околонучной цензуры. В результате память о богатом русском прошлом нынешнего «украинского Пьемонта» была либо основательно маргинализована и обезображена, либо полностью стерта из учебников и общественной жизни, поскольку являлась неудобной и небезопасной для нынешней украинской политической элиты информацией.

* * *

Уже с первых десятилетий польского господства, окончательно установленного над древнерусскими галицкими землями в 1340-х годах, Галицкая Русь стала подвергаться жесткой и системной ассимиляционной политике, проводившейся польскими властями. В целях скорейшей полонизации коренного православного галицко-русского населения использовались различные конфессиональные, этнокультурные и социально-экономические рычаги, включая растущую дискриминацию Православной церкви и административную поддержку немецкой и еврейской миграции в города Галицкой Руси со стороны польских властей. К рубежу XVIII – XIX веков данная политика достигла заметных результатов. Высшее сословие галицких земель было почти поголовно полонизировано, превратившись в польскую шляхту; среднее сословие в городах было серьезно ослаблено и также в значительной степени денационализировано. Крупные галицкие города, основанные еще во времена Киевской Руси, к XVIII веку окончательно приобрели польско-немецкий этнокультурный облик. Галицко-русское население, постепенно лишившись значительной части своей элиты и превратившись в народ с неполной социальной структурой, ограничивалось лишь крестьянами и небольшой прослойкой униатского духовенства, находившегося в тяжелом социально-экономическом положении. Однако к концу XIX века униатское духовенство галицких и угорских русинов в значительной степени превратилось в откровенно деструктивную силу, способствуя денационализации русинского населения. Если в Галиции униатская церковь с конца XIX века при поддержке австрийских властей и Ватикана превратилась в орудие украинизации галицких русинов, то в Угорской Руси местное униатское духовенство, выполняя политический заказ Будапешта, стало инструментом ускоренной мадьяризации русинского населения, о чем в начале XX века пространно писала чешская пресса [14].

Известный галицко-русский просветитель, литератор и церковный деятель И. Наумович в одном из своих произведений сравнивал Галицкую Русь и русинов с несчастным христианским ребенком, похищенным у родителей бродячими цыганами и заточенным в темную пещеру без света и свежего воздуха. «Это бедное, несчастное христианское дитя и все, что оно вытерпело от цыган в темной пещере, представляет мне наш галицко-русский народ, который много выстрадал в своей исторической жизни», – говорит один из литературных персонажей И. Наумовича [8, с. 21]. Образ похитителей-цыган и темной пещеры под пером И. Наумовича стал удачным символом многовекового польского господства над Галицкой Русью.

Отдавая себе отчет в крайне неблагоприятных последствиях этого господства, галицко-русские общественные деятели, несмотря на исключительно сложные внутриполитические условия, ставили перед собой цель избавиться от чуждого языкового и культурного влияния и вернуться к своим «русским корням», что особенно ярко проявилось во время галицко-русского национального возрождения в XIX веке.

«Наша Западная Русь, отторгнутая от своего исторического средоточия, подчинилась вредному влиянию. Мы пришли в политическом, церковном, социальном, нравственном и языковом отношении в ужасное расстройство, – откровенно писал в 1884 году в популярной львовской газете «Слово» известный галицко-русский общественный деятель Т.К. Блонский, выражая взгляды широких кругов галицко-русской интеллигенции. – Наша Русь потеряла высшие сословия; осталась только темная масса крепостных мужиков и духовенство, пронизанное полонизмом» [6]. Именно по этой причине апелляция к общерусскому культурному наследию и общему историческому прошлому с прочими русскими землями стала яркой отличительной чертой галицко-русского движения в XIX веке, которое таким образом пыталось противостоять мощному ассимиляционному давлению со стороны польских и австрийских властей и отстаивать собственную культуру.

Начиная с эпохи галицко-русского национального возрождения в первой половине XIX века, галицко-русские общественные и культурные деятели подчеркивали колоссальную роль исторических земель Галицкой Руси в общерусской истории, отмечая, в частности, что уроженцы Галицкой Руси внесли большой вклад в возвышение Москвы и Московского княжества в период феодальной раздробленности и монголо-татарского ига. К числу самых известных из них относился выходец из Галиции митрополит Петр, который, поддерживая объединительную политику внука Александра Невского московского князя Ивана Калиты во второй четверти XIV века, «перенес в Москву митрополичий престол и сделал Москву духовным центром объединяющейся России» [4, с. 9]. Галицкие общественные деятели воспринимали личность митрополита Петра как один из символов общерусского единства, подчеркивая, что «ближайшим советником Ивана Калиты был первый митрополит московский Петр, называемый также Петром из Раты, поскольку он родился в нынешней Галичине и жил над рекой Ратою...» [3, с. 27]. Таким образом, именно галичанин стоял у истоков превращения Москвы в церковную столицу русских земель, что весьма символично. Сам князь Иван Калита воспринимался галицко-русскими деятелями однозначно положительно как перспективный и весьма успешный «собиратель русской земли», смерть которого в 1340 году лишила Русь «сильных князей, которые бы могли соединить Галицко-Владимирское княжество с другими русскими землями» [3, с. 27].

Характеризуя положение Галицкой Руси в составе Польши, которая захватила галицкие земли в 1340-х годах при короле Казимире Великом, один из ведущих галицко-русских общественно-политических деятелей конца XIX века О.А. Мончаловский подчеркивал, что вся политика польских королей была направлена на то, чтобы «прервать и уничтожить связь между русскими подданными Польши и русскими жителями возникшего в то время на севере Московского великого княжества, тем более, что русские подданные Польши не

отличались по вере, языку и письму от русских жителей Московского княжества... В этих же целях была использована и церковная уния, заключенная в Бресте» [3, с. 47].

Последующая борьба против Брестской церковной унии стала мощным катализатором дальнейшего развития общественной и интеллектуальной жизни Малороссии и Галиции, которые выдвинули из своей среды много ярких фигур. Уроженцем древне-го галицко-русского Перемышля (ныне г. Пшемысль в юго-восточной Польше) был выходец из местной православной шляхты, крупный церковный и общественный деятель Юго-Западной Руси Захария Копыстенский, ставший в 1624 году архимандритом Киево-Печерского монастыря. В своем знаменитом полемическом сочинении «Палинодия, или книга обороны кафолической», направленном против униатов и их пропаганды, Копыстенский обосновывал исконность православия на Руси, указывая, между прочим, на то, что и поляки были изначально восточными христианами, приняв веру от чехов, которые, в свою очередь, приняли крещение от греков. Весь русский народ от Карпат до верховьев Волги и Оки рассматривался Копыстенским и как единое культурное целое, и как изначально православная общность.

Именно в это время окончательно оформляется и находит свое полное выражение идея общерусского единства, которая впервые была четко сформулирована и обоснована малорусскими мыслителями и общественными деятелями. Опубликованный в 1674 году в Киеве архимандритом Киево-Печерского монастыря Иннокентием Гизелем «Синописис» провозглашал историческое единство Великой и Малой Руси, единство всех ветвей русского народа, а также единую государственную традицию Киевской Руси. Именно киевский «Синописис» 1674 года вплоть до второй половины XVIII века был единственным пособием по истории России, оказав огромное концептуальное влияние на становление традиционной русской историографии. Взгляд «Синописиса» на историческое единство Великой и Малой Руси нашел свое отражение во всех основополагающих обзорных трудах по истории России от Карамзина до Соловьева и Ключевского [11, р. 22]. Во второй половине XVII века после вхождения Левобережной Украины в состав Российского государства усиливаются контакты мыслителей и церковных деятелей Юго-Западной Руси с Московской Русью, испытывавшей колоссальное влияние малороссийской интеллектуальной и церковной традиции, что привело к симбиозу двух начал и в огромной степени способствовало развитию общерусской культуры.

Представители галицко-русской общественной мысли всячески подчеркивали колоссальную роль, которую сыграли уроженцы Малой Руси в развитии русской науки, культуры и просвещения. Так, О.А. Мончаловский отмечал, что Москва являлась политическим центром свободной Руси, но при этом длительное время «не была центром просвещения» и «не представляла удобной почвы для восприятия и распространения образованности. ... Свет нового просвещения, которому впоследствии суждено было отразиться и на самой Москве, загорелся на юго-западных окраинах Руси, попавших частью под Польшу, частью под Литву. Православные братства, вызванные преследованиями со стороны Польши и римокатоличества... посвящают все свои нравственные и материальные средства на распространение образованности и учреждают училища» [2, с. 168]. Особенно важное место в этой деятельности принадлежало Киеву и созданной по инициативе митрополита П. Могилы в 1631 году Киево-Могиланской академии, откуда «выходили просвещеннейшие люди на всю Русь, и вследствие этого Киеву еще раз пришлось играть весьма важную роль в истории просвещения всей Руси. Плоды этого просвещения проявились в том, что среди русского населения Польши и Литвы... выступает целый ряд деятелей и ими создается литература полемического и богословского содержания. Из той же среды выходят ученые люди, которые не только в южной Руси противостоят противонародной пропаганде, но проникают и в Москву и кладут первое основание русской учебной литературе» [2, с. 169].

Среди уроженцев Юго-Западной Руси, оказавших особенно сильное влияние на Московскую Русь, галицко-русские деятели называли М. Смотрицкого, славянскую грамматику которого, «перепечатанную в 1618 году в Москве, употребляли во всей России до Ломоносова» [2, с. 170], а также К. Транквилиона, И. Копинского, С. Полоцкого, Е. Славинецкого, И. Галытовского, И. Гизеля и Д. Ростовского. О. Мончаловский отмечал, что С. Полоцкий и Е. Славинецкий, находясь в Москве, «просвещали русский народ», а С. Полоцкий, являвшийся воспитателем царевича Федора Алексеевича, имел большое влияние в Московской Руси и был инициатором создания в Москве славяно-греко-латинского училища, позже преобразованного в академию. К заслугам С. Полоцкого относилось также введение проповедей в московских церквях и написание драматических сочинений, что положило основание русскому театру.

Именно киевские ученые, как подчеркивали галицко-русские деятели, стали активными помощниками Петра I в деле преобразования Руси. В петровскую эпоху «мы видим южно-русских ученых во главе церковного управления и просвещения в северной Руси: С. Яворский был местоблюстителем патриаршего престола; Г. Бужинский стоял во главе русского книгопечатания и школьного образования и получил от Петра I титул “протектора школ и типографий”» [2, с. 171]. Однако наибольшим влиянием при Петре обладал Ф. Прокопович, ставший одним из идеологов российского абсолютизма. Любопытно, что галицко-русские просветители связывали успехи российской науки и просвещения с деятельностью Ф. Прокоповича, по совету которого «Петр Великий основал в Петербурге Академию наук» [2, с. 172]. «Главнейшими сотрудниками Петра I на поприще научной, литературной и государственной деятельности были малороссы, питомцы Киевской академии, – не без гордости заключал в 1898 году галичанин О.А. Мончаловский. – Это участие малороссов в общерусской лингвистической работе продолжалось и после Петра, продолжается и по настоящее время» [2, с. 7].

По справедливому замечанию А. Миллера, «культура, которую мы знаем сегодня как русскую, была создана в XVIII и в первой половине XIX века совместными усилиями русской и украинской элит, если вообще возможно применение этих терминов более позднего происхождения к тому времени; или же, что более правильно, усилиями великорусской и малорусской элит. Именно с этим общим наследием и пришлось позднее бороться украинским националистам, включая М. Грушевского, который затратил много усилий на критику “традиционной схемы русской истории”, возникшей в Киеве» [11, р. 22].

К этой справедливой констатации можно добавить, что в концептуальную разработку «традиционной схемы русской истории», которой впоследствии объявили беспощадную войну украинские историки – первые менеджеры «украинского проекта», внесли огромный вклад галицко-русские и карпато-русские ученые, оказавшие значительное воздействие на русскую общественно-политическую и научную мысль в целом. Так, уроженец Закарпатья историк Ю. Венелин (Гуца), стоявший у колыбели русской славистики, оказал серьезное влияние не только на процесс развития научного славяноведения в России, но и на формирование взглядов отдельных ученых и писателей, в том числе на М.П. Погодина, К.С. Аксакова, А.С. Хомякова и О.М. Бодянского, ставших интеллектуальной элитой России во второй половине XIX века. Стоит отметить, что Венелин был некоторое время домашним учителем в семье Аксаковых, существенно повлияв на становление славянофильских взглядов братьев Аксаковых.

Подобно Угорской Руси, начало национального возрождения в Галицкой Руси в первой трети XIX века также определялось деятельностью убежденных сторонников общерусского единства. Д.И. Зубрицкий, с именем которого связаны первые проявления национального возрождения галицких русинов, обоснованно считался лидером «русского» направления, поддерживал активные контакты с профессором Московского университета

известным историком М.П. Погодиным и был убежденным сторонником принятия русского литературного языка как языка «культуры и науки в Галичине» [4, с. 39]. Научная и культурная деятельность Д.И. Зубрицкого, несмотря на его абсолютную политическую лояльность Вене, вызывала настороженное отношение австрийской администрации, которая, в частности, ставила препоны распространению написанной Зубрицким «Истории Галицкого княжества», воспринимая подписчиков этого научного труда как своих противников.

В письме видному деятелю чешского национального возрождения Вацлаву Ганке 8 января 1853 года Д.И. Зубрицкий, комментируя язык своего труда, писал: «Вы одобряете употребленный мною в Галичской истории язык. Я писал по-русски; ибо как немецкий, так и русский один только есть литературный язык. Как немцы в Страсбурге, в Дерпте, в Цюрихе и Гамбурге на одном только пишут наречии и разумеют друг друга, так и русские должны писать на одном только, твердо уже основанном и изящно обработанном, диалекте. Не моя вина, что мои соотечичи по большей части не разумеют его еще теперь» [5, с. 389]. Таким образом, один из основоположников галицко-русского национального возрождения и крупнейший галицко-русский историк XIX века Д.И. Зубрицкий открыто выступал за литературное единство галицких русинов с Россией. Впрочем, в середине и второй половине XIX века планы принятия русского языка как общего литературного языка для всех славянских народов были популярны среди целого ряда словацких, чешских, хорватских и словенских национальных и культурных деятелей; при этом некоторые из них даже предпринимали практические шаги в данном направлении [10, с. 14].

Помимо Д.И. Зубрицкого, начальный этап национального возрождения в Галиции был связан с именами М. Шашкевича, И. Вагилевича и Я. Головацкого, которые вошли в историю общественной и культурной жизни Галицкой Руси под названием «Русская троица». Изданный в 1837 году «Русской троичей» литературный альманах «Русалка Днестровая», ставший «важнейшей вехой в истории национального возрождения Галичины» [4, с. 18], убедительно демонстрировал явственные общерусские мотивы. Так, например, в опубликованном здесь стихотворении М. Шашкевича «Воспоминание» затрагивались и прославлялись сюжеты общерусской истории – в том числе золотая эпоха Ярослава Мудрого, а также сила и слава Новгорода.

Примечательно, что содержание «Русалки Днестровой» пришлось не по вкусу бдительным австрийским чиновникам, и «в Галичине альманах тотчас был запрещен и конфискован полицией» [4, с. 18], а его авторы были исключены из Львовской духовной семинарии. По словам О. Мончаловского, «судьба, постигшая авторов “Русалки Днестровой”, показывает, что в Австрии было тогда опасно печатать русские книжки. Но галицко-русские писатели не могли ничего печатать и за границей, понеже существовал закон, накладывающий штраф в 25 дукатов на того, кто напечатал за границей сочинение, не прошедшее через австрийскую цензуру» [3, с. 88]. Таким образом, первые проявления культурно-национальной деятельности русинов Галиции в 1830-х годах недвусмысленно свидетельствовали об их осознании исторического и духовного единства всех русских земель.

Уже начальный этап галицкого национального возрождения был связан с борьбой галицко-русской интеллигенции против латинизации и полонизации. В 1833 году в предисловии к своему сборнику польских и галицко-русских песен известный польский литератор и этнограф В. Залесский высказал мысль о целесообразности присоединения галицких русинов к польской литературе. Галицкий греко-католический священник И. Лозинский поддержал эту идею в своей статье «О введении польского алфавита в русскую письменность», опубликованной во Львове в местной польской газете «Rozmaitosci» в 1834 году [4, с. 17]. Однако эта инициатива сразу вызвала единодушное негодование галицко-русской общественности. М. Шашкевич в своей брошюре «Азбука и алфавит», опубликованной в 1836 году, резко осудил идею перехода на латиницу, показав ее вред,

историческую несостоятельность и неприемлемость для галицких русинов [4, с. 17]. Впоследствии попытки латинизации письменности галицких русинов будут регулярно предприниматься со стороны австрийских властей и польской администрации Галиции.

Политика австрийских властей, направленная на культурное отчуждение русинов от России и русского литературного языка, находила свое выражение в административном навязывании местного диалекта в качестве литературного языка и в открытой дискриминации тех русинских изданий, которые использовали русский литературный язык и отстаивали идею единого русского литературного языка для русинов. Так, литературное издание галицких русинов «Зоря Галицкая», выходящее в 1850-х годах, подвергалось мощному давлению австрийских властей за «чрезмерное использование московских слов». «Церковная Газета», издававшаяся общественным и культурным деятелем закарпатских русинов И. Раковским на литературном русском языке с 1856 года, была вскоре приостановлена, а затем закрыта австрийскими властями.

В 1859 году австрийские власти и польская администрация Галиции во главе с графом А. Голуховским предприняли наиболее активную и организационно подготовленную попытку перевода письменности галицких русинов с кириллицы на латиницу; для этой цели была создана специальная комиссия и разработан особый латинский алфавит. Симптоматично, что главным аргументом в пользу данной реформы со стороны австрийских и польских властей была недопустимая, по их мнению, «близость» языка галицких русинов к русскому литературному языку и «нежелание» русинов Галиции дистанцироваться от этого языка. Только решительное и единодушное сопротивление данным планам со стороны самых видных представителей галицко-русской интеллигенции сорвало планы Вены и польской политической элиты Галиции.

Указывая на последовательность и системность политики австрийских властей, стремившихся к максимальному культурно-языковому отдалению галицких русинов от русского литературного языка и русской культуры, львовское «Слово» констатировало в январе 1884 года: «Будучи уже под Австрией, нас правительственные мужи подозревали и почему-то не взлюбили... Кто дерзал писать по-русски, хотя бы весьма плохо, падал в подозрение москалефильства и подвергался надзору; издать печатью какой-нибудь русский букварец было ужасною дерзостью» [6].

С изобретением украинской фонетической письменности П. Кулишом (так называемая «кулишивка»), созданной в противовес русской этимологической письменности, австро-польские этнокультурные технологи получили новое эффективное орудие обособления галицко-русской письменности от русского литературного языка. Известно, что сам П. Кулиш крайне негативно реагировал на использование созданного им фонетического алфавита поляками для углубления культурно-языкового раскола между малороссами и великороссами. В своем письме к известному галицко-русскому деятелю Б. Дедицкому в 1867 году Кулиш откровенно заявил о том, что «видя это знамя (кулишивку) в неприятельских руках, я первый на него ударю и отрекусь от своего правописания во имя русского единства» [2, с. 78].

Усиление противоречий между русскими галичанами и местными украинофилами, вскоре достигшее антагонизма, было срежиссировано польской администрацией Галиции в 1890 году, когда «после предварительных совещаний с наместником Галичины К. Бадени и митрополитом С. Сембратовичем депутат галицкого сейма Ю.С. Романчук провозгласил проект национально-политического соглашения с поляками под названием «Новая эра». Главные пункты программы Романчука гласили, что «мы, русины, народ самостоятельный, отдельный от польского и российского, и на этом основании желаем развивать свою народность и язык. Мы держимся верно греко-католической веры и обряда» [2, с. 83]. По меткому замечанию О.А. Мончаловского, данная программа означала

«отречение от племенной связи с остальным русским миром, и даже отделяла галицких малороссов-униатов от православных малороссов в Буковине, не говоря уже о малороссах в России» [2, с. 83].

Представители русских галичан выступили категорически против тезисов Романчука, поскольку они противоречили идее общерусского единства, лежавшей в основе мировоззрения галицких русофилов. Соглашение украинофильской части галичан с польской элитой Галиции, получившее известность как «Новая эра», ознаменовалось усилением раскола между русскими галичанами и украинофилами, которых поддерживали Вена и польская администрация Галиции. Провозглашение «Новой эры» стало, по сути, идеологической подготовкой для наступления на русских галичан и русский литературный язык в Галиции.

Вопреки массовым протестам галицко-русского населения с 1892 года во всех школах Галиции было введено фонетическое правописание («кулишивка») вместо традиционного для галицких русинов этимологического письма, которое было принято в дореволюционной России и благодаря которому русины могли свободно читать изданные в России книги. Началась кампания преследования и дискриминации русского литературного языка. Так, «воспитанникам Львовской духовной семинарии запретили обучаться ему, у учеников стали отбирать книжки, написанные на русском литературном языке, общества студентов “Буковина” в Черновцах и “Академический кружок” во Львове были закрыты...» [4, с. 81]. Активное участие в борьбе с русским литературным языком приняли высшие иерархи греко-католической церкви Галиции, включая митрополита С. Сембратовича, «покорного слуги графа К. Бадени» [2, с. 83]. Именно Сембратовичу принадлежит «почин к изданию пастырского послания, запрещающего духовенству и мирянам выписывать и читать орган русской партии “Червонную Русь”, многим священникам отнял отличия и достоинства благочинных за то, что они не приняли так называемой “новоэрской программы”» [2, с. 84]. Гонения коснулись и тех русских галичан, которые состояли на правительственной службе. По словам современника описываемых событий, «кто хотел отличиться или поправить свою репутацию перед начальством, тот достигал цели доносом на своего сослуживца, принадлежащего к русской партии...» [2, с. 85]. Примечательно, что в ходе организованного австрийскими властями судебного процесса против активистов галицко-русского движения в марте 1914 года во Львове одному из обвиняемых, известному галицко-русскому деятелю С. Бендасюку, судья запретил говорить на литературном русском языке [12].

Преследования представителей галицко-русского движения в Галиции, начавшиеся после провозглашения «новоэрской программы» в 1890 году, стали своеобразной генеральной репетицией широкомасштабных репрессий, обрушившихся на галицко-русское движение сразу после начала Первой мировой войны. Принятие «новоэрской программы» и последовавшее за этим углубление раскола между русскими галичанами и украинофилами стало свидетельством окончательного перехода украинского движения из его первоначальной «этнографическо-литературной» фазы на политические рельсы, тщательно подготовленные Веней и польской администрацией Галиции. Насаждение украинского движения и его мощная административная и финансовая поддержка со стороны австрийских властей и польской администрации были эффективным рычагом отрыва Галиции от общерусской цивилизации, органичной и важной частью которой всегда являлись исторические области Галицкой Руси.

Последовавшие в ходе Первой мировой войны в 1914–1918 годах массовые репрессии австро-венгерских властей против активистов галицко-русского движения и галицко-русской интеллигенции, которые выражались в многочисленных внесудебных расправах и в практике заключения в австрийские концлагеря, символом которых стал печально известный Талергоф, привели к гибели десятков тысяч галицких русинов. В результате

физического истребления русофильской части галицкой интеллигенции был резко подорван потенциал галицко-русского движения, что способствовало окончательному триумфу «украинского национального проекта» в Галиции.

Литература

1. *Мончаловский О.* Главные основы русской народности. Львов: Типогр. Ставропигийского Института, 1904. 132 с.
2. *Мончаловский О.* Литературное и политическое украинофильство. Львов: Типогр. Ставропигийского Института, 1898. 218 с.
3. *Мончаловский О.* Святая Русь. Львов: Типогр. Ставропигийского Института, 1903. 97 с.
4. *Пашаева Н.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М.: Имперская традиция, 2007. 185 с.
5. Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель / Издал В.А. Францев, профессор Императорского Варшавского Университета. Варшава: Типогр. Варшавского Учебного Округа, 1905. 388 с.
6. Слово. Львов. 1884. 3 (15) января. № 1.
7. Слово. Львов. 1884. 10 (22) января. № 3.
8. *Сочинения Протоиерея И. Наумовича:* Повести и рассказы из галицко-русской жизни. Т. II. Пг., 1914. 243 с.
9. *Федевич К.* Украинцы и не только: Особенности национального самосознания украинцев Восточной Галиции в 1920–1930-е годы // Славяноведение. 2014. № 5. С. 3–12.
10. *Daniš M., Matula V.* M.F. Rajevskij a Slováci v 19 storočí. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 2014. 303 s.
11. *Miller A.* The Ukrainian Question. The Russian Empire and Nationalism in the Nineteenth Century. Budapest – New York: Central European University Press, 2003. 282 p.
12. Čas v Praze. 1914. 10 března. Číslo 68.
13. Čas v Praze. 1914. 11 března. Číslo 69.
14. Čas v Praze. 1914. 4 března. Číslo 62.

Аннотация. В статье анализируются взгляды ведущих галицко-русских общественно-политических и культурных деятелей XIX века на историю и культуру Галицкой Руси. Среди галицко-русской интеллигенции XIX века доминировал взгляд на галицких и угорских русинов Австро-Венгрии как на составную часть триединого русского народа в составе великороссов, малороссов и белорусов; при этом галицкие русины считались ветвью малороссов. Галицко-русские деятели подчеркивали историческое и культурное единство всех русских земель, а также большую роль Галиции в общерусской истории. Так, одним из важных деятелей общерусской истории галицко-русские просветители считали уроженца Галиции митрополита Петра, поддержавшего политику московского князя Ивана Калиты и сыгравшего важную роль в превращении Москвы в церковную столицу Руси. Кроме того, выходцы из Галиции и Малой Руси сыграли колоссальную роль в развитии русской культуры, науки и общественной мысли в XVII–XIX веках. С ориентацией галицко-русской интеллигенции на русскую культуру и русский литературный язык в XIX веке боролось украинское движение, которое пропагандировало взгляд на галицких русинов как на часть отдельного от русских украинского народа. По политическим мотивам украинское движение в Галиции поддерживалось австрийскими и польскими властями, которые использовали Первую мировую войну как удобный предлог для массовых репрессий против представителей галицко-русского движения в регионе.

Ключевые слова: Галиция, галицкие русины, общерусская идентичность, галицко-русское движение, украинское движение.

Kirill V. Shevchenko, PhD in History, Associate Professor, Head, Center for Eurasian Studies, Minsk Branch, Russian State Social University; Professor, Department of Law, Minsk Branch, Russian State Social University. E-mail: shevchenkok@hotmail.com

The History and Culture of Galician Rus' as Viewed by Galician-Russian Enlighteners and National Activists in the 20th Century

Abstract. The article analyzes the views of the leading Galician-Russian socio-public and cultural activists of the 19th century on the history and culture of Galician Rus. Most Galician-Russian intelligentsia of the 19th century shared the idea of Galician Rusyns being an inseparable and organic part of the triune Russian people consisting of Great Russians, Little Russians and White Russians. Galician Rusyns were considered by Galician-Russian intelligentsia as a kinship branch of Little Russian people. Galician-Russian cultural figures stressed the primordial tradition of cultural and historical unity of all Russian lands as well as the important role of Galicia in common Russian history. Thus, they considered the native of Galicia Metropolitan Peter to be one of the major figures in mutual Russian history as he supported the policy of Moscow Prince Ivan Kalita and played the crucial role in turning Moscow into the church capital of Russian lands in early 14th century. Moreover, the Galicians and Little Russians by birth played very important role in developing Russian culture, education and public thought in the period of the 17th –19th centuries. Traditional orientation of Galician-Russian intelligentsia on Russian culture and Russian literary language in the 19th century was strongly opposed by the representatives of the Ukrainian movement, which supported the idea of Galician Rusyns being a part of the Ukrainians, not belonging to Russian nationality. Due to political reasons, Ukrainian movement was widely supported by Austrian and Polish authorities, who used the First World War as a suitable pretext for mass repressions against the representatives of Galician-Russian movement in Galician region.

Keywords: Galicia, Galician Rusyns, Common Russian Identity, Galician-Russian Movement, Ukrainian Movement.

Слава и скорбь Волыни в очерках и письмах Кохановской (Н.С. Соханской)

Тема западных окраин Российской империи в русскую публицистику была введена славянофилами. В газете И.С. Аксакова «День», начавшей выходить в 1861 году, когда, по выражению издателя, «настало время событий», и ставившей себе задачей отзываться «на каждое явление общественной жизни, <...> освещая его светом славянофильской мысли» [1, с. 101]¹, зазвучали даже голоса из Польши, и само возбуждение «польского вопроса» Аксаков почитал за «едва ли не главную заслугу» своего издания [2, с. 163]². Стать *харьковской* корреспонденткой «Дня» он предлагал жившей в этой губернии на маленьком степном хуторе Макаровка Надежде Степановне Соханской (1823–1884), автору повестей, принятых славянофилами как лучший образец «положительного направления в литературе» и подписанных псевдонимом «Кохановская».

К этому времени Аксаков и Соханская уже более двух лет состояли в переписке, личная же их встреча произойдет в Москве летом 1862 года. От своего рода «штатной» работы писательница отказалась, предоставила для публикации в газете свою новую повесть, но ряд корреспонденций-очерков все же в «Дне» поместила, раскрыв в себе дар публициста [см. 3]³. Позднее Ф.М. Достоевский скажет о том, что «пафоса», «настоящего, не выдуманного» Кохановской не занимать [5, с. 146]. Естественно, что откликнулась «макаровская отшельница» на то, что видела своими глазами в Изюмском уезде, или на то, о чем знала от самых надежных и осведомленных лиц. В середине 1860-х география ее творческой мысли меняется: в сферу внимания Кохановской все больше входит Волынь, ее историческая родина⁴.

Напомним, что это было время возрождения православных братств. В 1865 году Кохановская заочно познакомилась с устроительницей самого активного из них (Кирилло-Мефодиевского), графиней А.Д. Блудовой, между ними установилась переписка⁵. В том же

¹ Письмо И.С. Аксакова к Ю.Ф. Самарину от 17 мая 1861 года.

² Письмо к Н.С. Соханской, март 1862 года.

³ См. также нашу статью о публицистике Кохановской периода русско-турецкой войны [4].

⁴ Псевдоним Надежда Степановна не придумала искусственно. Она использовала родовую фамилию своей матери В.Г. Соханской (урожденной Лохвицкой), предком которой был «коханец» (любимец-воспитанник) знаменитого князя Константина Острожского. От этого «коханца» – «коханя», а значит, именно с Волыни, пошел род Кохановских. После переселения одной из ветвей этого рода в местечко Лохвицы в отличие от других Кохановских они стали зваться Кохановские-Лохвицкие, а позднее – просто Лохвицкие. Кстати, известный адвокат А.В. Лохвицкий приходился Н.С. Соханской дальним родственником. Отец писательницы был из польских дворян.

⁵ Два письма, более официального характера, были опубликованы: Известие о Кирилло-

году сначала мать писательницы, а затем и она сама стали «сестрами» возникшего в селе Яполоть Ровенского уезда Георгиевского братства¹. Призыв помочь этому братству стал темой последней публикации Кохановской в газете «День»², вскоре прекратившей свое существование. «Просьба» (так было озаглавлено воззвание) послужила мостом к циклу очерков «Поездка на Волынь» и примыкающим к нему статьям, которые будут помещены в 1867 году в рубрике «Областной отдел» на страницах новых газет Аксакова – «Москва» и «Москвич»³.

Эти произведения не только не переиздавались, но были совершенно обойдены вниманием немногочисленных обращавшихся к творчеству Кохановской исследователей, начиная с ее первого биографа [6]⁴. Между тем по своему значению они заслуживают отдельного рассмотрения и, вероятно, могут явиться для современного внимательного читателя ключом к пониманию происходящего сейчас, но имеющего корни в прошлых веках. Знаменательно, между прочим, мнение Аксакова, считавшего, что от публикации «Поездки на Волынь» «общее наше русское дело <...> выиграет» [2, с. 274].

Прежде чем обратиться к очеркам, следует пояснить, при каких обстоятельствах совершилось первое путешествие Кохановской на Волынь, предпринятое отнюдь не как развлекательная или «образовательная» поездка⁵. Целью было доставить собранные пожертвования и проследить за их использованием. В своем рассказе мы будем опираться на архивные источники, не все из которых были доступны и биографу писательницы. Сразу следует предупредить: Кохановская, разделяя вековые этноконфессиональные предубеждения (особенно резкие именно в малороссийских землях), употребляет в своих текстах слова, невозможные в современном культурном обиходе, но сохраняемые, однако, при публикации исторических источников или текстов классиков (к примеру, Гоголя и Достоевского). Было бы несправедливым и далее оставлять значительную часть ее наследия замалчиваемой только по этой причине.

Планы поездки на Волынь наиболее подробно представлены в письме Кохановской к близкой подруге А.В. Плетневой, вдове ее литературного наставника П.А. Плетнева от 30 марта 1866 года:

«В нашем Северо-Западном Крае, с начала Польского восстания, стали воскресать древние православные Братства в помощь великой бедности нашего народа, забитого и

Мефодиевском братстве в г. Остроге. М.: Синод. типогр., 1866. С. 33–37; Санкт-Петербургские ведомости. 1866. 13 мая. № 128. С. 3.

¹ О деятельности Кохановской в Яполотском братстве и о недобросовестности некоторых его руководителей см.: *Кудринский Ф.А.* Неудачные предприятия народолюбки (К биографии Н.С. Соханской-Кохановской) // *Киевская старина*. 1900. Окт. С. 83–122. Эта статья особенно ценна тем, что в ней использованы архивные материалы, которые впоследствии были утрачены.

² *Кохановская [Соханская Н.С.]*. Просьба // *День*. 1865. 18 декабря. № 52. С. 1245–1246. Обращение было перепечатано в нескольких изданиях, и уже к весне 1866 года было собрано около 1000 рублей (951 рубль). Одним из главных жертвователей стал историк М.П. Погодин.

³ Поездка на Волынь // *Москва*. 1867. 24 марта. № 67. С. 2–3; 25 марта. № 68. С. 2; 29 марта. № 70. С. 2 (Письма I–III; далее ошибочно повторен номер третьего письма); Поездка на Волынь. Письмо III. Что есть теперь Острог? // Там же. 6 июля. № 76. С. 2–3; Письмо IV. Великий Острог // Там же. 13 июля. № 82. С. 2–3; Еврейская привилегия // Там же. 15 июля. № 84. С. 4 (заглавие дано Аксаковым, авторское название: «Маленькое пояснение»); Возможно ли восстание Великого Острога // Там же. 5 августа. № 100. С. 4; Межиричи // Там же. 21 сентября. № 134. С. 2–3; К делу об еврейских привилегиях // *Москвич*. 1867. 31 декабря. № 5. С. <4>.

⁴ Н.Н. Платонова (урожденная Шамонина, 1861–1928), жена академика С.Ф. Платонова и дочь близкой подруги Кохановской, в своей книге затрагивает тему служения Кохановской Яполотскому братству, но совсем не касается «словесной», отраженной в литературе, части этого служения, ограничиваясь констатацией: «По его <Аксакова> совету Кохановская придала своей “поездке на Волынь” форму писем, которые и напечатала в “Москве” за 1867 г. ...» [6, с. 183].

⁵ Странно выглядит фраза в недавней обзорной статье: «...проездить для души по России охота, скажем, в Крым или на Волынь» [7, с. 224].

истощенного поляками и жидами. В “Дне” были приглашения и объявления: не угодно ли кому из велико-русских братьев прийти на помощь и записаться в эти бедные братства? Душа-то у меня горела к этому делу; но мне не с чем было записаться, нечего было послать в помощь. Но моя матушка, на старости ее лет, однажды входит ко мне с газетой в руках и объявляет: что она хочет записаться сестрою в одно бедное деревенское братство, подает мне деньги и говорит: Ну, ты, Надя, напиши от меня письмо к священнику и к братству. Я написала. Письмо мое там пришлось по душе бедным людям, и они, принимая с великой радостью мою матушку в свои Старшие сестры, без изъявления моего желания и меня записали младшею своей сестрою. Что мне было делать? Отказаться я не могла; а денег у меня своих не было ни рубля. С помощью Божию я написала воззвание к Обществу¹ – которое вот и посылаю к тебе. Оно тебя лучше и вернее ознакомит с моим делом. Деньги из Москвы, П<етер>б<урга>, Кавказа, из Сибири стали присылаться ко мне. У меня уже есть наличных 800 р<уб>. Общество услышало мой голос и оказало мне доверие. Получить эти деньги и перебросить их с рук на руки, не позаботясь всеми мерами, чтобы эта общественная жертва принесла всю ту пользу, ради которой ходатайствовалась она, – это было бы не право и грешно с моей стороны. И вот еще зимою мы с маменькою положили, чтобы я непременно сама ехала на Волынь через Киев (это с лишком 1000 вер<ст>) и сама бы там устроила Братскую Помощь², с Божьим благословением сама, как находя лучше и вернее, положила основу новому делу. Но к этому общественному делу присоединилось наше сердечное дело – наша потеря, Сашенька, и моя поездка на Волынь, не отлагаясь, принимает другой окружной путь³. Если благословит Господь, я теперь еду на Москву, П<етер>б<ург>, вижу с тобою и по Варшавской железной дороге еду до Белостока или до Варшавы и оттуда, через Брест-Литовск, добираюсь до Волыни в Ровно – где цель моей общественной поездки в бедном сельском братстве. На весь этот путь собственных денег у меня 100 р<уб>. наличо. В Москве я должна остановиться и за что продать, но продать 1000 эк<земпляров> своего издания. Если здесь я улажу свое дело, то я не попрошу у тебя денег; а если нет, то ты мне дашь. Путь этот далек и кружен; но по железной дороге он сократит мне и время, и расходы.

<...> Мое воззвание – эта *просьба* познакомила меня с гр<афиней> Блудовой. Она написала ко мне и мало того, без моего ведома, также внесла меня в список сестер соревновательниц своего Кирилло-Мефодиевского Острожского Братства. Вообще, по этому делу у меня переписка до того увеличилась, что не станет сил всё писать и писать, составлять Устав, давать ответы и уведомления. Мысль моя сочувственно принята людьми, вникающими в народное дело, и имеет уже примеры усвоения – Слава Богу! Всё это так неожиданно сложилось во мне и вокруг меня, что в этом деле я будто делаю и не я. Пускаться в путь на 4000 с лишком верст одной, как я есмь одна – не будь у меня Великой Одигитрии – Путеводительницы, не решилась бы я. Но с Нею, Благою, я не одна, и Она не оставит меня⁴.

Но вышло все не по этому плану «кружного пути» через Варшаву. После поездки в Петербург к Плетневой и двухмесячного пребывания в Москве (с 25 мая до 20-х чисел июля⁵), где Соханской удалось приобрести для Яполоти еще одно крупное пожертвование – обещание части капитала (5000 рублей), завещанного на благотворительность недавно

¹ Имеется в виду упомянутое выше воззвание «Просьба».

² Нечто вроде кассы взаимопомощи, для которой жертвователями давался начальный капитал.

³ Подразумевается недавняя кончина в Париже П.А. Плетнева. Теперь Соханская хотела встретиться в Петербурге с овдовевшей подругой и утешить ее. Дальше объясняется цель поездки в Москву – ускорить продажу вышедшего в 1863 году двухтомника повестей.

⁴ РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 163. Л. 67 об.–68 об.

⁵ Даты установлены по письмам к А.Ф. Тютчевой и А.В. Плетневой.

скончавшимся купцом Щодчиним, она не отправилась на Волынь сразу, но ненадолго возвратилась домой. Нашелся в это время и спутник – помощник исправника Изюмского уезда Н.И. Шамонин (отец упомянутой нами выше Н.Н. Платоновой), который хотел поискать в Житомире места исправника. 1 сентября они выехали из Харькова. Письмо к Плетневой из Киева датировано 12 сентября, 15 сентября путешественница писала из Житомира, 23 сентября она прибыла в Почаев, а 24 октября датировано уже письмо из дома, хутора Макаровки. Из этих писем мы узнаем, что еще на пути в Яполоть Надежда Степановна заболела в Житомире, а Шамонин, ничего для себя не добившись, вернулся в свое изюмское имение. Соханская не решилась просить его подождать и сопровождать ее до конечной цели поездки.

Письмо, завершнное 24 октября, было начато, но заброшено 5-го числа (оно помечено: «5 окт<ября>. Вечер 1866. / Станция за Житомиром»). Приведем фрагмент, написанный на оставшейся для путешественницы безымянной почтовой станции:

«Сашенька моя дорогая! дай же я тебе скажу хоть слов десять, чтобы ты знала, где странствует твоя Ната. А в каких лесах я была! за болотами, за песками, между каким бедным, бедным народом. Который до того привык, чтобы с него всё брали и драли, что глядит испуганно, когда теперь дают ему, и не знает, что ему делать и как поблагодарить? Бедный народ! О, пошли ему Господь день воскресен!»¹

Среди писем Соханской к М.П. Погодину (напомним, одному из главных жертвователей на Яполотское братство) обнаружилось одно, непосредственно относящееся к нашему сюжету. Из него выясняется, что историк далеко не сразу передал обещанную им сумму. Приведем это письмо целиком.

28 ноября
1866

Высокоуважаемый
Михаил Петрович!

Извините, что я среди Ваших трудов беспокоиваю Вас письмом от себя. Но Вы, всегда занимавшиеся и занимающиеся делом, хорошо знаете, что иногда и не желалось бы, а делаешь: потому что этого требует дело. А я именно по делу должна написать Вам.

Я воротилась из своей поездки на Волынь. Своими глазами посмотрела и своим разумом, как могла по обстоятельствам лучше, устроила четыре «братской помощи» среди самых бедных, обиженных *грунтом*, т.е. наделенных плохую землю и бедствующих селян. Теперь я готовлю отчет Обществу в тех деньгах, которые оно мне доверило, и в том деле, которое мною сделано. И при этом, как Вы мне прикажете сказать о тех 200 р<уб>., которые Вы пожертвовали для устройства братской помощи и о которых печатно заявлено в *Умре*?²

Я очень жалела, что два раза не застала Вас в Москве, и думала, что не получу ли я денег по почте в Ровно? Но у Вас слишком много забот и дел, и еще раз извиняясь перед Вами, я прошу Вас указать мне: как я должна упомянуть о пожертвованной Вами сумме? Если Вам угодно будет теперь выслать деньги ко мне, то место для них у меня намечено. Места там много лесного, пустынного, с песчаными бесплодными холмами...

Примите уверение в высоком почтении к Вам

Надежды Соханской³.

5 декабря в письме к Плетневой, начатом за два дня до этого, тоже будет коротко сказано о том, куда направлялась «братская помощь»:

«Всё устроилось, как нельзя лучше. Шесть селений русских бедных крестьян я вы-

¹ Там же. Л. 83.

² Имеется в виду издаваемый Погодиным сборник. См.: Утро: Лит.-полит. сб. Сб. 2. М., 1866. С. 422.

³ РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 1–2 об. Из ответного (не дошедшего до наших дней) письма Соханская узнает, что Погодин перешлет деньги через харьковского профессора-слависта П.А. Лавровского (см. там же. Л. 4 об.). О переписке Соханской и Погодина см. [8].

рвала из жидовской зависимости¹ и принесла им неожиданную помощь, как бы с небес им ниспосланную. Помяни Господи милости и благодати всех, кто был участником в этом деле великого милосердия»².

Далее в письме говорилось: «Теперь я должна написать свою поездку на Волынь...». На самом деле работа была уже начата 10 ноября [9, с. 284]³. Кохановская признавалась, что надеется данной публикацией, которую она просила оплатить по достойной цене (зная, что издание газеты «Москва» предпринимается на деньги купечества), получить средства, чтобы заплатить долги, взятые для поездки. Аксаков согласился на ее условия [2, с. 274].

В январском письме к Погодину есть упоминание о работе над очерками: «Матушка, по милости Божией, здорова и благополучна; я тоже; пишу свою Поездку на Волынь, о которой уже условилась с Ив<аном> Сер<геевичем> Аксаковым»⁴. С письмом от 11 марта Аксакову посланы первые три очерка. Из гонорара она просила «вычесть 25 р. в пользу галичан и передать кому следует на пособие учащимся» [2, с. 277]. 7 апреля была отправлена статья «Маленькое пояснение», которую позднее Аксаков озаглавит «Еврейская привилегия» [2, с. 278]. Газета «Москва» вскоре попала под цензурное запрещение, Соханская просила передать статью в «Московские ведомости», на что Аксаков 30 июня (когда вышел первый номер его газеты по возобновлению) отвечал: «...я ни за что не передам Вашей статейки о жидовском пленении Руси Редакции М<осковских> Вед<омостей> и Р<усского> Вестника. По поводу ее я напишу статью передовую, которую Вы на днях и прочтете» [2, с. 279]⁵. В июльских номерах «Москвы» публикация «Поездки на Волынь» была завершена. Теперь, зная о предыстории появления очерков, познакомимся, наконец, с их содержанием.

Первому письму предпослан библейский эпиграф: «Не отыми от уст моих словесе истинна до зела. / Пс. 118, ст. 43», долженствующий уверить читателя, что автор обещает быть до конца правдивым. Начинается очерк с благодарности газете «День», где «Волынь и Белоруссия с ее Полесьем получили свой отдельный русский облик, заявленный в литературном слове, и перестали безразлично сливаться и носить имя Польши на языке простого обыденного понятия»: «Не Польша, а народно-незыблемая православная Русь показала нам на страницах уважаемой газеты в многочисленных письмах, уведомлениях и заявлениях о нуждах Волыни и Северо-западного края. *Братства* назвались своим воскресшим, забыто-историческим именем, и, таким образом, просвещенному литературно сознанию общества представлялся и путь деятельной любви, чтобы вступить на него и идти на помощь страждущим новоосвобожденным братьям Подолии, Волыни и всего Северо-Западного Края»⁶.

Рассказывая историю своего включения в дело возрождения братств, Кохановская почти полностью приводит воззвание «Просьба», некогда помещенное в «Дне». Не будет лишним и нам дать большую цитату из этой части, поскольку здесь ярко выражено понимание писательницей основных задач братств (помимо жертв на храмы, чем преимущественно занимались столичные благотворители). Она заостряет именно социальную сторону дела:

¹ Речь идет о сети ростовщичества, под кабалой которого находились обнищавшие крестьяне Волыни.

² РО ИРЛИ. Ф. 263. Оп. 4. Ед. хр. 163. Л. 87–87 об.; в сокращенном виде цитируется в книге Н.Н. Платоновой [6, с. 181].

³ Из составленной библиографом С.И. Пономаревым описи, подробнейшим образом характеризующей архив Кохановской, который впоследствии был утрачен, мы узнаем, что часть ее корреспонденций о Волыни осталась незавершенной.

⁴ РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 4 об.

⁵ О реальной истории, давшей Кохановской тему для статьи, об откликах на нее смотри подробно в наших комментариях [2, с. 520–523]. В данной статье к этому сюжету мы обращаться не будем.

⁶ Москва. 1867. 24 марта. № 67. С. 2.

«В чем теперь весь вопрос правительства и вся забота тех людей, у которых болит сердце за западно-русский народ? В том, чтобы высвободить народ из-под влияния панов и жидов, которые, несмотря на объявленную волю, держат бедное истощенное народонаселение в самой тяжкой неволе – в своей кабале. <...> является бедняк с поклоном в ноги пану или его клевету жиду и слышит: “Что? Сладка московская воля? Что же ты не к москалям идешь, собачья твоя вера и собачья кровь (psia viara i psia krew)!”

Во имя Христа Бога, во имя брата нашего единоговерного и едино-русского, из которого тянут жилы и над которым ругается исконный враг Христа и безумный враг всего, что есть русское – *братства*, возобновленные братства должны прийти на помощь! Снять поругание с этой называемой Москвы, не дать убить веру в нас нашего брата и, что важнее всего, *братской помощью* ослабить мертвый óсел, который затягивают они вместе, жид и пан, на шею освобожденного народа. <...>

В ста рублях, – которые пусть братчики, записавшиеся из нас, постараются положить в основу своих братств и сделают эту сумму братской помощью в своем приходе для всякого, кому прежде нужно было идти продавать жиду или отдаваться в кабалу к пану – *сделают эти сто рублей приходским заемным банком, из которого братство будет выдавать свои ссуды за проценты*; но эти проценты, без сомнения, не могут быть ни панскими, ни жидовскими процентами.

Эта сумма: *сто рублей!* нам может показаться ничтожною и не стоящею того, чтобы с нею приступить к делу; но могу вас уверить, она стоит великого для бедного народа. Его нужды потому-то являются крайними вопиющими нуждами, что они составляют последнюю, в чем может себе отказать человек, и бывают так ничтожно малы, что не превышают трех-четырёх рублей – но эта трехрублевая нужда гнетом смерти лежит на белорусце, обутом в драные лапти, одетом в белую бесцветную одежду и который ест хлеб пополам с мякиною и еще добавляет его древесной корою! Неужели вы думаете, что содержатель корчмы еврей, который с тем вместе держит всё население в своей кабале, имеет всегда в наличности более, чем сто рублей, которые он раздает на свои жидовские проценты? Нет, он очень часто не имеет половины этой суммы; но всё дело в том, что в этом бедном селенье, в этом “родном крае долготерпенья”¹, где люди живут даже не на медный грош, а на веники и на сушеные грибы, а государственную подать, и еще теперь усиленную выкупную ссудою, платят не грибами и не вениками, – жид есть единственное лицо, которое звенит деньгой перед бедным народом и у которого рубль-два ли, но есть возможность получить займы, не стоя уже ни за какими жидовскими процентами.

И вот здесь-то именно, на этой посредствующей ступени между государством с его необходимыми тяжелыми требованиями и бедным истощенным народом с его пиявками, нашей общественной силою пусть воздвигнутся и станут возобновленные братства с их сторублевой братской помощью, *чтобы московская воля не показалась хуже панской неволи*. Имеющий уши слышать да слышит...»².

В очерке перечислены поименно все жертвователи, откликнувшиеся на «Просьбу», рассказано о подготовке к поездке, о несостоявшейся встрече в Петербурге с М.О. Кояловичем и состоявшейся (в Москве) с графиней А.Д. Блудовой³. Второе письмо целиком было

¹ Цитируется стихотворение Ф.И. Тютчева «Эти бедные селенья...»; кстати, с поэтом Кохановская с 1862 года уже была знакома лично.

² Там же.

³ «Мы встретились на одном пути. Как ни узка тропинка деятельности сельского братства с сторублевой помощью в руках, но и эта деятельность, и мысль моя, и сама я, – приняли столько сочувственной заботы, внимания и одобрения, что я истинно могу сказать: старшая сестра помогала делу и снаряжала в путь свою младшую. Не выходя из фрейлинских комнат Кремлевского дворца, решено было положить основу братской помощи и при Кирилло-Мефодиевском Острожском братстве, и мне радостно было думать, что эту основу

посвящено истории общения с московским купцом в одежде «лондонского джентльмена», который перевел на утверждение Яполотского братства 5000 рублей из капитала Щодчина, о чем мы уже говорили выше, а третье письмо («Что такое Волынь?») открывается гимном Киеву¹ и Малороссии, сложенным характерным для Кохановской образно-песенным языком, и дает понятие о контрасте двух земель – той, что лежит вблизи «святого крещального» Днепра и прикарпатской Волины.

В этом очерке Волынь показана через пейзаж, вызывающий у путешественницы-славянофильки ожидаемые чувства: «Разве Волынь не православная земля?»² На много верст не видно православных храмов, а над селами и местечками возвышаются «магнатский палац» (искаженное palazzo) и костел, и лишь где-нибудь «совсем внизу, на болоте, между зарослями тальника и ольхи, оглоданными тощей лошадекою, чернеют врассыпную курные избы и к ним жметя низенькая православная церковь...» «Вот она, Волынь! – восклицает автор очерка. – Вся она, в полноте живой исторической картины, которой глубокие очертания и староналоженные краски не успели еще изменить новые, недавние времена»³.

В следующих «письмах» и примыкающих к этому циклу статьях Волынь будет изображаться все время с оглядкой в эпоху «русской славы», в дни святого князя Феодора Острожского⁴ и его правнука Константина Острожского, просветителя и защитника православия в Западной Руси (при нем Острог стал «Сионом православия не только для Волины, но и для всего, что было тогда Литовскою Русью и Киевскою святорусскою землей»), и даже дальше в древность – до дней святого князя Василька Ростиславича, «страдальца нашей истории»⁵. И чем величественнее рисуется старина, тем больше нарастает испытываемая очеркисткой горечь при виде современного ей состояния Волины и конкретно самого города Острог, который, как оказалось, еще в 1866 году оставался на положении польского «владельческого города» («...как Острог, – это город, еще бывший удельным городом внука Ярослава Великого, – и теперь, когда Россия отпраздновала тысячелетие своей государственной жизни, остается закрепощенным владельческим городом князя Яблоновского?»⁶). Руины старого замка являются перед ней «во всей наготе и печали»⁷.

будто приняла под сень свою Кремлевская святыня» (Там же. С. 3).

¹ «...На верхах гор, другими золотыми верхами, вознесся и соорудился Киев, в своем Днепровском Иордане окрестил славянские племена в православную Русь, и с летописных времен стал он и до днесь устоял почти тысячелетним памятником давней нашей великокняжеской славы, монгольских и польских бедствий и просиял святынею на весь Русский мир. Киев на своей Печерской горе, *онебесившийся*, как поет церковная песнь, *идеже светозарные звезды, преподобные отцы, молитвенные лучи к Богу Свету о отечестве своем простирающе* по ту сторону Днепра, – Киев оттуда всем своим лицом, всем сиянием Киево-Печерской лавры и судьбами своей истории обращен сюда, на эту [русскую – О.Ф.] сторону. Он достойно народному величию запечатывает грань отдела южно-русской земли и приурочивает Малороссии святой крещальный Днепр» (Москва. 1867. 29 марта. № 70. С. 2).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Его мощи Кохановская в одном из своих очерков советовала перенести из Киево-Печерской Лавры в Острог, что вернуло бы жизнь в запустелый город и приблизило бы его к России. «И пусть это перенесение мощей св. князя Феодора совершится именно весною, когда Киев бывает полон русским народом. Что движет поклонников за шествующею святыней! Река русского народа потечет из Киева на Волынь, волеется в Острог, наполнит стены новосозданного храма, как бы ни были широки они; торжество православия осияет край, заглохший в униатстве, и Великий Острог, умаленный до степеней владельческого города польского пана, забытый и потерянный для жизни русского народа, – будет обретен, возвращен ей, будет братски признан и оповещен от края до края, во всю длину и ширину того, что зовется лицом Русской земли!» (Там же. 5 августа. № 100. С. 4).

⁵ Там же. 13 июля. № 82. С. 2.

⁶ Там же. 6 июля. № 76. С. 2. Этот статус город получил в 1770 году.

⁷ Там же. С. 3.

Подробно и точно Кохановская описывает падение рода князей Острожских и ряд событий, приведших к запустению их «столицы», насчитывавшей тогда уже семь с половиной веков исторической жизни. С наибольшей гневной скорбью она передает положение поистине нищенствовавших тогда православных храмов Волыни. В Пятницкой церкви Острога внимание автора привлекает едва виднеющаяся надпись на иконостасе:

«Надобно присмотреться, чтобы разобрать ее. Я разобрала, и у меня вся душа подвиглась, и что-то острое и горячее прилило к глазам. Плач Иеремии слышался с высоты: *“Путие Сиони рыдают, яко несть ходящих по ним...”*¹. Лучше, вернее, сильнее надписи, выражающей всё, что было в великом Остроге и случилось теперь с ним, что есть ныне в этой церкви и что отнято у православной страны, – другого рыдающего стиха нельзя было найти. Но этот острожский Иеремия, плохой маляр, не усомнился, однако, поставить, насупротив своего рыдания, плохими и кривыми письменами другое твердое и великое слово: *кто верова Богу и постыдеса*². Вот она, – надежда и вера южно-русского народа, его настоящее с прошлым и будущее, начертанные по ту и по другую сторону на высоте царских врат Пятницкой острожской церкви!»³

Запустение, уничтожение, смерть, могила, руины – направляющие и настойчиво звучащие во всем цикле мотивы. Отдельную статью Кохановская посвящает вопросу, «возможно ли восстание Великого Острога» (ее ответ – «да», но не быстро и не просто). Слово «восстание» используется здесь в его церковнославянском значении – «восстание (воскресение) из мертвых». «Но может ли этот мученический гроб не убраться цветами новой весны, когда единственная уния, которую теперь исповедует глагол нашего времени, есть теснейшее воссоединение всего русского народа, есть живая связь общественного понимания всех его отдельных страданий и существований в одной святыне нашей исторически-всенародной жизни, сначала шедшей с юга на север и теперь возвращающейся с севера на юг, до русского моря и всего православного востока»⁴.

Навсегда врезаются в память образы волынской жизни, запечатленные Кохановской, – величественные руины Богоявленского храма (некогда «славы и гордости» Острога); шумный Праздник кущей, когда православные опасаются даже выйти из дома и закрыты все лавки (даже русские), невозможно купить и хлеба; Почаев, где в местечке под стенами знаменитой Лавры не видно ни одного православного жилища, «нет ни одной души христианской»⁵ (все они подальше – в Старом Почаеве), и угасающие Межиричи с готовящимся к закрытию францисканским «кляштором» (монастырем), на месте которого снова будет православный храм. Печалит Кохановскую, что само историческое «имя Волыни» забывается, оттесненное названиями уездов «Волынской губернии» (Житомирский, Ровенский)⁶.

Если вспомнить слова Достоевского о «пафосе» Кохановской, то можно сказать, что в этих очерках был не собственно «пафос», а скорбь Страстных дней и светлая печаль Великой субботы: древняя земля, бывшая, напомним, для писательницы родиной ее предков, ожидала обновляющей весны Воскресения. Исторические судьбы, однако, поворачи-

¹ Плач. 1: 4.

² Неточная цитата; в Библии: «кто верова Господеви и постыдеса» (Иер. 17: 10; Сир. 2: 10).

³ Москва. 1867. 6 июля. № 76. С. 3.

⁴ Там же. 5 августа. № 100. С. 4.

⁵ Там же. 15 июля. № 84. С. 4.

⁶ «Наша славная русская историческая быль поросла чужеядною былью, и Великий Острог сменился и затмился жидовско-польским Житомиром» (Там же. 13 июля. № 82. С. 2).

чивали к новым Голгофам. Будет ли когда-нибудь возможна подлинно «живая связь» в «одной святыне», остается открытым вопросом.

Литература

1. Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина / изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова, О.Л. Фетисенко, В.Ю. Шведов. СПб., 2016.
2. Семья Аксаковых и Н.С. Соханская: Переписка (1858–1884) / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О.Л. Фетисенко. СПб., 2018.
3. *Фетисенко О.Л.* Кохановская (Н.С. Соханская) в газете «День» // «День»: История славянофильской газеты. СПб., 2017. Кн. 1. С. 81–94.
4. *Фетисенко О.Л.* Статьи Кохановской (Н.С. Соханской) в газете «Русский мир» (1877): К историко-литературному контексту «Дневника писателя» // Достоевский и мировая культура: Альманах. № 34. СПб., 2017. С. 315–336.
5. Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1964. Т. 2.
6. *Платонова Н.Н.* Кохановская: Биогр. очерк. СПб., 1909.
7. *Бирюкова М.А., Стрижев А.Н.* Надежда Степановна Кохановская (Соханская) (1823–1884): Материалы к библиографии // Литературоведческий журнал. 2019. № 45. С. 200–281.
8. *Фетисенко О.Л.* Погодин благословляющий, Погодин благодаримый: «Московский Нестор» в переписке с Надеждой Соханской // Русско-византийский вестник. 2020. № 2(4) (в печати).
9. *Пономарев Ст.* Опись бумаг, оставшихся после Н.С. Соханской (Кохановской) // Русское обозрение. 1898. Январь. С. 277–312.

Аннотация. Статья знакомит с не привлекавшим ранее внимание исследователей циклом очерков писательницы-славянофилки Кохановской (Н.С. Соханской) «Поездка на Волынь» (1866–1867), опубликованном в газете И.С. Аксакова «Москва». Само путешествие было предпринято ради посещения православного братства в одном из сел Ровенского уезда, где Соханская состояла «младшей сестрой». Яркими красками в очерках рисуется былая слава Волыни (Великого Острога и Почаева) и то состояние запустения, в которое погрузилась эта земля в период польского владычества, не прекратившегося, в сущности, еще и в середине XIX века. В одной из заметок речь заходит и о белорусах Полесья. Впервые публикуется письмо к М.П. Погодину 1866 года.

Ключевые слова: Н.С. Соханская (Кохановская), И.С. Аксаков, М.П. Погодин, славянофильство, публицистика, Украина, Волынь.

Olga L. Fetisenko, Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences. E-mail: betsy98@mail.ru

The Glory and Sorrow of Volhynia in the Essays and Letters of Kokhanovskaya (N. S. Sokhanskaya)

Abstract: This article introduces the cycle of essays of Kokhanovskaya “Trip to Volhynia” (1866–1867) published in I.S. Aksakov’s “Moscow” journal, that did not attract the attention of researches before. She made that trip to visit one of the Orthodox congregations in a village of Rovno region, where she was a “junior sister”. In her sketches the past glory of Volhynia and the state of desolation into which this land plunged during the period of Polish rule still present in the middle of the 19th century, is depicted in bright colors. In one of the essays the Belarusians of Polesie are also mentioned. For the first time the letter to M.P. Pogodin dated 1866 is published.

Keywords: N.S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya), I.S. Aksakov, M.P. Pogodin, Slavophilism, Publicism, Ukraine, Volhynia.

Этнокультурная природа восточнославянского населения Габсбургской империи в освещении газеты «Русская правда» (Черновцы, 1910–1913)

В границах Австро-Венгерской монархии удельный вес автохтонного восточнославянского населения накануне Первой мировой войны составил 8,5% (в Венгерском королевстве – 2,4%). Восточнославянский элемент преобладал во всех округах Восточной Галиции (лишь во Львовском округе его доля равнялась 37,1% населения), в Буковине составлял 38,1%, в Угорской Руси – 15,7%. Для обозначения местного населения использовались различные наименования. В начале XX века на официальном уровне чаще употреблялось понятие «русины» (“*Russen*”) или его латинизированная форма «рутены» (“*Ruthenen*”). В качестве автоэтнонима употреблялись наименования «русины», «народ русский», «руснаки». Деятели украинского движения настаивали на употреблении наименования «украинско-русский народ», затем – «украинский народ». Многообразие и противоречивость этнонимов говорит о том, что процесс формирования национального самосознания восточнославянского населения Габсбургской империи в начале XX века был далек от завершения [1, с. 52–53]. Кроме того, восточнославянский элемент находился под ассимиляционным давлением иных динамично развивавшихся национальных проектов (в Галиции – польского, в Буковине – румынского, в Угорской Руси – венгерского).

Значительная часть восточнославянского населения империи Габсбургов считала себя частью общерусского культурного и цивилизационного единства. В конце XIX – начале XX века данные силы столкнулись с новым, но набирающим силу интеллектуальным конкурентом – украинским национальным движением. А. Тесля, анализируя ситуацию в Галиции, отмечает: «Апелляция к некой большой общности, стоящей за местными группами (“украинской” или “русской”), позволяет придать этим группам вес, превосходящий их ситуативное влияние: они выступают уже репрезентантами некоего единого целого, обладающего ресурсами, намного превосходящими те, которые имеются в распоряжении галицийских русинов, и тем самым не давая замкнуть “решение вопроса” в пределы границ провинции (делая любое решение вопроса – не окончательным)» [31, с. 138]. Поэтому начало XX века ознаменовалось напряженной интеллектуальной борьбой между направлениями, которые в научной литературе часто обозначаются терминами «русифилы» и «укаинофилы». Общерусское направление общественной мысли Буковины было представлено изданием «Русская правда» (редактор-издатель – А. Геровский, ответственный редактор – И. Цурканович), которое выходило в Черновцах в 1910–1913 годах.

В газете «Русская правда» освещались важные общественно-политические события монархии – перепись населения 1910 года и (в особенности) кампания по выборам в парламент 1911 года. Перепись населения имела важное значение для представителей различных направлений общественной мысли Габсбургской империи, так как вопрос этнонима

Казак Олег Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета. E-mail: olegkazak90@tut.by

являлся важным аргументом в дискуссиях о национальном самосознании автохтонного восточнославянского населения. Случай в селе Шербовцы (Сиретский уезд), описанный в одном из номеров «Русской правды», демонстрирует степень национальной дезориентации восточнославянского населения под давлением украинского и румынского национальных движений: «В Шербовцах (Сиретский уезд), как и во многих других чисто русских селах, русские люди при народной переписи записались волохами [румынами – О.К.]. Это очень печальное последствие глупой “украинской” агитации, которая хочет сделать из русских людей каких-то “украинцев”. С одной стороны, народные учителя по приказу правительства учат мужиков, что они не должны называть себя русскими, но “украинцами”, и обзывают русских людей кацапами, а с другой стороны, некоторые волохи туманят народ, что православная вера, которую волохи переняли от русского народа, – это “волошская” вера, и поэтому все православные должны называть себя “волохами”. Таким образом многим русским мужикам так задурили голову, что они сами уже не знают, как себя называть. “Украинцами” они не хотят быть, потому что они даже не знают, что представляет собой эта “Украина”, а волохов они знают, поэтому скорее позволяют записать себя волохами, чем “украинцами”, если уж не позволяют им называть себя русскими, как их мать научила» [4, с. 4].

В еще одной статье газеты подчеркивались многократные нарушения, допускаемые местными чиновниками при проведении переписи населения: «Подлостью, хитростью, угрозами и арестом принуждают нас перекреститься из русских в рутенов. Мы знаем, что русский народ всеми силами противится этому, любыми способами защищается от этого мошенничества и насилия, но, видимо, староства и их комиссары лучше понимают свою задачу – ломать закон и объявлять русский народ несуществующим, умершим в Австрии». Далее приводились конкретные примеры злоупотреблений чиновников: «В Клевозне наши русские крестьяне четко заявили, что они укажут в качестве разговорного языка не рутенский, а русский, не “рутениш”, а “руссиш”. Но пан комиссар у них даже не спрашивал, на каком языке они говорят, лишь всех подряд записал рутенами. В Парговцах переписал комиссар одного человека и всю его семью против их воли как говорящих на немецком языке. В Добрыновцах какой-то негодяй записал русских мужиков униатами. В Черновцах комиссары действовали так же. Каждого русского человека, который указал русский язык, старались сразу всеми возможными способами уговорить заменить русский язык на рутенский. В конце концов, когда ничего не помогло, пригрозили несогласным штрафом в 40 корон. В один дом в Черновцах является комиссар тогда, когда никого нет дома, и всем, которые указали при переписи русский язык, записывает “рутенский”» [34, с. 1–2]. В этом же номере с иронией освещался случай в селе Климоуцы, где липоване (старообрядцы поповского направления, которые трактуются также как этнографическая группа русских) вопреки собственному желанию были записаны не русскими, а рутенами. Автор статьи напоминал, что даже премьер-министр Цислейтании Р. фон Бинерт в одном из выступлений в парламенте, отмечая отсутствие в Австро-Венгрии русского народа, в качестве исключения называл «липован-великороссов» [18, с. 6–7]. Очевидно, чиновники на местах «переусердствовали» в своем желании обеспечить выгодные для властей результаты переписи.

В «Русской правде» появляется множество публикаций, авторы которых пытались разобраться в природе украинского национального движения. Одна из статей, претендующих на статус программной, имела красноречивое название «Куда девались “украинцы”». Анонимный автор не без основания утверждал, что в то время в Российской империи в массовом сознании населения слово «украинский» имело не этнический, а географический смысл: «Украинцы живут в России на Украине, и они не сепаратисты, не отщепенцы, они русские, такие же русские, как мы тут в Буковине или Галичине, такие, как наши родные братья в Киеве, в Астрахани или в далекой Сибири; все они русские: и думают по-русски,

и говорят по-русски, и пишут по-русски. Называются они украинцами, потому что живут на Украине, так же как русский народ, живущий в Сибири, называют сибиряками, или русских, живущих в Буковине – буковинцами, в Галичине – галичанами. Название “украинец” далеко еще не определяет народности, так же, как название “буковинец” или “галичанин”. Если я скажу: я буковинец, можно ли из этого установить, какой я народности? Согласитесь, что нельзя? Буковинец может быть и евреем, и немцем, и волохом, и поляком, и вообще каждый, кто живет в Буковине или родом из Буковины, может назвать себя буковинцем. Поляк, который живет на Украине, он – украинец; он говорит по-польски, но он украинец, так как родился на Украине и на Украине живет. По-украински говорить он не может, так как нет такого языка, точно так же нет языка буковинского. А раз нет буковинского языка, то нет и буковинской народности; раз нет украинского языка, то нет и народности украинской». Приверженцев украинского национального проекта в империи Габсбургов автор статьи называл «лже-украинцами», которые при поддержке центральных властей стремились нивелировать общерусское самосознание значительной части местного населения. В саркастической форме излагалась схема рассуждений и аргументации представителей украинского политического движения: «В своих удивительных рассуждениях пришли они [украинцы – О.К.] к следующему заключению. Живущий в Украине, в Галичине, в Венгрии и в южной части России народ, – говорят они, – это русский народ; народ же, заселяющий другую, большую часть России, уже не русский, а “московский”. Но тот московский народ также называет себя русским, значит, просто незаконно присвоил себе название “русский”, мы, чтобы только отмежеваться от этого “москаля”, вынуждены отречься от своего исторического, милого, дорогого, святого названия “русский” и окрестить себя иначе. Но как? Совсем просто. В южной части России, то есть на Украине, живут 26 миллионов русских людей, которых также называют украинцами, разумеется, только потому, что они живут на Украине; назовем же и мы себя, то есть русских буковинцев и галичан, тоже украинцами, хотя, по правде говоря, не имеем на это никакого права, так как ни Галичина, ни Украина никогда не принадлежали Украине. И со временем наш народ привыкнет к новому названию, и со временем в Буковине и Галичине не будет русских, а будут лишь сами украинцы. Говорить мы будем по-украински, хотя и языка такого нет, все равно, мы будем говорить по-русски и скажем, что говорим не по-русски, а по-украински. Потому что лишь таким способом мы можем отмежеваться от того великого народа, который также называл себя русским» [16, с. 2–3].

Интересно, что данные современной исторической науки подтверждают мнение автора «Русской правды» об эволюции смысла слова «украинский»: от географического к политическому понятию, которое затем приобрело значение наименования отдельного славянского народа. Ф.А. Гайда отмечает, что в середине XIX века термин «украинцы» был превращен российским общественным деятелем В.М. Белозерским из географического понятия в этноним. Во второй половине XIX века в российской публицистике появилось партийно-политическое понимание слова «украинцы» (укаинофилы). Общеупотребимым в интеллигентских кругах этническое значение понятия «украинцы» становится только к 1917 году, в качестве автоэтнонима закрепляется в период советской «коренизации» 1920-х годов. В Австро-Венгрии «украинцы» как этническое самоназвание стало широко распространяться в период Первой мировой войны, а полное закрепление этого термина в качестве этнонима произошло только после присоединения славянских территорий к СССР (1939–1945) [5, с. 96–100].

Авторы «Русской правды» крайне болезненно реагировали на инициативу укаинофилов использовать фонетическое написание вместо этимологического, видели в этом попытку разрушения общерусского культурного пространства при поддержке Вены: «Из русского письма выбросили этимологию, ввели вместо нее фонетику, и Русь раздвоилась:

образовались враждебные друг другу партии». Апелляция к «простоте и доступности» фонетического письма казалась публицисту «Русской правды» неубедительной. Утверждалось, что сами украинофилы зачастую делали ошибки при использовании фонетического написания: «Сами те, которые обезобразили, опаскудили наше русское письмо, которые кричали, пищали, верещали, проповедали, что фонетика принесет благо, принесет счастье целому нашему народу, именно те украинские головы за 20 лет сами не успели или не смогли научиться правильно писать фонетикой». В статье приводилось письмо известного украинофильского политика Е. Пигуляка своему сподвижнику С. Смаль-Стоцкому (1904), которое содержало 19 ошибок [29, с. 2–4]. Рассуждения анонимного автора «Русской правды» созвучны выводам современного историка К.В. Шевченко, который проанализировал языковую политику властей Австро-Венгрии (в частности, поддержку использования фонетического правописания, так называемой кулишивки восточными славянами): «Данная языковая политика была призвана вырвать галицких русинов из лона общерусской культуры и русского литературного языка, создав предпосылки для последующего реформатирования их идентичности. Это полностью соответствовало традициям австрийской политики этнокультурной инженерии в отношении славянских народов, цель которой заключалась в максимальном подрыве этноязыкового единства славян и в их максимальном отдалении от России в культурно-языковом отношении» [36, с. 145].

Авторы «Русской правды», трактуя активистов украинского движения в качестве предателей, использовали следующие эпитеты: «фарисеи» [23, с. 9], «мазепинцы», «каиново племя» [8, с. 3], «янычары» [23, с. 9]. Клевета украинофилов на общественных деятелей прорусских взглядов была всеобъемлющей, наблюдалась как на низовом уровне, так и в высших эшелонах власти. Например, по доносу депутата Н. Василько в 1910 году власти учинили разгром ряда русофильских культурных институций Буковины, многие из которых были позже закрыты [20, с. 2]. Накануне парламентских выборов 1911 года в селе Мигов близ Сирета украинские и польские агитаторы голословно обвиняли в антигосударственной деятельности И. Цуркановича: «Цурканович – москаль, он не наш, он даже учился в России, он предатель нашего государства, он выступает против нашего цесаря» [26, с. 7]. В одном из номеров «Русской правды» был представлен критический обзор статьи львовской проукраинской газеты «Свобода», автор которой обвинял русофильское «Общество имени М. Качковского» в «деятельности на русские деньги и в интересах России» [28].

На страницах «Русской правды» регулярно появлялись публикации, в которых утверждался антигосударственный характер самого украинского движения: «Скажите сами, честные люди, не правы ли были мы, когда всегда говорили и писали, что “украинцы” сами предатели государства и хотят оторвать Буковину и Галичину от Австрии, а Малую Русь от России и создать для себя отдельное “украинское” государство? “Украинцы” уже давно это проповедают, что лучше всего видно теперь. Теперь ясно и понятно даже самому глупому, куда “украинцы” стреляют. Они бунтуют русский народ против нашего цесаря, они хотят иметь своего отдельного “короля”. “Украинцы” стали господствовать в наших школах, а “украинские” учителя учат, воспитывают в них русских детей так, чтобы они бунтовали против государства и цесаря» [33, с. 5]. Русофильское направление общественно-политической мысли позиционировалось как полностью лояльное Австро-Венгерскому государству: «Стремимся ли мы, русские в Австрии, хотя бы скрыто или тайно, не говоря уже явно, отделиться от Австрии и присоединиться к России, как это пытаются представить наши враги? Упаси Господи! У нас чего-то подобного не было даже в мыслях, и хотя мы всегда были верными австрийскому государству и не стремились, как украинцы в Австрии и России, к образованию “независимого украинского государства”, что они ни перед кем не скрывают, – несмотря на это нас тут так преследует австрийское правительство, что просто и верить не хочется» [27, с. 4]. В качестве доказательства отсутствия сепаратист-

ских настроений у русофилов Габсбургской империи в одной из статей приводились слова графа В.А. Бобринского (российский политик, лидер «Галицко-русского благотворительного общества», объект многочисленных инсинуации со стороны украинофилов) во время визита в Буковину в 1908 году: «Мы, русские в России и русские в Австрии, национально и культурно одно тело (это значит: у нас одно русское имя, один русский язык и одна православная вера), но хотя мы один народ, мы все таки не стремимся к политическому соединению (мы не хотим перемещать границу между Австрией и Россией), в чем нас обвиняют наши враги, потому что мы в России имеем своего царя, которому мы должны быть верными и которого мы должны любить, так же как вы в Австрии имеете своего цесаря, которого вы должны любить и которому вы должны быть верными» [30, с. 3].

Следует отметить, что российские власти оказывали определенную помощь русофильским организациям Австро-Венгрии, но ее объем был отнюдь не большим. Ходатайства государственных служащих различного ранга об увеличении финансирования, как правило, отклонялись вышестоящими структурами. Аргументация была следующей: подобные шаги могли спровоцировать ухудшение межгосударственных отношений. Так, еще в 1903 году российский консул в Черновцах А.И. Доливо-Добровольский сообщал в Министерство иностранных дел о бедственном положении русофильского направления в Буковине. По его словам, русофилы здесь представляли собой малочисленную «группу запуганных лиц». Консул считал необходимым организовать активную «поддержку русского элемента» путем «щедрых ассигнований». В поддержке русофильского движения А.И. Доливо-Добровольский видел один из способов противодействия «украинофильской пропаганде», которая, по его убеждению, представляла собой реальную опасность для российских государственных интересов. Предложения консула в Черновцах не встретили поддержки ни во внешнеполитическом ведомстве, ни в российском посольстве в Вене. По словам посла в Вене П.А. Капниста, это было бы недопустимым вмешательством во внутренние дела соседнего государства [13, с. 229–230]. Российский исследователь И.В. Крючков, изучивший документы российских дипломатов – сотрудников генерального консульства в Будапеште (фонды Архива внешней политики Российской империи), приходит к аналогичным выводам: «В целом российские дипломаты признавали, что деньги из России в область могли поступать от частных лиц. Однако их объем не был значительным, польза от них была мизерной при больших политических потерях России в Венгрии. Поэтому они предлагали принять меры по выявлению лиц, отправлявших из России в Подкарпатскую Русь деньги, и пресечению данных действий впредь. <...> К тому же генеральный консул России в Будапеште М. Приклонский обращал внимание на очень важный момент: правительство Венгрии не сомневалось в непричастности официального Санкт-Петербурга к агитации среди русинов, подозревая в таких действиях Синод и графа В. Бобринского» [15, с. 82–83].

Наибольшее освещение на страницах «Русской правды» получила тема парламентских выборов 1911 года, которые прошли под знаменем ожесточенного противостояния русофилов (являлись членами «Русско-народной партии» или поддерживали ее программу) и украинофилов. Очевидно, сторонники украинской ориентации понимали, что слово «украинец» еще не закрепилось в качестве автоэтнонима среди восточнославянского населения, поэтому в предвыборной агитации зачастую обращались к «русскому народу». На этот факт многократно обращали внимание авторы «Русской правды». В одной из статей описывалась тактика украинофилов: «Лучше, говорят они [деятели украинского движения – О.К.], поступать так: когда надо, будем называть себя “украинцами”, а когда это может нам навредить, тогда посмотрим назад и снова назовем себя русскими! И, кажется, они взяли верх. Возьмите хотя бы предыдущие номера их дурной и лживой газеты “Народный голос” и перечитайте. Там вы уже не найдете слов “русский”, “русский” или “руський”, там

наш народ в Буковине называют они лишь украинским. А теперь, во время выборов, куда-то пропала "украина", вы во всей их газете не найдете слова "украинский". Нет, потому что теперь выборы, теперь нужно и мужика, русского мужика, повести за собой, потому что мужик голосует, поэтому нужно ему пустить пыль в глаза, нужно его обмануть» [27, с. 7]. Н. Василько, который с парламентской трибуны в Вене многократно заявлял об отсутствии в Буковине русского населения (оно трактовалось депутатом как рутены или украинцы), призывал жителей Сиретского округа голосовать за А. Маллека. Соответствующие плакаты были размещены в общественных местах населенных пунктов. Показательно, что в послании Н. Василько использовался исключительно термин «русский» («русские послы», «наш православный русский народ» и другие). Русофильский деятель К. Могильницкий традиционно обвинялся в антигосударственной деятельности в интересах «московского царя» [17, с. 3–4]. Показательно, что после выборов Н. Василько, сохранивший депутатский мандат, обнародовал обращение к своим избирателям. Оно было широко растиражировано и размещено в общественных местах Черновцов. Слово «русский» вновь используется в негативном контексте, население региона трактуется как украинское: «Враги нашего народа объединились против нас; сторонники русского царизма с большей частью волошских панов старались навязать царских слуг в качестве ваших заступников в сойме и парламенте, которые не любят украинского народа. Но лишь малая часть наших избирателей из-за подкупов и угроз сбилась с дороги. Подавляющее большинство наших избирателей осталось верным своим предводителям, поэтому соймовые и парламентские выборы завершились удивительной победой официальных украинских кандидатов» [14].

Действительно, выборы 1911 года зафиксировали усиление позиций украинофилов, которые получили 29 мандатов (в том числе все пять мандатов в избирательных округах Буковины), в то время как русофилов в новом парламенте было всего двое [13, с. 120]. Анонимный автор «Русской правды», однако, сомневался в прозрачности выборов и в обращении к украинским депутатам не без основания заявлял: «Не народ вас выбрал, но правительство» [22]. В ряде номеров «Русской правды» приводились многочисленные примеры вопиющих нарушений в ходе предвыборной кампании и самих выборов. Сообщалось, что в школах Коцманского округа накануне выборов проводились собрания сторонников украинофилов, в то время как прорусские деятели не могли добиться от местных чиновников разрешения на проведение своих собраний [32]. В одном из сёл близ крупнейшего города Буковины произошел следующий случай: «В Стрелецком Куте под Черновцами честному хозяину Ковалюку "украинцы" выбили окна за то, что он не хотел агитировать за "украинского" кандидата Поповича, твердо стоял за своего русского кандидата» [9]. Местные чиновники (старосты, жандармы), как правило, агитировали крестьян голосовать за украинофилов [11]. В день выборов многие избирательные участки (например, в упомянутом селе Стрелецкий Кут) больше походили на питейные заведения: крестьян спаивали водкой, после чего уговаривали голосовать за проукраинского кандидата либо забирали бюллетени и делали «нужный» выбор сами [37, с. 3]. Вот как описывается ход выборов в селах Бергоммет, Луковец и Мигов: «В день выборов происходили такие беззакония, что описать их почти невозможно. Предписания закона, который запрещает агитацию за 100 шагов от избирательного участка, комиссары и жандармы применяли только для нашей Русско-народной партии, а для "украинцев" закона не было. Агитаторы "украинской" партии агитировали на глазах жандармов и комиссаров как во дворе перед избирателями, так и в коридоре и даже в комнате, в которой проводились выборы. Карточки для голосования отбирали, вырывали силой у наших людей и вместо нашего русского кандидата записывали "украинца". В одной из упомянутых трех общин председатель избирательной комиссии (разумеется, "украинец") отбирал карточки для голосования у тех людей, о которых знал, что за его сторонника Лысана не дадут свой голос. Один из наших

русских людей обратил внимание комиссара (“украинца”), что закон запрещает отбирать карточки и агитировать перед избирателями, но получил ответ, что изъятие карточек и контроль за голосованием не являются противозаконными» [10, с. 2–3]. Подобные случаи фиксировались повсеместно.

По точному замечанию автора монографии «Этническая история регионов Украины» С.В. Лебедева, «в результате раскола русинского движения на москвофилов и украинофилов русины, являясь этническим большинством в крае [Буковине – О.К.], не имели сильных позиций ни в политике, ни в экономике, ни в культуре. Русинское движение в целом значительно уступало по организованности румынскому» [19, с. 232]. Румынизация в регионе приобрела внушительные масштабы. За 1900–1910 годы 32 села из русинских стали румынскими [19, с. 230]. Уникальность ситуации заключалась в том, что румыны, как и восточнославянское население региона, исповедовали православную веру. Православная церковь в Буковине не являлась основным фактором сохранения общерусского самосознания жителей региона, как это было в Угорской Руси и, частично, в Галиции. Пространная статья, посвященная использованию румынским национальным движением фактора православной веры, была опубликована в номере «Русской правды» за 21 января 1911 года. В статье утверждалось, что румынизация православного восточнославянского населения Буковины была выгодна всем противникам существования общерусской национальной общности: «Волохи называют православную веру волошской и тем самым целенаправленно туманят наших русских мужиков, говоря им, что они должны называть себя волохами, если они волошской веры; а латинники-униаты повторяют то же самое, объясняя русским мужикам, что они как русские люди не должны придерживаться волошской веры. Таким образом православную церковь подрывают с двух сторон: с волошской стороны для того, чтобы сволошить [румынизировать – О.К.] русский народ, а с латинской стороны для того, чтобы оторвать русский народ от православия и перевести его в унию» [24]. Материалы о румынском национальном движении в Буковине встречались на страницах «Русской правды» нечасто, что позволяет сделать вывод о недостаточном внимании авторов издания к данной проблематике.

Тематика большинства материалов «Русской правды» касалась проблем Буковины, но на страницах газеты публиковались статьи о жизни восточнославянского населения других регионов Австро-Венгрии (Галиции, Угорской Руси). События в Галиции, получившей в начале XX века неофициальный статус «украинского Пьемонта», были схожи с событиями в Буковине: власти поддерживали украинское движение, пытались всячески ослабить общерусское национальное самосознание жителей края. Важная роль в этих планах отводилась греко-католической церкви, возглавляемой архиепископом Львовским, митрополитом Галицким А. Шептицким. Приводились факты притеснения православных в Галиции. А. Шептицкий, известный своими проукраинскими взглядами, по меткому замечанию автора одной из статей газеты, «как истинный иезуит страшно ненавидел все православное и русское» [6]. Перепись населения в Галиции проходила с теми же нарушениями, что и в Буковине. В одном из выпусков газеты сообщалось о следующем случае: «Староство в Горлицах, в Галичине, наложило на русского священника Иоанна Городецкого 20 корон штрафа (или два дня ареста) за то, что он во время переписи населения записался русским. Староство сделало это якобы на основании параграфа 30 закона о народной переписи, в котором сказано, что если кто-то во время народной переписи скажет неправду, то староство имеет право наказать его денежным штрафом до 40 корон или арестом на четыре дня. Как известно, правительство не хочет признавать того, что в Австрии живет русский народ, правительство переименовывает нас в рутенов или украинцев и говорит, что русского народа в Австрии нет, поэтому и отец Иоанн Городецкий не может

быть русским, а если он говорит, что он русский, то он говорит неправду, а за неправду наказывают» [7, с. 3–4].

Авторы «Русской правды» освещали и события в Угорской Руси (сегодня – Закарпатская область Украины), составлявшей венгерскую часть дуалистической монархии. Греко-католическая вера, насаждаемая с середины XVII века и практически вытеснившая традиционное православие в регионе, рассматривалась авторами издания как переходный этап к полному окатоличиванию восточнославянского населения региона: «Так получилось, что на Угорской Руси перестала существовать православная вера и господствует латинско-униатская. Латиняне придумали унию для того, чтобы православный народ незаметно обманом перевести на латинскую ересь. То есть они оставили народу старые книги и православное богослужение, но саму веру переменили на латинскую ересь. Видимое – тело – оставили, а невидимое – душу – забрали и погубили» [2]. Кроме того, греко-католическая церковь стала одним из важнейших инструментов мадьяризации населения Угорской Руси. По точному и ироничному замечанию автора одной из статей, «украинцев» в Венгрии не было, потому что правительство «их там не посеяло». Автор заметки резонно утверждал: «Кто хочет служить венгерским панам, тот просто становится венгром». Инициаторами таких мадьяризационных процессов чаще всего и становились греко-католические священники: «Русского мужика стараются мадьяризовать всеми способами, особенно школой, а в последнее время и церковью. Между тамошними попами нашлось много предателей, которые, чтобы прислуживать венгерским панам, ведут богослужение в русских церквях по-венгерски и даже читают проповеди по-венгерски» [21].

Движение жителей Угорской Руси за возвращение к православной вере, зародившееся в конце XIX века и достигшее наибольшего размаха накануне Первой мировой войны, жестко подавлялось венгерскими властями. Так, в 1912 году в селе Иза жандармы на основании доносов греко-католических священников постоянно вмешивались в ход праздничных церковных мероприятий, приуроченных к дню Пасхи. Несмотря на подобные действия жандармов (в том числе аресты отдельных православных активистов), пасхальные мероприятия состоялись. Автор заметки в «Русской правде» пришел к следующему умозаключению: «Православные жители Изы не падают духом, они все готовы страдать за православную веру, и никакая сила не сможет их вернуть обратно в унию. Они собираются все на молитву в свою церковь и хвалят Бога, а голос их песней расходится далеко и широко по многострадальной Угорской Руси. Смело и бодро стояли они многие годы за православную веру, и есть полная надежда, что они добьются своего, а за ними и вся Угорская Русь вернется в лоно православной церкви» [3]. В письме в редакцию «Русской правды» православный житель одного из сел Угорской Руси так описывал атмосферу того времени: «У нас в селе преследование за веру Христову православную. У меня отобрали много церковных книг, меня истязали, считали меня каким-то бунтовщиком. Хотелось бы много об этом написать, но в силу обстоятельств сделать этого не можем. Потому что прижали нас так, что и дышать не можем. Мучают нас жандармы, страшат нас тюрьмами, штрафами, всякими наказаниями, поэтому не можем и не смеем ничего лишнего и подумать» [12]. Подобные материалы регулярно публиковались на страницах «Русской правды» в 1912–1913 годах.

Таким образом, черновицкая газета «Русская правда» является ценным источником по истории восточнославянского населения Габсбургской монархии накануне Первой мировой войны. В издании фиксировались многочисленные факты преследований прорусски настроенного населения Буковины, Галиции, Угорской Руси. Авторы газеты точно определяли глубинные мотивы действий властей в национально-культурной сфере, которые заключались в подрыве общерусского национального самосознания восточнославянского населения Австро-Венгрии. Однако авторы издания не уделили должного внимания попу-

ляризации идеи принадлежности восточнославянских регионов империи к общерусскому цивилизационному единству. В «Русской правде» практически отсутствовали материалы, посвященные вопросам русской истории, культуры, общественной мысли. Представленная в газете информация доказывает, что в начале XX века украинская модель национальной идентичности среди восточнославянского населения монархии еще не являлась господствующей, но уже получила значительное распространение. Данный процесс был завершен только после присоединения территорий бывшей Австро-Венгрии к СССР и в период существования независимой Украины.

Литература

1. *Борисёнок Е.Ю.* Несоветская украинизация: власти Польши, Чехословакии и Румынии и «украинский вопрос» в межвоенный период. М.: Алгоритм, 2017. 304 с.
2. Борьба за православную вѣру на Угорской Руси // Русская правда. 1911. 18 ноября. С. 9.
3. Воскресение на Угорской Руси // Русская правда. 1912. 13 марта. С. 2–3.
4. Въ Шербовцахъ // Русская правда. 1911. 8 сѣчня. С. 4.
5. *Гайда Ф.А.* Грани и рубежи: понятие «Украина» и «украинцы» в их историческом развитии. М.: Модест Колеров, 2019. 200 с.
6. Гонение на русскихъ священниковъ // Русская правда. 1911. 3 июня. С. 7.
7. Двѣ правды // Русская правда. 1911. 27 мая. С. 3–4.
8. Доборолась «украина» до самого краю // Русская правда. 1911. 25 лютого. С. 3–4.
9. Еще не одному окна повывѣтають // Русская правда. 1911. 22 цвѣтня. С. 8.
10. Еще про выборыи шахрайства // Русская правда. 1911. 1 цвѣтня. С. 2–4.
11. Жандармы агитують // Русская правда. 1911. 18 марта. С. 7.
12. Изъ Угорской Руси // Русская правда. 1912. 1 июня. С. 2.
13. *Клопова М.Э.* Русины, русские, украинцы: Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. М.: Индрик, 2016. 280 с.
14. Крайняя безличность // Русская правда. 1911. 10 июня. С. 5.
15. *Крючков И.В.* Русины в Подкарпатской Руси в восприятии российских дипломатов – сотрудников генерального консульства в Будапеште в конце XIX – начале XX в. // Славянский альманах. 2015. Вып. 3–4. С. 77–86.
16. Куда дѣвались «украинцы» // Русская правда. 1911. 8 сѣчня. С. 2–4.
17. Куда дѣлась Украина? // Русская правда. 1911. 13 мая. С. 3–4.
18. Куда дѣлся русскій народъ? // Русская правда. 1911. 15 сѣчня. С. 6–7.
19. *Лебедев С.В.* Этническая история регионов Украины. СПб.: Алетей, 2019. 506 с.
20. Наши украинофманы ликують? // Русская правда. 1911. 11 лютого. С. 2–3.
21. Новая униатская епархія на Уграхъ // Русская правда. 1912. 13 июля. С. 1–2.
22. По выборахъ // Русская правда. 1911. 25 марта. С. 1.
23. Православие и Пигулякъ // Русская правда. 1911. 15 сѣчня. С. 8–9.
24. Православная вѣра чи волоская? // Русская правда. 1911. 21 сѣчня. С. 1.
25. Простая бесѣда // Русская правда. 1911. 8 цвѣтня. С. 6–8.
26. Противъ общого ворога треба ити разомъ // Русская правда. 1911. 20 мая. С. 7–8.
27. Россійское «самодержавіе» въ отношеніи до «украинцевъ» въ Россіи, и австрійская «конституція» въ отношеніи до русскихъ Австріи // Русская правда. 1911. 22 июля. С. 3–4.
28. Русско-народный праздникъ во Львовѣ и «украинскіи» шубравцы // Русская правда. 1911. 16 сентября. С. 2–4.
29. Сами себе по «пискахъ» бьють // Русская правда. 1911. 21 сѣчня. С. 2–4.
30. Судь надъ г. Могильницкимъ // Русская правда. 1911. 20 мая. С. 2–4.
31. *Тесля А.* Русские беседы: соперник «Большой русской нации». М.: Рипол-классик, 2018. 468 с.
32. Украинскій автомобиль // Русская правда. 1911. 13 цвѣтня. С. 4.
33. «Украинцы» приготавливають противъ Австріи революцію // Русская правда. 1911. 1 цвѣтня. С. 5.
34. Хотять живцемъ насъ закати // Русская правда. 1911. 15 сѣчня. С. 1–2.
35. Чого хотять «украинцы»? // Русская правда. 1911. 27 мая. С. 3.
36. *Шевченко К.В.* Языковая борьба в Восточной Галиции в XIX веке в оценках галицко-русских общественных деятелей // Язык и идентичность: язык, литература и славянские идентичности в XVIII–XXI веках: тематический сборник / ред. К.В. Шевченко. Белград: Институт политических исследований, 2020. С. 130–157.
37. *Шпилька Г.* Лайдацтва и розбои при выборахъ // Русская правда. 1911. 25 марта. С. 2–7.

Аннотация. В статье рассматриваются материалы газеты «Русская правда», которая выходила в Черновцах в 1910–1913 годах. Данное издание отстаивало идею о принадлежности восточнославянского населения монархии Габсбургов (Буковины, Галиции, Угорской Руси) к единой общерусской национально-культурной общности. Основной проблематикой материалов «Русской правды» являлся вопрос природы украинского национального движения, которое пользовалось определенной поддержкой со стороны властей. В издании проанализированы основные механизмы подавления общерусских настроений в Австро-Венгрии (запрет русофильских институций, манипуляции при проведении переписи населения 1910 года, многочисленные нарушения и злоупотребления во время парламентской кампании 1911 года, гонения на православную церковь). Газета «Русская правда» является ценным источником по истории восточнославянского населения Габсбургской монархии накануне Первой мировой войны.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, русины, русофилы, украинофилы, идентичность.

Oleg G. Kazak, PhD in History, Associate Professor, Department of Political Science, Belarusian State Economic University. E-mail: olegkazak90@tut.by

Ethno-cultural Nature of the East Slavic Population of Gabsburg Empire as Covered in the “Russkaya Pravda” Journal (Chernovtsy, 1910–1913)

Abstract. The article examines «Russkaya Pravda» («Russian Truth») journal publications issued in Chernovtsy in 1910–1913. This periodical advocated the idea that the East Slavic population of the Habsburg monarchy (Bukovina, Galicia, Ugric Rus) belonged to the common all-Russian national-cultural community. The main issue covered in «Russkaya Pravda» publications was that of the nature of the Ukrainian national movement somewhat supported by the authorities. The periodical analyzed the main mechanisms of all-Russian movement suppression in Austria-Hungary (namely, the ban on Russophile institutions, manipulations during the 1910 population census, numerous violations and abuses during the parliamentary campaign of 1911, persecution of the Orthodox Church). «Russkaya Pravda» journal is a valuable information source on the history of the East Slavic population of the Habsburg monarchy on the verge of the First World War.

Keywords: Austria-Hungary, Rusyns, Russophiles, Ukrainophiles, Identity.

Русофил из Подкарпатской Руси в чехословацких эмигрантских институтах: политический портрет Павла Цибере (1940–1944)

История Подкарпатской Руси (сегодня – Закарпатская область Украины) в XX веке является примером активных опытов этнокультурной инженерии в отношении коренного восточнославянского населения региона, традиционно именовавшего себя этнонимом «русины». В межвоенный период, когда регион входил в состав Чехословакии, местные интеллектуальные элиты представили на суд общественности несколько моделей идентичности русинского населения: русофильскую, украинофильскую и русинофильскую. Русофилы трактовали русинов как ветвь единого русского народа «от Карпат до Камчатки». Украинофилы считали местное население украинцами с «неразбуженным» национальным сознанием. Русинофилы же декларировали тезис о существовании отдельного русинского народа, который не является частью русских или украинцев. После поэтапного включения территории региона в состав Венгрии (ноябрь 1938 года, март 1939 года) официальным идеологическим курсом стал «угро-русинизм», приверженцы которого объявляли русинов отдельным славянским народом, которому не были свойственны прорусские и проукраинские настроения и который на протяжении истории сохранял верность венгерскому государству. Представители Подкарпатской Руси, которые после событий марта 1939 года принимали участие в деятельности эмигрантских чехословацких структур, показали себя последовательными сторонниками иных национально-языковых ориентаций.

В октябре 1940 года в Лондоне экс-президентом Чехословакии Э. Бенешем был создан Государственный совет как совещательный орган – предпарламент. В качестве представителя Подкарпатской Руси в Государственный совет был включен Павел Цибере (1910–1969) – бывший руководитель Аграрного союза молодежи Подкарпатской Руси, генеральный секретарь Центрального карпаторусского национального совета (образован 11 ноября 1938 года). В ноябре 1938 – августе 1939 года политик пребывал в Праге [2, с. 129–130]. Цибере выступал против открытого проукраинского курса автономного правительства А. Волошина (октябрь 1938 – март 1939). В январе 1939 года П. Цибере вместе с видным русофильским деятелем региона С. Анталовским отправился в Берлин, дабы проинформировать властные круги о ситуации в Подкарпатской Руси и просить их оказать давление на правительство А. Волошина в целях репрезентации последним «также и интересов русского направления». На замечание сотрудника Канцелярии Президента Чехословакии, что «такие проблемы надо решать дома, чтобы не давать стимул иностранцам вмешиваться в наши внутренние дела», С. Анталовский ответил следующее: «Мы делали всё возможное для исправления ситуации, работали как в Хусте [столица автономной Подкарпатской Руси в ноябре 1938 – марте 1939 года – О.К.], так и в Праге. К сожалению,

Казак Олег Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета. E-mail: olegkazak90@tut.by

безрезультатно. В Берлине мы не собираемся жаловаться на Президента республики и центральные власти, только корректно обрисовать положение в Подкарпатской Руси, чтобы Берлин был информирован и мог правильно поступить, использовал свое влияние на местную власть» [17]. Дело в том, что руководство Германии оказывало прямую (в том числе финансовую) поддержку автономному кабинету и вследствие этого имело на него значительное влияние. Достоверно неизвестно, состоялась ли встреча русофильских деятелей с представителями руководства нацистской Германии. Однако сам факт планирования подобной встречи свидетельствует о том, что некоторые общественные деятели Подкарпатской Руси видели полную беспомощность Праги, ее неспособность контролировать ситуацию в стране.

В сентябре – декабре 1939 года П. Цибере находился в эмиграции в Югославии. Затем через посла Чехословакии в Белграде он обратился в Чехословацкий национальный комитет, а в 1940 году, будучи в Париже, установил более тесные контакты с этой организацией. После падения Парижа (25 июня 1940 года) П. Цибере вместе с Комитетом выехал в Лондон и вскоре вошел в состав Государственного совета. 12 января 1941 года Цибере было поручено возглавить Канцелярию по делам Подкарпатской Руси [2, с. 130].

Канцелярия по делам Подкарпатской Руси организационно относилась к Министерству внутренних дел, но использовала помещения (две комнаты) секции пропаганды Министерства иностранных дел. Цели данной структуры были следующие: написание статей для чешской, английской прессы; налаживание контактов с соотечественниками в армии, а также в странах Северной Америки; пропагандистская деятельность среди карпаторусов и (на английском языке) среди жителей англосаксонского мира [14, s. 589]. Примером подобной пропагандистской продукции является опубликованная в 1943 году в Лондоне под редакцией П. Цибере книга о жизни «карпаторусских партизан». В предисловии к книге Цибере отчетливо обозначил свои русофильские взгляды: «Судьба карпаторусского народа сложилась трагически. Карпаторусский народ является частью великой русской нации, чью культуру он разделяет. Хотя на протяжении веков наш карпаторусский народ разлучен с братьями из России, он уверенно осуществляет свою культурную миссию и, не смотря на все трудности, успешно отстаивает и развивает русскую культуру в Карпатской Руси» [5, р. 6]. Основу книги составляет повествование о жизни партизанского отряда на территории Подкарпатской Руси, большинство которого составляли местные русины, воевавшие вместе с чехами и словаками. Взаимоотношения между ними описывались в самых радужных тонах: «Справедливость, дружелюбная атмосфера, дисциплина и военный задор, которые царили в нашем отряде, в результате образовали счастливое единство, в котором жили братские нации чехов, словаков и карпаторусов» [5, р. 44]. Подобные сообщения о «широком партизанском движении» в Подкарпатской Руси в 1939–1943 годах являлись пропагандистским приемом, рассчитанным на западное общественное мнение, и мало соответствовали действительности.

Однако уже в самом скором времени члены эмигрантского правительства в Лондоне стали выражать свое недовольство деятельностью Канцелярии по делам Подкарпатской Руси. Так, государственный секретарь Министерства иностранных дел Г. Рипка 8 августа 1941 года на заседании правительства утверждал, что вся необходимая пропагандистская деятельность должна осуществляться соответствующими структурами его ведомства, вследствие чего наличие Канцелярии по делам Подкарпатской Руси являлось нецелесообразным [14, s. 572]. На заседаниях 20 и 24 марта 1942 года была озвучена обеспокоенность тем фактом, что П. Цибере вел агитационные радиопередачи на русском языке. По мнению министра Я. Нечаса, это могло стать поводом для различных спекуляций со стороны официального Будапешта. Министр предлагал вести передачи «во-первых, на русском, во-вторых, на “местном языке”» [15, s. 191–192]. Г. Рипка считал возможным объявить

свободу действий представителям всех национально-языковых направлений (русофильского, украинофильского и русинофильского) и предлагал, подобно Я. Нечасу, вести радиопередачи попеременно на русском и русинском языках [15, s. 192–193]. В дальнейшем недовольство фигурой русофила П. Цибере, не желавшего идти на компромисс с представителями иных идеологических направлений, в правительственных кругах Чехословакии возрастало. 27 ноября 1942 года правительство приняло решение ликвидировать Канцелярию по делам Подкарпатской Руси и возложить свойственные ей ранее задачи на отдел пропаганды Министерства иностранных дел [15, s. 758].

П. Цибере в тот же день выразил протест действиям правительства. Выступая на пленарном заседании Государственного совета 2 декабря 1942 года, политик декларировал свое несогласие с решением о ликвидации Канцелярии по делам Подкарпатской Руси: «Если по каким-то причинам правительство реорганизует Канцелярию, то реорганизация должна проводиться так, чтобы тут, в эмиграции, карпаторусам было понятно, что правительство их уважает и следует международным обязательствам по Подкарпатской Руси, включенным в конституцию республики» [11]. Свою позицию П. Цибере конкретизировал в письме министру внутренних дел Ю. Славику 23 декабря 1942 года Русофильский политик был возмущен, что решение о ликвидации Канцелярии по делам Подкарпатской Руси было принято без его ведома. Данную организацию П. Цибере считал «не только центральным пропагандистским и информационным органом в карпаторусских делах», но и «политическим центром всей карпаторусской эмиграции и символом особого конституционно-правового статуса Подкарпатской Руси в Чехословацкой Республике» [8].

Параллельно с работой в эмигрантских чехословацких организациях П. Цибере вел переписку с русинскими деятелями в США. В отправленном в июле 1942 года письме первому губернатору Подкарпатской Руси (1919–1921) Г. Жатковичу, который на протяжении нескольких десятилетий являлся одним из лидеров русинской диаспоры в Америке, П. Цибере излагал свое видение послевоенного устройства Подкарпатской Руси: возвращение региона в состав Чехословакии на правах широкой автономии, обсуждение и решение всех проблем национально-культурной жизни. При этом русофильский деятель сетовал на то, что правительство Чехословакии в эмиграции «не признало языковую проблему принципиальной», тем самым внеся «хаос и раскол в нашу нацию». В письме одному из лидеров русофильского направления русинского движения в США И. Ладыжинскому (9 июня 1942 года) П. Цибере представил свои рассуждения относительно набиравшей популярность идеи присоединения Подкарпатской Руси к СССР (данную стратегию, в частности, отстаивала просоветская русофильская организация в США «Лемко-Союз»): «Местное население любит Россию, особенно теперь, когда она храбро воюет. Но никто не может эти чувства эксплуатировать в собственных политических целях. С другой стороны, естественный порыв масс не должен подавляться. Надо просто отделять политические проблемы от культурных вопросов. Мы, карпаторусы, как ветвь русского народа, хотим, чтобы русская культура была нашей культурой и являлась связующим звеном между нами и русским народом. Вопрос государственной принадлежности был решен в 1918 году. Мы должны не только оставаться верными гражданами Чехословацкой Республики, но и активно добиваться ее международного признания. Но мы не можем соглашаться с любыми ограничениями прав нашей нации» [6].

20 июля 1943 года П. Цибере отправил в адрес правительства и Президента Э. Бенеша специальный меморандум. Представитель Подкарпатской Руси в Государственном совете выдвигал претензии Праге в излишнем централизме по отношению к карпаторусскому народу, который представлялся властным кругам Чехословакии «не до конца сформированной этнографической массой». Автор меморандума оставался верен своим русофильским взглядам: «Чехословацкие правящие круги боялись свободного развития

настоящей русской культуры и русского литературного языка в Подкарпатской Руси, так как это могло привести к уверенному доминированию русского народа в регионе, что наиболее полно соответствует духу культурно-национального возрождения карпаторусского народа». Политик также отмечал: «Мы не против культуры западных славян, но придерживаемся национального и культурного единства с великим русским народом. <...> Карпаторусы были и остаются ветвью русского народа и никогда не представляли и не представляют возможности своего национального возрождения без естественного развития русской культуры, русского языка и самой тесной связи с русской нацией». П. Цибере справедливо указывал, что в межвоенный период власти Чехословакии благосклонно относились к переселенцам из соседней Галиции (входила в состав Польши), которые работали в учебных заведениях Подкарпатской Руси и активно пропагандировали украинскую модель национальной идентичности. В меморандуме отмечалось, что правительство в Лондоне не отказалось от прежней политики Праги, фактически сняло с актуальной повестки дня вопрос Подкарпатской Руси, в своей публицистике использовало для наименования региона и его населения термины «Карпатская Украина», «украинский», что не соответствовало историческим реалиям. Кроме того, П. Цибере выдвигал требование предоставления обещанной автономии Подкарпатской Руси сразу после восстановления чехословацкой власти в регионе [10]. Не получив ответа на свой меморандум, Цибере 9 ноября 1943 года отправил письмо Э. Бенешу, в котором просил снять с себя полномочия члена Государственного совета [16, s. 450]. Через несколько дней состоялась беседа П. Цибере с бывшим секретарем Э. Бенеша П. Дртиной, который в годы Второй мировой войны входил в неофициальный круг приближенных Президента Чехословакии в изгнании. Цибере с плохо скрываемой обидой сообщил о своей неспособности выполнять обязанности члена Государственного совета. Русофильский политик напомнил, что его меморандум правительству и Э. Бенешу остался без ответа, и интерпретировал данный факт как нежелание представителей чехословацкой политической эмиграции считаться с интересами карпаторусского народа: «Нельзя так [плохо] относиться к человеку, который был назначен членом Государственного совета, только за то, что он карпаторус». Также П. Цибере сообщил, что за все время пребывания в Лондоне он ни разу не удостоился встречи с премьер-министром эмигрантского правительства. Кроме того, по замечанию политика, во время торжественных мероприятий, посвященных 25-летию провозглашения Чехословацкой Республики, ни один из выступавших даже не упомянул о Подкарпатской Руси. П. Цибере сказал П. Дртинке, что не изменит своего решения об отставке [9].

Новость о прошении об отставке П. Цибере была негативно встречена в среде русофильского крыла русинской диаспоры в США. В. Станканинец считал, что такое решение выгодно идеологическим противникам русофилов, а также утверждал, что Вашингтон не будет вмешиваться в национальную политику в Чехословакии. В письме П. Цибере В. Станканинец писал: «Ни я, ни наши сотрудники здесь не одобряют Ваш поступок. Радуются только одни украинские коммунисты. наших земляков в США не так много, американские карпаторусские организации не могут и не будут вмешиваться в наши дела, так как они сами того не желают и правительство США этого не одобряет. Поэтому вновь настоятельно прошу, отзовите свое прошение об отставке. Все проблемы мы решим дома» [7].

После долгих обсуждений правительство поручило министру внутренних дел Ю. Славику подготовить ответ П. Цибере. Соответствующее письмо было отправлено 7 декабря 1943 года. Министр внутренних дел сообщал о том, что прошение об отставке члена Государственного совета не было принято, и декларировал желание правительства сотрудничать с приверженцами всех национально-языковых ориентаций, в том числе с русофилами: «Правительство не может занимать односторонней позиции в языковых и других вопросах, в которых между представителями Подкарпатской Руси в эмигра-

ции нет единства. Эти вопросы должны быть решены демократическим путем и только дома» [16, s. 450].

В 1943–1944 годах П. Цибере не принимал активного участия в жизни чехословацкой эмиграции. Однако обвинения в его адрес не переставали поступать. В условиях нарастающего конфликта с русофильским деятелем на ведущие позиции в среде эмигрантов из Подкарпатской Руси в Лондоне вышел украинофил И. Петрущак. В 1930-х годах он являлся секретарем краевого комитета коммунистических «красных профсоюзов» в Подкарпатской Руси, редактором газет «Рабочая молодежь» и «Голос жизни». После событий марта 1939 года Петрущак по заданию Коммунистической партии Чехословакии эмигрировал в Англию. После нападения Германии на СССР последовало сближение на антифашистской основе всех течений чехословацкой эмиграции, вследствие чего И. Петрущак был делегирован руководством Коммунистической партии Чехословакии как один из ее представителей в Государственный совет [3, с. 301]. Выступая на пленарном заседании Государственного совета 15 марта 1944 года, Петрущак обрушился с резкой критикой на Цибере, обвиняя того в расколе русинского населения: «Жаль, что вместо организованной общей борьбы, вместо помощи этой борьбе начали раздувать языковые споры, как это с охотой делали некоторые люди дома. Начались споры о полномочиях [автономных властей Подкарпатской Руси в составе Чехословакии] вместо усилий решить все вопросы сообща, вместо того, чтобы сделать возможным решение других вопросов в будущем. Бывший член Государственного совета П. Цибере пошел именно этим ложным путем. Во-первых, он не хотел признавать украинцев, которые составляют подавляющее большинство нашего народа. Когда, наконец, он был вынужден смириться с фактом их существования, он отвергал любые усилия по поиску общего пути к сотрудничеству. Он подал меморандум правительству и Президенту в нарушение процедур, минуя Государственный совет. Когда это не принесло результата, просто вышел из Государственного совета. Подобный поступок ведет не к сплочению, а, наоборот, к разъединению. <...> П. Цибере вместо объединения всех сил в общей борьбе выступал за решение вопросов, которые нельзя решить здесь и сейчас. Он вышел из Государственного совета и на протяжении нескольких месяцев и пальцем не пошевелил». Украинофильский деятель, заявлявший о своей полной лояльности Праге, критиковал своего оппонента за «устаревшие» идеи «неделимого русского народа», «терминологию партии И. Куртяка». (И. Куртяк – лидер русофильской провенгерской партии «Подкарпатский хлеборобский союз» и ее приемника – партии «Автономный земледельческий союз» в 1920–1933 годах.) Петрущак считал, что мнения русинской диаспоры в Северной Америке не должны определять контуры национальной политики в Подкарпатской Руси после возвращения региона в состав Чехословакии: «Организации в США и Канаде – на самом деле направления русского, русинского или карпаторусского, но это не имеет никакого влияния на развитие дел дома. Это – представление предвоенного времени, панславизм старого типа, а народ дома развился в своем правильном, украинском, национальном сознании» [12].

Участники заседания политического комитета Государственного совета 13 июня 1944 года поддержали И. Петрущака в его заочном споре с П. Цибере. В частности, министр торговли и промышленности В. Майер заявил: «И. Петрущак не упускает возможности на заседаниях Государственного совета упоминать о дальнейших хозяйственных и социальных задачах и нуждах Подкарпатской Руси, что является его правом и находит поддержку с нашей стороны. П. Цибере свою деятельность ограничил тем, что выступал как единственный признанный защитник и представитель подкарпатского народа. Никогда ни один член правительства не пытался закрепить за Подкарпатской Русью особый статус. Задача правительства в эмиграции – сохранить без изменений существующий правовой строй. П. Цибере постоянно выражал идеи, неприемлемые для решения этого принципи-

ального вопроса. Этому нужно положить конец». С мнением В. Майера солидаризировался заместитель председателя Государственного совета В. Носек: «П. Цибере всегда подчеркивал, что он единственный представитель Подкарпатской Руси, всегда добивался, чтобы для него было создано собственное управление, которое представляло бы Подкарпатскую Русь в эмиграции и сохраняло бы автономию. Но единственным представителем Чехословацкой Республики является Президент, а правительство и Государственный совет являются консультативными органами. Просто недопустимо, чтобы П. Цибере выступал как единственный представитель всего подкарпатского народа. В национальном вопросе П. Цибере отстаивал идею о том, что все население Подкарпатской Руси является ветвью великорусского народа, а себя позиционировал в качестве его единственного уполномоченного защитника». Выступавший на заседании И. Петрущак отмечал, что Цибере не шел на диалог с украинофильской частью русинской эмиграции в языковом вопросе, «добивался такой автономии для Подкарпатской Руси, которую было невозможно реализовать». По мнению Петрущака, вопрос автономии региона терял свою остроту и актуальность, так как Бенеш декларировал «четкую программу равноправия чехов, словаков и жителей Подкарпатской Руси, которые как равноправные граждане будут решать и проблемы всей Чехословацкой Республики, и собственные проблемы». По мнению украинофильского политика, постоянное акцентирование внимания на проблематике автономии, предпринимаемое П. Цибере, являлось «не помощью народу, а литьем воды на мельницу тех, кто на протяжении 20 лет являлся врагом подкарпатского народа и Республики» [13].

В середине 1944 года П. Цибере совершил последнюю заметную попытку повлиять на ситуацию в Подкарпатской Руси, передав советским инстанциям «Краткую записку о Карпатской Руси и карпаторусском движении». В данном документе политик выражал несогласие со взглядами Э. Бенеша на будущее Подкарпатской Руси как на «какой-то депозитум России», а также с украинизацией русинов. В документе был дан обзор понятия «Русская территория в Венгрии» начиная с XIV века. В завершение записки П. Цибере сделал вывод: «К сожалению, в прошлом Россия никак не участвовала в решении карпаторусского вопроса» [4, с. 101]. Какой-либо реакции на документ Цибере со стороны компетентных советских институтов не последовало.

Весной 1945 года П. Цибере вернулся в Подкарпатскую Русь, на тот момент занятую войсками Красной Армии. В регионе проводилась превентивная советизация, ускоренная после подписания советско-чехословацкого договора о передаче Подкарпатской Руси в состав Советской Украины. П. Цибере был арестован и осужден, вышел на свободу в 1956 году. После этого непродолжительное время преподавал в высших учебных заведениях Харькова, позже работал учителем иностранных языков в школах Ужгородского района. Последние годы жизни П. Цибере провел в полном одиночестве в закарпатском городе Мукачево. Умер 27 июля 1979 года.

Таким образом, чехословацкое правительство в Лондоне заняло двойственную позицию относительно национально-культурной природы жителей Подкарпатской Руси. С одной стороны, декларировалась свобода выбора населением собственной идентичности. С другой стороны, многие члены правительства скрыто или явно симпатизировали силам, считавшим население края украинцами. Во многом это было связано с неопределенной позицией чехословацкой политической эмиграции, в которой сочеталось желание возродить Чехословакию в домюнхенских границах и понимание факта заинтересованности СССР в присоединении Подкарпатской Руси. По мнению В.В. Марьиной, «естественно было предположить, что, отойдя к СССР, эта область будет присоединена к Украинской ССР». Не желая портить отношения с потенциальным мощным соседом в лице СССР, представители чехословацких эмигрантских кругов принимали видение украинского вопроса, господствовавшее в Советском Союзе [1, с. 28–29]. П. Цибере как

главный сторонник общерусской природы жителей Подкарпатской Руси фактически оказался в политической изоляции. Чехословакии не удалось сохранить регион в своем составе. После освобождения Подкарпатской Руси войсками Красной Армии в октябре 1944 года последовал непродолжительный период существования просоветского квазигосударственного образования «Закарпатская Украина». По договору между СССР и Чехословакией от 29 июня 1945 года регион вошел в состав Украинской ССР. Население Подкарпатской Руси в директивном порядке было объявлено украинцами, начался очередной драматичный этап в судьбе региона.

Литература

1. *Марьина В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. М.: Новый хронограф, 2003. 304 с.
2. *Офіцинський Р.* Політичний розвиток Закарпаття у складі Угорщини (1939–1944). Київ: Інститут історії України НАН України, 1997. 244 с.
3. *Пол И.И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород: Изд-во В. Падяка, 2001. 431 с.
4. *Сальков А.П.* Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе во внешней политике СССР (1938–1949 гг.). Минск: БГУ, 2019. 743 с.
5. *Čech J., Cibere P.* Death stalks the forest. The Story of the Carpatho-Russian Guerrillas. London: Lindsay Drummond, 1943. 75 p.
6. Dopis od Československé informační služby do Ministra zahraničních věcí. Téma: «Karpatoruské věci», 16. septembra 1942 // Národní archiv České Republiky. F. MV-L. Sign. 2-10-20. Kart. 115.
7. Dopis od Ministra zahraničních věcí do Ministra vnitra. Téma: «Vzkaz od V. Stankanince pro P. Cibereho», 20. prosince 1943 // Národní archiv České Republiky. F. MV-L. Sign. 2-10-19. Kart. 115.
8. Dopis od P. Cibere do ministra vnitra J. Slávkovi, 23. prosince 1942 // Národní archiv České Republiky. F. MV-L. Sign. 2-10-19. Kart. 115.
9. Dopis od P. Drtiny do Yu. Slavika. Téma: «Dr. P. Cibere, člen Státní rady», 22. listopadu 1943 // Národní archiv České Republiky. F. MV-L. Sign. 2-2-18. Kart. 88.
10. Memorandum predložené československé vládě v Londýně členem Státní rady P. Cibere, 20. července 1943 // Národní archiv České Republiky. F. MV-L. Sign. 2-51-4. Kart. 218.
11. Projev dr. P. Cibere v 7 plenární schůzi třetího zasedání Státní rady, konané dne 2. prosince 1942 // Národní archiv České Republiky. F. MV-L. Sign. 2-2-10. Kart. 88.
12. Projev pana I. Petruščáka v 14. plenární schůzi čtvrtém zasedání Státní rady, konané dne 15. března 1944 // Národní archiv České Republiky. F. MV-L. Sign. 2-2-10. Kart. 88.
13. Zápis 24. politického výboru v čtvrtém zasedání Státní rady, konané dne 13. června 1944 // Národní archiv České Republiky. F. MV-L. Sign. 2-2-10.
14. Zápisy ze schůzi československé vlády v Londýně. T. 1. Praha: Historický ústav Akademie věd ČR; Masarykův ústav a Archiv Akademie věd ČR, 2008. 877 s.
15. Zápisy ze schůzi československé vlády v Londýně. T. 2. Praha: Historický ústav Akademie věd ČR; Masarykův ústav a Archiv Akademie věd ČR, 2011. 849 s.
16. Zápisy ze schůzi československé vlády v Londýně. T. 3/1. Praha: Historický ústav Akademie věd ČR; Masarykův ústav a Archiv Akademie věd ČR, 2012. 490 s.
17. Zpráva Kanceláře Prezidenta Republiky «Poměry na Podkarpatske Rusi», 6. února 1939 // Archiv Kanceláře Prezidenta Republiky. Inv. č. 928. Sign. PR 87. Kart. 15.

Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты деятельности русофильского политика из Подкарпатской Руси Павла Цибере при чехословацких эмигрантских структурах в Великобритании (1940–1944). Особое внимание уделено функционированию Канцелярии по делам Подкарпатской Руси при Министерстве внутренних дел, которую возглавлял П. Цибере. Последовательно отстаивая идею о принадлежности восточнославянского (русинского) населения Подкарпатской Руси к общерусскому культурно-цивилизационному пространству и добиваясь от эмигрантских властей предоставления региону широкой автономии после окончания войны, П. Цибере фактически оказался в политической изоляции. Многие члены правительства в изгнании скрыто или явно симпатизировали силам, считавшим население Подкарпатской Руси украинцами. В статье также рассматриваются контакты П. Цибере с представителями русинской диаспоры в Северной Америке и советскими инстанциями. Основу источниковой базы работы составили документы Национального архива Чешской Республики.

Ключевые слова: Подкарпатская Русь, русины, русофилы, чехословацкое правительство в эмиграции, Канцелярия по делам Подкарпатской Руси.

Oleg G. Kazak, PhD in History, Associate Professor, Department of Political Science, Belarusian State Economic University. E-mail:olegkazak90@tut.by

Russophile from Subcarpathian Rus in Czechoslovak Emigrant Institutions: the Political Portrait of Pavel Cibere (1940–1944)

Abstract. The article examines the main aspects of the activities of the Russophile politician P. Cibere from Subcarpathian Rus in Czechoslovak emigrant institutions in the United Kingdom (1940–1944). Special attention is paid to the functioning of the Chancellery for Subcarpathian Rus under the Ministry of Internal Affairs, which was headed by P. Cibere. Consistently defending the idea that the East Slavic (Rusyn) population of Subcarpathian Rus belonged to the all-Russian cultural and civilizational sphere, and seeking to obtain the emigrant authorities commitment to granting broad autonomy to the region after the end of the war, P. Cibere actually found himself in political isolation. Many members of the government in exile covertly or openly sympathized with the forces that believed the population of Subcarpathian Rus to be Ukrainians. The article also examines P. Cibere's contacts with the representatives of the Rusyn diaspora in North America and with the Soviet authorities. The author's research is based on the documents from the National Archives of the Czech Republic.

Keywords: Subcarpathian Rus, Rusyns, Russophiles, Czechoslovak Government in Exile, Chancellery for Subcarpathian Rus Affairs.

Униатский вопрос и политика русских властей в Галиции в период Первой мировой войны

Западный край Российской империи – место взаимодействия различных культур, конфессий, цивилизационных и этнических начал – занимал в XIX – начале XX века особое место в русском общественном сознании и в этнокультурной политике российского государства. Специфика региона определялась наличием здесь влиятельной польско-католической элиты, возвышавшейся над восточнославянским и литовским этническим массивом и выстраивавшей сложную линию взаимодействия с Петербургом. Последний, допуская во многих отношениях компромисс с местными верхами, в то же время не был уверен в их лояльности и принимал меры, нацеленные на поддержание целостности империи. Важнейшим компонентом проблем, связанных с Западным краем, был вопрос об отношении власти и общества к австрийской Галиции – последней части государства Русь, исторически, этнически и лингвистически связанной с основным массивом восточнославянского населения, но так и не вошедшей в состав Российской империи. Вступление русских войск на территорию «Червонной Руси» в сентябре 1914 года, казалось, открывало путь к решению этой проблемы. Период русской оккупации Галиции стал важной страницей истории последних лет Российской империи, раскрыв всю сложность этнических и конфессиональных отношений на землях, издавна являвшихся предметом соперничества центральноевропейских государств.

К началу XX века Галиция была ареной острого противоборства общественных сил, позиция которых не могла не вызвать отклика со стороны российской власти и общества. Местное восточнославянское сообщество (точнее, его интеллектуальная верхушка) оказалось расколото на две соперничающие партии – «украинофилов» и «москвофилов» («русофилов»). Наличие и достаточно активная деятельность последних служили в глазах национально ориентированных кругов русского общества свидетельством подспудного тяготения восточнославянского населения «Червонной Руси» к России и религии предков – православию, несмотря на господство в крае с начала XVIII века униатской (греко-католической) церкви. Публицисты обращали внимание на то, что население продолжало именовать себя «русским (руским, руським) народом», «русинами», а свою веру, несмотря на обращение в униатство – «русской» и «православной». Галичина, отмечал видный деятель прорусского движения С.Ю. Бендасюк, «вынуждена была по крайней мере с внешней формальной стороны признать навязанную ей насильственным путем ненавистную унию с Римом... Но по убеждению и духу русское население Прикарпатья и его униатское духовенство оставались православными» [3]. Несмотря на все давление властей, писал в конце 1914 года журнал «Церковный вестник», народ в Галиции «оставался чужд униональным симпатиям иерархии... И доселе народ не знает, что такое униа, и говорит о себе, что он “русской веры”... Бедный и забитый народ остается... стойким в своих религиозных симпатиях» [7].

Полунов Александр Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: polunov@sipa.msu.ru

Позиция «москвофилов», отвергавших украинскую идентичность галичан, привлекала внимание русского общества и в то же время вызывала резко негативную реакцию со стороны австрийских властей и доминировавшей в Галиции польской элиты. «Москвофилы» подвергались репрессиям. Попытки части галичан перейти в православие привели к проведению в начале 1900-х годов ряда судебных процессов, на которых пророссийски настроенных деятелей обвиняли в сепаратизме. С 1890-х годов в школьном обучении и официальном делопроизводстве края запрещалось применение русского языка, хотя часть галичан предпочитала использовать его в качестве языка литературного. Проводилось изменение обрядов и правил церковной жизни униатской церкви с целью отдалить ее от православия. В противовес пророссийским симпатиям австрийские власти поощряли распространение украинского национального самосознания, которое к началу XX века приобрело выраженный антироссийский характер [11, с. 51–59, 68–74, 80–92, 102–105].

Подобные меры вызывали протест со стороны церковных и общественных кругов России. Важным проявлением подобных настроений в 1900-х годах стала деятельность иерархов, возглавлявших граничившую с Галицией Волынскую епархию – архиепископа Антония (Храповицкого) и его преемника архиепископа Евлогия (Георгиевского). Архиереи организовали на территории Волыни подготовку священников для православных галичан, стремились всесторонне ознакомить с православием паломников, приходивших на поклонение в Почаевскую лавру. Австрийские власти накануне войны с неудовольствием констатировали, что в крае существенно выросли симпатии к России [5, с. 234–236; 9; 6].

Влиятельной структурой, выступавшей в поддержку галичан-русофилов, было созданное в 1902 году Галицко-русское благотворительное общество. В его состав в разное время входили известные церковные, общественные и государственные деятели – обер-прокуроры Святейшего Синода К.П. Победоносцев и В.К. Саблер, протоиерей Иоанн Кронштадтский, митрополит Московский, впоследствии Санкт-Петербургский Владимир (Богоявленский), митрополит Киевский Флавиан (Городецкий), архиепископ Литовский Тихон (Беллавин), упоминавшиеся выше архиепископы Евлогий (Георгиевский) и Антоний (Храповицкий). Основным направлением работы общества первоначально были достаточно скромные по масштабу культурно-просветительские мероприятия – организация лекций о положении населения Галиции, закупка и доставка в край литературы на русском языке. Следует сказать, что и в таком виде начинания общества встречали скептическое, а то и неприязненное отношение российских официальных верхов, не желавших во имя отвлеченных, как им казалось, идеологических целей портить и без того натянутые отношения с западным соседом. Тем не менее по настоянию руководства общества, которое в 1908 году возглавил энергичный политик, член Государственной Думы В.А. Бобринский, власти постепенно начали занимать более активную позицию в вопросе об идеологическом воздействии на население Галиции.

В целом «Червоная Русь», с которой были связаны многочисленные исторические предания и важные события прошлого, занимала значительное место в национальном самосознании. Ее присоединение к империи означало завершение «собирания русских земель» – процесса, который давно уже рассматривался как важнейшая часть русской истории. Возглавлявшему Россию монарху выпало закончить трудную работу, начатую еще Иваном Калитой. Представление о важности мер по обеспечению целостности национального сообщества было широко распространено в это время. «Народ не объединенный – не нация, ибо он не весь народ, не полная и целостная в смысле социологическом и политическом особь, а фрагмент», – говорилось в записке пророссийски настроенных галичан, поданной в Министерство иностранных дел. По словам авторов записки, «оторванность от массива и политическое порабощение крупной части народа» являлось роковым звеном «в общей цепи причин, тормозящих национально-культурное развитие и преуспевание» России [13]¹.

¹ Записка была подана в декабре 1916 года, но отражала идеи, которые и ранее были широко распространены в русском обществе и среди пророссийски настроенных галичан.

Неудивительно поэтому, что вступление русских войск в Галицию в сентябре 1914 года вызвало взрыв энтузиазма в церковных и общественных кругах. «Ваше Императорское Величество, Вы первый ступили на ту древнерусскую землю, вотчину древних русских князей – Романа и Даниила, на которую не ступал ни один русский монарх. Из этой подъяремной, многострадальной Руси, откуда слышались вековые вздохи и стоны, теперь несется к Вам восторженная осанна», – такими словами приветствовал Николая II во Львове в апреле 1915 года архиепископ Евлогий, которому было поручено ведать делами Православной церкви в крае в период оккупации [5, с. 248]. «Можно смело сказать, – писал в сентябре 1914 года «Церковный вестник», – что не было события более торжественного, чем то завершение нашего национального объединения, которое осуществилось с завоеванием нашими войсками Галиции. Есть ли другой народ, который на пути к свободе и независимости преодолел столько препятствий, как народ русский?» [4].

Активисты общественных организаций, выступавших за укрепление связей с галичанами, активно включились в деятельность национально-культурного характера на территории края. Глава Галицко-русского общества В.А. Бобринский, поступивший в войска добровольцем и прикомандированный к штабу вступившей в Галицию армии, ездил по тюрьмам и освобождал арестованных местных «русофилов». Только во Львове им было освобождено 183 человека. После завершения боевых действий В.А. Бобринский остался в крае и стал руководителем Главного краевого благотворительного комитета, получив, таким образом, возможность влиять на политику в крае [2, с. 128]. Назначенный генерал-губернатором Галиции Г.А. Бобринский, троюродный брат главы Галицко-русского общества, получил эту должность, как считали современники, во многом благодаря тому, что его фамилия была уже хорошо известна в крае. Казалось бы, в отвоеванной у австрийцев «Подъяремной Руси» должно было начаться быстрое движение галичан в сторону сближения с православием и русской культурой. В реальности этого не произошло, и на то был ряд причин.

Прежде всего необходимо отметить, что сразу после начала войны австрийские власти провели в Галиции быструю и чрезвычайно эффективную кампанию террора против всех заподозренных в симпатии к России. Современникам бросались в глаза экстраординарный масштаб и жестокость репрессий, основанием для которых могли служить самые разные причины (членство в одной из «русофильских» организаций, чтение русских газет, доброжелательное отношение к России и др.)¹. Многих заподозренных в государственной измене убивали на месте или казнили по приговору военно-полевых судов. Поскольку мест в тюрьмах не хватало, для арестованных на территории австрийской Штирии был организован концлагерь Талергоф – первый в истории Европы. Через этот и другие лагеря для галицких «русофилов» (Терезин в северной Чехии и др.) прошло до 30 тысяч человек. Многие заключенные погибли от побоев, издевательств, голода и эпидемий [11, с. 105–111; 1; 17, с. 184–186]. Среди арестованных было около 800 священников – православных и униатов, сочувствовавших России, в связи с чем в крае фактически перестала существовать активная группа клириков, способных содействовать распространению православия.

Австрийские власти не довольствовались изъятием из общественной жизни нежелательных для них элементов, но сопровождали это изъятие масштабными акциями устрашения, призванными оказать психологическое воздействие на население. Массовые расправы и казни проводились публично, нарочито демонстративно и в подчеркнуто жестокой форме. Так, в селе Камен-Броды, по свидетельству очевидцев, «палачи через

¹ Огромную роль в кампании террора сыграли местные «украинофилы», заранее составившие для властей списки «неблагонадежных». В первую очередь арестовывали представителей интеллигенции – адвокатов, священников, учителей, в связи с чем «русофильское» движение в Галиции оказалось во многом обезглавленным.

единственную петлю повесили 70 крестьян на глазах их матерей, жен, детей, а затем убитых докалывали штыками». Православного священника Максима Сандовича, представшего в 1912 году перед судом по обвинению в сепаратизме и оправданного присяжными, в начале войны арестовали и расстреляли без суда и следствия на глазах престарелого отца и беременной жены [17, с. 184–185]. Подобная ситуация, помимо всего прочего, крайне затруднила, если не вовсе парализовала стремление местного населения сблизиться с православием, которое при иных обстоятельствах могло бы получить более широкие масштабы. Очевидцы свидетельствовали, что после вступления русских войск в Галицию крестьяне, даже желавшие перейти в православие или получить в свой приход православного священника, отказывались подписывать какие-либо заявления, опасаясь преследований в случае возвращения австрийцев [2, с. 195, 201].

Наряду с репрессиями австрийцев весьма существенным препятствием на пути распространения православия в Галиции стали факторы «внутреннего» характера. Сыграл роль такой застарелый порок российской системы управления, как межведомственная борьба и противоречия между церковью и государством. В период оккупации Галиции светские власти, стремясь любой ценой обеспечить спокойствие только что завоеванного края, старались как можно меньше вмешиваться в сферу вероисповедных, а во многом и этнокультурных отношений. На практике это означало сохранение позиций доминировавшей в Галиции польской элиты, тесно связанной с местным австрийским чиновничеством (значительная часть последнего осталась на местах и после прихода русских войск). Стремление ряда общин галичан-униатов присоединиться к православию, вызывало, вне зависимости от мотивов присоединяющихся, немедленный протест со стороны польской элиты, получавшей поддержку со стороны Ватикана. Подобная ситуация осложняла положение российских властей, не желавших портить отношения с римским престолом и учитывавших, что католицизм был религией основной массы населения союзников России – Франции и Италии. В этих условиях деятельность архиепископа Евлогия, направленного в край для содействия распространению здесь православия, стала вызывать все большее недовольство военной и гражданской администрации. Беседуя в феврале 1915 года с главой военного и морского духовенства империи протопресвитером Г.И. Шавельским, генерал-губернатор Г.А. Бобринский «почти с раздражением говорил о “вредной политике” архиеп[ископа] Евлогия, своими воссоединениями волновавшего население и в большей части его вызывавшего озлобление» [15]¹. Власти начали чинить препятствия приезду архиерея в край, ограничивать возможность его публичных выступлений, что, естественно, воспринималось им крайне негативно.

Репрессии, проводившиеся австрийской администрацией, резко обострили отношения между различными частями населения Галиции, вызвали озлобление со стороны уцелевших «русофилов». Часть из них после прихода русских войск стала действовать по принципу «куй железо, пока горячо». Начались столкновения населения с униатскими священниками и смещение последних с их постов, что было однозначно истолковано светскими властями как незаконные действия, поддерживаемые архиепископом и его сотрудниками². Реакция последовала незамедлительно. 13 сентября 1914 года Верховный Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич в телеграмме своему начальнику штаба Н.Н. Янушкевичу потребовал, «чтобы наша духовная власть не чинила никаких притеснений униатам и униатскому духовенству», заявив, что «политическая

¹ Сам Евлогий утверждал, что он и его сотрудники никого специально не присоединяли, а лишь реагировали на требования о присоединении с мест, удовлетворяя при этом далеко не все прошения [5, с. 240, 246]. Следует при этом отметить, что параллельно с Евлогием и независимо от него действовали В.А. Бобринский и его сотрудники, которые своим радикализмом действительно могли раздражать часть населения Галиции.

² Об инцидентах в приграничных селах Галиции, послуживших источником конфликтов, см. [5, с. 237–238].

неблагонадежность не должна быть отождествлена с религиозной разъединенностью». Спустя два дня, по настоянию Николая Николаевича, император подтвердил его позицию в вероисповедном вопросе. Точку зрения светских властей поддержал и глава военного духовенства протопресвитер Г.И. Шавельский, видевший в Евлогии нежеланного соперника, вторгающегося в зону его компетенции. В сложившейся ситуации архиепископ начал задумываться о том, чтобы оставить свой пост («меня обвиняли в том, в чем я фактически был неповинен и с чем психологически был несолидарен»). Хотя отставка в тот период не состоялась, реальные права архиерея были существенно урезаны. По справедливому замечанию А.Ю. Бахтуриной, «фактически уже в первой половине сентября 1914 года архиепископ Евлогий оказался лишен какой-либо возможности действовать самостоятельно... Любая миссионерская работа могла быть расценена как “мера к обращению униатов в православие”» [2, с. 188].

Неудачными в конечном счете оказались и предпринятые вслед за тем попытки властей урегулировать межрелигиозные отношения путем административной регламентации – определить, какая именно доля прихожан должна проголосовать за назначение в приход православного священника, чтобы это назначение состоялось, через какое время православным можно передавать униатский храм, оставшийся без священника и др.¹ Вводился порядок, согласно которому православный священник мог быть назначен в приход лишь по просьбе не менее 75% прихожан, однако это распоряжение вызвало критику со стороны консервативных церковных и общественных кругов, указывавших, что «в делах веры и совести нет места арифметическим вычислениям» [8; 10]. По сути, попытки введения подобных норм лишь запутывали вероисповедную ситуацию в крае. Успеху распространения православия не способствовала и крайняя ограниченность средств, выделенных властями на обеспечение деятельности православного клира [2, с. 196–197, 202–203].

Какова была реальная степень близости галичан к православию, какая доля местного населения изъявляла готовность присоединиться к господствующей церкви Российской империи? Этот вопрос остается спорным. По данным властей и церковной журналистики, за первые два месяца после занятия Галиции русскими войсками к православию присоединилось около 30 тысяч человек. Всего за 9 месяцев пребывания русских войск в крае в 1914–1915 годах было образовано около 100 православных приходов, что составляло малую долю от общей численности униатского населения – 3,5 миллиона человек [2, с. 193–202]. В то же время активисты Галицко-русского общества и церковные власти постоянно сообщали о готовности многих галичан перейти в господствующую веру «державной Руси», об их требованиях прислать православного иерея [5, с. 250]². Видимо, при оценке количества присоединившихся к православию или тяготевших к нему следует ориентироваться на количество галичан, ушедших весной 1915 года с русскими войсками, – их насчитывалось около 100 тысяч. Еще до 40 тысяч осталось в Галиции и подверглось репрессиям со стороны австрийцев [5, с. 250; 16]. Многие беженцы-галичане присоединялись к православию уже в России³.

¹ К моменту вступления русских войск в Галицию священников не было во многих униатских храмах. Большинство пророссийски настроенных клириков, как отмечалось, подверглись репрессиям. Многие из тех, кто придерживался противоположных взглядов – проавстрийской, украинофильской ориентации (и зачастую писал доносы на своих «неблагонадежных» коллег) ушли, опасаясь возмездия, с австрийскими войсками. В подобной ситуации прихожане часто обращались за священником к русским властям. Но служить в оставленном храме такой священник не мог, ибо униатский храм, по заявлению Ватикана, даже без священника и прихожан должен был оставаться под управлением униатской церкви.

² См. также [10, с. 22, 29–30, 49, 51].

³ См. [14, 12].

Неудачный, с точки зрения правительства, опыт воздействия на вероисповедную ситуацию в крае привел к тому, что впоследствии власти полностью отказались от какой-либо деятельности на этом направлении. После повторного вступления русских войск на территорию Галиции в 1916 году было решено фактически не вмешиваться в религиозные, а по большому счету и в целом в этнокультурные вопросы на занятых землях, ограничившись установлением режима чисто военной оккупации. Падение российской монархии в начале 1917 года, а затем и уход русских войск из Галиции принципиально изменили положение дел на территории проживания восточнославянского населения. Опыт межрелигиозных столкновений и противоборства разных вариантов проведения конфессиональной политики государства на оккупированных землях выявил всю остроту противоречий, связанных с соперничеством различных идеологических проектов и этнокультурных идентичностей в годы мировой войны, ограниченность возможности применения инструментов урегулирования этих противоречий, находившихся в руках властей.

Литература

1. *Айрапетов О.Р.* Участие России в Первой мировой войне (1914–1917). Т. I. М.: КДУ, 2014. С. 97–98, 137–139.
2. *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004.
3. *Бендасюк С.Ю.* Положение православных галичан-беженцев в России // Вера и разум. 1916. № 5. С. 654–655.
4. Воссоединение Галиции // ЦВ. 1914. № 39. Стлб. 1156.
5. *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. М.: Московский рабочий, 1994.
6. *Клопова М.Э.* Русские, русины, украинцы: Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. М.: Индрик, 2016. С. 225–262.
7. Летопись церковной и общественной жизни за границей // Церковный вестник. 1914. № 38. Стлб. 1143, 1145.
8. Мнения и отзывы // Церковный вестник. 1915. № 41. Стлб. 234.
9. *Никон (Рклицкий), еп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. II. Нью-Йорк: Северо-Американская и Канадская епархия, 1957. С. 325–345.
10. Отчет о деятельности Галицко-Русского благотворительного общества в Петрограде за 1914–1915 гг. Пг., 1915. С. 29–30, 51.
11. *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М.: Имперская традиция, 2007.
12. Странник. 1916. Апрель–август. С. 399.
13. *Суляк С.Г.* Будущее Галичины в планах Русского народного совета // Русин. 2016. № 4(46). С. 174.
14. Церковный вестник. 1916. № 15. Стлб. 333–336; № 23–24. Стлб. 511–515; № 25–27. Стлб. 550–551.
15. *Шавельский Г.И., протопрес.* Воспоминания. Т. I. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. С. 173.
16. *Шавельский Г.И., протопрес.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. I. С. 181.
17. *Шевченко К.В.* Карпатские русины накануне и в годы Первой мировой войны // Первая мировая война в истории Беларуси, России и мира. М.: Изд-во Московского университета, 2011.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности проведения конфессиональной политики на территории Галиции в период ее оккупации русской армией в конце 1914 – начале 1915 года. Обращается внимание на предпосылки выработки конфессиональной политики, связанные с деятельностью «руссофильской» («москвофильской») партии в Галиции и начинаниями русских общественных и церковных кругов, симпатизировавших пророссийски настроенным галичанам. Автор отмечает, что место Галиции в общественном сознании во многом определялось символическим значением этого края – последней части восточнославянского массива, не вошедшей к началу XX века в состав России. Опираясь на позицию галицийских «руссофилов», национально ориентированные церковные и общественные круги России рассчитывали на быстрое распространение православия и русской культуры на присоединенных землях. Эти ожидания во многом не сбылись – как в связи с кампанией террора против «руссофилов», проведенной сразу после начала войны австрийской администрацией, так и в результате межведомственных противоречий, осложнявших деятельность российских властей.

Ключевые слова. Галиция, униаты, православие, оккупация, Галицко-Русское благотворительное общество, В.А. Бобринский, Г.А. Бобринский, митрополит Евлогий (Георгиевский), протопресвитер Г.И. Шавельский.

Alexander Yu. Polunov, PhD in History, Professor, Head of the Department of Interethnic and Interdenominational Relations Management, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University. E-mail: polunov@spa.msu.ru

Uniate Issue in the Russian Government Policy in Galicia in the Period of the First World War

Abstract. The article examines the aspects of the confessional policy in the territory of Galicia in the period of its occupation by the Russian army in the end of 1914 and the beginning of 1915. The author pays attention to the factors of confessional policy development related to the activities of the Russophile (“Moscow-phile”) party in Galicia and the initiatives of Russian social and church circles sympathizing with pro-Russian Galicians. The author believes that Galicia’s place in the public conscience was largely determined by the symbolic significance of that region, - the last part of the East-Slavic area that was not a part of Russia by the beginning of the 20th century. Relying on the attitude of the Galician “Russophiles”, the nationally-oriented Russian church and public circles counted on the quick spreading of the Orthodoxy and Russian culture in the annexed areas. Most of those expectations did not come true, both due to the terroristic campaign against “Russophiles” conducted by the Austrian administration just after the break of the war, and due to the interdepartmental contradictions complicated by the activity of the Russian authorities.

Keywords: Galicia, Uniates, Orthodoxy, Occupation, Galician-Russian Charitable Society, V.A. Bobrinsky, G.A. Bobrinsky, Metropolitan Evlogiy (Georgievsky), Protopresbyter G.I. Shchavelsky.

«Русская историография» Н.Л. Рубинштейна и вопрос о месте истории Западной Руси (России) в рамках общей русской истории*

«Русская историография» Н.Л. Рубинштейна – один из важнейших исторических трудов советского периода, этапный как в истории исторического знания, так и истории исторического образования в Советском Союзе, и одна из ключевых вех в повороте к до-революционной историографии, становления «советского классицизма» второй половины 1930–1950-х годов¹. Первое же, с чего, думается, следует начать разговор об истории «Великого княжества Литовского», «Западных» или «Северо-Западных губерний» Российской империи, «губерний, от Польши возвращенных» или «приобретенных» – и «Русской историографии» Рубинштейна – с напоминания, что в самой работе Рубинштейна об указанных сюжетах практически ничего не говорится. Если собрать все упоминания и указания, более или менее непосредственно отсылающие к ним, то они составят не более одной страницы текста – и, что еще более важно в контексте данного разговора, практически все они будут сугубо информационными, техническими указаниями на разработку тех или иных сюжетов историками XIX – начала XX века, публикации источников и тому подобное.

Тем самым весь последующий разговор можно определить как разговор об отсутствующем/устраненном – здесь пробел обращается в проблему. И, следовательно, необходимо определить, почему само «отсутствие» является проблемой, почему это не просто некая данность, наполненность другим, а именно «отсутствие», которое ведь задается некой границей, рамкой присутствия.

Рубинштейн, создавая первый и *de facto* единственный полный университетский курс русской историографии, созданный в советское время, пребывал в предельно сложной ситуации. Помимо прочего, он оказывался одним из первопроходцев применительно к построению общего курса русской историографии. Достаточно напомнить, что к моменту появления работы Рубинштейна единственным авторским курсом, доводящим описание русской историографии до момента издания работы, оставалась «История русского самосознания» М.О. Кояловича – работа, даже независимо от учета специфичности позиции автора и весьма широкого понимания им историографии, как явствует уже из заглавия книги,

¹ Н.Л. Рубинштейну и его главному труду посвящена обширная литература, мы в данном случае отсылаем прежде всего к замечательному исследованию М.В. Мандрик [2], в котором приведена и основная библиография по теме. Из диссертационных исследований, связанных с Рубинштейном, отдельно отметим работу Е.Н. Соломахи [5], специально посвященную «Русской историографии».

* Исследование выполнено в рамках гранта № 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Российского научного фонда.

Тесля Андрей Александрович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта. E-mail: mestr81@gmail.com

сильно отстоящая во времени. Все прочие исследования затрагивали лишь отдельные сюжеты или ограничивались каким-то определенным хронологическим периодом разработки отечественной истории. Так, «Главные течения русской исторической мысли» П.Н. Милюкова (1897), влияние которых прямо или опосредованно пронизывает соответствующие главы книги Рубинштейна, остались незавершенными, ограничившись лишь первым томом, доведенным до рассмотрения воззрений Погодина. С.М. Соловьев, как и К.Н. Бестужев-Рюмин и В.О. Ключевский, оставил лишь разрозненные очерки и статьи, посвященные истории исторического знания, а фундаментальный труд В.С. Иконникова не только остался незавершенным (последняя подготовленная автором часть была издана уже в наши дни), но и являлся скорее библиографическим указателем, чем собственно историческим исследованием. Во многом именно по его адресу – и ряду историографических введений в общие курсы наподобие введения Бестужева-Рюмина – пишет Рубинштейн в предисловии к своей книге:

«Обычное в историографических работах перечисление большого числа историков и их исторических работ имеет по существу справочное, библиографическое, а не познавательное значение. В общей историографии в значительной своей части – это фон; действительный путь науки получает свое полное и отчетливое выражение в ее наиболее ярких и типичных представителях» [4, с. 3–41].

Вместе с тем, опереться на историографию уже советского периода ему практически невозможно, поскольку к тому моменту она представлена в основном «школой Покровского», прежде всего двумя томами «Русской исторической литературы...» (1927, 1930) и двухтомником статей самого Покровского, так или иначе связанных с историографическими сюжетами, и после разгрома «школы Покровского» она оказывается лишь «позицией отталкивания». В то же время именно в период подготовки курса, который читается сначала в МИФЛИ, а затем в Московском университете, разворачивается конкурс и обсуждение школьных учебников истории СССР [см. подробнее контекст: 1, 7]. Напомним, что по итогам конкурса, подведенным на заседании Политбюро от 27 августа 1937 года, было решено первую премию не вручать никому, поскольку ни один из учебников не был признан вполне соответствующим марксистскому учению (вторую премию получил учебник под редакцией А.В. Шестакова).

Собственно, задача, стоявшая пред Рубинштейном, концептуально описывается довольно просто:

1) дать описание, построенное по кумулятивной модели формирования и роста исторической науки в России и о России, разбивающееся в свою очередь на две подзадачи:

- а) во-первых, прежде всего – описать историю становления истории как науки в понимании последней как высшей формы знания;
- б) во-вторых, в этой связи – описать это как единую «историю» формирования и преемства концепций и подходов вплоть до нынешнего положения вещей, которое в этой логике мыслится как итог всего предшествующего развития, аккумулирующий его достижения и, соответственно, ставящий новые проблемы. С последним, правда, возникала своеобразная сложность, поскольку текущее положение виделось как обретение истины – в силу непосредственной связи с марксистско-ленинской теорией – и тем самым критика актуальных недостатков оказывалась опасной, поскольку грозила обернуться с уличением в уклонении/извращении марксизма²;

¹ Здесь и далее ссылки на работу Н.Л. Рубинштейна приводятся по первому изданию [4]. В 2008 году Санкт-Петербургским университетом выпущено второе издание основной работы Н.Л. Рубинштейна, снабженное обстоятельной вступительной статьей и научным аппаратом [3].

² Из этого затруднения Рубинштейн нашел весьма изящный выход, завершая свой труд двумя главами: «Ленин и русская историческая наука» и «Сталин», после чего оставалось лишь заключение объемом чуть более

2) при этом одновременно с методологическим аспектом дать историю содержательного наполнения, осмысления русского исторического процесса.

Если первая часть задачи – формирование исторической науки – решалась легко, то вторая в свете хотя бы только отмеченных выше обстоятельств оказывалась камнем преткновения, поскольку надлежало одновременно и привести к актуальному пониманию русской истории, и вместе с тем попытаться обойти неопределенность, какое именно ее понимание является официально признанным марксистским. Тем самым понятным оказывается акцент прежде всего на историю становления науки – ведь в этом ракурсе подводные камни если и были (что продемонстрирует критика «Русской историографии» в 1948 году на волне «борьбы с космополитизмом» и против «низкопоклонства перед Западом», когда Рубинштейну будет инкриминирована переоценка роли иностранных и нерусских ученых в развитии отечественной историографии), то намного менее опасные или по крайней мере очевидные, чем в аспекте содержательного наполнения схемы русского исторического процесса.

Историографическая схема Рубинштейна в своей основе непосредственно связана с историографической концепцией Соловьева, что более чем логично и обоснованно, в том числе и в рамках места самого Соловьева в общем ходе развития русского исторического знания о России, которое выстраивается в «Русской историографии». Позволим себе кратко напомнить общую схему Рубинштейна. Прежде всего он делит историю русской историографии на четыре периода: 1) период феодальной историографии; 2) период буржуазной исторической науки; 3) период империализма, «кризиса буржуазной исторической науки и создания марксистско-ленинской науки русской истории» и 4) период исторической науки советского периода, при этом выводя последний за пределы рассматриваемого в книге.

Основной акцент сделан на втором периоде («буржуазной исторической науки»), который уместно в короткий временной промежуток, с 1820-х до начала 1880-х годов. При этом кризис буржуазной историографии относится уже к 1860–1880-м годам, проявляясь в работах Бестужева-Рюмина, Ключевского и др. Если работы Бестужева-Рюмина характеризуются как уход в специализацию, источниковедение – и в этом смысле Иловайский со своей «Историей Рязанского княжества» оказывается в одном ряду с главой петербургской исторической школы, – как распадение исторического знания на отдельные области исследования [см., напр., 4, с. 414–415], то Ключевский оказывается еще более показателен как пример попытки развития целостного понимания русской истории и неудачи исторического синтеза, который в итоге подменяется художественным изложением с противопоставлением отдельных периодов, достижением драматических эффектов, яркой характеристикой на контрасте и одновременно стремления включить экономическую проблематику, социальную историю, которая оказывается тем не менее лишь соединяемой, но не объединяемой в целостное понимание исторического процесса [см. в частности 4 с. 462].

страницы, где заявлялось: «В работах Ленина и Сталина дано теоретически обоснованное, подлинно научное раскрытие закономерности исторического развития СССР. Реальные итоги исторического развития России, подведенные Великой Октябрьской социалистической революцией, определили конкретные задачи и направление исследовательской работы советской исторической науки. Они даны со всей принципиальной четкостью и предельной конкретностью в руководящих высказываниях товарища Сталина» [4, с. 641]. Обратим внимание на характерное сплетение «СССР» и «России», подчеркиваемое повторением формулировки об «историческом развитии», где текст подталкивает к выводу, что «реальным итогом» «исторического развития России» оказывается «СССР», представляющий не то конкретно-исторической формой «России», не то ее метаморфозой.

«Школа Покровского» хотя и обличалась в «искажениях» и даже «извращениях» [4, с. 641], однако при этом в тексте раздел о Покровском предшествовал главам о Ленине и Сталине, тем самым относясь не только к прошлому, но, по существу, к досоветскому этапу, о чем вновь говорится в заключении: «Эти извращения принадлежали, однако, не настоящему, а прошлому исторической науки [выделено нами – А.Т.]; они были пережитком прошлого и именно поэтому смогли быть так быстро изжиты» [4, с. 641].

Намного более интересен в плане выяснения положительного содержания концепции Рубинштейна его анализ процесса складывания «буржуазной исторической науки». Ключевой фигурой перехода от донаучной к научной стадии – вслед за интерпретацией Соловьева – становится А. Шлецер, противопоставляемый Н.М. Карамзину. Если Карамзин является завершением, одним из последних (и последним влиятельным) отголосков традиции, восходящей к летописанию и «Степенной книге», то Шлецер оказывается у начала представленного Эверсом, Каченовским, Погодиным нового периода, высшей точкой которого является не «государственная школа», а Соловьев. Здесь и новизна подхода Рубинштейна, и важное отмежевание Соловьева от «государственной школы», поскольку для Рубинштейна принципиально утверждение, что концепция Соловьева больше выходит за пределы «государственной школы», тогда как Ключевский характеризуется как возвращение к последней (и связывается с Чичериным, который и мыслится как наиболее полное, завершенное ее воплощение).

В общей схеме исторической науки 1830–1860-х, которую развивает Рубинштейн и в которой Погодин и государственная школа, Кавелин и Чичерин, при всех отличиях будут поглощать «народ» в «государстве», сводить историю собственно к «государству» как действующему лицу, славянофилы предстают антитезой, противопоставляя «государство» и «народ». Искомый же синтез будет дан Соловьевым, у которого (по критической формулировке Хомякова, принятой Рубинштейном, но переинтерпретируемой положительно) показана «история государственности в русской истории», поскольку это основное содержание исторического процесса, в нем обретаются форма и смысл, но это именно выражение «народа», а не антитеза ему. «Государственность» строится и перестраивается, оказывается не только субъектом, но и объектом, народ в этих формах находит свое (высшее) выражение, то есть, так или иначе, получается гегельянская по происхождению схема.

Эта отсылка к гегельянству оказывается принципиально важной для конструкции Рубинштейна, поскольку теперь речь идет об интерпретации славянофильства 1840-х как шеллингианского по генезису интеллектуального течения, которое, в свою очередь, понимается как данность в народе «идеи», не развивающаяся, а раскрывающаяся в истории – в противоположность гегельянскому западничеству, для которого «идея» именно развивается исторически, и «История...» Соловьева осмысливается теперь как высшее достижение гегельянства на почве русской истории¹.

В итоге происходит непредвиденный, думается (или по крайней мере явно не до конца предусмотренный), эффект: поскольку сама проблема «исторического субъекта» и того, «история» чего, собственно, описывается в многочисленных повествованиях, оказывается не поставленной эксплицитно, а само движение в понимании исторического субъекта («государства», «народа», «классов» и так далее) не приводит к обратной перспективе, к вопросу о том, насколько действительно можно тогда выстраивать единую «русскую историографию»²,

¹ «У историков-государственников типа Чичерина, так же как до них у Погодина, государство устраняет народ; у славянофилов народ противостоит государству. Соловьев решительно выступает против этого “незаконного развода народа и государства”. “Государство есть необходимая форма для народа, который немислим без государства”, – говорит Соловьев, но “правительство в той или другой форме своей есть произведение исторической жизни известного народа, есть самая лучшая поверка этой жизни”. Так, он требует от историка изучения того, как “складывался внизу фундамент, на котором построилось здание Московского государства” [4, с. 325].

² То есть меняющиеся в историографии исторические субъекты, чья история пишется, – «власти», «государства», «государства и дворянства», «народа», осмыслиются не как меняющиеся реальности, а лишь как различные рамки, способы описания одной и той же реальности – «русской истории». Это способы ухватить ее, верные или нет, соответствующие историческому моменту (и, таким образом, вносящие свой вклад, принадлежащие к главной линии историографии) или не соответствующие (и оказывающиеся тупиковыми, не востребованными – или, при всей перспективности подходов, не попадающие в резонанс со временем, как в случае «Истории...» Полевого: при всей ценности концептуального подхода его подводит недостаточная

общая концептуальная рамка оказывается не только имперской, но одновременно и воспроизводящей конструкцию «большой русской нации».

Схема, предложенная Рубинштейном – именно потому, что не проблематизирует границы, оставляя без какого бы то ни было ответа вопрос, что именно является «русской историей» или «историей России», представляя его как некую очевидность, – оказывается одинаково пригодной как для описания истории «большой русской нации»¹, так и для возникающей в ближайшие годы концепции «формирования (велико)русской нации», «(велико)русского национального государства» [см. 7], где истории Белоруссии и Украины оказываются «отпочковывающимися» от общего ствола «истории Руси», а историографическим наследием концепции «большой русской нации» отчасти оказывается общая схема «истории СССР», где совершается обратный ход, подготовленный в том числе и Рубинштейном, за счет постановки в центр соловьевской «истории государственности» в сложном переплетении сюжетов государственной истории – и формирования нации (в перспективе ведущей к «новой исторической общности»).

Мы постарались показать, что, снимая – более или менее целенаправленно игнорируя – вопрос о границах «русской истории»/«истории России», Рубинштейн в итоге создает очень гибкую историографическую концепцию, акцентирующую, с одной стороны, движение метода, собственно «научную» сторону развития исторических исследований, а с другой – как другую сторону поисков истинной концепции – обретение «органической»² интерпретации, позволяющей увидеть всю «историю России» как единый процесс, «с древнейших времен» и вплоть «до наших дней». А поскольку эта история предстает как единая, то включение в «общую историю»³ сюжетов, связанных с Великим княжеством Литовским или, например, упоминанием XIX века, северо-западных губерний, не только никак концептуально не ограничено, но и, собственно, предполагается. Для исключения, напротив, необходимо совершение отдельного действия, проведения границы, что и позволяет нам говорить о том, что в основе оказывается именно концепция «большой русской нации» в ее государственнической интерпретации с «ядром» в виде истории «великоруссов». И это особенно заметно в неразличении в изложении Рубинштейном сюжетов, связанных с «сбором» земель/власти Москвой в истории возвышения Московского княжества и последующей экспансией Московского царства.

Как отмечалось выше, в этом нам видится не столько преднамеренное концептуальное решение (концептуально рамка оказалась задана возвращением с классовыми модификациями к исторической концепции Соловьева и идущей от него традиции – то, что М. Грушевский обозначил как «обычную схему русской истории» [см. 8, 9], следствие

профессиональная подготовка, и он оказывается практически неразличим в оптике профессиональных историков, которые *post factum* подходят к тем же темам и концептуальным узлам, чтобы затем распознать в Полевом своего предшественника).

¹ Показательно, что один из основных недостатков, выделяемых Рубинштейном в концепции Соловьева, носит, по существу, весьма двусмысленный характер. Отмечается: «<...> лишь в XVII в. перед автором реально возникает вопрос об украинской истории в связи с борьбой Русского государства за украинские земли. Даже история Литовско-русского государства не получила соответствующего места в «Истории России» Соловьева, остающегося последовательно верным единству своей политико-исторической темы» [4, с. 339]. То есть, если продолжить логику этого упрека, то более совершенная «История России» должна была бы включать и украинскую историю, и историю Литовско-русского государства как органические части единого повествования.

² Важное для концепции Рубинштейна понятие, к которому он обращается в наиболее значительных, схематизирующих пассажах работы, – например, критикуя эклектизм Полевого [4, с. 244–245] и определяя искомый идеал как «органическое единство» исторической науки [4, с. 349].

³ См. характерный пассаж в главе о Костомарове, где «русская история» не прямо, но по контексту оказывается «общей», в отличие от локальной, «украинской» и так далее: «<...> общее значение его работ далеко выходит за рамки украинской истории. Общим вопросам русской истории посвящен ряд исследований Костомарова» [4, с. 423].

ситуации, в которой готовился курс Рубинштейна 1936–1940 годов: неопределенность с общей концепцией истории СССР, критика учебников, тем не менее допущенных к преподаванию, развертывающаяся дискуссия среди историков – с попытками уловить, какой именно концептуальный ход будет одобрен сверху, и противоречивость указаний, идущих в официальном и неофициальном порядке от политического руководства страны. В этом плане Рубинштейн оказался вынужден действовать в ситуации, когда его изложение должно было привести к нынешней исторической науке как итогу и высшей точке развития исторической мысли. И при этом в чем именно конкретно заключается современная схема русской истории, оставалось неопределенным.

Литература

1. *Бранденбергер Д.Л.* Сталинский руссоцентризм: Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956 гг.: пер. Н.Г. Алёшиной, Л.Ю. Панфиной, Л.Н. Высоцкого. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 407 с.
2. *Мандрик М.В.* Николай Леонидович Рубинштейн (1897–1963) // *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография / под ред. А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеева, М.В. Мандрик. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. VII–СXXXIV.
3. *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография / под ред. А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеева, М.В. Мандрик. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 802 с.
4. *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941. 642 с.
5. *Соломаха Е.Н.* Труд Н.Л. Рубинштейна «Русская историография»: его содержание и оценка в отечественной исторической литературе; дисс ... канд. ист. наук: специальность 07.00.09. Нижний Новгород, 2006. 241 с.
6. *Юрганов А.Л.* Культурная история России. Век двадцатый. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 384 с.
7. *Юрганов А.Л.* Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: Изд-во РГГУ, 2011. 765 с.
8. *Грушевський М.С.* Звичайна схема «русської» історії й справа раціонального укладу історії східного слов'янства // Статті по славянознавству. Вып. 1 / под ред. В.И. Ламанского. СПб., 1904.
9. *Plokhly S.* Unmaking Imperial Russia: Mykhailo Hrushevsky and the writing of Ukrainian history. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2005. 614 p.

Аннотация. «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна – одна из фундаментальных работ по истории русского исторического знания, чье значение для отечественной исторической науки глубоко и многообразно. Центральным вопросом, обсуждаемым в статье, оказывается практически полное отсутствие в исследовании Рубинштейна каких бы то ни было сюжетов, относящихся к истории «Великого княжества Литовского», «Литовско-русского государства», «Западных губерний» и тому подобного. В этом смысле перед нами парадоксальная ситуация, когда фундаментальная работа, посвященная осмыслению развития русской исторической науки, оказывается игнорирующей – именно не дающей никакого эксплицитного ответа – всю совокупность указанных сюжетов, их трактовки и положения в различных концепциях русской истории. В статье предпринимается попытка объяснить это положение вещей, исходя из общей концептуальной рамки «Русской историографии» Рубинштейна – демонстрируя отсутствие проблематизации субъекта русского исторического процесса и его пределов, ограничений и следствия из этой «прозрачности» субъекта, в частности, возможность многообразного функционирования общей схемы, предложенной Рубинштейном, в зависимости от конкретного политического контекста.

Ключевые слова: «большая русская нация», историография, национализм, национальный нарратив, русская историография.

Andrey A. Teslya, PhD in Philosophy, Senior Researcher, Institute of History, St. Petersburg State University; Senior Researcher, Scientific Director, Russian Thought Research Centre, Institute of Humanities, Kant Baltic Federal University (IKBFU). E-mail: mestr81@gmail.com

“Russian Historiography” of N.L. Rubinstein and the Problem of West Rus (Russia) Place in History in the Context of the General History of Russia*

Abstract. “Russian Historiography” of N.L. Rubinstein is one of fundamental works on the history of Russian historical significance which importance for native history is great and diverse. The focus of the issue examination in this article is the absence in Rubinstein’s work of practically any materials on the history of the “Great Duchy of Lithuania”, “Lithuanian-Russian State”, “West Provinces”, etc. In this sense we come across a paradoxical situation when the fundamental research on the comprehension of Russian history development ignores and gives no explicit answer to the total number of above listed subjects, their interpretation and their place in various concepts of Russian history. The author of the article attempts to explain the situation relying on the general concept of Rubinstein’s “Russian Historiography” demonstrating the absence of problematization of Russian historical process subject and its limits, constraints and consequences of the “transparency” of the subject, in particular, the possibility of manifold functioning of the general scheme suggested by Rubinstein depending on the specific political context.

Keywords: “Great Russian Nation”, Historiography, Nationalism, National Narrative, Russian Historiography.

* This research was supported by the grant No 19-18-00073 “National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th–20th Centuries” of the Russian Science Foundation.

Драма украинской идеи

*Уроки трех насильственных украинизаций Малороссии
(1917–1919, 1920-е – начало 1930-х, 2014–2019)*

Мое исследование истории трех попыток насильственной украинизации Малороссии было спровоцировано поражением Петра Порошенко на президентских выборах в Украине в 2019 году. Любой, кто изучает политическую ситуацию в Украине, не мог не видеть, что за поражением Порошенко стоит не просто отторжение от его личности как бизнесмена, а отторжение от так называемых ценностей украинского национального достоинства, которые он не только пропагандировал все пять лет своего президентства, но и активно, успешно внедрял в жизнь. При нем Православная церковь Украины (канонически непризнанная) получила автокефалию, став независимой от Московского патриархата. При нем окончательно сформировалась прозападная внешняя политика независимой Украины, была создана практически с нуля современная, боеспособная украинская армия. При нем граждане Украины получили право безвизового въезда в страны Евросоюза. Но, как выяснилось, все эти исходные скрепы украинской национальной идеи, которые пытался воплотить в жизнь Петр Порошенко, не являются ценностью для подавляющего большинства жителей Украины – не только для русскоговорящей Малороссии, но и для этнической, украиноговорящей Украины. Более 75 процентов избирателей проголосовали за В. Зеленского, который откровенно демонстрировал свое безразличие к так называемым ценностям украинского достоинства, ценностям Майдана, который нарочито вместо слова «томос» говорил «термос». И здесь возник главный, серьезный вопрос: а если население Украины безразлично к так называемым ценностям национального достоинства, то есть ли вообще украинская нация? А если есть, то это, наверное, какая-то особая нация? Чтобы ответить на этот вопрос, я решил погрузиться в историю УНР – первого независимого украинского государства 1917–1919 годов. И, как мне кажется, многое из того, что произошло на президентских выборах в Украине в апреле 2019 года, объясняет причины крушения УНР. Наверное, есть что-то драматическое во всей этой украинской идее.

О большевизме отцов Центральной рады Украины В. Виниченко и М. Грушевского

Левые по самой своей природе не могут создать национального государства как единства всех классов и сословий. Национальная идея и марксистское учение о социализме несовместимы. Классическое национальное государство предполагает свободу совести, приоритет закона, право частной собственности, равенство всех классов и сословий перед законом, сохранение общей для всех классов национальной памяти. Но дело в том, что все эти скрепы национального государства несовместимы с марксистским учением об обществе.

Ципко Александр Сергеевич, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института экономики РАН, член Экспертного совета Фонда ИСЭПИ. E-mail: astsipko@yandex.ru

Инициатива создания сначала автономии в рамках России, а с лета 1917 года – независимого украинского государства принадлежала левым политикам, в частности, марксисту, члену Украинской социал-демократической партии, популярному в России литератору В. Виниченко (он считался украинским Горьким). Виниченко был руководителем исполнительной власти, Генерального секретариата Центральной Украинской рады – первого государственного образования с ноября 1917 по апрель 1918 года, а также создателем и руководителем уже третьего независимого украинского государства, так называемой Директории, с декабря 1918 по декабрь 1919 года.

В своих воспоминаниях «Возрождение нации», над которыми Виниченко начал работать еще в июле 1919 года, когда как «большевик» стал чужд преобразовавшейся в атаманщину Директории и покинул Украину, он ставит себе в заслугу, что как марксист, как левый политик требовал от Симона Петлюры, который после изгнания из Киева 14 декабря 1918 года остатков армии Скоропадского решил организовать 19 декабря парад на Софийской площади, чтобы парад «обошелся без попов и всех этих церковных звонов» [1, ч. III, с. 166]. Ортодоксальный марксизм основателя первого независимого украинского государства писателя Виниченко проявлялся во всем. И этот факт сам по себе говорит о том, что первый украинский проект предполагал создание атеистической республики украинских трудящихся по образцу того, что начали создавать Ленин и Троцкий в октябре 1917 года в Петрограде. Правда, в отличие от Ленина Виниченко не требовал физического уничтожения как можно большего количества представителей «реакционного духовенства». Да и Симон Петлюра, который уже тогда, в декабре 1919 года, после взятия Киева, превратился в национального героя, провел манифестацию 19 ноября по всем религиозным канонам. Звонили церковные колокола, и все украинское духовенство во главе с архиепископом Вишневским пропело «Многая лета» Директории.

Сам по себе этот конфликт между Виниченко и Петлюрой свидетельствует о том, что с появлением Директории в самой Центральной раде появился проект, альтернативный большевистскому проекту В. Виниченко. Обвинить Петлюру в национал-социализме, как это делают сегодня многие украинские историки, невозможно. И надо сказать, что когда Директория в начале 1919 года превратилась в атаманщину, а Виниченко по сути отошел от дел, появился проект создания национального украинского государства европейского типа. И примером того, что в Директории с самого начала жили два различных проекта «Украина», является спор между ее лидерами. Виниченко и его соратники выступали против идеи парламентаризма, против всеобщего избирательного права как «буржуазного проекта» и ратовали за создание системы большевистских советов трудящихся. Сторонники же Петлюры настаивали на широкой демократии с равными правами всех слоев населения и выборах Учредительного собрания Украины.

Различие между проектом «Украина» В. Виниченко и проектом «Украина» С. Петлюры проявилось в главном вопросе украинской революции 1917–1920-х годов – вопросе о земле. В январе 1918 года левые эсеры Украины, чтобы выбить у украинских большевиков «земельный козырь» и склонить их к мирным переговорам, добились от Малой Центральной рады, чтобы она приняла радикальный закон о земле. Левые эсеры хотели тем самым показать украинскому крестьянину свою сверхреволюционность. Премьер В. Виниченко под руководством Генерального секретаря Центральной рады распустил социал-демократический Совет министров, чтобы принять закон о земле и революционизировать руководимое им правительство. «Земельный закон», принятый радой, ничем не отличался от Закона о земле, принятом после прихода к власти большевиков, и предусматривал прежде всего отмену права собственности на землю и передачу земельным комитетам права раздела земли. Но Петлюра как военный министр Центральной рады и член украинской меньшевистской социал-демократической партии не поддержал этот «левый» закон, ибо, с

его точки зрения, он мог только посеять хаос. В своем дневнике В. Виниченко в этот момент спора с С. Петлюрой запишет: «...неужели мы не отдаем себе отчет, что мы ведем себя как контрреволюционеры. А что, если народные комиссары правы, ведя Россию вместе с Украиной к социалистической революции?» [цит. по: 2, с. 160–161]. Понятно, что исходные мировоззренческие различия между Виниченко и Петлюрой сказались и на внешнеполитической стратегии Директории. Как марксист Виниченко надеялся на союз советской Украины с советской Россией и готов был сделать все возможное и невозможное, пойти на любые уступки, чтобы этот союз стал реальностью. Петлюра, естественно, ратовал за союз с врагами советской России – странами Антанты [см. об этом: 2, с. 236].

Надо отдать должное Виниченко. В своих воспоминаниях он прямо говорит, что его мечтой была победа «мировой социалистической революции», когда бы «независимая украинская советская республика», «венгерская советская республика Бела Куна» соединились бы с «советской Россией» и «наступил бы чрезвычайно благодатный момент для европейской социалистической революции». И тогда, пишет он, если бы к этому союзу социалистических государств присоединилась бы «пролетарская Бавария», «пролетарский Берлин», то «произошел бы раскол Европы на два лагеря: буржуазный и советский». И тогда, писал Виниченко, «не вызывает сомнений, что победил бы союз “рабоче-крестьянских” социалистических государств» [1, ч. III, с. 323–324].

Критики В. Виниченко правы в том, что для него, как и для Ленина, само по себе национальное государство не было самоцелью. Он, как видно, подчиняет строительство национального государства победе коммунистической идеи во всеевропейском масштабе. Тут его национализм вступил в противоречие с марксизмом как идеологией интернационализма. Все дело в том, как писал Троцкий, что именно «глубокий интернационализм Ленина» вел его «к признанию того, что именно европейская революция для судеб человечества должна иметь несравненно большее значение, чем революция в отсталой России» [3, с. 142–143]. А Виниченко, напротив, считал возможным соединить социализм с национальной идеей, с украинским патриотизмом. Не забывайте, Ленин и Троцкий расстреливали противников заключения Брестского мира за пропаганду «патриотизма». Об этом пишет в своих воспоминаниях В. Короленко.

Все это дает основания украинским историкам, исследующим судьбы первого независимого украинского государства 1917–1919 годов, обвинять Виниченко и М. Грушевского в том, что они «никогда не ставили себе политической цели добиться и сберечь суверенитет Украины» [4, с. 162]. По крайней мере по отношению к В. Виниченко это обвинение справедливо: для подлинного марксиста изначально противоестественна идея национального государства, которая уравнивает в правах все классы и снимает вопрос о противоположности так называемых эксплуататорских и трудящихся классов. В. Виниченко как марксист буквально бредил идеей уничтожения мира эксплуатации человека человеком. Но именно в силу своего исходного марксизма Ленин и Троцкий были противниками национальной идеи, патриотизма вообще. И для них советская Россия была не самоцелью, как государство русского народа, а, как и для В. Виниченко, – плацдармом для победы европейской социалистической революции. И именно по этой причине Виниченко был против парламентской республики. Он создавал не украинское национальное государство, а, как он говорил, советскую республику «трудового народа Украины». Так что, строго говоря, нельзя говорить, что Центральная рада М. Грушевского и В. Виниченко пыталась воплотить в жизнь «украинскую идею», то есть создать независимое национальное украинское государство. Виниченко в одном из своих выступлений перед членами Центральной рады говорил: «Как марксист принципиально никаких абсолютных ценностей не признаю. Именно по этой причине я, как каждый последовательный и совестливый марксист, не могу зарекаться от каких-либо политических лозунгов... И когда комбинация основных факто-

ров складывается так, что надстройка, ее политическая форма требует национальной независимости, я вынужден признать эту политическую форму, хотя именно национальной независимости для Украины лично я не предполагал» [цит. по: 5, с. 155–156].

Виниченко просто считает, что в сложившейся ситуации коренные интересы «трудового народа Украины» могут быть лучше воплощены в жизнь в независимом украинском национальном государстве. И, соответственно, во всех написанных им документах – декларациях Центральной рады, а потом уже декларациях Директории – во главу угла ставятся интересы «трудового народа», говорится о независимой Украине как государстве «трудового народа». В каждом документе, который создавался Генеральным секретариатом Центральной рады во главе с В. Виниченко, «интересы трудящихся масс» ставились «во главу угла» и подчеркивалось, что «интересам трудящихся должны подчиняться все другие интересы», и самое главное: «право на землю принадлежит трудящимся массам» [1, ч. III, с. 151].

Ни для М. Грушевского, ни для В. Виниченко как создателей и руководителей Центральной рады не было нации как единого целого, а были только «трудовые массы». К примеру, Грушевский в мае 1917 года, когда уже возникла Центральная рада Украины, требовал от Временного правительства в Петрограде «скорейшего осуществления широкой национально-территориальной автономии Украины в интересах трудовых масс» [5, с. 76]. По своему мировоззрению эти лидеры украинской нации были куда ближе к социалистическому Петроградскому совету рабочих и солдатских депутатов, чем к Временному правительству, где сначала руководящая роль принадлежала кадетам во главе с Милюковым. Уже с июня 1917 года Центральная рада в своих документах разделяет запятой «трудовые интересы» и «интересы национальные».

Социалистический характер власти при Центральной раде подтверждает тот факт, что в I Универсале рады «Обращение к украинскому народу» означает «обращение к трудовому крестьянству, рабочим, трудящимся». То есть для вождей Центральной рады священники, учителя, чиновники, торговцы и т.д. уже не были украинцами. Но ведь на самом деле социальной базой национальных государств, возникших в Европе в середине XIX века, как раз и был средний класс, все те сословия, которые для вождей Центральной рады не принадлежат к нации. Но тем не менее Центральная рада создала программу социализации общественной жизни, которая мало чем отличалась от программы Ленина и Троцкого. Эту свою социалистическую программу делегаты Центральной рады Украины должны были озвучить на Всероссийском демократическом совещании 14 сентября 1917 года в Москве. И действительно, правы те современные критики Центральной рады, которые считают, что ее политическую и экономическую программу двумя руками поддержали бы Ленин и Троцкий:

«– создание однородного социалистического правительства, ответственного перед демократиями народов России;

– передача всех помещичьих и монастырских, и церковных земель Земельным комитетам до решений Учредительного собрания;

– восстановление государственной и региональной системы прямого продуктообмена;

– передача под контроль территориальных органов власти предприятий основных отраслей производства;

– контроль над основным капиталом и его собственностью» [5, с. 142].

Названные первые пять пунктов программы были инициированы по предложению украинских левых эсеров, в том числе и отца украинской идеи, историка М. Грушевского.

Все эти люди, классы, которые не считались трудящимися с точки зрения марксиста и коммуниста В. Виниченко, были, по его мнению, приговорены историей к исчезновению.

Уже покинув родину, Винниченко обвиняет последнее правительство независимой Украины, так называемое правительство Коменца, что оно не в состоянии увидеть великий исторический смысл революции Ленина, увидеть, «что история идет путем Ленина». Винниченко пишет, что «правительство Петлюры, которое погрязло в обывательском каменецком демократизме, не смогло оценить ту великую значимость коммунистического движения [возглавляемого Лениным – А.Ц.], его всемирно-историческое значение в социальной жизни всей планеты» [1, ч. III, с. 445–446]. В. Винниченко обвиняет правительство Петлюры, правительство атаманской Украины в том, что оно «слушало указания Антанты», «аплодировало Деникину, его победам над Красной Армией» [1, ч. III, с. 445–446]. Кстати, некоторые историки Украины считают, что тогда, в 1917–1919 годах, не было никакой необходимости, никаких предпосылок для создания независимого украинского государства для реализации в жизнь так называемой украинской идеи. К примеру, наиболее последовательно и доказательно эту идею развивает журналист, доктор исторических наук Даниил Яневский в серии книг, посвященных истории попыток реализовать проект «Украина». «Создание независимого украинского государства явочным порядком, – считает он, – было авантюрой, за которой не стояло ничего, кроме субъективных желаний нескольких osób» [5, с. 137].

Лично я думаю, что избежать этой попытки создания после Февральской революции 1917 года автономной Украины в рамках воюющей России, а уже после октябрьского переворота Ленина – создания независимой Украины, было тогда невозможно. Дореволюционный историк Сергей Щеголев в своей книге «Украинское движение как современный этап южно-русского сепаратизма» [6] показал, что уже практически во время революции 1905–1907 годов актуализируется вопрос о культурной автономии Украины, а в конечном счете – самоопределении украинской нации. В этой связи он обращает внимание на выходящую в Киеве в 1907–1908 годах на украинском языке газету «Слово», предназначенную для городского пролетариата и ведущую проповедь классовой борьбы. С 1909 года большинство ее сотрудников перекочевало в украинскую газету для рабочих и крестьян «Засів». И именно в работе этой газеты принимал участие проф. М. Грушевский. И здесь же С. Щеголев обращает внимание на то, с чем вышли к украинскому народу в 1917 году основатели Центральной рады, а именно на пропаганду того, что «читатель-малоросс <...> живет не в России, а на Украине, и поэтому русские интересы должен считать для себя чуждыми; что спать и лежать на боку грешно, пока Украина еще не стала самостоятельной» [6, с. 175]. В заключении своей книги «Очерк истории украинского народа», опубликованной на русском языке в Санкт-Петербурге в 1906 году, М. Грушевский прямо пишет, что «неизбежная и необходимая национальная автономия Украины – это только переходная форма, этап в движении украинской народности к возможности самоопределения» [7, с. 510–511].

Другое дело, что эта мечта о нэзалэжной Украине была характерна только для малочисленно-подлинной украинской интеллигенции, и на это обращают внимание все современные украинские историки первого независимого украинского государства. Для украинской нации как нации крестьян «украинская идея», идея создания своего независимого государства была если не чужда, то по крайней мере не близка. В январе 1918 года только студенты Киевского университета с оружием в руках встречали красных на подступах к Киеву у станции Круты. А рабочие киевского «Арсенала», напротив, становились добровольцами большевистской Красной армии. И уже в 1917 году проявилась существенная разница между мировоззрением Западной и Наднепрянской Украины, не говоря уже о различии между мировоззрением Западной Украины и ее откровенно прорусским юго-востоком. Я имею в виду Слободскую Украину, Харьков, а также Донбасс. Во многих случаях был свой, особый, как называли его крестьяне, «хохлацкий» язык, осознания своей национальной особенности не было.

Национальная идея, идея сотворения собственного национального государства была чужда подавляющей части украинского крестьянства. Известно донесение в Лондон агента политической разведки Британии с Украины от марта 1918 года, где он писал, что «украинские “крестьяне” идентифицировали себя как “православные”, как “сельские жители”, которые говорят на своем языке и называют себя “русскими”», что давало право автору донесения утверждать, что «в них нет ничего, что бы говорило об их принадлежности до украинства» [цит. по: 5, с. 54]. И, согласно мнению того же Даниила Яневского, именно то обстоятельство, что подавляющая часть населения юго-западной России, называемой «Украина», не имела своего национального сознания, что их украинство носило чисто территориальный характер, то есть означало жизнь на территории, называемой «Украина», не учитывали вожди Центральной рады М. Грушевский и В. Виниченко. С их точки зрения, «лидеры так называемых “национально-освободительных требований” не имели адекватных представлений про страну, в которой они жили и которую они благодушно хотели изменить» [цит. по: 5, с. 20]. Все, что происходило тогда, весной и летом 1917 года в восьми юго-западных губерниях России, ничем не отличалось от революционной активности крестьянства на территории так называемой Великороссии.

Надо еще осознать, что понятие «национальность» в Российской империи было не политической, а этнографической категорией. К примеру, запорожцы из Хортицы идентифицировали себя не как «украинцы», а как «православные», как «казаки». «Украинец-униат» был для них таким же врагом, как «татарин-мусульманин» или «католик-поляк». На самом деле украинские крестьяне, бывшие крепостные мечтали только о двух вещах: о черном переделе помещичьей собственности и о «расправе с бывшими» – помещиками, крупными землевладельцами. Уже в 1917 году у украинца-крестьянина, как и у крестьянина-великоросса, появился третий крик души – сохранить жизнь. Таким образом, получается, в силу разрыва между настроениями беднейшего крестьянства Украины и настроениями украинской интеллигенции, настроениями создателей Центральной рады, что никакой проект, кроме большевистского, то есть проект расправы с бывшими, не мог быть воплощен в жизнь. Именно по этой причине беднейшее крестьянство Украины в конце концов пошло за большевиками. Как считает Д. Яневский, именно эти настроения экстремизма, расправы, агрессии, характерные для беднейшего украинского крестьянства, сделали невозможным создание в 1917–1919 годах украинского независимого государства. По его мнению, невозможно было создать независимое государство, когда «абсолютным большинством нации были люмпенизированные крестьяне», у которых отсутствовала «правовая культура». Люмпенизированный украинский крестьянин, пишет Яневский, был открыт душой только к погромной агитации. Поэтому он слушал только украинских и российских большевиков и украинских левых эсеров. Революция 1917 года открыла перед большинством украинских крестьян возможность восстановить историческую справедливость, и поэтому они стремились расправиться с «ненавистными помещиками» и со своими «успешными соседями» [5, с. 16]. И на самом деле, до прихода к власти Скоропадского и установления с помощью немецкой армии контроля над Украиной в деревне не было какого-либо правопорядка.

В «нулевых» на Украине было написано много кандидатских и докторских диссертаций, где было показано, что в марте–октябре 1917 года в Украине нарастал «сельский экстремизм», крестьянина ничего не волновало, кроме желания овладеть помещичьей землей. Особую остроту эти настроения приобрели в районах «крестьянского малоземелья» – на территориях Правобережья и части Левобережья [см. 8, с. 295].

В этом основополагающем факте, что украинская нация более чем на 80% была нацией крестьян, прежде всего – нацией бедноты, и лежало глубинное противоречие истории с созданием первого независимого украинского государства. У нации крестьян, нации

бедноты могут быть популярными только левые идеи, левые политики, а левые по природе не могут создать национальное государство как объединение всех классов и сословий. На мой взгляд, прав Д. Яневский: когда большинство нации составляют «лузеры», представители низших сословий, у них могут быть популярными только политики-популисты, зовущие не к здравому смыслу, не к созиданию, а к стихии иррационального, стихии разрушения. А национальное государство, напротив, – единство всех сословий и классов, взаимная заинтересованность друг в друге, равенство всех перед законом, права и свободы личности. И здесь, как я многократно говорил, Украина ничем не отличалась от остальной России. Как честно сказал Троцкий, большевики победили прежде всего потому, что стали популярными «среди самых отсталых слоев населения, которые впервые поднялись с самого дна» [3, с. 198].

На мой взгляд, прав исследователь крестьянского движения 1917–1921 годов в Харьковской губернии Я.В. Мотенко, что уже с весны 1917 года «крестьянские движения демонстрировали прежде всего настроения нетерпимости и внутреннего раскола <...> На протяжении 1917 года в сознании сельского населения твердо укрепилась идея “черного передела”, доминирующим в общественном сознании крестьянства стал национально-утопический миф о равенстве в разделе земли как оптимальном способе решения аграрного вопроса». И именно по этой причине Я.В. Мотенко считает, что «сельское население юго-запада Российской империи, население Украины, вело перманентную войну против национальной власти вообще, против государства вообще, против Временного правительства, украинской Центральной рады, режима гетмана Скоропадского, немцев, большевиков, Директории, Деникина» [5, с. 20].

Все это давало тому же Д. Яневскому на основании целого ряда диссертационных исследований право считать, что «ни про какое национальное возрождение, тем более, про создание своей национальной державы “украинские” крестьяне никогда не мечтали. Владеть куском земли, необходимым для обеспечения своей семье экономической стабильности, достатка, что означало достижение нормального социального статуса – вот заповедные мечты каждого хлебороба. <...> Крестьяне долгое время сохраняли свои патерналистские иллюзии и мечтали о своей мужицкой державе с “батюшкой-царем”» [4, с. 17]. При этом Яневский обращает внимание на антиэтатистский характер политической ментальности украинцев, который был результатом природного отторжения от колониальной (то есть российской) власти, сознательным протестом против крепостничества. Он считает, что этот протест трансформировался «в перманентное отчуждение украинца-крестьянина от политической власти вообще». Соответственно, «идеалом сельской административной системы был мифический порядок, в центре которого был сельский сход, без приказов и опеки высших инстанций. И еще одна мечта крестьян – это мечта про возможность реализации так называемого “трудового принципа”, согласно которому каждый присваивает себе часть земли, которую он может обработать» [4, с. 17]. Все это и заставило идеологов Рады взять за основу программы строительства украинского государства эсеровский принцип «землю крестьянам» и формировать национальную государственность как трудовую республику на основе классовой политики. Именно по этой причине среди крестьянства как Украины, так и Великороссии были популярны левые эсеры как партия «черного передела», присвоившие себе эсеровское «землю крестьянам».

В начале XX века украинской нации как единства миллионов людей, объединенных не только языком, но и общими духовными ценностями, людей, погруженных душой в героическую свою общую историю, не было. С этой трудной для себя правдой соглашались и авторы разнообразных проектов «Украина». Не был исключением и сторонник создания монархической, гетманской независимой державы философ и историк В. Липинский. Его «Письма к братьям-хлеборобам», несомненно, входят в классику «украинской идеи». В 1920 году, уже в

эмиграции, он, наверное, лучше всех своих современников описал моральную и социально-психологическую атмосферу, которая привела к гибели все четыре попытки создать первое украинское национальное государство (речь идет об Украине Центральной рады, об Украине гетмана Скоропадского, об Украине Директории и об атаманской Украине Симона Петлюры). И среди всех факторов, препятствовавших реализации в жизнь «украинской идеи», он называет отсутствие украинской нации в точном смысле этого слова: «Вместо сознательной, организованной нации, – пишет он, – мы имеем 40 миллионов не определившихся, а политически-взбаламученных разными демагогами, взаимно друг друга ненавидящих и ненавидящих любую власть единиц, расколотых сверху на сотни враждующих “партий”, а снизу – на тысячу воюющих между собой “республик”» [цит. по: 9, с. 67].

Идеология и ценности «анархо-коммуниста» Нестора Махно

Мне думается, подтверждением вывода о том, что в душе украинского крестьянина, по крайней мере в Левобережной Украине, в это время не было ценности нации, стремления создать национальное государство, является анархо-коммунист Нестор Махно и, соответственно, вся его программа анархии, расправы и разрушения. Он сам говорит об этом на страницах своих воспоминаний. Махно против нэзалэжной Украины по двум причинам: как анархист он против государства вообще, и по этой причине он противник Центральной рады. А как коммунист и марксист – он вообще против «шовинистической идеи нации». Взгляды Нестора Махно на государство на самом деле не отличаются от взглядов автора книги «Государство и революция» В. Ульянова (Ленина). Разница между ними состоит только в том, что для Ленина отмирание государства – это итог коммунистических преобразований, итог становления социалистической демократии. А для Махно отмирание государства – это первое исходное условие строительства новой жизни. Махно, приглашенный Яковом Свердловым в Кремль, объяснял Ленину весной 1918 года, что «в настоящее время он мыслит вполне возможным советский строй, при котором вся Украина и Россия, все другие страны мира покроются местными, совершенно самостоятельными хозяйственными и общественными самоуправлениями или советами тружеников, что одно и то же» [10, с. 260].

Махно, как и крестьяне его поселка Гуляйполе Екатеринославской губернии, был категорическим противником идеи украинизации населения, которую начала активно проводить сначала Центральная рада Грушевского и Виниченко, а потом уже – гетманское государство Скоропадского. Он вспоминает, что на пути из большевистской Москвы после встречи со Свердловым и Лениным в свое родное Гуляйполе он столкнулся с тем, что все «железнодорожные служащие за несколько месяцев после появления гетманского царства подделались такими “украинцами”, что на вопросы, обращенные к ним на русском языке, совсем не отвечали. И я, не владея своим родным украинским языком, принужденно должен был уродовать его так в своих обращениях к окружавшим меня, что становилось стыдно. Над этим явлением я несколько задумался; и скажу правду: оно вызвало во мне какую-то болезненную злость... Я поставил себе вопрос: от имени кого требуется от меня такая ломота языка, когда я его не знаю? Я понимал, что это требование исходит не от украинского трудового народа. Оно – требование <...> фиктивных украинцев... Я был убежден, что для таких украинцев нужен был только украинский язык, а не полнота Украины и населяющего ее трудового народа... Эти “украинцы” не понимали одной простой истины: что свобода и независимость Украины совместимы только со свободой и независимостью населяющего ее трудового народа, без которого Украина ничто...» [10, с. 268–269].

Не знающий родного украинского языка крестьянин Нестор Махно становится для жителей Гуляйполя «баткой» не из-за своей «украинскости», которая была ему чужда, а

потому что он призвал их расправиться с «богачами», «крестьянами-кулаками», «купцами и лавочниками». Махно для крестьян Гуляйполя свой прежде всего потому, что он родом из бедняков. Для крестьян, которые, как писал Н. Махно, «отдали ему руководящую роль в восстании против “богачей”, главной ценностью было “равенство”, право разрушить все, что стоит на пути всеобщего равенства». Революция, бунт, дающий право убивать врагов свободы и равенства, является главной ценностью не только для Махно лично, но и для его односельчан.

Из воспоминаний Нестора Махно видно, что все его соратники-крестьяне проявляли поразительную жестокость даже по отношению к тем, кого при Сталине назовут «подкулачниками», по отношению к крестьянам, которые при Скоропадском помогали власти наводить порядок в деревне. Махновцам не было дела ни до украинской нации, ни до украинского национального государства. И не важно, что на самом деле ничего, кроме крови, не принесла эта революция восставшему украинцу-бедняку, который пошел за Нестором Махно. И на самом деле ничего специфически украинского в этом беспощадном и бессмысленном бунте не было: «Кровь полилась, – пишет Н. Махно, – и полилась под нашим знаменем и под влиянием нашего лозунга: жить свободно и строить новую общественную жизнь на началах свободы, равенства и вольного труда или умереть в борьбе против тех, кто мешает нам достижению этой великой цели» [10, с. 366]. Но пока что пришедшие в революцию односельчане Махно, крестьяне-бедняки, ходят по вечерам к своим односельчанам-кулакам и, пользуясь правами революции, как пишет Нестор Махно, «берут у них 2–3 овцы на суп бойцам». «Население, – вспоминает Нестор Махно, – указывало нам на кулаков, а некоторые из них сами поспешили откликнуться и предложили нам для отряда по одной овце». И по этой причине, пишет Н. Махно, «все трудовое население села стояло на нашей стороне» [10, с. 360–361]. Все это говорит о том, что в основе восстания и борьбы стояла не идея всеобщего равенства, а соблазн элементарной «халявы». Разве не идея «халявы», приобретения чужой собственности стоит в основе эсеровской программы «черного передела».

При этом, как я уже сказал, поразительна жестокость бойцов армии Махно. Собственники-землевладельцы, которые прятали от него продовольственные запасы, и особенно вооружение, расстреливались тут же на месте. Не важно, применяли ли они это оружие против крестьян или нет. Главное, что у них оно было спрятано. А попы, которые призывали к примирению крестьян с богатыми селянами, как пишет Махно, лично им были преданы анафеме. Как коммунист Махно, конечно, был атеистом. Кстати, как я уже обращал внимание, таким же атеистом был и лидер Центральной рады В. Виниченко. Нет у Махно ни национального, ни религиозного чувства. Он говорит крестьянам, чтобы они «не слушались глупого попа и вместо мира готовились бы к самой беспощадной борьбе со своими палачами» [10, с. 414–415]. Не было ни у Махно, ни у командиров его армии ни национального, ни религиозного чувства, ни уважения к праву собственности, не было ничего, кроме страсти разрушения и смерти. Нестор Махно как анархо-коммунист, как бедняк-крестьянин, не имел в своей душе ничего, кроме жажды крови, жажды убийств. И поэтому, когда перед ним стоял выбор, с кем быть, кого поддерживать, то он, естественно, выбирал красных, а не белых. Красные большевики в этих критических ситуациях ему были всегда ближе, чем «националисты-шовинисты» – вожди Центральной рады. С этого начиналось участие Махно в гражданской войне 1917–1920-х годов и этим закончилось. 3 января 1918 года, когда командующий красногвардейскими отрядами соседней с Гуляй-полем Александровки обратился с воззванием о помощи «со стороны крестьян и рабочих», то Нестор Махно со своим вооруженным отрядом на это откликнулся. Как известно, именно махновцы в ноябре 1920 года перешли через ледяную воду Сиваша в тыл Врангеля, что сыграло решающую роль в окончательном разгроме белых.

И самое главное, о чем было сказано выше: в мировоззренческом отношении не было существенной разницы между необразованным анархо-коммунистом Махно и, казалось бы, вполне цивилизованным, популярным в дореволюционной России писателем В. Виниченко, который с осени 1917 года руководил Генеральным секретариатом Центральной рады и Директорией. Трагедия первого независимого украинского государства состояла в том, что болезнь социалистической революционности была присуща не только беднякам-крестьянам, но и самим вождям. Н. Махно имел все основания в своих воспоминаниях утверждать, что «в главном, в верности социалистической идее, в желании покончить с миром капитализма и эксплуатации человека человеком» В. Виниченко был ему близок. «Я, – писал Н. Махно, – конечно не знаю Виниченко лично, но знаю, что он социалист, притом социалист, принимавший участие в жизни и борьбе трудящихся. Он обладал и обладает социалистической верой, пафосом чувствования и действия. По крайней мере, я так понимал Виниченко. Однако до политического доверия к нему отсюда еще далеко. Особенно в настоящее время, когда трудовой народ, освободившись от политического рабства еще в 1917 году, стремится к коренному переустройству социальной жизни, а многие Виниченки веля его совсем к другим берегам» [10, с. 464].

Далее Нестор Махно объясняет, что такими чуждыми для него «берегами» является идея соединить социализм с идеей украинского государства, «с украинским делом». И дальше я цитирую то место из воспоминаний Махно, где он показывает, что для трудящихся масс восставшей Украины чужд украинский национальный социализм украинской Директории, чужд весь этот, как он говорит, «щирый украинский патриотизм». Как видно из приведенного выше текста, Махно раздражает само слово «украинский». Отвечая на вопрос деревенского учителя «Какую позицию вы, Батька Махно, со своими революционно-повстанческими силами займете по отношению к Украине и Директории?» – он сказал: «Где же, я вас, товарищи, спрошу, в революционных украинских селах и городах найдутся такие дураки, которые бы поверили в социализм этого петлюровского, виниченского украинского правительства, или Украинской Директории, как она себя величает? Я знаю, что для вас и для ваших друзей, щирых патриотов, Виниченко и Петлюра являются лучшими представителями украинского дела» [10, с. 466–467]. Он это прямо говорит в своем выступлении перед крестьянами деревушки Агеево в ноябре 1918 года, сразу же после низвержения гетмана Скоропадского национальной Украинской директорией под председательством В. Виниченко.

Это признание подтверждает мнение украинских историков, что на самом деле для беднейшего украинского крестьянства, восстание которого возглавлял Махно и которое пошло за ним, сама идея создания национального украинского государства была чужда. А для него как анархо-коммуниста вообще была чужда в принципе. И тут важен главный урок всей этой истории революции в Украине 1917–1919 годов: ценность нации, тем более ценность национального государства, неприемлема для пролетария, люмпена, для человека, который живет совсем в других, чем интеллигенция, измерениях жизни, чья главная проблема – не умереть с голода. М. Грушевский был прав, когда настаивал на том, что «проповедником национального возрождения на Украине может быть только украинский интеллигент», и только ему, «украинскому интеллигенту», близка «украинская национальная идея» [5, с. 46].

Самое важное, что показала история первого независимого украинского государства: сам по себе украинский язык не формирует национальное сознание как сознание ценности своего народа, его культуры. Не могу не вспомнить. Украиноговорящая Украина подавляющим большинством проголосовала в апреле 2019 года за В. Зеленского, который откровенно пренебрегал так называемыми ценностями «революции достоинства», в том числе и ценностью национального языка. Армия Махно говорила на своем селянском укра-

инском языке, но она с оружием в руках боролась с независимой Украиной и Виниченко, и Скоропадского как с классовым врагом. Вся эта история с Нестором Махно, с революционизмом крестьян Гуляйполя, всей юго-восточной Украины, подтверждает мнение украинских историков, что на самом деле «человек, который из поколения в поколение страдает от дефицита пищи, не может проявить интереса к проблеме гражданских прав, тем более к такой проблеме, как проблема федеративного устройства государства». Эти историки считают, что «украинская крестьянская нация, как нация рабов, не несла в себе ничего, что способствовало бы созданию национального государства. И надо прямо сказать, что люди, к которым апеллировала украинская Центральная рада, люди, интересы которых она пыталась выражать и защищать, мыслили, как социальные лузеры, вели себя, как социальные лузеры, были ими и не видели перед собой путей и методов, с помощью которых они могли изменить свою судьбу и судьбу своих детей. Такое состояние дел они связывали со своим национальным происхождением, которое, как они считали, навечно привязывает их к земле» [5, с. 87]. Как показала история Украины 1917–1919 годов, из такого исторического наследия было трудно создать национальное государство. Понятно, что нация лузеров, бедноты могла войти в политику только через левые партии. Не случайно с самого начала, свидетельством чему история создания Центральной рады, в Украине национальная идея была сведена с левой идеей. Особенность Нестора Махно как вождя восстания украинской крестьянской бедноты состоит в том, что у него левая идея была соединена с ценностями анархизма. Правда состоит в том, что именно анархизм Нестора Махно привлекал к себе его односельчан-бедняков.

Из воспоминаний Н. Махно видно, что он имеет отчетливое представление о сути идеологии анархизма, а именно соединения, как он пишет, «через революцию идеи свободы и права на самоуправление тружеников без опеки государства», через «революцию безвластничества» [10, с. 333]. Конечно, какого-либо развернутого описания, а тем более обоснования «анархо-коммунистического идеала» у Махно мы не находим. Но он везде, на протяжении всех своих воспоминаний настаивает на том, что если «городские труженики в погоне за куском хлеба спокойно работают в строе революционных палачей», то «трудовое революционное крестьянство бунтует против палачей, ибо последние не отравлены ядом власти и не стремятся к ней» [10, с. 319].

Правда, при этом Нестор Махно не может не видеть, что на самом деле украинский крестьянин «физически изнурен, забит, политически придавлен в свободном выражении своих мыслей и порывов, нем и как будто совершенно отчаян» [10, с. 278]. Но тем не менее, покидая Москву весной 1918 года после встречи со Свердловым и Лениным, он верит, что именно этот крестьянин Украины положит начало создания во «всей Украине», а потом в России, «а потом во всех других странах мира» анархо-коммунизма, когда везде во всем мире всё «покроется местными, совершенно самостоятельными хозяйственными и общественными самоуправлениями, или советами тружеников, что одно и то же» [10, с. 260]. И сегодня важно знать именно то, что этот «анархо-коммунизм» Нестора Махно был действительно выражением украинской идеи в том смысле, что всегда с момента своего зарождения украинский социализм был связан с тем, что было так по душе Махно, – с идеей, а я бы сказал даже ценностью «безвластья».

Можно считать, что именно социалист М. Драгоманов в конце XIX века впервые создал четкую программу, модель будущей украинской государственности. Ученые, занимающиеся изучением истории украинской государственности в XX веке, даже считают, что программа Драгоманова стала идеологическим фундаментом УНР 1917–1919 годов. Но ведь на самом деле главным в идеологии Драгоманова был все тот же анархо-социализм. У Махно – анархо-коммунизм Бакунина и Кропоткина, а у М. Драгоманова – анархо-социализм П. Прудона, а именно идея «безначалия». По Драгоманову, каждая личность,

каждый союз каждая община должны быть свободны от насилия сверху. Он признавал только право сосуществования свободных творческих союзов. Его лозунг: «Цель – это есть безначалие: своя воля каждому и вольное гражданство людей в обществе» [9, с. 7].

И уж совсем классический пример идеализации «безвластия», идеализации самоуправления трудящихся. Речь об историке Михаиле Грушевском, создателе первого украинского государства и Центральной рады. Грушевский был председателем созданной им Центральной рады, первым президентом УНР. Но при всем этом ему присуща поразительная недооценка роли механизмов органов власти в формировании национального государства. И вообще роли государства в сохранении суверенности и независимости нации. По какому-то глубинному отторжению от основ государства механизма принуждения Михаил Грушевский, несомненно, выдающийся интеллигент в истории украинской нации, близок малообразованному крестьянину Нестору Махно. Выдвигая перед Украиной «грандиозные задачи» создания «державы трудового народа», он в то же время говорит, что «мы отвергаем полицейско-бюрократический строй и хотим, чтобы наше управление опиралось на широкие основы самоуправления, оставляя министерской администрации только функции общего контроля, координации... Влияние бюрократии, таким образом, будет весьма ограниченным» [9, с. 19].

Итак, в самом зародыше идеи создания независимого украинского государства были заложены несовместимые между собой ценности. Речь идет, во-первых, об идее В. Липинского о создании бесклассового общества с программой строительства независимого национального государства. Во-вторых, об идее создания национального государства при отсутствии государственного аппарата, механизмов насилия, полиции, армии, государственной бюрократии. Поразительная разница между тем, как строил национальное государство лидер польской Социалистической партии Юзеф Пилсудский, и как строили независимое украинское государство социалисты В. Виниченко и М. Грушевский. Пилсудский понимает, что задачи создания социалистического общества «трудового народа» несовместимы с идеей создания суверенного национального государства. Именно по этой причине он выходит со своей социалистической партией и говорит: если мы хотим «независимости, то мы должны сойти с поезда, который едет в социалистическое царство трудящихся». Пилсудский в отличие от социалистов В. Виниченко и М. Грушевского хочет объединить в рамках национального государства все классы, все сословия. Он понимает то, что так и не понял большевик Виниченко: совместить задачу борьбы с капитализмом, с эксплуататорскими классами и задачу создания независимого национального государства невозможно. Пилсудский объединяет не только все сословия польской нации, но и три осколка Речи Посполитой конца XVIII века. Правда, надо быть справедливым: польская нация благодаря костелу сохранилась и после распада Речи Посполитой, а украинской нации в начале XX века не было.

Идеолог создания самодержавной Украины, где главенствующую роль должна играть национальная аристократия, назвал еще одну очень важную предпосылку подлинной независимости, которой до сих пор нет и в новой Украине. Речь идет о существовании национальной памяти, объединяющей все классы общества. В отличие от национал-социалистов Виниченко и Грушевского Липинский был категорическим противником каких-либо федеративных отношений Украины и России. Но при этом делал ставку не на кровь вообще, а на «хлеборобский класс», на крестьян-собственников. С его точки зрения, идея государства, национальные ценности должны идти к «хлеборобскому классу» сверху, от национальной элиты, национальной интеллигенции, от группы людей, составляющих основу национальной государственности. Свои надежды на отделение Украины от России он связывал с тем, что носителями элитарной украинской культуры на Украине были не сами крепостные украинцы, а поляки. У него получалось, что именно поляки как традиционные противники России и будут способствовать отделению украинцев от других русских

племен, а украинскость – это не просто антирусскость, но и пропольскость. Конечно, особого открытия здесь не было: антирусскость создателя украинской идеи Тараса Шевченко была тесно связана с его пропольскостью.

На сегодняшний день не так актуальна философия национальной государственности Украины по Липинскому (кстати, он привязывал ее не столько к языку, сколько к территории), как его анализ причин разрушения украинской государственности в виде и УНР, и близкой ему по духу самодержавной гетманской Украины Скоропадского. Он считал, что у образованной Украины не было национальной элиты, ибо не было веры, идеи, которая бы ее объединяла. «Побили мы, – пишет он, – себя сами. Идеи веры, легенды об единственной для всех украинцев свободной и независимой Украине лидеры нации не создали, за такую идею не боролись, а потому, разумеется, такая Украина обрести реальные формы существования не смогла» [11, с. 30].

Полемизируя со своими идейными противниками-социалистами – отцами УНР М. Грушевским и В. Виниченко, В. Липинский также обращает внимание, что левая идея не может лежать в основе строительства национального государства, ибо она несовместима с патриотизмом, с тем чувством, которое, с его точки зрения, лежит в основе национальной государственности. В тех же «Письмах» он говорит: «Политическим цементом, спаивающим местных украинских людей в борьбе за собственное государство, мы хотим иметь патриотизм – любовь к общей Родине. А не ваш социализм, ненависть местных бедных к местным богатым, и не ваш национализм – ненависть местных Украинцев к местным не-украинцам» [11, с. 65]. И самое важное из критики В. Липинским проекта М. Грушевского и В. Виниченко. Речь о том, что, на мой взгляд, актуально до сих пор: нельзя ставить интересы «украинцев» выше «не-украинцев» и навязывать, к примеру, им, «не-украинцам», свой украинский язык. «Вы, социалисты и националисты, хотите создавать Украину делением горизонтальным. Вы хотите отделить “чужие” верхи от “украинских” низов и уничтожить верхи низами. Причем вы не различаетесь между собой ни психикой, ни методом, ни темпераментом, а только сугубо поверхностным лозунгом. Социалисты хотят уничтожения на Украине верхов низами под лозунгом социальным: “Бей панов, ибо они буржуи”, а вы, националисты – хотите сделать то же самое, только под лозунгом племенно-национальным» [11, с. 66].

Таким образом, В. Липинский сто лет назад говорил о том же, о чем говорят современные историки первого украинского национального государства, которого в полном смысле этого слова не могло быть, ибо в начале XX века не было украинской нации, то есть дело, начатое Тарасом Шевченко, не было завершено. Единственное, что знали о себе украинцы, – что они не «москали». К этому надо добавить, что не было никакой основы для создания национального государства, ибо не было национального единства даже между украинским крестьянином и украиноговорящей интеллигенцией. Был полный разрыв между украинцами Галичины и украинцами Центральной Украины. Антиэтатистские настроения украинского крестьянина по своей природе были несовместимы с какой-либо государственной организацией общественной жизни. Именно по этой причине образованная Украина, министры гетмана Скоропадского делали ставку на будущую, освободившуюся от большевиков Россию, а украинский «трудовой народ» – на советскую интернациональную большевистскую власть.

Проект гетманской Украины Скоропадского

И было совсем другое государство с апреля по декабрь 1918 года, а именно – Украина гетмана Скоропадского, которое строилось на классических европейских представлениях о праве и было в идейном отношении противоположностью проекта национал-

социалистической Украины Виниченко. Украина Скоропадского была альтернативой УНР В. Виниченко и М. Грушевского во всех отношениях, прежде всего в отношении к праву: праву частной собственности, правам и свободам личности. В. Виниченко строил Украину «трудового украинского народа», а П. Скоропадский – Украину всех граждан и сословий и всех национальностей. Если Центральная рада В. Виниченко была в соответствии с проектом социалистическим государством, подобием большевистской России, то Скоропадский совершил в апреле 1918 года государственный переворот, чтобы покончить с социалистической республикой Виниченко.

Наверное, правы те украинские историки, которые считают, что Скоропадский был одним из первых государственных деятелей Украины, которые трактовали понятие «украинский народ» как политическое, а не этническое, национальное. В соответствии с представлениями П. Скоропадского украинская держава должна была стать объединяющим началом для всех народов, которые проживали в Украине. Основной целью государственного строительства для Скоропадского было создание гражданско-правового сообщества, где приоритетом был закон и только закон [4, с. 7]. В какой-то мере украинская держава гетмана Скоропадского напоминала проект «национальной монархии» В. Липинского. И не случайно в 1918 году Липинский поддерживал личные отношения с П. Скоропадским и его окружением. Правда, Скоропадский стал гетманом Украины, ее верховным правителем, не в силу политического выбора «класса хлеборобов», как рассчитывал Липинский, а в силу выбора оккупационной австро-немецкой армии, решившей сменить левую, пробольшевистскую власть Центральной рады, на украинскую, которая не будет покушаться на право собственности и прежде всего – собственности на землю. Действительно, правительство Скоропадского с самого начала заявляло, что конечной целью его государственного строительства является создание гражданского общества с приоритетом закона и права собственности. Важно еще и то, что Скоропадский, как к этому призывал В. Липинский, все же связывал украинское государство не столько с этносом, сколько с территорией проживания. Во времена Скоропадского все граждане Украины независимо от национальности были равноправны перед законами украинского государства. И в этом смысле реализовывалась на практике идея Липинского, что «осознание своей территории и стремление иметь на ней свое государство является определяющим фактором национального движения». Поразительно, что к моменту распада СССР украинскость даже в Киеве, в Наднепрянской Украине, была связана прежде всего с территорией, землей, которая называется Украиной. Как правило, интеллигенты-киевляне, которые не являлись этническими украинцами, голосовали за В. Зеленского, ибо он в их глазах олицетворял украинство как место рождения, место проживания.

Для Скоропадского, который в отличие от В. Виниченко пытался строить парламентскую республику, основанную на рыночной экономике и праве собственности, марксистское государство большевиков было чуждо, а проект «белого» движения, идеология «непредрешенцев», то есть создание российской парламентской республики, было близко и даже дорого. Надо учитывать, что почти все министры первого правительства В. Скоропадского были членами кадетской партии Павла Милюкова, а некоторые даже членами Центрального комитета этой партии. Отсюда и коренное различие во внешней политике Центральной рады В. Виниченко и гетманской державы П. Скоропадского. Если Виниченко всегда искал возможность договориться с Лениным о сосуществовании социалистической Украины рядом с социалистической Россией, то П. Скоропадский, напротив, делал все возможное и невозможное, чтобы помочь врагам большевизма – и Краснову, и Деникину. Если Центральную раду М. Грушевского и В. Виниченко возглавляли политики, исповедующие прежде всего ценности эсеров и социал-демократов, то в правительстве Скоропадского было четыре министра – члена кадетской партии царской России. Россия Ленина и

Троцкого так и не стала союзником Украины Винниченко и Грушевского, а Австро-Венгрия и Германия, которые после Брестского мира оккупировали Украину, были не просто союзниками Скоропадского, а основным гарантом существования, правда, недолгого, его украинской державы.

Верховная следственная комиссия Директории, после ее возвращения в декабре 1918 года, обвиняла премьер-министра правительства Скоропадского С.Н. Гербелья в том, что в соответствии с его распоряжением было выделено 10 миллионов карбованцев для помощи Добровольческой армии, на что С.Н. Гербель ответил: «Ассигнование заимообразно Добровольческой армии и Дону было признано необходимым как для общей борьбы с большевиками, так и для отвлечения большевистских сил от Украины» [12, с. 807]. Об этом же пишет в своих воспоминаниях и сам П. Скоропадский: «В то время Краснов вел энергичную борьбу с большевиками, ему необходимы были деньги, а главным образом снаряжение, обмундирование и вооружение снарядами» [12, с. 959]. И здесь еще одно существенное различие между руководителями Центральной рады и руководителем гетманской Украины П. Скоропадским. Создатели УНР – и В. Винниченко, и М. Грушевский – несут в своем сознании глубинную украинскость как антирусскость. Для них украинцы – это жертвы колониальной экспансии Российской империи, жертвы «московского самодержавия, которое надругалось над Переяславским трактатом, которое систематически занималось уничтожением украинской нации» [1, ч. I, с. 59].

Азбучная истина украинскости, описанная как врагами украинского сепаратизма, так и проповедниками украинской национальной идеи, состоит в утверждении, что украинскость – это антирусскость, инстинктивное отторжение от России как государства и от «москалей». И совсем не случайно создатели первого постсоветского учебника по истории украинской государственности в XX веке взяли к нему эпиграфом слова Тараса Шевченко:

«Страшно впасти у кайдани,
Умирать в неволі,
А ще гірше – спати,
И спати на волі...»

Мол, если вы, украинцы, наконец сбросили кандалы российской государственности, то не спите, уходите от всего русского, создавайте свое государство. И совсем не случайно Рада украинских православных церквей, порвавших тогда, в 1918 году, с Московским патриаршеством, назвала Т. Шевченко «святым угодником», а день его рождения «праздником украинской нации». В условиях своего рода АТО того времени, когда Россия была объявлена агрессором, главным врагом украинской нации, возникала уникальная возможность углубить, расширить эту антирусскость как основу украинскости, углубить украинскость как самосознание вечной жертвы вражеской России, внедрять, углублять антирусскость в традиционное украинское соперничество своей жизни. Все дело в том, что нет никакой украинскости без этого мироощущения, которое является основой поэзии Тараса Шевченко.

С точки зрения критика украинского национализма, историка второй половины XX века Н.И. Ульянова, автора книги «Происхождение украинского сепаратизма» (Нью-Йорк, 1966), суть украинизма Т. Шевченко состояла прежде всего в ненависти к «москалям». Н. Ульянов считал, что не следует, как это, на его взгляд, характерно для советской исторической науки, «преувеличивать революционизм, бунтарский характер поэзии Шевченко». «Кроме царей, – писал Н. Ульянов, – никаких других предметов его бунтарских устремлений не находим. Есть один-два выпада против украинских помещиков, но это не бунт, а что-то вроде общественно-политической элегии... На кого же, кроме царей, направлялась его ненависть? Для всякого, кто дал себе труд прочитать «Кобзарь», всякие сомне-

ния отпадают: – на москалей. Напрасно Кулиш и Костомаров силились внушить русской публике, будто шевченковские понятия не были никогда, даже в самые тяжелые минуты, осквернены <...> неприязнью к великорусской народности... Они оспаривали совершенно очевидный факт. Нет числа неприязненным и злобным выпадам в его стихах против москалей, и невозможно истолковать это как ненависть к одной только правящей царской России. Все москали, весь русский народ ему ненавистны. Даже в чисто любовных сюжетах, где украинская девушка страдает, будучи обманута, обманщиком всегда выступает москаль:

Кохайтэся, чернобривы,
Та не с москалями,
Бо москали чужи люди,
Роблять лихо с вами.

Жалуясь Основьянинке на свое петербургское житье (“Кругом чужи люди”), он вздыхает: “Тяжко, батько, житы с ворогами”. Антирусизм автора “Заповита” не от жизни и личных переживаний, а от книги, от национально-политической проповеди. Образ москаля, лихого человека, взят целиком со страниц казацкой письменности. В 1858 году, возмущаясь Иваном Аксаковым, забывшим упомянуть в числе славянских народов украинцев, он не находит других выражений, кроме как: “Мы же им такие близкие родичи: как наш батька горел, то их батька руки грел”. Откуда такая русофобия? Личной судьбой Шевченко она, во всяком случае, необъяснима. Объяснение в его поэзии. Что бы ни говорили советские литературоведы, лира Шевченко не “гражданская” в том смысле, в каком это принято у нас. Она глубоко ностальгична и безутешна в своей скорби.

Украино, Украино!
...мое нэнько.
Як згадаю твою долю –
Заплаче сэрденько!» [13, с. 91–93].

А у министров Скоропадского и у него самого, несмотря на то, что большинство из них были этническими украинцами, в том числе и академик Российской академии наук В.И. Вернадский, никакой антирусскости не было. Во-первых, потому что все они были представителями политической интеллектуальной элиты царской России, а во-вторых, потому, что самостоятельность Украины им была нужна только для противостояния большевикам до тех пор, пока, как они говорили, «не возродится правовая Россия». И как только это произойдет, считали министры П. Скоропадского, к примеру, министр внутренних дел, а позже – министр юстиции В.Е. Рейнбот, «взаимоотношения Украины и Великороссии сами собой возвратятся к единству с известным автоматизмом Малороссии в связи с ее особым бытовым и хозяйственным укладом. Необходимо полностью использовать нынешний украинский национализм, чтобы его противопоставить течениям большевизма: недопустимо, однако, на Украине русофобское направление, которое прививают политики из Галиции» [12, с. 781].

Несомненно, говоря о политиках из Галиции, В.Е. Рейнбот имел в виду руководителя Центральной рады, львовского профессора-историка М. Грушевского. Таким образом, Рейнбот, русский дворянин немецкого происхождения, владевший 700 десятинами земли, не только не русофоб, а, напротив, считает антирусскость украинства, которое, с его точки зрения, насаждается из Галичины, преступлением. Обращает на себя внимание, что во время следствия и обвинения министров Скоропадского правительством Директории в предательстве, они все писали для прокуроров объяснительные записки по-русски и при этом оправдывались тем, что «затрудняются выражаться на украинском языке».

Суть идеологии гетманской Украины выразил во время допроса председатель ее совета министров С.Н. Гербель (в царское время он был губернатором в Харькове, при Николае II – членом Государственного совета). Гербель говорил, что на самом деле

«общественный порядок на Украине поддерживался не законами Центральной рады “О временном общественном строе Украины”, а немецкими войсками. Я лично не придавал значение самостийному движению на Украине, так как думаю, что большая часть населения Украины склонна к федерации с соседним государством, то есть с Россией, когда в ней будет нормальный общественный строй. Я считаю, что в случае федеративном общими учреждениями должна быть церковь под верховенством *патриарха Всероссийского*, таможня с иностранными государствами (без внутренней таможни), общая валюта с сохранением своего [украинского – А.Ц.] министерства финансов, со своими территориальными войсками под общим главным командованием. Свои взгляды на украинскую государственность я не раз высказывал гетману. По поводу их он мне не возражал. Случаев устранения украинцев только для того, чтобы передавать место великороссам, я не знал. Около сентября, а, может быть, и раньше правительство допустило образование штабов и вербовку Добровольческой армии исключительно с целью борьбы с большевиками. Причем предполагалось, что Южная добровольческая армия будет охранять северные границы... уезды Харьковщины. <...> После начала движения республиканских войск [речь шла о войсках С. Петлюры – А.Ц.] правительство, которое считало себя единственно законным, сочло себя вправе для защиты использовать все имеющиеся в своем распоряжении средства, в том числе и добровольческие отряды. Большая часть министров считала, что восстание [С. Петлюры – А.Ц.] необходимо подавить силой. Лично я несколько раз в совещаниях у гетмана предлагал послать делегацию для мирных переговоров с директорией, но мое предложение не встречало одобрения вплоть до утра 14 декабря, когда гетман совершенно неожиданно и без всякого предупреждения кого бы то ни было скрылся. Тогда я пошел к князю К.Н. Долгорукову и настоял на немедленной капитуляции» [12, с. 798–799].

Как видно из допросов членов совета министров правительства Скоропадского, основные обвинения против них состояли в том, что они отказались сохранить независимое украинское государство, которое было провозглашено Центральной радой еще в ноябре 1917 года, а взамен предлагали федеративные отношения со свободной от большевиков Россией. Их обвиняли также в том, что они выступили против автокефалии УПЦ, ее независимости от Московского патриархата, что они в кадровой политике якобы проводили дискриминацию против этнических украинцев, выталкивали из правительства украинских офицеров и врачей. И, конечно, их обвиняли в том, что они помогали белому движению, которое исповедовало, как Антон Иванович Деникин, идею «единой и неделимой России», было категорическим противником создания независимого украинского государства.

Правда состоит в том, что выдающиеся русские ученые, ставшие министрами правительства Скоропадского, к примеру, министр по делам вероисповеданий философ В.В. Зеньковский, были не только противниками государственного обособления Украины от России, но и противниками насильственной ее украинизации. По логике самого Скоропадского этнические украинцы как государствообразующая нация не должны пользоваться особыми правами над другими народами Украины. Если для В. Виниченко Украина только тогда будет независимой, когда произойдет полная украинизация всей государственной и общественной жизни, когда язык войдет во все сферы жизни, в том числе и быт, то В. Зеньковский, который не мыслил себе полное обособление Украины от России, настаивал на равных правах русского и украинского языка, что означало двуязычие федеративной республики Украина. «Соответственно этому, – писал он, – и школы, содержимые за счет государства и местных самоуправлений, должны включать в качестве обязательных оба государственных языка – русский и украинский. Господство того или иного языка (при преподавании общих предметов) должно определяться составом населения. Но там, где русский лежит в основе преподавания, должны быть обязательными уроки украинского

языка и литературы, там, где украинский язык лежит в основе преподавания, должны быть обязательны уроки русского языка и литературы» [12, с. 394].

Министры гетманской республики, не только В.В. Зеньковский, но и министр народного просвещения Н.П. Василенко, член руководства партии Конституционных демократов России, а также товарищ министра по делам высшей школы, академик В.И. Вернадский, проводили политику, противостоящую, как они вслух говорили, «политике агрессивного украинского национализма Центральной рады», политике М. Грушевского и В. Виниченко. Потом, после свержения власти Скоропадского Петлюрой, Н.П. Василенко будут обвинять в том, что его «главное внимание было уделено не развитию украинской школы, а охране русской школы. Но это «не справедливо, ибо он [Н.П. Василенко – А.Ц.], – вспоминает В. Зеньковский, – был искренний украинский патриот, заступник, – убежденный и стойкий – широкого развития украинской культуры, культурного творчества Украины» [12, с. 333]. Но он, считал В.В. Зеньковский, спасал русский язык, русскую культуру не только во имя русскости как чего-то национального, этнического, но и в силу исходного всечеловеческого богатства русской культуры и русского языка.

Сравнивая, к примеру, тексты воспоминаний на сто процентов этнического украинца В.В. Зеньковского с воспоминаниями В. Виниченко, обнаруживаешь, что отношение к русско-украинской проблеме зависит не столько от национального сознания, сколько от культуры, качества мышления. Политик-марксист В. Виниченко примитивен не только в силу того, что не обладает той гуманитарной культурой, тем ощущением всечеловечности, которыми обладает В. Зеньковский, но и потому что он как марксист вынужден смотреть на мир крайне прямолинейно. Отсюда и навязчивое для Виниченко «трудовой народ», «эксплуататорские классы», «мировая пролетарская революция». Министры Скоропадского – и сам В.В. Зеньковский, и Н.П. Василенко, и создатель украинской Академии наук и Украинского государственного университета В.И. Вернадский – видели, что насильственная украинизация может привести к снижению качества мышления независимой Украины, снижению качества культуры. И в этом смысле их подход к украинской проблеме ничем не отличался от подхода филолога Н.С. Трубецкого, автора знаменитой работы «К украинскому вопросу».

Трубецкой полагал, что если для «народных низов» возникающей в результате украинизации украинской культуры будет достаточно, то совершенно невероятно, что уже для украинской интеллигенции ее также будет достаточно и что она «сможет обойтись без верхних этажей общерусской культуры» [14, с. 473]. Из этого же, из интересов развития самой украинской культуры, и исходила политика правительства Скоропадского в отношении школы. Как говорил Н.П. Василенко, «важно, чтобы украинская школа (от низшей до высшей) *не развивалась бы за счет русского*, чтобы ни одна русская школа не была насильственно закрыта. Всяческое поощрение украинского культурного дела не должно вести за собой уменьшение или ослабление русского культурного дела» [12, с. 333]. И, соответственно, таким же образом поступал В.И. Вернадский. Он не пошел за «пылками украинскими деятелями» типа М. Грушевского, которые требовали закрытия Университета св. Владимира как «крупнейшего проводника русификаторской политики». Он просто создал до сих пор существующий Украинский государственный университет рядом с уже не существующим Университетом святого Владимира, рядом с бывшей русскоговорящей Киевской академией он создавал Украинскую академию, где ему удалось собрать крупных российских ученых украинского происхождения. Но, правда, проблема тогда состояла в том (она существует, наверное, до сих пор), что крупные российские ученые украинского происхождения, как правило, не умели говорить и писать на украинском языке.

Конечно, всем этим героям моего рассказа надо было учитывать и специфику того времени, и особую миссию Украины Скоропадского. Она в силу обстоятельств была той

территорией дореволюционной России, где не было ненавистной для интеллигенции большевистской власти и где можно было спасти свою жизнь. И отсюда – особая миссия Украины: гетман Скоропадский понимал, что его миссия состоит и в том, чтобы спасти национальное богатство России, выдающихся российских интеллектуалов. Скоропадский все же верил, что победа большевиков – ненадолго, что Россия очень скоро освободится от власти Ленина и Троцкого. Надо отдать должное чутью националиста В. Виниченко: он был категорический противник проникновения на территорию Украины, которую контролировала Центральная рада, всех «бывших» – ученых, жандармов, учителей и других представителей образованной России – и не только в силу своей классовой ненависти к буржуазной интеллигенции, которая, с его и Ленина точки зрения, обслуживала эксплуататорские классы. Он был противником этих людей еще в силу того, что они не были украинцами. И в этом проявился его особый этнический социализм, давший основание некоторым нынешним украинским историкам, тому же Даниле Яновскому, называть Виниченко предтечей национал-социализма.

Правда состоит в том, что после 1917 года на Украине собралось действительно много русских офицеров, врагов социалистической Украины В. Виниченко. И правительство Скоропадского охотно включало их в списки офицерского состава своей армии. Для чего? Официальный мотив был тот же: чтобы, пользуясь кадровым резервом, укреплять украинскую армию. Но на самом деле неофициально это была система сбережения сил для будущей России. Как вспоминают министры Скоропадского, у их гетмана подобные мотивы просматривались. Конечно, были все основания считать, что по крайней мере первое правительство Скоропадского, правительство Лизогуба не ставило себе задачу создать независимую Украину, и прежде всего независимую от России в точном смысле этого слова. Об этом честно говорит в своих воспоминаниях и сам В.В. Зеньковский, министр по делам религий. Он потому и был против автокефалии УПЦ, ибо верил, что Украина вернется в Россию с федеративным устройством. Кстати, первым шагом уже второго правительства Скоропадского, правительством И. Кистяковского, было признание автокефалии УПЦ (19 октября 1917 года). Но все же, как признается сам В.В. Зеньковский, все эти пять с половиной месяцев, с апреля по декабрь 1918 года, «мы говорили все время об Украине, а оказывается, берегли все ценности для России», строили «самостоятельную украинскую державу с гетманом во главе, а думали, оказывается, что строили Россию» [12, с. 322].

Причины изначальной несостоятельности Директории В. Виниченко и С. Петлюры

Но все же правда истории состоит в том, что единственным реальным государством, независимым от России, тогда – независимым от большевистской России, была украинская держава Скоропадского, которая была порождена Брестскими соглашениями февраля 1918 года благодаря тому, что вся ее территория оказалась под контролем войск Австро-Венгрии и Германии. И если во время революции 1917–1920 годов на территории Украины была какая-то нормальная человеческая жизнь, то это была именно Украина Скоропадского, которая просуществовала с апреля по декабрь 1918 года. А с декабря 1918 года, когда немцы вместе с самим Скоропадским покинули Украину, начинается борьба не на жизнь, а на смерть между украинским национальным государством Петлюры, Директорией и украинскими большевиками. Конечно, украинские большевики Пятакова во время наступления на Директорию Петлюры активно поддерживались регулярными войсками Красной армии.

В январе 1918 года против националистической Центральной рады, против «буржуазных националистов» выступил русскоговорящий рабочий класс Киева и прежде всего рабо-

чие «Арсенала». Именно решение Центральной рады ноября 1917 года о создании независимого украинского государства спровоцировало восстание рабочего класса Киева. Важно знать, что русскоговорящий рабочий класс Киева был против не только буржуазной, но еще более против независимой Украины. К восстанию рабочего класса в январе 1918 года против Центральной рады подталкивала и неспособность нового правительства Украины решить экономические проблемы. Казалось бы, Украина, Киев, оставленный в декабре 1918 года Скоропадским, коренным образом отличался от страдающего от нехватки хлеба и инфляции Киева января 1918 года. Но тем не менее через год, уже в начале 1919 года, идея смены общественного строя, установление, как в России, советской власти стала доминирующим мотивом консолидации украинских трудящихся против националистической Директории Петлюры. Несомненно, не хотел русскоговорящий рабочий класс независимой национальной Украины. Несомненно и то, что тогда для подавляющей части трудящихся Украины украинская идея, идеалы украинских националистов были чужды.

В этом заключалась основная причина трагедии Директории, всей этой идеи «национального социализма» Виниченко. С одной стороны, он был недостаточно социалистическим для беднейшего крестьянства и рабочего класса Украины, а с другой – слишком социалистическим для города, для средних классов, для всех тех, для кого было свято право собственности. Так что нет оснований, как это делают некоторые украинские историки, считать Виниченко в этом смысле предтечей национал-социализма – ни Муссолини, ни Гитлер не покушались на право собственности. Для основателей фашизма основной социальной базой был мелкий собственник, горожанин, как у нас было принято говорить в советское время, «мелкая буржуазия». В основе фашизма лежал не марксистский, а корпоративный социализм, идея соединения интересов всех слоев и классов общества. Не говоря уже о том, что у Виниченко не было идеи превосходства украинской нации над другими нациями – только навязчивая идея обособления украинцев от русских. Виниченко был скорее предтечей Сталина, который уже в 1940-х годах пытался соединить ценности государствообразующей нации с ценностями марксистского социализма.

Пока романтик Виниченко со своей верой, что Ленин и Троцкий признают его подлинным марксистом и социалистом и помогут в борьбе с Петлюрой, делал ставку на союз с большевистской Россией, кольцо врагов вокруг Киева сжималось. И, как выяснилось, основной угрозой независимости Украины Виниченко и Петлюры была именно советская Россия, которая начала активно захватывать территорию Украины. Правда, одновременно на Восточном фронте активизировались повстанческие отряды батьки Махно, которые тоже объявили войну «шовинистической и буржуазной» Директории. Армия Махно начала захватывать города и села юга Украины. И здесь важно учитывать, я уже обращал на это внимание, что именно антиукраинскость, протест против национального государства, объединила украиноговорящую крестьянскую армию Махно с русскоговорящими отрядами рабочих, которые составляли основу пробольшевистской армии Пятакова.

Лично меня здесь интересует не ход боевых действий в конце 1918 – начале 1919 года. Сам процесс утраты Директорией контроля над Украиной, которая досталась Директории от гетмана Скоропадского, свидетельствует о том, что независимая национальная Украина не имела социальной базы. А Временное правительство большевистской Украины во главе с Григорием Пятаковым, которое было провозглашено 28 ноября 1918 года на севере бывшей Черниговской губернии в городке Судже, с каждым днем приобретало все большую популярность среди «трудовой Украины». В этой армии Григория Пятакова, армии большевистской Украины, с самого начала было 10 тысяч человек, и среди них становилось все больше и больше украиноговорящих украинских крестьян. Причина тому – враждебное отношение к Скоропадскому, забравшему у них с помощью немцев землю, которая досталась крестьянам во время «черного передела» времен Центральной

рады. Враждебное отношение к уже исчезнувшей Украине Скоропадского автоматически было перенесено на Украину Петлюры. А дальше пошло-поехало. Вторая украинская советская дивизия захватила Белгород, который с марта 1918 года находился в составе гетманской Украины, а уже 28 декабря армия большевистской Украины подошла к Харькову. И примечательно, что когда 4 января 1919 года на помощь украинским большевикам пришла Красная армия Льва Троцкого, все они добровольно стали «красноармейцами».

Сам по себе этот факт еще раз свидетельствует о том, что *не было у национального украинского государства какой-либо социальной базы на Украине в этот переломный момент ее истории*. Самое поразительное, что когда начались бои за Харьков, где стояло всего лишь три тысячи солдат Директории и где местные большевики подняли против Петлюры восстание, и где одновременно находилось шесть тысяч немецких солдат, ожидавших эвакуацию на родину, произошло объединение и войск Пятакова, и восставших рабочих Харькова, и немцев против Петлюры. Судьба Харькова была решена. Но парадокс состоит в том, что когда армия большевистской России, армия Троцкого, начала военные действия против войск УНР, войск Директории, ее руководство, и прежде всего В. Виниченко, так и не решилось официально объявить войну советской России. В это же время возникла другая опасность для Директории, для независимой Украины: один из лидеров ее армии, полковник Балабан, утратив веру в возможность сохранения независимой Украины, пошел путем Скоропадского, путем отказа от независимости Украины, и начал переговоры с белоказаками и белогвардейцами об объединении своих войск с Добровольческой армией. Этот факт интересен тем, что на самом деле ни одна из политических сил Украины в это время не мыслила существования своего государства вне союза с Россией. Социалисты Директории во главе с Виниченко делали ставку на союз с большевиками, а «правые», то есть руководство ее армии в лице Балабана, делали ставку на «белую» Россию.

Только Петлюра был в стороне от этих игр и делал ставку на Антанту. Он понимал, что его Директория может сохраниться, только если армия Антанты придет на территорию Украины. Но Франции в то время не было никакого дела до Украины, а армия Петлюры постепенно распадалась и – самое интересное – сама начала постепенно большевизироваться.

Еще один важный факт, подтверждающий отсутствие социальной базы у независимой Украины 1917–1919 годов: когда началось наступление уже 17 тысяч красноармейцев на Киев Директории, к ним присоединилось 4–5 тысяч полтавских и черниговских крестьян – этнических украинцев. И еще один факт, важный для понимания природы распада Украины Директории: на самом деле с начала 1919 года это была уже атаманская Украина С. Петлюры. Как оказалось, единственной реальной военной силой независимой Украины в этот период, а именно с января 1919 года, единственной силой, которая не спешила надеть на голову буденовку с красной звездой Троцкого, были сечевики – украинцы Западной Украины, бывшие граждане Австро-Венгрии. Сечевики – солдаты и офицеры-украинцы – воевали во время войны 1914–1918 годов на стороне Австро-Венгрии. На самом деле, когда уже УНР потеряла контроль над всей Левобережной Украиной, руководство Директории уже ничего не решало, штабом сохранения независимой Украины стал штаб так называемого осадного куреня сечевых стрелцов.

Директория уходила вправо от национал-социализма В. Виниченко еще в силу внешнего фактора. Антанта соглашалась на какие-либо переговоры с Директорией только в том случае, если ее руководство покинет, как они говорили, «большевик Виниченко». Но уход Виниченко от руководства Директорией привел к тому, что она отказалась от своей социалистичности, от реализации требований Трудового конгресса, который открылся в Киеве 22 января 1919 года, и от его решения превратить «советы трудящихся» в основу местной власти и начать национализацию крупных предприятий, шахт, железных дорог, то есть по-

кончить с капитализмом. Теперь уже правая атаманская Директория стала чуждой не только для солдат из беднейшего крестьянства, но и для военачальников с левыми, как у В. Виниченко, настроениями. Они откровенно начали предавать свое независимое государство – Директорию. Удар по Директории как независимой Украине нанес атаман Херсонской сборной дивизии УНР (до семи тысяч сабель) Григорьев. Наблюдая за ошеломляющими победами красных, он решил быть вместе с победителями, с большевиками. Самое поразительное – объяснение его предательства, которое он излагает в письме своему бывшему главнокомандующему Петлюре: «В Киеве собралась атаманья <...> сельские учителя, карьеристы, авантюристы, которые хотят играть роль державных мужей и больших дипломатов. Все эти люди не на своем месте, я им не верю и перехожу на сторону большевиков». С этого момента части Григорьева нападают на петлюровцев и пропускают на Правобережную Украину, которую контролировала Директория, части Красной армии. Петлюру предают и другие атаманы – Зеленый, Данченко – и правительство Директории и штаб Петлюры уже навсегда покидают Киев, сначала переезжают в Винницу, потом в Каменец-Подольск и, наконец, уже в конце года переходят границу Польши и покидают Украину навсегда.

Вместе с этим кончается история первого независимого украинского государства. И если немцы дали возможность гетманской Украине просуществовать с апреля по декабрь 1918 года, то французы уже не смогли ничего сделать для сохранения власти «непримиримого борца с большевизмом» С. Петлюры. Этот факт сам по себе интересен тем, что, оказывается, внешний фактор все же играет решающую роль в судьбе Украины как независимого государства. Если есть страна, которая будет гарантом независимости Украины, будет сдерживать стремление России «вернуть Украину домой», то она будет жить. А если нет этого внешнего фактора, то и шансов на существование независимой Украины практически нет.

Ко всему надо добавить, что дезорганизация армии Петлюры затронула даже сечевых стрельцов. Анархия в середине февраля 1919 года вылилась в погром со стороны петлюровской армии. Еврейское население Каменец-Подольска поддержало восстание местных большевиков против Директории. Петлюровцы легко подавили восстание местных большевиков, а потом взялись за погром, резню местного еврейского населения. Только в Проскурово было убито около полутора тысяч евреев, которые попадались им на глаза. Это говорит о том, что после Скоропадского, строго говоря, никакой независимой Украины, украинской народной республики не было, ибо Директория с самого начала не смогла создать систему власти на ее территории, и на ее землях царили хаос и разбой. В Проскурово Запорожская бригада войск УНР вырезала евреев, а сами запорожские крестьяне, как и крестьяне Гуляйполя Нестора Махно, громили немцев-колонистов, а на Волини и в Галиции – поляков.

Некоторые уроки истории независимой Украины 1917–1919 годов

Все это еще раз дает мне основание утверждать, что на самом деле в 1917–1919 годах, строго говоря, независимого украинского государства как устойчивой политической структуры с устойчивой экономикой, которая могла бы обеспечить государственную жизнь на своей территории, не было. От Рады и Директории осталось много манифестов, документов, провозглашающих независимую Украину. На основе этих документов можно описать основные черты «проекта Украины». Но этот проект тогда не был реализован. Своей особой жизни, отличной от жизни дореволюционной России, УНР не создала. Киев Скоропадского потому и процветал, что благодаря войскам Австро-Венгрии и кайзеровской Германии на его территории сохранялся порядок и в нем удалось возродить жизнь дореволюционной буржуазной России.

Ведь если бы не февраль 1917 года, не смерть самодержавной России, не участие России в Первой мировой войне на стороне Антанты, то не было бы не только автономии Украины, о чем мечтал М. Грушевский, но и украинизации ее городского населения. В начале XX века, на что справедливо обращал внимание в своем исследовании дореволюционный историк Сергей Щеголев, даже в Киеве, не говоря о еврейской Одессе, мало кто говорил на украинском языке, а тем более желал, чтобы его дети учились в школе на малороссийском языке. Сергей Щеголев в этой связи обращает внимание на тот факт, что разрешение на издание газет на украинском языке в Малороссии, последовавшее после революции 1905–1907 годов, столкнулось с дефицитом желающих их покупать и даже читать. «Украинская» национальная идея не была популярна в городах Малороссии. В этой связи Сергей Щеголев ссылался на статью г. Сриблянского «Украинская пресса и публика», опубликованную в литературно-научном журнале «Українська хата», который выходил с 1909 года тоненькими месячными книжками в 3,5–4 печатных листа. В этой статье, написанной с проукраинских позиций, обращалось внимание «на отсутствие в (малорусской) публике интереса к своей прессе: подписка на украинские органы печати до жалкого ничтожна. Как писал г. Сриблянский, “украинская” национальная идея не прививается ко вкусам читателя-малоросса или, по туманному выражению г. Сриблянского, находится в упадке; поэтому интерес к украинской прессе отсутствует. Число органов этой печати значительно, но сотрудников, которыми являются все сознательные украинцы, не хватает; даже за редакторский стол садятся поэтому дилетанты без знаний и опыта, неудачники и недоучки, безработные и гастролеры с улицы, которым некуда деться.

Язык газетных и журнальных статей “кованный”; он не может удовлетворить читателей, знакомых с красивой малорусской речью (а тем более, полагаем, незанятых с нею); для выражения многих понятий не хватает слов, а в других случаях существующие слова незнакомы писателям.

Почти все сознательные украинцы состоят сотрудниками местных органов своей печати и, в качестве сотрудников, получают даровые экземпляры издания; бесплатно же, ради целей политического распропагандирования, шлются эти издания политическим ссыльным, уроженцам юга России (а иногда, прибавим мы, и в народные школы). Из всего тиража “украинских” периодических изданий на удовлетворение “настоящих” платных подписчиков идет такое ничтожное количество экземпляров, что собираемой подписной платой не окупаются и расходы по приобретению бумаги для печатания органа» [15, с. 17].

В начале века в малороссийских городах, как, кстати, и в Галиции в середине XIX века, украинскую идею поддерживали прежде всего студенты. На это обстоятельство также обращал внимание в своем исследовании истории украинского сепаратизма Сергей Щеголев. «Живо и образно рисует поведение “украинского” студенчества в 1905–1907 гг. бывший питомец киевского университета (ныне львовский публицист) Н. Зализняк. Украинские студенты, судя по его аттестации, со всем усердием принялись за революционную работу среди украинского народа и очень много сделали для пробуждения в нем национального сознания и сознания необходимости борьбы за автономию Украины; кроме того, “наилучшие” из них помогали украинским крестьянам бороться против панов, а украинским рабочим – против капиталистов. Не меньше сделали они в самих университетах – по вопросу “об украинских кафедрах”.

Резолюции в пользу “украинских кафедр” приняты были осенью 1905 г. сходками студентов “украинцев” сперва петербургского, а потом новороссийского университетов. Вскоре, однако, все университеты были закрыты на целый год, и лишь осенью 1906 г. украинское студенчество возобновило свои домогательства, коим предшествовали аналогичные ходатайства харьковской, черниговской и полтавской городских дум в советы тех университетов Юга России. Застрельщиками оказались, на этот раз, киевские студенты;

кроме малороссов, в этой агитации принимали систематическое участие студенты-поляки и семиты (в числе последних убийца статс-секретаря Столыпина – Мордко Богров). <...>

Киевская студенческая сходка высказалась за желательность “украинизации всех трех университетов, находящихся на территории украинского народа”, а на первое время ограничилась подачей ректору петиции об учреждении кафедр украиноведения (литературы, истории, языка и права): под петицией, которая побывала еще на нескольких студенческих сходках, собрано 1430 подписей. Местная партийная газета печатала коллективные сочувственные студенческим домогательствам письма, за подписями преимущественно учеников среднеучебных заведений и учителей народных школ, а также крестьян и рабочих; всего таких подписей было, будто бы, более десяти тысяч. Солидарно с киевским студенчеством выступили с требованием учреждения украинских кафедр слушательницы женских курсов в Петербурге и Киеве и студенты университетов в Харькове, Одессе, Петербурге и Москве. Ответы получились по всем петициям отрицательные, а кое-где и вовсе не были даны» [15, с. 163–164].

Кстати, как свидетельствуют воспоминания того же В.В. Зеньковского, на что я уже обращал внимание, горожане Украины сначала поддержали независимую украинскую республику не из-за того, что она была национальной, а за то, что она была антибольшевистской, обещала сохранить нормальную жизнь. И в то же время В.В. Зеньковский в своих воспоминаниях все время подчеркивает враждебное отношение Киева, той же Одессы к «буйству самостийности», к идее отделения Украины от России. Центральную раду Петлюры и Грушевского, Винниченко в январе 1918 года защищали на самом деле только студенты Киевского университета. А почти все киевляне, уставшие и от немцев, и от «самостийников», ждали прихода большевиков. «Когда большевики завладели Киевом 26 января 1918 года, – вспоминал В.В. Зеньковский, – как радовались почти все киевляне, что наконец положен конец буйствовавшему самостийничеству». Правда, замечает он, когда начались «массовые расстрелы и убийства» большевистским ЧК, настроения изменились коренным образом, и население Киева обуял «страх перед большевиками» [12, с. 218].

Но важно учитывать, что эти страхи перед ЧК рождали у жителей городов Украины не антирусские, а антибольшевистские настроения. Надо учитывать, как я пытался доказать в этой статье, что во время событий гражданской войны на Украине *социальный фактор всегда брал верх над национальным*. И события тех лет полностью оправдывают мнение представителя австрийской армии при Украинской Центральной Раде генерала Вальд-Штетена, что «нет никакой украинской мысли, по крайней мере в Южной Украине. Все живут, думают и говорят по-русски. По-украински никто не понимает». Но правда состоит в том, что и украинцы, говорящие по-украински, речь идет прежде всего о крестьянах, выбрали ту власть, которая прежде всего обещала землю, реальные блага жизни. В «Моих украинских впечатлениях и размышлениях» меньшевик А.С. Мартынов, живший в 1918 году в деревне под Николаевом, отмечал, что поддержка крестьянством той или иной политической власти, в том числе и национальной, прямо зависела от предложенной аграрной программы. «Когда петлюровцы пытались играть на чисто националистических струнках украинского крестьянства, они не имели никакого успеха», – отмечал Мартынов. Далее мемуарист приводит высказывание одного из «уличных политиков-самостийников»: «Наша беда в том, что у украинского селянства еще совершенно нет национального самосознания...» [12, с. 37].

И только у украинской интеллигенции, у народных учителей, кооператоров, фельдшеров и т.д., украинская идея находила отклик в душе. Тут на первом плане была своя независимость, своя культура. Олицетворением всех этих ценностей и был Семен Петлюра. Причем надо учитывать, что на Востоке Украины жители промышленных районов вообще были враждебны идее самостийности и в большинстве своем поддержали совет-

скую власть. В Харькове она утвердилась сравнительно легко. В феврале 1918 года была образована Донецко-Криворожская республика. Очевидно, что большевики создавали ее, исходя из тактических соображений, – не хотели допускать оккупации этого региона немцами. К ним по Брестскому соглашению должна была отойти вся Украина. Но также очевидно, что этот регион был ближе и по языку, и по психологии к России, отдален от остальной Украины.

В целом надо сказать, что политика украинизации, которую проводили активно и Центральная рада, и особенно Директория Петлюры, потерпела фиаско. Это связано с тем, как писал в своих воспоминаниях уже в эмиграции украинский общественный деятель Н.М. Могиленский на основе пережитого им лично в Киеве в 1918 году, что *«в той исторической стадии, в коей жило население Украины, оно было более чем равнодушно ко всяким попыткам и затеям украинизации»* [см. 16, с. 43].

О сталинской попытке украинизации Малороссии

Министры Скоропадского не случайно отрицали возможность создания независимого от России государства. К примеру, рассуждающий на эту тему министр по делам религий В. Зеньковский писал, что они исходили из того, что Россия, пока она Россия, не согласится потерять Украину. «Россия, – писал он, – не может и не должна терять Украину». И здесь же: «Украина должна считаться с тем, что Россия ни за что никому не уступит Украину, как бы ни складывались исторические обстоятельства, *какова бы ни была воля самой Украины* [выделено автором – А.Ц.]. Даже против воли Украины, – продолжал он, – она должна быть в составе России – и это должны твердо и раз навсегда понять украинские политики, если они хотят понимать реальную историческую обстановку». И здесь же он пишет, что во имя сохранения за собой Украины Россия даже «пойдет на кровавую войну» [12, с. 401]. И отсюда была вся стратегия Скоропадского: сохранить независимую Украину, чтобы потом, после поражения большевиков, стать независимой частью российской федерации. Отсюда и программа государственного двуязычия Украины, «двойственного национального сознания». В. Зеньковский пишет, что и он лично, и все другие его коллеги, министры Скоропадского, составляли так называемую группу федералистов, состоящую из «людей двойственного национального сознания», одновременно русского и одновременно украинского. Конечно, В. Зеньковский писал этот текст в конце 1920-х – начале 1930-х, в то время, когда и он сам, и все деятели эмиграции продолжали верить в скорое освобождение России от большевизма. Речь у него шла о правах федерации в рамках правового государства, в рамках парламентской республики. Он не учитывал, что на самом деле советская власть уже начала активную украинизацию Украины, воплощая в жизнь чуждый ему проект Винниченко и Петлюры. Он не учитывает, что то, чего боялся он сам и министры Скоропадского, то есть процесс дерусификации Украины, начал активно внедряться в жизнь при советской власти.

Мне кажется, при исследовании советской политики украинизации Украины 1920-х – начала 1930-х годов многие сегодня не учитывают, что для вождей большевизма, в то время – Сталина, русское само по себе означало «белое», «белогвардейское», ими двигала вера в то, что, вытесняя русский язык с Украины, они ослабляют социальную базу антибольшевизма. Сталин пытался продемонстрировать украинскому народу заботу новой власти об обеспечении национально-культурного возрождения Украины, предоставление твердых гарантий украинской национальной самобытности [см. об этом 17]. Сталин исходил из ленинского требования права наций на самоопределение, сформулированного еще на II съезде РСДРП в 1903 году. Самоопределение рассматривалось Лениным как вынужденная мера, как средство завоевания авторитета и поддержки со стороны бывших

угнетенных наций. «...Мы, – говорил Ленин, – стоим за право на отделение ввиду черносотенного великорусского национализма, который так испоганил дело национального сожительства, что иногда больше связи получается после отделения! Право на самоопределение есть исключение из нашей общей посылки централизма» [18, с. 235]. Ленин исходил из того, что только национальные окраины помогут советской власти нейтрализовать «буржуазное влияние» на крестьянство. Если в тот момент, в конце 1917 – начале 1918 года, уже нельзя было остановить начавшийся распад территории погибшей Российской империи, то надо и можно было бороться за установление в национальных республиках советской власти. Так, в записке по прямому проводу Н.В. Крыленко 24 ноября (7 декабря) 1917 года Ленин и Троцкий подчеркивали: «Мы считаем, что Рада явно и решительно встала на сторону кадетско-корниловской и калядинской контрреволюции. Мы за советскую власть в независимой республике Украинской, но не за контрреволюционную калядинскую Раду» [цит. по: 17, с. 51].

Елена Борисёнок в своем исследовании феномена советской украинизации считает, что ее истоки, причины надо искать в слабости партии большевиков на Украине накануне Октябрьского переворота. К августу 1917 года на украинских землях насчитывалось немногим более 22,5 тыс. членов партии, причем две трети из них действовали в Донбассе. На селе же работало только около 16% всех большевиков Украины. Возможно, именно поэтому на выборах в Учредительное собрание большевики сумели собрать только 10% голосов украинских избирателей, тогда как украинские социал-демократы и эсеры – 75%.

Отсюда, в связи с необходимостью завоевать у украинцев популярность, и идея противопоставить свою демократическую национальную политику национальной политике царского правительства. Отсюда и стремление Ленина привлечь на сторону советской власти украинскую интеллигенцию. Ленин уже с 1918 года обращает внимание руководства образовавшейся КП(б)У на необходимость того, «чтобы больше внимания было бы уделено украинской интеллигенции. Она должна стать приверженцем советской власти» [см. 17, с. 58]. Если царское правительство проводило политику запрета украинского языка, то большевики, напротив, с самого начала объявили политику борьбы с «насильственной русификацией». 10 марта 1919 года Наркомпрос УССР принял даже постановление об отмене государственного языка, провозглашая равноправие всех языков. Признавая «своеобразное явление господства русской культуры при несомненном количестве украинского населения», Наркомпрос в качестве причин сложившейся ситуации как раз указывал на проводившуюся ранее «насильственную русификацию». Отныне же, «считаясь с отменой государственного языка как такового и объявлением всех местных языков равноправными, нарком просвещения предоставляет право населению на местах определять язык, на котором должно вестись преподавание в школах. При этом должны быть обеспечены интересы всех национальных групп Украины». И, как отмечает Елена Борисёнок, «несмотря на провозглашенное равноправие, Наркомпрос Украины отдавал явное предпочтение украинскому языку, подчеркивая необходимость «активно работать в сторону развития украинского языка и украинской культуры». В качестве обязательного предмета в школах вводилось изучение истории и географии Украины» [17, с. 55–56].

Таким образом, логика революции, логика решительного разрыва с царским прошлым вела к замене «насильственной русификации» насильственной украинизацией. Во всей этой попытке культурной национализации национальных советских республик сказывалась еще и инстинктивная русофобия большевизма. Руководство большевистской партии никак не смущало то обстоятельство, что так называемая политика украинизации будет нарушать право миллионов русскоязычных жителей городов Украины. Обращает на себя внимание, с каким пафосом Иосиф Сталин на X съезде РКП(б) в 1921 году говорил о том, что «если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с те-

чением времени эти города будут неизбежно украинизированы» [19, с. 81]. Речь у Сталина шла о бывшей столице Новороссии Одессе, в которой даже этнические украинцы никогда не говорили на украинском языке.

И, конечно, выступить против насильственной украинизации могли только русскоязычные члены партии. Особенно, как я уже сказал, противоестественность украинизации ощущалась в Одессе. В городе почти с миллионным населением, где практически никто не говорил по-украински, осталось всего несколько школ, где обучение шло на русском языке. Подобная же парадоксальная ситуация сложилась и в русскоязычном Донбассе. У нас до сих пор мало кто знает, что и в Одессе, и в Донбассе русские школы во время войны восстанавливали оккупационные власти. В Одессе румыны, в Донбассе – немцы.

Елена Борисёнок в своем исследовании приводит много документов, свидетельствующих о том, как члены партии воспринимали противоестественность украинизации. В записке, направленной секретарю ЦК КП(б)У В.П. Затонскому, некто Кравчук писал: «Для вас более, чем для кого другого, должно быть ясным, что подавляющее большинство населения Одессы и на Одесщине составляют русские и евреи. Зачем же по-ребячьи тешить себя и других, что это не так. Ведь поголовная украинизация – подавляющего большинства неукраинского населения – есть акт насильственного действия, свойственный колониаторской политике буржуазии. Ведь нынешняя линия ведет к искусственному ассимилированию русского и еврейского населения среди привилегированной украинской нации. Надо же снять, наконец, шоры с глаз и не душить свободу языка неукраинской нации» [цит. по: 17, с. 151].

И совсем не случайно основные трудности с украинизацией возникли в городах, где население в большинстве своем говорило на русском языке, тем более что за годы гражданской войны и интервенции здесь проводилась украинизация то «по-гетмански, то по-петлюровски», были и короткие периоды движения назад, к «русификации по-царски и по-деникински».

Поразительно, но у Сталина, у руководства партии двадцатых, когда речь шла о навязчивой идее «коренизации» партийного аппарата на местах, о преодолении наследства «царской русификации», классовое отходило в сознании на второй план. Не случайно многие члены коммунистической партии Украины были шокированы тем, что для проведения политики украинизации были приглашены из Галиции такие «буржуазные деятели», как идеолог суверенизации Украины Михаил Грушевский. И действительно, чтобы повысить авторитетность проводимой коренизации, в 1924 году руководство УССР позволило М.С. Грушевскому вернуться на родину. В 1926 году вернулся на Украину географ С.В. Рудницкий, а в 1927-м – другой известный ученый, специалист по международному и государственному праву М.М. Лозинский. Вообще в период украинизации в СССР приехали многие представители творческой интеллигенции и инженерно-технические работники.

Если сравнить политику двуязычной Украины, политику равноправия русского и украинского языков в школе, которую проводило в жизнь Министерство просвещения гетманской Украины, с политикой Наркомпроса уже советской УССР, то становится видно, что советская власть на Украине была куда более радикальной в деле коренизации Украины, чем «украинская держава» Скоропадского.

Авторы книги «Украинская государственность в XX веке» обращают внимание на то, что практически все лидеры КП(б)У в то время тяжело воспринимали украинизацию. Многим казалось, что стать на сторону украинского села перед культурно более развитым русским городом – это шаг назад. Но пришедший на смену всем руководителям КП(б)У, которые противились украинизации, Лазарь Каганович стал «великим украинизатором». Он считал, что в условиях нэпа, роста экономически самостоятельных крестьян, необходимо направить эту неизбежную активность в сторону культурного строительства. В целом политика украинизации

ции служила тогда успокоению крестьян после окончания гражданской войны. Руководство партии с помощью украинизации пыталось поднять престиж советской власти в глазах этнических украинцев и особенно интеллигенции Галичины. В то время как в Галичине после 1920 года начала проводиться политика полонизации, в советской Украине, напротив, началась политика коренизации КП(б)У, политика украинизации города. «Украинизация убедила многих украинских деятелей, особенно в эмиграции, что советская Украина является последней надеждой создать истинную государственность <...> Один за другим в Украину стали возвращаться такие деятели, как Тютюнник, Грушевский, Чечель. В 1924 г. в «Вістях ВУЦВК» было опубликовано «Обращение к украинской советской интеллигенции и всему обществу», где 66 известных интеллектуалов, бывшие министры при Петлюре и Грушевском, заявили о своем одобрении политики украинизации и своей лояльности к советскому правительству» [9, с. 30]. Как известно, практически все эти бывшие министры, кроме Михаила Грушевского, были расстреляны Сталиным в начале 1930-х годов.

Несомненно, Савицкий был прав. Советская власть сделала все возможное и невозможное, особенно в 1920-х, чтобы создать этническую украинскую элиту и все необходимое (прежде всего систему национального образования) для образования в будущем независимой Украины. А Сталин к тому же в 1939 году восстановил Украину времен Директории Петлюры, соединив Малороссию с Галицией. Появились Союз писателей, Союз художников Украины, уже в 1929 году 59% инженеров в угледобывающей промышленности были этническими украинцами. Но если рассматривать итоги украинизации, которая с перерывами проводилась на протяжении всей истории советской Украины (украинизация времен Шелеста во многом напоминала украинизацию 1920-х – начала 1930-х годов), то на самом деле она дает одновременно аргументы и для тех, кто, как Савицкий, считал, что Октябрь уже неизбежно вел к появлению независимой антирусской Украины, и для тех, кто, как автор этих заметок, считает, что все же распад русского мира, появление независимой Украины, враждебной России, во многом обусловлено случайностью.

Обратите внимание: на самом деле украинизация Украины не достигла своих главных целей. Коренизация партийного аппарата в советской Украине действительно удалась. Нельзя было стать полноценным партийным работником на Украине, не зная украинского языка. Но ведь и создаваемые в 1920-х национальная украинская культура, литература, пресса, театр так и не вытеснили русскую культуру. В моей родной Одессе, насколько я себя помню, с конца 1940-х никто никогда не покупал книги, газеты на украинском языке, не слушал радио «Ротау» на украинском языке. К украинскому языку, который преподавался или с восьмого класса, или в техникуме все, даже этнические украинцы, приехавшие из деревни, относились как к «обязаловке». Учить стихи Тычины на украинском языке никто не хотел. И самое главное, что надо знать: и Львов, в который я постоянно приезжал в конце 1960-х – начале 1970-х, говорил тогда на русском языке. Я уже не говорю о том, что Киев еще в начале 1990-х был русским городом, где говорили на русском языке. Как работник Отдела пропаганды ЦК ВЛКСМ, я любил ездить в командировки в Киев, дружил со многими своими коллегами – работниками ЦК ВЛКСМ(У). Но на работе, а тем более дома, никто из них не говорил на украинском языке. Даже документы, записки руководству они писали не на украинском, а на русском языке. Практически все они были этническими украинцами родом из деревни. По субботам ездили к своим мамам и папам домой в деревню за продуктами. И, самое главное, в отличие от комсомольских работников Львова, Западной Украины и даже комсомольских работников Ужгорода, Закарпатья, в их душе, в их сознании не было никакой украинскости как своей личности. Все они ощущали себя только советскими людьми.

В конце 1992 года, сразу же после распада СССР, у нас на «Семинаре Горбачев-фонда», которым я руководил, регулярно проводились российско-украинские конферен-

ции, посвященные анализу украинской национальной идентификации. Так вот, наши коллеги из Института философии Академии наук Украины докладывали, что даже в Киеве накануне распада СССР обладали этнической национальной идентификацией только 23% опрошенных. А 50% опрошенных связывали свою украинскость с территориальными факторами, местом рождения, принадлежностью к УССР. И только во Львове 82% опрошенных проявляли ярко выраженную украинскую национальную принадлежность.

Если рассматривать историю Украины – историю УНР 1917–1919 годов, историю советской УССР и историю уже нынешней Украины, то можно сказать, что все три попытки насильственной украинизации за последние сто лет потерпели поражение по одним и тем же причинам. Интересно, что первая украинизация была спровоцирована все же политиками украинского происхождения, я имею в виду прежде всего М. Грушевского и В. Виниченко. А вторая и третья украинизации были уже спровоцированы Россией. Россия Сталина спровоцировала украинизацию 1920-х – начала 1930-х годов, а события 2014 года спровоцировали нынешнюю, третью попытку насильственной украинизации Украины. Как известно, главным предлогом для новой украинизации, которую начал воплощать в жизнь Петр Порошенко, была так называемая агрессия России против Украины.

Но, на мой взгляд, несмотря на то, что в украинском национальном сознании на протяжении многих веков существовала почти инстинктивная потребность отталкивания от России, несмотря на то, что нэзалэжная Украина и по определению должна была быть независимой именно от России, не было неизбежным, неотвратимым и появление нынешнего независимого украинского государства. Речь идет о государстве, которое будет проводить насильственную украинизацию в условиях, когда подавляющая часть населения даже в Киеве предпочитает говорить на русском языке.

Весьма вероятно, что если бы не было желания России негативно отреагировать на второй Майдан в ноябре 2013 года, а тем более жестко реализовывать на практике идею сделать Украину членом Таможенного союза, то, возможно, был бы жив закон о региональных языках, позволяющий учить детей Новороссии на их родном языке. Очевидно, что новое издание украинизации Украины, откровенно посягающее на права миллионов русскоязычных ее граждан, было в том числе реакцией на события 2014 года, которые, однако – только заключительный этап долгой истории становления независимой Украины, начавшейся сразу же после Февральской революции 1917 года.

Все сказанное выше свидетельствует о том (по данному вопросу можно произвести специальное исследование), что на самом деле отделение Украины от СССР в 1991 году вызвано не столько глубинным культурным кодом украинства, инстинктом «отталкивания» от всего русского, сколько другими факторами и прежде всего шкурными, экономическими интересами. За появлением независимой Украины в 1991 году стоял не столько инстинкт обособления от русскости как чего-то культурного, этнического, сколько желание спасти свой украинский достаток от Москвы, где «пустые полки». Население Одессы никогда не отличалось ни украинофильством, ни тем более сепаратистскими настроениями. И тем не менее на референдуме 1 декабря 1991 года о выходе УССР из СССР 84% одесситов проголосовало «за» нэзалэжную Украину. Только потому, что поверили украинским националистам, которые говорили, что «украинский чернозем» принесет им, одесситам, достаток и процветание. Правда состоит в том, что на самом деле за образованием независимой Украины стояла не вековая мечта украинцев о создании собственного национального государства, ее несли в своих душах прежде всего потомки галичан, а инстинкт выживания. А население РФ активно поддерживало Ельцина, добывавшегося суверенитета РСФСР, чтобы «больше не кормить украинцев», чтобы самим пользоваться благами недр Сибири, для себя продавать нефть и газ. А советское население Украины, в том числе и эт-

нические украинцы, в силу своего поразительного невежества полагали, что главная угроза их благосостоянию – «пустые полки Москвы».

В пользу того, что экономический фактор, страх потерять то, чем обладаешь, породил независимую Украину, свидетельствует дискуссия в Верховной раде 24 августа 1991 года. Я лично наблюдал за этой дискуссией, которую показывало телевидение УССР. В начале заседания выступил депутат тогда еще не распущенного Съезда народных депутатов СССР Олесь Гончар и произнес речь, призывающую к немедленному объявлению независимости УССР. Началась дискуссия, депутаты-коммунисты, победившие на выборах в Раду 30 марта 1991 года, настаивали на необходимости сохранения УССР в составе СССР, обращали внимание на то, что ГКЧП потерпело поражение, что Горбачев вернулся в Кремль. Но появившийся на трибуне лидер общественного движения «Народный Рух – за перестройку» поэт Иван Драч всего одной фразой нейтрализовал все эти возражения коммунистов. Он сказал: «Нет никакого СССР, ибо Ельцин ввел юрисдикцию РСФСР на всю собственность СССР, находящуюся на ее территории». И при этом добавил: «Если вы не уйдете из СССР, то Ельцин объявит юрисдикцию и на собственность УССР». И эта последняя фраза решила судьбу исторической России. Через две минуты Чорновил внес в зал заседаний Рады жовто-блакитный стяг, и было объявлено о создании независимой Украины. Референдум 1 декабря придал легитимность решению Рады от 24 августа. И совсем не случайно национальным праздником Украины стало 24 августа 1991 года.

Мои личные наблюдения о поражении уже советской политики украинизации, об угасании сепаратистских настроений в советской Украине накануне распада СССР подтверждает и исследование Владимира Малинковича. «В УССР, – пишет он, – к концу 80-х украинский язык более или менее полноценно функционировал только на уровне села и райцентра, а в больших городах использовался лишь бюрократами, да еще деятелями украинской культуры, которую начал вытеснять мощный пласт русской культуры. Процесс этот вызвал недовольство определенных слоев населения Украины (прежде всего художественной интеллигенции), но многие украинцы были вовсе не против того, чтобы стать частью единого советского государства» [20]. И подтверждением тому – голосование Украины на референдуме марта 1991 года. Более 70% населения УССР проголосовало за сохранение СССР, поддерживало идею нового союзного договора. Как известно, об этом сейчас не любят вспоминать на Украине, подавляющее большинство жителей УССР, про себя, конечно, поддержало ГКЧП. Так уж получилось, что 19 августа 1991 года я был в гостях у двоюродной сестры моей мамы в деревне под Белгород-Днестровским. И сам слышал и от ее мужа, тогда разжалованного директора колхоза, и от соседей, этнических украинцев, что с этими «московскими демократами и Ельциным давно надо было кончать».

Конечно, появлению независимой Украины способствовало много факторов. В 1991 году команда Ельцина предоставила национальной интеллигенции Украины, ее партийной элите шанс начать вторую попытку создания независимого украинского государства. Перестройка вернула из лагерей антисоветчиков-националистов, которые перехватили у как всегда слабых и немощных демократов УССР созданный ими «Народный Рух». В годовщину единения Украинской Народной Республики и Закарпатской Украинской Народной Республики (1919) «Рух» организовал «живую цепь» из трех миллионов человек, соединившую Киев и Львов. Несомненно, рост политических свобод активизировал сепаратистские настроения художественной интеллигенции. Но все же, на мой взгляд, решающую роль в появлении независимости от России украинского государства, в осуществлении мечты украинской интеллигенции все же сыграла команда Ельцина, поддержавшая настроения российского сепаратизма, решившая прийти к власти именно на идущих снизу, к стати, от писателей-почвенников, идей «суверенитета РСФСР». Как известно, Борис Ельцин был крайне заинтересован в том, чтобы население УССР на референдуме

1 декабря 1991 года проголосовало за независимость, что открывало ему, Ельцину, дорогу к Беловежским соглашениям, дорогу в Ореховую комнату Кремля. Я согласен с Владимиром Малинковичем, что «независимость Украины стала возможной не потому, что такова была осознанная и свободно выраженная воля всего украинского народа, а потому... что в тот момент проявили полную незаинтересованность в сохранении Союза либеральные лидеры России» [20, с. 110]. Правда, Владимир Малинкович не учитывает, что либеральные лидеры России пришли к власти именно на настроениях уже российского сепаратизма. Убежден, что никогда не победил бы украинский сепаратизм, если бы его не поддержал сепаратизм российский, отказавшийся и от империи, и от Союза. Напомню: на заседании Рады 24 августа решающим аргументом в пользу независимости от СССР было то обстоятельство, что Ельцин объявил юрисдикцию РСФСР на общесоюзную собственность.

А куда делось то, что все исследователи украинского национального идентитета называли «инстинктом отталкивания от России»? Какую роль она, эта иррациональная антирусскость, играла в момент распада СССР, в те дни, когда де-юре появилась независимая Украина? На мой взгляд, она, эта антирусскость, проявилась только в поведении и настроениях Западной Украины. И, конечно, в настроениях киевской интеллигенции. Все именитые украинские писатели, с которыми я общался в июне 1990 года в Англии, в Харрогейте на Всемирной конференции советологов, активно пропагандировали идею независимости Украины. И очень удивлялись, почему я, Ципко, ученый с украинской фамилией, был противником распада СССР, создания независимой Украины. Но все же при том, что психологическая основа отталкивания Украины от России существовала всегда, всегда существовала обида украинской интеллигенции на равнодушно-снисходительное отношение московских властей и к ней, и ко всему украинскому, необходимо видеть, что создала независимую Украину именно Россия как советское государство. Советское государство в 1920-х – начале 1930-х, как я уже сказал, проводило политику создания украинской интеллигенции, украинской культуры, украинизации украинского города. А уже советская либеральная интеллигенция, лидеры РСФСР под аплодисменты прежде всего этнических великороссов вытолкнули малороссов из когда-то общей для них России.

Все это говорит о том, что так называемый эмбрион отталкивания от России, который исследовали и описывали прежде всего противники украинского сепаратизма, не всегда бодрствует. Он просыпается только тогда, как говорил В.В. Зеньковский, когда украинца обижают, задевают его самолюбие, напоминают ему о его государственной несостоятельности. Поэтому, как считали многие украинские политологи, к примеру, Вадим Карасев, точка невозврата Украины в Россию была пройдена только после первого Майдана, после декабря 2004 года. До этого, как мы помним, Леонид Кучма вполне успешно проводил политику равновесия между Россией и Западом. И до первого Майдана, как известно, национализм Западной Украины не был доминирующим, как сейчас, в настроениях украинского общества. И, собственно, тогда не чувствовалось какой-либо агрессии, ненависти не только к России, но и к русскому языку. Победа Майдана 2004 года была спровоцирована паразитическим невежеством московской политики, а именно – созданием в Киеве «Русского клуба», деятели которого сделали все возможное и невозможное, чтобы оживить у украинской интеллигенции в очередной раз отталкивание от России. Чего только стоят речи одного из идеологов этого клуба Максима Шевченко, который говорил, что «если не победит Янукович, то западэнцы придут в Киев и будут кушать ваших детей». Или речи политолога Кирилла Фролова, который утверждал, что «нельзя отдавать власть западэнцам, которые, в отличие от жителей Донбасса, не умеют работать». Команда из Москвы, приехавшая помогать Януковичу, не просто проявила паразитическое невежество в отношении истории Украины, но и какое-то агрессивное неуважение к людям, которых они агитировали голосовать за промосковского кандидата. Позже, уже в середине 2005 года,

секретарь Посольства США в РФ, которой я помогал писать книгу о русской религиозной философии, рассказала об аналитической записке Госдепа, где анализировались шесть основных ошибок команды Кремля, которая спровоцировала первый Майдан и дала победу Виктору Ющенко. Среди этих ошибок, правда, на третьем месте было решение послать в Киев «разоблачителей западэнцев».

И на этот раз губительную роль сыграло нежелание Москвы считаться с достоинством своих якобы братьев, достоинством украинцев. Ведь было очевидно, что все это вызовет крайне болезненную реакцию у тех, кто обладает национальным самолюбием, взрыв антирусских настроений.

О некоторых общих чертах между сепаратистскими настроениями бывшей советской интеллигенции УССР и БССР

Мне думается, сегодня Москва столь же далека от человеческих реалий современной Белоруссии, как она была далека в свое время от человеческих реалий новой независимой Украины. Конечно, у жителей Белоруссии в 1990-х не было своего Чорновила. Но на самом деле сепаратистские настроения белорусской интеллигенции, именно интеллигенции, были столь же сильны, как и сепаратистские настроения бывшей советской украинской интеллигенции. Скажу сразу: сепаратизма и антирусскости у представителей белорусской интеллигенции, с которыми я общался в середине 1990-х, было значительно меньше, чем у представителей украинской интеллигенции. Однако несомненно общим было желание не только побыстрее создать собственное национальное государство, но и стать независимыми от Российской Федерации.

Петр Милюков был прав, когда в 1930-х в эмиграции писал, что национальная политика большевистской власти, стремящейся во что бы то ни стало создать в советских республиках свою национальную элиту, на самом деле создает предпосылки для будущего окончательного распада русского мира. Милюков, как и практически все выдающиеся деятели российской интеллигенции, оказавшиеся в эмиграции, предвидели неизбежность обрушения советской системы. В этой вере, что СССР навечно, навсегда, Хрущев ничем не отличался от Сталина. Когда он в 1954 году передавал Крым в юрисдикцию УССР, а земли Западной Сибири – в юрисдикцию Казахстана, он никогда не думал, что эти республики будут уходить из СССР уже с приобретенными территориями бывшей России. Северный Казахстан никакого отношения к истории казахского народа не имел. Правда, нынешнего российского патриота это не волнует, ибо Северный Казахстан – не Крым, и там, в Семипалатинске, нет теплого Черного моря. Мы никогда ничего не поймем во внешней и внутренней политике Сталина, Хрущева и даже Брежнева, если не будем учитывать их исходное марксистское мировоззрение, их веру, что социализм в России навсегда, более того, их веру, что рано или поздно капитализм погибнет и начатая в России пролетарская революция будет доведена до победного конца. Для Хрущева не было различий, где – в РСФСР или в УССР – будет Крым, ибо он смотрел на советские республики как на административные единицы в рамках вечного единого СССР.

Правда состоит в том, что в Белоруссии точно так, как в Украине, подавляющая часть населения не несла в своем сознании национальную идею, не мечтала о создании собственного национального государства. В Украине, как я уже сказал выше, на президентских выборах 1992 года только 25% населения проголосовало за националиста Чорновила. А в Белоруссии уже на президентских выборах 1994 года национально ориентированный профессор Шушкевич не набрал и 20% голосов. Все эти факты говорят о том, что славянское ядро СССР распалось не столько из-за национального сепаратизма украинцев и белорусов, сколько из-за того, что центр СССР – русские – жили хуже других народов.

Спусковым крючком распада СССР стали пустые полки в Москве. И, повторюсь, разрушил СССР до основания спровоцированный этой русской бедностью «великорусский сепаратизм», идея «суверенитета РСФСР». Но все дело в том, что и в бывшей УССР, и в бывшей БССР были две нации: с одной стороны – подавляющее большинство, озабоченное выживанием, а с другой стороны – созданная советской властью интеллигенция. Интеллигенция и на Украине, и в Белоруссии хотела создания собственного национального государства. Если в СССР интеллигенция и Киева, и Минска была все же провинциальной интеллигенцией, интеллигенцией второго сорта по сравнению с Москвой, то уже при возникновении независимого государства она становилась элитой нации, ядром независимого государства. Именно по этой причине были с самого начала так сильны сепаратистские настроения среди украинской и белорусской интеллигенции.

Так уж получилось, что после распада СССР, в первой половине 1990-х, мне довелось одновременно общаться и с так называемым цветом украинской нации во главе с писателем Драчом в Венеции в 1994 году, и уже в 1997 году в Минске – с представителями белорусской интеллигенции. Тогда в Венеции украинская делегация во главе с послом Украины в Италии А.К. Орлом присутствовала на конференции, организованной, по сути, американской Хартией-77, посвященной проблеме люстрации в посткоммунистических странах. Я на этой конференции представлял Российскую Федерацию. Меня пригласили как автора статей в «Московских новостях», в которых я в полемике с Галиной Старовойтовой доказывал, что люстрация на самом деле наносит вред долгосрочным национальным интересам посткоммунистических стран. Кстати, тогда, в 1994 году, на конференции выступили против люстрации представители многих бывших социалистических стран и прежде всего поляки. Польскую делегацию тогда возглавлял будущий президент новой Польши Александр Квасьневский. Чехи каялись в том, что они сделали глупость и повторили бесчеловечный опыт люстрации, характерный для объединенной Германии. Но поразительно, что украинцы молчали и как осторожные политики не сказали ни «за», ни «против» идеи люстрации. А это была Украина Кравчука. И что меня поразило больше всего: уже в номере посла в гостинице, где украинская делегация организовала себе ужин и куда я был приглашен, доминировали откровенно антироссийские настроения, и они были особенно характерны для дипломата – посла Украины в Италии. Зачем я об этом вспомнил? А только для того чтобы сказать: ничего нового в антироссийских настроениях Петра Порошенко на самом деле не было. Уже тогда, в 1994 году, представители украинской национальной элиты говорили о необходимости рано или поздно прийти в НАТО и стать членом общеевропейского дома. И надо быть справедливым: во времена перестройки тоже говорилось о том, что СССР должен покончить с холодной войной и стать частью общеевропейского дома. Надо отметить, правы те международники, в том числе и Борис Шмелев, которые считают, что во времена Кравчука и Кучмы внешняя политика Украины носила столь же прозападный характер, как и сейчас.

Но что поразительно. На самом деле настроения белорусской интеллигенции в 1997 году, когда, казалось бы, решался вопрос о создании единого российско-белорусского государства, ничем существенно не отличались от настроений представителей украинской интеллигенции, с которыми я общался в Венеции. Члены комитета по созданию союзного государства, куда я входил вместе с Евгением Примаковым, Юрием Лужковым и Константином Затулиным, весной 1997 года в резиденции А. Лукашенко обсуждали якобы практические вопросы объединения Белоруссии и Российской Федерации. Но когда завершились официальные мероприятия и начиналось общение за ужином, за обильным белорусским столом, наши коллеги-белорусы вели совсем другие разговоры. Они, не стесняясь, говорили нам, что на самом деле они боятся союза с Россией, ибо Россия ведет войну в Чечне,

в России власть принадлежит олигархам и т.д. Историческая правда состоит в том, что окружение Лукашенко во главе с руководителем его администрации Мясниковичем было на деле таким же противником создания союзного государства, как и администрация Ельцина во главе с Чубайсом.

Кстати, на одном из банкетов, который организовал для нашей делегации Александр Лукашенко, я с удивлением заметил, что на самом деле белорусы так и не вышли из литовского княжества. На сцене Лукашенко ужинал вместе с Евгением Примаковым. Но за первым столом, который примыкал к сцене, восседала делегация Литвы, министры из Литвы. Они приехали в Минск по другому поводу, но оказались на банкете по случаю переговоров, связанных с созданием союзного государства. Среди литовцев оказался мой знакомый, коллега-философ, выпускник МГУ, который стал министром образования Литвы. Он пригласил меня ужинать в их литовской компании. Когда я спросил литовцев, как они здесь оказались, мне полушутя-полусерьезно ответили: «Саша, мы, литовцы, в Белоруссии всегда дома». Доводилось мне слышать и такие, не вполне соответствующие истине заявления: дескать, что до объединения с Россией в конце XVIII века, до третьего раздела Польши, западные русины – нынешние белорусы – в силу известных исторических обстоятельств именовались «литвинами». И сейчас, спустя почти четверть века после заседаний советско-белорусской комиссии в Минске, белорусы, особенно молодежь, чувствуют себя куда более уютно в Польше и Литве, чем в России. Не знаю, насколько это верно, но, как пишут некоторые СМИ, якобы уже сегодня более 30% белорусов называют себя «литвинами». На ресепшен бывшей гостиницы «Форум» в Варшаве, где я жил летом прошлого года, было много девушек из Белоруссии, и они чувствовали себя хозяйками гостиницы, а номера в этой гостинице убирали молодые украинки. И у меня сложилось ощущение, что в современной Польше к белорусам относятся куда лучше, чем к украинцам. Наши российские идеологи русского мира не учитывают, что не только молодежь Украины, как говорит Никита Михалков, «не хочет смотреть в сторону России», но и молодежь Белоруссии уже чувствует себя в Европе, и особенно в Польше, как дома. Да и поляки, надо отдать должное, делают все возможное и невозможное, чтобы Белоруссия вернулась к ним, в Польшу, вернулась туда, где она была почти 400 лет. Поляки спонсируют несколько десятков проектов, стимулирующих приобщение молодых белорусов к польскому языку и польской культуре, и, естественно, они открыли двери своих вузов для молодых белорусов.

Конечно, надо быть аккуратным: по крайней мере до сих пор у жителей Белоруссии не было ни на йоту той агрессивной антирусскости, которая характерна сейчас для националистов Украины. Как говорят сами белорусы, они – люди «памяркоўныя», не любят резких движений, но неуклонно идут к своей цели.

Если же судить по настроениям, мыслям и помыслам белорусской интеллигенции, то по своим глубинным инстинктам белорусы ближе к украинцам, бывшим малороссам, чем к русским великороссам: и белорусы, и украинцы, в отличие от великороссов, не имели собственного государства, и они абсолютно свободны от имперских комплексов, которыми страдают россияне. Белорусам не нужно, как современным русским патриотам, чтобы их страну боялись. Надо отдавать себе отчет, что «Русская весна» 2014 года и нынешняя внешняя политика России привели ту самую белорусскую интеллигенцию, которая и есть главный фактор движения к «самостийности», к еще большему отторжению от так называемого русского мира.

Отмечу, что в результате сложной и драматичной истории украинцы, белорусы и русские как никогда стали близки друг другу именно во времена СССР. Но парадокс истории состоит в том, о чем я уже сказал, что именно русские, великороссы, со своим «суверенитетом РСФСР» разрушили то хрупкое единство между русскими, украинцами и белорусами, которое сложилось в те времена. К тому же, повторюсь, белорусскую

интеллигенцию оттолкнула еще в 1990-х не только чеченская война, но и наши радикальные экономические реформы, которые отдали практически все национальное богатство Российской Федерации в руки нескольких олигархов. Еще тогда, в 1997 году, мой бывший аспирант Валерий Цепкало, ныне – кандидат в президенты Белоруссии, говорил мне, что это страшное экономическое неравенство, которое сложилось в РФ в 1990-х в результате реформ Гайдара, может обернуться новым русским бунтом. По крайней мере очевидно, что в Белоруссии невозможно то страшное экономическое различие между бедными и богатыми, которое характерно для современной России.

К сожалению, как мне кажется, в России в последние годы не уделялось достаточно внимания изучению динамики настроений в Белоруссии. Да, в Белоруссии не было Майдана, не было серьезной политической позиции. Но мне думается, именно сейчас Белоруссия вступает в тот период своего развития, когда ее прозападность, ее стремление к обособлению от России будут проявляться с наибольшей силой. В том числе, разумеется, здесь не надо быть наивным, при последовательной изначальной подаче извне. В середине «нулевых» я несколько раз принимал участие в конференциях, посвященных обсуждению судьбы постсоветского славянского мира, которые организовывал Евросоюз в Криницах в Польше. Меня всегда удивляло, что эксперты – представители Запада на этих конференциях (известные в мире советологи) – произносили куда больше добрых слов о Белоруссии, чем об Украине. Особенно много добрых слов о Белоруссии произносил на этих конференциях уже упомянутый мной экс-президент Польши Александр Квасьневский. Вот такая история.

Главные причины поражения национал-популиста Петра Порошенко на президентских выборах в Украине в 2019 году

Мне думается, все же драматизм украинской идеи с наибольшей силой проявился именно в поражении Петра Порошенко на президентских выборах 2019 года. Ведь никогда за последние сто лет не было более благоприятных условий для реанимации «украинской идеи» и создания подлинно национального государства Украины. Возникло де-юре суверенное государство в границах, признанных международным сообществом. И именно по этой причине практически никто в мире не признал присоединения Крыма к Российской Федерации, а весь комплекс событий 2014 года оживил изначальную антирусскость украинского национального сознания. Антирусскость как обида объединила многие части Украины. Даже пророссийски настроенная русскоговорящая часть населения Украины болезненно отреагировала на эти события. «Мы, русские жители Украины, имеем такое же право на Крым, как и русские РФ», – об этом говорили многие представители русского меньшинства в Украине. Современная Украина за четверть века создала национальную украиноговорящую интеллигенцию. Уже сотни, тысячи ученых пишут и защищают свои диссертации на украинском языке. От УССР независимая Украина получила развитый государственный аппарат. Подобного государственного аппарата не было не только у УНР и Директории времен В. Винниченко, М. Грушевского и С. Петлюры, но и у гетманской Украины Скоропадского. Нет никакого хаоса в деревне, которым питался авантюризм Нестора Махно. Появилась главная причина сохранения суверенитета Украины – Европейский союз и США как гаранты сохранения ее независимости, и прежде всего – независимости от России. Никогда нельзя забывать, что нэзалэжна Украина независима прежде всего от России. В 1918 году гарантом сохранения державы Скоропадского были Австро-Венгрия и кайзеровская Германия, а сегодня – прежде всего США.

Петру Порошенко удалось оживить, сделать скрепой украинской государственности активную антирусскость. Я не думаю, что международник и бизнесмен Петр Порошенко

когда-то всерьез изучал историю украинского национализма, но все, что провозглашалось на подконтрольных ему телеканалах – Первом государственном и «Прямом», – было повторением идей одного из основателей украинского национализма Н. Михновского, автора «Украинской мечты», изданной брошюрой во Львове в 1900 году. Порошенковское телевидение соединило две идеи Н. Михновского, а именно то, что Украина якобы всегда была колонией России и что Украина никогда не станет Украиной в полном смысле этого слова, пока не вытеснит из себя русский язык. «Почему даже в церкви господствует язык наших угнетателей?» – спрашивал Н. Михновский в своей «Украинской мечте». К этому надо только добавить, что «пожелание повернуть Украину лицом к Западу», идея, что только Запад может гарантировать независимость Украины, была заимствована у украинского националиста, поклонника Муссолини Д. Донцова [см. об этом 9, с. 39–42].

В результате русскоязычная до сих пор Украина проголосовала за человека, который олицетворял и проводил в жизнь довольно жесткие требования идеологов украинского национализма. И это несмотря на то, что прозападная ориентация Петра Порошенко была по душе значительной части русскоязычного населения Украины. Тем более близка моей от рождения прозападной Одессе, построенной французами. Прорусские настроения с пророссийскими соединяются, наверное, только у четверти населения сегодняшней Украины. И именно эти люди горячо поддержали визит Медведчука и Бойко в Москву накануне первого тура президентских выборов.

Скажу сразу: Петр Порошенко во многом проиграл и потому, что его назойливая антироссийская риторика, все эти баннеры «Или Путин – или Порошенко» надоели людям. Как выяснилось, что, кстати, надо учитывать и руководителям современной России, вся эта военная риторика, сама жизнь в осажденной крепости, бесконечные разоблачения подлинных и мнимых врагов утомляют людей и начинают вызывать обратный эффект. Вместо патриотических чувств растет недоверие к собственной власти. Хотя взрыв антироссийских настроений на короткое время способствовал объединению русскоязычной Украины с Украиной украиноговорящей, способствовал легкой победе Петра Порошенко в первом же туре на президентских выборах 2014 года. При этом надо оговориться: антироссийские настроения – это не обязательно антирусские настроения. Антироссийские настроения – это прежде всего отвращение к современной имперской идеологии, так или иначе присутствующей среди части жителей нашей страны. Но и здесь не надо переоценивать активность и глубину антироссийских чувств. На самом деле, как показывают опросы, главным врагом для Украины все же является бедность. Бедность является главным врагом для 53% опрошенных, а Путина считают главным врагом всего лишь 14%.

Но Порошенко этого не учитывал, не понимал, что на экстриме, на чувствах, вызванных чрезвычайщиной, нельзя строить долговременную государственную политику. Он просто пытался, без учета настроений в стране, ожиданий простых украинцев, воплотить в жизнь идеалы Украинской народной республики 1918–1919 годов. Начиналась тогда, еще в 1918 году, независимая Украина с созыва Украинского поместного собора, который должен был поставить вопрос об автокефалии Украинской православной церкви, от ее автономии от возродившегося при Временном правительстве Московского патриархата. Второе правительство гетмана Скоропадского исходило из того же, из чего исходил Петр Порошенко, который обратился с просьбой к Константинопольскому патриарху Варфоломею в 2017 году именно с просьбой дать самостоятельному украинскому государству независимую автономную церковь. Кстати, патриарх Варфоломей, обосновывая свое решение осенью 2018 года, накануне президентских выборов, предоставить автокефалию УПЦ, говорил: «Вселенский патриарх взял на себя инициативу по решению проблемы в соответствии с полномочиями, предоставленными ему Священными канонами, и юрисдикционной ответственностью над епархией Киева, получив просьбу об этом от досточти-

мого украинского правительства, а также просьбу от «патриарха» Киевского Филарета об апелляции на наше рассмотрение его дела». Так что В. Зеленский, как и во многих других случаях, искажал факты, утверждая, что «Томос для Украины из рук Варфоломея – это не столько заслуга Порошенко, сколько Киевского патриарха Филарета». Как бы ни сложилась дальнейшая судьба Петра Порошенко, он навсегда останется в истории Украины как человек, который добился автокефалии для независимого украинского государства. В равной степени и идея закона о государственном украинском языке идет от Украинской народной республики 1918–1919 годов, но уже не от правительства Скоропадского, а от Директории Петлюры и Винниченко. Скоропадский со своим в основном русскоговорящим правительством, состоящим из российских ученых и российских чиновников, как я показал выше, был свергнут Петлюрой именно из-за того, что он вместо того чтобы строить украинскую державу, создавал второе русское государство. У Скоропадского речь шла о создании второй России, сохраняющей нормальную человеческую жизнь и противостоящей большевистской революционной России. Неудивительно, что среди нашей либеральной интеллигенции долгое время была популярна точка зрения, что прозападная антироссийская Украина могла бы стать второй Россией как антипод современной имперской РФ, возродившей традиции русского самодержавия.

Ко всему сказанному хотел бы еще добавить, что суть украинизации Украины, которую пытался воплотить в жизнь Петр Порошенко, была выражена в свое время председателем Центральной рады, писателем В. Винниченко: «Мы, украинцы, – писал он, – хотели жить и проявить себя во всех сферах и областях жизни. Мы полагали, что все общественные, политические и социальные учреждения должны быть для народа, а не народ для них. На Украине – народ украинский, поэтому для него как украинского народа должны быть все учреждения: правительство, администрация, школа, суд и также армия». Ко всей этой истории насильственной украинизации территории украинского государства, как в первом варианте, во времена Винниченко и Грушевского, во втором, уже при сталинской украинизации 1920-х – начала 1930-х годов, так и в третьем, при порошковской украинизации, обращает на себя внимание активное сопротивление русскоговорящей интеллигенции. Киевский адвокат А.А. Гольденвейзер в своих воспоминаниях об украинизации во времена УНР писал, что «украинизация приводила в смущение всех неукраинцев, причастных к школе, науке, адвокатуре. Украинский язык... вызывал аффектированные насмешки; никто не собирался учиться этому языку». «Одни протестовали из-за нетерпимости ко всему украинскому, другие – из-за насильственного насаждения», – об этом писала жена премьер-министра при Петлюре В.А. Голубовича в своих воспоминаниях [17, с. 41–42].

На референдуме 1 декабря 1991 года более 80% русскоязычных одесситов проголосовали за «самостийну нэньку Украину», ибо считали, что украинский чернозем обеспечит дешевыми продуктами наш родной одесский Привоз. Сегодня, когда мы анализируем причины поражения идеологии второго Майдана, поражения украинского национализма, который олицетворял Петр Порошенко, нельзя забывать, что в 1991 году подавляющая часть населения СССР выбирала не независимую Украину, а всего лишь независимость от так называемых пустых полок Москвы. И я думаю, что по этой причине возникли нынешние естественные трудности на пути объединения русскоговорящей и украиноговорящей Украины в одно государство. И теперь, если посмотреть на результаты голосования не столько за «кота в мешке» В. Зеленского, а за честного сторонника украинской национальной идеи П. Порошенко, становится видно, что противниками проводимой им насильственной украинизации являются не только жители Новороссии, но даже преимущественно украинская по крови Слободская Украина, Харьковская область. Если говорить всерьез, то победа Зеленского обнаружила, что украинское национальное государство не является ценностью не только для русскоговорящей Украины, но даже для подавляющей части этнических

украинцев, конечно, кроме украинцев, живущих в Львовской области. Если для идеологов украинскости начала XX века, для тех же Н. Михновского, М. Грушевского, независимое украинское государство было мечтой, чем-то невероятным, то для украинцев современной Украины полученная ими во многом случайно государственная независимость на самом деле не обладает большой ценностью. Как всегда в жизни, то, что достается «на халяву», не очень ценишь.

Теперь уже очевидно, что если политическая элита Украины в состоянии сделать уроки из произошедшего, Украина может сохраниться как целостное государство только при свободном использовании ее населением двух языков. Таким образом, сама жизнь поставила вопрос о создании какой-то другой украинской национальной идентичности, чем нынешняя, взятая на вооружение вторым Майданом. Об этом, кстати, еще до победы В. Зеленского во втором туре говорили многие интеллектуалы и историки. К примеру, профессор Львовского католического университета Ярослав Грицак в интервью «Свободе» говорил, что объединить Восток и Запад Украины может только середина Украины, Украина Киева и Днепра, где люди говорят одновременно на двух языках – на русском и украинском. То есть речь идет о том же: о создании украинскости, которая прежде всего привязана к независимому украинскому государству, к территории, к родной для всех, кто живет в ней, Украине. Спустя сто лет в Украине, после отказа значительной части населения от ценностей второго Майдана, оживает проект В. Липинского как проект Украины, объединяющей людей, живущих на ее территории.

Но, на мой взгляд, для того чтобы всерьез анализировать возможности и условия двуязычной территориальной идентификации украинскости, надо обратить внимание и на второй урок результатов голосования на президентских выборах в апреле 2019 года. Как я уже показал, ничего нового и неожиданного не было в том, что русскоговорящая Украина проголосовала против украинского националиста Петра Порошенко. Но вот абсолютно неожиданным является тот факт, что В. Зеленского поддержала не только русскоговорящая, но и этническая Украина. Зеленский победил и в Правобережной, и в Левобережной Украине, и даже в некоторых областях Галиции – в Ивано-Франковской области, в Волыни, в Каменец-Подольске, то есть там, где подавляющее число говорит на украинском языке, где за украинскостью стоят столетия проживания в польско-литовском мире. Казалось бы, реальное противостояние Украины с Россией, гибридная война в Донбассе, которая продолжается уже пять лет и из-за которой почти каждый день погибают бойцы АТО, давала Порошенко уникальную возможность для оживления так называемого эмбриона антирусскости, который, как я уже подчеркивал, лежит в основе украинскости.

Парадокс, произошедший в годы президентства Порошенко, состоит в том, что так и не удалось использовать противостояние с Россией, все эти разговоры о страданиях украинского народа от агрессии северного соседа для оживления в душах этнических украинцев этих традиционных настроений безутешной доли и бесконечной скорби. Оказывается, в XXI веке, в условиях глобального мира национальная память работает уже значительно меньше, чем в прошлом, даже в XX веке. Конечно, без национальной памяти, без знания истории своей страны, истории не только ее побед, но и поражений, невозможно никакое национальное чувство, никакой патриотизм. Но надо учитывать, что погружение душой в историю своей страны дано не каждому, что в эпоху Интернета куда тяжелее проникнуться национальными чувствами, чем в ушедшую эпоху книг, воспоминаний родителей. Результаты прошедших президентских выборов 2019 года показали, что сколько было в 1991 году националистически настроенных украинцев, столько и осталось. За националиста-диссидента Чорновила на президентских выборах 1991 года проголосовала четверть населения УССР. Прошло почти тридцать лет, и на президентских выборах 2019 года за националиста Петра Порошенко проголосовали те же 25% населения. Не

больше. Все это говорит о том, что украинская национальная идентичность не расширяется, не углубляется, и все попытки Порошенко внедрить в сознание украинцев, сделать массовыми ценности второго Майдана ни к чему не привели. Парадокс состоит в том, что подавляющая часть украиноязычной Украины проголосовала за В. Зеленского, который, в отличие от Петра Порошенко, демонстрировал нарочитое пренебрежение к ценностям второго Майдана, к проблемам языка, веры и даже к проблеме армии. Правда, надо быть аккуратным: в идеологии В. Зеленского, даже если она не была выражена отчетливо, сохранялась прозападность как одна из основных черт украинской идеи. И, как я уже сказал, прорусскость В. Зеленского отнюдь не означала автоматически пророссийские настроения как проявление симпатии к современной России, России Путина.

Как показала победа В. Зеленского, для того чтобы выиграть на выборах современной Украине, не только не надо клясться в верности ценностям и героям украинской нации, но можно и бравировать, играть своим безразличием ко всем этим ценностям, «преданиям старины глубокой». Кстати, о том, что «предания старины глубокой» не могут быть основанием для украинской национальной идентичности, говорили идеологи его предвыборной кампании и в частности, врач Андрей Пальчевский. В мировоззрении Зеленского нет не только украинского консерватизма, уважения к национальной памяти и национальным героям, с именем которых связана украинская национальная идентичность, но и вообще какого-либо консерватизма. Несомненно, по мировоззрению, по своим основным социальным инстинктам, комик В. Зеленский, ставший президентом Украины, чистый ленинец. И я не пойму, почему телеведущий Д. Гордон считает, что преимущество Зеленского состоит в том, что он меньший марксист, чем представители старой политической элиты Украины, чем все эти Кравчуки, Кучмы, Порошенки, которые «в вузах конспектировали труды Ленина». Вся идеология Зеленского, вся его стратегия и тактика от начала до конца дышат ленинизмом.

Будущее без прошлого, без национальной памяти, не надо искать героев в прошлом, их достаточно в настоящем. Не только Степан Бандера, настаивает новый президент Украины, но даже Тарас Шевченко не может быть национальным героем для всех граждан Украины. И по этой причине, говорил накануне выборов Зеленский, нет необходимости называть улицы городов Украины именем Тараса Шевченко. Я понимаю, особенность украинцев в том, что они в подавляющем большинстве не знают историю украинской идеи, историю украинской национальности. Но когда о том, что Т. Шевченко не является героем для всей украинской нации, говорит президент Украины, то лично я начинаю сомневаться и в духовном здоровье ее президента, и в духовном здоровье украинской нации. Нельзя себе представить, чтобы президент России сказал, что Пушкин не является героем для всех россиян, хотя до начала 1930-х большевики, особенно Лев Троцкий, довольно пренебрежительно относились к так называемой дворянской литературе. Но это еще один аргумент в пользу моего тезиса, что в Украине пришел к власти марксист и ленинец. Для нового лидера Украины характерен не просто акцент на отделении церкви от государства, а нарочитое равнодушие к проблемам веры, приравнивание попыток П. Порошенко добиться автокефалии для УПЦ к бессмысленным попыткам приобрести «термос». В. Зеленскому в интервью украинскому РБК удалось уйти от трудного вопроса о его личном отношении к проблеме веры в Бога, к церкви, национальным религиям украинцев. Но обращает на себя внимание, что абсолютно все интеллектуалы, симпатизирующие В. Зеленскому и призывавшие телезрителей за него голосовать, являются атеистами, дарвинистами. О своем дарвинизме, космополитизме часто говорит в интервью на 112-м телеканале врач Андрей Пальчевский, хозяин поликлиники, где В. Зеленский сдавал анализы. Для Андрея Пальчевского вообще нет различий, как он говорит, между демонстрациями с портретами Степана Бандеры, демонстра-

циями со знаменами Великой Отечественной войны и гей-парадами. Мол, каждый имеет право на свое особое мировоззрение. Примечательно, как я показал выше, что идея строить украинское независимое государство вне истории, вне прошлого и даже вне будущего принадлежит одному из первых авторов идеи украинства, а именно М. Драгоманову. Он призывал решать проблему украинскости «рациональным способом», а не прислушиваться к «мистическому голосу крови». Он призывал строить новую Украину, опираясь на «реальность и благоденствие простого народа». Во главу угла, говорил он, надо ставить анализ, а не исходное «понятие», исходную «ценность» [9, с. 7–10].

На мой взгляд, о слабостях, недостроенности нового украинского государства, рожденного Беловежскими соглашениями 1991 года, куда больше свидетельствует безразличие подавляющего большинства этнических украинцев к ценностям второго Майдана – языка, веры и армии, чем протест русскоязычной Украины против их насильственной украинизации. Как выяснилось, для миллионов этнических украинцев, которые проголосовали против Порошенко, ни героика Майдана с ее «небесной сотней», ни обретение УПЦ автокефалии, ни активное расширение и влияние в обществе их национального языка не являются чем-то значимым, важным. Это еще раз подтверждает тот медицинский факт, что на самом деле украинской нации как чего-то устойчивого, цельного нет.

Как говорит В. Малинкович в своей книге «Дорога на Майдан», в 1991 году на Украине «независимость, в силу сложившихся обстоятельств, получила несформированная еще нация, не имеющая, по сути, опыта государственного строительства» [20, с. 69]. Но после всего, что произошло в апреле 2019 года, встает вопрос: стала ли за прошедшие с 1991 года без малого тридцать лет «несформированная украинская нация» уже «сформированной», чем-то более органичным, более устойчивым? Правда состоит в том, что при нынешней украинской нации сокрушительную победу одержала команда В. Зеленского, которая настаивала на том, что «патриотизм, в том числе и украинский, является прибежищем негодяев», что «не надо смотреть в прошлое, а надо смотреть в будущее», что «ни Богдан Хмельницкий, ни Тарас Шевченко не могут быть героями для новой украинской нации».

Да, на выборах 2019 года победила команда, члены которой называли себя «космополитами», «врагами какого-либо национализма, в том числе и украинского». Я отнюдь не сторонник этнического национализма, но нельзя не видеть, что такова уж природа украинскости, что ее идентичность связана с этничностью. Это объясняется тем, что украинцами были прежде всего крепостные крестьяне, и, оказывается, эта этничность даже в лучших своих проявлениях, таких, как забота о национальной памяти, желание погрузиться в свою национальную историю, абсолютно не свойственна современной украинской нации. Разработкой украинской национальной идентичности занимаются сотни, может, даже тысячи специалистов, и прежде всего молодые ученые. Но, как видно, существует разрыв между украинскостью, которую стремится пестовать украиноговорящая интеллигенция, и украинскостью, которая реально присутствует в жизни простого украинского народа. Так что действительно правы даже те украинские интеллектуалы, которые считают, что украинская нация есть, но она все еще больна.

Впрочем, о том, что украинская нация больна, говорят и многие украинские интеллектуалы. Украиноговорящие политологи, поддерживающие П. Порошенко на телеканале «Прямой», говорили, что если в первом туре украинцы проголосовали «по приколу», то во втором обязательно будут голосовать «по разуму». Не могут украинцы не понимать, говорили политологи-патриоты, что надо всячески беречь государственную независимость Украины, тем более Украины, которая находится в состоянии войны с Россией, что абсурдом, позором является приход к власти «кота в мешке», нельзя делать главнокомандующим воюющей армии комика, который, кстати, делал все возможное и невозможное, чтобы

его не призвали служить в армию. «Тот, кто между позором и войной выбирает позор, – говорила политолог М. Волошина, – тот получает и позор, и войну». Подобные речи, за которыми стояла вера, что победа комика Зеленского невозможна, я слышал накануне выборов на протяжении месяца на различного рода украинских телеканалах.

Но надежда, о которой говорил и руководитель автокефальной УПЦ митрополит Епифаний, не оправдалась, и во втором туре Украина проголосовала «по приколу», не думая о своем человеческом достоинстве, но желая насолить Порошенко, который много обещал и ничего не сделал для простого, бедного народа. По большому счету, никого из тех миллионов людей, которые проголосовали против Порошенко, не интересовало, чем обернется для их страны избрание некомпетентного Зеленского, возвращение на политическую сцену олигарха Коломойского и, самое главное, недоверие Запада к украинской нации, не имеющей собственного достоинства. Уже сейчас многие на Западе говорят, что после всего, что произошло на Украине, надо к украинской нации относиться точно так, как к русской, то есть как к непредсказуемым нациям. Таким образом, стало ясно, что на самом деле украинская нация как целостность так и не сформировалась, что нет не только украинской нации, но и национальной элиты в точном смысле этого слова. А также нет ничего, что бы объединяло людей: ни общих национальных ценностей, ни ценностей национального государства, во имя которого они были бы готовы поступиться личными амбициями.

И последний урок поражения Порошенко. Сокрушительное поражение «революции достоинства» ноября 2013 года заставляет всерьез задуматься о совместимости бедности и развитого национального чувства, о совместимости бедности с национальным достоинством. Если, как показали прошедшие президентские выборы на Украине, нет ничего, что могло бы объединить известных политиков страны, то как можно требовать верности национальным ценностям, готовности жертвовать личным во имя общественного от тех, кто оказался на дне этой нынешней жизни? И если все же в более успешной, более сытой, чем Украина, России, как говорит социолог Лев Гудков, «обычного человека... по-настоящему интересует только его собственная, повседневная, серая и обыденная жизнь, то как требовать всплеска национальных чувств у жителя Украины, у которого тарифы на газ и электроэнергию стали главной заботой жизни». Я знаю, о чем говорю: мои родные сестры в Одессе только о том и думают, как бы кто-то им снизил эти забирающие у них половину пенсии тарифы. Трагедия Петра Порошенко, на мой взгляд, состоит в следующем: он не осознавал, что все, действительно сделанное им для своего государства, для укрепления его авторитета, для национальной украинской идеи, на самом деле является чем-то если не чуждым, то абсолютно неважным для подавляющей части населения его страны, для всех тех, кто проголосовал не столько за Зеленского, сколько против него, Порошенко.

При этом надо учитывать еще особенности украинского национального сознания, о котором много писали до революции те же М. Грушевский и В. Зеньковский. Украинскость проявляется не только в инстинктивном отторжении от России, русской власти, но и от власти вообще, даже от власти собственного национального государства. В украинском национальном сознании анархизм идет еще от индивидуализма, от настроений, которые выражены в поговорке «моя хата с краю, ничего не знаю». И, наверное, чрезвычайная сложность, о которой говорит более чем четвертьвековой опыт формирования независимого украинского государства, состоит во встраивании в этот индивидуалистический тип сознания желания, готовности пожертвовать чем-то личным во имя его блага. Как показал пятилетний опыт президентства Порошенко, на пробуждении так называемого эмбриона антирусскости, на возбуждении антирусских настроений на самом деле невозможно укрепить это традиционное украинское национальное сознание. Спустя короткое время – всего пять лет – и чувства, и настроения, спровоцированные экстримом, мобилизацией, агрессией, угасают. В результате по настроениям Украина 2019 года вернулась к Украине

1991 года, когда за националиста, сторонника отталкивания от России, диссидента, кандидата в президенты Вячеслава Чорновола проголосовало всего лишь 23% избирателей, а именно Галиция. А 21 апреля 2019 года за патриота и националиста Петра Порошенко, призывающего противостоять России, проголосовало всего лишь 20% избирателей. Повторяю, все дело в том, что чувство злобы, ненависти, требующее напряжения души, невозможно сделать чем-то устойчивым, постоянным, а если и удастся, то только за счет слома психики человека.

Повторюсь: антироссийские настроения – это не обязательно антирусские настроения, а прежде всего отвращение к современной имперской идеологии и политике нашей страны. Антироссийские настроения на Украине были порождены иллюзией, что можно силой, как говорил тот же Владислав Сурков, «принудить Украину к дружбе с Россией». Кстати, тот же министр Скоропадского Зеньковский, который был категорическим противником отделения Украины от России, все же говорил, что здесь многое зависит от умения российских государственных деятелей считаться с достоинством украинского народа, и прежде всего – с достоинством украинской интеллигенции. Сама политика «принуждения Украины к дружбе» ничего кроме роста антироссийских настроений не давала ни в прошлом, ни сейчас. Наша русская трагедия состоит в том, что у нас после распада СССР все тридцать лет политику в отношении Украины разрабатывали люди, мозги которых были поражены болезнью «советской образованщины» и которые не имели ни малейшего представления ни об особенностях украинского национального сознания, ни об уроках истории УНР 1917–1919 годов. «Можно, – писал уже в эмиграции в начале 1930-х В. Зеньковский, – конечно не спрашивать мнения Украины, можно простым путем принуждения заставить ее принять тот или иной режим – это, разумеется, можно. Но тогда невозможно не только рассчитывать на “сближение” России и Украины, но даже на простое сотрудничество с украинской интеллигенцией. Насколько я понимаю, она совсем не есть “выдумка”, она, украинская интеллигенция, уходит своими корнями очень глубоко, в особое чувство, которым так богата украинская интеллигенция – чувство неразрывной связи с народом» [12, с. 398]. Нет необходимости говорить, что вся эта грязная кампания по разоблачению «украинцев как фашистов» нанесла громадный, непоправимый урон отношениям русских и украинцев – никогда в истории русские так активно не выталкивали Украину на Запад, в НАТО.

Что самое опасное для судьбы новой Украины? За сто лет после УНР 1917–1919 годов так и не появилась социальная база независимой Украины как национального государства. До сих пор подавляющая часть населения бедна и далека и умом, и душой от всех ценностей, на которых строится национальное государство. Конечно, «Русская весна» 2014 года усилила главную скрепу украинского национального сознания – антирусскость. Но нельзя не видеть, что сама по себе антирусскость не способствует погружению сознания украинцев в украинскую историю, в ценности украинского народа. Отец украинской идеи Тарас Шевченко со своими мечтами о вильной Украине как был, так и остался далек от подавляющей части украинской нации. Да и все основные национальные ценности – язык, вера, героика борцов за независимую Украину от Выговского и Мазепы до Степана Бандеры – точно так же далеки от подавляющей части украинцев, как и идеи Тараса Шевченко.

Единственное, что является общим для Украины Порошенко и нынешней Украины Зеленского, так это прозападный курс, желание подавляющего большинства населения, чтобы их страна, став независимой от России, стала членом Евросоюза. Если в 1991 году желание достатка заставляло население УССР убежать из СССР, то сейчас такое же естественное желание лучшей жизни заставляет Украину смотреть в сторону Запада. Хотя на самом деле молодежь, интеллигенция предпочитают не смотреть в сторону России из-за ее страсти постоянно возрождать самодержавие. Но надо понимать, что за этим

естественным желанием лучшей жизни ничего этнического, национального нет. Более 60% населения Донбасса – этнические украинцы, но когда они поверили, что Россия присоединит их к себе точно так, как она присоединила Крым, то забыли о своей украинскости. Для большинства жителей Донбасса в тот переломный момент решающую роль сыграла надежда на присоединение к России. И, конечно, начатая Порошенко политика насильственной украинизации русскоговорящей Украины усилила эти настроения. Как уже было сказано, голосование за Зеленского было во многом протестом против Закона о языке, принятого при Петре Порошенко.

В контексте истории УНР 1917–1919 годов видно, что события 2014 года все же создали самое главное условие для независимой Украины: появление внешнего гаранта ее территориальной целостности. Несомненно, главным их последствием было то, что Украина превратилась в страну, враждебную России, в плацдарм НАТО на востоке Европы. А если по-простому, то в результате «Русской весны» 2014 года Украина поменяла зависимость от России на зависимость от США и Евросоюза. И уже сейчас невозможно то, что считал неизбежным В. Зеньковский, утверждавший, что Россия, как всегда, будет вооруженным путем, несмотря ни на что, возвращать себе контроль над Украиной. Не будет нынешняя Россия повторять то, что могла себе позволить советская Россия в 1919 году, а именно аннексию Украины при опоре на поддержку пробольшевистски настроенных рабочих и крестьян. И в этом, на мой взгляд, состоит качественная разница между ситуацией 1919 и 2019 годов. Хотя ничего нового во внешней политике нынешней Украины в сравнении с внешней политикой Директории нет. В отличие от П. Скоропадского, атаман Петлюра делал ставку на Антанту, особенно на Францию. Но тогда Франции было не до независимой Украины, да и в начале 1919 года Левобережную Украину она уже не контролировала. Но если посмотреть на шансы и перспективы сохранения независимой Украины в контексте президентских выборов 2019 года, то видно, что кроме внешнего фактора, который сейчас работает на независимость Украины, у нее до сих пор нет своей социальной базы. Препятствия, которые помешали Грушевскому и Виниченко создать украиноговорящую, погруженную в национальные ценности Украину, сохраняются до сих пор. Попытка Петра Порошенко не только тоже захлебнулась, но и вызвала активный протест, который проявился в голосовании за комика Зеленского.

Одесситы поддержали невнятного во всем кандидата всего лишь за одну фразу: «не надо гнобить русский язык». Это уже после победы Зеленский сказал, что «нельзя поддерживать язык (имея в виду украинский язык) при помощи запретов и наказаний». И действительно, для русскоговорящей Одессы, как я убедился два года назад, до сих пор русскоговорящей, неприемлемо украинское телевидение, которое, согласно новому закону о языке, должно быть уже на 90% украинским; неприемлема идея обучения в школах и вузах только на украинском языке, строгий регламент для общественных мероприятий, которые, оказывается, должны проводиться только на украинском языке. По новому закону о языке все чиновники на Украине, даже в домоуправлениях, должны говорить только по-украински. И, повторяю, во втором туре от 30 до 40% избирателей, по данным различных экзитполов, голосовали не столько за комика Зеленского, сколько против националиста Порошенко и прежде всего против его политики насильственной украинизации уже независимой Украины. Так что министры Скоропадского были правы: даже если Украина станет независимой, она все равно останется двуязычной страной, никогда не выйдет умом и языком из русского мира.

Вместо заключения. Главные уроки неудачных попыток воплощения в жизнь «украинской идеи»

Мне думается, о причинах поражения «украинской идеи» во время УНР 1917–1919 годов важно знать еще и потому, что и сто лет спустя они все еще живы и проявили себя во время президентских выборов на Украине в 2019 году. Согласен с украинскими историками, которые утверждают, что если аутсайдеры составляют большинство нации, то они никогда не создадут национального государства. Этого, как я пытался показать, не понимал марксист и большевик В. Виниченко, который хотел соединить этническую украинскую идею с украинским беднейшим крестьянством. У нас в России люди, доходы которых ниже прожиточного минимума, составляют около 20 миллионов, то есть 15% населения. Но ведь на Украине нищих, бедных куда больше, и именно по этой причине значительная часть трудовой Украины, и прежде всего молодежь, выезжает на заработки в Европу и в Россию. Победа Зеленского, который в своей предвыборной кампании откровенно проигнорировал так называемые ценности украинского достоинства, еще раз говорит о том, что пока средний класс не составляет большинство, ни о каком полноценном национальном государстве не может идти речи.

Есть что-то общее между махновщиной, настроениями крестьян Гуляйполя, под руководством «батяки Махно» воевавших с гетманской Украиной и Директорией В. Виниченко и С. Петлюры, и настроениями тех, кто голосовал за Зеленского, который «никогда не был при власти». Ведь на самом деле большинство голосовавших против Порошенко руководствовались тем же украинским анархизмом. Это был протест не столько против коррупции, сколько против власти, против богатых людей. В первом случае мы имеем дело с вооруженной махновщиной, когда крестьянская украинская беднота с оружием в руках воюет с помещиками, кулаками, колонистами, вообще с образованными людьми. А во втором случае – в голосовании за Зеленского – проявился вообще протест против культуры, против всего, на чем держится человеческое общество. Ведь Зеленский привлекал к себе внимание не только потому, что «не был при власти», но и потому, что не имел ни малейшего представления ни об экономике, ни об украинской национальной культуре, не был этническим украинцем, не имел никакого отношения к Украинской православной церкви. Разве это не анархизм? Еще раз повторю: голосовали за Зеленского, ибо на самом деле в цивилизационном отношении он был никто. Он не предложил тем, кто его поддержал, программу, не обладал ни опытом, ни знанием, ни даже знанием национального языка, которое необходимо для руководителя государства. И это в условиях, когда идет война на Донбассе, когда на самом деле судьба страны висит на волоске. Махновщину еще можно оправдать: тогда не было никакой независимой Украины. А вот во время президентских выборов 2019 года независимая Украина существовала уже почти тридцать лет. Но, как видно, ее судьба не волновала три четверти избирателей, которые проголосовали за В. Зеленского.

Как только мы попытаемся вычленить уроки истории украинизации в восьми губерниях юго-запада Российской империи, населенных этническими украинцами, сталинской украинизации УССР и украинизации уже нынешней независимой Украины во времена Ющенко и после второго Майдана, то становится более-менее понятной судьба нынешней Украины. И после распада СССР, при появлении, согласно Беловежским соглашениям, независимого украинского государства, продолжалась конкуренция между всеми проектами «Украина», возникшими в 1917–1919 годах. Речь идет, во-первых, о проекте М. Грушевского и В. Виниченко о соединении идеи социализма с национальным этническим государством. Во-вторых, о проекте гетмана Скоропадского, предусматривавшем федеративные

отношения Украины с Россией, освободившейся от большевиков, и равные права украинского и русского языков. И третий проект – проект Симона Петлюры, предусматривавший создание буржуазной капиталистической национальной Украины, независимой от России и ориентированной на страны Антанты. Нельзя забывать, что Симон Петлюра состоял в той же масонской ложе, где видную роль играл Керенский.

Сразу можно сказать, что проект национального социализма В. Виниченко умер навсегда. Трагическая история национально-социалистических проектов известна. Да и марксистский социализм, который исповедовал В. Виниченко и который он хотел соединить с этнической идеей, вряд ли когда-нибудь станет государственной идеологией в Европе. А вот конкуренция между проектом П. Скоропадского и проектом Симона Петлюры продолжается по сей день.

Украина, которую строили Кучма, а потом Янукович, очень похожа на проект «Украина» П. Скоропадского. Кстати, и сегодня Медведчук соблазняет руководство России разговорами о возможном возрождении дружеских, партнерских отношений Украины и России, о превращении Украины в нейтральную страну. А вот проект Петра Порошенко, на мой взгляд, является попыткой воплощения в жизнь проекта Симона Петлюры. С одной стороны, независимость как независимость от России, с другой стороны – интеграция с Западом. Многие забыли, что Петлюра в последние дни существования УНР соглашался на превращение Украины в автономию Франции. При Петлюре судьба Украины зависела от верности ему сечевиков, галичан, которые во время войны 1914–1918 годов были частью австро-германской армии. Сегодня и при Порошенко, и при Зеленском независимость Украины зависит от готовности США продолжать политику перевооружения украинской армии.

Конечно, события 2014 года сыграли свою роль в том, чтобы проект Симона Петлюры ожил и начал активно внедряться в жизнь. Основой этого проекта было формирование антироссийской Украины. После 2014 года на Украине произошел взрыв антироссийских настроений, и это также способствовало тому, что курс на НАТО и интеграцию в Евросоюз был закреплен в Конституции Украины. Если при Януковиче только четверть населения поддерживала курс на НАТО, то сейчас уже 44%. И самое важное, что среди этих 44% украинцев подавляющее большинство составляет молодая Украина, украинцы, которые не жили в СССР. И поразительно, точно также 40–44% населения Украины считают себя полноценными западниками.

Правительство Скоропадского так и не создало национальную армию, дружину из добровольцев и активистов партии хлеборобов. Армия Петлюры сначала обладала многими дееспособными подразделениями, но спустя несколько месяцев после появления Директории большевизировалась и распалась. Сейчас ситуация качественно иная: гибридная война в Донбассе привела к появлению современной, дееспособной армии, оснащенной современным оружием. И, самое главное, как я уже сказал, США постоянно, из года в год финансируют модернизацию украинской армии. В этих условиях проект Медведчука и Бойко, проект воссоздания дружеских и партнерских отношений между Украиной и Россией, не имеет шансов.

И самое главное. Несмотря на то, что подавляющая часть населения Украины хочет прекращения военных действий в Донбассе, все-таки дух самой армии теперь уже достаточно силен. А ведь ничего подобного не было в начале 2014 года. По крайней мере украинская армия того времени не проявляла никакого желания воевать на Юго-Востоке. Теперь ситуация качественно изменилась. Через так называемое АТО прошли десятки тысяч людей, в том числе и добровольцы, которые четко демонстрируют ценность независимой Украины – они готовы с оружием в руках защищать не только ее территориальную целостность, но и достоинство. Антироссийский вектор в политике Порошенко сохранился

и при Зеленском прежде всего благодаря ветеранам АТО. Зеленский в вопросе минских соглашений не может перейти через «красную черту», которую ветераны АТО перед ним обозначили. В этом отношении нынешняя Украина, конечно, куда более прочна, чем Украина Януковича.

Так что по крайней мере две, даже три ценности «украинской идеи» были воплощены в жизнь при Петре Порошенко. Речь идет об армии, церкви, ориентации на Запад. Но тем не менее до сих пор нет устойчивой, стабильной, предсказуемой Украины. Хаос Украины 1917–1919 годов, колебания настроений в какой-то мере сохранились до сих пор. И свидетельством тому, как было сказано, является поражение Порошенко на президентских выборах 2019 года. Армия есть, есть гарант независимой Украины в лице Запада, но при этом «украинская идея» как идеология мало кого волнует. События 2014 года навсегда убили русский мир и сильно подорвали позиции РПЦ на территории Украины. В итоге, по крайней мере среди молодежи, почти нет пророссийских настроений, как, напомним, сокрушался недавно Никита Михалков, они «не хотят смотреть на Россию, а смотрят только на Запад». Русскоговорящая молодежь Одессы, как показывают опросы, в большинстве своем тоже не хочет смотреть в сторону РФ.

Но все же многие фундаментальные основания существования и развития национального государства за последние пять лет во время президентства Порошенко так и не были созданы. Нет до сих пор национальной идеи, исторических ценностей, героики прошлого, которые могли бы объединить Центральную Украину с Западной. Степан Бандера никогда не станет героем для русскоязычной Одессы, для все еще русскоязычного Харькова. И совсем не случайно как только В. Зеленский стал президентом, он сразу уволил директора Института национальной памяти, который насаждал в стране культ УНА – УНСО. Декоммунизация, которая, с точки зрения Петра Порошенко, должна была объединить восток и запад Украины и которая началась во время второго Майдана, во время сноса памятника Ленину рядом с Крещатиком, все равно куда менее популярна на востоке Украины, особенно в бывшей Новороссии, чем в бывшей Галичине. От сталинских репрессий в равной степени пострадали и Западная, и Восточная Украина, но тем не менее в Центральной Украине до сих пор сохраняются просталинские настроения, которые в Галичине в принципе невозможны. К примеру, лидер партии «За жизнь» Леонид Бойко рассказывал, что рабочие завода в Запорожье, перед которыми он выступал, требовали от него поставить на место памятник Сталину, снесенный еще при Хрущеве.

Признаком капитуляции попыток найти героику, которая могла бы объединить всю Украину, является предложение некоторых интеллектуалов-киевлян, которые активно поддерживали Зеленского на президентских выборах 2019 года. Они вообще предлагают строить идеологию новой независимой Украины не на прошлом, а на настоящем.

И еще один вопрос, еще одно свидетельство нерешенности украинской проблемы. Все-таки суверенное государство Украина есть. Но национальной элиты, которой не было в 1991 году, так и нет. И в этом отношении Украина 1917–1919 годов выглядит куда лучше, чем нынешняя независимая Украина. В руководстве первого украинского государства все же были выдающиеся личности, к примеру, историк М. Грушевский, писатель В. Виниченко, ученый с мировым именем В. Вернадский, блестящий русский философ В. Зеньковский. И даже С. Петлюра и П. Скоропадский несли в своей личности нечто значительное, историческое. А тут, не хочу никого обижать, в личностном отношении – какая-то пустота. Если бы тому же М. Грушевскому сказали, что президентом независимой Украины, о создании которой он мечтал, станет ничего не представляющий собой комик Зеленский, то он, наверное, отказался бы от «украинской идеи», которой посвятил всю жизнь. Хотя надо быть справедливым. Качество мышления интеллектуальной элиты современной Украины достаточно высокое и, на мой взгляд, ничем не уступает качеству мышления тех

интеллектуалов-политиков, которых мы, россияне, слушаем на телевидении и даже на «Эхе Москвы».

Но украинской элиты нет в том смысле, что она разобщена. Национальная элита существует тогда, когда есть запрос подавляющей части населения на ум, на мысль, когда человек способен восхищаться талантом, умом другого человека, ценить его как национальное достояние. И тут существует какое-то глубинное противоречие: пока нет национальной элиты, нет выдающихся личностей, которым можно поклоняться, можно уважать и, самое главное, можно верить, нет ни нации, ни национального государства. Но ведь не будет никакой национальной элиты, если у простых людей, у подавляющей части населения не будет потребности кому-то верить, кого-то слушать. И, на мой взгляд, трагедия современной Украины ничем не отличается от трагедии современной посткоммунистической России. И в России нет выдающихся личностей, с мнением которых считалась бы подавляющая часть общества. Андрею Сахарову поклонялась преимущественно либеральная советская интеллигенция, как правило – наследники «шестидесятничества». Александру Солженицыну поклонялась антисоветски настроенная интеллигенция. Но ни Андрей Сахаров, ни Александр Солженицын не были безусловными духовными авторитетами для всего общества.

В этом качественное различие между, к примеру, социалистической Польшей и поздним СССР. Для поляков, в силу особенностей их мировоззрения, безусловным авторитетом были руководители польского Костела, я уже не говорю о том, что для них был и навсегда останется в истории безусловным авторитетом кардинал Войтыла, который стал Папой Римским Иоанном-Павлом II. Обратите внимание, решающую роль в событиях последних десятилетий социалистической Польши сыграли именно примасы – руководители польской Католической церкви. За революцией «Солидарности», несомненно, стоит личность кардинала Вышинского, за «Круглым столом» апреля 1989 года, который спровоцировал распад социализма не только в Польше, но и в Восточной Европе, несомненно, стоял кардинал Глемп. А трагедия Русской православной церкви состоит в том, что в силу принципа Софии, принципа единства церкви и власти, она не может играть существенную роль в стране, не может родить национального лидера. И если учесть, что и в России, и особенно в Украине существует настороженное отношение населения к власти, то дистанция от власти неизбежно и автоматически переносится на дистанцию от церкви. Руководитель уже независимой Православной церкви Украины Епифаний дважды обратился к украинскому народу с просьбой поддержать на выборах Петра Порошенко, который «совершил чудо» – добился автокефалии для канонически непризнанной Украинской православной церкви Киевского патриархата. Но Епифания никто не услышал. И только греко-католики, униаты Западной Украины, в подавляющем большинстве проголосовали за Петра Порошенко.

То есть в современной посткоммунистической Украине практически нет ничего, на чем основана современная европейская нация – ни мифов, ни общего национального языка, ни героики прошлого, общих для всего населения страны, хотя бы для украинского этноса. Нет безусловных авторитетов, с мнением которых считалось бы население страны, и самое главное, о чем я уже сказал, нет потребности у простого украинца кого-то слушать, кому-то верить. Никогда Украина не станет стабильным государством, пока не решит вопрос о языке. В той или иной форме исходное непреодолимое двуязычие должно быть, на мой взгляд, закреплено в Конституции Украины. Компромиссной формой может быть возвращение к закону о региональных языках времен Януковича.

И теперь самая главная слабость нынешней независимой Украины, о чем я уже говорил несколько раз: так и не преодоленная бедность подавляющей части населения и прежде всего населения сельского. Здесь трагический опыт УНР, Украины Винниченко и

Петлюры, имеет особое значение для понимания того, что произошло в Украине на прошедших президентских выборах. Не может быть современного национального государства в точном смысле этого слова, когда все мысли и заботы подавляющей части населения вертятся вокруг проблемы цены на газ и свет.

Литература

1. *Винниченко В.* Відродження нації: в 2 ч. Київ: Відень, 1920.
2. *Савченко В.* Сімон Петлюра. Київ: Нора друк, 2017.
3. *Троцкий Л.* История русской революции. Нью-Йорк: Monad Press, 1976.
4. *Яневський, Данило.* Проект «УКРАЇНА», або Спроба Павла Скоропадського. Харків: Фоліо, 2010.
5. *Яневський, Данило.* Проект «УКРАЇНА», або Тэмниця Михайла Грушевського. Харків: Фоліо, 2010.
6. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. Киев: Т-во И.Н. Кушнарев и К^о, 1912.
7. *Грушевский М.* Очерк истории украинского народа. СПб.: Общественная польза, 1906.
8. *Хміль І., Куташов І.* Наростанне селяньского екстремизму в Україні (Березень – Жовтень, 1917 р.). Київ, 2002.
9. Украинская государственность в XX веке: Историко-политологический анализ. Киев: Політична думка, 1996.
10. *Махно, Нестор.* Воспоминания. М.: Пятый Рим, 2017.
11. *Липинський В.* Листы до братів-хліборобів. Видання друге. Нью-Йорк: Булава, 1954.
12. Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год. М.: РОССПЭН, 2014.
13. *Ульянов Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма. Нью-Йорк, 1966.
14. *Трубецкой Н.С.* Избранное. М.: РОССПЭН, 2010.
15. *Щеголев С.* Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. Киев: Т-во И.Н. Кушнарев и К^о, 1912.
16. *Борисенко Е.* Проект «УКРАЇНА», або Тэмниця Михайла Грушевського. Харків: Фоліо, 2010.
17. *Борисёнок Елена.* Феномен советской украинизации. М.: Европа, 2006.
18. *Ленин В.И.* Письмо С.Г. Шаумяну. 6 декабря 1913 г. / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. Т. 48. М.: Изд-во политической литературы, 1970.
19. *Сталин И.В.* Марксизм и национально-политический вопрос: Сб. статей и речей. М., 1937.
20. *Малинкович В.* Дорога на Майдан. М.: Весь мир, 2017.

Анотація. Стаття посвящена дослідженню і авторському прочтенню трьох спроб насильственої українізації Малоросії: в період революційних подій 1917–1919 років, в сталинський період 20-х – початку 30-х років ХХ століття, а також в період 2014–2019 років, коли президентом України був П. Порошенко. Всі вони супроводжувалися конкуренцією декількох «проектів «Україна»», сформованих ще на ранній стадії експериментів з української державністю, обумовлених розпадом Російської імперії. Автор на сучасному матеріалі показує, що конкуренція цих проектів продовжується і понині, а сама ідея української національної державності так і не втілюється в реальність, залишаючись маніфестом української інтелігенції. Проводя відповідні паралелі з подіями в Білорусії, автор відзначає білоруську інтелігенцію як головного драйвера сепаратистських по відношенню до Росії настроїв, тоді як основна маса населення не несе в своєму свідомості національну ідею, рівно як і населення України в попередні роки.

Ключові слова: українізація, українська ідея, Малоросія, Російський світ.

Alexander S. Tsipko, PhD in Philosophy, Senior Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Member of the ISEPR Expert's Council. E-mail: astsipko@yandex.ru

The Lessons of the Three Forcible Ukrainizations of Little Russia (1917 – 1919, 1920s – Beginning of 1930s, 2014 – 2019)

Abstract. The article is devoted to the research and author's interpretation of the three attempts to forcibly Ukrainize Little Russia, namely in the revolutionary period 1917 – 1919, in the period of Stalin reign in the 1920s and the beginning of the 1930s of the 20th century and also in the period of 2014 – 2019 during Peter Poroshenko's presidency. All the attempts were accompanied by several competing "Ukraine projects" formed at the early stages of the experiments with the Ukrainian state system caused by the collapse of the Russian Empire. Using the contemporary material the author shows that the competence of those projects still continues nowadays and the idea of national Ukrainian statehood has failed to become real and remains just the declaration of the Ukrainian intelligentsia. The author draws corresponding parallels with the events in Belarus and considers Belorussian intelligentsia the main driving force of the separatist sentiments towards Russia, when the basic mass of the population does not support the nationalistic idea like the population of the Ukraine in the previous years.

Keywords: Ukrainization, the Ukrainian Idea, Little Russia, Russian World.

Памяти ученого

{ Раздел пятый }

*М.А. Маслин, А.А. Волконская
Концепция русского консервативного романтизма Андрея Валицкого*

Концепция русского консервативного романтизма Анджея Валицкого

20 августа 2020 года на 91-м году жизни скончался всемирно известный историк русской мысли, член Польской академии наук Анджей Валицкий. К русским переводам его книг, пользующихся в России большой академической известностью, таких как «Философия права русского либерализма» [1] и «История русской мысли от просвещения до марксизма» [2], в 2019 году добавился перевод докторской диссертации польского ученого, защищенной еще в 1963 году в Варшаве, – «В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства» [3]. Эта книга оказалась последней, изданной в России при жизни ученого. В советское время она никогда полностью не публиковалась, если не считать ее малотиражных сокращенных изложений в реферативных сборниках ИНИОН АН СССР. Валицкий вспоминал, что во время посещения Академии общественных наук при ЦК КПСС он предложил книгу «В кругу консервативной утопии» для издания в СССР, но получил решительный отказ. Советский партийно-идеологический контроль в области историографии русской мысли предполагал исключение проблематики консерватизма из сферы научного исследования. Консерватизм как таковой априори подлежал осуждению на том основании, что в любых формах, согласно индоктринации советского марксизма, он являлся апологией самодержавия, реакции и такого «тягчайшего греха», как русский национализм. (Хотя в действительности между консерватизмом и национализмом невозможно поставить знак равенства; например, известнейший и наиболее влиятельный консерватор XIX века М.Н. Катков был принципиальным противником и критиком национализма.)

В монографии «В кругу консервативной утопии» А. Валицкий предложил кардинально иной подход к изучению славянофильства, принципиально отличный от принятого в советском марксизме. Он делает акцент на необходимости понимания консерватизма в целом и философии славянофилов в частности как производных не от какой-либо политической позиции, а как типа мировоззрения, определяемого здесь следующим образом: «Под мировоззрением мы понимаем целостное видение мира – осмысленную структуру, систему гносеологических, этических и эстетических ценностей, внутренне согласованную в рамках присущего ей стиля» [3, с. 33]. Именно единое мировоззрение, отнюдь не отрицающее существования определенных различий между отдельными славянофилами, объединило мыслителей круга консервативной утопии.

Среди персоналий этого круга не только представители собственно славянофилов – Иван Киреевский, Алексей Хомяков, Константин Аксаков, но и те мыслители, которые

Маслин Михаил Александрович, доктор философских наук, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, зав. кафедрой истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: mmaslin@yandex.ru

Волконская Алёна Андреевна, аспирантка кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: alyonavolkonskaya@yandex.ru.

выступают, по Валицкому, в качестве их предшественников, а именно М.М. Щербатов и Н.М. Карамзин. Отдельное внимание Валицкий уделяет философам, занимающим в интеллектуальной истории собственную, не славянофильскую позицию – таким как В.Ф. Одоевский и П.Я. Чаадаев. Первый включен в качестве автора философского романа «Русские ночи», на страницах которого нашли отражение идейные искания, близкие будущему славянофильству, а второй рассматривается как оппонент славянофилам и симпатизант западничеству, причем выпадение России из западного исторического опыта оценивалось Чаадаевым как реальный консервативный ресурс, могущий обернуться особой привилегией «непохожести», возможности следовать своим путем, не повторяя западных ошибок.

Общий подход Валицкого нельзя не приветствовать, в его основе лежит понимание русского консерватизма как интегрального идейного явления, имеющего немало внутренних и внешних сходств с немецким консервативным романтизмом. Не случайны симпатии к немецкой консервативной философии со стороны славянофильства, с которой, собственно, и начиналось оформление этого направления. Менее известны факты обратного влияния русского консерватизма на немецкий, приводимые Валицким. Среди них общение Франца Баадера с С.П. Шевыревым, И.В. Киреевским и С.С. Уваровым, вызванное обеспокоенностью упадком христианства на Западе и надеждами на то, что Россия могла бы содействовать духовному возрождению Европы.

А. Валицкий не только раскрыл ключевые идеи философии славянофильства – И. Киреевского, А. Хомякова и К. Аксакова, Ю. Самарина и А. Кошелева, но и не оставил без внимания историко-культурный контекст, предвосхитивший их появление. При этом авторская трактовка понятия «консервативной утопии» не сводится Валицким лишь к раскрытию конкретных формальных опытов построения утопий в духе родоначальника данного жанра Томаса Мора. Хотя и таковые тоже находят свое отражение в книге (например, утопия князя Щербатова «Путешествие в землю Офирскую...»).

Поскольку речь идет о консервативном мировоззрении, его трактовка не укладывается в определение этого мировоззрения как «идеологии, выполняющей *консервативную функцию* по отношению к существующей действительности» [3, с. 39]. Консерватизм по Валицкому – это мировоззрение и стиль мышления, противостоящие буржуазному либерализму и рационалистически-просветительской философии, сформировавшиеся в виде различных концепций консервативного философского романтизма. В состав мировоззрения и стиля консервативного романтизма входят идеи не только таких признанных консерваторов как Н.Я. Данилевский, но также идеи А.И. Герцена и народников, причем в «русском социализме» обнаруживается «особенно отчетливо и непосредственно осязаемо» связь между народнической и славянофильской утопией.

Выдвижение в центр внимания не политико-идеологических, а философско-мировоззренческих измерений консерватизма Валицкий объясняет спецификой российской ситуации. В России до начала XX века не было не только консервативных, но и вообще каких-либо политических партий, и потому любые программы социальных преобразований за невозможностью их реализации в политической практике неизбежно принимали форму утопических философских конструкций, ибо «на утопичность их обрекала сама эта действительность, делавшая невозможной реальную борьбу за конкретные политические цели» [3, с. 516]. Именно эта специфика служит объяснением ключевых слов, вынесенных в название книги, – «в кругу консервативной утопии». В этот круг в силу исторически сложившейся особенности самого существования философской мысли в России Валицкий включает не только идейные образования традиционалистского типа, характеризующиеся легитимизмом и охранительством, но также и те идеи, которые отнюдь не нацелены на консервацию устоев, в том числе русский социализм Герцена и философия всеединства Соловьева. В указанном смысле и левые, и правые, и либералы-западники оказались в

одном кругу консервативной утопии, составляя вместе то, что Валицкий впоследствии назвал единым «потоком идей» русской мысли.

А. Валицкий как историк русской философии выстраивает последовательную цепочку причинно-следственных связей, где нет случайных фигур, а все элементы цепи, несмотря на видимую обособленность, всё же остаются внутренне тесно взаимосвязанными. Подход ученого к освещению истории русской мысли как внутренне связанной общей национальной почвой цельности, не признающей методологию пресловутой советской партийности, выстроенной на основе якобы «непримиримого» партийно-политического противостояния, представляется весьма интересным и креативным.

Что касается упадка славянофильства и прекращения его существования как относительно целостного идейно-философского течения, Валицкий разделяет мнение большинства исследователей – конец славянофильства приходится на 60-е годы XIX века. Однако исследователь подчеркивает: несмотря на то, что славянофильство закончило существование как своеобразное течение русской мысли, славянофильские идеи получили свое продолжение в иных идейных направлениях – таких как народничество, почвенничество, в философских взглядах Вл. Соловьева и А. Герцена. Преимуществом труда А. Валицкого является тот факт, что им были развенчаны многие мифы о содержании взглядов как славянофилов, так и западников. Работа Валицкого завершается описанием концепции «русского социализма» А. Герцена, где польский исследователь высказывает весьма нетипичную точку зрения о близости мировоззрения Герцена к славянофилам. Среди качественных советских работ о Герцене (других до сих пор не появилось) можно выделить монографии З. Смирновой и А. Володина, которые упоминают о русском социализме Герцена, но рассматривают его лишь как мимолетный этап его биографии, связанный с разочарованием в преобразовательных способностях французской революции. Польский исследователь совершенно верно подчеркивает, что проект социализма был осмысленным решением Герцена, к которому он пришел не без влияния славянофилов. А.И. Герцен в обращении к Ю.Ф. Самарину подчеркивал, что их объединяет общая любовь к Родине, отношение к русскому народу и стремление участвовать в его судьбе. На этом основании славянофилы и западники смогли подать друг другу руку.

Работу Валицкого отличает не только своеобразный подход к изучению историко-культурного контекста, в рамках которого возникло и расцвело славянофильство. А. Валицкий выдвигает тезис, согласно которому славянофилы, традиционно рассматриваемые как антагонисты всему западному, являются вместе с тем органичной частью общеевропейского культурного наследия в виде «русской версии» немецкого консервативного романтизма, «возникшего как ответ на рационалистически-индивидуалистическую философию Просвещения, Великую Французскую революцию и индустриальную революцию в Англии» [3, с. 212]. Автором проводится параллель между совершенно несовместимыми на первый взгляд направлениями мысли – славянофильством и социологической теорией Ф. Тённиса и М. Вебера.

Ядром социологии Тённиса является разграничение понятий *Gemeinschaft* (общности) и *Gesellschaft* (общества), для каждого из которых свойствен определенный тип социальных отношений. В первом случае речь идет о естественных, доверительных или родственных связях между людьми, преобладающих в общине, племени или клане, где воля доминирует над мышлением. Такое общество развивается органически, не испытывая внешнего влияния. Второй тип характерен для современных капиталистических обществ, построенных на основе рациональных связей и регулирующих их социальных институтов. Личность относится к другому человеку как чуждому, необходимость взаимодействия с которым спровоцирована пронизывающей социум системой механического сосуществования индивидов. Здесь мышление имеет главенствующее положение по отношению к воле.

Именно в этом противопоставлении «общности» и «общества» А. Валицкий видит сходство между философией славянофилов в лице И. Киреевского и социологией Ф. Тённиса.

Более того, близость взглядов распространяется и на гносеологическую сферу: Тённис, как и Киреевский полагал, что рациональное знание сводит живое к мертвому, что «живая», «органическая» действительность недоступна рациональному познанию. Последствия рационализации «общности», превращения ее в искусственное образование, разрушения сложной системы социальных связей, повсеместной индивидуализации были последовательно разобраны и подвергнуты критике славянофилами задолго до появления концепции Ф. Тённиса. В частности в работе «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» И. Киреевский настаивает на заведомо гибельном для европейской культуры выборе рационально-индивидуалистического пути развития [4]. Об этом свидетельствует возникновение европейского права прежде сформировавшегося общественного уклада ситуативной морали «среднего европейца», примата единичного над общим. Здесь славянофилы крайне близки к взглядам М. Вебера, отмечавшего, что процесс «расколдовывания мира» – феномен исключительно западный, берущий свое начало еще в античности. Валицкий подчеркивает, что данный факт иллюстрирует не отсталое, а опережающее развитие русской философии в понимании определенных социальных трансформаций. Таким образом, славянофильство в 1840-х годах выступило как антикапиталистическая консервативная утопия, защищающая *Gemeinschaft* от «расколдовывания» и превращения в *Gesellschaft* – явление именно европейской культуры.

Сопоставление взглядов отечественных мыслителей с творчеством представителей немецкой социологии позволило взглянуть по-новому на место и роль славянофилов не только в истории русской, но и европейской философии. По признанию самого А. Валицкого, ключевой задачей книги, помимо стремления познакомить западных исследователей с русскими мыслителями, о коих, к сожалению, на Западе известно по-прежнему мало, стало желание развеять европейские представления о России как об отсталой цивилизации.

Смерть Анджея Валицкого – утрата невозполнимая. Умер «последний из могикан», лидер научного западного руссиеведения, распространитель неискаженных и научно достоверных сведений о России во многих странах. К сожалению, практически незамеченной российской научной гуманитаристикой осталась последняя прижизненная книга Валицкого под названием «О России иначе» [5], вышедшая на польском языке в 2019 году.

То, что последняя книга выдающегося знатока России осталась «незамеченной», выглядит немой и красноречивым укором в сторону разного рода праздных и пустых пропагандистских разговоров о необходимости использования «мягкой силы» для создания положительного образа России за рубежом. Их расплодилось великое множество. Как правило, эта болтовня направлена в сторону самовосхваления всего «нашего» и отрицания всего «ихнего». Невежественная российская пропаганда совершенно не знает о существовании зарубежных союзников русской культуры и философии.

Само название книги свидетельствует о том, что она направлена против господствующей в Польше русофобии, за что Валицкого ненавидели польские власти, хотя он и являлся действительным членом Польской академии наук. После длительной работы за рубежом Валицкий в 2005 году вернулся в Польшу и был удостоен высокой польской правительственной награды вместе со знаменитым режиссером Анджеем Вайдой и выдающимся композитором и дирижером Кшиштофом Пендерецким. Ожидалось, что «специалист по России номер один» станет таким же «специалистом по русофобии» и присоединится к хору ненавистников России. Эти ожидания были мотивированы тем, что Валицкий приобрел на Западе большую научную известность, став

в 1998 году лауреатом престижной премии Бальцана, которую он получил в Риме из рук президента Итальянской Республики.

Но не тут-то было. Человек, вся жизнь которого, по его собственному признанию, «была эмоционально связана с Россией», вовсе не собирался заниматься ее очернением. В конце прошлого 2019 года в Варшаве состоялась презентация последней опубликованной на польском языке книги академика Анджея Валицкого. Польский обозреватель Матеуш Пискорский, автор посвященной этому событию статьи на портале «Eurasia Daily» опубликованной 17 декабря 2019 года, подчеркнул, что выход в свет последней книги Валицкого перерастает рамки научного события и является своего рода вызовом польскому правящему политикуму, проводящему «глубоко ошибочную восточную политику», как ее охарактеризовал сам автор в своем вступительном слове к презентации книги [6].

Заглавие данной книги, представляющей собой сборник философско-публицистических статей академика, опубликованных в последние годы в различных польских журналах, можно считать эпиграфом ко всему написанному Валицким о России, характерным определением оригинальной авторской концепции русской интеллектуальной истории, созданной выдающимся польским ученым [5].

Литература

1. *Валицкий А.* Философия права русского либерализма: пер. с англ. О.В. Овчинниковой, О.Р. Пазухиной, С.Л. Чижкова, Н.А. Чистяковой / под науч. ред. С.Л. Чижкова. М.: Мысль, 2012. 567 с.
2. *Валицкий А.* История русской мысли от Просвещения до марксизма: пер. с англ. М.: Канон+, 2013. 480 с.
3. *Валицкий А.* В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства: пер. с польск. К. Душенко. М.: НЛО, 2019. 704 с.
4. *Киреевский И.В.* О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России [рукопись]: статья; черновой автограф. [Б.м.], 1850–1852. 16 л.
5. *Walicki A.* O Rosji Inaczej. Fundacja Oratio Recta. Warszawa, 2019. 363 s.
6. *Пискорский М.* «О России иначе»: в Варшаве презентована книга Анджея Валицкого [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2019/12/17/o-rossii-inache-v-varshave-prezentovana-kniga-andzheya-valickogo>

Аннотация. Статья является рецензией на книгу Анджея Валицкого «В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства», вышедшую в русском переводе за год до смерти ее автора – всемирно известного историка русской мысли, академика Польской Академии наук. В основе книги лежит оригинальная авторская концепция русского консерватизма, отразившая национальное своеобразие русской философии XVIII–XIX веков. Согласно Валицкому, сущность консерватизма состоит не в легитимизме и сохранении существующего социального и государственного порядка, а в определенном мировоззрении и стиле мышления, противостоящем либерализму и рационалистической просветительской философии, сформировавшимся в виде различных концепций консервативного философского романтизма. В его состав входят идеи славянофилов, А. Григорьева, В. Одоевского, К. Леонтьева, А. Герцена, Вл. Соловьева и др.

Ключевые слова: А. Валицкий, славянофильство, консерватизм, русская мысль.

Mikhail A. Maslin, PhD in Philosophy; Professor Emeritus, Head, Russian Philosophy History Department, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University. E-mail: mmaslin@yandex.ru

Alena A. Volkonskaya, Post-graduate Student, Russian Philosophy History Department, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University. E-mail: alyonavolkonskaya@yandex.ru

Russian Conservative Romanticism Concept of Andrzej Walicki

Abstract. The present article gives a review of the book “In the Circle of Conservative Utopia. Structure and Metamorphoses of Russian Slavophilism” by the world-known historian of Russian thought and member of the Polish Academy of Sciences Andrzej Walicki, that was published in Russian translation one year before the death of its author. The book is based on the original author’s conception of Russian conservatism reflecting the national peculiarities of Russian philosophy in the 18th and 19th centuries. According to Walicki, the essence of conservatism consists not in the legitimism and protection of the existing social and state order, but in the certain worldview and thinking style that oppose liberalism and rationalistic philosophy of the Enlightenment represented as various concepts of conservative philosophic romanticism. Those concepts were reflected in the ideas of the Slavophiles A. Grigoriev, V. Odoevsky, K. Leontiev, A. Herzen, V. Soloviev and others.

Keywords: A. Walicki, Slavophilism, Conservatism, Russian Thought.

Альманах
Тетради по консерватизму
№ 2 2020

Редактор
Е.М. Кострова

Тематический редактор
А. Д. Гронский

Художественное оформление
В.И. Кучмин

Компьютерная верстка
А.В. Талалаевский

<http://www.essaysonconservatism.ru/>
tetradipokonservatizmu@gmail.com

Подписано в печать 03.08.2020. Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 58
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
127282 Москва, Полярная ул., д. 31В, стр. 1.
Тел. 8 (495) 685-93-18